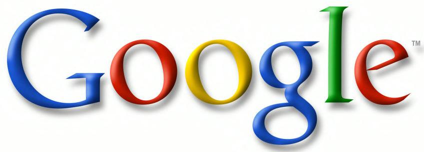
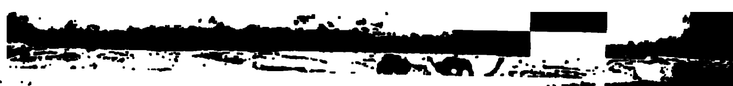

Всеволода Миллера.

ЭКСКУРСЫ

ВЪ

ОБЛАСТЬ РУССКАГО НАРОДНАГО ЭПОСА.

I—VIII.

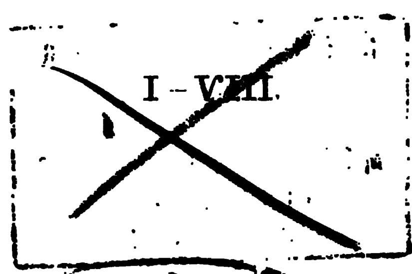
МОСКВА.
Типографія Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Высочайше утвержд. Т-ва Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсона.
1892.

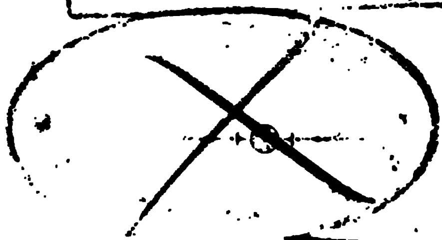
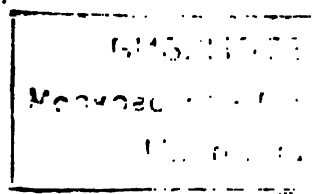
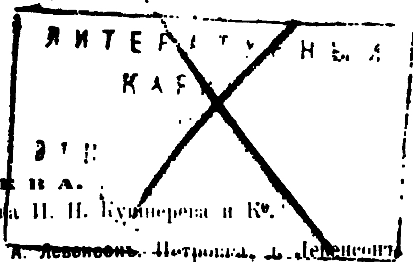
Всеволода Миллера.

ЭКСКУРСЫ

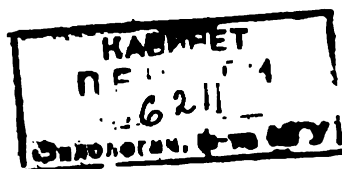
ВЪ

ОБЛАСТЬ РУССКАГО НАРОДНАГО ЭПОСА.

I–VIII.

МОСКВА.
Типографія Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнерева и К°.
Высочайше утвержден. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Петровка, д. Левенсона.
1892.

КАБИНЕТ
П
6211
Филологич. ф-та МГУ

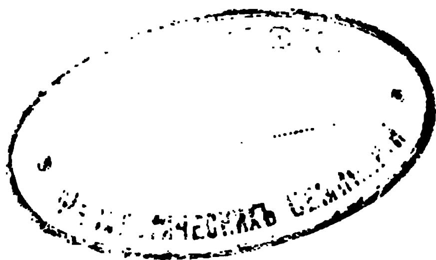
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Академику Александру Николаевичу

Веселовскому.

Отъ разныхъ народовъ наслышалась пѣсенъ древняя Русь, и, можетъ быть, многіе звуки изъ тѣхъ пѣсенъ отзывались въ пѣніи русскомъ. Однако источникомъ поэзіи русской было собственное **живое чувство**: ее „зарождаетъ души глубина!" (М. А. Максимовичъ — О народн. историч. поэзіи въ древней Руси.)

Народный эпосъ всякаго **историческаго** народа по необходимости **международный** (А. Н. Веселовскій—Южно-русскія былины).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Названіе „Экскурсы", подъ которымъ я выпускаю свои изслѣдованія въ области русскаго народнаго эпоса, не указываетъ на характеръ работы, но имѣетъ отношеніе только къ моимъ личнымъ научнымъ занятіямъ, которыя лишь по-временамъ направляются въ эту область, хотя самый методъ работы—сравнительно-историческій—мнѣ постоянно приходится употреблять въ другихъ смежныхъ областяхъ—языкознаніи и сравнительной этнографіи.

Не имѣя возможности, при занятіяхъ другими предметами, сосредоточиваться безъ перерывовъ на спеціальномъ изученіи русскаго эпоса, я однако постоянно слѣдилъ за чужими работами въ этой области и вмѣстѣ съ тѣмъ при случаѣ отмѣчалъ всѣ тѣ матеріалы для сравненій, которые мнѣ встрѣчались въ литературѣ народныхъ сказаній и могли, на мой взглядъ, быть утилизованы при разработкѣ исторіи нашихъ былинныхъ сюжетовъ. Такимъ образомъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія у меня накопилось немало отдѣльныхъ замѣтокъ и какъ то сами собою сложились тѣ взгляды на русскій былевой эпосъ и на его главнаго богатыря, которые я развиваю въ „Экскурсахъ". Не скрою, что на эти взгляды оказало особенное вліяніе изученіе народной словесности Ирана и Кавказа, къ которымъ уже давно направлены мои научныя симпатіи. Поэтому, чтобъ дать читателю возможность подойти къ нашему эпосу съ той стороны, съ которой я самъ подошелъ къ нему, я счелъ нелишнимъ, въ видѣ приложенія къ „Экскурсамъ," помѣстить двѣ мои работы по кавказскимъ народнымъ сказаніямъ, напечатанныя раньше въ „Этнографическомъ

Обозрѣніи“. Быть можетъ, если читатель посмотритъ на нашъ эпосъ подъ этимъ угломъ зрѣнія, моя гипотеза представится ему болѣе доказательной и убѣдительной, если вообще можно говорить объ убѣдительности въ такой области, которая до сихъ поръ полна вопросительныхъ знаковъ. Но именно эти знаки придаютъ ей необычайную заманчивость....

Нашъ былевой эпосъ представляется мнѣ грандіозной развалиной, обширнымъ многовѣковымъ сооруженіемъ, полнымъ таинственныхъ ходовъ и переходовъ, съ пристройками и надстройками отъ разныхъ временъ. Въ этомъ зданіи жили нѣкогда князья, пристраивая къ нему терема и вышки, украшая его византійской мусіей и восточными коврами. Въ свое время пограбили въ немъ половцы и татары: въ свое время проживали въ немъ московскіе бояре, ночевали казаки и наконецъ въ коекакихъ еще обитаемыхъ закутахъ устроился неприхотливый олонецкій крестьянинъ. И вотъ, бродя по загадочной руинѣ, археологъ открываетъ слѣды разныхъ эпохъ, разныхъ наслоеній: то передъ нимъ византійская фреска, то восточный орнаментъ, то расписанный сводъ московской палаты, то деревянная крестьянская клѣть, а въ тайникахъ онъ въ изумленіи находитъ цѣлый складъ любопытнѣйшихъ предметовъ: тутъ рядомъ лежатъ и колпакъ земли греческой, и палица боевая въ 90 пудъ, и восточный куякъ, и гусли яворчатыя, и трубки нѣмецкія и т. п. Какое необозримое поле для изслѣдованій представляетъ эта удивительная постройка! Когда она была открыта, цѣлое поколѣніе изслѣдователей еще бродило подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія: оно было поразительно. Мысль невольно окрылялась, хотѣлось скорѣй найти такой пунктъ, съ котораго можно было бы обнять все зданіе однимъ взоромъ, сразу понять его планъ, уяснить его происхожденіе. Это поколѣніе старалось отгадать идею строителей, не пускаясь пока въ слишкомъ пристальное изученіе частностей, и, какъ всегда бываетъ при началѣ разработки *новаго матеріала,* объясненія были слишкомъ поспѣшны,

широки и вмѣстѣ односторонни. Наиболѣе прочнымъ въ работахъ перваго поколѣнія осталось указаніе тѣхъ слѣдовъ исторіи, которые доселѣ сохранились въ нашемъ былевомъ эпосѣ, хотя и здѣсь встрѣчались увлеченія. Нашему поколѣнію предстояло приступить къ изученію деталей и въ этомъ направленіи уже кое-что сдѣлано. Но нельзя думать, что главная работа уже окончена: она только что начата, и еще не одно поколѣніе будетъ работать надъ тѣми же вопросами, на которые наше старается дать посильный отвѣтъ. Впрочемъ, при томъ интересѣ, который не изсякаетъ къ изслѣдованію русскаго эпоса, этого драгоцѣннѣйшаго народнаго достоянія, можно надѣяться, что уже ближайшему поколѣнію изслѣдователей удастся уяснить многое изъ того, что для насъ представляется загадочнымъ.

Прибавлю въ заключеніе, что если мнѣ лично удалось сдѣлать нѣсколько вѣрныхъ шаговъ въ этомъ замысловатомъ лабиринтѣ, я считаю мою долю въ общую работу внесенной, и если бы эта доля оказалась и незначительной, я все же буду доволенъ, что предпринялъ свои экскурсы, потому что самый процессъ работы надъ интереснѣйшимъ матеріаломъ доставлялъ мнѣ высочайшее наслажденіе.

Вс. М.

Оглавленіе.

линныхъ деталей: мотивъ „маханія татариномъ“. Сходство въ этомъ пріемѣ между Ильей и Рустемомъ. Калинъ-царь и персидскій Калунъ. Иранскія сказанія въ обработкѣ Фирдоуси. Параллель между Рустемомъ и Исфендіаромъ. Семь „заставъ“ Рустема и Исфендіара. Ауладъ и Кергсаръ. Столкновеніе Рустема съ Исфендіаромъ.

Экскурсъ IV. *Поѣздки Ильи Муромца*. Стр. 85—117.

Сопоставленіе первой поѣздки Ильи въ Кіевъ съ поѣздкой Рустема въ Мазендеранъ и Исфендіара въ Мѣдный замокъ. Заставы на кратчайшемъ пути. Препятствія природы: горы и воды. Соловей-разбойникъ, какъ птица, и персидскій Симургъ. Соловей-разбойникъ, какъ богатырь и помощникъ Ильи. Взглядъ акад. Ягича на типъ Соловья-разбойника. Мнѣніе акад. Буслаева. Сходство Соловья-разбойника съ Ауладомъ и Кергсаромъ. Попытка объясненія мозаичности типа Соловья-разбойника. Стрѣляніе въ глазъ Соловью и иранская параллель. Встрѣча Ильи съ коварной дѣвицей и Рустема съ колдуньей. Сходство коварной дѣвицы съ дочерью Соловья-разбойника. Сидѣніе Ильи въ погребѣ и Исфендіара въ темницѣ. „Подкопы“ въ былинахъ объ Ильѣ и въ сказаніи о Рустемѣ.

Экскурсъ V. *Бой отца съ сыномъ*. Стр. 117—152.

Содержаніе этого сказанія въ изложеніи Фирдоуси. I. Происхожденіе богатырскаго сына. II. Похожденія сына до встрѣчи съ отцемъ. III. Бой Сохраба съ Рустемомъ. Былинныя параллели: I. Происхожденіе сына. II. Выѣздъ сына на поиски отца. III. Обстоятельства, предшествующія бою отца съ сыномъ. IV. Бой отца съ сыномъ. Взглядъ акад. Веселовскаго на былинныя редакціи сказанія и германскія параллели. Основная схема былинныхъ пересказовъ. Кавказскія параллели. Кельтскій пересказъ сюжета о боѣ отца съ сыномъ. Эстонскій и киргизскій пересказы того же сюжета. Черты детальнаго сходства между русскимъ пересказомъ и иранскимъ.

Экскурсъ VI. *Сказка о Еруслан Лазаревичѣ*. Стр. 152—172.

Изложеніе ея содержанія по редакціи списка Ундольскаго. Основа сказки—два эпизода Рустеміады. Вставки I-я и II-я и ихъ кавказская паралелль. Похожденіе Еруслана съ прекрасными царевнами и параллельныя черты въ Рустеміадѣ и былинахъ объ Ильѣ. Сторожъ Ивашко и Соловей-разбойникъ. Змѣеборство Еруслана и Ильи въ сказкахъ. Бой Еруслана съ сыномъ. Два популярнѣйшіе эпизода Рустеміады за предѣлами Ирана и ихъ отголоски въ былинахъ объ Ильѣ и въ сказкѣ о Ерусланѣ. Финская сказка объ Ильѣ. Тюркская передѣлка иранскихъ эпическихъ сюжетовъ.

Приложеніе.

метная. Илья и исполинскій костякъ. Илья и Идолище. Баба Горынинка. Сходство Ильи съ Урызмагомъ. Насранжаке. Сказаніе о смерти Батраза и Ильи. Добрыня и Урызмэгъ. Добрыня въ отъѣздѣ и Ашикъ Керибъ. Побывальщина о Данилѣ безчастномъ и ея кавказскія параллели. Потыкъ Михайловичъ, кабардинскій Сосруко и чеченскій Орзми. Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и осетинская параллель. Роль степныхъ кочевниковъ въ распространеніи сказаній. Историческія отношенія Кавказа и Руси. Вліяніе тюрковъ на сѣверномъ Кавказѣ.

II. *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ*, стр. 37—69.

Распространенность иранскихъ эпическихъ сказаній въ Арменіи въ V-омъ вѣкѣ. Отношенія Закавказья къ Ирану при Ахеменидахъ, Аршакидахъ и Сасанидахъ. Борьба Христіанства съ религіей Заратуштры. Иранскія божества въ Грузіи. Вліяніе Персіи на Иберію и Албанію. Популярность персидскихъ героевъ Рустема и Бежана на Кавказѣ. Сванетское сказаніе о Ростомѣ и отношеніе его къ персидскому у Фирдоуси. Пшавское сказаніе о Ростомѣ. Вліяніе на него сказанія о Дареджанахъ. Имеретинское сказаніе о Ростомѣ. Осетинское сказаніе о немъ же. Персидское сказаніе о Биженѣ и Менижэ у Фирдоуси и отголоски его въ сказаніяхъ сванетскомъ и осетинскомъ. Осетинская сказка о Ростомѣ и Безанѣ. Курдская сказка съ отголосками Рустеміады. Отдѣльные мотивы Рустеміады въ кавказскихъ сказкахъ. Періодъ собиранія народныхъ сказаній въ Иранѣ при Сасанидахъ. Сводъ Данишвера. Книга царей. Дѣятельность Фирдоуси. Богатство эпическихъ сказаній Ирана. Вліяніе ихъ на грузинскую литературу.

I.

Князь Владиміръ и Евпраксія.

Одинъ изъ существенныхъ вопросовъ, представляющихся изслѣдователю русскаго эпоса,— вопросъ объ отношеніи былеваго князя Владиміра къ историческому. Вообще господствуетъ убѣжденіе, что, при значительномъ несходствѣ обѣихъ личностей, въ былевомъ кн. Владимірѣ отразились, однако, довольно многія черты историческаго, хотя и искаженныя въ теченіе вѣковъ позднѣйшими *историческими* наслоеніями. «Какъ преобладающее въ былинахъ положеніе Владиміра,—говоритъ О. Миллеръ,—есть положеніе *стольнаго князя кіевскаго*, такъ и преобладающее его качество—*ласковость*, *отеческая доброжелательность*. Но, съ одной стороны, сквозь этотъ нравъ проглядываетъ, съ другой—къ нему примыкаетъ, или, наконецъ, поверхъ его выдается нравъ совершенно иного рода» [1]). Отмѣчая несимпатичныя черты характера былеваго Владиміра, изслѣдователь пытается объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ чертахъ грубости Владиміра онъ склоненъ видѣть черты, оставшіяся за княземъ отъ другого порядка вещей, отъ временъ отдаленнѣйшихъ, то-есть «поры грубѣйшаго кровнаго деспотизма». Изрѣдка встрѣчающіяся черты корыстолюбія О. Миллеръ признаетъ проявленіемъ германской дружинности во Владимірѣ. Деспотизмъ объясняется тѣмъ, что «на то же лицо налегъ во многихъ былинахъ позднѣйшій государственный деспотизмъ въ духѣ Ивана Грознаго». Наконецъ, отмѣчая постоянную праздность былеваго Владиміра, О. Миллеръ упоминаетъ мнѣніе Добролюбова, находившаго во Владимірѣ черты византійской государственной важности. Но послѣднему толкованію, по мнѣнію изслѣдователя, противорѣчитъ *простота* отношеній между княземъ и богатыремъ. «Если же и другія толкованія болѣе или менѣе односторонни, то,—спрашиветъ авторъ,—не окажется ли хоть тутъ

---

1) *Илья Муромецъ и богатырство кіевское*, стр. 329.

совершенно сподручнымъ стасовское ученіе о заимствованіяхъ съ востока? Не оказывается ли, въ самомъ дѣлѣ, хоть эта вѣчная праздность нашего Владиміра списанною съ какихъ-нибудь восточныхъ властителей? Увы, что касается, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ къ намъ тюркскихъ сказаній, то и въ нихъ такъ называемые *ханы*-родоначальники оказываются несравненно дѣятельнѣе нашего Владиміра: они воюютъ, они охотятся и добычею кормятъ народъ; нашъ же князь ничего никогда не дѣлаетъ. Послѣ всего этого, отказываясь *при настоящемъ положеніи науки*, отъ всякихъ дальнѣйшихъ толкованій, мнѣ остается только повторить слова, сказанныя мною про Владиміра былевого въ другомъ мѣстѣ: «не въ немъ настоящая сила Руси, а въ нихъ, людяхъ всякаго рода, такъ сказать, въ *выборныхъ людяхъ* земли русской; онъ же только даетъ широкій просторъ ихъ богатырскимъ силамъ» [1]).

Итакъ, изслѣдователь отказывается отъ дальнѣйшихъ попытокъ къ объясненію существенной черты личности Владиміра, черты тѣмъ болѣе любопытной, что она находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ чертами лѣтописнаго князя Владиміра. Дѣйствительно, если мы припомнимъ изображеніе Владиміра въ лѣтописи, его энергію, предпріимчивость, политическую мудрость, образъ его жизни до и послѣ крещенія, то естественно возникаетъ вопросъ, почему историческій Владиміръ представляетъ въ народномъ эпосѣ такую непривлекательную фигуру? Сдѣлавъ попытку къ объясненію нѣкоторыхъ непривлекательныхъ свойствъ Владиміра, О. Миллеръ, повидимому, самъ сознаетъ, что историческими національными наслоеніями нельзя объяснить главной и существенной черты этого былевого типа. Къ вліянію восточныхъ сказаній покойный изслѣдователь вообще относился несочувственно, и потому, только ради очистки совѣсти заглянувъ въ ближайшія къ намъ тюркскія сказанія, немедленно возвращается изъ этой экскурсіи съ убѣжденіемъ, что и личности тюркскихъ хановъ не могутъ послужить къ объясненію праздности Владиміра. Не относясь съ такимъ предубѣжденіемъ къ теоріи вліянія Востока на нѣкоторые типы нашего эпоса, мы попытаемся снова заглянуть въ область восточныхъ сказаній, руководясь тѣмъ соображеніемъ, съ которымъ, вѣроятно, согласны всѣ изслѣдователи, что никакими національно-историческими наслоеніями нельзя, въ концѣ-концовъ, объяснить тѣхъ непривлекательныхъ сторонъ, которыми, совершенно незаслуженно, народная поэзія исказила личность энергическаго и мудраго русскаго князя.

Сначала спросимъ себя, какія черты историческаго Владиміра могли бы дать матеріалъ для эпическаго воспроизведенія, могли бы отложиться въ народной памяти?

Хотя норманскіе предшественники Владиміра, набирая въ свои дружины разныя русскія племена и водя ихъ на завоеванія отдѣльныхъ областей

---

[1]) Наз. соч., стр. 330. См. также замѣчанія Л. Н. Майкова о праздности князя Владиміра. *Былины Владим. цикла*, стр. 96.

Россіи и нерѣдко за ея предѣлы, должны были положить въ эти племена основы къ сознанію ихъ родства, однако, сами князья еще мало чувствовали связи съ русскою землей, смотрѣли на большинство племенъ, какъ на обильный источникъ для собиранія дани и захвата рабовъ, самой доходной статьи княжеской торговли, и потому представлялись народу элементомъ чуждымъ, пришлымъ, вродѣ прежнихъ восточныхъ властителей хазаръ. Даже для ближайшаго къ кіевскимъ полянамъ племени, для древлянъ, князь вродѣ Игоря былъ только насильникомъ: придетъ княжеская дружина, выколачиваетъ дань, грабитъ направо и налѣво, и уйдетъ, причемъ для древлянина не представляло интереса знать, откуда пришелъ князь и куда ушелъ, развѣ только по отношенію къ вопросу, когда можно ожидать вновь его грабительскаго набѣга. При Владимирѣ чувствуется какъ будто новое вѣяніе. Хотя, вѣроятно, далеко не всѣ событія и предпріятія его княженія донесла народная память до столбцовъ лѣтописи, т.-е. до конца XI и начала XII вѣка, однако, то, что сохранилось, громко свидѣтельствуетъ, что въ личности Владиміра надъ княземъ *дружиннымъ* преобладаетъ князь *земскій*. Благодаря ли происхожденію Владиміра отъ славянки Малуши, или вліянію дяди Добрыни и нѣкоторому загону, въ которомъ онъ находился при жизни отца, какъ не вполнѣ равноправный среди братьевъ [1]), во Владимирѣ замѣтно болѣе симпатіи къ національному, славянскому элементу, чѣмъ въ его скандинавскихъ предкахъ. Гордая норманка Рогнѣдь не захотѣла разуть *робичича*, и въ ея словахъ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть отголосокъ взглядовъ нѣкоторой части нормановъ на этого *вполнѣ славянскаго* сына Святослава. Изъ прирожденной ли, или привитой въ дѣтствѣ симпатіи къ славянству, или изъ политическихъ соображеній, умный Владиміръ, хотя и овладѣлъ Кіевомъ при помощи нанятыхъ варяжскихъ дружинъ, старался, однако, освободиться отъ ихъ давленія и искалъ опоры въ славянскомъ элементѣ населенія своего княжества. Это сдѣлало его первымъ популярнымъ княземъ древней Руси, память о которомъ долго послѣ его смерти жила въ народныхъ устахъ. Идеализація князя Владиміра сильно просвѣчиваетъ уже въ его лѣтописномъ изображеніи. «По народному представленію, — говоритъ Костомаровъ, — Владиміръ не только не похожъ былъ на отцовъ и дѣдовъ, но составлялъ имъ противуположность. Прежніе князья только и знали, что брали съ людей, да накладывали дани; Владиміръ, напротивъ, представляется болѣе дающимъ народу, чѣмъ берущимъ отъ него. Это уже князь не дружинный, а земскій» [2]) Въ первую половину своего княженія Владиміръ является ревни-

---

[1]) См. лѣтописный разсказъ подъ 970 г.: когда Ярополкъ и Олегъ отказались пойти князьями къ новгородцамъ, Добрыня совѣтуетъ новгородскимъ людямъ просить у Святослава отпустить къ нимъ въ князья Владиміра. На ихъ просьбу Святославъ отвѣчаетъ: „Вотъ онъ вамъ!"—вѣроятно, тономъ нѣсколько пренебрежительнымъ къ новгородцамъ, къ которымъ не пошли княжить (вѣроятно, не безъ согласія отца) его другіе сыновья.

[2]) *Преданія первоначальной русской лѣтописи*. Историческія монографіи, изд. Вольфа, т. XIII, стр. 168.

телемъ національнаго культа, ставитъ изваянія славянскихъ боговъ, приноситъ имъ жертвы и то же самое дѣлаетъ въ Новгородѣ его дядя Добрыня, совѣтами котораго, быть можетъ, руководился его воспитанникъ. Первыми жертвами, по лѣтописи, падаютъ два *варяга*, что опять-таки должно было льстить русскому національному чувству, несомнѣнно ожесточенному противъ тяжелаго гнета привилегированныхъ чужеземцевъ. Судя по краткимъ лѣтописнымъ извѣстіямъ о военныхъ предпріятіяхъ Владиміра, о его походахъ на ляховъ, ятвяговъ, хорватовъ, болгаръ и проч., онъ отличался не меньшею воинственностью, чѣмъ его предки, и съ этой стороны точно также соотвѣтствовалъ народному идеалу князя. Но и въ этомъ отношеніи чувствуется уже новое вѣяніе. Владиміръ является княземъ-оберегателемъ и устроителемъ той области, съ которою тѣсно связанъ, какъ съ своею отчиной. Не ограничиваясь походами для защиты ея населенія отъ степныхъ кочевниковъ (печенѣговъ), причинявшихъ ей наибольшее зло, онъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы укрѣпить во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ ея предѣлы, подверженные набѣгамъ степняковъ. Дѣятельность земскаго князя по построенію городовъ въ порубежныхъ мѣстахъ была, несомнѣнно, очень значительна. По лѣтописи подъ годомъ 988 мы читаемъ, что Владиміръ «нача ставити городы по Деснѣ и по Востри, по Трубежеви и по Сулѣ, и по Стугнѣ, и нача нарубати мужѣ лучшиѣ отъ Словень, и отъ Кривичь, и отъ Чюдеи, и отъ Вятичь, а отъ сихъ насели грады, бѣ бо рать отъ Печенѣгъ» [1]. Движеніе среди русскаго населенія, вызванное этою колонизаціей, выводъ въ новые города различныхъ племенъ изъ разныхъ мѣстъ государства должны были также немало содѣйствовать утвержденію въ населеніи сознанія національнаго единства и идеи государства, должны были прочно залечь въ народной памяти о Владимірѣ. И на это мы находимъ, дѣйствительно, указанія въ лѣтописи. Подобно тому, какъ разнымъ царямъ-строителямъ, вродѣ Навуходоносора, Александра Великаго или царицы Тамары на Кавказѣ, приписывается народными преданіями возведеніе многихъ древнихъ сооруженій, которыя завѣдомо имъ не принадлежатъ, такъ народное сказаніе, занесенное нашею лѣтописью, приписывало Владиміру построеніе города Переяславля, который упоминается въ самой лѣтописи раньше его времени, причемъ въ томъ же преданіи—о побѣдѣ русскаго силача надъ печенѣжскимъ—мы находимъ, быть можетъ, самую раннюю «старину» изъ Владимірова эпическаго цикла. Далѣе, такія громкія событія, какъ взятіе Корсуня, бракъ на греческой царевнѣ и крещеніе Владиміра, прибытіе въ Кіевъ греческаго и южно-славянскаго духовенства, торжественное крещеніе кіевлянъ, сверженіе идоловъ, христіанская проповѣдь, построеніе церквей, заведеніе училищъ,—все это должно было заставить всѣ классы населенія много говорить о Владимірѣ, причемъ разсказы о дѣйствительныхъ событіяхъ, переходя изъ устъ въ уста, разукрашались фантазіей и уже въ ближайшихъ

---

[1]) *Лѣтопись по списку Лаврентія*. стр. 119.

поколѣніяхъ подвергались общей участи устныхъ преданій—смѣшенію фактовъ разнаго времени, эпической амплификаціи, внесенію сказочныхъ мотивовъ и т. п. На ряду съ сказаніями о Владимірѣ могли ходить въ народѣ преданія о нѣкоторыхъ выдающихся личностяхъ его княженія. Недаромъ имена его воеводъ Добрыни и Путяты вошли въ пословицу, а имя перваго доселѣ живетъ въ былинахъ. «Какъ ни скудны данныя,—говоритъ Костомаровъ, — которыя бы могли дать намъ болѣе ясный образъ Владиміра и его эпохи, самыхъ тусклыхъ представленій достаточно, чтобы признать, что эпоха его была эпохою великаго внутренняго преобразованія, и личность Владиміра, хотя видимая нами сквозь призму народныхъ преданій, все-таки, настолько кажется высокою, громадною, что въ нашей исторіи одна только личность можетъ стать съ нимъ въ уровень—личность Петра Великаго» [1]).

Очевидно, что *такая* личность должна была на долгія времена отложиться въ народной памяти, стать центромъ эпическихъ сказаній, но центромъ не только «географическимъ», не такимъ, какимъ является Владиміръ въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ, только какъ безсмѣнный князь кіевскій, вѣчно заводящій въ гридницѣ *пированье почестенъ пиръ*, а дѣйствительнымъ «краснымъ-солнышкомъ» Русской земли, широко разливающимъ свои лучи во всей области эпическихъ сказаній.

Намъ кажется, нѣтъ основаній прибѣгать къ предположенію, что закрѣпленію имени Владиміра въ эпосѣ, какъ безсмѣннаго князя стольно-кіевскаго, могла много содѣйствовать личность другого одноименнаго князя—Владиміра Мономаха [2]), хотя въ *одномъ* сюжетѣ — о заключеніи Ставра Годиновича Владиміромъ въ погреба глубокіе—дѣйствительно событіе княженія Мономаха перенесено на Владиміра святаго. Несмотря на свое выдающееся положеніе среди другихъ современныхъ князей, Мономахъ былъ лишь одинъ изъ многихъ, а не единодержавный властитель Руси, какимъ представляется былинный Владиміръ, притомъ, княжескія междоусобія, раздиравшія въ его время Русскую землю, едва ли давали матеріалъ для богатырскихъ сказаній. Печальная дѣйствительность слишкомъ подавляла народную фантазію, заставляя ее скорѣе идеализировать времена *золотой* старины, когда сплоченная Владиміромъ святымъ Русская земля побѣдоносно отбивалась отъ «поганыхъ» и даже дѣйствовала на нихъ наступательно. Что именно Владиміръ святой *одинъ* отложился въ народномъ эпосѣ, это видно изъ нѣкоторыхъ, давно указанныхъ историческихъ отголосковъ (наприм., пиры Владиміра, хлѣбосольство, привѣтливость, любовь къ дружинѣ), сохранившихся въ былинахъ и, наконецъ, въ отчествѣ Сеславичъ, Сыславичъ (испорченномъ изъ *Святославича*), сохранившемся кое-гдѣ въ эпосѣ.

Дѣло историковъ рѣшить, если это вообще возможно, насколько *дѣй-*

---

[1]) Назван. соч., стр. 172.

[2]) *О. Миллеръ* въ „Исторіи русск. словесности Галахова", т. I., стр. 21.

ствительный историческій Владиміръ соотвѣтствовалъ тому изображенію, которое мы находимъ въ лѣтописи [1]). По мнѣнію Костомарова, въ лѣтописномъ изображеніи слѣдуетъ видѣть «не просто только память о Владимірѣ дѣйствительномъ, историческомъ: это—*народный идеалъ* князя, и если онъ соединился съ именемъ Владиміра, то потому, что во Владимірѣ были черты, удовлетворявшія этому идеалу» [2]). Для насъ достаточно того, что въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка ходили на Руси многочисленныя сказанія о Владимірѣ и его воеводахъ,—сказанія, въ которыхъ его личность играла самую выдающуюся роль, являлась народнымъ идеаломъ князя и, согласно съ обычною эволюціей эпоса, притягивала сказанія другихъ мѣстъ и временъ, подобно тому, какъ тотъ же процессъ пріурочиванья разнообразныхъ бродячихъ сказаній къ громкому имени мы находимъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ Македонскомъ, или Карлѣ Великомъ, или Соломонѣ. Естественно, чтобы получить значеніе притягивающаго центра въ эпосѣ, такая личность, или, по крайней мѣрѣ, молва о ней, должна чѣмъ-нибудь поразить народное воображеніе: на пустое имя безъ содержанія не могутъ наслояться въ теченіе многихъ вѣковъ народныя сказанія. А между тѣмъ, если мы разсмотримъ *былиннаго* Владиміра, то найдемъ въ немъ во всѣхъ главныхъ чертахъ полную безцвѣтность, полное несоотвѣтствіе съ лѣтописнымъ идеальнымъ княземъ, и, естественно, впадаемъ въ недоумѣніе, почему эта низменная, нерѣдко комическая и презрѣнная фигура носитъ на себѣ славное историческое имя и притянула къ себѣ такое множество эпическихъ сказаній?».

Просмотримъ теперь черты нравственнаго облика былиннаго Владиміра.

Въ противуположность своимъ богатырямъ, особенно Ильѣ Муромцу, князь Владиміръ стольно-кіевскій обнаруживаетъ при всякой опасности непомѣрную трусость, — порокъ, всего болѣе презираемый въ богатырскихъ сказаніяхъ. Такъ, когда Калинъ-царь подступаетъ къ Кіеву съ войскомъ:

„Тутъ Владиміръ князь да стольне-кіевскій
Онъ по горенки да сталъ похаживать,
Съ ясныхъ очушокъ онъ ронитъ слезы вѣдь горючія,
Шелковымъ платкомъ князь утирается,
Говоритъ Владиміръ князь да таковы слова:
— Нѣтъ жива-то стараго козака Ильи Муромца,
Некому стоять теперь за вѣру, за отечество,
Некому стоять за церкви вѣдь за Божіи,
Некому стоять-то вѣдь за Кіевъ градъ,
Да вѣдь некому сберечь князя Владиміра
Да и той Опраксы королевичной“ [3])!

Послѣднія слова особенно характерны: князь прямо признается, что не можетъ самъ уберечь себя и княгиню.

---

[1]) См. интересное изслѣдованіе *В. З. Завитневича*: „Владиміръ святой, какъ политическій дѣятель“. Кіевъ, 1888 г.

[2]) Назв. соч., стр. 167.

[3]) *Гильфердингъ*: „Онежск. былины“, № 75, столб. 447.

Точно такъ же, когда къ Кіеву подъѣзжаетъ Идолище, прежде всего

„Убоялся нашъ Владиміръ стольне-кіевскій
Чтоль татарина да онъ было поганаго,
Чтоль Идолища да онъ было великаго“ [1]).

При наѣздѣ богатыря Соловникова Владиміръ *кричитъ* со страху и на вопросъ Ильи Муромца о причинѣ крика говоритъ:

„— Ахъ ты старый козакъ, Илья Муромецъ!
Да какъ-то не кричать, не треложить мнѣ?
Да на стольней-отъ городъ, какъ на Кіевъ градъ...
А наѣзжать изъ-за славна за синя моря
Молодой младой сюди Соло́вниковъ [2]).

Вообще трусливость князя проявляется во множествѣ случаевъ и трудно найти въ былинахъ хоть одинъ случай, гдѣ бы онъ проявилъ мужество. Отмѣчая трусость и слабонервность князя, «сказители» весьма часто изображаютъ его въ комическомъ положеніи. Вспомнимъ сцены вродѣ той, какъ отъ свиста Соловьинаго или отъ выстрѣла Василисы Владиміръ ползаетъ на карачкахъ по гридницѣ или Илья беретъ его подъ пазуху [3]). Такъ, когда

„Закричалъ Калинушка въ полголоса, —
Владиміръ князь-тотъ съ ума сошолъ,
Княгина ходитъ роскаракою“ [4]).

Нерѣдко встрѣчаются сцены униженія князя Владиміра предъ его богатырями.

Испугавшись «бѣды неминучей», Владиміръ не скупится на слезы и поклоны, чтобъ задобрить богатырей. Такъ, при наѣздѣ собаки-Калина-царя:

„Князь Владиміръ *порасплакался*,
Собираетъ могучіихъ богатырей,
И могучіимъ богатырямъ раскланялся“ [5]).

Въ другомъ варіантѣ того же сюжета Владиміръ идетъ еще дальше въ своемъ униженіи: выпустивъ изъ погреба безвинно засаженнаго туда Илью,

„Упадалъ Владиміръ князь Ильѣ во праву ногу [6]).
Или билъ ему челомъ „до сырой земли“ [7]).

Въ отношеніяхъ Владиміра къ богатырямъ въ былинахъ замѣчается какая-то двойственность. Съ одной стороны, въ эпическомъ Владимірѣ отразился историческій съ его щедростью и любовью къ дружинѣ. Древ-

---

[1]) *Гильфердингъ*: „Онежскія былины“, № 4, столб. 22.
[2]) *Тамъ же*, столб. 229.
[3]) *Кирѣевскій*, т. I, стр. 30.
[4]) *Гильфердингъ*, столб. 585.
[5]) *Рыбниковъ*, т. I, стр. 115.
[6]) *Рыбниковъ*, т. III, стр. 207.
[7]) *Кирѣевскій*, т. IV, стр. 42.

ній, установившійся за Владиміромъ эпитетъ *ласковаго*, встрѣчается безпрестанно въ былинахъ, и нерѣдко князь жалуетъ богатырей и безсчетною золотою казной, и городами съ пригородами за ихъ услуги. Но встрѣчаются и жалобы богатырей на Владиміра, сѣтованія на его неблагодарность, на то, что онъ не цѣнитъ своихъ богатырей:

„Да не будемъ мы беречь (говорятъ они) князя Владиміра,
Да еще съ Опраксой королевичной:
У него вѣдь есте много да князей бояръ,;
Кормитъ ихъ и поитъ да и жалуетъ,
Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владиміра [1]).

Или вотъ что говоритъ про Владиміра старый богатырь Самсонъ Самойловичъ своему крестнику Ильѣ Муромцу:

„Кладена у меня заповѣдь крѣпкая:
Не бывать бы мнѣ во городѣ во Кіевѣ,
И не глядѣть бы мнѣ на князя на Владиміра
И на княгиню Апраксію не смотривать,
И не стоять бы больше мнѣ за Кіевъ градъ.
Онъ слушаетъ князей-бояръ,
А не почитаетъ богатырей“ [2]).

Разсылая богатырей съ порученіями не только для защиты земли Русской, но и для своихъ личныхъ цѣлей (за невѣстой, за лебедями для княжескаго стола), Владиміръ нерѣдко выказываетъ грубую неблагодарность къ людямъ, много ему послужившимъ. Вотъ, напримѣръ, какъ жалуется на неблагодарность князя любимый народный богатырь Илья:

„Служилъ-то я у князя Владиміра,
Служилъ я ровно тридцать лѣтъ,
А не выслужилъ слова сладкаго, увѣтливаго,
Увѣтливаго слова, привѣтливаго,
А хлѣба-соли мягкія“ [3]).

Неблагодарность къ другому богатырю, Добрынѣ, проявляется въ слѣдующей угрозѣ, которою князь сопровождаетъ свое порученіе:

„Ахъ ты, душенька Добрыня, сынъ Никитиничъ,
Ты достань-ко нунь Забаву, дочь Потятичну,
Да изъ той было пещерушки змѣиною.
Не достанешь ты Забавы, дочь Потятичной,
Прикажу тебѣ Добрынѣ голову рубить“ [4]).

Того же Добрыню, жившаго нѣсколько лѣтъ при дворѣ въ стольникахъ, Владиміръ по наговору сажаетъ въ темницу [5]), и, чтобы затѣмъ погубить его, посылаетъ въ поганую Литву, къ литовскому королю, выправлять

---

[1]) *Гильфердингъ*, столб. 451.
[2]) *Рыбниковъ*, т. III, стр. 210.
[3]) *Рыбниковъ*, т. I, стр. 94.
[4]) *Гильфердингъ*, столб. 32.
[5]) *Гильфердингъ*, столб. 605.

дани за 12 лѣтъ. Недоброжелательство князя къ богатырю проявляется и въ томъ, что во время отлучки послѣдняго Владиміръ сватаетъ его жену за того (Алешу Поповича), за кого отъѣзжающій Добрыня запретилъ женѣ выходить замужъ въ случаѣ своей смерти. Въ нѣкоторыхъ варіантахъ высказывается съ особенною яркостью *насиліе*, до какого при этомъ доходитъ Владиміръ: иногда онъ угрожаетъ взять Настасью силою, если она «добромъ нейдетъ», иногда грозится выдать ее въ Литву за татарина или постричь въ старицы [1]). Естественно поэтому, что возвращающійся мужъ награждаетъ князя весьма нелестнымъ эпитетомъ:

„Кабы ты былъ не Владиміръ князь,
Назвалъ бы тебя я сводникомъ,
А княгиню—сводницей“ [2]).

Подобные укоры раздраженнаго богатыря князю приходится выслушать, какъ справедливое наказаніе:

„Тутъ солнышко Владиміръ стольне-кіевскій
Онъ повѣсилъ буйну голову
А въ тотъ же во кирпиченъ мостъ
Со своею было княгиною“ [3]).

Нѣкоторые сказители доводятъ неблагодарность Владиміра даже до того, что князь ничѣмъ не вознаграждаетъ богатыря за спасеніе имъ отъ змѣя своей любимой дочери:

„Пріѣзжаетъ-то Добрыня ко стольному ко городу ко Кіеву
Ай ко ласкову ко князю ко Владиміру,
Ай приводитъ князю дочику любимую.
Ай за тую-то выслугу великую
Князь ею нечимъ не жаловалъ“ [4]).

Если такъ ярко проявляется нерасположеніе князя къ Добрынѣ, который вообще отличается *вѣжествомъ* и котораго нѣкоторыя былины называютъ племянникомъ Владиміра, то относительно другихъ богатырей князь доходитъ до крайняго деспотизма и самодурства и является виновникомъ смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сухмантій, вызвавшійся добыть Владиміру живьемъ лебедь бѣлую и потерпѣвшій неудачу на охотѣ, боится съ пустыми руками ѣхать къ князю: «Какъ поѣхать мнѣ къ ласкову князю — мнѣ живому не бывать». Князь не вѣритъ совершонному имъ подвигу — избіенію татарской рати—сажаетъ его въ погребъ, и это такъ оскорбило богатыря, что онъ

„Выдергивалъ листочки маковые
Съ тыихъ ранъ со кровавыихъ“

и истекъ кровью [5]).

---

1) *О. Миллеръ*: назван. соч., стр. 492.
2) *Тамъ же*, стр. 493.
3) *Гильфердингъ*, ст. 46.
4) *Гильфердингъ*, ст. 321.
5 *Рыбниковъ*, т. I, стр. 32.

Такая же печальная судьба постигаетъ богатыря Данилу Ловчанина. Позарившись на его красавицу-жену, князь, по совѣту коварнаго Мишатычка, отправляетъ богатыря на опасные подвиги, насылаетъ на него его братьевъ, родного и названнаго, а самъ ѣдетъ въ теремъ Василисы и хочетъ увезти ее къ себѣ въ Кіевъ. Но вѣрная жена закалывается на томъ мѣстѣ, гдѣ закололся ея мужъ [1]). Такимъ образомъ, сбылись пророческія слова Ильи Муромца:

„Ужь ты, батюшка, Володимiръ князь!
Изведешь ты ясного сокола,—
Не пымать теѣ бѣлой лебеди!"—

слова, за которыя князь посадилъ Илью въ погреба глубокіе. Послѣднее наказаніе, кажется, всего чаще примѣняется къ любимому народному богатырю, который, по свойству своего характера, нерѣдко навлекаетъ на себя гнѣвъ «ласковаго» князя. Обычнымъ поводомъ служитъ то, что князь обижаетъ Илью подаркомъ, даритъ другихъ богатырей городами съ пригородами, а Ильѣ жалуетъ шубу кунью и затѣмъ, за пренебрежительное отношеніе богатыря къ подарку, приказываетъ своимъ слугамъ:

„Повести Илью на горы высокія,
Бросить его въ погреба глубокіе,
Задернуть рѣшетками желѣзными,
Завалить чащей, хрящомъ-камнемъ" [2]).

Иногда это наказаніе постигаетъ Илью за то, что онъ приходитъ незваный на княжескій почестенъ пиръ [3]). Каждый разъ, однако, князь самъ платится за свое самодурство и долженъ прибѣгать къ помощи наказаннаго имъ богатыря, который въ столкновеніи съ нимъ не скупится на рѣзкія слова и угрозы. Такъ, напримѣръ, когда къ разобиженному Ильѣ Владиміръ посылаетъ его брата крестоваго Добрыню Никитича, чтобы пригласить его на княжескій пиръ, то «старый козакъ» говоритъ Владиміру:

„Зналъ кого послать меня позвать!
Кабы не братецъ крестовый названный,
Никого я не послухалъ бы.
А было намѣренье нарлжено:
Натянуть тугой лукъ разрывчатый,
А класть стрѣлочка каленая,
Стрѣлить во гридню во столовую,
Убить тебя князя Владиміра" [4]).

Не менѣе рѣзко отзывается Илья о князѣ, когда послѣдній посылаетъ освободить его изъ погреба. Илья соглашается выйти только благодаря просьбѣ Апраксіи, чтобъ служить за вѣру христіанскую, за стольный Кіевъ-градъ, за вдовъ, сиротъ, причемъ прибавляетъ по адресу князя:

---

[1]) *Кирѣевскій*, т. III, стр. 33—34.
[2]) *Кирѣевскій*, т. I, стр. 67. Срав. *Гильфердингъ*, 1177 и 1268.
[3]) *Гильфердингъ*, ст. 304.
[4]) *Рыбниковъ*, т. I, № 18. Срав. *Гильфердингъ*, ст. 236, 459.

„А для *собаки-то* князя Владиміра
Да не вышелъ бы я вонъ изъ погреба“ [1]).

Разгнѣванный Илья, въ нѣкоторыхъ былинахъ, идетъ еще дальше: прогнавъ прислужниковъ княжескихъ, онъ садитъ на очищенныя мѣста на пиру голь кабацкую, говоря, что князь держится на престолѣ только имъ, Ильей, что «заутра онъ можетъ и *самъ* служить въ Кіевѣ княземъ» [2]) и что

„Ежели не сдѣлаетъ князь по-моему,
То онъ процарствуетъ только до утрія“ [3]).

Чтобы докончить списокъ пороковъ эпическаго Владиміра, слѣдуетъ упомянуть еще одну черту его характера, проскальзывающую, впрочемъ, нечасто и представляющую рѣзкую противуположность его обычной щедрости. Мы имѣемъ въ виду *жадность*, которая побудила князя позариться на имѣніе сыновей Соловья-разбойника. Жадность проявляетъ и дочка Владиміра, которая уцѣпилась было за драгоцѣнный перстень Соловья и поплатилась за это пальцемъ. О. Миллеръ предполагалъ, что эти добычничьи инстинкты были наслѣдованы Владиміромъ отъ его предка Игоря [4]). Пусть такъ, хотя доказать это весьма мудрено, такъ какъ эта черта противорѣчитъ всему, что мы знаемъ объ историческомъ и эпическомъ Владимірѣ. Для насъ достаточно того, что ласковаго князя стольно-кіевскаго, Владиміра красное-солнышко, народные сказители въ теченіе многихъ поколѣній награждали весьма солиднымъ спискомъ всякихъ пороковъ и даже такими, которые народу особенно ненавистны въ князѣ. Любопытно, что такое несоотвѣтствіе между *историческимъ и былиннымъ* Владиміромъ, затрудняющее изслѣдователя эпоса, чувствуется и самими сказителями. Хотя они не знаютъ исторіи, но помнятъ, что князь Владиміръ причисленъ къ лику святыхъ. «Не разъ,—говоритъ Гильфердингъ,—сказитель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему непочтительный, просилъ за это не взыскать, «потому-де мы сами знаемъ, что нехорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? Такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились» [5]).

Спрашивается, неужели въ этомъ князѣ, трусливомъ, коварномъ, иногда жадномъ, заискивающемъ предъ Ильей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, унижающемся предъ нимъ,—въ князѣ, котораго богатыри называютъ *собакой*, *сводникомъ*, *дурнемъ* [6]), Соловей-разбойникъ — *воромъ* [7]), котораго Илья грозится убить и смѣстить, можно видѣть отголоски историческаго Владиміра, искаженные позднѣйшими, однако, національно-историческими наслоеніями? Если и можно допустить, что на личность былиннаго Владиміра наслоились нѣ-

1) *Гильфердингъ*, ст. 1179.
2) *О. Миллеръ*, стр. 666.
3) *Рыбниковъ*, т. II, стр. 338.
4) Въ *Исторіи словесности Галахова*, т. I, стр. 61.
5) *Онежскія былины*, предисловіе, стр. XXIV.
6) *О. Миллеръ*, стр. 304.
7) *Тамъ же*, стр. 305.

которыя черты московскаго царя-деспота, вродѣ Ивана Грознаго, то этимъ мы нисколько не объяснимъ презрительнаго отношенія народа къ князю. Нигдѣ въ пѣсняхъ о Грозномъ мы не найдемъ такого отношенія народа къ властителю, которое сказывается въ обращеніи Ильи съ княземъ стольно-кіевскимъ, и всякій понимаетъ, что такое отношеніе къ державной власти вообще не въ русскомъ національномъ характерѣ. Слагатель пѣсни могъ выставить черты самодурства, подозрительности, гнѣвливости, жестокости въ личности, подобной Грозному, но не могъ бы, согласно съ національнымъ духомъ, выставить личность князя въ комическомъ видѣ труса, неудачнаго сводника, не могъ бы заставить своего представителя издѣваться надъ нимъ и даже угрожать убить его и сѣсть на его мѣсто. Всѣ эти черты, по нашему убѣжденію, должны быть навѣяны извнѣ, должны быть занесены съ Востока, изъ области *сказочныхъ* царей-деспотовъ и трусовъ, и не могли органически возникнуть на русской почвѣ, какъ эпическіе отголоски личностей какихъ-нибудь *историческихъ* русскихъ властителей.

Для объясненія нѣкоторыхъ и, притомъ, существенныхъ сторонъ характера былеваго Владиміра, мы исходимъ изъ предположенія, что на него отложились нѣкоторыя черты того типа «эпическаго» или «сказочнаго» царя, котораго иранскимъ экземпляромъ является царь Кейкаусъ, современникъ національнаго иранскаго богатыря Рустема. Какъ бы поверхностны на первый взглядъ ни представлялись сближенія, къ которымъ мы приступаемъ, мы надѣемся, что эта мысль будетъ становиться, по мѣрѣ накопленія фактовъ, все болѣе и болѣе вѣроятной. Все, что вначалѣ будетъ казаться случайнымъ, впослѣдствіи потеряетъ характеръ случайности, когда мы увидимъ, что вліяніе «Рустеміады» на нашъ эпосъ проявляется не въ одной личности, а въ нѣсколькихъ, не въ одной фабулѣ, а въ цѣломъ рядѣ. Какимъ путемъ проникало въ нашъ эпосъ это вліяніе и чрезъ какую промежуточную среду, это будетъ предметомъ одного изъ дальнѣйшихъ экскурсовъ, въ которомъ мы постараемся уяснить, какое значеніе имѣлъ персидскій эпосъ на Востокѣ, въ какомъ видѣ и какіе сюжеты его пользовались особою популярностью и выходили за предѣлы Ирана, какимъ видоизмѣненіямъ они подвергались и при какихъ *историческихъ* условіяхъ нѣкоторые ихъ отголоски донеслись до южно-русскаго эпоса. Теперь же просимъ имѣть только постоянно въ виду, что иранскій эпосъ оказалъ вліяніе на русскій не въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ онъ является въ изложеніи персидскаго поэта-историка и эклектика Фирдоуси, но что въ наши былины, какъ и въ кавказскія сказанія, могли перейти лишь остовы нѣкоторыхъ фабулъ, пройдя, притомъ, чрезъ рядъ передѣлокъ, измѣненій и искаженій какъ въ промежуточной (тюркской) средѣ, такъ и на русской почвѣ, подъ вліяніемъ національной окраски и приспособленія къ основному характеру южно-русскаго эпическаго цикла. Вообще, заключеніе о правдоподобіи выдвигаемой нами гипотезы можетъ быть сдѣлано лишь по окончаніи всей серіи экскурсовъ, которые связаны между собою одною основною

идеей, уясненіемъ вліянія восточныхъ иранскихъ сказаній на нашъ эпосъ. Мы вполнѣ сознаемъ, что, приступая къ сравненію нѣкоторыхъ нашихъ былинныхъ типовъ и сюжетовъ съ восточными, мы вступаемъ на почву весьма скользкую; мы хорошо помнимъ, что слишкомъ рѣшительно поставленная гипотеза В. В. Стасова потерпѣла крушеніе и вызвала полемику (въ которой мы сами принимали участіе) [1]; мы сознаемъ также и тѣ требованія, которыя современное состояніе изученія народнаго эпоса предъявляетъ гипотезѣ, имѣющей притязаніе на научность, но надѣемся въ главномъ и основномъ удовлетворить этимъ требованіямъ; что же касается частныхъ ошибокъ и увлеченій, отъ которыхъ не гарантированъ ни одинъ изслѣдователь, какъ бы онъ ни старался быть остороженъ, то такіе промахи будутъ своевременно замѣчены и исправлены критикой.

Царь Кейкаусъ, подобно Владиміру, не отличается воинскою доблестью: во время постоянной борьбы Ирана съ Тураномъ онъ пребываетъ въ своемъ дворцѣ, пируя и угощая своихъ пехлевановъ, которые охраняютъ его и государство. Въ началѣ царствованія Кейкаусъ проявлялъ воинственныя наклонности, но предпріятія его были безумны и каждый разъ онъ впадалъ въ бѣду, изъ которой его выручалъ Рустемъ. Пренебрегая совѣтами пехлевановъ, Кейкаусъ предпринялъ походъ въ страну *дивовъ* Мазандеранъ, съ цѣлью прославить свое имя. Предпріятіе кончилось полною неудачей: царь со всѣмъ войскомъ попалъ въ постыдный плѣнъ и убѣдился, что спасти его можетъ одинъ Рустемъ, къ которому онъ и отправляетъ посланіе: «Когда я припоминаю твои совѣты,—пишетъ онъ отцу Рустемову Залю,—то вздыхаю. Твои совѣты не сдѣлали меня умнѣе и мое легкомысліе причина моего несчастія» [2]). Такъ бичуетъ себя царь, который до начала похода выражалъ свое неудовольствіе Залю за несочувствіе его безумному предпріятію [3]). Урокъ, полученный самонадѣяннымъ царемъ въ Мазандеранѣ, не послужилъ ему въ пользу. Послѣ того какъ Рустемъ, совершивъ рядъ подвиговъ и убивъ страшнаго *Бѣлаго дива* и царя Мазандерана, освободилъ Кейкауса, послѣдній по оплошности попадаетъ въ плѣнъ къ царю Гамаверана, а весь Иранъ наводняется полчищами туранцевъ. Снова приходится Рустему спасать безумнаго царя и очищать отечество отъ непріятеля. Спасенный Рустемомъ вторично, Кейкаусъ, подученный Иблисомъ (злымъ духомъ), дѣлаетъ попытку взлетѣть на небо на прирученныхъ орлахъ и попадаетъ въ комическое положеніе: орлы внезапно спустились, и царь, едва не разбившись, упалъ въ густомъ лѣсу, гдѣ его разыскиваютъ Рустемъ и другіе пехлеваны. Интересно, какое мнѣніе о царѣ высказываютъ они при этомъ случаѣ: Старый Гудерзъ говоритъ Рустему: «Съ тѣхъ поръ, какъ меня мать кормила молокомъ, я видѣлъ на свѣтѣ много вѣнцовъ и престоловъ, царей и властителей, но ни между великими,

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ мы отмѣтимъ тѣ *немногіе*, но прочные научные результаты изслѣдованія В. В. Стасова, которые, къ сожалѣнію, до сихъ поръ были игнорируемы.

[2]) *Mohl*: „Livre des Rois", I, 400.

[3]) Ср. ibid., p. 389.

ни между малыми я никогда не видалъ человѣка упрямѣе Кейкауса. У него нѣтъ ни здраваго смысла, ни мудрости, ни опытности, нѣтъ правоты, и сердце у него не на мѣстѣ. Можно сказать, что у него нѣтъ мозга въ головѣ и ни одной хорошей мысли» [1]). Такіе же комплименты приходится царю выслушивать и въ глаза отъ пехлевановъ: «Для тебя, — говорятъ они,—приличнѣе больница, чѣмъ дворецъ. Каждую минуту ты оставляешь престолъ на произволъ враговъ, не повѣряя никому своихъ безумныхъ плановъ. Три раза ты попадалъ въ бѣду и не сталъ умнѣе отъ этихъ испытаній» [2]). Выслушивая подобные упреки, Кейкаусъ соглашается, что они справедливы, раскаивается, «*плачетъ* желчью и кровью». «Его гордость была подавлена стыдомъ, который онъ испытывалъ передъ богатырями; онъ на время воздерживался отъ пировъ и затворилъ дверь для аудіенцій» [3]).

И такъ, въ персидскомъ эпосѣ Кейкаусъ представляетъ нѣрѣдко такую же комичную фигуру, какъ въ нашемъ Владимірѣ, которому также, какъ мы видѣли, приходится и стыдиться за свою оплошность, и плакать, и возлагать всю свою надежду на богатырей, особенно на Илью Муромца.

Отношенія Кейкауса къ Рустему всего болѣе напоминаютъ отношенія Владиміра къ Ильѣ. Такъ, когда Ирану и царю его угрожаетъ опасность, когда Сохрабъ, во главѣ туранскихъ войскъ, наступаетъ на Иранъ, Кейкаусъ въ смятеніи пишетъ «ярлыки скорописчаты» Рустему и не скупится на льстивыя выраженія: «Никто, кромѣ тебя, не можетъ съ нимъ (Сохрабомъ) помѣряться,—ты одинъ можешь затмить его славу. Знай, что въ цѣломъ свѣтѣ ты одинъ можешь (намъ) помочь. Ты сердце и оплотъ храбрыхъ Ирана, ты имѣешь когти и силы льва» и т. п. [4]). Но когда Рустемъ (подобно Ильѣ Муромцу) не спѣшитъ устремиться на призывъ царя, а нѣсколько дней пируетъ и пьянствуетъ съ его гонцомъ, Кейкаусъ приходитъ въ гнѣвъ и начинаетъ бахвалиться. Онъ кричитъ пехлевану Гиву въ присутствіи Рустема и другихъ богатырей: «Кто такой Рустемъ, что онъ можетъ пренебрегать своими обязанностями и не повиноваться моимъ повелѣніямъ? Еслибъ у меня былъ сейчасъ мечъ подъ рукой, я отрубилъ бы ему голову, какъ апельсинъ. Возьми его, повѣсь его на висѣлицѣ и не произноси никогда передо мною его имени». При этихъ словахъ сердце Гива встрепенулось и онъ сказалъ: «Неужели ты наложишь руки на Рустема?» Царь разразился такъ противъ Гива и Рустема, что все собраніе было поражено; онъ приказалъ Тусу взять ихъ обоихъ и повѣсить, а самъ поднялся съ трона, пылая гнѣвомъ. Тусъ подошелъ къ Рустему и взялъ его за руку; пехлеваны стояли въ оцѣпенѣніи; онъ хотѣлъ отвести его съ глазъ Кейкауса, опасаясь за несчастіе. Но Рустемъ въ гнѣвѣ воскликнулъ: «Не наполняй свою грудь пыломъ гнѣва: твои поступки одинъ хуже

---

[1]) *Mohl*, II, p. 35.

[2]) Ibid.

[3]) *Ibid., стр.* 37.

[4]) *Mohl, II, p. 84.*

другого и ты недостоинъ царствовать. Повѣсь лучше этого турка (Сохраба) и прибереги свой гнѣвъ и выходки для непріятелей. Румъ, Сегсаръ, Мазандеранъ, Египетъ, Китай и Гамаверанъ — рабы моего коня Ракша; ихъ сердца сокрушены моимъ мечомъ и лукомъ, *и ты самъ живъ только благодаря мнѣ*. Какъ же ты дерзаешь предаваться такому гнѣву?» Затѣмъ Рустемъ ударилъ рукой по рукѣ Туса, и тотъ упалъ на землю, а богатырь, переступивъ чрезъ него, вышелъ, сѣлъ на Ракша и сказалъ: «Я—побѣдитель львовъ, я — раздаватель вѣнцовъ. Если я гнѣваюсь, что дѣлается съ Каусомъ? Кто такой Тусъ, чтобъ онъ дерзнулъ наложить на меня руки? Богъ далъ мнѣ силу и побѣдоносность, а не царь и его войско. Свѣтъ—мой рабъ и Ракшъ мой престолъ; мечъ—моя царская печать, шлемъ — мой вѣнецъ... Богатыри призывали меня къ вѣнцу, предлагали мнѣ престолъ и корону, но я не пожелалъ престола царей,—я имѣлъ въ виду обычаи, мой долгъ и праведную жизнь. Еслибъ я принялъ престолъ и вѣнецъ, у тебя не было бы этой власти и высокаго удѣла. Развѣ я заслужилъ слова, которыя ты произнесъ? Это ли воздаяніе за мои благодѣянія?» и т. п. Въ заключеніе разгнѣванный богатырь объявляетъ, что онъ покидаетъ Иранъ и уѣзжаетъ [1]). Другіе богатыри негодуютъ на царя за его обращеніе съ Рустемомъ. Гудерзъ отъ ихъ имени говоритъ, какъ необходимъ Рустемъ, и Кейкаусъ раскаивается въ своихъ словахъ. Онъ посылаетъ Гудерза, чтобъ умилостивить Рустема и вернуть его, подобно тому, какъ Владиміръ посылаетъ Добрыню вернуть разгнѣваннаго Илью. Рустемъ говоритъ Гудерзу: «Я нисколько не нуждаюсь въ Кейкаусѣ; мое сѣдло—мой престолъ, мой шлемъ—мой вѣнецъ, панцырь — моя порфира, а душа моя думаетъ только о смерти. Что передо мною Каусъ? Горсть пыли. Зачѣмъ мнѣ бояться его гнѣва?» и т. д. [2]). Наконецъ, онъ сдается на убѣжденія Гудерза, возвращается къ Каусу и послѣдній извиняется передъ нимъ, въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ, въ своей необдуманной вспышкѣ [3]).

Прежде чѣмъ пойти дальше, отмѣтимъ нѣкоторыя аналогіи въ отношеніяхъ Кейкауса къ Рустему и Владиміра къ Ильѣ, съ тою необходимою оговоркой, что сходство является не столько въ деталяхъ, сколько въ главномъ, въ общемъ положеніи.

Какъ персидскій царь раздражается противъ самостоятельности Рустема, такъ и Владиміръ противъ поведенія (несомнѣнно, гораздо болѣе грубаго) русскаго народнаго богатыря. Раздраженный тѣмъ, что его посадили на пиру съ боярскими дѣтьми, Илья уходитъ, стрѣляетъ по золотымъ маковкамъ княжескихъ покоевъ (или Божьихъ церквей), созываетъ голь кабацкую, угощаетъ ее и говоритъ:

„Пейте вы, голи, не сумляйтеся,

---

1) *Mohl*, II, pp. 89—92.
2) Ibid., стр. 95.
3) Ibid., стр. 96.

Я заутра буду во Кіевѣ княземъ служить,
А у меня вы будете предводителями“ [1]).

Раздраженный Рустемъ, какъ мы сейчасъ видѣли, говоритъ, что *могъ бы быть царемъ, вмѣсто Кауса*, но пренебрегаетъ престоломъ.

Какъ Кейкаусъ грозится въ припадкѣ гнѣва повѣсить Рустема, такъ Владиміръ велитъ заточить Илью въ погреба глубокіе, чтобъ онъ умеръ съ голоду [2]), или угрожаетъ срубить ему голову [3]). Какъ Кейкаусъ, по уходѣ Рустема, раскаивается въ своемъ обращеніи съ нимъ и посылаетъ Гудерза вернуть его обратно, такъ Владиміръ, испугавшись ухода Ильи, посылаетъ къ нему Добрыню Никитича, которому и удается убѣдить разгнѣваннаго богатыря. Какъ Рустемъ нерѣдко говоритъ о томъ, что сила ему дана отъ Бога и что онъ не боится Кайкауса, такъ нашъ Илья указываетъ на божественное происхожденіе своей силы богатырской, презрительно относится къ князю и позабываетъ свою обиду не ради «собаки-князя Владиміра», а ради Божьихъ церквей, вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей. Какъ въ ссорѣ Кейкауса съ Рустемомъ, другіе пехлеваны стоятъ на сторонѣ послѣдняго и не рѣшаются (кромѣ Туса) наложить на него рукъ, такъ и въ ссорѣ Владиміра съ Ильей чувствуется высокое уваженіе прочихъ богатырей къ Муромцу. По однимъ пересказамъ, когда Владиміръ отдалъ приказъ посадить Илью въ погребъ, богатыри отправились за нимъ, но никто не дерзнулъ наложить на него рукъ. Они подъѣзжаютъ къ нему и говорятъ:

„Ужь ты старый козакъ, Илья Муромецъ!
Приказалъ намъ солнышко Владиміръ-князь
Посадить тебя въ погребы глубокіе
И навалить-то рѣшеточку чугунную,
И завалить-то дубъ-колодьемъ со всѣ стороны,
Да зарыть-то песочками желтыми“.

На это говоритъ Илья таково слово:

„Да-де что со мною подѣлаете?“
Да говорятъ богатыри таково слово:
„Да не одно ли солнышко на небѣ,
Не одинъ ли богатырь на святой Руси,
Старый козакъ Илья Муромецъ.
Да выведи (насъ) изъ неволи изъ великія,
Побѣдитъ насъ солнышко Владиміръ князь“ [4]).

Тогда Илья, жалѣя богатырей, самъ отправляется въ заточеніе и никто не наложилъ на него руки.

Въ другихъ пересказахъ протестъ богатырей противъ Владиміра за его приказъ засадить Илью въ погребъ заявляется весьма ярко:

---

1) *Кир.*, I, 97.
2) *Гильфердингъ*, ст. 1177.
3) *Рыбн.*, II, стр. 334.
4) *Гильфердингъ, ст. 1268.*

„А сильвіи кіевски богатыри
А разсердились тутъ на князя на Владиміра,
А оны скоро вѣдь садились на добрыхъ коней,
А уѣхали оны да во чистб поле,
Ай во тое раздолье во широкое:
„Ай не будемъ вѣдь мы жить больше во Кіеви,
А не будемъ мы служить князю Владиміру“ [1]).

Такъ далеко не идутъ персидскіе пехлеваны, хотя нерѣдко осуждаютъ Кейкауса и при случаѣ говорятъ ему въ глаза, что ему приличнѣе больница, чѣмъ дворецъ (см. выше).

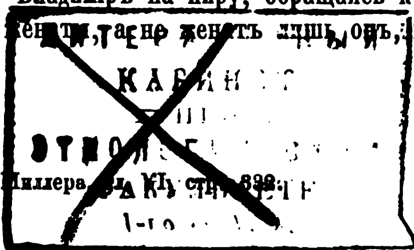
Обращаемся къ другимъ чертамъ Кейкауса, въ которыхъ можно отмѣтить его сходство съ былевымъ Владиміромъ.

Кейкаусъ женится на дочери гамаверанскаго царя, Судабэ. Обстоятельства женитьбы таковы. Войска Кейкауса разбиваютъ царя Гамаверана, и онъ долженъ послать иранскому царю богатые подарки. *Нѣкто* изъ придворныхъ сообщаетъ Каусу, что у побѣжденнаго царя есть дочь красавица, достойная быть женою Кауса. Послѣдній отправляетъ къ царю Гамаверана посла съ требованіемъ руки его дочери. Царь не расположенъ къ этому браку, но изъ страха передъ побѣдителемъ рѣшаетъ почтить его посла и исполнить его требованіе. Онъ спрашиваетъ мнѣніе дочери, Судабэ, которая, оказывается, съ радостью соглашается стать женою Кауса: «Зачѣмъ мнѣ горевать,—говоритъ она,— о союзѣ съ властителемъ міра, который можетъ отнимать у царей престолы и области? Никто не скорбитъ о такомъ событіи, которое должно скорѣе вызывать радость» [2]). Видя готовность дочери, царь снаряжаетъ ее въ путь, и посолъ Кауса привозитъ ему невѣсту съ богатѣйшими дарами.

Среди нашихъ былинъ есть немало такихъ, въ которыхъ разсказывается о женитьбѣ Владиміра на Евпраксіи (Апраксѣ, Опраксѣ и т. п.). Всего чаще это былины *сводныя*, въ которыхъ сюжетъ женитьбы Владиміра связанъ съ другимъ — женитьбой Дуная, причемъ жены Владиміра и Дуная являются родными сестрами [3]), и Дунай, добывъ для Владиміра Апраксѣю королевичну, по дорогѣ добываетъ себѣ ея сестру, Настасью, паляницу удалую.

О. Миллеръ справедливо замѣчаетъ, что когда-то должны были существовать особыя пѣсни о женитьбѣ Владиміра и особыя о женитьбѣ Дуная [4]). Выдѣляя второй сюжетъ этихъ сводныхъ былинъ, именно женитьбу Дуная, мы получаемъ для фабулы женитьбы Владиміра схему довольно близкую къ вышеприведенной схемѣ женитьбы Кейкауса на Судабэ. Основныя черты этой схемы таковы: Владиміръ на пиру, обращаясь къ богатырямъ, говоритъ, что всѣ они женаты, а не женатъ лишь онъ, и что ему нужно добыть невѣсту:

[1]) Тамъ же, стр. 304.
[2]) Mohl, II, p. 9.
[3]) См. разборъ этихъ былинъ у О. Миллера, [illegible] XI, стр. 332.
[4]) Назв. соч., стр. 336.

„Сыщите-ко мнѣ невѣсту, сосватайте,
Чтобы возрастомъ да изъ плеча въ плечо,
Красотою-то была изъ лица въ лицо,
Чтобы было мнѣ-ка съ нимъ-то вѣкъ-отъ жить,
Чтобы вамъ-то было кому кланяться“ [1]).

Одинъ богатырь (Дунай, Перминъ Ивановичъ) объявляетъ Владиміру, что такая красавица дочь есть у короля литовскаго (ляховинскаго, литскаго, малидонскаго, польскаго и т. п.), и Владиміръ отправляетъ его посломъ въ эту землю. Посла король не учествовалъ по пріѣздѣ и въ грубыхъ выраженіяхъ отказалъ въ рукѣ дочери. Тогда посолъ избиваетъ войско короля и послѣдній принужденъ согласиться. Въ противуположность отцу, дочь, по нѣкоторымъ версіямъ, охотно принимаетъ предложеніе кіевскаго князя. Такъ, въ одной былинѣ она говоритъ Дунаю:

„Три года я Господу молилася,
Чтобъ попасть мнѣ замужъ за князя за Владиміра“ [2]).

Затѣмъ богатырь благополучно привозитъ невѣсту Владиміру [3]).

Замѣтимъ тутъ же, что въ одномъ пересказѣ (*Рыбниковъ*, ч. III, №. 3) королевишна оказывается даже враждебною своему отцу. Выходя на крыльцо къ посламъ Владиміра, она говоритъ имъ:

„Возьмите-ка вы батюшка родимаго,
Моего короля любимаго,
Стащите его во чисто поле,
Закопайте-ко вы во сыру землю,
Закопайте его до бѣлыхъ грудей.
Можетъ, въ ту пору король объумѣется...
Можетъ быть, меня, Настасью королевичну,
Отдастъ за князя за Владиміра“.

По поводу этой черты О. Миллеръ замѣчаетъ вполнѣ справедливо: «Какъ ни полна эта пѣсня чертами новыми, но эта послѣдняя черта не можетъ не быть признана весьма древнею, такъ какъ мы встрѣчаемъ ее даже во многихъ средневѣковыхъ литературныхъ передѣлкахъ народнаго эпоса» [4]).

Съ своей стороны мы можемъ подтвердить эту черту—переходъ дѣвицы на *сторону* жениха—одною чертой персидскаго эпоса. Судабэ, которую мы сопоставляемъ съ Евпраксіей, — впрочемъ, ставши уже женою Кауса, — *предостерегаетъ* его противъ козней своего отца. Когда послѣдній приглашаетъ къ себѣ Кауса съ своею дочерью въ гости, Судабэ говоритъ мужу: «Не слѣдуетъ принимать этого приглашенія, тебѣ не слѣдуетъ быть его гостемъ, не нужно доставить ему случай схватить тебя во время пира и овладѣть твоею неоцѣненною особой» [5]).

---

1) *Гильфердингъ*, ст. 1014.

2) *Рыбниковъ*, ч. I, п. 31-й. Въ другихъ пересказахъ такой готовности невѣста не выражаетъ (*Рыбн.*, I, 30; II, 12; III, 21).

3) Ближе всего къ этой схемѣ былины Гильфердинга №№ 214 и 272 и Рыбникова, ч. III, п. 3, въ которыхъ находимъ *исключительно* сюжетъ женитьбы Владиміра безъ примѣси второго сюжета—женитьбы Дуная.

4) Назв. соч., стр. 335.

5) *Mohl, II, p. 11.*

И такъ, сравненіе обѣихъ фабулъ—женитьбы Кауса и Владиміра—обнаруживаетъ *нѣкоторое* сходство. Оба берутъ въ жены дочерей побѣжденныхъ царей, обоимъ богатыри сообщаютъ о существованіи достойныхъ ихъ невѣстъ во враждебной сторонѣ, оба отправляютъ пословъ, оба встрѣчаютъ несогласіе со стороны отца и согласіе со стороны дочери, наконецъ, обоимъ ихъ послы привозятъ невѣстъ. Если эти аналогіи хоть нѣсколько подтверждаютъ нашъ взглядъ, что на личности Владиміра отслоились нѣкоторыя черты Кейкауса, то дальнѣйшее подтвержденіе мы найдемъ въ болѣе подробномъ сопоставленіи типовъ женскихъ—Евпраксіи и Судабэ.

Дочь гамаверанскаго царя, хотя и по своей охотѣ вышедшая за царя Кейкауса, оказалась женщиной сластолюбивою и коварною, что выразилось особенно ярко въ ея отношеніяхъ къ царевичу Сіавушу. Сіавушъ былъ сыномъ Кейкауса отъ другой жены, также добытой ему богатырями [1]. Мать его умерла и царевичъ, отличавшійся необыкновенною красотой, воспитывался у Рустема, который его очень любилъ. По достиженіи имъ молодости, Сіавушъ былъ возвращенъ Рустемомъ Кейкаусу и жилъ нѣкоторое время при отцѣ. Судабэ, увидя случайно красавца Сіавуша, влюбилась въ него и стала зазывать его въ гаремъ. Сіавушъ отказался. Тогда Судабэ внушаетъ мужу мысль послать Сіавуша въ гаремъ къ его сестрамъ, и ничего не подозрѣвающій Каусъ самъ посылаетъ туда сына. Судабэ, пылая страстью, осыпаетъ Сіавуша нѣжными словами, «долго прижимаетъ его къ сердцу, цѣлуетъ въ глаза и уста и не можетъ наглядѣться на царевича» [2]). Сіавушъ подозрѣваетъ о ея чувствѣ и скоро уходитъ изъ гарема. Чтобы имѣть случай еще разъ видѣть царевича, Судабэ совѣтуетъ мужу женить его и приказать ему выбрать себѣ жену среди родственницъ, красавицъ гарема. Ослѣпленный мужъ самъ всячески уговариваетъ сына снова идти на женскую половину, и тутъ Судабэ признается ему въ своей страсти, хотя все еще нѣсколько сдерживается. Сіавушъ, опасаясь козней Судабэ, не рѣшается *понять* ее и увѣряетъ, что готовъ жениться на ея дочери, а самое ее будетъ любить, какъ мать. При третьемъ посѣщеніи, Судабэ уже прямо требуетъ отъ Сіавуша, чтобы онъ вступилъ съ нею въ любовную связь. Когда Сіавушъ рѣшительно отвергъ ея любовь, она разыгрываетъ, чтобъ его погубить, обычную сцену: начинаетъ плакать и кричать, что Сіавушъ хотѣлъ ее опозорить. Прибѣгаетъ царь, выслушиваетъ слова Судабэ и показанія сына и, по разслѣдованіи дѣла [3]), убѣждается въ невинности Сіавуша, но все же не рѣшается наказать коварную жену. Оставшись ненаказанною, Судабэ продолжаетъ мстить Сіавушу и всячески старается его погубить. Она добываетъ отъ вѣдьмы двухъ мертворожденныхъ младенцевъ, разыгрываетъ

[1]) См. разсказъ о привозѣ матери Сіавуша богатырями Тусомъ, Гивомъ и Гудерзомъ у Mohl, II, pp. 155—158, и срав. привозъ Апраксіи то тремя, то двумя богатырями по разнымъ пересказамъ.

[2]) *Mohl*, II, p. 169.

[3]) *Mohl.*, II, p. 185.

сцену преждевременныхъ родовъ и увѣряетъ мужа, что эти младенцы плодъ насилія, которому она подвергнулась отъ Сіавуша. Однако, снова обманъ ея не удается: царь узнаетъ о происхожденіи младенцевъ и, чтобы разсѣять всѣ подозрѣнія, подвергаетъ Сіавуша испытанію огнемъ, которое тотъ выноситъ удачно. Пройдя невредимо чрезъ пылающій громадный костеръ, Сіавушъ проситъ отца простить Судабэ и тотъ очень доволенъ, такъ какъ, несмотря на все ея коварство, сильно любитъ жену [1]). Судабэ, все-таки, съ теченіемъ времени удается вызвать охлажденіе отца къ сыну, и слѣдствіемъ этого былъ уходъ Сіавуша къ царю Турана Афросіабу.

Сопоставляя Судабэ съ Евпраксіею, мы не усматриваемъ, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, сходства въ деталяхъ фабулы, а только сходство въ основномъ характерѣ обѣихъ женщинъ: Евпраксія, дочь литовскаго короля, оказалась еще болѣе развратною женой, чѣмъ дочь гамаверанскаго царя. Вспомнимъ о ея попыткахъ склонить на любовь предводителя каликъ и объ ея отношеніяхъ къ Тугарину Змѣевичу или Чурилѣ. Евпраксія отличается такою же назойливостью въ удовлетвореніи своей страсти, какъ Судабэ. Когда ей приглянулся молодой предводитель каликъ Касьянъ Аѳанасьевичъ (Михаилъ), она дождалась, пока всѣ калики заснули, пробралась ночью въ горницу Касьяна и говоритъ ему:

„Ай же ты молодой Касьянъ да Афонасьевичъ!
Ай какъ полно Господу Богу молитисе,
Ай пора тебѣ спать топерь ложитисе.
Ай пойдемъ со мной во спальню вѣдь княженецкую,
Ай на тую перину пуховую“.
Ай какъ енъ отвернулся сказалъ-то ей:
„Ай же ты, княгиня Апраксія!
Ай поди же прочь отъ меня съ добра.
Не пойду я во спальню вѣдь княженецкую,
Не хочу я сквернить спальни вѣдь княженецкіей.
Не хочу сквернить своего тѣла бѣлаго,
Ай когда я пошелъ Богу молитисе“... [2]).

Несмотря на такой отвѣтъ, княгиня еще два раза ночью приходитъ къ Касьяну и отстаетъ отъ него только тогда, когда онъ угрожаетъ ударить ее «дубиною дорожною» [3]). Эта троекратная попытка соблазнить Касьяна напоминаетъ троекратную же попытку Судабэ зазвать Сіавуша на женскую половину дворца. Не достигши своей цѣли, Евпраксія хочетъ погубить Касьяна подобно тому, какъ Судабэ мститъ Сіавушу. Въ способѣ мести той и другой нѣтъ сходства. Евпраксія, какъ извѣстно, тайкомъ кладетъ княжескую чашу въ сумку Касьяна съ тѣмъ, чтобъ обвинить его въ воровствѣ. Когда чаша была найдена въ его сумкѣ, товарищи, согласно уговору, отсѣкаютъ ему руки, ноги и выкалываютъ глаза, но небесное чудо спасаетъ Касьяна и калики обличаютъ коварную княгиню. Такъ точно въ

---

1) *Mohl*, II, p. 194.
2) *Гильфердингъ*, ст. 412.
3) *Тамъ же, ст. 418.*

персидскомъ сказаніи судъ Божій, испытаніе огнемъ, окончательно оправдываетъ Сіавуша во взведенномъ на него Судабэ обвиненіи. Отмѣтимъ также и то, что и въ персидскомъ, и въ русскомъ сказаніи коварная жена князя (царя) остается безъ наказанія, вслѣдствіе слишкомъ сильной любви къ ней обманываемаго мужа. Послѣдняя черта, еще болѣе роднящая Владиміра, какъ слабохарактернаго мужа, съ Кейкаусомъ, высказывается особенно ярко въ былинѣ о Чурилѣ, въ которой нѣкоторыя детали снова напоминаютъ вышеприведенное персидское сказаніе. Заѣзжій красавецъ Чурила сильно полюбился князю Владиміру, какъ Кейкаусу пріѣхавшій отъ Рустема красавецъ Сіавушъ. Владиміръ не принимаетъ на него «жалобщиковъ и челобитчиковъ» и зоветъ его къ себѣ въ стольники.

„Да завелъ государь да почестной пиръ.
Да премладый Чурила-то, сынъ Плёнковичъ,
Да ходитъ-де ставитъ дубовы столы,
Да желтыми кудрями самъ потряхиваетъ,
Да желтыи кудри разсыпаются,
А бывъ скаченъ жемчугъ раскатается.
Прекрасная княгиня та Апраксія
Да рушала мясо лебединое,
Смотрячись-де на крàсоту Чурилову,
Обрѣзала да руку бѣлу правую.
Сама говорила таково слово:
„Да не дивуйте-ко вы, жены господскія,
Да что обрѣзала я руку бѣлу правую,
Да помѣшался у меня разумъ во буйной головѣ,
Да помутилисе у м'ня-де очи ясныя,
Да смотрячись-де на крàсоту Чурилову,
Да на его-то нà кудри на желтые,
Да на его-де нà перстни злаченые...“
Да сама говорила таково слово:
„Свѣтъ государь ты Владиміръ князь!
Да премлàдому Чурилу сыну Плёнковичу
Не нà этой ему службы быть,
Да быть ему-де во постельникахъ,
Да стлати ковры да подъ пасъ мягкіе“.
Говорилъ Владиміръ таково слово:
„Да суди тѣ Богъ, княгина, что въ любовь ты мнѣ пришла.
Да кабы ты, княгина, не въ любовь пришла,
Да я срубилъ бы тѣ по плечъ да буйну голову,
Что при всѣхъ ты господахъ обезчестила“ [1]).

Несмотря на то, что отношенія княгини къ красавцу Чурилѣ прерываются въ самомъ началѣ, такъ что мотивъ о мести сладострастной женщины отвергнувшему ее красавцу здѣсь неумѣстенъ, несмотря далѣе и на то, что мотивъ увлеченія Апраксіи вошелъ въ число другихъ похожденій Чурилы только по эпической аналогіи, мы находимъ въ приведенномъ эпизодѣ нѣкоторыя знакомыя черты, живо напоминающія личность Судабэ.

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 223, ст. 1064.

Какъ послѣдняя, плѣнившись Сіавушемъ, проситъ мужа устроить ихъ сближеніе, пославъ Сіавуша на женскую половину дворца, такъ Апраксія проситъ Владиміра перевести Чурилу на должность *постельничаго* при ней. Какъ Кейкаусъ, убѣдившись въ коварствѣ и невѣрности Судабэ, рѣшаетъ ее казнить и велитъ даже вести ее къ висѣлицѣ [1]), но, страстно любя ее, радъ простить ее по первой просьбѣ Сіавуша, такъ и Владиміръ заявляетъ, что велѣлъ бы казнить Апраксію, еслибъ она такъ *въ любовь ему не пришла.*

Такъ же безнаказанно сошли Апраксіи ея отношенія къ Тугарину Змѣевичу, которыя зашли, повидимому, гораздо дальше, чѣмъ ея отношенія къ Чурилѣ. *Младъ* Тугаринъ Змѣевичъ живетъ при дворѣ Владиміра въ открытой связи съ его супругой. Хотя онъ *насильникъ* по отношенію къ Владиміру, но княгинѣ онъ въ любовь пришелъ. Роль Владиміра, допускающаго этотъ ménage à trois, весьма забавна. Тугарина приносятъ къ обѣду двѣнадцать богатырей на золотой доскѣ, сажаютъ на мѣсто большое, а подлѣ него сидитъ княгиня Апраксѣевна. И не хорошо онъ ведетъ себя за столомъ. Вотъ что говоритъ о немъ Алеша Поповичъ Владиміру, какъ будто тотъ самъ ничего не видитъ:

„Гой еси ты, ласковый сударь Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Ко княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
Цѣлуетъ во уста сахарныя...“

Далѣе тотъ же мотивъ, что̀ въ былинѣ о Чурилѣ:

„И принесли лебедушку бѣлую,
И ту рушала княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала рученьку лѣвую.
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо смотрѣть на милъ животъ,
На молода Тугарина Змѣевича“ [2]).

Дальнѣйшее содержаніе былины—убіеніе Тугарина Змѣевича Алешей—насъ не интересуетъ, но отмѣтимъ лишь слѣдующую подробность. Когда Алеша убилъ Тугарина и Владиміръ пригласилъ Алешу служить ему въ Кіевѣ, Апраксія, разлученная съ любовникомъ, обращается къ Алешѣ съ укоромъ:

„Деревеньщина ты, засельщина,
Разлучилъ ты меня съ другомъ милымъ“.

Но и онъ не остается въ долгу и выражаетъ о ней слѣдующее мнѣніе:

„А ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣевна!
Чуть не назвалъ я тебя сукою,
Сукою-то волочайкою“ [3]).

---

[1]) *Mohl*, II, pp. 192—194. Кейкаусъ, когда сынъ его счастливо прошелъ чрезъ огонь, осыпаетъ Судабэ упреками и велитъ ей готовиться къ смерти. Затѣмъ приказываетъ палачу вести ее къ висѣлицѣ, но Сіавушъ, зная, что отецъ, казнивъ Судабэ, раскается и возненавидитъ его, какъ виновника ея смерти, ходатайствуетъ объ ея помилованіи.

[2]) *Кирѣев.*, II, 70.

[3]) *Тамъ же*, стр. 80.

Отмѣчаемъ эту черту въ виду того, что она дополняетъ сходство Владиміра, этого слабохарактернаго мужа, съ Кейкаусомъ. Послѣдній, какъ мы видѣли, прощаетъ женѣ измѣну и продолжаетъ любить ее попрежнему. Судабэ удалось даже настроить его враждебно противъ сына, слѣдствіемъ чего былъ уходъ его въ Туранъ и, въ концѣ-концовъ, гибель. Послѣ смерти Сіавуша Рустемъ, его воспитатель, спѣшитъ къ Кейкаусу, осыпаетъ его упреками за слабость къ коварной женѣ, бросается затѣмъ на женскую половину дворца, выволакиваетъ Судабэ оттуда за волосы и пронзаетъ ее кинжаломъ. Кейкаусъ только проливаетъ слезы [1]). Какъ здѣсь наказаніе невѣрная жена терпитъ не отъ слабаго мужа, а отъ богатыря, часто избавлявшаго его отъ его враговъ, такъ и въ нашемъ эпосѣ наказываетъ Апраксію не Владиміръ, а избавившій его отъ Тугарина Алеша, который, впрочемъ, не заходитъ такъ далеко, какъ Рустемъ, а только едва не обзываетъ княгиню «сукою волочайкою».

Приводя *аналогіи* между Евпраксіею и Судабэ, мы не считаемъ нужнымъ входить въ подробный разборъ былинъ, изъ которыхъ мы ихъ черпаемъ. Не дѣлаемъ мы этого потому, что сравненіе наше касается не столько подробностей сюжетовъ, сколько сходства въ общемъ типѣ русской княгини и иранской царицы. Мы далеки отъ мысли, чтобъ въ основѣ былинъ о сорока каликахъ, о Тугаринѣ или о Чурилѣ лежали какіе-нибудь иранскіе оригиналы. Достаточно прочесть ученыя разслѣдованія академика А. Н. Веселовскаго, сдѣлавшаго всего больше для уясненія состава этихъ былинъ, исторіи сюжетовъ и объясненія отдѣльныхъ деталей [2]), чтобы убѣдиться, что *прямое* сведеніе названныхъ былинъ къ восточнымъ оригиналамъ было бы предпріятіемъ ненаучнымъ. Но, все-таки, намъ кажется, что тѣми чертами, которыя нами оттѣнены, мы имѣемъ право воспользоваться не только для доказательства сходства въ типахъ Евпраксіи и Судабэ, но и для объясненія этого сходства выдвигаемою нами гипотезой, именно, что въ этихъ чертахъ можно видѣть глухіе отголоски вліянія типа Судабэ на образованіе былеваго типа Евпраксіи. Мы представляемъ себѣ ходъ развитія типа слѣдующимъ образомъ.

Много вѣковъ тому назадъ, въ періодъ образованія Владимірова цикла, существовали въ южной Россіи эпическія сказанія съ сюжетами, сохранявшими въ значительной свѣжести нѣкоторые *наиболѣе популярные* иранранскіе эпическіе мотивы. Эти иранскіе сюжеты вошли въ русскія эпическія сказанія, конечно, не непосредственно, а пройдя предварительно чрезъ инородческую (тюркскую, половецкую) среду, подобно тому, какъ отголоски *Рустеміады* мы находимъ еще доселѣ въ болѣе яркихъ слѣдахъ въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ [3]).

Среди иранскихъ сказаній, далеко вышедшихъ за предѣлы Персіи, какъ

---

[1]) *Mohl*, II, pp. 348—349.

[2]) См. *Южно-русскія былины*, III—XI, стр. 95—98, 345 и друг.

[3]) См. мою статью: *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ*. *Этнограф. Обозр.* 1889 г., книга II, стр. 1—36.

мы увидимъ далѣе, самую главную, капитальную роль играли нѣкоторые сюжеты изъ похожденій богатыря Рустема, котораго имя до сихъ поръ популярно и на Кавказѣ, и въ Средней Азіи. Этотъ типъ благороднаго, независимаго, маститаго богатыря былъ усвоенъ многими народностями, жившими въ предѣлахъ вліянія сравнительно высокой иранской культуры. Иногда сохраняя имя, иногда получая другое, національное, иногда перерабатываясь въ томъ или иномъ направленіи въ сказаніяхъ разныхъ народовъ, типъ Рустема становится роднымъ и національзируется въ разныхъ этническихъ средахъ, причемъ усвоеніе чужаго эпическаго типа и претвореніе его въ родного, національнаго богатыря совершалось всюду безотчетно, безсознательно, въ силу обычнаго процесса, совершающагося въ международныхъ культурныхъ сношеніяхъ. Какъ до сихъ поръ Рустемъ совершаетъ свои подвиги въ кавказскихъ эпическихъ сказаніяхъ, такъ онъ совершалъ ихъ подъ другимъ именемъ и въ другой одеждѣ въ сказаніяхъ тюркскихъ кочевниковъ южно-русскихъ степей, ближайшихъ сосѣдей кіевской и сѣверской Руси. Изъ этихъ степей, какъ мы постараемся доказать, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать вѣроятнымъ въ одномъ изъ дальнѣйшихъ экскурсовъ, проникли въ южно-русскій эпическій циклъ нѣкоторые сюжеты *Рустеміады*, причемъ нѣкоторыя черты тюркскаго «экземпляра» Рустема наслоились на главнаго русскаго богатыря, ставшаго народнымъ идеаломъ, такъ какъ удовлетворяли понятіямъ и вкусамъ простонародной среды, въ которой *развивался* (если не зародился) нашъ богатырскій эпосъ.

Выдающееся положеніе Рустема среди другихъ пехлевановъ, его стояніе на защитѣ государства, благородство, великодушіе, презрѣніе къ смерти, независимое положеніе по отношенію къ властителю, сочувствіе къ молодымъ богатырямъ, наконецъ, почтенный возрастъ,—все это такія черты, которыя русскій народъ хотѣлъ видѣть въ *своемъ* богатырѣ и которыми онъ въ изобиліи его украсилъ, не задаваясь вопросомъ о происхожденіи этого идеальнаго типа, интересующимъ изслѣдователей эпоса. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ того, что на *центральную* фигуру нашего эпоса наслоились нѣкоторыя черты Рустема, было то, что вмѣстѣ съ Рустемомъ сохранились въ нашихъ былинахъ и нѣкоторыя другія личности иранскаго эпоса, находящіяся съ нимъ въ связи и служащія для его характеристики, для оттѣненія его нравственнаго облика,—прежде всего, царь Кейкаусъ. Независимое положеніе Рустема по отношенію къ царю была такая существенная черта національнаго героя и такъ льстила вкусу простонародныхъ сказителей, что вмѣстѣ съ нею долженъ былъ найти себѣ мѣсто въ народномъ эпосѣ и типъ властителя, похожаго на Кейкауса, съ которымъ, какъ увидимъ ниже, неразрывно связанъ Рустемъ въ сказаніяхъ кавказскихъ и тюркскихъ. Національный герой постоянно выручаетъ своего властелина изъ «бѣды неминучей» и отдѣляетъ личность царя отъ своей миссіи—служенія родинѣ. Онъ презрительно относится къ слабодушному и безумному властителю, нерѣдко даетъ ему чувствовать свое нрав-

ственное превосходство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, великодушно прощаетъ ему его оскорбительныя выходки и по его просьбѣ идетъ на защиту отечества отъ наступающихъ враговъ. Чтобъ оттѣнить эти высокія нравственныя черты своего идеальнаго богатыря, русскіе сказители перенесли отрицательныя черты восточнаго властителя на своего былеваго князя и, такимъ образомъ, по недомыслію, допустили историческую несправедливость относительно князя Владиміра. Рядомъ съ чертами симпатичными—ласковостью, щедростью, радушіемъ, гостепріимствомъ—оказались у эпическаго Владиміра такія отрицательныя черты, въ которыхъ совершенно неповиненъ *историческій* Владиміръ и которыя вообще не имѣютъ національно-исторической подкладки. Онъ вѣчно празденъ, труслив при угрожающей бѣдѣ, неблагодаренъ лицамъ, оказавшимъ ему услуги, безпричинно гнѣвливъ и несправедливъ, вѣритъ наговорамъ на народнаго богатыря, склоненъ унижаться и льстить, когда попалъ въ бѣду, охочь до чужихъ женъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прощаетъ своей женѣ ея невѣрность. Есть основаніе къ предположенію, что въ женолюбіи Владиміра отразилась историческая черта. Вспомнимъ, какимъ изображаетъ лѣтопись Владиміра въ періодъ, предшествующій принятію христіанства. Но типъ Апраксіи не имѣетъ никакой исторической подкладки и, на нашъ взглядъ, одновременно съ типомъ Кейкауса проникъ въ нашъ эпосъ, какъ отголосокъ развратной жены персидскаго царя.

Въ примѣръ тому, какъ неосмысленно народъ относится къ историческимъ фактамъ, лицамъ и именамъ, можно привести нѣкоторые факты изъ временъ нашествія Батыя на Рязанскую землю и отраженіе этихъ событій въ былинахъ. *Повѣсть о приходѣ Батыевой рати на Рязань* [1]) содержитъ разсказъ о смерти рязанскаго кн. Θеодора Юрьевича и о самоубійствѣ его жены Евпраксіи, главныя черты котораго таковы: рязанскій князь Юрій Ингоревичъ посылаетъ сына своего Θеодора къ царю Батыю съ дарами, чтобы удержать его отъ похода на Рязанскую землю. Батый хвастаетъ, что завоюетъ всю Русскую землю, и требуетъ къ себѣ на ложе дочерей и сестеръ рязанскихъ князей. Одинъ коварный вельможа рязанскій говоритъ Батыю, что у князя Θеодора жена красавица. Батый требуетъ ее себѣ, но Θеодоръ отвѣчаетъ ему съ достоинствомъ, и разгнѣванный царь велитъ его убить. Пѣстунъ Θеодора, Аполоница, тайно хоронитъ его тѣло и спѣшитъ къ его женѣ, чтобы сообщить вѣсть о смерти ея мужа. Княгиня Евпраксія, услышавъ объ этомъ въ то время, какъ держала на рукахъ своего сына Ивана, въ отчаяніи ринулась вмѣстѣ съ нимъ съ высокаго терема на землю и убилась до смерти. Несомнѣнно, что трагическая судьба рязанскаго княжескаго дома въ XIII в. была широко извѣстна во всей Руси и возбуждала народныя симпатіи. Нужно думать, что о несчастномъ князѣ Θеодорѣ и любящей женѣ Евпраксіи слагались пѣсни, которыя еще чувствуются за книжною повѣстью о приходѣ Батыевой рати

[1]) *Срезневскій*: „Свѣд. и зам.“, XXXIX.

на Рязань. Но едва ли болѣе столѣтія это событіе было въ свѣжей памяти у народа: историческій разсказъ подвергся общей участи, постигающей все историческое въ устахъ и памяти народа. Имена дѣйствующихъ лицъ были забыты или спутаны, событіе окрасилось сказочными чертами и, отрѣшившись отъ прежнихъ именъ, могло быть прикрѣплено къ другимъ, а историческія имена въ свою очередь могли прикрѣпиться къ другимъ фабуламъ. Доказательство тому и другому процессу можно дѣйствительно найти въ нашемъ эпосѣ. Разложившіяся отдѣльныя черты основнаго сказанія прикрѣпились къ имени кн. Владиміра. Въ числѣ былинъ мы находимъ такую, которая многими чертами напоминаетъ *рязанское* преданіе о Θеодорѣ и Евпраксіи, но, horribile dictu, недостойную роль безбожнаго царя Батыя въ ней играетъ князь Владиміръ. На сходство былины о Данилѣ Ловчанинѣ съ рязанскимъ сказаніемъ было уже обращено вниманіе изслѣдователями эпоса [1]). Дѣйствительно, трудно допустить, чтобы оба сказанія сложились независимо одно отъ другаго.

1) Какъ рязанскій вельможа говоритъ Батыю о красотѣ жены князя Θеодора, находящагося при его дворѣ (въ качествѣ посла отъ отца), и Батый прельщается его разсказомъ, такъ въ былинѣ Мишатка-Путятинъ сынъ соблазняетъ кн. Владиміра овладѣть женою находящагося при его дворѣ Данилы Ловчанина.

2) Батый убиваетъ кн. Θеодора; Владиміръ содѣйствуетъ самоубійству Данилы Ловчанина, отправивъ его, по совѣту Мишатка, на охоту съ труднымъ порученіемъ [2]).

3) Какъ Евпраксія, узнавъ о смерти мужа, кончаетъ жизнь самоубійствомъ, такъ и жена Данилы Василиса:

„Беретъ она свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василиса груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя“ [3]).

Такимъ образомъ, если здѣсь роль Батыя перенесена на князя Владиміра, то едва ли представляется болѣе рискованнымъ наше предположеніе, что на того же Владиміра могли быть перенесены черты восточнаго сказочнаго царя, иранскимъ экземпляромъ котораго является Кейкаусъ.

Но рязанское историческое преданіе интересно еще тѣмъ, что оно дало нашему эпосу не типъ, а имя княгини Евпраксіи. Типъ вѣрной жены, угрожаемой сластолюбивымъ царемъ и кончающей жизнь самоубійствомъ при извѣстіи о смерти мужа, перешелъ къ Василисѣ, женѣ Данилы Ловчанина, а имя—одно безъ всякихъ другихъ чертъ, оторванное отъ исторической княгини—прикрѣпилось къ женѣ Владиміра, полной противуположности исторической Евпраксіи по нравственнымъ свойствамъ. Очевидно, это могло произойти уже значительно позже XIII вѣка, когда имя Евпрак-

---

[1]) *Халанскій*: „Великорусскія былины кіевскаго цикла“, стр. 82.
[2]) Вліяніе библейскаго сказанія о Давидѣ и Уріевой женѣ.
[3]) *Киреев.*, III, 32—38.

сіи уже было отдѣлено отъ историческаго событія, связаннаго съ нимъ, когда оно уже ничего не говорило народному воображенію, кромѣ того, что это была какая-то *извѣстная* княгиня, чѣмъ-то и когда-то прославившаяся. А такъ какъ въ эпосѣ единственною княгиней, княгиней κατ᾽ ἐξοχήν, является жена былиннаго князя Владиміра, то немудрено, что какой-нибудь сказитель, а за нимъ другіе, назвалъ эту княгиню именно Апраксіей (Опраксой). Такимъ образомъ, между именемъ и типомъ Евпраксіи такая же случайная связь, какъ, напримѣръ, между «эпическою» матерью (Добрыни и друг.) Омельфой (Амелфой) и женой библейскаго Пентефрія Амемфіей (Мемфіей, Амемфріей), встрѣчающейся въ русскомъ переводѣ апокрифическаго завѣщанія Іакова [1]). Впрочемъ, быть можетъ, къ женѣ Владиміра сначала было прикрѣплено не одно имя, но вмѣстѣ съ *одною* чертой рязанскаго сказанія, именно съ тою, что Евпраксію, княжескую жену, хочетъ у живаго мужа отнять иноземный царь. Таковъ, напримѣръ, царь Василій Прекрасный, который хочетъ взять Кіевъ, повѣсить Владиміра, а княгиню Евпраксію Никитишну замужъ взять [2]), или Калинъ-царь [3]), посылающій Владиміру такія же угрозы. Но разъ прикрѣпившись къ женѣ Владиміра съ подобною чертой, имя Евпраксіи должно было перейти и въ другіе былинные сюжеты, гдѣ является княгиня Кіевская, не имѣющіе ничего общаго и даже вполнѣ противуположные той чертѣ, съ которой это имя первоначально втерлось въ кругъ кіевскихъ эпическихъ именъ [4]).

Конечно, наша попытка объяснить типы Владиміра и Евпраксіи и нѣкоторыя черты типа Ильи иранскимъ наслоеніемъ можетъ вызвать цѣлый рядъ возраженій. Во-первыхъ, намъ могутъ сказать, что послѣ капитальнаго изслѣдованія О. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ,—изслѣдованія, представляющаго тщательный анализъ чуть ли не каждой, тогда извѣстной, былины и изобилующаго многочисленными параллелями между Ильей и разными героями западныхъ и восточныхъ сказаній,—весьма рискованно выдвигать гипотезу, что на Илью наслоились преимущественно черты иранскаго національнаго богатыря.

Во-вторыхъ, почему мы предполагаемъ, что во Владимірѣ отразились черты именно иранскаго царя Кейкауса, а не весьма распространенныя черты вообще *сказочныхъ* царей, несправедливыхъ деспотовъ, женолюбовъ,

---

1) Мнѣніе Лавровскаго, раздѣляемое акад. Ягичемъ; см. *Ровинскаго*: „Русскія народныя картинки“, IV, стр. 75, примѣч.

2) *Ефименко,* стр. 28.

3) *Рыбниковъ,* I, 98.

4) Не выходя изъ предѣловъ вышеприведеннаго рязанскаго сказанія, повѣсти о приходѣ Батыя, быть можетъ, не слишкомъ смѣло будетъ предположить, что именно изъ него же зашло въ былины странно звучащее имя Аполлонище, которое носитъ иногда богатырскій сынъ Ильи, вступающій съ нимъ въ бой (см. *Гильфердингъ,* ст. 1151: „Славное Аполлонище, сынъ дѣвки Сиверьяничны изъ Золотой орды“). Имя славнаго пѣстуна кн. Өеодора, Аполоница, приведшаго изъ орды извѣстіе о его смерти, могло, отдѣлившись отъ рязанскаго сказанія, прикрѣпиться къ былинному *славному* богатырю, пріѣзжающему изъ Золотой орды.

заставляющихъ героевъ, вродѣ Ивана-царевича, совершать разные подвиги [1])?

Въ-третьихъ, почему на княгиню Евпраксію наслоились черты именно иранской царицы Судабэ, а не черты не менѣе распространеннаго сказочнаго типа развратной жены?

При этомъ можно еще указать на то, что въ нашемъ эпосѣ нѣтъ именно того мотива—преступной любви царицы къ пасынку, который мы взяли исходнымъ пунктомъ для сопоставленія Евпраксіи съ Судабэ.

Соглашаемся, что всѣ эти и подобныя возраженія имѣютъ полное основаніе. Дѣйствительно, если мы будемъ сопоставлять *отдѣльно* Илью съ Рустемомъ, Владиміра съ Кейкаусомъ, Евпраксію съ Судабэ, то черты сходства между этими отдѣльными личностями далеко не таковы, чтобы можно было считать вѣроятнымъ, что названныя восточныя личности послужили оригиналами или, выражаясь точнѣе, наслоились бы на русскихъ. Но если мы возьмемъ всю группу этихъ лицъ, то для объясненія этого групповаго сходства едва ли можно прибѣгнуть къ эпической случайности. Связь этихъ трехъ лицъ между собою въ иранскихъ и русскихъ сказаніяхъ такова, что мы должны поставить дилемму: либо совершенно случайно иранская группа напоминаетъ русскую, либо иранская группа была перенесена цѣликомъ въ русскій эпосъ, и первое изъ этихъ предположеній, намъ, по крайней мѣрѣ, кажется менѣе вѣроятнымъ, чѣмъ второе.

Посвящая дальнѣйшіе экскурсы болѣе детальному сопоставленію Ильи Муромца съ Рустемомъ, мы коснулись его здѣсь только съ цѣлью охарактеризовать его отношенія къ Владиміру. Быть можетъ, при этомъ детальномъ сопоставленіи наша гипотеза получитъ больше правдоподобія. Теперь же въ заключеніе этого эксурса попытаемся отвѣтить на послѣднее возраженіе по поводу сопоставленія Евпраксіи съ Судабэ.

Мы видѣли, что русская княгиня *напоминаетъ* Судабэ не столько самою фабулой разсказовъ, въ которыхъ она является дѣйствующимъ лицомъ, сколько въ общемъ типѣ развратной жены. Дѣйствительно, у нея нѣтъ пасынка, въ котораго она влюбилась и, отвергнутая имъ, старалась его погубить. Но этотъ иранскій мотивъ, разъ перенесенный на русскую почву, долженъ былъ подвергнуться измѣненію, коль скоро эпическая блудливая жена стала женой князя Владиміра. При многоженствѣ на Востокѣ Судабэ *могла* имѣть пасынка при живомъ первомъ мужѣ. Но князь Владиміръ при *христіанскомъ* одноженствѣ не могъ имѣть законнаго сына, женившись на Евпраксіи, какъ на первой женѣ. Для насъ достаточно и того, что жена князя Владиміра по *эпической*, а не исторической народной памяти слыла сладострастною женщиной, и что, по забвеніи иноземнаго разсказа, который когда-то, быть можетъ, существовалъ въ перелицовкѣ въ русскомъ эпосѣ, сказители пріурочили къ Евпраксіи другой разсказъ,

[1]) Что личность эпическаго Владиміра близка къ сказочнымъ царямъ и королямъ, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ сказкахъ объ Ильѣ Муромцѣ князь Владиміръ замѣненъ *просто королемъ* (наприм., см. *Кирѣевск.*, I, приложеніе № 1).

сложившійся подъ вліяніемъ библейскаго—объ Іосифѣ и женѣ Пентефрія, причемъ чаша, которую Евпраксія прячетъ въ суму Касьяна (Михаила), напоминаетъ чашу, спрятанную Іосифомъ въ суму Веніамина. Этотъ библейскій разсказъ, также какъ, вѣроятно, эпизодъ съ Чурилой, является въ нашемъ эпосѣ позднѣйшею замѣной утраченнаго разсказа о другой невѣрности Евпраксіи,—разсказа восточнаго происхожденія, – причемъ, однако, какъ мы видѣли, въ *новыхъ* разсказахъ могли сохраниться нѣкорыя черты прежняго. Такими чертами намъ представляются: *троекратное* настоятельное любовное нападеніе Евпраксіи на Касьяна (Михаила), желаніе погубить отвергнувшаго ее человѣка и доказательство его невиновности «судомъ Божіимъ», хлопоты Евпраксіи передъ мужемъ о приближеніи къ ней лица, ей полюбившагося (назначеніи Чурилы въ постельничіи), безнаказанность невѣрной жены, вслѣдствіе слишкомъ сильной привязанности къ ней мужа, и поруганіе ее не мужемъ, а богатыремъ (Алешей), дерзающимъ наказать жену князя въ силу того, что онъ (богатырь) оказалъ князю великую услугу, избавивъ его отъ бѣды. Думаемъ, что въ этихъ деталяхъ слѣдуетъ видѣть отголоски болѣе древняго разсказа и что онѣ не *случайно* совпадаютъ съ чертами персидскаго сказанія о Судабэ и Сіавушѣ. Если мы припомнимъ, какую длинную исторію передѣлокъ, контаминацій и искаженій прошелъ нашъ эпосъ съ XII по XIX столѣтіе, то едва ли можемъ ожидать болѣе яркихъ отголосковъ иранскаго типа царицы, чѣмъ тѣ, которые мы предполагаемъ.

Чтобы въ дальнѣйшемъ не возвращаться болѣе къ эпическому Владиміру, я рискую высказать еще одно предположеніе, подчеркнуть еще одно детальное совпаденіе его съ Кейкаусомъ, хотя, быть можетъ, многимъ оно покажется чистою случайностью. Въ одной изъ своихъ драгоцѣнныхъ *Мелкихъ замѣтокъ* къ былинамъ, акад. А. Н. Веселовскій дѣлаетъ выдержку изъ путевыхъ записокъ Лассоты (1594 г.), изъ которой мы узнаемъ одно народное преданіе о Владимірѣ, прикрѣпленное къ кіевскому Софійскому собору. По словамъ Лассоты, на хорахъ этого храма въ одной изъ плитъ, какъ разъ надъ алтаремъ, продѣлано круглое отверстіе, вышиною въ ½ локтя, но теперь замазано известью. Говорятъ, что тутъ встарину находилось зеркало, въ которомъ посредствомъ магическаго искусства можно было видѣть все, о чемъ задумано, хотя бы даже это происходило за нѣсколько сотъ миль. Когда разъ кіевскій царь (имѣется въ виду кн. Владиміръ) выступилъ въ походъ противъ язычниковъ и долго не возвращался, то супруга его каждый день смотрѣла въ зеркало, чтобы узнать, что съ нимъ случилось и чѣмъ онъ былъ занятъ. Но увидѣвъ однажды его любовную связь съ языческою плѣнницей, она въ гнѣвѣ разбила самое зеркало [1]).

Указавъ на значительную распространенность сюжета «волшебнаго зеркала», А. Н. Веселовскій замѣчаетъ: «Очевидно, что мы имѣемъ дѣло съ

---

[1]) *Ж. М. Н. Пр.* 1885 г., декабрь, стр. 189.

бродячимъ повѣрьемъ, *случайно* приставшимъ къ Кіеву, можетъ быть, впервые, въ разсказѣ лица, введшаго въ заблужденіе Лассоту, можетъ быть, и ранѣе. Въ томъ и другомъ случаѣ подъ кіевскимъ царемъ приходится разумѣть Владиміра, о которомъ, по словамъ Лассоты, сохранились и другія воспоминанія въ томъ же храмѣ: «въ верхней части церкви находится темная комната, въ которой Владиміръ будто бы велѣлъ замуравить одну изъ своихъ женъ; далѣе (item) отъ хоровъ ведетъ витая лѣстница къ небольшой башнѣ, гдѣ, какъ говорятъ, происходили засѣданія совѣта Владиміра» [1]).

Конечно, въ пріуроченіи «волшебнаго зеркала» къ Владиміру можно вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ допустить случайность. Но лучше, если бы можно было устранить такую случайность. Не пріурочено ли волшебное зеркало къ Владиміру потому, что подобный же снарядъ принадлежалъ прототипу *эпическаго* Владиміра, иранскому царю Кейкаусу? У этого царя, какъ извѣстно, была чудесная чаша семи кешверовъ (т.-е. семи частей земли), смотря въ которую (вѣроятно, на поверхность жидкости), царь видѣлъ все, что совершается на всей землѣ [2]). У Фирдоуси есть также сказаніе о случаѣ, при которомъ Кейкаусъ употребилъ свою чашу-зеркало. Когда юный пехлеванъ Бежанъ былъ въ Туранѣ посаженъ Афрасіабомъ въ «погреба глубокіе» за то, что полюбилъ его дочь, и когда эта дочь (Менижэ), по приговору отца, кормила подаяніемъ своего посаженнаго въ погребъ мужа, то Кейкаусъ узналъ объ этомъ совершившемся въ Туранѣ событіи, посмотрѣвъ въ свою чудесную чашу. Память объ этой чашѣ перешла, вмѣстѣ съ популярнѣйшимъ эпизодомъ о любви Менижэ къ Бежану, изъ иранскаго эпоса на Кавказъ, хотя чаша подверглась, какъ обыкновенно бываетъ въ исторіи устныхъ преданій, метаморфозѣ, какъ и другія болѣе существенныя черты иранскаго сказанія и Бежанѣ. Такъ, въ сванетскомъ пересказѣ чаша замѣнена какими-то «минутными часами» (sic), которые принадлежатъ не Кекевозу, а Ростому. Посмотрѣвъ на нихъ, онъ увидѣлъ, что Бежанъ посаженъ въ яму царемъ Афросуапомъ (Афрасіабомъ) [3]). Въ осетинской версіи того же сюжета, вмѣсто чаши, находимъ чудесное зеркало (какъ у Лассоты), въ которое смотритъ жена Ростома, чтобы узнать объ участи Беза (Бежана) [4]). Въ виду значительнаго распространенія иранскаго «чудеснаго зеркала-чаши» на Кавказѣ, можно предположить, что оно забрело и далѣе на сѣверъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ его иранскимъ владѣльцемъ Кейкаусомъ и съ другими чертами послѣдняго пристало къ князю Владиміру; быть можетъ, когда-нибудь оно упоминалось въ какой-нибудь не дошедшей до насъ былинѣ, быть можетъ, преданіе, сообщенное Лассотой, о томъ, что зеркало было разбито царицей, увидѣвшей любов-

---

1) *Тамъ же*, стр. 190.

2) *Mohl*, III.

3) См. мою статью *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. Этногр. Обозрѣніе*, кн. II, стр. 23.

4) *Тамъ же, стр. 26.*

ную связь своего отсутствующаго мужа, входило въ какое-нибудь не дошедшее до насъ любовное похожденіе эпическаго Владиміра [1]. Какъ бы то ни было, интересно отмѣтить, что какъ преданіе о зеркалѣ, такъ и другое, о замурованіи кіевскимъ царемъ своей жены (быть можетъ, за невѣрность?), затрогиваютъ семейныя отношенія эпическаго Владиміра, которыя, какъ мы знаемъ изъ былинъ, представляются не совсѣмъ чистоплотными, такъ какъ его женолюбіе не уступало распущенности Апраксіи. Очевидно, что эти черты семейныхъ нравовъ Владиміра жили весьма стойко и прочно въ народныхъ сказаніяхъ, если, преимущественно передъ другими, отложились въ народной памяти и пріурочились даже къ весьма неподобающему для нихъ мѣсту—къ Софійскому собору въ Кіевѣ.

---

[1] Разбиваніе зеркала, показывающаго непріятное, царицей—черта, нерѣдко встрѣчающаяся въ сказкахъ.

II.

Добрыня-змѣеборецъ.

(Посвящается А. И. Кирпичникову).

Въ первомъ экскурсѣ, указывая на несоотвѣтствіе былеваго князя Владиміра историческому, я старался уяснить это несоотвѣтствіе тѣмъ, что на имя историческаго князя отслоились черты восточнаго эпическаго царя, иранскимъ экземпляромъ котораго является персидскій Кейкаусъ. Отъ князя Владиміра естественъ переходъ къ его ближайшему богатырю Добрынѣ, котораго Илья Муромецъ въ свой первый пріѣздъ въ Кіевъ уже застаетъ при княжескомъ дворѣ. Имена Владиміра и Добрыни такъ тѣсно связаны въ нашей лѣтописи, что естественнымъ представляется вопросъ, сохранились ли хоть какіе-нибудь историческіе отголоски въ эпическомъ Добрынѣ или, какъ полагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, между послѣднимъ и дядей Владиміра Святаго нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени. Такъ или иначе отвѣтить на этотъ вопросъ я считаю нужнымъ, прежде чѣмъ перейти къ изслѣдованію типа главнаго богатыря нашего эпоса.

Резюмируя содержаніе былинъ о Добрынѣ, Д. И. Ровинскій вполнѣ соглашается съ П. А. Безсоновымъ въ томъ, «что образъ Добрыни значительно уступаетъ въ опредѣленности образу Ильи Муромца: качества и подвиги этого послѣдняго такъ типичны и оригинальны, что ихъ нельзя приставить и присвоить другимъ богатырямъ; подвиги же Добрыни, напротивъ того, *не исключая даже битвы его съ змѣемъ*, понабраны кусочками изъ разныхъ источниковъ и подвергнуты при этомъ только самой незначительной переработкѣ» [1]). Дѣйствительно, даже въ самомъ прочномъ и стойкомъ мотивѣ, связанномъ съ именемъ Добрыни, въ битвѣ со змѣемъ, изслѣдователи эпоса уже давно указали черты соотношенія со сказаніемъ о святыхъ змѣеборцахъ Георгіи и Ѳедорѣ Тиронѣ, особенно съ первымъ. На эту связь указывалъ и О. Миллеръ, и Ѳ. И. Буслаевъ, и Д. И. Ровинскій [2]). Въ

---

1) *Русскія народныя картинки*, IV, стр. 128.

2) *О. Миллеръ*: „Илья Муромецъ“, стр. 433, 436; *Ѳ. И. Буслаевъ*: *Ж. М. Нар. Пр. 1871 г., т. CLIV*, отд. 2, стр. 216; *Ровинскій*: наз. соч., стр. 78, примѣч.

виду того, что на соотношеніи Добрыни съ Георгіемъ духовныхъ стиховъ основываю я нѣкоторыя соображенія о былевомъ богатырѣ-змѣеборцѣ, считаю нелишнимъ напомнить нѣкоторыя параллельныя черты былевыхъ сказаній и духовныхъ стиховъ.

Кромѣ сходства въ общемъ мотивѣ, спасеніи царской дочери отъ змѣя, мотивѣ чуть ли не всемірномъ, въ былинахъ о Добрынѣ встрѣчается рядъ деталей, извѣстныхъ изъ духовныхъ стиховъ.

Какъ конь Добрыни топчетъ стадо змѣиное, такъ и Егорій храбрый наѣзжаетъ на стадо змѣиное [1]) и топчетъ змѣя конемъ [2]). Послѣ убіенія змѣя, кровь его образуетъ цѣлый потокъ, въ которомъ погрязаетъ конь Добрыни. Богатырь, по повелѣнію голоса съ неба, ударяетъ копьемъ въ землю, и она поглощаетъ змѣиную кровь [3]). То же поглощеніе крови змѣя землей, по просьбѣ Егорія или Ѳедора Тирона, составляетъ обычный мотивъ духовныхъ стиховъ [4]). Змѣй, унесшій Забаву Путятичну въ пещеры глубокія, обыкновенно называется Горыничемъ (въ былинахъ о Добрынѣ). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ стиха о Егоріи змѣй носитъ то же имя [5]) или называется Змѣею *Пещерскою* [6]), а въ стихахъ о Ѳедорѣ Тиронѣ поется, что змѣй унесъ его мать въ *пещеры глубокія* [7]). Выѣзжая на битву со змѣемъ, чтобы выручить княжую племянницу, Добрыня обязательно беретъ благословеніе у матери, которая даетъ ему совѣтъ относительно коня. Точно такъ же Егорій храбрый проситъ благословенія у матери Софіи Премудрой, которая при этомъ иногда говоритъ ему:

„Ты поди, мое чадо милое,
Ты поди во чисты поля,
Ты возьми коня богатырскаго,
Со двѣнадесять цѣпей желѣзныхъ,
И со збруею богатырскою,
Со вострымъ копьёмъ со булатнымъ,
И со книгою со Евангельемъ“ [8]).

Въ былинахъ о Добрынѣ находимъ иногда указаніе на ранній возрастъ, въ которомъ онъ начинаетъ свои подвиги: двѣнадцати лѣтъ онъ имѣетъ уже дружину и первый его подвигъ—купаніе въ Израй (Пучай) рѣкѣ, гдѣ нападаетъ на него змѣй. Точно такъ же Ѳедоръ Тиронъ *двѣнадцати* лѣтъ выѣзжаетъ биться съ силою жидовской и выручаетъ свою мать изъ пещеръ змѣиныхъ [9]). Въ одномъ варіантѣ о боѣ Добрыни со змѣемъ упоминается

---

[1]) *Безсоновъ*: „Калѣки перехожіе“, I, стр. 418.
[2]) Тамъ же, стр 510.
[3]) *Рыбниковъ*, III, стр. 66; ср. *Гильфердингъ*, столб. 35.
[4]) *Безсоновъ*: „Калѣки перехожіе“, I, стр. 418, 481, 485 (Егорій), 526, 529, 531, 535, 538, 540, 547 (Ѳедоръ Тиронъ).
[5]) Змѣя Горюница. *Кал. Пер.*, I, стр. 453.
[6]) Тамъ же, стр. 505.
[7]) Тамъ же, стр. 525, 530.
[8]) *Кал. перех.*, I, стр. 426; срав. 448, 471, 478, 490.
[9]) Наз. соч., I, стр. 528, 538.

та деталь, что, по убіеніи змѣя, Добрыня въ пещерѣ змѣиной находитъ стариковъ и старухъ, «а у грудей висятъ маленьки змиёнышки» [1]). Въ параллель съ этимъ, змѣй, утащившій мать Ѳедора Тирона, посадилъ ее въ пещеру:

„И далъ сосать двоимъ юношамъ,
Двоимъ юношамъ, двоимъ змѣятушкамъ“ [2]).

Этихъ фактовъ достаточно, чтобъ установить соотношеніе между Добрыней, какъ змѣеборцемъ, и обоими другими змѣеборцами духовныхъ стиховъ. Когда въ изслѣдованіи нашего эпоса пользовалось кредитомъ миѳологическое толкованіе, т.-е. лѣтъ двадцать тому назадъ, такое соотношеніе не затрудняло изслѣдователя. Такъ, О. Миллеръ, указавъ на аналогію Добрыни съ Егоріемъ, замѣчаетъ: «Миѳическое тождество скрывающагося подъ Егоріемъ божества съ тѣмъ, которое скрывается подъ Добрыней, кажется ясно. Скрывается же подъ Егоріемъ, какъ видно изъ народнаго егорьевскаго праздника съ его обрядами и изъ значенія, получаемаго Егоріемъ въ заговорахъ, скрывается подъ нимъ божество солнечное. То же самое божество приходится видѣть и въ Добрынѣ Никитичѣ. Миѳическая основа у него, такимъ образомъ, совершенно иная, чѣмъ у Ильи Муромца, но она оказывается одною и тою же у Добрыни и у князя Владиміра. *Въ этомъ и миѳическое основаніе для самаго ихъ родства.* Одно и то же существо, какъ оно и часто встрѣчается въ миѳологіи, распалось на два совершенно различныхъ лица. Недѣятельная, страдательная сторона солнца, т.-е. представленіе его ровно, невозмутимо совершающимъ свое теченіе и какъ бы предоставляющимъ оборону себя отъ тучъ разсѣкающему ихъ мечу громовержца Ильи, это осуществлено въ лицѣ Владиміра. Сторона же солнца дѣятельная, воинственная, т.-е. представленіе его ведущимъ постоянную борьбу съ тьмою, каждодневно торжествующимъ надъ нею по утрамъ, каждогодно же торжествующимъ надъ зимой, мечами своихъ лучей разбивающимъ ея оковы, избавляющимъ плѣненную ею землю,—это олицетворилось въ Добрынѣ-Егорьѣ» [3]).

Такимъ образомъ, однимъ прикосновеніемъ волшебнаго миѳологическаго жезла уяснена и солнечная природа Добрыни, и соотношеніе его съ другимъ «солярнымъ» олицетвореніемъ — Егоріемъ. Однако, несомнѣнно, что покойный авторъ этого миѳологическаго комментарія самъ не удовлетворился бы имъ въ настоящее время и поискалъ бы другаго объясненія. Разъясненію же здѣсь подлежатъ два вопроса, изъ которыхъ одинъ рѣшается, повидимому, безъ затрудненія, а другой требуетъ болѣе детальнаго анализа.

Первый вопросъ—чѣмъ объясняются вышеприведенныя совпаденія въ деталяхъ между былинами о Добрынѣ-змѣеборцѣ и духовными стихами

---

[1]) *Гильфердингъ*, столб. 1252.

[2]) *Кал. пер.*, I, стр. 525; ср. также: *Тихонравовъ*: „Памятн. отреч. литер.“, II, стр. 93—99.

[3]) Наз. соч., стр. 434.

о Егоріи и Θедорѣ Тиронѣ — рѣшается предположеніемъ взаимодѣйствія этихъ пѣсенъ, вслѣдствіе сходства въ основномъ сюжетѣ, иначе сказать — нѣкоторыя черты изъ стиховъ о святыхъ змѣеборцахъ могли быть переносимы на Добрыню, и, быть можетъ, наоборотъ. Небесный гласъ, повелѣвающій Добрынѣ вонзить копье въ землю, потокъ отъ змѣиной крови — это такія черты, которыя едва ли были основными въ сказаніи о боѣ Добрыни со змѣемъ. Онѣ повторяются весьма прочно въ сказаніи о Егоріи храбромъ и встрѣчаются лишь спорадически въ варіантахъ о змѣеборствѣ былеваго Добрыни [1]).

Гораздо интереснѣе другой вопросъ: почему эпическій мотивъ борьбы съ змѣемъ былъ прикрѣпленъ въ нашемъ эпосѣ именно къ богатырю Добрынѣ, который въ немъ является змѣеборцемъ по преимуществу. Въ виду повсемѣстной распространенности этого мотива, пожалуй, нашъ вопросъ можетъ казаться празднымъ. Въ каждомъ эпосѣ есть свои змѣеборцы, во множествѣ сказокъ мы встрѣчаемся съ ними на каждомъ шагу; поэтому совершенно естественно, что и между нашими богатырями должно было оказаться лицо съ признаками этого шаблоннаго типа. Все это такъ, пусть *случайно* избитый мотивъ наслоился на имя Добрыни; но случайность должна также имѣть свою raison d'être, особенно въ данномъ случаѣ, когда змѣеборство приписывается богатырю, носящему историческое имя. Для сторонниковъ широкихъ миѳологическихъ толкованій Добрыня сталъ змѣеборцемъ потому, что онъ въ основѣ своей былъ лишь олицетвореніемъ воинствующаго солнца, торжествующаго свою ежегодную и ежедневную побѣду надъ зимою и мракомъ, и въ этомъ же О. Миллеръ видѣлъ миѳологическое основаніе для самаго родства Добрыни съ «солярнымъ» Владиміромъ. Но для насъ, въ связи съ общимъ нашимъ взглядомъ на генезисъ былинъ, стоитъ на первомъ планѣ то обстоятельство, что богатырь-змѣеборецъ носитъ имя историческаго лица Добрыни, дяди историческаго князя Владиміра, и мы считаемъ поэтому далеко не празднымъ вопросъ, почему ближайшій помощникъ кн. Владиміра, его лѣтописный дядя, его воспитатель и руководитель, сначала ревностный поборникъ національнаго идолослуженія, затѣмъ ревностный распространитель христіанства, получилъ въ нашемъ богатырскомъ эпосѣ ту же роль, которая въ духовныхъ стихахъ принадлежитъ Егорію или Θедору Тирону? Присутствіе въ нашемъ эпосѣ значительнаго количества историческихъ именъ указываетъ на то, что въ

[1]) Такое перенесеніе нѣкоторыхъ деталей изъ духовныхъ стиховъ въ былины объясняется тѣмъ, что одни и тѣ же сказители поютъ и о Добрынѣ, и о Егоріи. Такъ, голосъ съ небеси въ былинѣ о Добрынѣ встрѣчается у Калинина (*Гильф.*, стлб. 35), который, по словамъ Гильфердинга, знаетъ много духовныхъ стиховъ (стр. 6). Духовная окраска былины о змѣеборствѣ Добрыни у Феопонова (наприм., облаци) объясняется тѣмъ, что этотъ сказитель, главнымъ образомъ, поетъ духовные стихи (*Гильф.*, стлб. 295). Въ тонѣ былинъ Щеголенка (№ 123), по словамъ Гильфердинга, отзывается то, что онъ „большой охотникъ ходить по монастырямъ и слушать божественныя книги" (ст. 636).

основѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ былинъ лежали историческія пѣсни, въ которыхъ, какъ въ эпосахъ другихъ народовъ, съ теченіемъ времени историческіе факты и лица были вытѣснены фантастическими, сказочными, и лишь кое-гдѣ сохранились въ видѣ глухихъ отголосковъ. Поэтому, если, для выясненія множества былевыхъ сюжетовъ, изслѣдователь долженъ привлекать къ сравненію сходные сюжеты въ сказаніяхъ другихъ народовъ, то не меньшее значеніе имѣютъ работы и такихъ изслѣдователей, которые уясняютъ историческіе отголоски, сохранившіеся въ нашихъ былинахъ, слѣдятъ за отраженіемъ историческихъ личностей и событій въ народномъ сознаніи и словѣ. Къ этому направленію, уже не мало уяснившему эволюцію нашего эпоса, принадлежатъ многія соображенія Л. Н. Майкова, Ѳ. И. Буслаева, Н. П. Квашнина-Самарина, Дашкевича, И. Н. Жданова, М. Халанскаго и др. Съ этой точки зрѣнія рѣшаюсь и я сдѣлать попытку къ уясненію роли Добрыни, какъ эпическаго змѣеборца, и формулирую свою гипотезу такъ: нельзя ли объяснить змѣеборство Добрыни, какъ эпическій отголосокъ какихъ-нибудь народныхъ преданій объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ князя Владиміра? Гипотеза эта, какъ мы сейчасъ увидимъ, вовсе не такъ фантастична, какъ это кажется сначала. Кто слѣдилъ за судьбами *историческихъ* народныхъ пѣсенъ, за искаженіями историческихъ фактовъ въ народной памяти, вслѣдствіе контаминаціи ихъ сказочными мотивами, для того a priori не покажется фантастичнымъ и невозможнымъ предположеніе, что змѣеборство можетъ быть эпическою оболочкой, подъ которой скрывается какой-нибудь историческій фактъ, поблекшій въ народной памяти. Чтобъ ограничиться двумя-тремя яркими примѣрами того процесса, который въ устахъ народа постигаетъ историческіе факты и лица, вспомнимъ, напримѣръ, нѣкоторыя черты народныхъ пѣсенъ объ Иванѣ Грозномъ или о другихъ болѣе близкихъ къ нашему времени историческихъ личностяхъ. Такъ, въ пѣснѣ о наѣздѣ литовцевъ на каменну Москву старый Никитушка Романовичъ со Вшивой горки, узнавъ о разореніи Москвы литовцами, которые въ теченіе пѣсни уже превратились въ татаръ,

„Обернулся чернымъ ворономъ,
Улетѣлъ же тутъ во чисто поле.
Вся же сила у татаръ да спать порозлегла.
Обернулся тутъ Микитушка сѣрымъ волкомъ,
А конюшокъ-то всѣхъ у нихъ повыдавилъ.
Обернулся тутъ Микита добрымъ молодцемъ,
Вси замочки въ оружьицахъ повыщербилъ,
Сабельки у нихъ да вси повытупилъ,
Тесачки у нихъ да вси повыломалъ“ [1]).

Словомъ, Никита Романовичъ продѣлываетъ то же самое, что богатырь Вольга въ царствѣ Индѣйскомъ. Шуринъ Ивана Грознаго, Кострюкъ Темрюковичъ, въ извѣстной пѣснѣ представленъ какимъ-то чудищемъ, вродѣ Соловья-разбойника:

---

1) *Гильфердингъ*, ст. 102.

„Зашипѣлъ онъ по-змѣиному,
Заревѣлъ онъ по-звѣриному,
Переломалъ пятьдесятъ скамей,
Передавилъ онъ придайство все,
Двѣсти татариновъ, полтораста бояриновъ,
И семьсотъ донскихъ козаковъ,
Что ни лучшихъ добрыхъ молодцевъ" [1]).

Историческая Марина Мнишекъ, въ извѣсной пѣснѣ о Гришкѣ Разстригѣ, обернулась сорокою и изъ палатъ вонъ вылетѣла [2]). Михаилъ Скопинъ, при нападеніи Литвы *некрещеной* на Москву, садится на латырь-камень, пишетъ ярлыки скорописчаты королю (свейскому), прося у него помощи, и затѣмъ, не дождавшись ея прихода,

„Усгрёбъ тесницку дубовую,
Поцалъ тесницкой помахивать:
Куды махнёть—туды улица,
Куды отмахнёть—переулоцикъ.
У три цаса, у три цетьверти
Прибилъ всю Литву нехресцоную,
Очистилъ Москву просвѣсцоную
И домъ Пресвятыя Богородицы" [3]).

Словомъ, расправляется съ Литвою такъ же, какъ былевые богатыри, наприм., Илья Муромецъ съ татарами. Нерѣдки случаи въ народныхъ сказаніяхъ, когда историческіе враги получаютъ совсѣмъ сказочную окраску: такъ, намъ, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, представляется вѣроятнымъ, что Тугаринъ Зміевичъ нашихъ былинъ, летающій на бумажныхъ крыльяхъ, эпическій потомокъ историческаго половецкаго хана Тугоркана.

Такъ, проф. Кирпичниковъ, отмѣтивъ въ *Бессарабскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ* (1861 г., № 2) народную легенду о Стефанѣ Водѣ, побѣдившемъ дракона въ трехдневной битвѣ, находитъ весьма вѣроятнымъ объясненіе записавшаго это преданіе, именно его предположеніе, что это змѣеборство есть отголосокъ историческаго факта—битвы князя Стефана съ турками въ 1474 г. [4]). Въ виду множества подобныхъ примѣровъ фантастической размалевки историческихъ фактовъ въ народныхъ сказаніяхъ, а priori ничего нельзя сказать противъ нашего предположенія, что въ змѣеборствѣ Добрыни можетъ скрываться какое-нибудь глухое историческое воспоминаніе, принявшее фантастическую окраску. Но, конечно, другой вопросъ, правдоподобно ли наше предположеніе объ этомъ фактѣ. Чтобы ближе подойти къ этому факту, воспользуемся аналогіей Егорія Храбраго и спросимъ, какъ современные изслѣдователи объясняютъ мотивъ змѣеборства въ народныхъ легендахъ о св. Георгіи.

Однимъ изъ положеній своего изслѣдованія о св. Георгіи и Егоріи

---

1) *Кирѣевскій,* вып. VI, стр. 127.
2) *Кирѣевскій,* вып. VII, стр. 6.
3) Тамъ же, стр. 9.
4) *Св. Георгій и Егорій Храбрый,* стр. 110, [illegible] 2-е.

храбромъ проф. А. И. Кирпичниковъ выставляетъ то, что *аллегорическое изображенiе* Георгiя драконоубiйцы предшествовало легендарному чуду со змiемъ и породило его (полож. 4).

Разъяснивъ весьма убѣдительно несостоятельность миѳологической теорiи, по которой всѣ драконы и змѣи, побѣждаемые героями, представляютъ собою мракъ, зиму или засуху, смотря по климатическимъ условiямъ, а герои-змѣебойцы — противуположное имъ свѣтлое начало, проф. Кирпичниковъ длиннымъ рядомъ фактовъ доказываетъ, что символизмъ первыхъ вѣковъ христiанства широко воспользовался старою семито-арiйскою фигурой дракона-змѣя и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ дьявола, ада и всего враждебнаго благочестивымъ людямъ [1]).

Изъ сопоставленiя фактовъ, собранныхъ iезуитомъ Кайе въ его книгѣ *Характеристика святыхъ въ народномъ искусствѣ* [2]), оказывается, что весьма много случаевъ, когда самыя фантастическiя легенды о святыхъ ничего не говорятъ о драконѣ, между тѣмъ какъ онъ является на иконахъ попираемый или пронзаемый святымъ (св. Лонгинъ, св. Кирьякъ, св. Гоаръ VI в.). Символическое значенiе дракона можетъ быть подведено подъ нѣсколько рубрикъ: онъ ясно изображаетъ язычество, побѣждаемое проповѣдниками христiанства: такъ, апостолъ Филиппъ изгоняетъ дракона изъ-подъ *Марсова* алтаря; св. Флорентъ и Виндемiалiй убиваютъ крестнымъ знаменiемъ дракона, котораго *обожали* въ странѣ; св. Юлiанъ Киликiйскiй освобождаетъ страну отъ дракона, который поселился въ развалинахъ *Юпитерова храма*. То же значенiе борьбы съ язычествомъ, а иногда и съ ересью, имѣетъ драконъ на изображенiяхъ многихъ епископовъ первыхъ временъ христiанства [3]). На изображенiяхъ, такъ же какъ въ легендахъ, драконъ часто замѣняется змѣею; число змѣй можетъ увеличиваться при томъ же самомъ значенiи; такъ, евангелистъ Матѳей изгоняетъ двухъ змѣй; Пирминъ, проповѣдывавшiй христiанство на Рейнѣ, изображается обращающимъ въ бѣгство цѣлое стадо змѣй [4]). Слѣдуетъ особенно отмѣтить, что драконъ, какъ язычество или какъ дьяволъ, не дозволяетъ людямъ получить новую жизнь *въ крещенiи* и сдѣлаться сопричастниками источника истины; вотъ почему иногда, можетъ быть, не безъ влiянiя (миѳологическихъ) народныхъ представленiй, изображенiя и

---

[1]) Наз. соч., стр. 110.

[2]) *Caractéristique des saints dans l'art populaire*, т. I. Paris, 1867, цитов. у Кирпичникова, стр. 111.

[3]) Наприм., свв. Доната, Климента, Романа Руанскаго, Вигора, Аманда, Фронта, Гаугерика, Луна, Лауда, Германа шотландскаго, Овена, Юста и мн. друг.

[4]) Тамъ же, стр. 112. По армянскому церковному преданiю, святыя дѣвы Рипсимiи, пришедъ (въ IV в.) изъ Сирiи въ одну изъ восточныхъ областей Арменiи, нашли, что жители этой мѣстности поклоняются двумъ почернѣвшимъ *вишапамъ* (драконамъ, вѣроятно, идоламъ), въ которыхъ вселились *дэви*; этимъ *вишапамъ* приносили въ жертву цѣломудренныхъ дѣвъ и непорочныхъ юношей. При появленiи свв. дѣвъ, идолы были сокрушены и *дэви* скрылись, послѣ чего народъ увѣровалъ въ истиннаго Бога. *Эминъ*: „Очеркъ религiи древнихъ армянъ“, стр. 36.

легенды заставляютъ его не допускать людей къ водѣ. Такого дракона, возбраняющаго воду, убилъ крестомъ Никарій, по преданію, первый епископъ Руанскій, св. Нарциссъ, апостолъ Винделикій и друг. Какъ и въ сказкахъ, мотивъ этотъ въ легендахъ иногда затемняется: драконъ не возбраняетъ воду, но погибаетъ у воды; это извѣстно относительно драконовъ свв. Сира, Павакія, Домиціана. Битва съ дракономъ удобно локализируется *именно у того источника или той рѣки, гдѣ происходило крещеніе народа* [1]). Въ связи съ этими фактами проф. Кирпичниковъ считаетъ наиболѣе вѣроятнымъ старое объясненіе—болландистовъ, что женщина въ царскомъ одѣяніи, изображаемая традиціонно на иконахъ св. Георгія,—царица Александра, а драконъ—язычество, отъ котораго освободилъ ее Георгій [2]). Что касается Егорія храбраго на Руси, то каково бы ни было первоначальное значеніе змѣя, чудо о зміи, т.-е. освобожденіе отъ него царской дочери, перешло къ намъ литературнымъ путемъ и такъ называемый *краткій* стихъ о Егоріи излагаетъ его сравнительно близко къ своему литературному источнику. Гораздо самостоятельнѣе переработка литературнаго источника въ такъ называемомъ большомъ стихѣ о Егоріи, излагающемъ его мученія, поѣздку на Русь и битву съ Демьянищемъ. Составитель этого стиха, по объясненію проф. Кирпичникова, зналъ св. Георгія въ двухъ малосходныхъ видахъ: по житію, какъ мученика, и по изображенію [3]), какъ побѣдоносца, побѣдителя змѣя. Стихъ стремился связать эти два представленія; мучитель Дадьянъ и змѣй, убиваемый Георгіемъ, исконный врагъ всего свѣтлаго и благодѣтельнаго, слились въ одно существо; дѣвица съ царскою короной на головѣ обратилась въ мать Георгія, дающую ему благословеніе на битву съ врагомъ вѣры христіанской. Представленіе великомученика побѣдителемъ этого врага поддерживалъ и его эпитетъ «побѣдоносца», и церковныя пѣсни, воспѣвавшія его нравственную побѣду надъ мучителемъ [4]).

Мы не безъ цѣли остановились болѣе подробно на значеніи дракона-змія въ легендѣ о Георгіи Побѣдоносцѣ. Въ виду близкаго соотношенія между стихами о Егоріи храбромъ и былиной о Добрынѣ-змѣеборцѣ и ихъ взаимнаго вліянія, мы считаемъ возможнымъ воспользоваться генезисомъ легенды о Георгіи, *какъ аналогіей* для нѣкотораго подкрѣпленія нашей гипотезы о *значеніи* эпическаго мотива змѣеборства, наслоившагося на имя историческаго Добрыни. А именно: подобно тому, какъ въ церковно-*народной* средѣ, въ силу психическихъ процессовъ, намъ трудно уяснимыхъ, но извѣстныхъ намъ по результатамъ, къ имени великомученика нѣкогда (вѣроятно, въ Сиріи) прикрѣпился мотивъ змѣеборства, повидимому, какъ внѣшняя оболочка религіознаго духовнаго подвига—рас-

---

1) Тамъ же, стр. 113.

2) Тамъ же, стр. 115.

3) Иконы съ Георгіемъ на конѣ и дѣвицей, ведущей побѣжденнаго имъ змѣя, были извѣстны на Руси уже въ XIII и, вѣроятно, въ XII в.

4) Въ *Ист. словесн.* Галахова, I, стр. 260.

пространенія христіанства и сокрушенія язычества,—подобно тому, въ былинѣ о Добрынѣ-змѣеборцѣ отразилась въ эпическихъ чертахъ энергическая и памятная нѣкогда широко на Руси дѣятельность историческаго дяди Владиміра по распространенію христіанства, сопровождавшаяся сверженіемъ идоловъ и массовымъ крещеніемъ язычниковъ.

Въ подтвержденіе этой гипотезы могутъ быть приведены нѣкоторые факты какъ *историческіе*, такъ и *былевые*. Начнемъ съ первыхъ: что̀ намъ извѣстно объ историческомъ Добрынѣ, дядѣ Владиміра? Очень мало достовѣрнаго, но изъ всѣхъ мѣстъ лѣтописи, въ которыхъ о немъ упоминается, вполнѣ ясно, что имя его въ XII в. живо хранилось въ народной памяти и что его личность, наравнѣ съ личностью кн. Владиміра, получила уже народно-эпическую окраску. Изъ лѣтописи извѣстно, что Добрыня былъ не только ближайшимъ родственникомъ Владиміра, но его воспитателемъ, руководителемъ и самымъ преданнымъ воеводой. Онъ посовѣтовалъ своему питомцу принять столъ новгородскій и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ тамъ при юномъ князѣ. Онъ заступился за честь Владиміра и добылъ ему силою гордую полоцкую княжну, не хотѣвшую *разуть робичича*. Ему приписывается, отзывающійся народнымъ юморомъ, совѣтъ Владиміру поискать лапотниковъ для собиранія дани. Но для нашей гипотезы особенно важно то, что въ народномъ преданіи Добрыня всего крѣпче связанъ съ религіознымъ культомъ. Въ свою бытность въ Новгородѣ посадникомъ, онъ является такимъ же ревнителемъ народнаго культа, какимъ до обращенія былъ Владиміръ. Онъ ставитъ кумиръ надъ Волховомъ и приноситъ ему жертвы. А затѣмъ, по свидѣтельству драгоцѣннаго отрывка такъ называемой Іакимовой лѣтописи, вмѣстѣ съ воеводой Путятой огнемъ и мечомъ водворяетъ въ томъ же городѣ христіанство и креститъ жителей. Хотя разсказъ очевидца о крещеніи новгородцевъ общеизвѣстенъ (наприм., изъ подробнаго изложенія въ *Исторіи Россіи* С. Соловьева), но я считаю не лишнимъ еще разъ припомнить нѣкоторыя его детали, въ виду значенія, которое придаю ему, какъ историческому подкрѣпленію своей гипотезы.

Въ Новгородѣ уже поджидали прихода Добрыни съ цѣлью крестить жителей, и сильная языческая партія рѣшила на вѣчѣ не пускать его въ городъ и не дозволить ему сокрушить идоловъ. Когда Добрыня подошелъ, новгородцы разметали мостъ великій, вывезли къ мосту *пороки* (камнеметательные снаряды) и, не слушая никакихъ *лагодныхъ* словъ Добрыни, готовились отразить его приступъ. Особенно агитировали противъ крещенія высшій жрецъ Богомилъ (по прозванію Соловей, сладкорѣчія ради) и тысяцкій Угоняй, который, разъѣзжая по городу, вопилъ: «Лучше намъ умереть, а не отдать нашихъ боговъ на поруганіе». Духовенство, сопровождавшее Добрыню, проповѣдывало христіанство на *торговой сторонѣ* и въ теченіе двухъ дней крестило нѣсколько сотъ людей. Но въ самомъ городѣ, на *той* сторонѣ, жители, подъ вліяніемъ агитаціи жрецовъ, не склонялись къ новой вѣрѣ и, разсвирѣпѣвъ противъ Добрыни, разорили его домъ, разграбили имущество, убили его жену и нѣкоторыхъ род-

ственниковъ. Первый успѣхъ былъ достигнутъ Добрыней благодаря тысяцкому Владимірову Путятѣ, «мужу смысленому и храброму». Онъ, снарядивъ лодки, ночью перевезся съ 500 ростовцевъ выше города на ту сторону рѣки, вошелъ незамѣтно въ городъ, арестовалъ главу новгородцевъ Угоняя и другихъ крупныхъ людей и послалъ объ этомъ сказать Добрынѣ за рѣку, чтобъ призвать его на подмогу, потому что его отрядъ окружило до 5,000 новгородцевъ и ему грозило избіеніе. Доведенные до иступленія язычники, изъ мести христіанской партіи въ городѣ, разметали церковь Преображенія Господня и разграбили христіанскіе дома. Получивъ извѣстіе о положеніи Путяты, Добрыня подоспѣлъ на разсвѣтѣ на ту сторону съ своимъ войскомъ и, чтобы прекратить битву паникой пожара, *поджегъ* дома у берега. Испуганные пожаромъ участники свалки бросились его тушить, сѣча прекратилась и «предніе мужи» Новгорода пришли къ Добрынѣ просить мира. Затѣмъ слѣдуетъ свërженіе идоловъ, причемъ деревянные были сожигаемы, а каменные бросаемы въ рѣку, великій вопль язычниковъ, насмѣшки Добрыни надъ идолами и его приказъ жителямъ идти креститься на рѣку. Многіе,—говоритъ разсказщикъ,—шли, а не хотѣвшихъ креститься воины тащили силою: мужчинъ крестили выше моста, а женщинъ ниже его. Разрушенная церковь была возстановлена, и Путята, выкрестивъ новгородцевъ, ушелъ въ Кіевъ. «Сего дѣля,—прибавляетъ лѣтописецъ,—людіе поносятъ новгородцевъ: Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ» [1]).

Существованіе этой пословицы, въ связи съ важностью самаго событія, подавшаго къ ней поводъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что имя Добрыни (и Путяты) крѣпко врѣзалось въ народную память. Если современники-христіане издѣвались надъ упорствомъ новгородцевъ въ ихъ язычествѣ, то Добрыня, сломившій это упорство огнемъ, сокрушившій идоловъ, являлся въ представленіи слѣдующихъ, уже вполнѣ христіанскихъ поколѣній освободителемъ, спасителемъ христіанской партіи Новгорода отъ лютости язычниковъ, какимъ онъ былъ и въ дѣйствительности по разсказу приведеннаго отрывка (вспомнимъ разрушеніе христіанской церкви язычниками и разграбленіе домовъ христіанъ). Такимъ образомъ, къ имени Добрыни, ревностнаго помощника Владиміра и храбраго военачальника, присоединяется еще ореолъ апостольскій, слава богатыря защитника христіанъ, освободителя ихъ отъ язычества, отъ діавола. Пользуясь лѣтописнымъ отрывкомъ, какъ комментаріемъ, мы дѣйствительно при его помощи можемъ въ былинахъ о змѣеборствѣ Добрыни отмѣтить, съ одной стороны, нѣкоторыя черты, представляющіяся, на нашъ взглядъ, отраженіемъ народно-христіанскаго (церковнаго) взгляда на этого богатыря, съ другой—такія, которыя представляются отголосками народной памяти о тѣсной связи Добрыни съ Владиміромъ, его семьею и съ воеводою Путятой. Конечно, всѣ эти историческія крупицы получили въ былинахъ эпическую окраску и затем-

---

[1]) *Татищевъ*: „Исторія Росс   ая“, кн. I, ч. I, стр. 38—40.

нились почти до неузнаваемости. Однакожь, попытаемся все же ихъ отыскать.

1. Между всѣми похожденіями эпическаго Добрыни бой со змѣемъ Горынчемъ есть самый главный и основной [1]). Изъ самаго характера и деталей разсказа видно, что сказители былинъ придавали ему капитальное значеніе. Добрыня уже при рожденіи былъ предназначенъ къ этому великому подвигу: такъ, самъ змѣй Горынчище, налетѣвъ на богатыря, приговариваетъ:

„А стары люди пророчили,
Что быть змѣю убитому
Отъ молода Добрынюшки Никитича“ [2]).

Враждебныя богатырю-змѣеборцу силы почуяли его рожденіе: представитель этой силы, какой-то страшный скименъ-звѣрь (левъ), носящій всѣ признаки эпическаго змѣя, кричащій по-звѣриному, шипящій по-змѣиному [3]), подбѣгаетъ со стадомъ звѣринымъ-змѣинымъ къ Нѣпрѣ-рѣкѣ (на которой совершилось крещеніе кіевлянъ) и отъ этого всколебалась земля, посыпался съ крутыхъ береговъ песокъ и помутилась вода. Діавольская сила заволновалась, предчувствуя, что ея власти наступаетъ конецъ съ нарожденіемъ Добрыни. И дѣйствительно, Добрыня представляется сказителямъ какъ бы спеціалистомъ въ истребленіи змѣевъ и вырученіи «пôлоновъ русскихъ». Такъ, въ одной былинѣ матушка говоритъ ему:

„Ай же свѣтъ моё цадô любимое,
Ты молôденькой Добрынюшка Микитинецъ!
Ты на добрôмъ конѣ въ чистô поле поѣзживашь,
Да ты малыехъ змѣёнышевъ потаптывашь.
Не съѣзжай-ко ты молôденькой Добрынюшка
Да ты дâлече, далѐче во чистô поле,
Ко тымъ славнымъ горамъ да къ сорочинскіимъ,
Да ко тымъ норâмъ да ко змѣиныемъ,
Не топци-ко ты тамъ малыехъ змѣенышевъ,
Не входи-ко ты во нôры во змѣиныя,
Не выпущай-ко пôлоновъ оттуль расейскіихъ“ [4]).

Что подъ змѣемъ Горыничемъ и вообще змѣинымъ отродьемъ, истребляемымъ Добрыней, чувствуется сказителями какая-то сила «поганая», въ религіозномъ смыслѣ, невѣрная, враждебная христіанамъ, на это есть немало указаній въ былинахъ. Такъ, выпуская изъ змѣиныхъ пещеръ на бѣлый свѣтъ похищенный народъ, Добрыня говоритъ:

„А сбирайтесь вси да по своимъ мѣстамъ,
И не троне васъ змѣя болѣ *проклятая*,
А убита е змѣя да та проклятая,

---

[1]) См. *Ѳ. И. Буслаева*: „Русск. богатыр. эпосъ“, VIII (*Русск. Вѣстн.*, т. XLI, стр. 531). *А. Н. Веселовскій*: „Розысканія въ области русск. духов. стиховъ“, 1880 г., II: „Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ“, стр. 159.

[2]) *Кирѣевскій*, т. II, стр. 51.

[3]) *Кирѣевскій*, т. II, стр. 10.

[4]) *Гильфердингъ*, столб. 470.

А пропущена да кровь она змѣиная
Отъ востока кровь да внизъ до запада,
Не унесетъ нупь болѣ полону да руськаго
И народу христіанскаго" [1]).

Отсюда видно, что подвигъ Добрыни носитъ не только національный, но какъ бы религіозный характеръ: былевой Добрыня такъ же освобождаетъ христіанъ отъ змѣя, какъ историческій Добрыня спасъ ихъ отъ свирѣпости язычниковъ.

Ясный намекъ на связь змѣя съ язычествомъ можно найти въ томъ, что сосватанная имъ Добрынѣ дѣвица представляется язычницей. Такъ, когда Добрыня привезъ ее къ своей матушкѣ, она запрещаетъ ему на ней жениться:

„Вѣдь тутъ тебѣ, Добрынюшка Никитиничъ,
Не надѣя-то на красную на дѣвицю,
Она вышла-то съ земли да вѣдь съ невѣрною...
И оставить надо тутъ, Добрынюшка, этую дѣвицю
И не взять то ёй тебѣ да во супружество" [2]).

Иногда змѣй смѣняется какимъ-то существомъ Невѣжей (*Рыбн.*, II, № 6), которое на рѣкѣ налетаетъ на Добрыню черным вороном. Убивъ его, Добрыня расправляется съ тѣломъ такъ, какъ нѣкогда историческій Добрыня расправлялся съ идолами въ Новгородѣ:

„И тутъ Невѣжу ёнъ разсѣкъ-разрубилъ,
Разрубилъ-разсѣкъ на мелки части,
И огня-то расклалъ, на огнѣ его сожогъ" [3]).

Согласно съ религіозною окраской змѣеборства Добрыни, богатырю помогаетъ сила небесная: когда богатырь, выбившись изъ силъ, хочетъ прекратить бой съ змѣемъ,

„Изъ небесъ же тутъ Добрынюшки да гласъ гласитъ:
„Ахъ ты молодой Добрыня сынъ Никитичъ!
Бился со змѣёй ты да трои сутки,
А побейся-ко съ змѣёй да еще три часу".

И такой же небесный гласъ далѣе повелѣваетъ ему вонзить копье въ землю, чтобъ она поглотила змѣиную кровь [4]).

2. Характерною чертой боя Добрыни съ змѣемъ является далѣе то, что нападеніе змѣя на богатыря происходитъ во время купанья. Это вовсе не такая деталь сюжета змѣеборства, какъ, напримѣръ, освобожденіе дѣвицы—мотивъ шаблонный, и потому нуждается въ объясненіи. Очевидно, нападеніе змѣя, какъ въ другихъ безчисленныхъ варіантахъ того же сюжета, могло обойтись безъ купанья богатыря, которое представляется въ данномъ случаѣ какимъ-то страннымъ. Дѣйствительно, въ былинахъ это

[1]) Тамъ же, столб. 36.
[2]) Тамъ же, столб. 666.
[3]) Вспомнимъ изъ Іакимов. лѣтописи: „и абіе идолы сокруши—древянніи *сожгоша*, а каменніи изломавъ въ рѣку ввергоша... Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ".
[4]) *Гильфердингъ*, столб. 35, ср. 748.

купанье Добрыни обыкновенно мотивируется только тѣмъ, что ему захотѣлось искупаться въ Пучай-рѣкѣ какъ бы по капризу, вопреки увѣщанію матери [1]); иногда говорится, что онъ «распотѣлся» [2]) и хотѣлъ «простудить тѣло нѣжное» [3]), такъ какъ его одолѣла жара [4]). Вообще Добрыня представляется почему-то какимъ-то любителемъ купанья и ныряныя (охочь былъ нырком нырять). Почему такое аматерство было прикрѣплено къ имени Добрыни, почему онъ сталъ купальщикомъ? Я склоненъ видѣть въ этомъ наивное народное осмысленіе историческаго Добрыни, какъ «крестителя», купалы. Въ самомъ дѣлѣ, что должно было представляться самымъ яркимъ и бросающимся въ глаза признакомъ крещенія для народной массы, усвояющей только внѣшнюю обрядность христіанства? Конечно, погруженіе въ воду, купанье. Добрыня, сгонявшій силою въ воду цѣлыми толпами народъ, могъ въ воображеніи полуязыческой среды вызвать образъ какого-то купальщика-фанатика, какого-то любителя купать и купаться, потому что то и другое могло заключаться въ такомъ, напримѣръ, имени, какъ Купало. Для подкрѣпленія этой догадки можемъ сослаться на такое же наивное осмысленіе Іоанна Крестителя въ Иванѣ Купалѣ.

Креститель, т.-е., по народному представленію, *купало* (nom. agentis), погружатель въ воду, въ безсмысленныхъ купальскихъ пѣсняхъ изъ лица купающаго сталъ лицомъ купающимся:

„Купався Иванъ, та въ воду упавъ,
Купала на Ивана“.

А такъ какъ имя Купала могло представиться именемъ женскаго рода, то является осмысленіе Купалы, какъ какой-то женщины, у которой было три дочери, и дальнѣйшая безсмыслица. Подобнымъ процессомъ народной неосмысленности объясняю я себѣ и переходъ Добрыни-Купалы, крестителя язычниковъ, въ любителя купанья и внесеніе этого мотива въ похожденіе богатыря со змѣемъ.

3. Нельзя оставить безъ вниманія и названіе рѣки, въ которой купается Добрыня. Въ огромномъ большинствѣ варіантовъ она называется Пучай-рѣка [5]), иногда Почай [6]), Почаева [7]) и однажды Пучайная [8]). Послѣдній варіантъ названія подтверждаетъ, на нашъ взглядъ, предположеніе Н. П. Квашнина-Самарина, что въ Пучай-рѣкѣ сохранилось названіе исто-

---

[1]) *Гильфердингъ*, №№ 64, 79, 93, 123, 148, 241, 289. *Рыбн.*, I, стр. 23, 24; III, стр. 15.

[2]) *Гильфердингъ*, № 157.

[3]) Тамъ же, № 64.

[4]) Тамъ же, № 58.

[5]) *Кирѣев.*, II, стр. 28, 24, 33; IV, стр. 44; *Рыбн.*, I, стр. 120, 122, 123; III, стр. 60. *Гильферд.*, столб. 472, 560.

[6]) *Кир.*, I, стр. 63. *Рыбн.*, II, № 16 (Почай и Пучай).

[7]) *Гильфердингъ*, столб. 663.

[8]) *Гильфердингъ*, столб. 338.

рической рѣки Почайны [1]). «Нынѣ Почайна ручей, впадающій въ Днѣпръ въ самомъ Кіевѣ. На немъ *происходило крещеніе*; старое русло его, нынѣ занятое Днѣпромъ, составляло прежде Кіевскую гавань».

Конечно, какъ всегда бываетъ съ географіей въ былинахъ, Почай-рѣка изъ-подъ Кіева перенесена иногда въ Сорочинскую сторону [2]), но кое-гдѣ сохранилось и представленіе о ея близости къ Кіеву. Такъ, Чурило съ Дюкомъ состязаются въ Кіевѣ въ скаканьи черезъ Пучай [3]) и Чурило имѣетъ дворъ на этой рѣкѣ «у святыхъ мощей Борисовыхъ» [4]). Если, такимъ образомъ, эпическая Пучай-рѣка (или Пучайна) есть дѣйствительно Почайна, древняя кіевская пристань, то присутствіе ея, какъ мы видѣли, весьма постоянное въ былинахъ о змѣеборствѣ Добрыни, можетъ объясняться тѣмъ фактомъ, что Почайна, какъ и Днѣпръ (Нѣпра, всколыбавшаяся при рожденіи Добрыни), связана съ крещеніемъ русскаго народа, крещеніемъ первымъ, торжественнымъ и потому надолго врѣзавшимся въ народную память. Если па Пучаѣ (Почайнѣ) живетъ змѣя, не дающая въ ней купаться, т.-е. креститься, то это находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ фактомъ, что въ народныхъ сказаніяхъ, какъ я раньше упомянулъ, «битва съ дракономъ-зміемъ удобно локализируется именно у того источника или рѣки, гдѣ происходило крещеніе народа» [5]).

Что мотивъ купанья Добрыни въ Почаѣ есть вывѣтрившійся мотивъ крещенія, видно далѣе изъ одной любопытной детали, сохранившейся, впрочемъ, только въ нѣкоторыхъ варіантахъ. Когда Добрынѣ похотѣлось покупать тѣло богатырское въ рѣкѣ Почаевой, какія-то портомойки, полоскавшія бѣлье, говорятъ ему:

„Ай же ты Добрынюшка Никитиничъ!
Не купли-тко ты своего тѣла нàгаго
И во этоей рѣченькѣ во Почаевой,
Тѣла нàгаго богатырскаго,
Да купли-тко ты *въ рубашкѣ полотняноей*“.

Добрыня послушался ихъ совѣта:

„И зашелъ ли Добрынюшка во рѣченьку,
Окупалъ ли свое да тѣло богатырское
А во этоей ли рубашкѣ полотняноей“ [6]).

По другимъ варіантамъ [7]), Добрыня не слушается дѣвицъ-портомойницъ, но это ослушаніе не имѣетъ никакихъ послѣдствій.

[1]) *Квашнинъ-Самаринъ*: „Русскія былины въ историко-географическомъ отношеніи“. *Бесѣда* 1871 г., № 4, стр. 82. Это мнѣніе принимаетъ и проф. А. А. Потебня: *Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ*, т. II, стр. 360.

[2]) Наприм., *Гильфердингъ*, столб. 560.

[3]) *Гильфердингъ*, столб. 90, 528.

[4]) *Рыбн.*, т. III, стр. 122. По догадкѣ Квашнина-Самарина, въ Вышгородѣ (Малый Кіевецъ), гдѣ покоились мощи Бориса и Глѣба.

[5]) *Кирпичн.*: „Св. Георгій“ etc., стр. 113.

[6]) *Гильферд.*, ст. 665.

[7]) Тамъ же, ст. 472 и 560. Срав. *Рыбн.*, I, стр. 23.

Объясненіе этой детали находимъ въ былинахъ о Василіи Буслаевѣ, откуда она, вѣроятно, и зашла въ былины о Добрынѣ. Когда Васька, не вѣрящій ни въ сонъ, ни въ чохъ, задумалъ купаться нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣкѣ, дѣвушка-чернавушка удерживаетъ его:

„Нагимъ тѣломъ въ Ердань-рѣки не куплются,
Нагимъ тѣломъ купался самъ Іисусъ Христосъ!
А кто куплется, тотъ живъ не бываетъ" [1]).

Василій пренебрегаетъ этимъ предостереженіемъ и за это, какъ и за другія подобныя выходки, погибаетъ на возвратномъ пути изъ Іерусалима.

Для насъ безразлично, что эта деталь не входила въ основной изводъ былины о Добрынѣ. Она не находится въ органической связи съ дальнѣйшимъ разсказомъ и припуталась къ разсказу о купаньѣ Добрыни по ассоціаціи съ купаньемъ другого богатыря. Но поводъ къ ассоціаціи, быть можетъ, заключался въ томъ, что Почай-рѣка, прославленная крещеніемъ Руси, вызывала представленіе о другой святой рѣкѣ—Ердани, связанной съ понятіемъ о крещенія.

Есть еще одна деталь, которая, быть можетъ, содержитъ глухое указаніе на значеніе змѣя, какъ представителя язычества. Въ большинствѣ былинъ Добрыня бьется со змѣемъ не оружіемъ, а отшибаетъ ему хоботы *шляпой* или *колпакомъ земли греческой* [2]). Эта черта вызывала недоумѣніе у разныхъ сказителей и они старались объяснить по-своему это необычное оружіе: одни придаютъ шляпѣ необычайный вѣсъ (въ нѣсколько пудовъ), такъ что она можетъ служить метательнымъ снарядомъ; другіе объясняютъ себѣ дѣло такъ, что Добрыня наполнилъ шляпу пескомъ (или даже землею греческой) и, бросивъ ее, запорошилъ змѣю глаза. Да и мы не въ состояніи вполнѣ уяснить себѣ эту шляпу земли греческой, но можемъ сказать лишь одно, что эпитетъ «греческой» здѣсь находится въ связи съ чѣмъ-то религіознымъ. Шляпа греческая была, какъ видно изъ былинъ, принадлежностью костюма каликъ, пилигримовъ [3]), т.-е. сословія полудуховнаго, и ея смѣшеніе съ колпакомъ земли греческой, быть можетъ, позволяетъ намъ видѣть ее въ томъ колпакѣ (или скуфьѣ), который до сихъ поръ составляетъ принадлежность нашихъ *странниковъ* и монастырскихъ послушниковъ, также лицъ полудуховныхъ. Такимъ образомъ, едва ли случайно Добрыня, отправляясь на рѣку Пучай, облекается въ одежду каличью и надѣваетъ колпакъ земли греческой: его полудуховная одежда, въ связи съ купаньемъ (крещеньемъ), находится, вѣроятно, въ соотношеніи и съ его подвигомъ, придаетъ змѣеборству духовную окраску—борьбы съ змѣемъ язычества, сокрушеннымъ *греческимъ* орудіемъ. Вспомнимъ, что въ былинахъ Илья Муромецъ, отправляясь противъ *идо-*

---

1) *Гильферд.*, ст. 726. Срав. *Рыбн.*, I, стр. 361 (дружина купается въ рубашкахъ, а Василій нагимъ тѣломъ); *Кир.*, V, стр. 30.

2) *Гильферд.*, ст. 314, 339, 473, 745, 800; *Рыбн.*, I, стр. 39, 124; III, стр. 62. *Кир.*, II, стр. 25 и друг.

3) *См. Рыбн., I, стр.* 39. Срав. *Гильф.*, № 86.

лища поганаго, этого насильника язычника, запретившаго звонъ церковный и прошеніе милостыни «спасеныя», также надѣваетъ одежду каличью, какъ Добрыня, и такъ же бросаетъ въ идолище шляпу земли греческой [1]). Если, такимъ образомъ, шляпа земли греческой сокрушаетъ *идолище* и *змѣя*, то естественно объяснить это тѣмъ, что то и другое чудище носятъ одинъ характеръ—противниковъ христіанства, представителей язычества. О Добрынѣ же мы знаемъ, что онъ дѣйствительно сокрушалъ идоловъ [2]).

4. Кромѣ названія Пучая (Почайны), въ былевой разсказъ о змѣеборствѣ Добрыни вплетено еще одно имя, какъ будто содержащее историческій отголосокъ. Народная пословица тѣсно связала имена Добрыни и Путяты. Въ дошедшихъ до насъ былинахъ, однако, имени Путяты не встрѣчается, хотя Татищеву была еще извѣстна пѣсня, гдѣ упоминался старый Путята [3]). Мѣсто воеводы Путяты заняла въ былинѣ о змѣеборствѣ его дочь Запава Путятична, племянница Владиміра, которую Добрыня, въ большинствѣ варіантовъ, выводитъ изъ пещеры змѣиной [4]). Едва ли это случайность. Вспомнимъ, что въ лѣтописномъ разсказѣ о крещеніи новгородцевъ Добрыня, *переправившись черезъ Волховъ*, выручаетъ стѣсненнаго язычниками Путяту. Въ былинѣ Добрыня *на рѣкѣ* выручаетъ отъ змія Путятичну. Объяснить себѣ эту метаморфозу воеводы въ дѣвицу можно слѣдующимъ образомъ. Когда историческая борьба Добрыни съ новгородскими язычниками въ своихъ реальныхъ чертахъ настолько поблекла въ народной памяти, что могла отлиться въ эпическую форму борьбы со змѣемъ, вслѣдствіе популярности вообще этого сказочнаго сюжета, то согласно съ шаблонною чертой сюжета должна была явиться дѣвица, царская дочь, освобождаемая богатыремъ отъ змѣя. Соотвѣтственно съ общественнымъ положеніемъ Добрыни, родственника Владиміра, она должна была стать именно родственницей (дочерью или племянницей) князя, а тѣсная связь именъ Добрыни и Путяты сдѣлали ее Путятичной.

Такая метаморфоза не болѣе удивительна, чѣмъ многія другія, совершившіяся въ нашемъ эпосѣ. Вѣдь, самъ историческій Добрыня изъ дяди Владиміра сталъ молодымъ богатыремъ и его племянникомъ [4]), почему иногда и называется княземъ [5]); Ермакъ Тимоѳеевичъ также вошелъ въ родство съ Владиміромъ, Марина Мнишекъ сдѣлалась любовницей Добрыни,

1) *Кир.*, IV, стр. 32, ср. тамъ же, стр. 21 и 28. *Рыбн.*, I, стр. 86.

2) Принадлежитъ ли сюжетъ о борьбѣ Ильи съ идолищемъ къ основнымъ подвигамъ Ильи, или перенесенъ на Илью отъ другаго богатыря, это вопросъ, который требуетъ разъясненія.

3) „Въ пѣсняхъ старинныхъ,—говоритъ онъ,—о увеселеніяхъ Владиміра тако поютъ: „противъ двора Путятина, противъ терема Забытина, стараго Путяты темный, темный лѣсъ", изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ".

4) *Рыбн.*, I, стр. 125; III, стр. 63. *Кирѣев.*, II, стр. 25—29. *Гильферд.*, ст. 474, 745, 800.

5) Напр., *Кир.*, II, стр. 19, 45, 53. *Рыбн.*, II, стр. 13.

6) *Кир.*, II, стр. 11—14.

порфира, по однѣмъ пѣснямъ о Грозномъ, вывезенная имъ изъ Царя-града, въ другихъ обратилась въ какого-то Перфила, котораго царь вывелъ изъ Нова-города [1]), и т. п.

Любопытно, что въ Фепоновской былинѣ о змѣеборствѣ Добрыни [2]) княжеская дочь, вырученная богатыремъ отъ змѣя, называется Марфидой Всеславьевной. Н. П. Квашнинъ-Самаринъ по поводу этого имени дѣлаетъ слѣдующія соображенія: «Полагаемъ, нельзя будетъ обвинить насъ въ излишней смѣлости, если мы прочтемъ это, очевидно, искаженное слово: Мальфрида. Это германское имя занесено въ русскую исторію благодаря браку Владиміра съ чехиней Мальфридой или Малфредью, какъ ее называетъ лѣтопись. Оно и впослѣдствіи употреблялось въ домѣ Рюрика и совершенно обрусѣло. Здѣсь (въ былинѣ) Мальфрида названа дочерью Владиміра по ошибкѣ: по другимъ варіантамъ можно съ достовѣрностью заключить, что это имя давалось въ эпосѣ сестрѣ великаго князя, матери Вольги Святославича. Въ Киршевской былинѣ объ этомъ героѣ его мать названа Маѳой Всеславичной, что очень близко къ Марфидѣ.

И самая пѣсня (Фепонова), о которой мы говоримъ, даетъ понять свою ошибку, называя вышеупомянутую будто бы дочь Владиміра не Владиміровной, какъ бы слѣдовало ожидать, а тоже Всеславичной-Святославичной. У Кирши Данилова мы встрѣчаемъ пѣсню изъ того же круга, служащую связующимъ звеномъ между былинами о рожденіи Вольги и о похищеніи Мальфриды-Запавы [3]).

Въ ней разсказывается, какъ Добрыня, убивъ змѣя, находитъ въ пещерѣ свою тетку Марью Дивовну, сестру Владиміра, которую онъ и привозитъ обратно.

И здѣсь мы замѣчаемъ сбивчивость въ отчествѣ: *Дивовна* оказывается сестрой *Святославича*. Во всякомъ случаѣ, Маѳа Всеславична, сестра Владиміра, рождающая Вольгу отъ змѣя, и эта Марья Дивовна, тоже сестра его, похищенная змѣемъ, есть одно и то же лицо. Разница только въ томъ, что въ болѣе архаическихъ пѣсняхъ о Вольгѣ связь Маѳы со змѣемъ (воплощеніемъ божества) и рожденіе отъ него сына вовсе не ставятся ей въ безчестье, а въ Киршевской пѣснѣ змѣй явился уже врагомъ, отъ котораго надо освобождать плѣнницу. Теперь получаетъ свое значеніе и небольшой отрывокъ, записанный въ Архангельской губерніи и напечатанный въ 1-мъ томѣ Рыбникова, гдѣ Вольга, находясь еще въ чревѣ матери, обѣщаетъ ей отомстить насильнику змѣю. Этотъ мотивъ уже вовсе не свойственъ древнѣйшимъ представленіямъ и есть первый шагъ къ тому, чтобы роль мстителя была передана Добрынѣ, племяннику Мальфриды [4])».

Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ отношеніи Маѳы Всеславичны, ма-

---

1) *Кир.*, VI, стр. 77.
2) *Гильферд.*, № 59.
3) Перепечатано у *Кирѣевскаго*, II, стр. 49—53.
4) *Новые источники для изученія русскаго эпоса. Русск. Вѣстн.*, 1874 г., т 114. *стр. 790 и слѣд.*

тери Вольги, къ Марфидѣ Всеславьевнѣ, нуждающійся въ дальнѣйшемъ разъясненіи, не могу не сознаться, что и мнѣ искаженіе имени Марфиды изъ Малфриды кажется весьма вѣроятнымъ и согласнымъ съ обычнымъ звуковымъ приспособленіемъ иностранныхъ именъ къ русской фонетикѣ [1]). Если въ начальной (кіевской) лѣтописи помѣчена только смерть Малфриды въ одинъ годъ со смертью Рогнѣди [2]), а въ такъ называемой Іакимовской упомянуто отпущеніе Владиміромъ, послѣ принятія христіанства, Малфриды съ ея сыномъ Святославомъ въ городъ Овручъ [3]), то, быть можетъ, объ этой женѣ Владиміра нѣкогда въ народѣ ходили какіе-нибудь разсказы, не попавшіе, какъ и многое другое, въ лѣтопись, но почему-либо сохранившіе ея имя въ пѣсняхъ древнѣйшей поры нашего эпоса [4]).

Какъ бы то ни было, для насъ уже имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что женщины, избавляемыя Добрыней отъ змѣя (Запава Путятична, Марья Дивовна, Марфида Всеславьевна), называются родственницами (племянницами, сестрами или дочерьми) Владиміра въ параллель съ тѣмъ, что и самъ Добрыня является его племянникомъ. Все это доказываетъ, что, въ періодъ сложенія самыхъ раннихъ пѣсенъ о Добрынѣ, въ народѣ еще твердо держалась память о близкихъ родственныхъ отношеніяхъ богатыря къ князю Владиміру, и это, на нашъ взглядъ, связываетъ былеваго Добрыню съ историческимъ *уемъ* Владиміра. Свидѣтельства лѣтописи о Добрынѣ производятъ то впечатлѣніе, что онъ всю жизнь вѣрой и правдой служилъ своему племяннику и воспитаннику. Согласно съ этимъ и былевой Добрыня преимущественно передъ другими изображается служилымъ богатыремъ при Владимірѣ. Былины нерѣдко говорятъ объ его долгой и, притомъ, придворной службѣ, которая находится въ связи съ его природнымъ «вѣжествомъ». Три года онъ стольничалъ, три года харешничалъ, три года чашничалъ. Часто князь *накидываетъ* на него службу: собирать дани, отвозить дани, выручать князеву племянницу и т. д., часто и самъ Добрыня вызывается охотою исполнить порученіе, отъ котораго отказываются другіе богатыри. Словомъ, если внимательно просмотрѣть былевые факты, то получается впечатлѣніе, что Добрыня между всѣми богатырями самый близкій къ князю и его семьѣ, всего чаще исполняющій личныя порученія и

[1]) То же сопоставленіе именъ Марфиды и лѣтописной Малъѳреди дѣлаетъ и проф. А. А. Потебня: *Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ*, II, стр. 861, примѣч.

[2]) В лѣто 6508 (1000) преставися Малъѳрѣдь (вар. Малфридъ). В се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мати Ярославля.

[3]) Владиміръ отпусти Малфридъ со сыномъ Святославомъ въ Овручъ. *Татищевъ*: „Исторія Россійская", кн. I, стр. 40.

[4]) Татищевъ замѣчаетъ, что народныя пѣсни говорятъ о *женахъ* кн. Владиміра: „Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимирѣ слыхалъ, въ которыхъ *женъ его именами*, такожъ о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ-разбойникѣ, Долкѣ (Дюкѣ) упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ, и въ исторіи весьма мало или ничего" (*Ист. Россійск.*, I, стр. 44).

Владиміра, и Опраксіи, отличающійся не только силой и храбростью, но и дипломатическими способностями.

Все это общеизвѣстно и, тѣмъ не менѣе, Н. П. Квашнинъ-Самаринъ, тщательно отыскивающій въ нашемъ эпосѣ историческіе отголоски, приходитъ къ заключенію, что «Добрыня, дядя Владиміра, общаго ничего съ богатыремъ не имѣетъ. Онъ старикъ, а Добрыня былинъ — вѣчный юноша; сходны только имя и то, что оба—современники Владиміра». Въ виду такого несходства, почтенный изслѣдователь отыскиваетъ въ лѣтописи другой оригиналъ для былеваго Добрыни. «Долженъ былъ,—говоритъ онъ,— существовать другой какой-нибудь герой XI в., котораго былины воспѣли подъ именемъ Добрыни. Кто же онъ былъ? Поищемъ въ Никоновской лѣтописи: «Лѣто 1004: того-жь лѣта Андриха Добрянкова храбраго отравою окормиша свои его люди». Вотъ наше искомое. Пѣвцы очень легко могли передѣлать Андриха Добрянкова въ Добрянку Андриховича, а потомъ трудное отчество было замѣнено Никитичемъ, и Добрянку смѣшали съ богатыремъ Добрыней» [1]). Не говоря уже о ничѣмъ не мотивированномъ допущеніи искаженія имени, къ сожалѣнію, объ этомъ Андрихѣ Добрянковичѣ мы ровно ничего не знаемъ, кромѣ факта его насильственной смерти, а соображенія Квашнина-Самарина о томъ, какого онъ могъ бы быть происхожденія (чешскаго или русскаго), не могутъ восполнить для насъ лѣтописный пробѣлъ [2]). Думаемъ, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями эпоса, что историческій дядя Владиміра имѣетъ, во всякомъ случаѣ, болѣе шансовъ быть оригиналомъ былеваго, сколько бы чисто-сказочныхъ мотивовъ ни наслоилось въ эпосѣ на его имя.

Въ настоящемъ экскурсѣ я не имѣлъ въ виду разсмотрѣть всѣхъ деталей былиннаго разсказа о боѣ Добрыни со змѣемъ, каковы: первое нападеніе змѣя, договоръ Добрыни съ нимъ, полученіе богатыремъ невѣсты отъ змѣя [3]), похищеніе княженецкой племянницы, вторичный бой и побѣда Добрыни. Исторія этихъ деталей требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія. Моею цѣлью было только указать тѣ историческія крупицы, которыя пристали къ этому сюжету, пріурочившемуся къ историческому лицу. Во избѣжаніе недоразумѣнія, къ которому могла бы подать поводъ выдвинутая мною въ началѣ статьи параллель между св. Егоріемъ и Добрыней по отношенію къ змѣеборству, считаю необходимымъ замѣтить, что въ прикрѣпленіи сюжета змѣеборства къ Добрынѣ я не усматриваю какой-нибудь сознательной аллегоріи въ народномъ творчествѣ. Змѣй, котораго истребилъ Добрыня, не символизируетъ язычество, сокрушенное историческимъ Добрыней. Мотивъ змѣеборства пріурочился къ Добрынѣ въ силу безсозна-

---

1) *Русскія былины въ историко-географ. отношеніи*, II. *Бесѣда* 1871 г., кн. V, стр. 229.

2) „Весьма возможно,— полагаетъ авторъ,— что онъ или его отецъ были знатные чехи, переселившіеся въ Россію съ которою-нибудь изъ двухъ чехинь, женъ Владиміра".

3) См. объ этомъ мотивѣ у проф. Потебни: *Объясненіе малорусскихъ пѣсенъ* etc., *II, стр.* 359,

тельнаго психологическаго процесса, который нерѣдко былъ наблюдаемъ въ народной эпикѣ, но требуетъ особеннаго объясненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. О томъ, какъ *приблизительно* совершался такой процессъ, можно судить по аналогіи. Припомнимъ сообщаемое Несторомъ преданіе о русскомъ молодцѣ, опрокинувшемъ въ борьбѣ печенѣжскаго великана. Въ воспоминаніе этого боя будто бы Владиміръ построилъ городъ Переяславль, «за не перея славу отрокотъ». Въ этомъ преданіи событіе пріурочено еще къ извѣстному времени (княженію Владиміра) и мѣсту (Переяславлю), а врагъ, котораго поборолъ русскій богатырь, принадлежитъ извѣстной народности (печенѣгамъ), причемъ событіе связано съ построеніемъ крѣпости (Переяславля). Какая же судьба съ теченіемъ вѣковъ постигла это преданіе? Волна историческихъ событій унесла изъ народной памяти имя историческихъ враговъ (печенѣговъ) и города Переяславля. Осталась лишь та типическая черта, что герой *перерывалъ сырыя кожи* и глухое воспоминаніе о какихъ-то защитительныхъ сооруженіяхъ, связанныхъ съ его подвигомъ.

И вотъ къ древнимъ валамъ, относимымъ народомъ къ незапамятнымъ временамъ, прикрѣпилось то же преданіе, котораго самую раннюю версію мы находимъ въ начальной лѣтописи, но принявшее уже фантастическую окраску. Такимъ образомъ получилась общеизвѣстная сказка о Никитѣ Кожемякѣ, въ которой богатырь борется уже не съ историческимъ врагомъ, *а со змѣемъ*. Разъ мотивъ змѣеборства былъ прикрѣпленъ къ богатырю, разрывавшему кожи, къ нему же пристала и обычная деталь этого сюжета: царская дочь, обреченная на съѣденіе змѣю и выручаемая змѣеборцемъ. Но въ древнемъ преданіи былъ тотъ мотивъ, что побѣда богатыря сопровождалась возведеніемъ сооруженія (Переяславля). Этотъ мотивъ не исчезъ безслѣдно въ позднѣйшей сказкѣ, но вызвалъ осложненіе сюжета «змѣеборства» другимъ эпическимъ мотивомъ—паханіемъ земли плугомъ, запряженнымъ змѣемъ. «Долго ли, коротко ли бился съ змѣемъ Никита Кожемяка, только повалилъ. Тутъ змѣй сталъ молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильнѣй насъ съ тобой въ свѣтѣ нѣтъ: раздѣлимъ всю землю, весь свѣтъ поровну: ты будешь жить въ одной половинѣ, а я въ другой» [1]). Никита согласился, сдѣлалъ соху въ 300 пудовъ, запрегъ въ нее змѣя и провелъ борозду отъ Кіева до моря *Кавстрійскаго* (sic). Затѣмъ, чтобы змѣй не спорилъ изъ-за воды (какъ вообще змѣи въ сказкахъ облегаютъ воду), Кожемяка рѣшилъ дѣлить и море, но когда змѣй въѣхалъ на середину, Никита убилъ его (какъ Добрыня змѣя на Пучай-рѣкѣ) [2]).

[1]) Кстати замѣчу, что эта деталь можетъ пригодиться какъ параллель къ былинѣ о боѣ Добрыни съ змѣемъ. Когда, послѣ боя, Добрыня выходилъ на змѣя и хотѣлъ его прикончить, змѣй взмолился: „Положимъ мы заповѣдь великую: не летать мнѣ на святую Русь, не носить больше русскихъ людей, а тебѣ не топтать малыхъ змѣенышей, не выручать русскихъ полоновъ“ (*Рыбн.*, III, стр. 62). Этотъ договоръ напоминаетъ раздѣлъ между Никитой и змѣемъ, точно также какъ и имя сказочнаго богатыря, Никита, быть можетъ, не случайно совпадаетъ съ отчествомъ Добрыни (Никитичъ).

[2]) См. *Сказки Аѳанасьева*, вып. V, стр. 85 и 86.

Другой не менѣе характерный примѣръ тому, какъ легко въ устахъ народа реальныя историческія черты перевиваются съ фантастическими и какъ легко послѣднія прикрѣпляются къ *извѣстной* мѣстности и къ *извѣстному* лицу, могу привести изъ личной записи.

Въ одномъ аулѣ (Галіата) въ Дигоріи, западной Осетіи, на ряду съ преданіями о дѣйствительно исторической войнѣ дигорцевъ съ алагирцами, мнѣ разсказали такое преданіе о змѣѣ: около аула было мѣсто, на которое жители складывали запасы хлѣба. Однажды осенью откуда-то появился громадный змѣй (заліаг-калм) и окружилъ это мѣсто, свившись въ кольцо, такъ что хвостъ у змѣя былъ въ пасти. Никто изъ жителей аула не дерзалъ подойти къ опасному мѣсту и за невозможностью достать пищу всему аулу угрожала голодная смерть. Изъ бѣды Галіату выручилъ одинъ храбрецъ изъ рода Кантемуровыхъ, который рѣшился напасть на змѣя. Для этой цѣли онъ досталъ свѣжую коровью шкуру, одѣлся въ нее и высушилъ ее на себѣ на солнцѣ, такъ что она плотно облегла его тѣло, и онъ сталъ неуязвимъ. Затѣмъ онъ сѣлъ на коня и напалъ на змѣя. Послѣ долгой битвы ему удалось шашкой отрубить змѣю голову. Дѣло было *около рѣки* и кровь змѣя въ такомъ количествѣ наполнила рѣку, что изъ нея цѣлый годъ нельзя было пить воду [1]). Преданіе, очевидно, относится къ шаблонному сказочному сюжету, но любопытно тѣмъ, что прикрѣпилось къ извѣстной мѣстности. Мнѣ показывали съ полною вѣрой въ фактъ мѣсто, гдѣ лежалъ змѣй и происходилъ бой, а члены рода Кантемуровыхъ, изъ котораго происходилъ змѣеборецъ, до сихъ поръ живутъ въ аулѣ. Очевидно, и здѣсь глухое воспоминаніе о подвигѣ, совершонномъ предкомъ Кантемуровыхъ въ борьбѣ съ какимъ-нибудь историческимъ врагомъ, отлилось въ форму битвы со змѣемъ.

Такимъ же путемъ объясняю я себѣ прикрѣпленіе сюжета змѣеборства къ историческому имени Добрыни, причемъ основаніемъ къ прикрѣпленію послужили глухіе отголоски древнихъ уже смутныхъ народныхъ преданій о какой-то упорной борьбѣ, въ которыхъ имя Добрыни поминалось, вѣроятно, вмѣстѣ съ именемъ Путяты. И какъ нерѣдко при постройкѣ новаго зданія кое-гдѣ употребляется матеріалъ стараго разобраннаго, такъ сказочный сюжетъ змѣеборства, прикрѣпившійся къ Добрынѣ, прихватилъ безсознательно кое-что изъ древнѣйшихъ преданій, наприм., имена Путятичны, Почайны, можетъ быть, Марфиды. Конечно, еслибъ мы не знали изъ Іакимовой лѣтописи о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ народѣ борьбой Добрыни и Путяты съ новгородскими язычниками, еслибъ на Руси это громкое событіе не отложилось въ пословицѣ (Добрыня крести огнемъ), еслибъ въ былинномъ разсказѣ не сохранилось нѣсколькихъ именъ историческихъ и географическихъ и еслибъ въ сюжетъ змѣеборства не была вплетена странная черта купанья, то было бы совершенно

[1]) Напеч. въ I части *Осетинскихъ этюдовъ* (1881), стр. 133.

невозможно искать въ шаблонной фабулѣ тѣхъ историческихъ отголосковъ, которые я пытался въ ней указать.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о другихъ былинныхъ сюжетахъ, прикрѣпленныхъ къ имени Добрыни. «Убіеніе змія,—говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ,—относится къ самымъ раннимъ подвигамъ Добрыни... Этотъ подвигъ, какъ кажется, составляетъ первоначальное зерно, изъ котораго потомъ развивался эпическій типъ Добрыни» [1]).

Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго академика можно вполнѣ согласиться. Бой Добрыни со змѣемъ послужилъ основаніемъ къ прикрѣпленію къ имени Добрыни другого сказочнаго сюжета, въ которомъ также замѣшаны *змѣй* и *женщина*. Я имѣю въ виду похожденія Добрыни съ Маришкой и ея любовникомъ Зміемъ Горыничемъ. Труднѣе сказать, почему на имя Добрыни наслоилось третье похожденіе: Добрыня въ отъѣздѣ и выходъ его жены замужъ за Алешу Поповича. Этотъ сюжетъ—ничто иное, какъ восточная сказка, варіантъ которой, наиболѣе близкій по деталямъ къ былинному разсказу, разсмотрѣнъ мною въ замѣткѣ [2]). Конечно, можно было бы припомнить, что, по Іакимовой лѣтописи, жена Добрыни пострадала въ его отсутствіе [3]), но приводить этотъ фактъ въ какую-нибудь связь съ былиной слишкомъ рискованно. Во всякомъ случаѣ, *третій* сюжетъ, связанный съ былевымъ Добрыней,—сравнительно поздній, такъ какъ Алеша Поповичъ проявляетъ въ немъ тѣ несимпатичныя стороны характера, которыя этотъ типъ пріобрѣлъ лишь впослѣдствіи. Наконецъ, прикрѣпленіе къ Добрынѣ сюжета о гибели его отъ рѣки Смородины за похвальбу объясняется уже ранѣе существовавшимъ представленіемъ о немъ, какъ объ отважномъ купальщикѣ на Пучаѣ. Какъ въ нѣкоторыхъ былинахъ о змѣеборствѣ, богатырь, несмотря на предостереженіе матери о свирѣпости рѣки Пучая, бросается въ нее и издѣвается надъ ней (понапрасну говорила мнѣ матушка, что Пучай-рѣка свирѣпая, а Пучай-рѣка крѣпко смирна, будто лужа дождевая), такъ въ пѣснѣ, записанной Языковымъ въ Симбирской губерніи, поется про Добрыню:

„Переѣхалъ же молодецъ
Черезъ рѣку чрезъ Смородину
И сталъ похвалятися,
Надъ рѣкой посмѣхатися:
Сказали про рѣчушку,
Что эта рѣчушка
Сказали про быструю,
Широкимъ широкая,
А глубокимъ глубокая:
Анъ эта рѣчушка
Хуже озера стоячаго,
Какъ дождева калужина!“

---

[1]) *Русскій богатырскій эпосъ*, VIII.

[2]) См. *Этнографическое Обозрѣніе* 1890 г., кн. V, стр. 110 и слѣд.

[3]) Домъ Добрынинъ разориша, имѣніе разграбиша, *жену* и нѣкіихъ отъ сродникъ его избиша.

За эту похвальбу рѣка Смородина отомстила молодцу, сказавъ ему, чтобъ онъ воротился на другую сторону, такъ какъ позабылъ тамъ два ножа булатныхъ.

„Воротился молодецъ
За рѣку за Смородину:
Онъ на перву ступень ступилъ,
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,
Сѣделичко черкасско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,
Самъ тутъ утонулъ“ [1]).

Такимъ образомъ, обзоръ былевыхъ сюжетовъ, связанныхъ съ Добрыней, подтверждаетъ мысль Ѳ. И. Буслаева, что между ними сюжетъ змѣеборства есть самый древній, основной. Поэтому, если вообще существуетъ какое-нибудь отношеніе между былевымъ и историческимъ Добрыней, то его можно искать только въ этомъ сюжетѣ.

---

[1]) *Кирѣевскій, II, стр. 63.*

III.

Илья и Рустемъ.

Всякій, кто знакомъ съ эпическими подвигами Ильи Муромца и съ похожденіями иранскаго Рустема, разбросанными на множествѣ страницъ персидской *Книги царей*, не найдетъ между тѣми и другими такого поразительнаго сходства, которое давало бы основаніе для выставленія нашей гипотезы, предполагающей вліяніе восточнаго типа Рустема на былевой типъ Ильи. Дѣйствительно, мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, съ перваго взгляда, въ *Рустеміадѣ* такихъ похожденій, которыя разительно напоминали бы бой Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, съ Идолищемъ, Жидовиномъ, разбойниками и т. под., не говоря уже о томъ, что иранскій національный герой—не крестьянскій сынъ, а могущественный полунезависимый властитель Сеистана. Поэтому, чтобы представиться убѣдительнымъ, наше предположеніе, что личность Рустема *значительно* повліяла на образованіе эпическаго типа Ильи Муромца, должно быть обставлено подробными и детальными розысканіями, которыя должны, между прочимъ, уяснить путь, которымъ иранскіе отголоски достигали южной Руси, и послѣдовательныя измѣненія, постигнувшія личность Ильи въ развитіи нашего эпоса.

Въ дальнѣйшемъ мы думаемъ держаться слѣдующаго плана. Сначала мы сопоставимъ обоихъ богатырей—Илью и Рустема—въ общихъ чертахъ характера и постараемся уяснить сходство въ основномъ типѣ. Затѣмъ разсмотримъ отдѣльные эпизоды эпической исторіи того и другого богатыря.

Изъ моей статьи *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ* [1]) видно, что отголоски иранскаго эпоса на Кавказѣ сводятся почти исключительно къ нѣкоторымъ, наиболѣе популярнымъ, похожденіямъ Рустема. Исторія персидскихъ царей, къ царствованіямъ которыхъ пріурочиваетъ иранскій эпосъ различные подвиги своего національнаго богатыря, не могла сама по себѣ интересовать туземцевъ Кавказа, и только богатырская личность

---

[1]) *Этнограф. Обозрѣніе*, кн. II, стр. 1—36.

Рустема была выдвинута изъ массы другихъ иранскихъ сказаній и, усвоенная народною памятью, контаминировалась личностями другихъ кавказскихъ богатырей вродѣ Батраза, Урызмэга, Амирана и проч. Такое же *центральное* положеніе занимаетъ Рустемъ и вообще *Рустеміада* въ *народныхъ* персидскихъ преданіяхъ. Эпическая исторія Рустема есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія великой національной борьбы Ирана съ Тураномъ, такъ что смертью Рустема, можно сказать, почти оканчиваются и борьба съ Тураномъ, и иранскій эпосъ. Подобно тому, какъ Илья Муромецъ въ дѣятельности своей связывается, главнымъ образомъ, съ татарами и можетъ считаться главнымъ героемъ татарскаго періода [1]), такъ Рустемъ въ народномъ сознаніи персовъ до сихъ поръ неразрывно связанъ съ идеей о борьбѣ Ирана съ сѣверными кочевниками тюрками. До сихъ поръ имя національнаго пехлевана прикрѣплено и къ родной его области Сейестану, и ко многимъ другимъ, которыя были свидѣтелями его подвиговъ. «Современные персы,—говоритъ г. Зиновьевъ [2]),—соединяютъ съ Сейестаномъ воспоминаніе о Рустемѣ, котораго славный родъ тамъ царствовалъ. Жители этой области называютъ его именемъ неизвѣстныя имъ по происхожденію развалины [3]). Да и внѣ Сейестана въ Гирканѣ Узелей видѣлъ *престолъ* Рустема и другой такой же въ Исфаханѣ. Въ Мазендеранѣ, театрѣ многихъ великихъ подвиговъ героя, гдѣ, по свидѣтельству Казвини, цѣлая горная область называется *Рустемдаръ* [4]), ему показывали двѣ или три Рустемовы *дороги*, подобныя которымъ Поттингеръ видѣлъ въ степи. Войско Тимура, во время нашествія на Сейестанъ, разрушило такъ называемую *плотину* Рустема (bendi Rustam) такъ, что, по выраженію Шерифъ - Эддина, тамъ не осталось и слѣдовъ древняго памятника; а при разореніи древней столицы этой страны, во всемъ Сейестанѣ раздавались крики, которыми заклинали духъ героя: «Рустемъ, подними изъ гробницы свою голову и взгляни на Иранъ, доставшійся въ руки твоихъ смертельныхъ враговъ, туранскихъ воиновъ».

Воплотивъ преимущественно въ Рустемѣ идею великой національной борьбы съ Тураномъ, персидскій эпосъ долженъ былъ поставить своего пехлевана на недосягаемую высоту, сдѣлать его и физическимъ, и духовнымъ главою всѣхъ современныхъ ему богатырей Ирана. Дѣйствительно, сила его необычайна: по свидѣтельству армянскаго историка Моисея Хоренскаго (въ V в.), разсказывали, что она равна силѣ 120 слоновъ. Рус-

---

[1]) См. *Халанскій. Р. Филол. Вѣстн.* 1885 г., № 1, стр. 116.

[2]) *Эпическія сказанія Ирана* Н. Зиновьева. Спб., 1855 г., стр. 100.

[3]) Такъ, гора, поднимающаяся изъ озера Хамуна близъ р. Хилменда, называется *горой* Рустема (кух-и Рустэмъ) иначе кух-и Хеваджи (*Риттеръ*: „Иранъ“, ч. I, стр. 318, въ переводѣ, издан. *Имп. русс. геогр. общ.*); развалины на горѣ кух-и Ходжа называются *крѣпостью* Рустема (тамъ же, стр. 342); съ урочищемъ Хансуръ (домъ свадьбы) связано преданіе, что здѣсь богатырь Гивъ сочетался бракомъ съ дочерью Рустема (тамъ же, стр. 316); съ горнымъ озеромъ Деки-Тиръ (горы стрѣлы)—преданіе, что *здѣсь Рустемъ* досталъ стрѣлу, которой убилъ Исфендіара (тамъ же, стр. 316).

[4]) *См. также Риттеръ: „Иранъ“* (русск. изд.), ч. I, стр. 148.

темъ одинъ поражаетъ цѣлое войско, вырываетъ съ корнемъ огромныя деревья [1]), поднимаетъ и бросаетъ съ легкостью такіе громадные камни, которыхъ не могутъ и приподнять всѣ другіе пехлеваны [2]), подставляетъ себя подъ скатывающуюся съ горы каменную глыбу и т. под. Такая необычайная сила дана Рустему отъ Бога (о чемъ герой самъ нерѣдко заявляетъ) [3]) для совершенія подвиговъ, полезныхъ его народу. По волѣ божества, Рустемъ родится необычайнымъ путемъ (чрезъ кесарское сѣченіе) [4]), причемъ представитель божества, вѣщая птица Симургъ, предвѣщаетъ его отцу, что Рустемъ будетъ величайшимъ героемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мудрымъ въ совѣтѣ [5]).

Фирдоуси, который черпалъ матеріалъ для своего изложенія подвиговъ Рустема изъ народныхъ сказаній, несомнѣнно представлявшихъ много варіантовъ, не сообщаетъ подробностей преданія о томъ, что чрезмѣрная сила Рустема была уменьшена божествомъ, такъ какъ земля не могла держать его тяжести. Но такое преданіе несомнѣнно существовало. Въ эпизодѣ о Сохрабѣ, описавъ неудачный для Рустема второй бой съ сыномъ, поэтъ говоритъ: «Я *слышалъ*, что Рустемъ получилъ отъ Бога вначалѣ такую силу, что его ноги погрязали, когда онъ становился на камень. Онъ былъ недоволенъ такою непомѣрною силой, которой не желалъ. Онъ обратился къ Творцу съ мольбою освободить его отъ части силы, такъ чтобы онъ могъ ходить по землѣ; и благой Богъ, по желанію гороподобнаго Рустема, уменьшилъ его силу. Но когда онъ находился въ опасности и его сердце раздиралось боязнью, внушаемой ему Сохрабомъ, онъ снова обратился къ Богу съ мольбой: «Творецъ! помоги рабу твоему въ этихъ обстоятельствахъ! О, Всемогущій Боже и Всесвятѣйшій, отдай мнѣ мою силу такою, какою ты даровалъ мнѣ ее сначала». Богъ отдалъ ему ее, какъ онъ просилъ, и увеличилъ силу его тѣла настолько, насколько ее раньше убавилъ [6]).

Остановимся здѣсь и припомнимъ нѣкоторыя черты Ильи. Сила Ильи также *божественнаго* происхожденія и дана ему для полезныхъ подвиговъ. Не останавливаясь на разборѣ преданія о приходѣ къ Ильѣ каликъ, сложившагося подъ вліяніемъ агіологіи, отмѣтимъ только сходство въ *общей* идеѣ. Представители божества уменьшаютъ силу богатыря на половину [7]), причемъ это уменьшеніе силы мотивируется каликами (въ одной сказкѣ) [8]) такъ: «много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ». Хотя не самъ Илья проситъ странниковъ уменьшить ему силу (какъ Рустемъ проситъ объ

---

1) *Mohl*, I, стр. 435.
2) *Mohl*, I, стр. 445; III, стр. 311.
3) Наприм., *Mohl*, III, стр. 183.
4) См. *Mohl*, I, стр. 277 слѣд.
5) Ibid.
6) *Mohl*, II, стр. 131.
7) *Кирѣевскій*, I, стр. 2.
8) *Кирѣевскій*, I, прилож. № 2.

этомъ божество), но, все-таки, подобно Рустему, сознаетъ, что чрезмѣрной силы ему не надобно. Такъ, отказываясь во второй разъ наклониться къ щели гроба, изъ которой Святогоръ дуновеніемъ передалъ ему часть своей силы, Илья говоритъ: «Будетъ съ меня, бо̀льшій братецъ, не то земля на себѣ носить не станетъ» [1]). Другое сходство силы Ильи и Рустема представляется въ томъ, что, уменьшенная временно, она по молитвѣ богатырей возростаетъ, когда они находятся въ критическомъ положеніи. Подобно тому, какъ Рустемъ, посредствомъ молитвы, передъ третьимъ боемъ съ Сохрабомъ получаетъ всю свою прежнюю силу, такъ и нашъ Илья, лежа подъ сыномъ (подсокольничкомъ), взмолился Спасу Пречистому и вздохнулъ крѣпко:

„Стоялъ я за церкви Божіи, за тѣ же честны монастыри,
И хранилъ я стольный Кіевъ-градъ,
Да еще я хранилъ Черниговъ-градъ,
Да еще очистилъ я дорогу прямоѣзжую“ [2]).

И немедленно, укрѣпившись въ силахъ, сбросилъ съ себя подсокольника. По другому пересказу [3]), Илья въ томъ же положеніи вспоминаетъ святыхъ отцовъ и апостоловъ, и немедленно у него «лежучи втрое силы прибыло» [4]).

Подобно тому, какъ громадная сила Рустема выражается въ несовсѣмъ обычныхъ пріемахъ, напримѣръ: вырываніи дерева съ корнемъ, такъ при случаѣ и Илья даетъ такія же доказательства чрезвычайной силы.

„Пріѣхалъ (Илья) къ заставѣ—дремучимъ лѣсамъ:
Онъ лѣвой рукой коня ведетъ,
А правой рукой дубы рветъ“ [5]).

Одинъ изъ пріемовъ Рустема въ борьбѣ состоитъ въ томъ, что онъ поднимаетъ противника вверхъ и бросаетъ его на землю [6]). Къ такому же пріему прибѣгаетъ, какъ извѣстно, Илья [7]). Рустемъ въ увлеченіи боя съ тюрками схватываетъ тюрка и избиваетъ имъ другихъ [8]). Такъ Илья въ разныхъ былинахъ, но преимущественно въ былинѣ о Калинѣ-царѣ, схватываетъ татарина и прокладываетъ, размахивая имъ, себѣ путь въ татарскомъ войскѣ [9]).

---

[1]) *О. Миллеръ,* стр. 247.

[2]) *Ефименко*: „Матеріалы по этногр. русск. насел. Архангельской губ.“, ч. II, стр. 31.

[3]) *Кирѣевскій,* I, стр. 51.

[4]) Ср. еще *Кирѣевск.*, IV, стр. 46.

[5]) *Ефименко,* назв. соч., стр. 20. Срав. *Кирѣевск.*, I, стр. 81 (правой рукой рветъ дубье съ кореньями), и сказка объ Ильѣ М. (*Кирѣевск.*, I, приложеніе № 1): шедши онъ за водою, за которое дерево онъ ни ухватится, изъ корню выдернетъ. Также *Рыбниковъ,* II, стр. 326; III, стр. 17, 25; IV, стр. 9.

[6]) См. описаніе борьбы Рустема съ Пуладвендомъ. *Mohl,* III, стр. 206.

[7]) *Кирѣевск.*, I, стр. 6, 51, 76, 84; IV, стр. 12.

[8]) *Mohl,* I, стр. 365.

[9]) См. *Кирѣевск.*, I, стр. 75; *Гильфердингъ*: „Онеж. был.“, столб. 455, 908, 945, *1271, 1297 и 1299 и друг. Къ этому* пріему мы возвратимся ниже.

Соотвѣтственно непомѣрной силѣ Рустемъ отличается и огромнымъ аппетитомъ. Онъ съѣдаетъ заразъ по цѣлому онагру [1]), но особенно много пьетъ. Ему подносятъ огромную чашу вина, въ увѣренности, что онъ не осушитъ ея, и онъ не только выпилъ до дна этотъ «красный фонтанъ» (какъ выражается Фирдоуси), но потребовалъ, чтобы другая чаша была безъ примѣси воды [2]). Рустемъ любитъ бражничать, такъ что обыкновенно, когда послы отъ царя приходятъ звать его на службу, онъ удерживаетъ ихъ и пьянствуетъ съ ними нѣсколько дней. Нашъ Илья въ этомъ отношеніи еще превосходитъ иранскаго богатыря. Между всѣми русскими богатырями, въ числѣ которыхъ есть и спеціалистъ-пьяница Василій, Илья можетъ выпить заразъ всѣхъ больше. Такъ Васька-пьяница, собираясь на Батыгу, говоритъ Владиміру:

„Поднеси-ка мнѣ чарочку похмельную,
Которой чарой пьетъ Илья Муромецъ.
А Илья пьетъ чарой въ полсема ведра“ [3]).

На этомъ свойствѣ Ильи народная былина любитъ останавливаться и смаковать самый процессъ испиванія. Такъ, Илья говоритъ Владиміру:

„Еще ты, славный князь кіевской да владимірской!
Ты неси-ко цяшу большую да обѣручьную,
Зелена вина да полтора ведра!“
Илья-то беретъ ее да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее да на одинъ духъ,
Еще все-то ему мало кажется:
„Ты неси еще, князь, цяшу бо̀льшую,
Цяшу бо̀льшую да обѣручьную,
Еще два ведра да зелена вина,
Все со водоцькой, да со наливоцькой,
Со крѣпкими да со напитками“.
Илья принатся да одной рукой,
Онъ и пьетъ ее на одиной духъ“ [4]).

Вспомнимъ далѣе, какъ голи кабацкіе угощаютъ, сложившись по копѣечкѣ, Илью виномъ, причемъ богатырь, переодѣтый каликой, выпиваетъ полтора ведра единымъ духомъ и говоритъ:

„Да и ой же вы, голи да кабацкіе!
Не напоили старика, лишь *раззадорили*“ [5]).

Затѣмъ онъ въ свою очередь угощаетъ *голей* и упивается уже основательно. Отмѣтимъ тутъ же, что какъ персидскій эпосъ не вмѣняетъ своему богатырю въ вину то, что онъ, предаваясь пьянству, не спѣшитъ на призывъ царя, такъ и наши былины, повидимому, съ удовольствіемъ отмѣчаютъ это свойство Ильи. Такъ, въ былинѣ о Мамаѣ, Илья посланъ звать богатырей, стоящихъ на полѣ Куликовѣ.

---

1) *Mohl*, IV, стр. 476.
2) *Mohl*, IV, стр. 505.
3) *Кирѣевскій,* II, стр. 94.
4) *Кирѣевскій,* I, стр. 84 и слѣд.
5) *Гильфердингъ*, ст. 1120, 1134.

„Говорятъ тутъ могучіе богатыри
Старому казаку Ильѣ Муромцу:
— Ты сойди-ко къ намъ во бѣлъ шатеръ,
Выпить у насъ чару зелена вина! —
Сходилъ Илья Муромецъ съ добра коня,
Входилъ онъ къ нимъ во бѣлъ шатеръ,
Выпивалъ онъ чару зелена вина,
Зелена вина въ полтора ведра.
Наливали богатыри другу чару,
Подносили чару Ильѣ Муромцу;
Съ той ли чары Илью хмель зашибъ.
Ложился Илья Муромецъ во бѣломъ шатрѣ,
Во бѣломъ шатрѣ опочивъ держать.
Богатырскій сонъ на двѣнадцать денъ.
А Владиміръ князь Илью ждетъ—пождетъ,
Илью ждетъ-пождетъ и не дождется [1]).

Обратимъ теперь вниманіе на тѣ черты нравственнаго характера Рустема и Ильи, которыя дѣлаютъ этихъ богатырей естественными главами среди другихъ.

Тотъ и другой, будучи увѣрены въ своей силѣ, отличаются *спокойнымъ мужествомъ* и этимъ противуполагаются другимъ, болѣе юнымъ и заносчивымъ богатырямъ. Фирдоуси отмѣчаетъ именно эту черту Рустема, называя его «славнымъ, многолюбимымъ пехлеваномъ, благороднымъ и *спокойнымъ*» [2]). Та же черта настолько уяснена нашими изслѣдователями въ Ильѣ Муромцѣ, что не считаемъ нужнымъ приводить примѣры изъ былинъ. Тотъ и другой пренебрегаютъ земными благами и отличаются *нестяжательностью*. Эта черта также въ достаточной степени указана въ Ильѣ. Примѣрами нестяжательности Рустема можетъ служить слѣдующее: царь мазендеранскій предлагаетъ Рустему, посланному къ нему Кейкаусомъ, царственный подарокъ. Но онъ отказался отъ его даровъ: одеждъ, коней, золота, такъ какъ презиралъ и вѣнцы, и пояса [3]). Въ другой разъ Рустемъ пригналъ въ Иранъ табунъ отличныхъ коней Афрасіаба и роздалъ ихъ иранцамъ, не желая самъ имѣть другого коня, кромѣ Ракша, и послалъ отбитыхъ въ Туранѣ слоновъ царю [4]). Отсутствіе корыстолюбія, однако, не мѣшаетъ иранскому и русскому богатырямъ добывать богатую добычу или получать «заработное». Рустемъ, какъ владѣтельный князь Сеистана, богатъ уже по рожденію и получаетъ драгоцѣнные подарки отъ царей Ирана за свои безчисленныя услуги. Нашъ Илья, хотя и не цѣнитъ богатства, нерѣдко въ былинахъ представляется весьма богатымъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ чертахъ Ильи, замѣчается какая-то двойственность, причины которой мы постараемся уяснить ниже. Вотъ, напримѣръ, какія богатства возитъ съ собой старый казакъ:

1) *Кирѣевскій,* I, стр. 61.
2) *Mohl,* IV, стр. 9.
3) *Mohl,* I, стр. 438.
4) *Mohl, III, стр. 229.*

„Только взять вамъ у стараго:
Кожа на плечахъ въ пятьсотъ рублей,
Чуденъ крестъ на груди въ три тысячи,
По карманамъ золотой казны смѣты нѣтъ,
А косматому бурушкѣ у меня и цѣны нѣтъ“ [1]).

Или:

„Въ колчанѣ у меня стрѣлъ до пяти сотъ есть,
Что и кажная стрѣла стоитъ пять рублей.
А чистыхъ со мной денегъ сорокъ тысячей“ [2]).

Эти деньги Илья заработалъ своими подвигами. Такъ, когда онъ освободилъ городъ Бекетовецъ отъ татаръ, то

„Тутъ мужики бекетовцы
Насыпали ему чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью насыпали скатна жемчуга.
Подносятъ, подаваютъ ему,
Принялъ старичекъ, самъ проговоритъ:
— Это, братцы, мое заработчее“ [3]).

Такіе же подарки, какъ *заработчее*, принимаетъ Илья отъ дѣтей Соловья-разбойника [4]), отъ царя Константина Боголюбовича [5]) и находитъ золотой казны безъ смѣты въ одну изъ своихъ поѣздокъ [6]). Вообще слѣдуетъ подчеркнуть для дальнѣйшаго тотъ фактъ, что великорусскій крестьянинъ-пахарь видитъ въ своемъ идеальномъ представителѣ Ильѣ не мужика-пахаря, а вольнаго казака, добывающаго богатство на полѣ браннномъ палицею и мечомъ булатнымъ, т.-е. тѣмъ способомъ, которымъ обогащались представители высшаго боеваго сословія.

Отмѣчая дальнѣйшія черты характера Рустема и Ильи, слѣдуетъ указать на ихъ *благочестіе*. Эта черта тѣмъ болѣе естественна, что у обоихъ сила божественнаго происхожденія. Рустемъ нерѣдко обращается съ молитвой къ божеству, испрашивая у него помощи. Примѣры благочестія Ильи можно найти во множествѣ былинъ.

Соединеніе необыкновенной физической силы съ высокими нравственными свойствами—благородствомъ, великодушіемъ, благочестіемъ, нестяжательностью и др.—возвышаетъ Рустема и Илью надъ всѣми современными имъ богатырями, которые, какъ мы увидимъ, относятся къ нимъ съ глубокимъ уваженіемъ. Оба народа—персы и русскіе—вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ своимъ идеальнымъ представителямъ преклонный возрастъ. Персидскій эпосъ, представляя полную біографію Рустема, отъ рожденія до смерти, какъ бы скользитъ надъ его ранними подвигами. Всѣ дивныя дѣла,

---

1) *Рыбниковъ*, I, стр. 63.
2) *Киръевскій*, I, стр. 15. См. также: *Кирѣев.*, стр. 17, 23, 27. *Гильфердингъ*, столб. 923, 924, 1023, 1136.
3) *Рыбниковъ*, I, стр. 47
4) Тамъ же, стр. 49.
5) *Рыбниковъ*, I, стр. 94.
6) Ibid., стр. 65.

прославившія его имя, совершены имъ уже въ *зрѣломъ* возрастѣ, а нѣкоторыя въ глубокой старости. Въ теченіе его жизни смѣняется на престолѣ Ирана цѣлый рядъ царей—Маночихръ (царствовавшій, по Фирдоуси, 120 лѣтъ), Невдеръ (7 лѣтъ), Зевъ (6 лѣтъ), Гершаспъ (5 лѣтъ), Кейкобадъ (100 лѣтъ), Кейкаусъ (150 лѣтъ), Кейхосровъ (60 лѣтъ), Лохраспъ (120 л.), Гуштаспъ (100 л.), но главные подвиги Рустема приходятся на царствованія Кейкауса (походъ въ Мазендеранъ, война съ Афрасіабомъ) и Кейхосрова (продолженіе борьбы съ туранцами, бой съ дивомъ Акваномъ, освобожденіе Бижена), когда Рустему было уже *нѣсколько сотъ* лѣтъ. Говоря о своихъ подвигахъ съ Исфендіаромъ, маститый герой выражается о себѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Уже болѣе 600 лѣтъ, какъ я родился отъ Заля, и въ теченіе всего этого времени я былъ пехлеваномъ міра и не боялся ничего, ни явнаго, ни сокрытаго» [1]. Нѣтъ сомнѣнія, что эпическая біографія Рустема была составлена не народными «сказителями», а предшествовавшими Фирдоуси собирателями народныхъ сказаній, причемъ и тусскій поэтъ принялъ участіе въ ея пополненіи. Народъ зналъ отдѣльныя сказанія о томъ или другомъ подвигѣ Рустема, причемъ, какъ всегда бываетъ, пріурочивалъ къ имени своего національнаго героя подвиги другихъ эпическихъ и сказочныхъ личностей. Такимъ образомъ, въ теченіе вѣковъ и въ разныхъ областяхъ Ирана накопилась такая масса отрывковъ *Рустеміады*, что ученымъ составителямъ *Книги царей* приходилось разбить исторію Рустема и его предковъ на цѣлый рядъ царствованій не менѣе эпическихъ царей Ирана. Біографія Рустема была сведена изъ отдѣльныхъ сказаній подобно тому, какъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей былинъ дѣлаютъ попытки (на нашъ взглядъ неудачныя) составить эпическую біографію Ильи Муромца или Садка. Такія попытки разверстать въ извѣстной послѣдовательности отдѣльные подвиги Ильи дѣлаютъ, впрочемъ, и нѣкоторые «сказители», причемъ обыкновенно впадаютъ въ явное противорѣчіе, какъ мы увидимъ ниже. Поэтому лучшими былинами, въ смыслѣ сохраненія бо̀льшей полноты деталей, представляются обыкновенно такія, въ которыхъ воспѣвается тотъ или другой подвигъ Ильи или рядъ подвиговъ, уже давно связанныхъ въ одномъ разсказѣ. Относительно Рустема можно установить фактъ, что въ *народныхъ* сказаніяхъ о его подвигахъ онъ представлялся не молодымъ героемъ (вродѣ Сіавуша, Исфендіара), а богатыремъ солиднаго или преклоннаго возраста, который уже самъ по себѣ давалъ ему право на уваженіе болѣе юныхъ богатырей. Передъ его глазами смѣняется нѣсколько поколѣній царей и богатырей, какъ видно изъ тѣхъ «былинъ», въ которыхъ онъ является воспитателемъ и руководителемъ молодыхъ пехлевановъ (Сіавуша, Бахмана и др.).

Спрашивается теперь, въ какомъ возрастѣ совершаетъ свои подвиги Илья Муромецъ и что извѣстно про его юность?

Просматривая былины объ Ильѣ, нетрудно убѣдиться, что *всѣ* подвиги совершены имъ уже въ преклонномъ возрастѣ, «старымъ» казакомъ.

---

[1] *Mohl, IV, стр. 496.*

Хотя нерѣдко говорится въ былинахъ:

„А ѣздилъ-то старъ по чисту полю,
И отъ *младости* да старъ до старости,
И отъ старости да до гробной доски“ [1]);

но ни одинъ подвигъ, совершонный Ильей во *младости*, народу не извѣстенъ [2]). Илья называется *старымъ* въ то время, когда ранитъ Соловья и привозитъ его въ Кіевъ [3]), когда встрѣчаетъ разбойниковъ [4]), бьется съ Нахвальщикомъ [5]), съ Мамаемъ [6]), когда ѣдетъ въ Царьградъ [7]), когда ссорится съ Владиміромъ [8]), бьется съ Калиномъ-царемъ [9]), съ сыномъ, убиваетъ королевишну и проч. Можетъ явиться мысль, что эпитетъ «старый казакъ», встрѣчавшійся въ нѣкоторыхъ эпизодахъ изъ подвиговъ Ильи (положимъ, наприм., въ боѣ съ сыномъ), затѣмъ обобщился и былъ безсознательно переносимъ народомъ и въ такія былины, въ которыхъ нѣкогда Илья являлся молодымъ. Такая эпическая забывчивость свойственна народнымъ былинамъ, въ которыхъ, напримѣръ, Калинъ-царь преспокойно самъ себя называетъ «собака-Калинъ-царь», или татаринъ самъ прибавляетъ къ себѣ эпитетъ «поганаго». Но подобною эпическою наивностью можно объяснить только появленіе эпитета «старый» въ такъ называемыхъ сводныхъ былинахъ, въ которыхъ сказители соединяютъ въ одно цѣлое всѣ подвиги Ильи [10]). Изъ отдѣльныхъ же былинъ видно, что народъ дѣйствительно представлялъ себѣ Илью старикомъ со всѣми аттрибутами старости. Такъ, въ былинѣ изъ с. Усть - Уреня [11]), содержащей встрѣчу съ разбойниками и Соловьемъ, про Илью говорится:

„Побѣлѣла его головушка,
Посѣдѣла его бородушка“.

Самъ Илья въ былинѣ о Мамаѣ [12]), описывая свою наружность царю, говоритъ:

„У стараго-то бородушка сивая,
Сивая бородушка да красивая“.

Наконецъ, прямое указаніе на глубокую старость Ильи, только вполовину уступающую возрасту Рустема, находимъ въ былинѣ № 197 Гильфердинга, содержащей начало разсказа о *трехъ* поѣздкахъ и открывающейся слѣдующимъ образомъ:

---

1) *Гильфердингъ*, столб. 310; также ст. 1052, 1201, 1246.
2) Мы не говоримъ здѣсь о мѣстныхъ преданіяхъ Карачарова, о которыхъ ниже.
3) Наприм., *Рыбниковъ*, I, №№ 9, 10, 11.
4) Наприм., *Кирѣевскій*, I, стр. 18.
5) *Кирѣевскій*, I, стр. 53.
6) *Ефименко*, стр. 34.
7) *Рыбниковъ*, I, стр. 92.
8) *Рыбниковъ*, I, стр. 95.
9) *Рыбниковъ*, I, стр. 101.
10) Наприм., *Кирѣевск.*, I, стр. 25. Илья проситъ отца купить себѣ жеребчика немедленно по отъѣздѣ уже названъ „старымъ казакомъ“ (стихъ 26).
11) *Кирѣевскій*, I, стр. 31 и слѣд.
12) *Ефименко*, № 8, стр. 34.

„Ѣздитъ-то старъ по чисту полю,
А самъ себѣ, старый, дивуется:
„Ахъ, ты, старость, старость ты старая,
А старая старость глубокая,
А глубокая старость триста годовъ,
А триста годовъ да пятьдесятъ годовъ!
Застала ты стараго во чистомъ поли“ и т. д.

Такимъ образомъ, оказывается, что *всѣ* подвиги были совершены Ильей въ старомъ возрастѣ и что онъ искони представлялся «старымъ казакомъ» воображенію великорусскаго сказителя. До насъ не дошло ни одной былины о подвигахъ, совершонныхъ Ильей въ молодости, и такихъ подвиговъ за нимъ не зналъ и самъ народъ. Съ нашей точки зрѣнія объясненіе этому факту можетъ быть слѣдующее. Самою раннею чертой въ *типѣ* Ильи мы считаемъ именно ту, которая, такъ сказать, закрѣплена за нимъ его постояннымъ эпитетомъ «старый казакъ». Древнѣйшій прототипъ Ильи былъ старый казакъ (т.-е. вольный, независимый богатырь) Рустемъ, перешедшій изъ Ирана въ степные разсказы тюркскихъ кочевниковъ (половцевъ) и подъ новыми именами продолжавшій поляковать на просторѣ южно-русскихъ и сѣверо-кавказскихъ степей. Изъ этихъ степныхъ разсказовъ образъ вольнаго богатыря-всадника перешелъ въ разсказы русскіе, сохранивъ тотъ возрастъ, въ которомъ Рустемъ совершалъ свои подвиги въ Иранѣ. Одинъ изъ наиболѣе популярныхъ и распространенныхъ эпизодовъ *Рустеміады* несомнѣнно бой отца съ сыномъ, и этотъ эпизодъ необходимо предполагаетъ въ отцѣ уже почтенный возрастъ. Мы увидимъ ниже, что наши сказанія объ Ильѣ и сынѣ всего ближе примыкаютъ къ восточнымъ и сложились подъ вліяніемъ *Рустеміады*. Старымъ является также Рустемъ сравнительно съ посаженнымъ имъ на престолъ безумнымъ царемъ Кейкаусомъ. По нашей теоріи, отношенія Рустема къ иранскому царю отразились на отношеніяхъ Ильи къ Владиміру, какъ и самъ эпическій Владиміръ во многихъ чертахъ напоминаетъ Кейкауса. Отсюда естественно, что во всѣхъ былинахъ, гдѣ изображается Илья Муромецъ на службѣ Владиміра, онъ является уже старымъ. Старшимъ по возрасту представлялся далѣе иранскій Рустемъ въ отношеніи другихъ пехлевановъ, во главѣ которыхъ онъ стоитъ; старымъ являлся замѣститель Рустема и въ южнорусскихъ степныхъ разсказахъ, находясь также во главѣ прочихъ богатырей. Старымъ поэтому оказывается Илья, стоя на заставѣ богатырской съ дружиной богатырей. Такимъ образомъ, разъ усвоенный южною Русью типъ стараго казака,—типъ, сложившійся подъ вліяніемъ степныхъ отголосковъ *Рустеміады*, переходитъ затѣмъ на сѣверъ и сохраняется по консерватизму эпоса въ великорусскихъ сѣверныхъ областяхъ, среди мужиковъ-пахарей, чуждыхъ полякованію по степи, не знающихъ ни сѣделышекъ черкасскихъ, ни бѣлыхъ шатровъ, ни тугихъ луковъ,—словомъ, никакихъ аттрибутовъ жизни степныхъ рыцарей. Впрочемъ, на этого степнаго рыцаря Суздальско-Ростовская Русь старалась наложить свою печать. *При переходѣ типа* «стараго казака» въ великорусскую крестьянскую сре-

ду, казакъ становится сыномъ крестьянина, указывается даже село, въ которомъ онъ родился, и называются по имени его родители. Но крестьянское происхожденіе пришито къ казаку (и, въ концѣ концовъ, къ владѣтельному князю Рустему) лишь живыми нитками. Илья уходитъ изъ дому, какъ только ноги начали ему служить, и оказывается «старымъ казакомъ» уже сейчасъ за воротами отцовскаго дома [1]). Такъ и не удалось великорусскому сказителю по сю пору согласить несогласимое—сдѣлать «вольнаго» человѣка крестьяниномъ-пахаремъ [2]).

Впрочемъ, въ гаданіяхъ о «первоначальномъ» Ильѣ мы зашли дальше, чѣмъ позволяютъ разсмотрѣнные до сихъ поръ факты. Возвращаемся къ дальнѣйшему сопоставленію Рустема и Ильи, именно обратимъ вниманіе на отношенія того и другаго къ другимъ богатырямъ и послѣднихъ къ нимъ обоимъ.

Рустемъ можетъ быть названъ facile princeps по отношенію къ современнымъ ему пехлеванамъ Ирана. Онъ ихъ предводитель въ бою, всегда принимающій на себя самую трудную и опасную работу. Во время натиска на войско непріятелей онъ вламывается въ центръ, между тѣмъ какъ другіе вожди нападаютъ на фланги. На него одного возлагаютъ всѣ надежды, когда Иранъ находится въ критическомъ положеніи, и эти надежды никогда не обманываютъ. Онъ—блюститель царскаго престола [3]) и границъ Ирана (Сейестана, Забулистана или Нимруза). Онъ спасаетъ и царя (Кейкауса), и все иранское войско, попавшее въ плѣнъ къ царю Мазендерана. Онъ воспитываетъ царевича Сіавуша (сына Кейкауса), чтобы сдѣлать его достойнымъ престола, онъ же впослѣдствіи, по завѣту умирающаго Исфендіара, беретъ къ себѣ его сына, царевича Бахмана, и заботится о немъ, «какъ о своей душѣ» [4]). Всѣ современные ему богатыри цѣнятъ его высоко; былъ даже случай, когда ему предлагали корону Ирана, но онъ отказался отъ этой чести [5]). Когда Кейкаусъ оскорбилъ Рустема, всѣ пехлеваны были возмущены этимъ поступкомъ и убѣждали царя примириться съ великимъ героемъ. Когда царь Кейхосровъ отвернулся отъ своихъ пехлевановъ, то они, подозрѣвая, что онъ подпалъ вліянію *дива*, вызываютъ Рустема изъ его области и ищутъ у него совѣта [6]).

---

[1]) Чтобы согласить названіе *казака* съ крестьянскимъ происхожденіемъ, одна былина (Калинина, Гильферд., № 5) указываетъ поводъ, по которому Илья получилъ это прозвище. За убіеніе Соловья-разбойника Владиміръ благодаритъ Илью и говоритъ:

„Нареку тебѣ я имя да *по новому*:
Будь-ко ты казакъ да Илья Муромецъ,
А живи-тко ты у насъ во Кіеви".

[2]) Во избѣжаніе недоразумѣнія, считаю нелишнимъ замѣтить тутъ же, что въ одномъ изъ дальнѣйшихъ экскурсовъ я разсматриваю, какимъ образомъ сравнительно позднее появленіе *казачества* нисколько не противорѣчитъ принимаемой мною древности типа Ильи—стараго казака.

[3]) *Mohl*, IV, стр. 491.

[4]) *Mohl*, IV, стр. 555.

[5]) См. выше *Экск*. I.

[6]) *Mohl*, IV, стр. 179.

Такое же почетное мѣсто занимаетъ Илья среди другихъ богатырей. Почти все, что выше сказано о Рустемѣ, можетъ быть отнесено и къ Ильѣ. Онъ многократно выручаетъ князя изъ бѣды неминучей, одолѣваетъ такихъ противниковъ, отъ которыхъ отказались другіе богатыри (Добрыня, Алеша), беретъ себѣ *середку* татарской рати [1]), и потому богатыри смотрятъ на него, какъ на своего естественнаго вождя, и повинуются ему безпрекословно. Такъ, желая потѣшиться надъ Владиміромъ, созывающимъ въ страхѣ богатырей противъ Калина, угрожающаго отнять у него Опраксію, Илья говоритъ богатырямъ:

„Ай же вы, братьица крестовые,
Крестовые братьица, названые,
Молодой Потокъ сынъ Ивановичъ,
Молодой Добрынюшка Никитичъ!
Видно, пришла князю тревогушка,
Тревога, бѣда неминучая,
Что тревожитъ насъ, могучіихъ богатырей,
А подите-ка, братцы, отказывайтесь,
Что не можемъ мы служить за Кіевъ градъ“ [2]),

и богатыри немедленно отказываются передъ Владиміромъ. Въ другой былинѣ «князья-бояре», высказывая свой взглядъ на Илью, какъ на защитника государства, говорятъ Владиміру:

„Гой еси ты, ласковъ Володимеръ князь!
Мы всѣ съ тобою, со княгинею,
За тебя мы положимъ наши головы,
А рать поведетъ Илья Муромецъ:
Мы дадимъ ему нашихъ дѣтушекъ,
Коней сильныхъ, сабли острыя,
Стрѣлы мѣткія со туги луки“ [3]).

Такимъ образомъ, всѣ приближенные къ князю будутъ отсиживаться съ нимъ въ Кіевѣ, а отразить врага (Тугарина Бѣлевича) въ чистомъ полѣ посылаютъ Илью Муромца. Самъ Владиміръ нерѣдко въ былинахъ называетъ Илью «первымъ русскимъ богатыремъ» (наприм., *Рыбник.*, I, № 38, стр. 228; II, № 17, стр. 80), повторяя этимъ лишь всеобщее мнѣніе [4]). Любопытныя черты, характеризующія отношенія другихъ богатырей къ Ильѣ, содержитъ старина про Алешу Поповича изъ собранія Ефименко. Алеша съ дружиной выѣзжаетъ изъ Ростова на подвиги и спрашиваетъ дружину, ѣхать ли имъ въ Кіевъ, Черниговъ или къ морю синему? Дружина совѣтуетъ ѣхать въ Кіевъ. По дорогѣ встрѣчается рать Василія Прекраснаго, угрожающая Кіеву, и Алеша хочетъ «ослободить крашенъ Кіевъ-градъ», мотивируя свое рѣшеніе такими словами:

---

1) *Кирѣевскій*, IV, стр. 44.
2) *Рыбниковъ*, I, стр. 99.
3) *Кирѣевскій*, I, стр. 56.
4) Напримѣръ: „Кого нѣтъ сильнѣе да могучѣе?
Старина Ильи да Ильи Муромца“ (*Гильфердингъ*, № 243).

„Выслуга наша не забудется;
А пройдетъ про насъ слава великая,
Про выслугу нашу богатырскую,
И узнаетъ про насъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
Не дошедши, старикъ намъ поклонится“.

Такимъ образомъ, богатыремъ и его дружиной руководитъ не желаніе снискать благодарность князя Владиміра, а желаніе заслужить похвалу отъ главнаго русскаго богатыря. Въ той же былинѣ далѣе Алеша, приглашенный на княжескій пиръ,

„Отдаетъ чело на всѣ четыре стороны,
А особенно поклонился старику Ильѣ Муромцу“ [1]).

Не съ меньшимъ уваженіемъ относится къ Ильѣ пріѣзжій богатырь Дюкъ Степановичъ. Онъ подъѣзжаетъ къ нему и, на предложеніе Ильи побороться, падаетъ ему во бѣлы ноги со словами:

„Одно у насъ на небѣ солнце красное,
Печетъ во всю землю святорусскую;
А одинъ на Руси могучъ богатырь,
Старый казакъ да Илья Муромецъ.
Кто смѣетъ съ нимъ поборотися,
Тотъ боками отвѣдати матки травы“ [2]).

Приведенные примѣры достаточно уясняютъ, съ какимъ почтеніемъ относятся другіе богатыри къ Ильѣ Муромцу. Разсмотримъ теперь его отношенія къ болѣе молодымъ богатырямъ.

Преобладающею чертой въ этихъ отношеніяхъ являются добродушіе и ласковость. Илья *братается* съ Добрыней и Алешей, причемъ считается ихъ старшимъ крестовымъ или назвȁнымъ братомъ. Онъ научаетъ Добрыню, какъ справиться съ бабой Горынинкой [3]).

Онъ не сердится на молодаго Дюка Степановича за то, что онъ разбудилъ его, желая научиться у него всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ; братается съ нимъ крестами и, отпуская его въ Кіевъ, даетъ ему совѣтъ не хвастать на пиру.

„А станутъ обижать тебя на честномъ пиру,
Держи ко мнѣ вѣсточку во чисто поле,
Ко моему шатру бѣлополотняному—
Такъ не обидятъ тебя во городѣ во Кіевѣ“ [4]).

Онъ безпокоится душою о молодомъ Ермакѣ, бьющемся съ татарами, посылаетъ остановить его сначала Алешу, затѣмъ Добрыню, наконецъ, ѣдетъ самъ.

„Подъѣхалъ къ богатырю святорусскому,
Наложилъ онъ свои храпы крѣпкіе

---

[1]) См. *Ефименко,* стр. 26 и 28.
[2]) *Рыбн.*, III, № 29, стр. 152; срав. I, стр. 140, и III, стр. 169.
[3]) *Кирѣевскій,* I, стр. 11, 14, 15.
[4]) *Рыбн.*, I, № 47. См. отношенія Ильи къ Дюку также у Рыбн., II, стр. 141, 164, 183.

На его на плечики могучія,
Прижималъ его къ своему ретивому сердечушку“ [1]).

Онъ оказываетъ услугу крестовому младшему брату Потыку, извѣстивъ его о бѣгствѣ его коварной жены съ королемъ Политовскимъ [2]).

Вообще Илья чуждъ чувства соперничества или соревнованія. Онъ относится къ другимъ богатырямъ благодушно, какъ къ братьямъ, всегда готовъ помочь имъ совѣтомъ и выручить изъ бѣды. Особенно теплы его отношенія къ молодому Ермаку, который въ нѣкоторыхъ былинахъ называется поэтому его племянникомъ [3]). Примѣромъ отсутствія зависти къ молодымъ богатырямъ можетъ служить событіе, разсказанное въ былинѣ Ефименко. Когда Алеша очистилъ дорогу въ Кіевъ, разбивъ войско Василія Прекраснаго, но не былъ почтенъ Владиміромъ и приглашенъ на пиръ, Илья ѣдетъ къ князю въ Кіевъ и настаиваетъ передъ Владиміромъ, чтобъ онъ почтилъ молодаго богатыря:

„Соберитко-ся, князь Владиміръ, почестенъ пиръ,
Позовитко-ся Алешу Поповича на почестенъ пиръ,
Посадитко-ся Алешу во большо мѣсто
И уотчуйко-ся Алешу зеленымъ виномъ,
Зеленымъ виномъ да медомъ сладкіимъ“ [4]),

и князь слушается совѣта стараго богатыря.

Подобно тому, какъ здѣсь Илья ходатайствуетъ передъ княземъ за молодаго Алешу, такъ Рустемъ старается оправдать своего воспитанника Сіавуша передъ его отцомъ Кейкаусомъ. Кейкаусъ негодуетъ на сына за то, что онъ прекратилъ войну съ Афрасіабомъ и заключилъ съ нимъ миръ, хотя и на выгодныхъ для Ирана условіяхъ. Отецъ хочетъ отозвать сына и замѣнить его другимъ полководцемъ. Тогда Рустемъ горячо ходатайствуетъ передъ Кейкаусомъ за сына, оправдываетъ его поступокъ и своими правдивыми рѣчами возбуждаетъ противъ себя гнѣвъ царя. Послѣдній доходитъ до того, что отсылаетъ Рустема въ его область: «Я пересталъ,— говоритъ царь, — называть тебя другомъ и не хочу, чтобы ты сражался за меня» [5]). Разгнѣванный герой съ дружиной поспѣшно уѣзжаетъ въ Сеистанъ.

Относясь благожелательно къ младшимъ богатырямъ, Илья является миротворцемъ въ ихъ взаимныхъ ссорахъ и не дозволяетъ дѣлу дойти до убійства. Такъ, когда расходившійся Добрыня кинулъ коварнаго Алешу о кирпиченъ полъ и хотѣлъ «переправить второй-етъ разъ»,

„Такъ скочилъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Захватилъ за плечики за могутныя за молодецкія,
Ай же ты, Добрынюшка Никитиничъ,

---

[1]) *Рыбн.*, I, стр. 113.
[2]) *Рыбн.*, № 16, стр. 74.
[3]) *Кирѣевскій*, I, стр. 61, 65.
[4]) *Ефименко, стр. 27.*
[5]) *Mohl, IV, стр. 224.*

Не убей ты смертію напрасною
Меньшаго братца Алешу Поповича!“ [1]).

Такъ же удерживаетъ Илья Дюка, хотѣвшаго, согласно условію состязанія, отсѣчь голову Чурилѣ Пленковичу [2]).

Заканчивая параллельную характеристику обоихъ національныхъ богатырей—иранскаго и русскаго—намъ слѣдуетъ указать еще на сходство въ отношеніяхъ Рустема къ царю и Ильи къ князю, о чемъ уже была у насъ рѣчь въ экскурсѣ I по поводу сопоставленія Владиміра съ Кейкаусомъ. Мы видѣли, что оба богатыря посвящаютъ всѣ свои силы на службу отечеству, служатъ «дѣлу, а не лицамъ» и держатъ себя весьма самостоятельно по отношенію къ предержащей власти. Тотъ же тонъ, который слышится часто въ словахъ Рустема, звучитъ и въ устахъ Ильи, когда онъ склоняется на подвиги не ради царя и княгини, а ради вѣры христіанской, бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей [3]).

Мы видѣли также, что представители власти—Кейкаусъ и Владиміръ—личности довольно низменныя въ нравственномъ отношеніи — поступаютъ иногда недостойнымъ образомъ съ главнымъ національнымъ богатыремъ, оберегателемъ ихъ особы и государства. Кейкаусъ изъ-за мелкаго раздраженнаго самолюбія угрожаетъ повѣсить Рустема, Владиміръ сажаетъ Илью въ пожизненное заключеніе въ погреба глубокіе.

Но за несправедливымъ гнѣвомъ властелина на богатыря слѣдуетъ съ ихъ стороны раскаяніе и народный эпосъ—иранскій и русскій—ставитъ ихъ въ унизительное положеніе передъ національными богатырями. Особенно ярко выставлено униженіе Владиміра въ одной былинѣ о Батыѣ (изъ собранія Кирѣевскаго), содержащей, какъ мы сейчасъ увидимъ, еще одну интересную для насъ черту. Батый съ огромною ратью подступаетъ къ Кіеву съ обычными угрозами и требуетъ выдачи богатырей Ильи, Добрыни и Алеши. Ильи въ Кіевѣ не было, *такъ какъ пріѣздъ къ князю былъ ему запрещенъ*. Владиміръ идетъ въ страхѣ молиться Богу въ церковь, встрѣчаетъ калику и разсказываетъ ему о требованіяхъ Батыя. На это калика открывается ему:

„Не зови меня нищей каликой перехожею,
Назови меня старымъ казакомъ Ильей Муромцемъ“.
Билъ челомъ Владиміръ до сырой земли:
„Ужь ты здравствуй, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Постарайся за вѣру христіанскую,
Не для меня, князя Владиміра,
Не для ради княгини Апраксіи,
Не для церквей и монастырей,
А для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей!“
Говоритъ старъ казакъ Илья Муромецъ:

---

1) *Рыбн.*, I, № 26, стр. 146.
2) *Рыбн.*, II, № 28, стр. 150.
3) *Кирѣевскій*, IV, стр. 42 и 43.

„Ужъ давно намъ отъ Кіева отказано,
Отказано отъ Кіева двѣнадцать лѣтъ“ [1]).

Затѣмъ, простивъ князя, Илья уничтожаетъ войско Батыя. Такимъ образомъ, Владиміръ здѣсь прямо сознается, что виноватъ предъ богатыремъ и не заслуживаетъ, чтобы изъ-за него и его жены тотъ выступилъ на непріятеля. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы узнаемъ, что, вслѣдствіе какой-то давней ссоры, Владиміръ запретилъ Муромцу въѣздъ въ Кіевъ. Этотъ отказъ отъ двора напоминаетъ вышеприведенный поступокъ Кейкауса съ Рустемомъ,—отсылку послѣдняго царемъ въ Сейестанъ, откуда національный богатырь пріѣзжаетъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ, чтобъ отчитать царя за его отношенія къ Сіавушу (ставшія причиной его смерти) и убить любимую жену царя, Судабэ. Впрочемъ, это не единственные примѣры того, что Рустемъ въ теченіе извѣстнаго времени не появляется при дворѣ иранскаго царя или во главѣ его войска и проводитъ жизнь на *границѣ* государства. Изъ словъ Исфендіара мы узнаемъ, что въ теченіе правленія непопулярныхъ и неугодныхъ ему царей Лохраспа и Гуштаспа (этого alter ego Кейкауса, какъ увидимъ ниже), Рустемъ не появлялся при царскомъ дворѣ [2]). Посланный отцомъ Гуштаспомъ къ Рустему, чтобы *привести его въ оковахъ*, Исфендіаръ велитъ сказать богатырю: «Ты, о пехлеванъ, оскорбилъ сердце царя, ты не представился къ его славному двору, не видѣлъ вельможъ, его окружающихъ; ты выбралъ себѣ въ мірѣ *отдаленную окраину*, гдѣ ты скрываешься» [3]). На нашъ взглядъ, это напоминаетъ пребываніе Ильи внѣ Кіева на заставѣ и также двѣнадцатилѣтнее отсутствіе Ильи, когда ему, по неизвѣстной намъ причинѣ, было отказано въ пріѣздѣ ко двору Владиміра. Укажемъ тутъ же на нѣкоторыя другія мелкія аналогіи между Рустемомъ и Ильей, не придавая имъ, впрочемъ, большаго значенія.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ, какъ извѣстно, Владиміръ, устроивая пиръ, зоветъ богатырей, но не зоветъ Илью Муромца [4]), что служитъ поводомъ къ крупной ссорѣ Ильи съ княземъ. Встрѣчается и другая черта, что Илью обижаютъ мѣстомъ за княжескимъ столомъ. Такъ, въ одной былинѣ [5]) Владиміръ, не узнавъ Илью, долго не бывшаго въ Кіевѣ и назвавшаго себя Никитой Заолѣшаниномъ, садилъ его не съ боярами, а съ дѣтьми боярскими, что вызвало со стороны богатыря слѣдующія характерныя слова:

„Ужь ты батюшка, Владиміръ князь,
Князь Владиміръ стольно-кіевскій!
Не по чину мѣсто, не по силѣ честь.
Самъ ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь съ воронятами!...“

---

1) *Кирѣевскій*, IV, стр. 42 и 43.
2) *Mohl*, IV, стр. 467.
3) *Mohl*, IV, стр. 469.
4) Наприм., *Рыбниковъ*, I, стр. 95.
5) *Кирѣевскій*, IV, стр. 47.

За такія рѣчи князь велитъ тремъ богатырямъ вытолкать гостя, но ни они, ни всѣ прочіе не могли сдвинуть его съ мѣста. Илья такъ отдѣлалъ всѣхъ богатырей, что Владиміръ долженъ опять унизиться передъ нимъ:

„О ты гой еси, старъ казакъ Илья Муромецъ!
Вотъ тебѣ мѣсто подлѣ меня,
Хоть по правую руку аль лѣвую,
А третье мѣсто—куда хошь садись“ [1]).

Нѣчто подобное представляетъ, въ разсказѣ Фирдоуси, столкновеніе Рустема съ Исфендіаромъ, который, напомнимъ, дѣйствуетъ по приказанію царя, не питая самъ враждебности къ Рустему.

Исфендіаръ не зоветъ Рустема къ себѣ на пиръ, хотя раньше обѣщалъ его пригласить. Маститый герой долго ждалъ дома напрасно посланнаго Исфендіара. Затѣмъ Рустемъ идетъ въ шатеръ царевича и въ рѣзкихъ словахъ изливаетъ свое негодованіе на его поступокъ. Исфендіаръ извиняется, старается смягчить гнѣвъ старика, однако, приглашаетъ его сѣсть лишь по лѣвую сторону рядомъ съ собою. Снова обиженный пехлеванъ восклицаетъ: «Это не мое мѣсто, я хочу сѣсть на мѣсто, принадлежащее мнѣ по праву». Тогда царевичъ приглашаетъ его сѣсть *по правую* руку, но Рустемъ недоволенъ и этимъ. Наконецъ, Исфендіаръ велитъ поставить золотое сѣдалище *передъ* собою для Рустема и послѣдній, все еще негодующій, садится [2]).

Такимъ образомъ, хотя личности Владиміра и Исфендіара ничего не имѣютъ общаго, мы находимъ здѣсь любопытное сходство въ ситуаціи Рустема и Ильи. Того и другого не зовутъ на пиръ, оскорбляютъ въ мѣстѣ за столомъ, причемъ упоминаются три почетныя мѣста, и тотъ, и другой высказываютъ свое негодованіе властелинамъ. Конечно, этимъ мелкимъ аналогіямъ мы не придаемъ значенія: онѣ могутъ пригодиться *для полноты* только тогда, когда главное наше положеніе — о вліяніи личности Рустема на личность Ильи—будетъ обосновано болѣе прочно.

Въ настоящее же время съ насъ достаточно, если изъ всего вышеизложеннаго читатель вынесъ убѣжденіе, что между *личностями*, *типами* иранскаго и русскаго главнаго богатыря существуетъ значительное сходство и что для дальнѣйшаго сопоставленія того и другого въ ихъ *дѣятельности* есть достаточное основаніе. Разсмотрѣнныя до сихъ поръ физическія и нравственныя черты Рустема и Ильи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ:

1) Оба по физической силѣ стоятъ выше всѣхъ современныхъ имъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 48.

[2]) *Mohl*. IV, стр. 489—493. *Три* мѣста за княжескимъ столомъ встрѣчаются и въ нашихъ былинахъ. Такъ, за убіеніе Соловья-разбойника Владиміръ жалуетъ Илью тремя мѣстами:

„Первое мѣсто—подлѣ меня ты садь,
Друго мѣсто - супроти меня,
Треть мѣсто - гдѣ ты хочешь, тутъ и садь“ (Кирѣевскій, I, стр. [illegible]

богатырей и даютъ нерѣдко сходныя доказательства своей силы (вырыванія дерева, маханіе туркомъ (татариномъ), взбрасыванье вверхъ непріятеля и друг.).

2) У обоихъ сила благотворная и божественнаго происхожденія.

3) У обоихъ она была уменьшена божествомъ, такъ какъ обременяла ихъ и землю.

4) Оба отличаются продолжительностью жизни (700—350 л.) и совершаютъ (главные) подвиги уже въ преклонномъ возрастѣ.

5) Оба любятъ бражничать и могутъ выпить вина больше другихъ богатырей.

6) Оба въ нравственныхъ качествахъ стоятъ выше другихъ богатырей, отличаясь благочестіемъ, нестяжательностью, спокойствіемъ въ сознаніи своей силы, благодушіемъ и проч.

7) Оба являются во главѣ всѣхъ прочихъ современныхъ богатырей, совершаютъ подвиги, отъ которыхъ всѣ другіе отказываются, являются главными оберегателями отечества и блюстителями престола и находятся въ эпическихъ сказаніяхъ въ *тѣснѣйшей* связи съ борьбой своего отечества противъ національныхъ враговъ (туранцевъ, татаръ).

8) Оба добродушно и безъ зависти относятся къ молодымъ богатырямъ, помогаютъ имъ совѣтомъ и дѣломъ, обучаютъ ихъ воинскимъ пріемамъ, ходатайствуютъ за нихъ передъ властителями.

9) Оба высоко уважаемы прочими богатырями, которые повинуются имъ и стоятъ на ихъ сторонѣ при столкновеніи ихъ съ предержащею властью.

10) Наконецъ, къ обоимъ современные имъ властители не всегда относятся по достоинству, причемъ въ личностяхъ властителей (Кейкауса—Владиміра) и въ другихъ отношеніяхъ замѣчается сходство (*Экскурсъ*, I), Обоихъ властители при вспышкѣ гнѣва хотятъ погубить (повѣсить, зарыть песками рудожелтыми), въ чемъ потомъ раскаиваются. Обоихъ не приглашаютъ на пиръ или оскорбляютъ въ мѣстѣ на пиру и предъ обоими властители унижаются, когда наступаетъ бѣда, причемъ богатыри великодушно ихъ прощаютъ, такъ какъ отдѣляютъ интересы отечества отъ личныхъ, что̀, однако, не мѣшаетъ національнымъ героямъ высказывать свое пренебреженіе въ лицо представителямъ предержащей власти.

Установивъ такое сходство въ типахъ Рустема и Ильи, мы можемъ перейти теперь къ сравненію ихъ дѣятельности, съ нѣкоторою надеждой, что путь, по которому мы до сихъ поръ шли, можетъ привести къ чему-нибудь заслуживающему вниманія.

Приступая къ сопоставленію подвиговъ Ильи и Рустема, я считаю нужнымъ, для оправданія пріемовъ, употребляемыхъ мною при сравненіи деталей, напомнить нѣкоторыя черты самого матеріала, подлежащаго изслѣдованію, т.-е. нашихъ былинъ и эпическихъ сказаній Ирана въ изложеніи Фирдоуси.

Покойный Гильфердингъ сдѣлалъ совершенно вѣрное наблюденіе надъ

самымъ процессомъ сказыванія былинъ онежскими сказителями. «Можно сказать, что въ каждой былинѣ есть *двѣ* составныя части: мѣста *типическія*, по большой части описательнаго содержанія, либо заключающія въ себѣ рѣчи, влагаемыя въ уста героевъ, и мѣста *переходныя*, которыя соединяютъ между собою типическія мѣста и въ которыхъ разсказывается ходъ дѣйствія. *Первыя* изъ нихъ сказитель знаетъ наизусть и поетъ совершенно одинаково, сколько бы разъ онъ ни повторялъ былину; *переходныя* мѣста, должно быть, не заучиваются наизусть, а въ памяти хранится только общій остовъ, такъ что всякій разъ, какъ сказитель поетъ былину, онъ ее тутъ же сочиняетъ, то прибавляя, то сокращая, то мѣняя порядокъ стиховъ и самыя выраженія. Въ устахъ лучшихъ сказителей, которые поютъ часто и выработали себѣ, такъ сказать, постоянный текстъ, эти отступленія составляютъ, конечно, весьма незначительные варіанты; но возьмите сказителя съ менѣе сильною памятью или давно отвыкшаго отъ своихъ былинъ и заставьте его пропѣть два раза кряду одну и ту же былину, вы удивитесь, какую услышите большую разницу въ ея текстѣ, кромѣ типическихъ мѣстъ.

«Эти типическія мѣста у каждаго сказителя имѣютъ свои особенности, и каждый сказитель употребляетъ одно и то же типическое мѣсто всякій разъ, когда представляется къ тому подходящій смыслъ, а иногда даже некстати, прицѣпляясь къ тому или другому слову. Оттого всѣ былины, какія поетъ одинъ и тотъ же сказитель, представляютъ много сходныхъ и тождественныхъ мѣстъ, хотя бы не имѣли ничего общаго между собою по содержанію. Такимъ образомъ, типическія мѣста, о которыхъ я говорю, всего болѣе отражаютъ на себѣ личность сказителя. Каждый изъ нихъ выбираетъ себѣ изъ массы готовыхъ эпическихъ картинъ запасъ, болѣе или менѣе значительный, смотря по силѣ своей памяти, и, затвердивъ ихъ, этимъ запасомъ одинаково пользуется во всѣхъ своихъ былинахъ. У двухъ сказителей, Ивана Фепонова и Потапа Антонова, богатыри отличаются особенною набожностью,—они то и дѣло молятся Богу; а изъ этихъ сказителей, Фепоновъ—калика, т.-е. пѣвецъ духовныхъ стиховъ по профессіи; Антоновъ же, хотя простой крестьянинъ-земледѣлецъ, но выучился былинамъ тоже отъ калики по профессіи, нынѣ умершаго. Такимъ образомъ, набожный складъ духовныхъ стиховъ отразился у нихъ и въ былинахъ» [1]).

Эти наблюденія Гильфердинга въ достаточной степени разъясняютъ для насъ состояніе, въ которомъ дошли до насъ былины, и указываютъ въ общемъ, какимъ путемъ получались столь многочисленные варіанты одного и того же сюжета. Какъ ни обширна сравнительно съ нашей память сказителей, не ослабленная грамотностью, однако, удержать въ памяти нѣсколько большихъ былинъ, иногда въ сотни стиховъ, сказитель могъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что твердо помнилъ только *типическія* мѣста, а

---

[1]) *Онежск. былины,* стр. XXVII.

мѣста *переходныя*, т.-е. фабулу, изображающую самыя дѣйствія и событія, зналъ только въ видѣ остова, и, притомъ, болѣе или менѣе полнаго, по деталямъ. Передавая, наприм., какую-нибудь былину о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ, сказитель зналъ наизусть или, по крайней мѣрѣ, хорошо помнилъ рѣчи, которыя произносили Илья, Владиміръ, Соловей и дѣти Соловья, отчетливо излагалъ loci communes, вродѣ процесса сѣдланія коня, кладенія поклоновъ, испиванія чары зелена вина и т. п.; но передавалъ самое содержаніе «своими словами», конечно, подходящими подъ заурядный эпическій складъ, и могъ при этомъ то опускать нѣкоторыя детали дѣйствія, то прибавлять другія изъ запаса своей памяти, внося ихъ въ передаваемый сюжетъ изъ другихъ былинъ, на основаніи нерѣдко какой-нибудь психологической ассоціаціи. Насколько слаба и случайна можетъ быть подобная ассоціація, вносящая въ какую-нибудь былину отдѣльныя черты изъ другихъ, видно изъ детальныхъ розысканій академика А. Н. Веселовскаго, нерѣдко при разборѣ былинъ отсылающаго на надлежащее мѣсто такія детали, которыя наросли случайно по какой-нибудь ассоціаціи, пришедшей въ голову сказителю. Въ виду того, что процессъ контаминаціи былинныхъ сюжетовъ и лицъ, вслѣдствіе устной передачи, продолжался нѣсколько столѣтій и продолжается въ Заонежьѣ еще доселѣ, многіе сюжеты представляютъ такое множество варіантовъ, что нѣтъ возможности добраться до *одного* основнаго извода, а приходится установить ихъ нѣсколько, иногда два или три (ср., наприм., былины о боѣ Ильи съ сыномъ). Сравненіе между собою дошедшихъ до насъ варіантовъ иногда не позволяетъ идти далѣе установленія такихъ двойственныхъ или тройственныхъ типовъ. Однако, не трудно убѣдиться, что и эти послѣдніе, до которыхъ мы можемъ дойти, типы нѣкогда возникли тѣмъ же путемъ контаминаціи, какъ и варіанты одного и того же сюжета, но за отсутствіемъ матеріала мы не можемъ уяснить процесса контаминаціи, такъ какъ былины, которыя ее вызвали, до насъ не дошли. Нельзя же думать, что дошедшія до насъ и изданныя былины представляютъ *весь* древнерусскій былинный репертуаръ. Напротивъ, въ нихъ слѣдуетъ видѣть лишь послѣдніе бренные остатки древняго богатства былевой поэзіи.

Немалую службу, при возстановленіи въ древнемъ видѣ нѣкоторыхъ значительно попортившихся отъ устной передачи эпическихъ сюжетовъ, можетъ сослужить сравнительный методъ, такъ блестяще прилагаемый акад. А. Н. Веселовскимъ въ его мастерскихъ работахъ. Нерѣдко ему удавалось, привлекая иностранный эпическій матеріалъ (византійскій, нѣмецкій, французскій и др.), весьма наглядно уяснить первоначальный видъ того или другаго былиннаго сюжета, дошедшаго до насъ либо въ обрывкахъ, либо значительно искаженнаго всякаго рода примѣсью. Нерѣдко исходомъ для такой реставраціи служитъ какая-нибудь типическая черта, какой-нибудь характерный мотивъ, который завѣдомо принадлежитъ извѣстной группѣ однородныхъ эпическихъ сюжетовъ и даетъ возможность отнести къ послѣдней и былину, въ которой онъ встрѣчается. Поэтому весьма важно

для изслѣдователя обращать вниманіе на типическія детали, указывать на ихъ raison d'être и уяснять ихъ первоначальное мѣсто и происхожденіе, особенно въ виду того, что какая-нибудь понравившаяся народу *деталь* переносится при случаѣ изъ той былины, которой она первоначально принадлежитъ, въ другія, въ силу той или другой ассоціаціи идей. Пояснимъ это однимъ примѣромъ.

Мы знаемъ, что Илья Муромецъ проявляетъ свою силу, между прочимъ, тѣмъ, что, схвативъ татарина, машетъ имъ и прокладываетъ себѣ дорогу въ татарскомъ войскѣ. Это онъ дѣлаетъ въ столкновеніи съ Калиномъ-царемъ [1]), съ Батыемъ [2]), съ Идолищемъ [3]) и даже съ разбойниками [4]). Однако, то же самое въ другихъ былинахъ дѣлаютъ другіе богатыри: Добрыня [5]), Иванъ или Иванушка Даниловичъ [6]), Василій Ивановичъ, сынъ князя Карамышевскаго [7]), богатырь Суровецъ [8]); такъ что, принимая въ разсчетъ наличность этой черты во многихъ былинахъ, можно думать, что такой способъ избіенія враговъ былъ популяренъ въ русскомъ эпосѣ. Спрашивается, однако, такъ ли это на самомъ дѣлѣ и не принадлежалъ ли этотъ мотивъ первоначально какому-нибудь одному сюжету и затѣмъ былъ сказителями пріуроченъ къ разнымъ богатырямъ и внесенъ въ разные сюжеты? Дѣйствительно, если мы внимательнѣе разсмотримъ всѣ былины, въ которыхъ встрѣчается *маханіе татариномъ*, то убѣдимся, во-первыхъ, въ томъ, что первоначально этотъ пріемъ избіенія татаръ принадлежалъ лишь одному Ильѣ Муромцу, и, во-вторыхъ, въ томъ, что онъ былъ первоначально примѣненъ послѣднимъ только въ столкновеніи съ Калиномъ-царемъ [9]). Водворивъ теперь мотивъ «маханія татариномъ»

---

1) *Кирѣевскій*, I, стр. 76; *Гильфердингъ*, столб. 1271, 1297, 1299,455; *Рыбниковъ*, III, стр. 212.

2) *Кирѣевскій*, IV, стр. 46.

3) *Гильфердингъ*, ст. 241, 908, 945; *Рыбниковъ*, I, стр. 93; III, стр. 37.

4) *Гильфердингъ*, ст. 1248, 1256, 1213, 1156.

5) Наприм., *Рыбниковъ*, I, стр. 160; *Гельфердингъ*, ст. 493.

6) *Кирѣевкій*, III, стр. 41; *Гильфердингъ*, ст. 930.

7) *Гильфердингъ*, ст. 97.

8) *Кирѣевскій*, III, стр. 109 и 112.

9) Такъ, не трудно видѣть, что въ былинѣ Рыбникова (I, стр. 160) маханье татариномъ приписано Добрынѣ потому, что положеніе Добрыни въ посольствѣ у короля Бутеяна напомнило сказителю сходное положеніе Ильи въ посольствѣ у царя Калина. Въ былинѣ Гильфердинга № 192 замѣтно вліяніе того же сюжета: Иванушкѣ Даниловичу устраиваютъ подкопы, какъ Ильѣ, и онъ, какъ Илья въ былинѣ о Калинѣ, разрываетъ путы и машетъ татариномъ. Другая былина объ Иванѣ Даниловичѣ (*Кирѣевскій*, III, стр. 41), записанная въ Симбирской губ., испорчена. Подъ вліяніемъ былинъ объ Ильѣ и Калинѣ маханье татариномъ перенесено и на богатыря Суровца, такъ же попадающаго въ татарскіе подкопы (*Кирѣевскій*, III, стр. 109 и 112). Такимъ образомъ, всѣ трое богатырей, машущихъ татариномъ (Добрыня, Иванъ Даниловичъ, Суровецъ), заимствовали эту черту отъ Ильи и именно изъ былинъ о Калинѣ. Если Илья машетъ татариномъ въ былинѣ о Батыѣ Батыевичѣ (*Кирѣевскій*, IV, стр. 38—46), то потому, что и другія детали этой былины совпадаютъ съ деталями былинъ о Калинѣ (подкопы, наложеніе оковъ на Илью). Маханье татариномъ въ былинѣ объ Ильѣ и Идолищѣ

на надлежащее мѣсто на основаніи разбора русскаго былиннаго матеріала, мы можемъ спросить себя: въ виду соотвѣтствія въ другихъ чертахъ Ильи Муромца Рустему, нельзя ли видѣть и въ разсматриваемомъ мотивѣ отголосокъ *Рустеміады*, и немедленно припоминаемъ, что и иранскій національный пехлеванъ въ одномъ изъ своихъ боевъ съ турками схватываетъ турка и избиваетъ имъ другихъ. Взглянемъ на обстоятельства, сопровождающія этотъ мотивъ въ *Рустеміадѣ*, съ цѣлью поискать другихъ аналогій между иранскимъ и русскимъ эпосомъ.

Изъ Фирдоуси мы узнаемъ, что положеніе Ирана по смерти царя Зева было критическое. Велась война съ туранскимъ царемъ Афрасіабомъ, а въ Иранѣ престолъ былъ не занятъ. Пехлеваны избираютъ царемъ Кейкобада, живущаго при горѣ Алборзѣ, и привести новоизбраннаго царя долженъ Рустемъ. Между тѣмъ, турки въ огромномъ числѣ залегли путь къ царю и Рустемъ пробивается чрезъ нихъ. Афрасіабъ, услыхавъ объ этомъ, даетъ войско туранскому богатырю Калуну и велитъ ему преградить пути иранцамъ [1]). Между тѣмъ, Рустемъ прибываетъ во дворецъ Кейкобада, объявляетъ ему объ его избраніи на престолъ, и оба со свитой ѣдутъ въ Иранъ. Встрѣтившись съ туранскимъ войскомъ Калуна, Рустемъ не дозволяетъ Кейкобаду принять участіе въ битвѣ [2]) и беретъ на себя прогнать непріятеля. Тутъ-то онъ въ пылу боя схватываетъ турка и избиваетъ имъ другихъ, такъ что изумленный Калунъ думаетъ, что видитъ предъ собой *дива* [3]). Затѣмъ Рустемъ бьется съ Калуномъ, поднимаетъ его на копьѣ вверхъ и сбрасываетъ на землю. Наконецъ, обращаетъ въ безпорядочное бѣгство все тюркское войско и вмѣстѣ съ царемъ благополучно продолжаетъ путь, по окончаніи котораго идетъ семидневный пиръ.

Конечно, если мы сравнимъ этотъ разсказъ съ нашими былинами о Калинѣ-царѣ (иначе Батыѣ, Мамаѣ, Уланищѣ, Кумбалѣ, Курбанѣ и др.), въ ихъ современномъ видѣ, то мы найдемъ между ними мало сходства. Замѣтимъ только, что эти былины о Калинѣ и др. сложены изъ разныхъ мотивовъ (Василій-пьяница, заключеніе Ильи въ яму, посольство Ильи съ княземъ и др.), изъ которыхъ одинъ (три подкопа, въ которые падаетъ богатырь съ конемъ) хорошо извѣстенъ въ *Рустеміадѣ* и каждый имѣетъ свою исторію. Для насъ достаточно пока отмѣтить слѣдующія аналогіи между изложеннымъ персидскимъ разсказомъ и былиной.

1) Критическое положеніе государства и царя.

2) Пріѣздъ къ царю (князю) избавителя (Рустема, Ильи) [4]).

(*Гильфердингъ*, № 186, ст. 908) пришито совсѣмъ не кстати, такъ какъ Ильѣ не зачѣмъ пролагать себѣ улицы. Притомъ, въ большинствѣ былинъ того же сюжета этой детали нѣтъ, какъ нѣтъ ея и въ большинствѣ былинъ о встрѣчѣ Ильи съ разбойниками. Такимъ образомъ, умѣстна эта деталь только въ былинахъ о Калинѣ.

[1]) *Mohl*, I, стр. 360.

[2]) Ibid., стр. 364.

[3]) Ibid., стр. 365.

[4]) *Томская* былина о Калинѣ, записанная Потанинымъ, не знаетъ эпизода съ *Василіемъ-пьяницей. При приступѣ Калина* богатырей нѣтъ въ Кіевѣ. Затѣмъ какъ разъ пріѣз-

3) Богатырь-избавитель ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ (княземъ).

4) Царь (князь) не принимаетъ лично участія въ битвѣ съ непріятелемъ, старающимся преградить путь.

5) Богатырь (Рустемъ, Илья) бьется съ цѣлымъ войскомъ непріятеля (турокъ, татаръ).

6) Машетъ схваченнымъ туркомъ (татариномъ), пролагая себѣ путь.

7) Убиваетъ затѣмъ, подбросивъ вверхъ, предводителя непріятелей (Калуна-Калина).

Если приведенныя аналогіи—не чистая случайность, то мы имѣли бы для нашихъ былинъ объ Ильѣ любопытный фактъ, что отголоски *Рустеміады* звучатъ въ нихъ не только въ отдѣльныхъ мотивахъ, но сохранились въ одномъ случаѣ даже въ собственномъ имени (Калунъ, Калинъ). Впрочемъ, быть можетъ, мы увлеклись «случайно случившимся случаемъ» и зашли опять слишкомъ далеко впередъ. Напомнимъ, что пока мы разсмотрѣли детальный мотивъ (маханіе татариномъ) только съ тою цѣлью, чтобы указать на то, какой работѣ подлежатъ отдѣльные мотивы, и оправдать сопоставленіе одиночныхъ мотивовъ иранскихъ и русскихъ, хотя бы, повидимому, другія обстоятельства, ихъ окружающія, имѣли между собою мало общаго. Если мы прибѣгаемъ къ этому сопоставленію отдѣльныхъ лоскутьевъ, представляющемуся, повидимому, не вполнѣ научнымъ, то именно въ виду того, что при устной передачѣ въ теченіе вѣковъ отдѣльные мотивы, нѣкогда принадлежавшіе одной масти, перетасовываются между собою такъ же случайно, какъ карты въ колодѣ. А такую колоду картъ нерѣдко напоминаетъ собою какая-нибудь сводная обширная русская былина.

Отмѣтивъ нѣкоторыя свойства русскаго матеріала, которыя нужно имѣть всегда въ виду при изслѣдованіи эпоса, скажемъ нѣсколько словъ о томъ состояніи, въ которомъ дошли до насъ сказанія иранскаго эпоса въ поэмѣ Фирдоуси.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что хотя персидскій поэтъ пользовался *народными* сказаніями, частью записанными до него, частью слышанными имъ самимъ, однако, при самомъ добросовѣстномъ къ нимъ отношеніи, онъ не могъ не наложить на нихъ своей печати, тѣмъ болѣе, что перелагалъ ихъ въ стихи и былъ иногда стѣсненъ самою метрическою формой. Поэтъ, человѣкъ образованный, жившій при роскошномъ дворѣ султана, покровителя литературы, не могъ усвоить себѣ грубой простоты народныхъ сказаній, старался облагородить эпическихъ героевъ, приписавъ имъ тѣ черты утонченности, изящества и благородства, которыя высоко цѣнитъ человѣкъ культуры. Сохраняя остовъ разсказовъ и выбирая, притомъ, тѣ варіанты, которые больше удовлетворяли его эстетическому и нравственному чувству, Фирдоуси влагаетъ свободно, по своему усмотрѣнію, въ уста древнихъ пехлевановъ и царей пространныя цвѣтистыя рѣчи, заставляетъ ихъ писать

жаетъ къ князю Илья Муромецъ, успокоиваетъ его и, наконецъ, освобождаетъ отъ Калина. См. *О. Миллеръ*, стр. 689.

краснорѣчивыя и напыщенныя письма, какъ бы предполагая, что бытъ древнихъ иранцевъ по культурности не отличался отъ придворныхъ сферъ султана Махмуда. Все это мы должны имѣть въ виду, черпая эпическій матеріалъ у тусскаго поэта, но особенно должны оттѣнить то обстоятельсто, что даже въ переработкѣ Фирдоуси чувствуется въ персидскомъ эпосѣ присутствіе варіантовъ одного и того же сюжета [1]. Для нашей цѣли пока достаточно указать на несомнѣнный варіантъ *Рустеміады*, который слѣдуетъ видѣть въ похожденіяхъ богатыря Исфендіара, этого дублета Рустема [2]. На доказательствѣ этой мысли мы остановимся въ виду того, что пользуемся ниже сказаніями объ Исфендіарѣ наравнѣ со сказаніями о Рустемѣ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Ирана личности царевича Исфендіара были приписываемы въ народныхъ сказаніяхъ почти всѣ черты и подвиги, которые въ другихъ областяхъ усвоивались Рустему. Намъ неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ причинъ подвиги Рустема были перенесены на другого богатыря, но подобное явленіе принадлежитъ къ числу заурядныхъ въ исторіи эпическихъ сказаній. Припомнимъ, наприм., что въ нашемъ эпосѣ Ермакъ иногда совершаетъ тѣ же подвиги, что Илья, какъ и послѣдній иногда смѣшивается со Святогоромъ. Характернымъ для иранскаго эпоса, по крайней мѣрѣ, въ обработкѣ Фирдоуси, является то, что второй Рустемъ (Исфендіаръ), богатырь младшаго поколѣнія, сдѣланъ современникомъ перваго Рустема, что сказанія изображаютъ ихъ враждебное столкновеніе и убіеніе Рустемомъ № 1 Рустема № 2, слѣдствіемъ чего является, впрочемъ, смерть Рустема № 1. Объяснить эту черту мы постараемся ниже, теперь же сравнимъ между собою подвиги обоихъ Рустемовъ, чтобы убѣдиться въ ихъ параллельности.

Исфендіаръ является сыномъ царя Гуштаспа, напоминающаго по своему характеру и дѣйствіямъ царя Кейкауса, и играетъ при отцѣ такую же роль, какъ Рустемъ при Кейкаусѣ, то-есть становится главнымъ хранителемъ и защитникомъ царства, причемъ, однако, въ своихъ дѣяніяхъ Исфендіаръ проникнутъ новымъ духомъ, пропагандой усвоеннаго Гуштаспомъ ученія Зердушта (Зороастра).

При Гуштаспѣ и Исфендіарѣ война съ Тураномъ ведется такъ же энергично, какъ при Кейкаусѣ, хотя Рустемъ уже сошелъ со сцены и живетъ въ своемъ родномъ удѣлѣ, не пріѣзжая ко двору новаго царя. Во главѣ туранцевъ стоитъ Арджаспъ, второе изданіе царя Афрасіаба. Онъ начинаетъ войну, узнавъ, что въ Иранѣ принята новая религія, и является ея ожесточеннымъ противникомъ. Вообще въ борьбѣ эпигоновъ, кромѣ національной, замѣчается еще религіозная подкладка. Пехлеванъ государства Исфендіаръ одерживаетъ побѣды въ отдѣльныхъ бояхъ съ туранскими богатырями, изъ которыхъ нѣкоторые убиваютъ родственниковъ Гуштаспа.

---

1) См. исторію Сіавуша, составленную Фирдоуси изъ двухъ параллельныхъ версій. *Mohl*, II, стр. VII.

2) *См. Spiegel*: „Eranische Altre:humskunde“, I, стр. 663 и 720; *Зиновьевъ*: „*Эпическія сказанія Ирана*“, *стр. 97.*

Подобно Рустему, онъ устремляется обыкновенно въ центръ непріятеля и ищетъ убить Арджаспа, который обращается въ бѣгство. Послѣ наступившаго перерыва въ войнѣ, нѣкто Гурезмъ, завидовавшій его успѣхамъ, старается оклеветать его передъ отцомъ. Онъ возбуждаетъ въ Гуштаспѣ подозрѣніе противъ сына, убѣдивъ его, что послѣдній угрожаетъ его свободѣ и намѣревается заключить его и овладѣть престоломъ. Подозрительный царь велитъ наложить на сына оковы и заключить его въ замокъ Гумбеданъ, приковавъ узника къ четыремъ желѣзнымъ столбамъ. Узнавъ, что главный защитникъ Ирана сидитъ въ заточеніи, туранскій царь Арджаспъ съ войскомъ вторгается въ Иранъ, овладѣваетъ столицей Балхомъ, во время отсутствія царя, убиваетъ его престарѣлаго отца Лохраспа и, оставивъ столицу, продолжаетъ опустошать области Ирана. Жена Гуштаспа скачетъ въ Сейестанъ, гдѣ онъ находится, и извѣщаетъ его о дѣйствіяхъ турокъ. Гуштаспъ выступаетъ противъ непріятелей, но терпитъ пораженіе и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Совѣтникъ Джамаспъ говоритъ ему, что единственная надежда на спасеніе лежитъ въ Исфендіарѣ, заключенномъ въ замкѣ, и царь, раскаявшись въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, посылаетъ Джамаспа освободить сына. Разсказавъ о бѣдственномъ положеніи царя, Джамаспъ склоняетъ Исфендіара къ примиренію съ нимъ, и богатырь, освобожденный отъ оковъ, устремляется на подвиги [1].

До сихъ поръ нѣтъ сходства между похожденіями Исфендіара и Рустема и можно отмѣтить только для дальнѣйшаго нѣкоторое сходство въ ихъ отношеніяхъ къ царю. Оба являются главными защитниками государства и престола и къ обоимъ неблагодарные и подозрительные цари (Кейкаусъ, Гуштаспъ) относятся враждебно. Кейкаусъ угрожаетъ повѣсить Рустема, Гуштаспъ сажаетъ Исфендіара въ темницу, но затѣмъ, когда наступаетъ бѣда неминучая, оба царя сознаютъ свою вину передъ богатырями и стараются ее загладить. Богатыри же великодушно имъ прощаютъ и спасаютъ государство. Помирившись съ отцомъ, который проситъ у него прощеніе [2], Исфендіаръ сильно тѣснитъ туранскаго царя, избивая *сотнями* его богатырей. Арджаспъ въ смятеніи. Одинъ изъ его пехлевановъ, Кергсаръ, успокоиваетъ его и хвастается, что вступитъ въ бой съ Исфендіаромъ и убьетъ его. Онъ пускаетъ въ Исфендіара стрѣлу. Тотъ сдѣлалъ видъ, что раненъ, но когда Кергсаръ подскочилъ, чтобы снести ему голову, Исфендіаръ накинулъ ему арканъ на шею, стащилъ его съ коня, связалъ ему руки на спинѣ и повлекъ его съ собою въ ряды иранцевъ [3]. Услыхавъ о плѣненіи своего главнаго пехлевана, Арджаспъ обращается съ остаткомъ войска въ бѣгство. Гуштаспъ посылаетъ Исфендіара, чтобы покончить съ Арджаспомъ, и обѣщаетъ ему передать престолъ, если онъ проникнетъ въ страну турокъ и освободитъ своихъ сестеръ, уведенныхъ Арджаспомъ изъ Ирана [4]. Далѣе

---

[1] См. *Mohl*, IV, стр. 317—375.
[2] *Mohl*, IV, стр. 380.
[3] *Mohl*, IV, стр. 386.
[4] *Mohl*, IV, *стр. 390.*

у Фирдоуси слѣдуетъ исторія семи *заставъ*, т.-е. семи препятствій, которыя преодолѣлъ Исфендіаръ по пути въ мѣдный зàмокъ, недоступную твердыню туранскаго царя. Эти семь подвиговъ Исфендіара являются вторымъ болѣе распространеннымъ изданіемъ семи подвиговъ, совершонныхъ Рустемомъ по дорогѣ къ царю мазендеранскому, который держалъ въ плѣну Кейкауса со всѣмъ его войскомъ.

Въ разсказѣ Фирдоуси о мазендеранскихъ похожденіяхъ Рустема [1]) перечисляются поэтомъ семь встрѣчъ богатыря: 1) Ракшъ (конь Рустема) убиваетъ льва. 2) Рустемъ находитъ источникъ. 3) Рустемъ бьется со змѣемъ. 4) Рустемъ убиваетъ колдунью. 5) Рустемъ овладѣваетъ Ауладомъ. 6) Рустемъ бьется съ *дивомъ* Арзенгомъ. 7) Рустемъ убиваетъ *бѣлаго* дива. У того же поэта *заставы*, встрѣченныя Исфендіаромъ, перечисляются слѣдующимъ образомъ: 1) Исфендіаръ убиваетъ двухъ волковъ [2]). 2) Исфендіаръ убиваетъ львовъ [3]). 3) Исфендіаръ убиваетъ змѣя [4]). 4) Исфендіаръ убиваетъ колдунью [5]). 5) Исфендіаръ убиваетъ птицу Симурга [6]). 6) Исфендіаръ проходитъ черезъ снѣга [7]). 7) Исфендіаръ проходитъ черезъ воду и убиваетъ Кергсара [8]). Уже одно *перечисленіе* подвиговъ того и другаго богатыря показываетъ ихъ параллельность. Нѣкоторые вполнѣ совпадаютъ (убіеніе львовъ, драконовъ, колдуньи), другіе представляютъ аналогіи, на которыя мы укажемъ ниже. Теперь же обратимъ вниманіе на соотвѣтствіе двухъ личностей, хотя враждебныхъ богатырямъ, но отчасти руководящихъ ими, впрочемъ, поневолѣ, при совершеніи подвиговъ. Такія лица: Ауладъ при Рустемѣ и Кергсаръ при Исфендіарѣ.

Рустемъ, пройдя на Ракшѣ страну вѣчнаго мрака, а затѣмъ страну вѣчнаго свѣта, чувствуя усталость, отпустилъ коня и легъ на одной полянѣ. Караульщикъ, увидѣвъ коня, топтавшаго траву, и спящаго человѣка, подошелъ къ Рустему и разбудилъ его ударомъ палки по ногамъ. Рустемъ вскочилъ и оторвалъ сторожу поляны уши. Послѣдній побѣжалъ съ жалобой къ властителю этой страны Ауладу, молодому богатырю, который съ своею дружиной въ это время охотился въ лѣсу. Ауладъ, выслушавъ жалобу сторожа, въ негодованіи направляется къ Рустему и кричитъ ему, какъ онъ смѣлъ пройти по запретнымъ мѣстамъ и пустить коня на лугъ. Рустемъ не обращаетъ вниманія на угрозы Аулада и, вступивъ въ бой съ его дружиной, обращаетъ ее въ бѣгство. Затѣмъ онъ догоняетъ Аулада, закидываетъ ему на шею арканъ (какъ Исфендіаръ—Кергсару), стаскиваетъ его съ коня, связываетъ ему руки на спинѣ и уводитъ съ собою. Впро-

---

1) *Mohl*, I, стр. 404—430.
2) *Mohl*, IV, стр. 393.
3) Ibid., стр. 398.
4) Ibid., стр. 400.
5) Ibid., стр. 404.
6) Ibid., стр. 408.
7) *Ibid., стр.* 411.
8) *Ibid., стр. 418.*

чемъ, Рустемъ не убиваетъ Аулада, а обѣщаетъ ему даже престолъ Мазендерана, если Ауладъ будетъ служить ему проводникомъ къ мѣстопребыванію Бѣлаго дива и другихъ враговъ и укажетъ, гдѣ сидитъ въ заключеніи царь Кейкаусъ. Ауладъ соглашается и разсказываетъ Рустему о всѣхъ *заставахъ*, которыя онъ встрѣтитъ на пути. Дѣйствительно, Ауладъ служилъ Рустему вѣрно въ теченіе всѣхъ его похожденій въ Мазендеранѣ, постоянно слѣдуя *за нимъ на арканѣ* въ этой странѣ дивовъ, и Рустемъ также исполняетъ свое обѣщаніе: по его настоянію, освобожденный Кейкаусъ утверждаетъ Аулада на престолѣ Мазендерана [1]).

Проводникъ Исфендіара, Кергсаръ, ведомый имъ съ собою на арканѣ по пути къ мѣдному зáмку Арджаспа, оказался гораздо коварнѣе проводника Рустемова. Вначалѣ онъ вѣрно описывалъ предстоящія заставы, причемъ каждый разъ Исфендіаръ, разспрашивая Кергсара, велитъ *угостить его виномъ* [2]), но затѣмъ, видя, что Исфендіаръ счастливо преодолѣваетъ всѣ затрудненія, онъ обманываетъ его, давъ ему ложное указаніе, и послѣ 7-й заставы, перейдя неожиданно встрѣченную массу воды вбродъ, Исфендіаръ разсѣкаетъ лживаго проводника на полы своимъ мечомъ [3]).

Мы не безъ цѣли нѣсколько подробнѣе сопоставили личности Аулада и Кергсара,—онѣ пригодятся намъ впослѣдствіи, при разъясненіи личности нашего Соловья-разбойника. Теперь же обратимъ вниманіе на нѣкоторыя другія совпаденія въ подвигахъ Рустема и Исфендіара. Оставляя въ сторонѣ, какъ болѣе безцвѣтные подвиги, убіеніе волковъ [4]), львовъ, драконовъ, отмѣтимъ нѣкоторыя черты въ столкновеніи богатырей съ колдуньями. Оба богатыря въ прекрасной уединенной мѣстности пьютъ вино, играютъ на музыкальномъ инструментѣ (лиръ, гитарѣ) и поютъ; къ обоимъ подходитъ колдунья подъ видомъ обворожительной красавицы и богатыри угощаютъ ее чарой вина. Затѣмъ, при произнесеніи Рустемомъ имени Бога и при наложеніи Исфендіаромъ на красавицу цѣпи съ заклятіемъ, колдунья принимаетъ свой настоящій ужасный и безобразный видъ и богатыри убиваютъ ее [5]).

Мы упомянули, что Исфендіаръ встрѣчаетъ семь заставъ на пути къ цѣли своего путешествія—мѣдному недоступному зáмку, въ которомъ съ своимъ войскомъ сидитъ туранскій царь Арджаспъ. Подобнаго замка не встрѣчаетъ Рустемъ въ Мазендеранѣ, но если мы разсмотримъ детали проникновенія Исфендіара въ мѣдный зáмокъ, то немедленно припомнимъ нѣчто весьма сходное въ числѣ подвиговъ Рустема. Не имѣя возможности силой проникнуть въ мѣдный зáмокъ, Исфендіаръ прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ переодѣвается купцомъ, нагружаетъ нѣсколько верблюдовъ товарами, ве-

---

1) См. *Mohl*, I, стр. 415—420 и 448.

2) *Mohl*, IV, стр. 421.

3) См. *Mohl*, IV, стр. 394, 398, 407.

4) Въ этомъ, какъ и въ другихъ похожденіяхъ, борьбѣ съ дракономъ, освобожденіи сестеръ, убіеніи невѣрнаго царя, Исфендіаръ близко напоминаетъ Георгія.

5) См. *Mohl*, I, стр. 412—414, и IV, стр. 405—407.

литъ затѣмъ принести 160 ящиковъ, въ которые сажаетъ столько же воиновъ, и беретъ съ собою еще 20 самыхъ храбрыхъ въ качествѣ погонщиковъ каравана. Караванъ Исфендіара пропущенъ въ ворота зàмка. Жители зàмка рады торговцамъ, и самъ Арджаспъ принимаетъ ихъ любезно и разспрашиваетъ купца, чтò слышно объ Исфендіарѣ. Исфендіаръ затѣмъ нанимаетъ домъ и производитъ торговлю. Сестры, живущія въ зàмкѣ въ качествѣ рабынь, приходятъ къ нему, чтобы разспросить его о Гуштаспѣ и Исфендіарѣ. Онъ сначала притворяется, затѣмъ открывается имъ и говоритъ о цѣли своего пріѣзда. Затѣмъ онъ приглашаетъ всѣхъ богатырей царя съ его согласія къ себѣ на пиръ, который онъ устраиваетъ на террасѣ укрѣпленія дворца. Ночью, во время пира, Исфендіаръ зажигаетъ огонь, чтò было условнымъ знакомъ для его войска, остававшагося внѣ города, избиваетъ богатырей царя, вмѣстѣ съ своею дружиной, ворвавшеюся въ замокъ благодаря всеобщей паникѣ, и, наконецъ, вбѣжавъ во дворецъ, убиваетъ самого Арджаспа [1]).

Почти всѣ черты приведеннаго разсказа встрѣчаются въ сказаніи о похожденіяхъ Рустема, въ то время, когда онъ освобождаетъ Бежана, сидящаго въ ямѣ въ городѣ Афрасіаба въ Туранѣ. Отсылая за подробностями къ нашей передачѣ этихъ похожденій Рустема [2]), отмѣтимъ только главныя совпадающія черты.

Рустемъ переодѣвается купцомъ и съ караваномъ проникаетъ въ городъ Афрасіаба; сестрамъ Исфендіара, узнающимъ брата, соотвѣтствуетъ Менижэ, которой открывается Рустемъ; костру, зажженному Исфендіаромъ,—костеръ, зажженный Менижэ близъ ямы Бежана; тамъ и здѣсь главное дѣйствіе совершается ночью, причемъ богатыри вторгаются во дворецъ царя; тамъ и здѣсь богатырь нападаетъ на царя, но Рустемъ только обращаетъ его въ бѣгство, Исфендіаръ же убиваетъ.

Приведенныхъ аналогій между Рустемомъ и Исфендіаромъ достаточно, чтобы доказать, что на имя Исфендіара наслоились въ иранскихъ сказаніяхъ многія черты Рустема и что, быть можетъ, въ другихъ варіантахъ похожденій Рустема, не попавшихъ въ редакцію Фирдоуси, но ходившихъ въ устахъ народа въ разныхъ областяхъ Ирана, можно было бы найти еще болѣе сходныхъ мотивовъ въ похожденіяхъ Рустема и Исфендіара. Замѣтимъ, что Исфендіаръ можетъ быть названъ восточнымъ Рустемомъ и что на личности и подвигахъ его отразилась та религіозная реформа, ученіе Зердушта (Зороастра), мѣстомъ зарожденія которой, по иранскимъ сказаніямъ (Фирдоуси), является Балхъ, древняя Бактра. Въ то время, какъ Кейкаусъ и другіе ранніе цари дѣйствуютъ въ Фарсѣ и предпринимаютъ (Кейкаусъ) походы въ Мазендеранъ (къ Каспійскому морю) и южныя страны, Гуштаспъ царствуетъ въ Балхѣ (Бактріанѣ) и оттуда чрезъ сына (Исфендіара) пропагандируетъ новое вѣроученіе. Древнѣйшій герой Ирана

1) См. *Mohl.*, IV, стр. 423—438.

2) *См. нашу статью Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ* въ *Этнограф. Обозрѣніи, кн. II, стр. 19—21.*

Рустемъ не сочувствуетъ Гуштаспу и новой религіи. Онъ остается за предѣлами историческихъ событій въ своей окраинной области, онъ уже сошелъ со сцены. Гуштаспъ враждебенъ ему и за неисполненіе имъ обязанностей вассала, и за сопротивленіе принять Зердуштову вѣру. Отсюда понятно, что на восточнаго Рустема (Исфендіара), идеальняго представителя новаго времени и новаго религіознаго ученія, наложены народными сказаніями спеціальныя черты ревностнаго пропагандиста религіи и что въ области, гдѣ онъ является національнымъ героемъ, онъ долженъ быть поставленъ выше Рустема. Но старый Рустемъ, которому смерть на бою не написана, еще живъ и народныя сказанія задаются вопросомъ, въ какія отношенія станетъ новый Рустемъ къ старому. Въ сказаніяхъ, обработанныхъ Фирдоуси, мы находимъ компромиссъ, который долженъ нравственно удовлетворить сторонниковъ Рустема и Исфендіара, и ту же глубоко-трагическую развязку, какую мы видимъ въ сказаніяхъ о боѣ Рустема съ Сохрабомъ. Смерть юнаго богатыря Исфендіара является какъ неизбѣжное рѣшеніе судьбы, въ которой никто не виноватъ. По рѣшенію рока, Рустемъ *долженъ* убить Исфендіара, хотя всѣми средствами избѣгаетъ боя съ нимъ, и затѣмъ самъ *долженъ* послѣдовать за нимъ въ могилу. Припомнимъ нѣкоторыя подробности столкновенія обоихъ героевъ, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ пригодятся намъ для дальнѣйшаго.

Когда Исфендіаръ счастливо окончилъ предпріятіе противъ Арджаспа и убилъ туранскаго царя, Гуштаспъ въ восторгѣ обѣщаетъ уступить сыну престолъ, но вскорѣ раскаивается, и когда Исфендіаръ напоминаетъ ему объ этомъ, приказываетъ сыну привести въ Иранъ скованнаго Рустема. Исфендіаръ угадываетъ, съ какимъ намѣреніемъ посылаетъ его отецъ, и имѣетъ мрачныя предчувствія. Несмотря на это, онъ готовится на новый подвигъ, отправляется въ Сейестанъ и посылаетъ вѣстникомъ къ Рустему, котораго онъ высоко уважаетъ, своего сына Бахмана. Возвратившись съ охоты, Рустемъ радушно встрѣчаетъ юношу, обнимаетъ его, даетъ ему пиръ и приглашаетъ къ себѣ его отца Исфендіара. «Еще никто не налагалъ на меня оковъ,—говоритъ онъ,—но пусть посѣтитъ меня сынъ Гуштаспа со своею дружиной, два мѣсяца мы будемъ веселиться, охотиться и пить; *я стану учить его военному искусству*; онъ молодъ, а я старъ. Когда же онъ вздумаетъ возвратиться, я отворю ему свои сокровища, провожу его къ отцу и пусть онъ забудетъ свою ненависть». Исфендіаръ на слова Рустема, переданныя ему Бахманомъ, отвѣчаетъ, что онъ долженъ во что бы то ни стало исполнить приказаніе отца: «Богъ свидѣтель, что сердце мое обольется кровью, когда я заключу тебя въ оковы; но царь обѣщалъ мнѣ корону, и едва ею украсится голова моя, я отпущу тебя домой съ дарами».

При свиданіи оба героя разсказываютъ другъ другу о своихъ подвигахъ. Далѣе слѣдуетъ извѣстное намъ оскорбленіе Рустема на пиру, споръ и назначеніе поединка. Сперва противники сражаются копьями, затѣмъ мечами и булавами, наконецъ, переходятъ къ стрѣламъ. Стрѣлы Исфендіара пронзаютъ тигровую кожу Рустема; Рустемъ и конь его (Рахшъ) по-

крыты ранами, а тѣло Исфендіара невредимо. Они сражаются на отдаленномъ мѣстѣ, одинъ на одного, но Зеварэ, братъ Рустема, является, чтобы узнать о послѣдствіяхъ боя. Исфендіаръ видитъ въ этомъ нарушеніе слова и ведетъ свою дружину: начинается сраженіе, въ которомъ падаютъ два сына Исфендіара; въ ярости онъ поражаетъ Рустема стрѣлою и наноситъ ему опасную рану. Богатырь спасается, пользуясь темнотою, на гору. Видя израненнаго сына, старикъ Заль призываетъ чудесную птицу Симурга, покровительницу его дома [1]). Симургъ высасываетъ кровь изъ ранъ Рустема, исцѣляетъ его и убѣждаетъ не вступать въ новый бой: неминуемая гибель постигнетъ убійцу Исфендіара. Но Рустемъ отвѣчаетъ: «Только бы мнѣ убить врага и поддержать славу моего мужества: пусть гибнетъ тѣло, лишь бы осталось мое имя!» Тогда Симургъ уноситъ героя къ чинскому морю, гдѣ ростетъ вязъ, съ которымъ связана жизнь Исфендіара. Рустемъ срываетъ съ этого роковаго дерева вѣтвь, изъ которой долженъ сдѣлать себѣ стрѣлу. На другой день поединокъ возобновляется. Напрасно Рустемъ убѣждаетъ Исфендіара отказаться отъ боя, зная, что держитъ его жизнь въ своихъ рукахъ. Исфендіаръ не хочетъ слышать о примиреніи и Рустемъ направляетъ въ его глазъ волшебную стрѣлу. Смертельно ранивъ Исфендіара, онъ въ такомъ же отчаяніи, какое овладѣло имъ, когда онъ убилъ Сохраба. Умирающій богатырь проситъ Рустема позаботиться о его сынѣ Бахманѣ и научить его владѣть оружіемъ. Онъ прощаетъ Рустема въ своей смерти и во всемъ винитъ отца. Рустемъ обѣщаетъ исполнить его просьбу и оплакиваетъ свою судьбу [2]).

И такъ, мы видимъ, что, съ одной стороны, Исфендіаръ тотъ же Рустемъ новаго поколѣнія, съ другой—напоминаетъ Сохраба въ его роковомъ столкновеніи съ отцомъ. Роль Афрасіаба, всячески старающагося устроить враждебную встрѣчу между отцомъ и сыномъ, исполняетъ на этотъ разъ отецъ Исфендіара, Гуштаспъ, который, напоминая этимъ Афрасіаба, съ другой стороны, напоминаетъ Кейкауса своимъ враждебнымъ отношеніемъ и къ старому Рустему, на котораго хочетъ наложить оковы, и къ молодому Исфендіару, посылая его на вѣрную гибель, ибо не было человѣка, который могъ бы убить въ бою Рустема.

Этими выдержками изъ Шахъ-намэ мы ограничиваемся, считая ихъ достаточными для доказательства мысли, что Исфендіаръ есть alter ego Рустема, и что поэтому его подвигами мы можемъ пользоваться наравнѣ съ подвигами Рустема при сопоставленіи иранскаго національнаго богатыря съ русскимъ.

---

[1]) Отмѣтимъ въ отношеніяхъ къ Симургу различіе между Рустемомъ и Исфендіаромъ. Симургъ, божественная птица языческой древней религіи Ирана, покровительствуетъ семьѣ Заля, котораго она спасла ребенкомъ, а Исфендіаръ, представитель новой религіи, убиваетъ Симурга (см. выше).

[2]) Мы пользовались изложеніемъ этого разсказа у г. Зиновьева: *Эпическія сказанія Ирана, стр. 98 и слѣд.*

IV.

Поѣздки Ильи Муромца.

Въ нижеслѣдующемъ мы предполагаемъ разсмотрѣть подвиги, совершонные Ильей Муромцемъ на пути изъ отеческаго дома въ Кіевъ, въ его первую поѣздку, а также похожденія его, извѣстныя подъ названіемъ «трехъ поѣздокъ». Былины, разсказывающія первые подвиги Ильи, обыкновенно содержатъ слѣдующіе отдѣльные мотивы: 1) выборъ коня, прощаніе Ильи съ родителями и рѣшеніе ѣхать къ князю Владиміру; 2) встрѣчу съ разбойниками; 3) освобожденіе осажденнаго врагами города (Чернигова, Бекетовца, Смолягина, Тургова); 4) встрѣчу съ Соловьемъ-разбойникомъ; 5) пріѣздъ въ Кіевъ, ласковый пріемъ Ильи княземъ (или, напротивъ, ссору Ильи съ Владиміромъ) и 6) смерть Соловья-разбойника. Былины о *трехъ* поѣздкахъ содержатъ слѣдующіе мотивы: 1) встрѣчу Ильи съ разбойниками, 2) съ королевичной и 3) нахожденіе Ильей клада.

Мы считаемъ удобнымъ разсмотрѣть вмѣстѣ былины о первомъ рядѣ подвиговъ Ильи и о его трехъ поѣздкахъ, въ виду того, что между тѣми и другими былинами замѣчается внутреннее сходство, нерѣдко вызывавшее ихъ взаимную контаминацію. Такъ, напримѣръ, встрѣча Ильи съ разбойниками принадлежитъ обоимъ рядамъ былинъ и можетъ быть поставленъ вопросъ, съ которымъ изъ обоихъ рядовъ былинъ это похожденіе Ильи находится въ органической связи? Взаимодѣйствія обоихъ рядовъ было тѣмъ возможнѣе, что и здѣсь, и тамъ главное содержаніе сводится къ тому, что Илья встрѣчаетъ на пути разныя помѣхи (заставы), которыя счастливо одолѣваетъ.

Мы не питаемъ ни малѣйшей надежды найти въ иранскихъ сказаніяхъ готовые оригиналы всѣхъ этихъ похожденій Ильи Муромца. Такое предпріятіе было бы совершенно безплодно. Мы ставимъ только вопросъ, не окажутся ли хоть въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ мотивовъ такія аналогіи съ похожденіями Рустема, которыя дали бы намъ право говорить объ иранскихъ отголоскахъ въ русскихъ былинахъ, и если на такой вопросъ получится отвѣтъ положительный, то перейдемъ къ другому вопросу, вопросу о своеобразной комбинаціи восточныхъ мотивовъ на русской почвѣ.

Припоминая похожденія Рустема (и Исфендіара, его alter ego), мы немедленно убѣждаемся въ томъ, что если вообще есть надежда въ нихъ найти что-нибудь сходное съ перечисленными былинными мотивами, то это сходство слѣдуетъ искать въ 7 помѣхахъ, встрѣченныхъ Рустемомъ на пути въ Мазендеранъ къ царю Кейкаусу и въ параллельныхъ съ ними 7 заставахъ, пройденныхъ Исфендіаромъ [1]).

Искать аналогій именно въ этомъ направленіи побуждаетъ насъ, прежде всего, сходство въ общемъ положеніи иранскаго и русскаго главнаго богатыря. Какъ Рустемъ, отпущенный своимъ отцомъ Залемъ, отправляется къ Кейкаусу (чтобы выручить его изъ плѣна) и избираетъ изъ двухъ дорогъ—дальней и близкой—вторую, на которой встрѣчаетъ семь заставъ (Хефтъ-ханъ), такъ Илья, получивъ благословеніе отца, отправляется въ Кіевъ къ Владиміру, избравъ кратчайшую, но опасную дорогу, на которой встрѣчаетъ рядъ помѣхъ (обыкновенно три).

Въ виду этого сходства въ главныхъ чертахъ плана похожденій Ильи и Рустема, можетъ быть сдѣлана попытка искать совпаденія въ нѣкоторыхъ деталяхъ, т.-е. въ отдѣльныхъ похожденіяхъ обоихъ сопоставляемыхъ богатырей.

Помѣхи, встрѣченныя Ильей на пути изъ роднаго города въ Кіевъ, перечисляются различно въ разныхъ былинахъ. Такъ, въ былинѣ Кирѣевскаго, записанной въ Нижегородской губерніи [2]), Илья самъ перечисляетъ ихъ такъ:

„На дорогѣ мнѣ было *три* помѣшиньки:
Перва помѣха—очистилъ я Черниговъ градъ,
Друга помѣха—я мостилъ мосты на пятнадцать верстъ
Черезъ ту рѣку, черезъ Самородину;
Третья помѣха—я сшибъ Соловья-разбойника“.

Въ былинѣ, записанной Гильфердингомъ отъ Панова (№ 210), жители Чернигова, отсовѣтывая Ильѣ ѣхать въ Кіевъ дорогою прямоѣзжей, говорятъ:

„Ай какъ на той дорожки прямоѣзжею,
Да есть *три* заставы да великіихъ:
А нынь какъ *первая* застава гора крутая,
Ай какъ *вторая*-та застава широка рѣка мать Смородина.
— Ай въ ширину рѣка она въ шесть же верстъ,
А за рѣкой живетъ тамъ разбойничекъ,
Ай по названьицю живетъ Соловьюшка,
— А, вѣдь, какъ тая птица рахманная“ [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, что *третья* застава здѣсь Соловей, птица рахманная, о чемъ, впрочемъ, прямо говорится въ одной былинѣ Рыбникова [4]), въ которой *первая* застава иная:

---

[1]) См. *Экскурсъ* III.
[2]) Вып. I, отд. III, № 4, стр. 38.
[3]) *Гильфердингъ*, столб. 987.
[4]) *Рыбниковъ, II, стр. 329.*

Первая застава—болота зыбучія,
Болота зыбучія, корбы [1]) дремучія;
Друга застава—рѣка-матушка Смородина,
Въ ширину рѣка ровно три вёрсты,
Въ глубину глубока очень;
Есть-то за той рѣкой за Смородиной
Третья застава великая:
Сидитъ Соловей-разбойникъ, птица рахманная и т. д.

Въ другой былинѣ Рыбникова [2]) рѣка Смородина и сидящій около нея Соловей-разбойникъ считаются вмѣстѣ *второю* заставой:

Перва застава—грязь топуча, корба зыбуча;
А *другая* застава великая—
У той у славной рѣки у Смородиной,
У тоя березы у покляпыя
Есть гнѣздо на трехъ дубахъ,
Сидитъ Соловей-разбойникъ Одихмантьевъ сынъ,
Не пропуститъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго.
Третья застава великая—
У Соловья домъ стоитъ на семи дубахъ,
На семи дубахъ и на семи верстахъ;
Есть у Соловья семь сыновъ,
Восьма дочь Настасья Соловьевна,
Не пропустятъ они ни коннаго, ни пѣшаго.

Всѣ эти помѣхи или заставы должны встрѣтиться богатырю на кратчайшей изъ двухъ дорогъ, ведущихъ въ Кіевъ. Окольный путь значительно длиннѣе, но безопаснѣе:

Прямоѣзжею дороженькой пятьсотъ есть верстъ,
Ай окольноёй дорожкой цѣла тысяча [3]).

Вообще изъ просмотра былинъ о поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ можно вывести слѣдующія главныя черты:

1) Илья выбираетъ изъ двухъ дорогъ кратчайшую и

2) встрѣчаетъ на этомъ пути нѣсколько помѣхъ, съ одной стороны, въ природныхъ условіяхъ мѣстности (болота, грязи, горы, рѣка Смородина), съ другой—въ столкновеніи съ чудовищнымъ врагомъ (Соловей-разбойникъ).

Всѣмъ этимъ мотивамъ нашихъ былинъ можно указать соотвѣтствующіе въ иранскихъ сказаніяхъ.

1) Въ Мазендеранъ, гдѣ находился царь Кейкаусъ, вели *двѣ* дороги: одна—дальняя, болѣе безопасная, другая—близкая, по которой можно достигнуть цѣли путешествія въ двѣ недѣли, но она покрыта мракомъ и ее облегаютъ чудовища (дивы). Рустемъ избираетъ этотъ послѣдній путь [4]). Такъ же поступаетъ Исфендіаръ, отправляясь къ мѣдному зàмку туранскаго царя Арджаспа. Туда вели три пути: по первому можно достигнуть зàмка въ

---

[1]) Чаща мелкаго лѣса.

[2]) *Рыбниковъ*, т. IV, стр. 9—10.

[3]) *Гильфердингъ*, № 74. *Рыбн.*, т. I, стр. 10. Другія указанія на 2 пути см. у *Рыбн.*, I, №№ 9 и 10; II, № 63. *Гильферд.*, №№ 171, 112, 244.

[4]) См. *Mohl*, I, p. 402.

три мѣсяца, по второму—въ два мѣсяца, по третьему—въ одну недѣлю. Но послѣдній путь весьма труденъ: на немъ встрѣчаются волки, львы, драконы, колдунья, чудовищная птица Симургъ, снѣга и непроходимыя воды передъ зàмкомъ Арджаспа. Всѣ эти трудности долженъ преодолѣть Исфендіаръ [1]).

2) Въ числѣ препятствій природы, русскій и иранскій богатыри должны переходить *горы* и широкія *воды*. Илья, какъ мы видѣли, какъ первую заставу, переходитъ гору крутую или горы сорочинскія, затѣмъ широкую рѣку Смородину, на берегу которой слѣдуетъ его встрѣча съ Соловьемъ-разбойникомъ, птицей рахманной.

Исфендіаръ, въ томъ похожденіи своемъ, когда онъ убиваетъ чудовищную птицу Симурга, встрѣчаетъ гору, которой вершина поднимается къ небу [2]). Въ дальнѣйшемъ пути богатырь доходитъ до широкаго воднаго пространства, котораго противуположный берегъ не былъ виденъ [3]). Онъ проходитъ его вбродъ и на противуположномъ берегу сначала убиваетъ своего коварнаго проводника Кергсара [4]), а затѣмъ овладѣваетъ *мѣднымъ* зàмкомъ, недоступною твердыней Арджаспа, стоящей на берегу. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что Кергсаръ по нѣкоторымъ чертамъ напоминаетъ нашего Соловья-разбойника, и въ такомъ случаѣ «мѣдный зàмокъ» можно сопоставить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ хитро-устроеннымъ дворомъ Соловья, который, по одной былинѣ, также считается въ числѣ заставъ, такъ какъ въ немъ живутъ богатырскіе сыновья разбойника. Отмѣтимъ кстати, что владѣтель зàмка Арджаспъ, посѣщая его, переѣзжаетъ въ него на лодкѣ [5]). Подобный же доступъ былъ, повидимому, и въ усадьбу Соловья-разбойника, такъ какъ въ одной былинѣ дочь его называется *перевозчицей*.

Такія же природныя трудности встрѣчаетъ и Рустемъ на пути къ Кейкаусу въ Мазендеранъ. Онъ проходитъ пустынныя и скалистыя мѣста (гора крутая), затѣмъ водный потокъ, превышающій 2 фарсанга шириной (рѣка Смородина) и встрѣчаетъ стража этого потока дива Кунаренга [6]).

Просмотрѣвъ, такимъ образомъ, совпаденія между русскими и иранскими «природными» заставами, переходимъ теперь къ главной личности, о которой разсказываютъ наши былины о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ, къ загадочному Соловью-разбойнику, и посмотримъ, есть ли что-нибудь подобное въ иранскомъ эпосѣ.

Напомнимъ былинныя черты этого страннаго существа, представляющагося народной фантазіи то птицей, то человѣкомъ.

Нѣкоторыя былины называютъ Соловья просто разбойникомъ, упоминаютъ о его гдѣздѣ на 6, 7, 9, 12 или 40 дубахъ, о его свистѣ соловь-

---

1) *Mohl*, IV, p. 395.
2) Ibid., p. 409.
3) Ibid., p. 418.
4) См. выше *Экскурсъ* III.
5) *Mohl*, IV, p. 395.
6) *Mohl, I, p. 419.*

иномъ, шипѣ змѣиномъ, рявканьѣ звѣриномъ, но не содержатъ какихъ-либо указаній на его внѣшній видъ. Въ другихъ былинахъ имѣемъ прямые намеки на птичій образъ. Такъ, Соловей иногда называется птицей рахманной [1]), у которой Илья подшибаетъ стрѣлою правое крыло [2]). Его сыновья хотятъ обернуться воронами съ желѣзными клювами [3]); въ одной, впрочемъ, плохой, былинѣ у Кирѣевскаго даже разсказывается, что Соловей, завидѣвъ Илью, «подлетѣлъ и встрѣчаетъ его» [4]), а въ другой (неоконченной), что Соловей свисталъ, сидя на рукѣ у Ильи [5]). Всѣ эти черты, если ихъ отвлечь отъ другихъ особенностей Соловья-разбойника, вызываютъ въ нашемъ воображеніи именно *птицу*, а не человѣка съ птичьими крыльями. Представленіе о крылатомъ человѣкѣ какъ-то не вяжется съ *гнѣздомъ* и съ названіемъ *птицы* рахманной [6]). Этими чертами своими, выдѣленными изъ другихъ, наша былинная птица рахманная напоминаетъ персидскаго Симурга, котораго убилъ Исфендіаръ, и кавказскую эпическую чудовищную птицу Пакондзи или Паскондзи, которую убиваютъ нарты.

Персидскій Симургъ, чудовищная птица, живущая на вершинѣ скалы, взмахомъ крыльевъ затемняетъ свѣтъ солнца. Чтобъ обезопасить себя отъ нея, Исфендіаръ сѣлъ въ ящикъ, поверхность котораго была покрыта лезвіями мечей, и только когда Симургъ, порѣзавшись о нихъ, ослабѣлъ отъ потери крови, Исфендіаръ убилъ его мечомъ [7]). У Симурга упоминаются птенцы, которые, однако, улетѣли, видя отца въ опасности. Представленный въ похожденіяхъ Исфендіара просто чудовищною птицей, Симургъ въ другихъ сказаніяхъ иранскаго эпоса является птицей, надѣленной мудростью, даромъ слова и благожелательной семьѣ Рустема [8]).

Кавказскій Пакондзи, извѣстный изъ осетинскихъ и грузинскихъ сказаній изъ цикла Дарезановъ, по объясненію осетинскихъ разсказчиковъ [9]), существо выше людей, но ниже ангеловъ; онъ живетъ на небѣ и служитъ, какъ птица, разсыльнымъ у божества. Эти черты напоминаютъ Симурга въ преданіи о Залѣ. Съ другой стороны, Пакондзи представляется въ осетинскомъ сказаніи объ Амиранѣ птицею хищной, питающеюся человѣчьимъ мясомъ. Пакондзи спустился внезапно съ неба, запустилъ когти въ брата Амиранова, Мысырби, и утащилъ его въ свое жилье. Амиранъ, чтобы

---

1) Напр., *Рыбн.*, II № 63. *Гильфердингъ*, № 210.

2) *Кирѣев.*, I, стр. 28. *Рыбн.*, IV, стр. 27.

3) *Кирѣев.*, I, отд. III, № 6, стр. 41.

4) *Кирѣев.*, I, отд. III, № 3, стр. 33.

5) *Кирѣев.*, I (III, 3).

6) *Птицей* представляется Соловей-разбойникъ и въ русской сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ, перешедшей къ якутамъ Верхоянскаго округа. См. *Верхоянскій Сборникъ* И. А. Худякова (*Записки восточно-сибирскаго отдѣла Импер. русскаго географическаго общества по этнографіи*, т. I, вып. III, стр. 260).

7) *Mohl*, IV, стр. 410.

8) Ср. выше въ *Экскурсѣ* III сказаніе о Залѣ и о боѣ Рустема съ Исфендіаромъ.

9) См. *Осет. этюды*, I, стр. 126.

выручить брата, залѣзъ въ бычью шкуру (какъ Исфендіаръ въ ящикъ) и былъ отнесенъ чудовищною птицей въ ея логовище, гдѣ находился Мысырби. Здѣсь Амиранъ вылѣзъ изъ шкуры и въ тотъ моментъ, когда Пакондзи велѣлъ домашнимъ зарѣзать Мысырби, чтобы его съѣсть, бросился на чудовищную птицу и убилъ ее [1]).

Напоминая вышеприведенными чертами персидскихъ и кавказскихъ чудовищныхъ птицъ, Соловей-разбойникъ, съ другой стороны, представляетъ многія черты, совершенно несовмѣстимыя съ птичьею породой:

У него былъ дворъ на семи верстахъ,
Около былъ булатный тынъ,
Въ середочки былъ сдѣланъ гостиный дворъ,
Было сдѣлано три терема златоверхіе,
Вершечки съ вершечками свивалися,
Пото(л)ки съ пото(л)ками сросталися,
Крылечки съ крылечками сливалися.
Разсажены были сады да зеленые,
Цвѣли да цвѣли все цвѣты лазуревы,
Подведена вся усадьба красовитая [2]).

Въ этой нарядной усадьбѣ живетъ семья Соловья, его жена, дочери съ зятьями или сыновья, семья многочисленная и богатая. Въ выкупъ за Соловья его домочадцы предлагаютъ Ильѣ несчетную золоту казну:

„Ай же ты, удалый добрый молодецъ!
Ты бери-ка за батюшка
Хошь краснаго золота, хошь чистаго серебра,
А хошь мелкаго скатнаго жемчуга,
Сколько можешь увезти ты на добромъ конѣ,
Унести на плечахъ могучихъ богатырскіихъ!“ [3])

По одной былинѣ, Илья потребовалъ, чтобъ ему засыпали золотомъ до верху воткнутое въ землю трехсаженное копье, и дѣти Соловья исполнили это требованіе [4]). Въ другой былинѣ [5]), Илья сажаетъ Соловья, какъ равнаго, съ собой на пиру у Владиміра, а угощеніе Соловья чарой зелена вина, иногда подносимой самимъ княземъ Владиміромъ, упоминается въ значительномъ числѣ былинъ [6]). Ни малѣйшей черты зооморфической въ изображеніи Соловья нѣтъ въ былинѣ Гильфердинга № 120, гдѣ Соловей Рахмановъ напоминаетъ скорѣе Соловника:

Ѣзди Соловей Рахмановъ на богатырскомъ конѣ
И палицей булатною поигрываетъ,
И палицу булатную выкидываетъ изъ виду вонъ [7]).

[1]) *Осет. этюды*, I, стр. 67.
[2]) *Рыбн.*, II, стр. 332.
[3]) Тамъ же.
[4]) *Гильфердингъ*, № 112.
[5]) *Гильфердингъ*, № 210.
[6]) Напр., *Гильфердингъ*, № 74. *Рыбн.*, I, № 10. *Гильферд.*, № 212. *Рыбн.*, I, №№ 9 и 10; III, № 5; IV № 2.
[7]) *Столб. 652.*

Бой Ильи съ этимъ богатыремъ также не напоминаетъ обычнаго стрѣлянія въ глазъ чудовищной птицѣ, сидящей въ гнѣздѣ.

Они съѣхались на поли на чистоемъ
Старый казакъ Илья Муромецъ
Съ этимъ Соловьемъ со Рахмановымъ,
И сбилъ ли старой казакъ Илья Муромецъ
Этого Соловья Рахманова
Со сѣдельшка черкасскаго,
Со этого коня богатырскаго [1]).

Отношенія Ильи къ Соловью, какъ къ человѣку, богатырю, видны далѣе въ томъ, что, повидимому, Илья не имѣлъ съ самаго начала намѣренія лишать его жизни. Онъ везетъ его связаннаго въ Кіевъ на показанье князю, такъ что мы еще не ожидаемъ трагической развязки. Казнь Соловья совершается какъ бы ex abrupto, не за прежнія его дѣянія, а за новое, за ослушаніе Ильи (полный свистъ, вмѣсто полсвиста). Въ одной былинѣ находимъ черту весьма характерную для уясненія отношеній Ильи къ своему плѣннику. Онъ приглашаетъ Соловья помочь ему въ бою со врагами, какъ одинъ богатырь другого:

Подъѣзжали они ко городу ко Крякову:
Городъ Кряковъ обсаженъ обсадою,
Морятъ кряковцевъ смертью голодною.
Говоритъ Илейко Соловью-разбойнику:
„Пособи мнѣ-ка выручить
Кряковъ изъ неволюшки“.
Поѣхалъ Илья по праву руку,
Соловей пошелъ по лѣву руку:
Подъ Кряковымъ *добры молодцы* силу выбили.
Выносили кряковцы золоты ключи,
Отпирали ворота городовыя:
„Поклоняемся тебѣ, богатырь честной,
Нашимъ городомъ:
Приходи къ намъ въ становье,
Вотъ тебѣ городъ нашъ, будь набольшимъ!“

Илья отказывается и объявляетъ, что ѣдетъ въ стольный Кіевъ градъ:

Прищуруплівалъ онъ Соловья ко стремени булатному,
Пріѣзжали они въ стольный Кіевъ градъ.

Изъ этой же былины узнаемъ, что Соловей своимъ свистомъ покушался именно на жизнь Ильи Муромца:

Еще смѣкалъ воръ Соловей-разбойникъ,
Что тѣмъ посвистомъ уходитъ Илью Муромца.

За это, конечно, онъ подвергся заслуженной казни: Илья Муромецъ взялъ его, да и розорвалъ [2]). Мы не думаемъ, чтобы сохранившаяся въ разсмотрѣнной былинѣ черта—помощь Соловья Ильѣ—могла быть объясняема какъ позднѣйшая вставка, вызванная какимъ-нибудь смѣшеніемъ или недоразумѣніемъ, или, наконецъ, личною фантазіей какого-нибудь одного

[1]) Тамъ же, столб. 653.
[2]) *Кирѣев.*, IV, № 1, стр 4—6.

сказителя. Древность этой подробности, на нашъ взглядъ, гарантирована именно ея несообразностью, несовмѣстимостью съ другими былинными чертами Соловья. Въ самомъ дѣлѣ, это *чудище* [1]), этотъ «сопостатъ великій» [2]), эта птица рахманная съ шипомъ змѣинымъ и рявканьемъ звѣринымъ, сидящая въ гнѣздѣ на 7 дубахъ, не пропускающая по дорогѣ, которую она залегла, ни звѣря, ни птицы, ни человѣка, вдругъ оказывается «добрымъ молодцемъ», храбрымъ богатыремъ, пособляющимъ любимому народному богатырю искрошить силу вражескую и спасти городъ отъ измора. Одно изъ двухъ: либо сказитель, выдумавшій такой фактъ, былъ незнакомъ съ обычнымъ былиннымъ типомъ Соловья (что предположить совершенно невозможно, какъ доказываютъ другія подробности былины), либо ничего отъ себя не выдумывалъ, а только повторилъ этотъ фактъ такъ, какъ самъ его слышалъ, не задумываясь надъ тѣмъ, противорѣчитъ онъ или нѣтъ основному типу Соловья-разбойника. Послѣднее намъ кажется гораздо вѣроятнѣе перваго и далѣе мы сдѣлаемъ попытку къ объясненію указанной черты.

Смутная память о Соловьѣ, какъ о могучемъ богатырѣ, сохранилась, кажется, и въ томъ, что Соловей-богатырь названъ въ стихѣ объ Аникѣ-воинѣ въ числѣ *старшихъ* и *славнѣйшихъ* богатырей, покорившихся, однако, смерти на ряду съ *Олоферномъ*, *Святогоромъ* и *Самсономъ* [3]).

Для дальнѣйшей характеристики Соловья и отношеній къ нему Ильи слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя черты изъ окончанія былинъ о первой поѣздкѣ Ильи Муромца.

Связанный Соловей привезенъ въ Кіевъ на показанье князю Владиміру, какъ его супостатъ, облегавшій къ нему путь въ теченіе долгаго времени, державшій, такъ сказать, по крайней мѣрѣ отчасти, его въ осадѣ. На послѣднемъ именно основано недовѣріе князя къ словамъ Ильи, что онъ прямоѣзжею дорогой проѣхалъ изъ Мурома или Чернигова въ Кіевъ. Далѣе Соловей, хотя и скрученный, весьма рѣзко и дерзко выражаетъ свою враждебность князю Владиміру:

„Владиміръ князь стольно-кіевскій!
Я сегодня не у васъ, вѣдь, обѣдаю,
Не васъ хочу и слушати“ [4]).

Или на ласковое приглашеніе Владиміра:

„Охъ ты гой еси, Соловейко разбойничекъ!
Ты взойди ко мнѣ въ палату бѣлу-каменну“.
Отвѣтъ держитъ Соловейко-разбойникъ:
„Не твоя слуга, не теѣ служу, не тея я слушаю;
Я служу и слушаю Илью Муромца“ [5]).

---

[1]) См. *Кирѣев.*, IV, стр. 2.
[2]) Тамъ же, I, стр. 84.
[3]) *Кирѣев.*, IV, стр. 122 (вар.).
[4]) *Рыбн.*, I, № 10, стр. 60.
[5]) *Кирѣев.*, *I*, *стр. 38.*

Почти всѣ былины о Соловьѣ кончаются его смертью, такъ что такой исходъ долженъ считаться древнимъ и основнымъ. Однако, въ нѣкоторыхъ былинахъ есть слѣды другой развязки отношеній Ильи къ Соловью. Такъ, въ одной былинѣ изъ собранія Ефименка (№ V), несмотря на свистъ, отъ котораго попадали при дворѣ Владиміра всѣ «князи-бояри», Соловей избѣгаетъ обычной расправы.

Натянули его дѣточки роженые,
Натянули злата, серебра,
Выкупать батюшка родимаго.
Беретъ осударь Илья Муромецъ злата, серебра.
Первую ношу кладетъ во Божью церковь,
Другую сиротамъ православнымъ,
Третью во красенъ Кіевъ градъ.
Выпущаетъ Соловеюшка Рахманова,
Беретъ съ него роту великую:
„Не сидѣть тебѣ на семи дубахъ".
Пошелъ Соловеюшко Рахмановичъ,
Пошелъ ко своему широку двору [1]).

Что такое окончаніе, хотя оно сохранилось только въ одной былинѣ, не стоитъ совсѣмъ особнякомъ и что оно согласимо съ отношеніями Ильи къ Соловью, какъ богатырю (хотя и разбойнику), видно изъ неопредѣленнаго обѣщанія, которое даетъ Муромецъ (въ былинѣ Рыбникова [2]) сыновьямъ Соловья:

„Черезъ трои черезъ суточки
Складите все имѣнье-богачество,
Всю несчетну золоту казну
На тыи телѣги ордынскія,
Катите ко славному ко стольному
Ко городу ко Кіеву,
Ко солнышку князю ко Владимеру:
Можетъ, тамъ я вамъ отдамъ кормильца-батюшка".

Вообще и въ другихъ мѣстахъ этой былины проглядываетъ весьма благодушное отношеніе Ильи къ своему плѣннику:

Говорилъ старый казакъ да таковы слова:
„Ай же солнышко Владимеръ князь!
Всѣ мы у тебя на честномъ пиру
И всѣ мы у тебя пьяны-веселы,
А у насъ Соловей не пьянъ и не веселъ:
Налей-ко Соловью чару зелена вина,—
Мѣра полтора ведра,

---

[1]) *Ефименко*: „Матеріалы" и пр., вып. II, стр. 21. Отпущеніе Соловья-разбойника Ильей встрѣчается и въ одной любопытной сказкѣ, перешедшей отъ русскихъ къ якутамъ Верхоянскаго округа. Когда отъ свиста Соловья-разбойника всѣ попадали при дворѣ *царя* Владиміра, послѣдній проситъ Илью, „чтобы держалъ онъ эту штуку гдѣнибудь подальше, чтобъ не казалась она въ этихъ мѣстахъ". Послушался его Илья Муромецъ, переломилъ птицѣ одно крыло, одну ногу и пустилъ ее, приказавъ ей, чтобъ не появлялась она въ этихъ мѣстахъ. См. *Верхоянскій Сборникъ*, 1890 г., стр. 280.

[2]) II, стр. 333.

Вѣсомъ полтора пуда,—
Налей другую пива пьянаго,
Налей третью меду сладкаго,
Ты дай закусить колачикъ крупичатый,
Крупичатый колачикъ, будто турей рогъ!

Князь самъ подноситъ Соловью выпивку и закуску и, оправившись:

Сталъ Соловеюшко похаживать,
Стали полатушки да потряхивать.

Затѣмъ, по просьбѣ Ильи, Соловей свиститъ съ обычнымъ результатомъ, и испугавшіеся придворные стали просить Илью не отпускать его на свою волю. Самъ Соловей даетъ обѣщаніе, если его отпустятъ, выстроить вкругъ города Кіева

Села со приселочками,
Улки съ переулками,
Города съ пригородками,
Монастыри все богомольные.

Но Илья называетъ его не строителемъ, а разорителемъ, прочіе же богатыри говорятъ:

„Ахъ же солнышко Владимеръ князь
И старой казакъ Илья Муромецъ!
Если спустите его на свою волю,
Убьетъ то насъ до единаго!"

Послѣ такого заявленія, Соловья посадили въ погреба глубокіе, рѣшетками желѣзными задернули, песками засыпали, травкой-муравкой замуравили [1]).

Попустивъ такую казнь Соловья, Илья Муромецъ, однако, беретъ подъ свою защиту его сыновей. Когда Владиміръ *«обзарился»* на ихъ богатство и хотѣлъ имъ воспользоваться,

Говорилъ тутъ старый казакъ Илья Муромецъ:
„Ай же солнышко Владимеръ князь!
Не тобой они приказаны
И не тобой назадъ отпустятся!
Ай же малы вьюнши Соловьиныи!
Катите все имѣнье-богачество,
Всю несчетну золоту казну:
Оставлена вамъ отъ батюшка,
Будетъ пропитатися дò смерти,
Не надо вамъ по міру ходить да скитатися!" [2])

Вообще въ этой замѣчательной былинѣ всюду въ личности Соловья проглядываетъ, на нашъ взглядъ, образъ, похожій на «старшаго» богатыря вродѣ Святогора, который *долженъ* погибнуть вслѣдствіе чрезмѣрной силы и губительныхъ для людей свойствъ. Смерть такихъ великановъ неизбѣжна, такъ какъ они должны уступить мѣсто младшимъ богатырямъ; но послѣдніе, въ лицѣ Ильи Муромца, не относятся къ нимъ съ озлобле-

---

1) *Такое же* окончаніе см. въ былинѣ *Гильфердинга* № 210, столб. 995.
2) *Рыбн., II, стр. 345.*

ніемъ, какъ къ вымирающимъ представителямъ старшаго поколѣнія. Отъ Святогора этотъ Соловей-богатырь отличается, впрочемъ, тѣмъ, что беретъ не силою непомѣрной, а страшнымъ свистомъ, шипомъ и рявканьемъ, дѣйствующими на природу и людей не менѣе зловредно, чѣмъ непомѣрная сила и тяжесть Святогора. Сверхъ того, у былинныхъ сказителей проглядываетъ мысль, что Соловей изъ породы волшебниковъ и обладатель волшебнаго перстня. Такъ, по словамъ сказителя Бутылки, дочь княженецкая увидѣла на рукѣ Соловья золотъ перстень и ухватила было за него, а Соловей ей перстъ и оторвалъ... онъ де былъ волшебникъ [1]). Согласно съ этимъ, въ одной былинѣ Гильфердинга [2]) дочь Соловья называется Оленой-*волшебницей*.

Отмѣтивъ, такимъ образомъ, существенныя черты загадочнаго типа Соловья, этого чудища, птицы, богатыря и волшебника, разсмотримъ попытки изслѣдователей эпоса объяснить это странное сочетаніе различныхъ свойствъ въ одной личности и, прежде всего, послѣднюю попытку академика И. В. Ягича.

Если просмотрѣть внимательно,—говоритъ этотъ ученый,—всѣ былинныя черты Соловья-разбойника, то естественно, думается мнѣ, придти къ заключенію, что это получеловѣческое, полузвѣриное существо весьма сложное. Это существо страшное, но страшное заключается, прежде всего, не въ свистѣ. Я думаю, что народная фантазія широко расписала этотъ свистъ со всѣми его страшными послѣдствіями только въ теченіе времени, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ самого имени *Соловей*. Это, по моему твердому убѣжденію, самое позднее наслоеніе, отложившееся на Соловьѣ, и, притомъ, подъ вліяніемъ языка...

Основными чертами Соловья-разбойника академикъ Ягичъ считаетъ тѣ, въ которыхъ онъ рисуется какъ страшный богатырь, противникъ богатырей Владимірова поколѣнія, какъ человѣкъ, отецъ семейства, и въ которыхъ еще не было первоначально ни комическо-страшнаго птичьяго образа, ни свиста, ни сидѣнья на дубахъ. Такихъ основныхъ чертъ въ былинахъ еще достаточно, хотя онѣ сильно отодвинуты чертами болѣе поздняго наслоенія. Перечисливъ эти основныя черты Соловья, въ которыхъ просвѣчиваетъ образъ богатырскій, Ягичъ спрашиваетъ, какимъ должны мы на основаніи ихъ представлять себѣ Соловья-разбойника, и отвѣчаетъ, что очевидно, это богатырскій образъ, не прилаживающійся хорошо къ циклу настоящихъ національныхъ богатырей, такъ какъ онъ былъ первоначально чуждъ этому циклу. Этимъ объясняется и враждебное отношеніе Соловья къ русскимъ богатырямъ. Въ былинѣ Гильфердинга (столб. 621) упоминаются 40 богатырей, павшихъ отъ силы Соловья. Напротивъ, онъ всего ближе подходитъ къ такимъ богатырскимъ образамъ, какъ Аника, Самсонъ, Малафей, Егоръ-Святогоръ, въ обществѣ которыхъ онъ и дѣйствительно упоминается (Кир., IV, 122).

[1]) См. *Рыбн.*, III, стр. 14, примѣч.
[2]) № 210, столб. 290.

Если же мы внимательнѣе всмотримся въ этихъ богатырей и примемъ въ разсчетъ тождественность имени Соловья съ именемъ Соловья Будиміровича, то, быть можетъ, не найдемъ слишкомъ смѣлымъ утвержденіе, что и Соловей-разбойникъ либо обязанъ своимъ происхожденіемъ опредѣленному типу сказочнаго Соломона, либо, по крайней мѣрѣ, заимствовалъ у послѣдняго очень многія черты... Безспорно въ богатомъ циклѣ сказаній о Соломонѣ,—продолжаетъ акад. Ягичъ,—было достаточно матеріала для образованія такихъ двухъ, повидимому, различныхъ типовъ, каковы Соловей Будиміровичъ и Соловей-разбойникъ. Нужно только намѣтить исходную точку народнаго творчества, опредѣлить тотъ моментъ, на которомъ сосредоточила свое вниманіе народная фантазія. А это не трудно отыскать для обоихъ Соловьевъ даже подъ ихъ національною травестіей. Образъ и дѣйствія Соловья Будиміровича соотвѣтствуютъ тѣмъ моментамъ цикла соломоновскихъ сказаній, которые сосредоточились вокругъ похищенія жены Соломона. Соловей-разбойникъ, напротивъ, имѣетъ исходнымъ пунктомъ, очевидно, Соломона, посвященнаго въ тайны одушевленной и неодушевленной природы, Соломона волшебника.

То, что особенно бросается въ глаза у Соловья-разбойника, это, очевидно, его сверхчеловѣческая, такъ сказать, натура, которая впослѣдствіи, какъ уже упомянуто, развилась далѣе, очевидно, подъ вліяніемъ имени (Соловья). Первоначально Соловью-разбойнику могли принадлежать въ общихъ чертахъ тѣ свойства, которыя въ русскихъ рукописныхъ разсказахъ пріурочиваются къ Соломону, какъ, напримѣръ: «И полетѣ Соломонъ подъ небеса яснымъ соколомъ... пошелъ по земли лютымъ звѣремъ... и поплыветъ въ морѣ щукою» (*Памятн.*, стр. 67), или: «и полетѣ по поднебесью яснымъ соколомъ... и пойде по землѣ лютымъ звѣремъ и поплы щукою» (*Тихонравовъ*: «Лѣтописи», IV, стр. 118). Въ самомъ дѣлѣ, даже согласно съ современнымъ былиннымъ образомъ Соловья-разбойника было бы одностороние приписывать ему только раскатистый свистъ Соловья, какъ можно было бы думать соотвѣтственно его имени. Если мы сравнимъ такія былинныя черты, какъ:

Засвисталъ Соловей по соловьиному,
А въ другой *зашипѣлъ* разбойникъ по змѣиному,
А въ третій *зрявкаетъ* по звѣриному (*Кирша Дан.*, 353);
или: *Закричалъ*—по звѣриному,
Засвистѣлъ—по соловьиному
Замызгалъ—по собачьему (*Рыбн.*, I, 48);
или: Все *побиваетъ* вздохомъ единымъ,
Отъ свисту его змѣинаго, отъ крику звѣринаго
Помираютъ всѣ удали-добры молодцы (*Рыбн.*, II, 329);
или: Ай закричалъ-то онъ, вѣдь, по звѣриному
И свиснулъ-то онъ по змѣиному (*Гильферд.*, 300);
или: Крикнулъ по звѣриному,
Свиснулъ по змѣиному (тамъ же, 622),

то увидимъ, что въ его лицѣ соедин-- свойства многихъ звѣрей и

что только благодаря имени получилъ между ними преобладаніе свистъ соловьиный.

Но и другія черты въ натурѣ Соловья, какою она изображается въ пѣсняхъ, имѣютъ явное отношеніе къ Соломону. Онъ вызываетъ представленіе о человѣкѣ не только богатомъ, но мудромъ или, по крайней мѣрѣ, очень умномъ. Развѣ не уменъ совѣтъ, которымъ онъ укрощаетъ буйную натуру своей семьи, когда она хочетъ силой сопротивляться его побѣдителю, Ильѣ? Развѣ не хитры его дѣйствія при дворѣ Владиміра, когда онъ сначала требуетъ вина и затѣмъ свиститъ изо всей силы? Но гораздо важнѣе то, что его хотѣли сдѣлать *строителемъ* монастыря, какъ говорится въ одной былинѣ, а Соломонъ былъ, вѣдь, par excellence *строитель* храма, или что его считали за волшебника съ перстнемъ, конечно, волшебнымъ, какъ видно изъ сообщаемаго у Рыбникова (III, 14). Извѣстно, какую важную роль при Соломонѣ играетъ именно кольцо. Далѣе слѣдуетъ обратить вниманіе и на отчество Соловья: Соловей-разбойникъ называется Рахмановичъ. Это отчество Рахмановичъ-Брахмановичъ указываетъ на Индію. А въ Индіи былъ и Соломонъ: «пошедъ царь Соломонъ съ философы своими въ страну дальную ко царю индѣйскому» (*Памятн.*, III, 62), или: «дѣтище индѣйскія веси богатыя»...

Наконецъ, есть нѣсколько точекъ соприкосновенія между Соловьемъ Будиміровичемъ и Соловьемъ-разбойникомъ, которыя еще болѣе подтверждаютъ наше предположеніе объ ихъ общемъ происхожденіи [1]). Уже отъ внимательнаго взгляда проф. Ореста Миллера не ускользнули эти точки соприкосновенія; онъ упоминаетъ о нихъ (на стр. 554 и слѣд.), хотя не дѣлаетъ изъ нихъ вывода въ нашемъ направленіи. Мы ограничимся одною чертой, которая, однако, имѣетъ большое значеніе для проводимой нами мысли о связи обоихъ Соловьевъ съ Соломономъ. Соловей Будиміровичъ даетъ своей дружинѣ приказаніе построить три терема такъ, чтобы «верхи съ верхами свивалися» (*Рыбн.*, I, 330, ср. IV, 59; *Гильф.*, 174, 286). Этотъ способъ постройки, вѣроятно, заимствованъ отъ деревьевъ,— такъ сильно напоминаетъ онъ свитое на трехъ (девяти и т. д.) дубахъ гнѣздо Соловья-разбойника. Но то же повторяется у ихъ общаго прототипа Соломона, какъ сообщается въ изданномъ г. Тихонравовымъ текстѣ (*Лѣтоп.*, IV, 130): «и по томъ възгради себѣ градъ въ древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро» — выраженіе, которое, относясь къ людямъ, можетъ быть понято въ смыслѣ деревяннаго дворца, а относясь къ птицамъ—въ буквальномъ смыслѣ *гнѣзда*. Такимъ образомъ, даже сидѣніе въ гнѣздѣ Соловья имѣетъ первообразъ въ легендахъ о Соломонѣ [2])...

---

[1]) На предъидущихъ страницахъ акад. Ягичъ весьма неубѣдительно, на нашъ взглядъ, доказываетъ сходство въ нѣкоторыхъ чертахъ между Соловьемъ Будиміровичемъ и Соломономъ и выставляетъ предположеніе, что типъ Соловья Будиміровича (какъ и имя) восходитъ къ Соломону.

[2]) См. статью акад. Ягича: *Die christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik*, помѣщ. въ *Archiv für slavische Philologie*, B. I, p. 120—124.

Какъ ни остроумны соображенія академика Ягича объ аналогіяхъ между Соловьемъ-разбойникомъ и Соломономъ, но намъ они кажутся весьма неубѣдительными, также какъ его же сопоставленіе Соловья Будиміровича съ Соломономъ, основательно опровергнутое г. Халанскимъ [1]). Дѣйствительно, сопоставленіе Соловья-разбойника съ Соломономъ основано на двухъ-трехъ нѣсколько сходныхъ деталяхъ, между тѣмъ какъ въ типѣ того и другого лица нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Академикъ Ягичъ исходитъ изъ Соломона-волшебника, считая его прототипомъ Соловья-разбойника. Но еслибъ это было такъ, еслибъ это было дѣйствительно точкой отправленія народной фантазіи, то въ былинномъ типѣ Соловья оказались бы какія-нибудь черты, напоминающія эту сторону Соломона. Въ дѣйствительности же ихъ не оказывается. Достаточно просмотрѣть русскія сказанія о Соломонѣ, чтобъ убѣдиться въ томъ, что нѣтъ ничего общаго между царемъ Соломономъ и нашимъ Соловьемъ-разбойникомъ, сидящимъ на семи дубахъ. Не считаемъ нужнымъ перечислять черты несходства, потому что ихъ слишкомъ много, но остановимся на чертахъ quasi-сходныхъ, приводимыхъ акад. Ягичемъ.

1) Соловей-разбойникъ представляется кудесникомъ. Соломонъ, какъ кудесникъ, можетъ принимать образъ разныхъ животныхъ: сокола, лютаго звѣря, щуки. Но именно этого не можетъ Соловей: его звѣриный образъ ограничивается тѣмъ, что онъ называется иногда птицею рахманной, и это существо отъ выстрѣла Ильи сваливается *какъ овсяной кулъ*. Соловьиный свистъ, змѣиное шипѣнье, звѣриное рявканье Соловья вовсе не предполагаютъ, что онъ принималъ образъ этихъ животныхъ.

2) Соловей уменъ, но проявленія его ума не имѣютъ ничего общаго съ проявленіями ума легендарнаго Соломона.

3) Соловей строитъ себѣ гнѣздо, имѣетъ отлично устроенную усадьбу и въ одной былинѣ, чтобы спасти себѣ жизнь, обѣщаетъ построить *монастырь*. Соломонъ par excellence строитель храма. Но библейскій Соломонъ, именно какъ *строитель* храма, не извѣстенъ въ народныхъ сказкахъ. Онѣ разсказываютъ только, что онъ еще мальчикомъ выстроилъ себѣ крѣпость изъ древесныхъ вѣтвей и сталъ въ ней царемъ надъ дѣтьми [2]). Въ этой деревянной крѣпости акад. Ягичъ находитъ первообразъ гнѣзда Соловья, птицы рахманной,—гнѣзда, сидя въ которомъ, онъ залегаетъ путь къ Кіеву. Опять *незначительное* сходство въ одной чертѣ, при полномъ несходствѣ типовъ строителей (мудраго царевича и чудовищнаго существа) и цѣли постройки.

---

[1]) *Великорусскія былины кіевскаго цикла*, стр. 160.

[2]) „И началъ царевичъ Соломонъ суди творити: собравъ крестьянскихъ дѣтей множество отроковъ, а самъ царемъ у нихъ бисть; а иныхъ дѣтей воеводами поставляюще; а иныхъ въ судіи; а иныхъ служивыми людьми постави и служебники. И потомъ возгради себѣ градъ въ древесѣхъ плетеныхъ вельми мудро и посылаше тоя веси жители многія и начальники и помѣстники“ и т. д. (*Лѣтоп. русск. литературы*, IV, *стр. 130*).

4) Отчество Соловья Рахмановичъ напоминаетъ Индію, а Соломонъ *былъ* въ Индіи въ одно изъ своихъ похожденій. Но, вѣдь, нашъ Соловей-разбойникъ въ Индіи не былъ, а отчество Рахмановичъ или эпитетъ *птица рахманная* могли проникнуть въ былины путемъ книжнымъ, совершенно независимо отъ сказаній о Соломонѣ, въ которыхъ, притомъ, нѣтъ ни *птицы рахманной*, ни какихъ-либо упоминаній о *рахманахъ*.

5) Соловей-разбойникъ представляетъ нѣкоторыя точки соприкосновенія съ Соловьемъ Будиміровичемъ, а послѣдній имѣетъ, по акад. Ягичу, прототипомъ Соломона, слѣдовательно, къ тому же прототипу восходитъ и Соловей-разбойникъ.

Послѣ обстоятельно доказаннаго г. Халанскимъ тѣснаго соотношенія между былиной о Соловьѣ Будиміровичѣ и русскими свадебными пѣснями не можетъ быть рѣчи о вліяніи типа Соломона на типъ этого былиннаго заѣзжаго жениха, не говоря уже о томъ, что и имя Соломона не имѣло повода (какъ думаетъ акад. Ягичъ [1]) исказиться въ Соловья.

Названіе *Соловья* должно быть поставлено,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Халанскій,—въ связь съ тѣмъ, что онъ женихъ. Въ числѣ символовъ жениха *соловей* занимаетъ очень видное мѣсто какъ между великорусскими, такъ и малорусскими пѣснями. Съ именемъ героя — Соловей— стоитъ въ связи прозваніе его Будиміровичъ. Соловей въ народной поэзіи *будитъ*:

„Свѣтъ ты мой, *соловей* въ саду!
Кто-жъ меня рано будить буде,
Рано будить, поздно утѣшать?" (*Шейнъ*: „Р. Н. П.", стр. 461).
„Ай, свѣтъ ты мой, соловей въ саду!
Соловей въ саду, онъ рано вставалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ" [2]) (тамъ же, стр. 458).

Такимъ образомъ, если Соловей Будиміровичъ не имѣетъ ничего общаго съ Соломономъ, то тѣмъ менѣе къ послѣднему можетъ быть возведенъ Соловей-разбойникъ. Однако, нѣкоторыя сходныя черты между обоими эпическими Соловьями дѣйствительно существуютъ, какъ замѣтилъ уже О. Миллеръ и за нимъ акад. Ягичъ, и такое частное соотношеніе нуждается въ объясненіи.

Такъ, О. Миллеръ и акад. Ягичъ отмѣчаютъ, что подобно тому, какъ Соловей Будиміровичъ строитъ три терема такъ, что верхи съ верхами свиваются, Соловей-разбойникъ сидитъ на трехъ дубахъ, свивающихся верхами. Красивая усадьба съ садомъ Соловья-разбойника напоминаетъ роскошные терема, построенные Соловьемъ Будиміровичемъ въ саду Запавы Путятичны. При тождествѣ именъ строителей такое сходство въ этой детали едва ли случайное, и объясненіе должно заключаться, конечно, въ тождествѣ именъ. Который же Соловей повліялъ на другого? Думаемъ, что Соловей Будиміровичъ. Въ былинѣ объ этомъ женихѣ чудесное построеніе теремовъ

---

[1]) *Archiv für slav. Philologie*, B. I, p. 117.

[2]) *Назв. соч.*, стр. 159.

въ саду княжны имѣетъ существенное значеніе. Оно находится въ связи и съ нашими свадебными пѣснями [1]), и съ многочисленными сказками, въ которыхъ условіемъ жениху для полученія руки царевны ставится построеніе въ одну ночь чудеснаго дворца. Между тѣмъ, въ былинахъ о Соловьѣ-разбойникѣ болѣе или менѣе подробное описаніе его усадьбы есть только несущественная деталь.

Если въ одной былинѣ Соловей-разбойникъ предлагаетъ Владиміру за свое освобожденіе выстроить «города съ пригородами», то и это, конечно, объясняется тѣмъ, что сказитель припомнилъ не кстати другого былиннаго Соловья-строителя чудныхъ теремовъ,—не кстати потому, что роль строителя, какъ былина сама далѣе объясняетъ, нейдетъ Соловью, извѣстному *разорителю*.

Такимъ образомъ, былины о Соловьѣ Будиміровичѣ, на нашъ взглядъ, могутъ послужить къ объясненію только *одной* черты Соловья-разбойника, и, притомъ, черты несущественной. Во всемъ же остальномъ нѣтъ никакого сходства обоихъ Соловьевъ между собою и съ Соломономъ.

Что касается характеристики типа Соловья-разбойника, то акад. Ягичъ совершенно вѣрно распозналъ въ немъ сложный составъ и отмѣтилъ дѣйствительно проглядывающія въ немъ черты богатыря, *не приладившагося* къ циклу кіевскихъ богатырей. Эти черты академикъ Ягичъ считаетъ древними, основными, а птичій образъ болѣе позднимъ наслоеніемъ, отложившимся подъ вліяніемъ языка, т.-е. имени Соловья. Съ послѣднимъ предположеніемъ едва ли можно согласиться. Трудно допустить такое вліяніе языка на созданіе эпическаго образа, тѣмъ болѣе, что совершенно неизвѣстны мотивы, вслѣдствіе которыхъ народъ могъ бы передѣлать популярное и легко произносимое имя *Соломонъ* въ птичье имя *Соловей*. Но положимъ, что, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, дѣйствительно народомъ было сдѣлано такое искаженіе: вытекаетъ ли изъ этого дальнѣйшее предполагаемое г. Ягичемъ послѣдствіе? Едва ли. Изъ того, что человѣкъ (кудесникъ, разбойникъ) получилъ прозвище *Соловей*, еще не слѣдуетъ, что на основаніи птичьяго прозвища народная фантазія могла изъ человѣка сдѣлать чудовищную птицу. Мы еще понимаемъ, что разбойникъ съ именемъ Соловья могъ быть снабженъ соловьинымъ свистомъ (такъ какъ свистъ въ уваженіи у русскихъ разбойниковъ), но едва ли фантазія народа могла идти дальше: снабдить человѣка съ прозвищемъ Соловья крыльями, гнѣздомъ на 7 дубахъ, звѣринымъ рявканьемъ и превратить его въ птицу рахманную. Намъ кажется, что въ основѣ зооморфическаго представленія Соловья-разбойника лежитъ нѣчто болѣе прочное, чѣмъ вліяніе

---

[1]) „Я самъ тебѣ (невѣстѣ) изрублю сѣни новыя,
Я самъ тебѣ изрублю съ переходами...
Я самъ въ твоемъ саду
Сяду соловьемъ молодымъ залетнымъ,
Я самъ тебя рано буду, свѣтъ, кликать,
Я самъ тебя рано буду будить“ (*Халанскій*, назв. соч., стр. 151).

имени на народную фантазію, какой-нибудь искаженный отголосокъ чудовищнаго существа, вродѣ персидскаго Симурга, кавказскаго Пакондзи, птицы Нога и т. п.

Для уясненія натуры нашего Соловья-разбойника Ѳ. И. Буслаевъ предлагаетъ цѣлый рядъ соображеній и параллелей, которыя, впрочемъ, едва ли его самого удовлетворяютъ. Такъ, въ славяно-русской хроникѣ, на основаніи литовскихъ источниковъ, говорится о «поганскомъ бискупѣ», т.-е. жрецѣ Лыздейкѣ, что «той Лыздейко за живота Витени, отца Гедиминова, былъ знайденъ *въ гнѣздѣ орловомъ* въ пущѣ». Этотъ жрецъ, поясняетъ Ѳ. И. Буслаевъ, былъ чародѣй и человѣкъ вѣщій. Въ гнѣздо онъ попалъ еще ребенкомъ, будто бы неизвѣстно какъ и когда [1]. Въ этомъ преданіи, находящемся, какъ уже замѣтилъ акад. Ягичъ, въ связи съ этимологіей имени Лыздейки, такъ какъ *гнѣздо* по-литовски lizdas, скорѣе можно найти сходство Лыздейки съ иранскимъ Залемъ, жившимъ въ дѣтствѣ въ гнѣздѣ Симурга, чѣмъ съ нашимъ Соловьемъ-разбойникомъ. Упоминаемый у Татищева изъ Якимовской лѣтописи жрецъ Богомилъ, нареченный *Соловьемъ* «сладкорѣчія ради», такъ же какъ противникъ его, посадникъ *Воробей*, носятъ птичьи имена и развѣ только этимъ могутъ напомнить Соловья-разбойника, но не имѣютъ никакихъ другихъ птичьихъ чертъ. Едва ли можно что-нибудь извлечь для поясненія типа Соловья-разбойника и изъ полукнижнаго сказанія, заимствованнаго Мельниковымъ изъ рукописнаго сборника XVII в., гдѣ говорится, что *Соловей*, который былъ связанъ Ильей Муромцемъ, былъ мордвинъ, и упоминаются другіе мордвины съ птичьими именами—*Скворецъ* и чародѣй *Дятелъ* [2]. Опять птичьи имена безъ другихъ птичьихъ свойствъ и никакого сходства въ фабулѣ съ фабулой былинъ о Соловьѣ-разбойникѣ.

Роль Соловья, какъ *разбойника*, дѣйствительно напоминаетъ нѣсколько вѣщій разбойникъ Могутъ, который, согласно съ лѣтописною сказкой, былъ изловленъ хитростью и приведенъ къ князю Владиміру. Ѳ. И. Буслаевъ отмѣчаетъ, что этотъ Могутъ, поставленный предъ княземъ, какъ былинный Соловей, *вскрича зѣло*, провидѣвъ, какъ вѣщій человѣкъ, смерть свою [3].

---

[1] См. статью *Ѳ. И. Буслаева*: „Критическія и библіографическія замѣтки по поводу книги О. Миллера“. *Ж. М. Н. Пр.*, часть CLIX, отд. 2, стр. 231.

[2] Во времена стародавнія, гдѣ теперь стоитъ Нижній-Новгородъ, жилъ знатный, сильный мордвинъ, по имени *Скворецъ*. Онъ былъ другъ... другому такому же знатному мордвину, *Соловью*, тому самому, что связанъ былъ Ильей Муромцемъ. Женился Скворецъ на 18 женахъ и родили они ему 70 сыновей... Тутъ же въ ущельѣ обиталъ чародѣй *Дятелъ*, тоже мордвинъ, тоже пріятель Соловью. И спросилъ Скворецъ Дятла о судьбѣ 70 сыновей своихъ. Отвѣчалъ Дятелъ: Если дѣти твои будутъ жить мирно и согласно другъ съ другомъ, долго будутъ обладать здѣшними мѣстами, а поссорятся— будутъ покорены русскими“... Такъ оно и вышло. См. *О. Миллеръ*, стр. 277.

[3] Выдержку изъ лѣтописи см. у г. *Бестужева-Рюмина*: „О составѣ русск. лѣтописей“, прилож., стр. 34. „Изымаша хитростію нѣкоего разбойника, нарицаемаго Могута, и егда ста предъ Владимеромъ, воскрича зѣло и многи слезы испущая изъ очію, сице глаголя: поручника ти по себѣ даю, о Владимере, Господа Бога и Пречистую Его Матерь Богородицу, яко отнынѣ никакого же не сотворю зла предъ Богомъ и

Дѣйствительно, если въ личности Соловья можно искать какихъ-нибудь *историческихъ* отголосковъ, то именно въ его роли *разбойника*, тѣмъ болѣе, что *историческое* разбойничество отразилось въ другомъ похожденіи Ильи—его встрѣчѣ съ станичниками, которое въ нѣкоторыхъ былинахъ связано съ плѣненіемъ Соловья въ одинъ сводный разсказъ [1]). Намъ представляется вѣроятнымъ, что *иноземный* чудовищный образъ какого-то могучаго существа, залегающаго путь къ князю и сидящаго на дубахъ—*какъ дивъ верху древа* (въ *Словѣ о полку Игоревѣ*)—былъ въ связи съ домашнимъ сильнымъ развитіемъ разбойничества, народомъ *осмысленъ*, какъ разбойникъ. Но, вслѣдствіе извѣстной консервативности народа, это осмысленіе чудища, какъ человѣка-разбойника, однако, не стерло другихъ чертъ чудовища, которыя по традиціи продолжали повторяться пѣвцами, и, такимъ образомъ, въ эпическомъ Соловьѣ получился какой-то противуестественный и противурѣчивый конгломератъ человѣчьихъ и чудовищныхъ свойствъ, которыя дѣлаютъ этотъ типъ столь загадочнымъ.

Не имѣя надежды объяснить *всѣ* черты нашего загадочнаго Соловья-разбойника, выдѣлимъ только нѣкоторыя, которыя, на нашъ взглядъ, находятъ себѣ аналогіи въ иранскихъ сказаніяхъ о похожденіяхъ Рустема и Исфендіара. Выше мы уже замѣтили, что препятствія или заставы, встрѣченныя Ильей на пути къ князю Владиміру, соотвѣтствуютъ до нѣкоторой степени заставамъ, встрѣченнымъ Рустемомъ на пути къ царю Кейкаусу, въ страну *дивовъ* Мазендеранъ и Исфендіаромъ по пути къ «мѣдному» замку.

Мы указали въ похожденіяхъ иранскихъ богатырей параллели для былинныхъ заставъ—горъ высокихъ и широкой рѣки Смородины; предположили также, что въ *птичьемъ* видѣ Соловья-разбойника, быть можетъ, отразилось иранское представленіе о чудовищной птицѣ Симургѣ, убитой Исфендіаромъ. Въ томъ же направленіи, думается намъ, слѣдуетъ искать параллель для *человѣческаго* типа Соловья-разбойника, для этого богатыря, взятаго Ильей въ плѣнъ и привезеннаго въ торокахъ въ Кіевъ. Мы уже намекнули, что *нѣкоторое* сходство съ Соловьемъ-*человѣкомъ* представляютъ двѣ параллельныя личности, играющія роль въ похожденіяхъ Рустема и Исфендіара—Ауладъ и Кергсаръ. Разсмотримъ же теперь пристальнѣе, въ чемъ заключается ихъ сходство съ Соловьемъ, такъ какъ сходство ихъ между собою уже разсмотрѣно нами выше [2]).

1) Илья не убиваетъ Соловья, а скручиваетъ его веревкой и привязываетъ къ сѣдлу: слѣдовательно, не имѣетъ вначалѣ намѣренія его убить.

предъ человѣки, но да буду въ покаяніи вся дни живота моего". Слышавъ же сіе Владимеръ умилися душою и сердцемъ и посла его ко отцу своему митрополиту Ивану, да пребываетъ, никогда же исходя изъ дому его. Могутъ же, заповѣдь храня, никакоже исхожаше изъ дому митрополичя и крѣпкимъ и жестокимъ житіемъ живше, и умиленіе и смиреніе много показа, и провидѣвъ свою смерть съ міромъ почи о Господи" (*Степ. кн.*, I, 167).

[1]) *Рыбн.*, IV, 8. *Гильферд.*, № 171.

[2]) *См. Экскурсъ III.*

[illegible] трѣчаетъ Аулада, какого-то мѣстнаго властителя, *въ лѣсу*. [illegible] ляется, какъ Рустемъ дерзнулъ ѣхать по его области [1]), угро[illegible]но богатырь бросаетъ на него арканъ и беретъ его въ плѣнъ. [illegible] беретъ Аулада съ собою, такъ какъ послѣдній знаетъ всѣ [illegible] предстоящія Рустему на пути въ Мазендеранъ, и обѣщаетъ ему [illegible] жизнь, но и корону Мазендерана, если онъ будетъ служить ему [illegible]. Кергсаръ—alter ego Аулада—нападаетъ на Исфендіара, пус[illegible]его стрѣлу, но послѣдній, прикинувшись раненымъ, внезапно [illegible] на подъѣхавшаго тюркскаго богатыря арканъ и беретъ его въ [illegible] Затѣмъ Кергсаръ долженъ указать Исфендіару предстоящія ему *за*[illegible] на пути къ «мѣдному» зàмку, котораго властителемъ Исфендіаръ [illegible] коварно) обѣщаетъ его сдѣлать [2]).

[illegible] Илья угощаетъ своего плѣнника (Соловья) *виномъ*. Исфендіаръ, [illegible] прашивая Кергсара передъ каждою новою *заставой*, угощаетъ его ча[illegible], иногда наполняя ее 4 раза [3])—деталь не случайная, потому что [illegible]ряется 6 разъ.

[illegible] Плѣнный Соловей, по *одной* былинѣ, на время получаетъ свободу [illegible]могаетъ Ильѣ, по его просьбѣ, въ освобожденіи города Чернигова, а [illegible] снова привязывается въ торока. ПлѣнныйAuладъ сопровождаетъ [illegible]ма въ его пути въ Мазендеранъ и помогаетъ ему своими указаніями, [illegible]мъ, все-таки, Рустемъ то спускаетъ его съ аркана, то снова привя[illegible]етъ. Плѣнный Кергсаръ въ той же роли терпитъ такое же обраще[illegible]о стороны Исфендіара, то заковывается въ цѣпи, то расковывается.

4) Илья за коварство Соловья (ослушаніе его приказа и за попытку [illegible]ть его и князя своимъ полнымъ свистомъ) предаетъ его смерти. Ис[illegible]ндіаръ за обманъ, имѣвшій цѣлью его погубить, разсѣкаетъ Кергсара [illegible] полы [4]), послѣ перехода чрезъ глубокія воды (=рѣкѣ Смородинѣ).

Что касается Аулада, то судьба его была иная, такъ какъ онъ слу[illegible]жилъ вѣрнымъ проводникомъ Рустему во всѣхъ заставахъ. Рустемъ, убивъ по его указаніямъ *бѣлаго дива*, исполняетъ свое обѣщаніе и доставляетъ ему корону Мазендерана, ходатайствуя за него передъ Кейкаусомъ [5]).

Однако, окончаніе похожденій Рустема по пріѣздѣ его къ царю Кейкаусу не обходится безъ убійства существа, нѣсколько напоминающаго нашего Соловья, какъ *чудовищнаго* противника Ильи. Рустемъ приводитъ къ Кейкаусу царя мазендеранскаго, страшнаго *дива*, принимавшаго различные образы. Кейкаусъ осыпаетъ чудовище упреками и велитъ его казнить. Тогда Рустемъ вытаскиваетъ *дива* за бороду изъ присутствія царя Кейкауса и велитъ разрѣзать его на куски [6]). Подобно этому, по нѣко-

---

1) *Mohl*, I, 416.

2) *Mohl.*, IV, 419.

3) *Mohl.*, IV, 394, 398, 400, 404, 408, 411.

4) *Mohl*, IV, 421.

5) Припомнимъ, что въ *одной* былинѣ Илья отпускаетъ съ согласія Владиміра Соловья въ его подворье.

6) *Mohl*, I, 446.

торымъ былинамъ, Илья вытаскиваетъ Соловья на княжескій дворъ или въ поле чистое и предаетъ его лютой казни.

5) Владиміръ въ *одной* былинѣ [1]) хочетъ поставить Соловья воеводой въ Кіевѣ, но затѣмъ за признаніе Соловья, что «его сердце есть разбойницко», Илья убиваетъ его. Кейкаусъ дѣлаетъ Аулада царемъ мазендеранскимъ. Исфендіаръ обѣщаетъ Кергсару воеводство въ «мѣдномъ» замкѣ, но за коварство предаетъ его смерти.

Если всѣ перечисленныя аналогіи между Соловьемъ, Ауладомъ и Кергсаромъ не случайны, то все же онѣ касаются только немногихъ отдѣльныхъ чертъ нашего Соловья, изъ которыхъ нѣкоторыя встрѣчаются, притомъ, въ какой-нибудь одной былинѣ. Другія же черты разсматриваемаго былиннаго типа, и весьма характерныя, не находятъ себѣ параллелей въ иранскихъ сказаніяхъ: таковы, напримѣръ, семья Соловья, его жена, дочери и зятья, попытки семьи выкупить Соловья, богатырскій его свистъ, производящій такой эффектъ при дворѣ князя, и проч. На нашъ взглядъ, нѣкоторыми свойствами своими—соединеніемъ чудовищности съ волшебствомъ—Соловей *вообще* напоминаетъ иранскихъ *дивовъ*, классическою страной которыхъ считается Мазендеранъ. Это—существа злыя, чудовищныя на видъ и обладающія волшебными свойствами. Такимъ является, наприм., царь мазендеранскій, обратившійся въ камень, когда его ударилъ копьемъ Рустемъ. Но самый страшный дивъ, стоящій во главѣ всѣхъ прочихъ, это «бѣлый» дивъ, убіеніе котораго было самымъ славнымъ подвигомъ Рустема въ Мазендеранѣ. Мы не можемъ среди многочисленныхъ дивовъ, съ которыми бился Рустемъ, указать какого-нибудь одного, какъ прототипъ *чудовища* Соловья, но можемъ только предположить, что въ похожденіи Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ сохранился глухой отголосокъ борьбы Рустема съ мазендеранскими *дивами*. Это предположеніе намъ кажется правдоподобнымъ на томъ основаніи, что, какъ мы видѣли выше, въ былинахъ о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ сохранились отголоски *заставъ*, встрѣченныхъ Рустемомъ на пути въ Мазендеранъ и Исфендіаромъ на пути къ «мѣдному» замку. Если мы находимъ соотвѣтствіе между иранскими и русскими заставами—горы, рѣка, чудовищная птица (Соловей-Симургъ), т.-е. между первыми встрѣченными богатырями (Ильей, Рустемомъ, Исфендіаромъ) препятствіями, то можемъ *предположить*, что и похожденію Ильи съ Соловьемъ соотвѣтствовало нѣчто въ иранскомъ сказаніи, и самый планъ какъ будто указываетъ, что это *нѣчто* была именно борьба Рустема съ чудовищнымъ дивомъ, отъ котораго Рустемъ избавилъ Кейкауса (какъ Илья Владиміра отъ чудовища Соловья-разбойника). Нѣкоторымъ подтвержденіемъ этому предположенію служитъ, какъ мы увидимъ ниже, извѣстная сказка о Еруланѣ Лазаревичѣ, и мы просимъ читателя раньше нашего разбора этой сказки не дѣлать заключенія о неправдоподобіи нашего сопоставленія Соловья-разбойника съ мазендеранскимъ дивомъ (вообще).

---

[1]) *Гильферд.*, № *56, столб. 303.*

Чтобы комбинировать всѣ отдѣльныя аналогіи между Соловьемъ и иранскими Симургомъ, Кергсаромъ (Ауладомъ), бѣлымъ дивомъ, мы изъ всего вышеприведеннаго можемъ сдѣлать слѣдующее *гипотетическое* построеніе, прочность котораго, быть можетъ, подтвердится впослѣдствіи. Всматриваясь въ Соловья-разбойника, мы замѣчаемъ въ немъ странное, противуестественное соединеніе, по меньшей мѣрѣ, трехъ фигуръ—*птицы*, *богатыря* и *чудовища*, слитыхъ чисто-механически въ одинъ образъ, причемъ народная фантазія почти не сдѣлала попытки сочетать эти лица органически въ нѣчто цѣльное [1]). Нелѣпость этого конгломерата объясняется, на нашъ взглядъ, именно тѣмъ, что былинный разсказъ о похожденіи Ильи съ Соловьемъ есть результатъ послѣдовательнаго искаженія, перевиранія какого-то иноземнаго болѣе полнаго разсказа, отдѣльные эпизоды котораго были съ теченіемъ времени скомканы въ одинъ, такъ что отдѣльныя черты первоначально *разныхъ* личностей чисто-механически были соединены въ одной. Безъ такого предположенія невозможно объяснить сложный составъ личности Соловья. Это, дѣйствительно, фигура мозаическая, и, притомъ, весьма неуклюжей работы, такъ какъ мозаика была механическая, соединявшая куски отъ разныхъ основныхъ рисунковъ. Обвинять всецѣло русскихъ сказителей въ этой работѣ мы не имѣемъ основанія, такъ какъ не знаемъ, въ какомъ видѣ и чрезъ какую среду дошелъ до нихъ предполагаемый восточный оригиналъ. Мы склонны скорѣе предположить, что онъ былъ попорченъ уже въ передаточной инстанціи, причемъ отдѣльные иранскіе эпизоды и лица были скомканы въ одну массу. На русской почвѣ можно замѣтить даже попытки къ осмысленію иноземнаго образа, ко внесенію нѣкоторыхъ бытовыхъ чертъ, именно черты разбойничества, присоединившейся къ чертамъ, полученнымъ изъ чужаго сказанія, какими намъ представляются: птичій образъ, чудовищныя свойства, рявканіе звѣриное, шипѣніе змѣиное, свистъ, иногда пламенное дыханіе [2]) и образъ коварнаго богатыря, пойманнаго арканомъ и возимаго съ собою главнымъ національнымъ богатыремъ. Иранскимъ прототипомъ послѣдняго образа мы предположили Кергсара (Аулада), прототипомъ птичьяго образа—Симурга, а въ чудовищныхъ и волшебныхъ свойствахъ Соловья видимъ отголосокъ *дива*, вродѣ мазендеранскаго царя или «бѣлаго» дива. Сознаемся, что такой мозаическій составъ былиннаго типа Соловья искусственъ и что, быть можетъ, мы ошибаемся въ указаніи этихъ прототиповъ. Но все же думаемъ, что если ошибаемся, то лишь въ деталяхъ, и что главное наше предположеніе—сходство въ *планѣ* между поѣздкой Ильи въ Кіевъ и походомъ

---

[1]) Примѣромъ тому можетъ служить одна былина *Рыбникова*, III, № 63, гдѣ Соловей названъ птицей рахманной, сидящей на 7 дубахъ, а вслѣдъ затѣмъ, когда Илья сшибъ эту птицу съ гнѣзда, Соловей оказывается уже человѣкомъ „съ желтыми кудрями", за которыя Илья привязываетъ его къ сѣдлу. Или: въ былинѣ *Гильферд.* № 120 Соловей Рахмановъ живетъ на трехъ дубахъ, какъ птица, а затѣмъ оказывается, что Илья его встрѣтилъ въ полѣ ѣдущимъ на конѣ (столб. 652).

[2]) *Гильфердингъ*, № 120.

Рустема въ Мазендеранъ (а также Исфендіара въ «мѣдный» замокъ), имѣетъ нѣкоторое основаніе. А это пока все, что мы желали бы сдѣлать вѣроятнымъ.

Прежде чѣмъ разстаться съ Соловьемъ-разбойникомъ, считаемъ не лишнимъ отмѣтить одну деталь, встрѣчающуюся въ значительномъ числѣ былинъ. Илья, повидимому, не желаетъ убить Соловья, а, между тѣмъ, пускаетъ ему стрѣлу въ *глазъ*—въ одно изъ самыхъ уязвимыхъ мѣстъ. Былины говорятъ даже, что стрѣла вышибла Соловью *правое* око со косицею [1]) или вышла въ лѣвое ухо [2]), за чѣмъ, казалось бы, должна послѣдовать немедленная смерть. Это стрѣляніе въ глазъ, однако, безъ цѣли убить, представляется намъ страннымъ. Гораздо логичнѣе стрѣляніе Ильи въ тѣхъ былинахъ, гдѣ Илья подшибаетъ Соловью крыло правое [3]), вслѣдствіе чего тотъ лишенъ возможности держаться на деревьяхъ, но не раненъ смертельно. Намъ кажется, что въ стрѣляніи именно въ глазъ нужно видѣть survival того сказочнаго мотива, что для нѣкоторыхъ чудовищныхъ или вообще исключительныхъ существъ смерть возможна подъ условіемъ пораженія только одного опредѣленнаго мѣста на тѣлѣ. Чтобы не ходить далеко, укажемъ на иранскаго неуязвимаго богатыря Исфендіара, который могъ быть убитъ Рустемомъ только тогда, когда послѣдній пустилъ ему стрѣлу въ единственно уязвимое мѣсто, именно въ глазъ. Если наше предположеніе вѣрно, то опять, хотя совершенно въ иной связи, нашъ Илья поступаетъ совершенно такъ же, какъ иранскій Рустемъ. Какъ ни ничтожно само по себѣ это детальное совпаденіе, любопытны тѣ побочныя обстоятельства, которыми оно сопровождается. Стрѣла, которая могла убить Исфендіара, попавъ ему въ глазъ, должна была быть спеціально вырѣзана изъ *вяза* [4]). Наканунѣ боя съ Исфендіаромъ Рустемъ самъ изготовилъ эту стрѣлу и, вступая въ бой, наложилъ ее на тетиву и обращается съ молитвой къ божеству [5]).

Подобно этому, по одной былинѣ [6]):

Подъѣзжаетъ Илья, вѣдь, къ кустику ракитову,
Вынимаетъ Ильюнюша ножище да кинжалище,
А вырубилъ онъ стрѣлочку ракитову,
Ай натягивалъ Ильюшенька свой тугой лукъ.
И налагаетъ вѣдь онъ стрѣлочку ракитову,
А самъ онъ ко стрѣлы да приговариватъ...

Слѣдуетъ *наговоръ* на стрѣлу, встрѣчающійся нерѣдко въ былинахъ [7]). Положимъ, что и здѣсь *случайное* сходство; но сейчасъ же можно ука-

---

[1]) *Рыбн.*, I, стр. 56.
[2]) *Рыбн.*, I, стр. 48.
[3]) *Кирѣевскій*, I (III. 1).
[4]) У *Mohl*, IV, стр. 539, дерево называется *тамариксомъ* (tamarix).
[5]) *Mohl*, IV, p. 539, 540 и 544.
[6]) *Гильферд.*, № 56.
[7]) *Наприм.*, *Рыбн.*, I, стр. 63, II, стр. 330. *Кирѣев.*, I, стр. 28, 79. *Гильферд.*, *стр. 301, 988.*

зать еще на другую случайность. Выше мы предположили, что на типъ Соловья, *птицы* рахманной, могъ повліять иранскій Симургъ. И что же? Въ стрѣляніи Рустема специальною стрѣлой въ глазъ врага замѣшанъ Симургъ, но не въ качествѣ врага, а въ качествѣ мудраго совѣтника-помощника. Онъ открываетъ Рустему тайну уязвимости его врага и указываетъ ему, что нужно сдѣлать стрѣлу изъ вяза и пустить ее въ глазъ Исфендіара. И такъ, мы имѣемъ въ русской былинѣ, хотя въ нѣсколько различномъ сочетаніи, слѣдующіе иранскія лица, дѣйствія и предметы:

1) Илья=Рустемъ; 2) Симургъ=Соловей, птица рахманная; 3) ракитовая (вязовая) стрѣла, изготовленная главнымъ богатыремъ (Рустемомъ, Ильей); 4) напутствіе стрѣлы молитвой; 5) стрѣляніе въ глазъ непріятелю. Но такъ какъ въ иранскомъ сказаніи стрѣляніе въ глазъ имѣетъ raison d'être, а въ русскомъ не находитъ никакого объясненія, слѣдуетъ думать, что эта оторванная отъ своего мѣста иранская деталь была въ русскомъ эпосѣ пріурочена не къ надлежащему мѣсту въ силу какой-то ассоціаціи. Это пріуроченіе, кажется, представляетъ глухой отголосокъ смутнаго воспоминанія о томъ, что восточный прототипъ Ильи когда-то кому-то пустилъ вязовую заговоренную стрѣлу въ глазъ, причемъ въ этомъ дѣлѣ была замѣшана какая-то чудовищная птица (Симургъ). «Вѣроятно, чудовищная птица и была этимъ врагомъ, которому въ глазъ была пущена ракитова стрѣла»,—такъ осмыслилъ полузабытый мотивъ какой-нибудь сказитель (русскій или, скорѣе, *не* русскій) и этою неудачною попыткой къ осмысленію объясняется русская былинная комбинація деталей чужеземнаго разсказа.

Переходимъ къ другимъ похожденіямъ Ильи, встрѣченнымъ имъ въ его *поѣздкахъ*.

Былина Рыбникова (IV, № 3), изобилующая собственными именами, неизвѣстными въ другихъ однородныхъ былинахъ [1]), разсказываетъ, что Илья, по выѣздѣ изъ дому, наѣхалъ на первую заставу—40,000 разбойниковъ, а затѣмъ, перебивъ ихъ своимъ шлемомъ,

Пріѣзжаетъ онъ во чисто поле,
Во чистомъ полѣ стоитъ шатеръ,
Недалече отъ бѣла шатра
Стоятъ палаты бѣлокаменны
И во тѣхъ палатахъ бѣлокаменныхъ
Живетъ Паленица удалая.
И у ей кроватка оманслива,
И принимала она каждаго страннаго
Во тѣ палаты бѣлокаменны,
Кормила кушаньями сахарными,
И поила напитками медвяными,
И отводила ихъ во спальну драгоцѣнную,

---

[1]) Такъ, въ ней конь Ильи носитъ названіе *Тучападушко*, камень на ростанѣ—*Сервамюцъ*-камень, королевна колдунья—*Зенира*.

Гдѣ стояла кроватка омансліва,
Просила добрыхъ молодцевъ на кроватку спать.
Впереди проситъ повалиться добрыхъ молодцевъ,
А во слѣдъ ложится красна дѣвица.
А того не знаетъ добрый молодецъ,
Что кроватка есть омансліва,
Который повалится спать на кроватку,
Та кроватка подвернется,
То улетитъ онъ въ погреба глубокіе.
Подъ кроваткой былъ погребъ въ глубину сорока саженъ,
И во этомъ погребѣ было накоплено
Триста *рыцарей*, сильныхъ могучихъ богатырей.

Свою коварную ласку хотѣла колдунья испытать и на Ильѣ Муромцѣ. Она вышла ему на встрѣчу, цѣловала его во уста сахарныя, угощала, поила и затѣмъ пригласила на кроватку омансливу. Но Илья приглашаетъ ее лечь первою и, видя ея колебаніе, схватываетъ ее и бросаетъ на кровать, которая, опрокинувшись, сбрасываетъ колдунью въ погреба глубокіе. За этимъ похожденіемъ слѣдуетъ въ былинѣ встрѣча Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ.

Такимъ образомъ, въ разсматриваемой былинѣ похожденіе Ильи съ коварною дѣвицей включено въ число заставъ, встрѣченныхъ имъ на пути изъ дому въ Кіевъ [1]). Но гораздо чаще это похожденіе соединяется сказителями съ *двумя* другими: встрѣчей съ разбойниками и нахожденіемъ Ильей погреба съ золотою казной, причемъ всѣ три похожденія доказываютъ, что Ильѣ не суждено ни убиту быть, ни богату быть, ни женату быть. Впрочемъ, въ связи съ тѣми или другими эпизодами, похожденіе Ильи съ коварною дѣвицей содержитъ въ былинахъ почти однѣ и тѣ же черты [2]). Нѣкоторыя различія встрѣчаются только въ названіи и обстановкѣ коварной дѣвицы и въ расправѣ съ нею Ильи Муромца. Кромѣ имени Зениры, встрѣчается имя Маринка-королевична [3]), но чаще собственнаго имени нѣтъ и дѣвица называется просто *прекрасною королевичной* [4]). Иногда при ней состоитъ цѣлый штатъ дѣвицъ (40 дѣвицъ или толпа) [5]). Илья предаетъ ее самой лютой казни: либо раздираетъ ее нà полы [6]), либо рѣжетъ на куски [7]), либо разстрѣливаетъ [8]).

Нѣтъ сомнѣнія, что въ былинныя похожденія Ильи Муромца вплелся въ его столкновеніе съ прекрасною королевичной весьма распространенный сказочный мотивъ. Наша королевична живо напоминаетъ кавказскія сказа-

---

[1]) Ср. также былину *Рыбн.*, I, № 11 (стр. 64).
[2]) См. былины *Рыбн.*, I, стр. 64; III, 42. *Кирѣев.*, I, 88. *Гильфердингъ*, столб. 311, 869, 1053, 1203, 1213, 1248, 1257, 1301.
[3]) *Гильфердингъ*, столб. 311.
[4]) Ibid., столб. 1203, 1213, 1248, 1301. *Рыбниковъ*, I, 64; III, 42.
[5]) *Гильфердингъ*, столб. 1203, 1301.
[6]) Ibid., столб. 1249.
[7]) *Ibid.*, столб. 1214.
[8]) *Ibid.*, *столб. 312.*

нія о царицѣ Тамарѣ, заманивавшей молодыхъ витязей въ свой замокъ и затѣмъ ночью сбрасывавшей ихъ трупы въ Терекъ, пражское мѣстное преданіе о княжнѣ Либушѣ и друг. *Подложная* кровать, какъ указываетъ Рамбо, упоминается въ сказкахъ Перро (*Perrault-Contes*: «L'adroite princesse») [1]. Въ сборникѣ нѣмецкихъ пѣсенъ Миттлера,—говоритъ О. Миллеръ,—помѣщены два пересказа пѣсни о *королевѣ*, зазывавшей къ себѣ проѣзжихъ юношей: насладившись съ ними любовью, она ставила ихъ на доску, которая подъ ними проваливалась. Такимъ образомъ погубила она цѣлыхъ девять, но десятый съумѣлъ ея чарамъ противупоставить свои собственныя [2]).

Въ сборникѣ Аѳанасьева (VIII, № 4, стр. 50) одна сказка содержитъ многія черты, тождественныя съ похожденіемъ Ильи съ королевичной. Пріѣзжаетъ Иванъ-царевичъ къ Иринѣ-мягкой перинѣ. Та встрѣчаетъ его, приглашаетъ раздѣться и лечь на пуховикъ: «Ложись къ стѣнкѣ!»—говоритъ она Ивану.—«Я не сплю у стѣнки,—отвѣчаетъ онъ,—а сплю на крайчику». Нужно было ей самой у стѣнки лечь, царевичъ ее подхватилъ подъ середку и прошибъ сквозь полъ, и улетѣла Ирина-мягкая перина въ погребъ, а онъ опустилъ конецъ веревки, вытащилъ своего брата и сказалъ: «Волочите другъ по дружкѣ всѣхъ и отправляйтесь по домамъ». И такъ, въ принадлежности эпизода о встрѣчѣ Ильи съ королевичной къ области *сказокъ* не можетъ быть сомнѣнія и вопросъ сводится лишь къ тому, изъ какихъ ближайшихъ источниковъ этотъ сказочный мотивъ попалъ въ русскія сказки и былины. Мы устраняемъ отъ себя этотъ вопросъ, какъ не входящій непосредственно въ рамки нашего изслѣдованія. Откуда бы ни проникъ разсмотрѣнный эпизодъ въ былины, онъ не вошелъ въ нихъ изъ иранскаго сказанія о Рустемѣ (по крайней мѣрѣ, въ редакціи Фирдоуси), хотя въ похожденіяхъ этого богатыря (а также его alter ego Исфендіара) есть нѣчто подобное, именно встрѣча съ колдуньей. Вотъ главныя черты этого похожденія Рустема по изложенію Фирдоуси. По пути въ Мазендеранъ, Рустемъ прибылъ (послѣ встрѣчи съ дракономъ, составляющей его третью заставу) въ прекрасную мѣстность и увидѣлъ на берегу ручья приготовленное кѣмъ-то угощеніе: кубокъ съ виномъ, зажареннаго *аргали*, хлѣбъ и сласти. Это была трапеза чародѣевъ, исчезнувшихъ при приближеніи героя. Рустемъ сѣлъ за угощеніе, налилъ кубокъ и сталъ играть на найденной тутъ же лирѣ, воспѣвая свои подвиги. На его пѣніе подошла къ нему необыкновенная красавица и сѣла съ нимъ за трапезу. Онъ протянулъ ей кубокъ вина, произнеся при этомъ имя Бога. Тогда она вдругъ почернѣла и Рустемъ, догадавшись, что передъ нимъ колдунья, накинулъ ей петлю аркана на шею. Онъ заставилъ ее принять ея настоящій видъ и она превратилась въ дряхлую, отвратительную старуху. Тогда онъ разрубилъ ее на̀ полы [3]).

---

1) *Rambaud*: „Russie epique", p. 62.
2) *О. Миллеръ*: „Илья Муромецъ", стр. 777.
3) *Mohl*, I, p. 414.

Исфендіаръ относительно колдуньи, которую встрѣчаетъ, находится въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ Рустемъ. Онъ знаетъ уже чрезъ Кергсара, сопровождающаго его, о предстоящей ему встрѣчѣ и принимаетъ свои мѣры. Онъ нарядился, какъ на пиръ, взялъ золотую чашу и гитару, сѣлъ въ прекрасной мѣстности на берегу ручья и сталъ изливать свою любовную тоску. Волшебница въ видѣ прелестной дѣвы подошла къ нему и онъ подалъ ей кубокъ вина. Затѣмъ онъ накинулъ на нее священную цѣпь Зердушта и она должна была принять свой настоящій видъ, послѣ чего была убита ударомъ меча [1]).

Изъ этого изложенія содержанія эпизода о встрѣчѣ Рустема и Исфендіара съ колдуньей видно, что иранское сказаніе сходно съ нашимъ только въ *главныхъ* чертахъ, а не въ деталяхъ, такъ что мы не имѣемъ права считать похожденіе Рустема (Исфендіара) съ волшебницей прототипомъ похожденія Ильи съ прекрасною королевичной. Однако, все-таки, мы полагаемъ, что между иранскимъ и русскимъ сюжетомъ есть какое-то отношеніе. Едва ли случайны слѣдующія совпаденія:

1) Похожденіе съ колдуньей, губящей людей чарами своей красоты, приписывается въ обоихъ эпосахъ главному національному герою.

2) Это похожденіе входитъ въ число тѣхъ *заставъ*, которыя они встрѣчаютъ на своемъ пути. Для Рустема и Исфендіара эта встрѣча составляетъ четвертую заставу. Илья въ былинѣ Рыбникова (IV, № 3) встрѣчаетъ королевичну послѣ *разбойниковъ* и раньше похожденія съ Соловьемъ. Въ былинахъ о трехъ поѣздкахъ встрѣча съ королевичной составляетъ *одну* изъ трехъ поѣздокъ, причемъ нерѣдко у сказителей проскальзываетъ еще та черта, что Илья, убивъ королевичну, *очистилъ этимъ дорогу прямоѣзжую*, подобно тому, какъ Рустемъ очистилъ отъ волшебницы дорогу въ Мазендеранъ. Такъ, самъ Илья, послѣ похожденія съ королевичной,

Обращается ко камешку ко латырю,
И на камешки подпись подписывалъ:
И что ли очищена тая дорожка прямоѣздная" [2]).

Въ одной былинѣ (Паромскаго старика) даже указывается направленіе очищенной дороги:

И та была дорожка прочищена,
Отъ стольнаго Кіева лежитъ ко Царю граду [3]).

Въ виду этого соотвѣтствія между иранскимъ и русскимъ сюжетомъ въ *лицѣ героя* похожденія (Илья=Рустемъ=Исфендіаръ) и въ мѣстѣ, занимаемомъ похожденіемъ въ числѣ прочихъ *заставъ*, мы рѣшаемся предложить слѣдующее объясненіе указаннаго соотвѣтствія. Намъ кажется, что *какое-то* похожденіе Ильи съ коварною волшебницей, кончавшееся ея убіеніемъ, входило весьма рано въ планъ былиннаго разсказа о встрѣченныхъ имъ

---

1) *Mohl*, IV, p. 407.

2) *Гильфердингъ*, стр. 868. Сравн. также столб. 1054, 1213, 1248, 1301.

3) *О.* Миллеръ (стр. 774) подозрѣвалъ въ этомъ географическомъ указаніи какой-то *отзвукъ былинъ про Идолища* и цареградскаго князя.

заставахъ и было занесено въ русскій эпосъ изъ того же источника, откуда проникли въ него другіе отголоски иранскихъ сказаній. Но этотъ древній, предполагаемый мною изводъ сказанія, вѣроятно, болѣе близкій къ иранскому, подвергся передѣлкѣ подъ вліяніемъ аналогическаго сказанія о прекрасной королевичнѣ (вродѣ Тамары), отправлявшей увлекавшихся ею витязей въ подземелье посредствомъ подложной кровати. Послѣднее сказаніе, какъ болѣе пикантное и интересное, замѣнило первое, пріурочившись, однако, къ тому же національному богатырю. Но слѣдъ перваго сказанія, смѣненнаго новымъ, еще сохраняется въ томъ, что и новое въ нѣкоторыхъ былинахъ входитъ въ число *заставъ* или подвиговъ, совершонныхъ богатыремъ для очищенія дороги прямоѣзжей на почвѣ Россіи, т.-е. получаетъ какой-то quasi-историческій характеръ, который былъ, конечно, сначала чуждъ безпочвенному сюжету о прекрасной королевичнѣ, какъ онъ чуждъ, напримѣръ, похожденію сказочнаго Ивана-царевича съ Ириной-мягкою периной. Въ пользу нашей догадки можно привести слѣдующее соображеніе.

Похожденіе Ильи съ прекрасною королевичной въ настоящее время составляетъ бо́льшею частью одинъ изъ эпизодовъ (именно средній) трехъ его встрѣчъ или поѣздокъ, помѣщаясь между *разбойниками* и *нахожденіемъ клада*. Такимъ образомъ достигается любимое эпическое число 3 и редакція былинъ этого типа представляетъ какъ бы законченное цѣлое, въ которомъ три части иллюстрируютъ предопредѣленное Ильѣ судьбою—не быть убиту, женату и богату. Такое построеніе былины сложилось, конечно, не безъ вліянія сказокъ, въ которыхъ рѳзстань съ тремя дорогами и надписью составляетъ весьма избитый мотивъ. Мы видѣли, однако, что встрѣча съ разбойниками составляетъ также одну изъ встрѣчъ Ильи по пути изъ дому въ Кіевъ и что въ одной былинѣ (*Рыбн.*, IV, № 3) въ ту же редакцію входитъ и встрѣча съ коварною дѣвицей. Это наводитъ насъ на мысль, что редакція былины *о трехъ поѣздкахъ*, вѣроятно, сложилась сравнительно поздно, подъ вліяніемъ сказокъ, и что средній ея эпизодъ, встрѣча съ королевичной, былъ передѣлкой какого-то другого, подобнаго, занимавшаго мѣсто среди похожденій Ильи на пути въ Кіевъ. Подтвержденіемъ этому какъ будто служитъ то, что и до сихъ поръ въ былинахъ послѣдняго типа Илья также встрѣчается враждебно съ коварною дѣвицей, которая является *дочерью* Соловья-разбойника и носитъ разныя названія (Марья, Настастья, Пелька). Глухое воспоминаніе о ея чародѣйскихъ свойствахъ, быть можетъ, сохраняется въ томъ, что въ одной былинѣ она прямо называется Еленой-волшебницей [1]). Она женщина коварная, такъ какъ задумываетъ убить Илью изподтишка подворотней [2]). Въ былинѣ Гильфердинга № 104, гдѣ, вмѣсто одной, *всѣ* дочери Соловья отличаются

---

[1]) *Гильфердингъ*, № 210, столб. 989.

[2]) *Гильфердингъ*, № 66, столб. 210. *Кир.*, I (III, 1). *Рыбн.*, I, № 9; III, №№ 4 и 5; IV, 2.

коварствомъ, онѣ зазываютъ его въ гости такъ же, какъ королевична приглашала Илью въ свои палаты:

И скоренько онѣ одѣвали свою одежду хорошую,
Выходили на широкъ дворъ,
Отпирали свои ворота крѣпкія на стежо
И поднимали подворотню на цѣпяхъ
Да въ восемьдесятъ пудовъ,
И просили Илью во почестное гостбище...

Но подобно тому, какъ въ былинахъ о трехъ поѣздкахъ Илья догадывается о свойствѣ оманслнвой кровати, такъ и здѣсь:

Илья Муромецъ глянулъ на нихъ широки ворота
И видѣ Илья Муромецъ—есть фальша великая [1]).

Такимъ образомъ, чувствуется какое-то сходство въ типѣ *королевичны* и дочери Соловья-разбойника: онѣ обѣ коварны, обѣ пытаются хитростью убить Илью, и, притомъ, въ своемъ домѣ, обѣ подвергаются заслуженному наказанію. Это даетъ намъ нѣкоторое основаніе для предположенія, что королевична, какъ и Елена-волшебница, представляетъ позднѣйшую замѣну какой-то коварной волшебницы, которую Илья встрѣчалъ, какъ одну изъ заставъ, на своемъ пути къ князю Владиміру, подобно тому, какъ Рустемъ встрѣтилъ волшебницу на пути къ царю Кейкаусу въ числѣ другихъ *заставъ*.

Чтобы резюмировать нашъ разборъ былинъ о поѣздкѣ Ильи Муромца въ Кіевъ и о его трехъ поѣздкахъ, мы напомнимъ, что основною нашею мыслью было сопоставленіе этой части похожденій Ильи съ заставами, встрѣченными Рустемомъ на пути изъ родительскаго дома въ Мазендеранъ къ пребывавшему тамъ въ то время царю Кейкаусу. Основаніемъ къ сопоставленію было отмѣченное нами сходство, главнымъ образомъ, въ планѣ иранскаго и русскаго разсказа и совпаденіе *нѣкоторыхъ* заставъ, какъ *горы*, *рѣка*, чудовищная птица, можетъ быть, чудовищное человѣкообразное существо (Соловей и дивъ) и коварная женщина. Мы не увѣрены въ соотвѣтствіи *нѣкоторыхъ* приведенныхъ нами иранскихъ эпизодовъ *Рустеміады* съ русскими былинными, но все же думаемъ, что въ главныхъ чертахъ наше сопоставленіе *плановъ* иранскаго и русскаго разсказа нами достаточно обосновано, а это пока все, что мы сами считаемъ вѣроятнымъ. Если изъ нашего сопоставленія въ читателѣ возникла мысль, что въ разсмотрѣнной части похожденій Ильи Муромца звучатъ кое-какіе отголоски *Рустеміады* (и *Исфендіаріады*), то наша цѣль достигнута, хотя бы нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ совпаденій и оказались случайными.

Мы не будемъ подробно разбирать былинъ о прочихъ подвигахъ Ильи Муромца, такъ какъ не имѣемъ основанія видѣть въ нихъ отраженіе какихъ-нибудь иранскихъ сюжетовъ. Но, припоминая, какъ *подвижны* въ нашемъ эпосѣ отдѣльные мотивы, какъ легко, отторгнутые отъ разныхъ

[1]) *Гильфердингъ, столб. 599.*

сюжетовъ мотивы по закону психологической аналогіи, вплетаются въ одинъ разсказъ, мы отмѣтимъ въ разныхъ былинахъ объ Ильѣ нѣкоторые мотивы, сходные съ иранскими, причемъ убѣжденіе, дѣйствительно ли они иранскаго происхожденія или только случайно сходны съ иранскими, сложится само собою.

Нѣкоторые отдѣльные мотивы, сходные съ иранскими, находимъ въ многочисленныхъ былинахъ, описывающихъ нашествіе на Кіевъ царя Калина (Галина, Каина), Батыги, Мамая и др. Отсылая къ разбору этихъ былинъ А. Н. Веселовскаго [1]) и М. Халанскаго [2]), мы напомнимъ, что уже раньше указали на нѣкоторые былинные мотивы, сходные съ иранскими [3]). Какъ Рустемъ въ столкновеніи съ предводителемъ туранцевъ Калуномъ схватытаетъ турка и побиваетъ имъ непріятелей, такъ Илья, связанный, по приказу Калина, чембурами, разрываетъ ихъ, схватываетъ татарина и прокладываетъ, размахивая имъ, себѣ дорогу въ непріятельскомъ войскѣ. Но есть въ названныхъ былинахъ и другія черты, напоминающія иранскія. Такъ, въ нѣкоторыхъ пересказахъ сообщается, что раньше приступа Калина Илья былъ засаженъ Владиміромъ, вслѣдствіе поклепа, въ глубокій погребъ, гдѣ просидѣлъ три года [4]). Когда же приступилъ Калинъ съ несмѣтною силой, то Владиміръ вспомнилъ объ Ильѣ, узналъ, что онъ живъ, и вымолилъ у него прощенье. Мы уже сопоставили это обращеніе Владиміра съ главнымъ русскимъ богатыремъ съ угрозой Кейкауса повѣсить Рустема и послѣдовавшимъ затѣмъ раскаяніемъ иранскаго царя. Но еще больше сходства представляетъ поступокъ царя Гуштаспа съ Исфендіаромъ. Послѣдняго, по наговору, царь засаживаетъ скованнаго въ зaмокъ, гдѣ богатырь просидѣлъ до того времени, когда государству угрожала страшная опасность отъ туранскаго царя. Гуштаспъ, видя бѣду неминучую, посылаетъ освободить Исфендіара и ищетъ съ нимъ примиренія. Мотивъ засаживанья богатыря несправедливымъ властителемъ въ темницу и затѣмъ выпущенія его въ минуту крайней опасности—мотивъ довольно распространенный. О. Миллеръ указалъ на сходное положеніе Марка Кралевича, засаженнаго въ тюрьму по приказу султана [5]), В. В. Стасовъ—на телеутскаго богатыря Шеню и киргизскаго Суну, сидящихъ въ ямахъ по навѣту родственниковъ или придворныхъ и затѣмъ выпускаемыхъ на свободу и спасающихъ отечество; Рамбо привелъ въ параллель съ разсказомъ о заключеніи Муромца легенду объ Ожье, посаженномъ въ темницу Карломъ Великимъ [6]). Въ послѣднемъ сказаніи любопытна та черта, что Ожье во время заключенія кормили архіепископъ Турпинъ и сама императрица. Подобную черту находимъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ былинахъ.

---

1) *Южнорусск. былины*, V.
2) *Великорусскія былины*, гл. IX.
3) См. *Экскурсъ* III, стр. 76.
4) *Гильфердингъ*, 304. *Рыбн.*, III, стр. 208.
5) *Илья Муромецъ*, стр. 675.
6) *La Russie épique*, p. 59.

А у князя-то, вѣдь, дочка-то малешенька,
А малешенька-то дочка молодёшенька,
Во-потай берѐ ключи у своей матери
А отъ тыхъ ли-то отъ пóгребовъ глубокiихъ;
Составляетъ она хлѣбъ да Ильѣ Муромцу [1]).

Въ другой былинѣ, вмѣсто дочери, кормитъ Илью княгиня Апраксія [2]), почему-то названная *вдовицей* (слѣдовательно, не представлявшаяся сказителю женой князя Владиміра):

Какъ узнала про это честная вдовица княгиня Апраксія,
Что посаженъ Илья Муромецъ да во глубокъ погребъ,
Она сдѣлала подкопь ту тайную,
Да во тотъ ли погреба глубокіе,
Кормила-поила Илью ровно сорокъ дней.

Нельзя ли видѣть въ этой чертѣ отголосокъ сказанія о царской дочери Менижэ, кормившей засаженнаго въ яму иранскаго богатыря Бижена? Этотъ вплетенный въ сказанія о Рустемѣ поэтическій эпизодъ о любви Менижэ къ Бижену [3]) не менѣе популяренъ на Кавказѣ, чѣмъ сказанія о Рустемѣ и Зорабѣ, и немудрено, что отголоски его могли проникнуть и дальше, за предѣлы Кавказа. Въ самомъ дѣлѣ, кормленіе Ильи Муромца дочерью Владиміра представляется какою-то случайною, мало мотивированною деталью, тѣмъ болѣе случайною, что объ этой княжнѣ ничего другого не знаетъ нашъ эпосъ и нарушеніе ею воли отца не объясняется никакими близкими ея отношеніями къ старому казаку Ильѣ Муромцу. Въ иранскомъ же сказаніи Менижэ кормитъ Бижена, какъ своего мужа, котораго она себѣ избрала противъ воли жестокаго отца. Въ виду того, что въ похожденіи Бижена главная роль принадлежитъ Рустему, можно себѣ представить, что черта кормленія засаженнаго въ погребъ богатыря царскою дочерью, какъ входившая въ циклъ сказаній о Рустемѣ, была отторгнута отъ надлежащаго мѣста и перенесена въ нашей былинѣ на нашего Рустема-Илью, посаженнаго въ погребъ несправедливымъ властителемъ.

Такой же, повидимому, оторванный иранскій лоскутъ, въ видѣ трехъ подкоповъ, сдѣланныхъ татарами, чтобы погубить Илью, пришитъ въ нѣкоторыя былины о нашествіи Калина (Батыя и т. п.).

Въ былинѣ о Батыѣ Батыевичѣ конь предупреждаетъ Илью:

„Ужь ты старъ казакъ Илья Муромецъ!
Есть у татаръ въ полѣ накопаны рвы глубокіе,
Поватыканы въ нихъ копья мурзамецкія,
Копья мурзамецкія, сабли вострыя:
Изъ перваго подкопа я выскочу,
Изъ другого подкопа я выскочу,
А въ третьемъ останемся ты и я“ [4]).

---

1) *Гильфердингъ*, № 57, столб. 304. Срав. *Рыбн.*, III, № 35.

2) *Гильфердингъ*, № 257, 206.

3) См. о распространенности этого иранскаго разсказа на Кавказѣ въ статьѣ: *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. Этнограф. Обозрѣніе,* кн. II, стр. 21 и слѣд.

4) *Кирѣев.*, IV, стр. 45, сравн. *Рыбник.*, III, стр. 211 и 219. *Гильфердингъ, столб. 308, 1298. Болѣе подробное* описаніе тамъ же, столб. 453—54. Подкопы встрѣ-

Въ былинѣ Гильфердинга № 296 устройство подкоповъ мотивировано тѣмъ, что Калину пришлось плохо отъ Ильи.

Разсерчалъ Илья Муромецъ,
Да заѣхалъ-то въ рать силу великую,
Да вынимае старикъ шалыгу подорожную,
Да и началъ шалыгою помахивать.
Да куда-то махнетъ—да какъ улица,
Да куда й отмахнетъ—переулочекъ.
Да скричалъ-то царь (Калинъ) громкимъ голосомъ:
„Ужь ты старый казакъ да Илья Муромецъ!
Да отсрочь-ко ты времени трои суточки!“
Говоритъ-то старикъ да Илья Муромецъ:
— Да не дамъ-то тебѣ да нисколешенько.
„Да отсрочь-ко ты мнѣ хоть на суточки“.
Да дозволилъ Илья да какъ на суточки.
Да де въ эту пору, въ это времечко
Да копали-то копи глубокія,
Да спущали телѣги ордынскія,
Становили-то копья мурзамецкія,
Зарывали песочками желтыми [1]).

Далѣе слѣдуетъ, какъ и въ другихъ былинахъ, предостереженіе Ильи конемъ, несмотря на которое богатырь направляетъ коня къ подкопамъ и падаетъ въ третій. Татары схватываютъ Илью, оставшагося, повидимому, невредимымъ, несмотря на копья мурзамецкія, и приводятъ его связаннаго къ Калину. Тотъ велитъ его казнить, но богатырь, вырвавшись, избиваетъ татаръ и расправляется съ самимъ Калиномъ.

Коварному Калину соотвѣтствуетъ въ *Рустеміадѣ* царь Кабула, на дочери котораго былъ женатъ сводный братъ Рустема, Шехадъ. Чтобы освободиться отъ дани, платимой имъ Рустему, царь Кабула по соглашенію съ Шехадомъ рѣшается завлечь богатыря въ свои владѣнія, чтобы его умертвить. Онъ приказалъ нарыть въ одной долинѣ ямъ и утыкать ихъ дно копьями и мечами. Затѣмъ пригласилъ Рустема на охоту и завлекъ его въ эту долину.

У Рахша было чутье опасности: онъ упрямится, бьетъ землю копытомъ и хочетъ пройти осторожно между двухъ скрытыхъ ямъ. Но ослѣпленный рокомъ Рустемъ, разсердившись на коня, ударяетъ его плетью и тотъ, сдѣлавъ скачокъ въ сторону, падаетъ со всадникомъ въ подкопъ. Пронзенный копьями богатырь еще успѣваетъ выбраться изо рва и убить коварнаго измѣнника Шехада [2]).

И такъ, какъ въ нашихъ былинахъ, такъ и въ *Рустеміадѣ, конь* предчувствуетъ грозящую хозяину бѣду, но всадникъ, разгнѣвавшись на коня,

---

чаются и въ былинѣ о „Даниле Игнатьевичѣ“ (*Гильферд.*, № 192, столб. 929, и *Кирѣев.*, III, стр. 48), и въ побывальщинѣ XVIII в. о Михаилѣ Даниловичѣ; см. *Веселовскій*: „Южнорусскія былины“, I, стр. 24.

[1]) *Гильфердингъ*, столб. 1270—71.

[2]) *Mohl*, IV, pp. 573—578.

бьетъ его плеткой [1]) или укоряетъ его и попадаетъ въ подкопъ. Рустемъ умираетъ пронзенный копьями, а нашъ Илья остается невредимъ и только попадаетъ въ плѣнъ къ Калину. Сравнивая иранскій и русскій мотивы, не трудно догадаться, который изъ нихъ служилъ прототипомъ другому. Рустему, какъ великому богатырю, не суждена смерть въ бою, такъ какъ никто не можетъ его одолѣть. Его можно убить только коварствомъ, и къ этому прибѣгаетъ властитель Кабула, выкопавъ предательскія ямы съ рогатинами. Естественно, что такое средство достигаетъ своей цѣли, и герой оканчиваетъ свое существованіе, отомщая передъ смертью измѣннику (Шехаду). Въ русскихъ же былинахъ подкопы татарскіе, въ сущности, не достигаютъ своей цѣли, и въ этомъ, конечно, слѣдуетъ видѣть передѣлку чужого эпическаго мотива. Русскій сказитель не могъ допустить мысли, что Илья погибнетъ отъ татаръ, и, насловивъ на своего національнаго богатыря мотивъ изъ *Рустеміады*, пріуроченный тамъ къ Рустему, онъ измѣнилъ его окончаніе. Страшныя копья мурзамецкія, которыя, казалось бы, должны были пронзить Илью, оказались страннымъ образомъ недѣйствительными и богатырь остается цѣлъ и невредимъ, только попадаетъ въ плѣнъ къ татарамъ, успѣвшимъ, пользуясь его паденіемъ, наложить на него оковы. Далѣе въ иранскомъ сказаніи ямы съ копьями являются *единственнымъ* средствомъ, при помощи котораго можно погубить великаго богатыря. Въ нашихъ былинахъ эта мысль не достаточно подчеркнута. Только въ одной мы находимъ нѣкоторую мотивировку копанію ямъ татарами, именно въ томъ, что Калину приходилось плохо отъ Ильи. Во всѣхъ же другихъ пересказахъ копаніе ямъ татарами является ex abrupto, безъ достаточнаго основанія, такъ какъ Калинъ вовсе не доведенъ до крайности и успѣхъ пока еще на его сторонѣ.

Въ виду этого, мы позволяемъ себѣ видѣть въ подкопахъ, угрожающихъ Ильѣ, мотивъ изъ *Рустеміады*, нѣсколько передѣланный, и не совсѣмъ удачно, за предѣлами Ирана.

---

[1]) *Наприм., Гильфердингъ, столб.* 453. *Рыбник.* III, стр. 219.

V.

Бой отца съ сыномъ.

Древній, широко распространенный на Западѣ и Востокѣ сюжетъ о трагическомъ столкновеніи отца съ сыномъ нигдѣ не подвергся такой детальной и высоко-художественной обработкѣ, какъ подъ *каламомъ* великаго тусскаго поэта. Бой Рустема съ сыномъ составляетъ одинъ изъ популярнѣйшихъ эпизодовъ *Рустеміады*, вышедшихъ далеко за предѣлы Ирана, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ получилъ глубоко-національную окраску, какъ одинъ изъ эпизодовъ великой борьбы Ирана съ Тураномъ. Обстоятельная обработка біографіи Сохраба отъ колыбели до могилы, которую мы находимъ у Фирдоуси, въ связи съ перипетіями національной войны Ирана съ Тураномъ, доказываетъ, что тусскій поэтъ располагалъ богатымъ матеріаломъ, частью собраннымъ, вѣроятно, его предшественниками въ поэтической обработкѣ народныхъ иранскихъ сказаній, частью слышаннымъ и записаннымъ имъ самимъ. По всему замѣтно, что этотъ высокотрагическій сюжетъ былъ тѣсно связанъ съ именемъ національнаго богатыря, такъ что имя Рустема само собою вызывало представленіе о его богатырскомъ, убитомъ имъ сынѣ. Такъ и на Кавказѣ, куда проникли отголоски иранскаго эпоса, мы находимъ *именно* этотъ эпизодъ *Рустеміады* еще доселѣ въ народныхъ сказаніяхъ грузинъ, имеретинъ, сванетовъ, пшавовъ, осетинъ, и можно думать, что варіанты его окажутся еще въ большемъ количествѣ при дальнѣйшемъ изученіи кавказскихъ народныхъ сказаній.

Какъ бы ни были искажены и скомканы эти кавказскіе отголоски *Рустеміады*, они доселѣ сохраняютъ имена иранскихъ лицъ (Ростомъ, Зорабъ, Кекевозъ=Кейкаусъ) и потому, конечно, не могутъ быть заподозрѣны въ самостоятельномъ происхожденіи. Гораздо труднѣе уяснить происхожденіе такихъ внѣиранскихъ версій того же сюжета, въ которыхъ мы не находимъ иранскихъ именъ и даже встрѣчаемъ національную окраску, наложенную иногда довольно густымъ слоемъ. Таковы, напримѣръ, разсказы киргизскій, русскій, эстонскій, не говоря уже о нѣкоторыхъ западно-европейскихъ (германскихъ и кельтскомъ). Только детальное изученіе и сопостав-

леніе этихъ версій съ иранской можетъ привести къ болѣе или менѣе вѣроятнымъ заключеніямъ.

Имѣя въ виду въ дальнѣйшемъ уяснить отношеніе русскихъ былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ къ восточнымъ однороднымъ сказаніямъ, я считаю необходимымъ сначала припомнить въ главныхъ чертахъ содержаніе иранской редакціи боя Рустема съ Сохрабомъ въ изложеніи поэта Фирдоуси и извлечь изъ нея схему, которую буду имѣть впослѣдствіи въ виду при детальныхъ сопоставленіяхъ и сравненіяхъ.

I. *Происхожденіе богатырскаго сына.*

Однажды Рустемъ отправился охотиться въ предѣлахъ Турана и расположился на отдыхъ близъ города Семенгана. По обыкновенію, онъ отпустилъ коня Рахша пастись въ лугахъ, а самъ, съѣвъ цѣлаго онагра, заснулъ богатырскимъ сномъ. Случайно нѣсколько тюркскихъ всадниковъ увидали коня Рустемова, бросились его ловить и увели съ собою на арканѣ. Проснувшись и не найдя своего коня, Рустемъ идетъ его искать и приходитъ въ городъ Семенганъ. Царь, узнавъ Рустема, спрашиваетъ его, отчего онъ не на конѣ. Рустемъ разсказываетъ о пропажѣ Рахша и проситъ царя отыскать ему коня, однако, подъ угрозой снести головы его богатырямъ, если конь не будетъ найденъ. Царь обѣщаетъ отыскать коня и приглашаетъ Рустема въ свой дворецъ. Дочь семенганскаго царя, красавица Техмимэ, узнавъ о приходѣ Рустема, изъ желанія имѣть отъ него сына, приходитъ къ нему ночью, чтобы склонить его на бракъ, и достигаетъ своей цѣли, причемъ, по словамъ Фирдоуси, этотъ бракъ былъ освященъ мобедами (жрецами). Проведя одну ночь съ царевной и получивъ обратно коня, Рустемъ уѣзжаетъ въ свою область, покинувъ Техмимэ.

Прежде чѣмъ пойти дальше, считаю нужнымъ отмѣтить отношеніе Техминэ къ Рустему. Въ поэтическомъ разсказѣ Фирдоуси о семенганской царевнѣ, влюбившейся въ Рустема заочно, благодаря его громкой славѣ, и пожертвовавшей любви дѣвичьей скромностью, чувствуется желаніе замаскировать болѣе грубыя черты народныхъ сказаній. Поступокъ Техмимэ получаетъ романтическій колоритъ, котораго, конечно, не было въ примитивныхъ народныхъ версіяхъ этого сюжета. Связь національнаго богатыря съ иноземкой, на чужой сторонѣ, является неестественной и потому влечетъ за собой роковыя послѣдствія (столкновеніе отца съ сыномъ).

Естественно, что виновница этой связи въ народныхъ, не подправленныхъ рукой поэта, версіяхъ должна являться личностью далеко не столь идеальною, какой изображена Техмимэ. Въ какомъ родѣ могла быть эта иноземка, видно изъ одного очень древняго и, быть можетъ, также иранскаго варіанта того же сюжета, который мы находимъ у Геродота. Я имѣю въ виду общеизвѣстный, но, насколько знаю, еще не сопоставленный съ иранскимъ разсказъ Геродота о похожденіи Геракла въ Скиѳіи, въ области Гилеѣ, на нижнемъ теченіи Днѣпра.

Гераклъ прибылъ въ одно изъ своихъ путешествій въ Скиѳію, еще не-

обитаемую, и *заснулъ*, закутавшись въ львиную шкуру (срав. персидскаго Геракла—Рустема, спящаго въ уединенномъ мѣстѣ и окутаннаго своею *леопардовою* шкурой). Во время сна какимъ-то чудомъ исчезли его *кони*. Проснувшись, Гераклъ пустился на поиски, обошелъ всю страну, пока не прибылъ въ землю, называемую Гилеей (лѣсной). Здѣсь въ пещерѣ нашелъ онъ странное существо—на половину *дѣвушку*, на половину змѣю. Оказалось, что эта дѣвица задержала коней Геракла и согласилась отдать ихъ ему лишь подъ условіемъ, чтобы онъ произвелъ съ ней потомство. Отъ связи Геракла съ дѣвушкой-эхидной произошли родоначальники трехъ народовъ—агаѳирсовъ, гелоновъ и скиѳовъ. Только младшій сынъ Скиѳъ былъ въ состояніи натянуть оставленный отцомъ лукъ и опоясаться его поясомъ, потому онъ и остался въ странѣ; двое же старшіе—Гелонъ и Агаѳирсъ—не могли исполнить заданной задачи и были матерью изгнаны зъ страны. Отъ Скиѳа произошла царская династія въ Скиѳіи [1]).

Хотя это преданіе о происхожденіи скиѳовъ было разсказано Геродоту понтійскими греками, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что греки только эллинизировали скиѳское преданіе, подставивъ своего Геракла на мѣсто соотвѣтствующаго скиѳскаго божественнаго героя. Дѣвицѣ-змѣѣ соотвѣтствуетъ въ другой версіи того же преданія [2]) нимфа, дочь олицетворенной рѣки Борисѳена (Днѣпра), отъ связи которой съ Зевсомъ (очевидно, греческой перелицовкой скиѳскаго бога) родится родоначальникъ скиѳовъ Таргитай. Подобно тому, какъ Рустемъ, исполнивъ желаніе Техмимэ, покидаетъ ее, оставивъ *ониксъ* для будущаго сына, такъ Гераклъ покидаетъ дѣвушку-эхидну, оставивъ свой лукъ для испытанія силы будущихъ сыновей. Различіе между обоими *иранскими* [3]) преданіями заключается въ томъ, что скиѳское пріурочено къ генеалогіи трехъ народовъ и получило потому искусственный характеръ, персидское же (у Фирдоуси) сохранило въ большей степени черты непосредственности народныхъ сказаній. Съ другой стороны, въ образѣ дѣвицы-змѣи, живущей въ горной пещерѣ и вынуждающей Геракла произвести съ ней потомство, чувствуется, однако, больше эпической примитивной грубости, чѣмъ въ царевнѣ Техмимэ, какою она представляется въ изящномъ изображеніи тусскаго поэта, хотя и онъ не затушевалъ той эпической черты, что Техмимэ прямо заявляетъ, что желала бы быть женой Рустема, чтобы имѣть отъ него богатырское потомство. Въ нашихъ былинахъ, какъ увидимъ ниже, баба Горынинка, вступающая въ связь съ Ильей, по грубости также больше напоминаетъ дѣвицу-змѣю скиѳскаго преданія, чѣмъ царевну Техмимэ [4]). Она напоминаетъ

---

[1]) *Геродотъ*, IV, гл. 10.

[2]) *Геродотъ*, IV, гл. 5.

[3]) Называемъ это преданіе скиѳовъ-земледѣльцевъ, осѣдлыхъ, иранскимъ въ виду того, что иранство этого племени понтійскихъ скиѳовъ можетъ считаться почти доказаннымъ. См. *Осет. этюды*, III, стр. 117—136.

[4]) Кстати отмѣтимъ, что *имя* семенганской царевны не соотвѣтствуетъ той роли, которую она играетъ у Фирдоуси, а скорѣе прилично богатыршѣ, вродѣ Хатагор

первую еще въ слѣдующемъ. Вспомнимъ, что эпитетъ *горыничъ* принадлежитъ змѣю, что въ одной (Рыбниковской) былинѣ сынъ ея, вызывающій Илью, возитъ съ собой какую-то *змѣю горынскую*, вспомнимъ, что сказочныя дѣвицы часто находятся въ связи съ змѣями (Марина и Тугаринъ Змѣевичъ и мн. др.), и мы найдемъ, что баба Горынична (Латыгорка, Семигорка и пр.) весьма близка къ дѣвицѣ-змѣѣ у Геродота.

Послѣ этого небольшаго отступленія по поводу Техмимэ возвращаюсь къ передачѣ дальнѣйшаго содержанія разсказа Фирдоуси о происхожденіи Сохраба. Покидая Техмимэ, Рустемъ вручаетъ ей драгоцѣнныйониксъ съ приказаніемъ въ случаѣ рожденія дочери прикрѣпить его ей къ волосамъ, въ случаѣ же рожденія сына привязать ему его къ рукѣ. Затѣмъ Рустемъ уѣзжаетъ изъ Семенгана въ свою область, скрывъ отъ всѣхъ свое семенганское любовное приключеніе. Въ надлежащее время у покинутой Техмимэ родится богатырскій сынъ необыкновенныхъ размѣровъ. Десяти лѣтъ онъ уже такъ силенъ, что никто въ его странѣ не дерзаетъ съ нимъ бороться [1]). Десятилѣтній Сохрабъ идетъ къ матери и требуетъ, чтобъ она открыла ему имя его отца, сопровождая требованіе угрозой ее убить («если ты откажешься отвѣчать на этотъ вопросъ, я не оставлю тебя въ живыхъ между великими земли») [2]). Мать открываетъ сыну имя его отца, но совѣтуетъ ему скрыть свое происхожденіе, чтобы о немъ не узналъ туранскій царь Афрасіабъ, смертельный врагъ Рустема. Сынъ рѣшаетъ собрать войско, идти въ Иранъ, свергнуть съ престола царя Кауса, убить его пехлевановъ и отдать престолъ своему отцу, а затѣмъ свергнуть и туранскаго царя, чтобы посадить на его престолъ свою мать. Готовясь къ предпріятію, Сохрабъ, подобно Рустему, осматриваетъ табуны, выбираетъ коня наложеніемъ ему руки на спину и останавливается на *жеребенкѣ* изъ породы Рахша.

II. *Похожденія сына до встрѣчи съ отцомъ.*

Эта часть разсказа Фирдоуси вводитъ насъ въ чисто-иранскіе интересы, въ борьбу Ирана съ Тураномъ, и потому нельзя ожидать, чтобъ этотъ отдѣлъ *Рустеміады* далъ яркіе отголоски въ народныхъ иноземныхъ сказаніяхъ.

ки. Имя Техмимэ (въ лексиконѣ Вуллерса Техминэ), очевидно, происходитъ отъ слова *техм—сильный*, *богатырскій* (авестійск. тахма—сильный, быстрый). Обычный эпитетъ Рустема техемтенъ—*крѣпкотѣлый*—происходитъ отъ того же слова, сложеннаго съ *тен*—тѣло. Не было ли въ Иранѣ такихъ варіантовъ сказанія о Техмимэ, въ которыхъ она оправдывала на дѣлѣ свое богатырское имя?

[1]) *Mohl*, II, стр. 64. Фирдоуси не даетъ подробностей о силѣ Сохраба и, изъ желанія облагородить героя, не говоритъ о тѣхъ *богатырскихъ* шуточкахъ, въ которыхъ проявлялась весьма грубо его непомѣрная сила. Однако, кавказскіе отголоски *Рустеміады* показываютъ, что народныя сказанія содержали тотъ мотивъ, что Сохрабъ такъ же *шутилъ* со своими сверстниками, какъ Василій Буслаевъ, Подсокольникъ (*Ефименко*, № VII), *Константинъ* (*Кирѣев.*, III, № 2, стр. 117) и друг.

[2]) *Mohl, ibid.*

Узнавъ о силѣ и мужествѣ Сохраба и о его планахъ, Афрасіабъ задумываетъ сразить Рустема силой Сохраба и затѣмъ погубить юнаго богатыря. Съ этою цѣлью онъ посылаетъ Сохрабу двухъ хитрыхъ туранцевъ, Гумана и Бармана, съ войскомъ, чтобы руководить его коварными совѣтами и не дать ему случая лично узнать отца. Сохрабъ выступаетъ въ походъ и осаждаетъ *бѣлый* замокъ. Подъ стѣнами его онъ сражается съ амазонкой Гурдаферидъ, принявъ ее за богатыря. Ударомъ копья въ поясницу онъ поднимаетъ амазонку вверхъ, но она отсѣкла древко копья мечемъ и, удержавшись на конѣ, пустилась въ бѣгство. Преслѣдуя ее, Сохрабъ сорвалъ ей шлемъ съ головы, и разсыпавшіеся волосы обнаружили въ ней женщину. Гурдаферидъ сдалась въ плѣнъ и отпущена Сохрабомъ подъ условіемъ сдачи замка. Но коварная дѣвушка обманула богатыря и насмѣялась надъ нимъ. Гарнизонъ замка ушелъ ночью и Сохрабу пришлось занять пустую крѣпость. Вѣсть объ успѣхахъ Сохраба достигаетъ Кауса, и онъ посылаетъ Гива призвать изъ Забулистана главнаго пехлевана государства, Рустема. Слѣдуетъ описаніе прибытія Рустема къ Каусу, его ссора съ царемъ (см. *Экскурсъ* I) и примиреніе при посредствѣ Гудерза. Затѣмъ Рустемъ ведетъ иранское войско противъ Сохраба. Желая видѣть молодаго богатыря, онъ въ одеждѣ простаго туранскаго воина отправляется ночью осмотрѣть туранскій лагерь и прокрадывается въ шатеръ Сохраба. Послѣдній окруженъ туранскими вождями, въ числѣ которыхъ находится Женде-Резмъ; Техмимэ, прощаясь съ сыномъ, поручила Женде-Резму, видѣвшему Рустема, указать Сохрабу его отца, но судьба рѣшила иначе: выйдя изъ шатра, Женде-Резмъ замѣтилъ Рустема и тотъ, боясь быть открытымъ, наноситъ ему смертельный ударъ въ голову.

Роковая судьба устранила и другую возможность сыну узнать отца. Сохрабъ, осматривая издали иранскій станъ, спрашивалъ у Хеджира объ именахъ вождей, желая услышать отъ него имя Рустема; но Хеджиръ, думая, что Сохрабъ желаетъ сразиться съ Рустемомъ, объявилъ, что пехлевана нѣтъ въ иранскомъ войскѣ.

III. *Бой Сохраба съ Рустемомъ.*

Сохрабъ съ войскомъ устремляется на иранцевъ, издѣвается надъ царемъ Каусомъ и вызываетъ себѣ поединщика. Чтобы показать пренебреженіе къ царю, онъ ударами копья сшибаетъ 70 маковокъ съ ограды его шатра и приводитъ Кауса въ трепетъ [1]. Царь поспѣшно отправляетъ пехлевана Туса призвать Рустема, который одинъ въ состояніи бороться съ туранскимъ богатыремъ. Всѣ иранскіе пехлеваны—Гивъ, Гургинъ,

[1]) Подобно тому, какъ здѣсь Сохрабъ изъ пренебреженія къ царю Кейкаусу стрѣляетъ по маковкамъ ограды его шатра, такъ въ нашихъ былинахъ Илья *на зло князю Владиміру*, вслѣдствіе ссоры съ нимъ, стрѣляетъ по золотымъ маковкамъ кіевскихъ церквей (см. *Рыбн.* I, 95; *Гильфердингъ*, столб. 234 и 458), или сшибаетъ позолоченныя маковки у княженецкихъ окошекъ (*Рыбн.* III, стр. 335). Такимъ образомъ, и въ формѣ полученнаго оскорбленія князь Владиміръ напоминаетъ Кейкауса.

Тусъ—торопятъ Рустема и помогаютъ ему вооружиться. Наконецъ, Рустемъ неохотно выступаетъ противъ Сохраба, который вызываетъ его на поединокъ. Молодой богатырь, однако, чувствуетъ какое-то влеченіе къ старику и допрашиваетъ его, не онъ ли Рустемъ. Рустемъ почему-то скрываетъ свое имя и называетъ себя простымъ воиномъ.

Богатыри бьются сначала *копьями*, затѣмъ *мечами* и *палицами*, но не могутъ ничего сдѣлать другъ съ другомъ. Наконецъ, они начинаютъ *бороться*: Рустемъ пытается напрасно приподнять Сохраба, схвативъ его за поясъ. Сохрабу же удается ударить Рустема палицей по плечу. Соперники разстаются, причемъ Сохрабъ называетъ Рустема безумнымъ старикомъ, такъ какъ онъ, несмотря на старость, надѣется быть сильнѣе юноши.

Слѣдующій бой назначенъ на другое утро. Рустемъ сильно задумывается и опасается за исходъ единоборства. Онъ разспрашиваетъ въ иранскомъ лагерѣ о томъ, какъ сражался Сохрабъ послѣ поединка съ нимъ, и узнаетъ, что онъ убилъ много воиновъ, что всѣ бѣжали передъ нимъ и даже предводитель иранцевъ пехлеванъ Тусъ, пораженный ударомъ его палицы, не выдержалъ и постыдно пустился въ бѣгство.

На другое утро соперники снова сходятся. Сохрабъ снова спрашиваетъ Рустема, не Рустемъ ли онъ, и совѣтуетъ ему отказаться отъ боя, указывая на его преклонные года. Рустемъ снова отпирается отъ своего имени и только раздражается болѣе и болѣе противъ юнаго богатыря. Бой длится съ утра до заката солнца. Наконецъ, Сохрабъ опрокидываетъ Рустема на землю, вскакиваетъ ему на грудь и хочетъ кинжаломъ отрѣзать ему голову. Повергнутый на земь богатырь, видя бѣду неминучую, прибѣгаетъ къ хитрости: онъ увѣряетъ Сохраба, что, по иранскому богатырскому обычаю, неприлично убивать противника-богатыря, въ первый разъ побѣжденнаго, и что боецъ лишь тогда можетъ убить противника, когда во второй разъ опрокинетъ его. Великодушный Сохрабъ, слыша это, отпускаетъ пехлевана.

Далѣе слѣдуетъ молитва Рустема къ божеству о возвращеніи ему прежней силы во всемъ ея объемѣ (*Экскурсъ* I) и послѣдняя встрѣча съ Сохрабомъ. Бой былъ непродолжителенъ: Рустемъ быстро опрокинулъ противника, вскочилъ на него и вспоролъ ему груди бѣлыя. Умирающій Сохрабъ скорбитъ о своей неудачной судьбѣ: онъ напрасно искалъ своего отца Рустема, но умираетъ, не увидѣвъ его лица. Но отецъ отомститъ за сына его убійцѣ, всюду отыщетъ его. Пораженный словами Сохраба, Рустемъ спрашиваетъ его, какія примѣты имѣетъ онъ отъ отца, и Сохрабъ указываетъ ему ониксъ, носимый имъ на рукѣ подъ кольчугой. Ухватившись за послѣднюю надежду спасти пораженнаго на смерть сына, Рустемъ посылаетъ къ Каусу за исцѣляющею всякія раны мазью, но коварный царь отказываетъ ему въ этой просьбѣ, опасаясь чрезмѣрнаго усиленія Рустема, если останется живъ его сынъ. Передъ смертью Сохрабъ проситъ *отца* не продолжать войны съ туранцами, сопровождавшими его, и дозволить *имъ безпрепятственно* вернуться домой. Едва Рустемъ отправляется

самъ къ Кейкаусу, чтобъ непремѣнно добыть мазь, какъ его извѣщаютъ о кончинѣ сына. Согласно съ просьбой умершаго, Рустемъ поручаетъ своему брату Зеваре проводить туранское войско за предѣлы Ирана и самъ съ трупомъ сына возвращается въ Сейестанъ, гдѣ строитъ для него гробницу.

Печальная вѣсть о смерти сына доходитъ и до Техмимэ. Въ отчаяніи несчастная мать приказываетъ принести вооруженіе и одежду Сохраба, рыдаетъ надъ ними, обнимаетъ и орошаетъ слезами его коня, все свое богатство раздаетъ нищимъ, даже разоряетъ дворецъ, откуда сынъ ея отправился на войну, и черезъ годъ сама умираетъ [1]).

Этотъ бѣглый перечень содержанія исторіи Сохраба и Рустема въ обработкѣ Фирдоуси уже показываетъ, какъ полно и детально иранскій эпосъ развилъ широко распространенную фабулу о боѣ отца съ сыномъ. Если въ *Рустеміадѣ* этотъ роковой поединокъ представляетъ лишь одно изъ многихъ похожденій Рустема, то біографія его сына разработана подробно—отъ колыбели до могилы. Сказаніе интересуется и матерью Сохраба, Техмимэ, и трагическая смерть сына подъ ножомъ роднаго отца влечетъ за собою смерть матери.

Какъ особенность иранской версіи мотива о боѣ отца съ сыномъ, слѣдуетъ отмѣтить далѣе то, что этотъ мотивъ всѣми нитями своими вплетенъ въ эпопею о національной борьбѣ Ирана съ Тураномъ, и что не одна роковая судьба устраиваетъ столкновеніе Рустема съ Сохрабомъ: въ этомъ заинтересованъ цѣлый рядъ лицъ и, прежде всего, царь Турана Афрасіабъ, поддерживающій изъ своихъ личныхъ видовъ заблужденіе Сохраба.

Въ виду тѣснаго переплетенія разсматриваемаго эпизода изъ жизни Рустема съ національною иранскою войной, въ разсказъ введенъ цѣлый рядъ лицъ, которыя въ данномъ случаѣ являются второстепенными: таковы Барманъ, Гуманъ, Хеджиръ со стороны туранцевъ и пехлеваны царя Кауса—Тусъ, Гивъ и проч. со стороны иранцевъ. Конечно, нельзя думать, чтобы всѣ иранскіе пересказы боя Рустема съ сыномъ, ходившіе во время Фирдоуси и за много вѣковъ раньше его въ устахъ народа, были такъ полны и обстоятельны, какъ обработанная имъ версія, чтобъ въ этихъ разсказахъ являлись всѣ выводимыя имъ лица и дѣйствовали всѣ тѣ пружины, которыя въ его обработкѣ въ общей сложности ведутъ къ трагической развязкѣ. Индивидуальному творчеству поэта слѣдуетъ несомнѣнно приписать и нѣкоторыя нравственныя черты дѣйствующихъ лицъ. Изъ-подъ его облагораживающаго *калама* проглядываютъ кое-гдѣ грубыя черты болѣе первобытнаго народнаго рисунка, которыя онъ, какъ художникъ и патріотъ, старался ретушировать. Богатырскій сынъ, рожденный на чужбинѣ въ Туранѣ иноплеменною женщиной, носилъ въ *народныхъ* сказаніяхъ черты большей грубости и дикой силы, чѣмъ великодушный юноша Сохрабъ Фирдоуси, точно такъ же, какъ и его мать,

---

[1]) *Mohl*, II, стр. 56—158.

быть можетъ, въ болѣе раннихъ версіяхъ скорѣе напоминала Геродотову нимфу-змѣю или нашу бабу Горынинку (Латыгорку, Семигорку и проч.), чѣмъ страстную и нѣжную царевну Техминэ. Эту «облагороженность» народнаго сказанія у Фирдоуси нужно постоянно имѣть въ виду, когда мы будемъ сравнивать его версію съ тѣми *иноземными* (напримѣръ, кавказскими) пересказами того же сюжета, въ которыхъ, однако, отраженіе иранскихъ сказаній вполнѣ очевидно. Съ другой стороны, уже a priori можно предполагать, что за предѣлами Ирана мы не встрѣтимъ въ *передѣлкахъ* этого сказанія такихъ чертъ, которыя имѣютъ мѣстный иранскій интересъ и находятся въ связи съ великою національною войной. Вниманіе иноземнаго разсказчика и слушателя разсматриваемаго сказанія сосредоточивалось естественно на трагическомъ столкновеніи отца-богатыря съ богатыремъ-сыномъ, а не на безразличной для иноземца борьбѣ Ирана съ Тураномъ. Поэтому и цѣлый рядъ личностей, выводимыхъ Фирдоуси въ связи съ этою борьбой, долженъ былъ сократиться въ иноземныхъ пересказахъ. Если уже въ болѣе близкихъ къ Ирану прикавказскихъ странахъ мы находимъ въ народныхъ пересказахъ боя Ростома съ Зорабомъ только скелетъ этого иранскаго сказанія и кое-какіе клочки тѣла, то въ пересказахъ болѣе отдаленныхъ народностей мы должны ожидать еще большей скудости въ деталяхъ, еще большаго упрощенія и сокращенія основнаго сказанія. Такъ, напримѣръ, русскія версіи борьбы отца съ сыномъ настолько скудны въ деталяхъ сравнительно съ версіей Фирдоуси, настолько переработаны и подлажены подъ характеръ русскаго эпоса, настолько контаминировались другими эпическими мотивами, что при первомъ взглядѣ не производятъ впечатлѣнія отголосковъ иранскихъ,—по крайней мѣрѣ, не болѣе, чѣмъ пересказы того же сюжета германскіе, кельтскіе и друг. И только детальное разсмотрѣніе русскихъ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ можетъ, какъ увидимъ ниже, сдѣлать вѣроятнымъ, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть не просто русскія версіи общераспространеннаго эпическаго сюжета, а отголоски этого сюжета именно въ иранской редакціи, прошедшей, впрочемъ, чрезъ неиранскую среду раньше своего проникновенія въ нашъ народный эпосъ.

Мы не будемъ здѣсь повторять работы, уже сдѣланной О. Миллеромъ и А. Н. Веселовскимъ по сличенію и группировкѣ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ варіантовъ былинъ о боѣ Ильи съ Сокольникомъ (Подсокольникомъ, Збутомъ, Бориской, Аполлонищемъ, нахвальщикомъ, татарченкомъ и пр.). Мы будемъ отмѣчать сначала, исходя изъ иранской версіи разсматриваемаго сказанія, только отдѣльныя сходныя черты, встрѣчающіяся въ русскомъ эпосѣ въ той или другой комбинаціи, и уже затѣмъ остановимся на вопросѣ о былинныхъ редакціяхъ мотива боя Ильи съ сыномъ.

I. *Происхожденіе сына.*

Подобно тому, какъ Сохрабъ—богатырь царскаго происхожденія, сынъ *Ильи, по нѣкоторымъ пересказамъ*, называется младымъ королевичемъ Збу-

томъ Борисомъ [1]), хотя его мать королевна при этомъ не названа, или Петромъ царевичемъ Золотничаниномъ изъ Сѣверной стороны да Золотой орды [2]). Въ другихъ пересказахъ мать, какъ извѣстно, называется бабой Латымиркой [3]), Владымеркой [4]), Латыгоркой [5]), Златыгоркой [6]), Горынинкой [7]), дѣвкой Сиверьяничной [8]), женой (дочерью?) короля задонскаго и т. п.

Подробностей о связи Ильи съ этою иноземною женщиной наши былины почти не сохранили, точно также какъ нѣкоторые кавказкіе пересказы, которые вообще мало интересуются матерью Сохраба.

Связь національнаго богатыря съ иноземкой во враждебной странѣ не могла быть естественною: она представляла черту насилія, давленія со стороны мужчины или женщины. Въ преданіи скиѳскомъ (будемъ такъ его называть) нимфа-эхидна отпускаетъ коней Геракла только подъ условіемъ, чтобъ онъ произвелъ съ ней потомка. Техмимэ ночью входитъ въ спальню Рустема съ такимъ же требованіемъ, сванетская женщина преслѣдуетъ Ростома съ кровати на кровать и добивается исполненія своего желанія [9]); въ пшавской версіи Ростомъ совершаетъ насиліе надъ красавицей, убивъ ея мужа; въ русскихъ былинахъ встрѣчаемъ также иногда намекъ на насиліе со стороны Ильи Муромца.

„Онъ меня въ полѣ побилъ,
Со мной грѣхъ творилъ,
Съ того я тебя родила“,—

говоритъ Сиверьянична своему сыну Сокольничку [10]).

Это *насиліе* со стороны Ильи, какъ, вѣроятно, чувствовалъ и самъ народъ, идетъ въ разрѣзъ съ основнымъ нравственнымъ складомъ «стараго казака», который вообще избѣгаетъ насилія и, по словамъ одной былины, даже даетъ обѣтъ «не укинуться на прелесть женскую» [11]), подобно сванетскому Ростому, который не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной [12]). Но именно существованіе черты насилія въ связи Ильи съ Сиверьяничной (и проч.) свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ мотивъ древній, унаслѣдованный, а не возникшій самостоятельно на русской почвѣ. Онъ сохранился потому, что «изъ пѣсни слова не выкинешь», и, несмотря на то, что

---

1) *Кирѣев.*, I, № 6, 11—15.

2) *Гильферд.*, ст. № 226=№ 233.

3) *Рыбн.*, I, № 13.

4) *Рыбн.*, II, № 64.

5) *Ефименко*, № VII.

6) *Кир.*, IV, стр. 17.

7) *Кир*, I, стр. 11, 111, 120, 128—144.

8) *Рыбн.*, III, № 14. *Гильфердинг*, ст. № 219, 226, 233, 246.

9) См. нашу статью: *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. Этногр. Обозрѣніе*, кн. II, стр. 8.

10) *Рыбн.*, III, № 14. Ср. побывальщину у *Рыбн.*, I, № 11, стр. 65, въ которой разсказывается, что Илья побѣдилъ поленицу Авдотью Горинчанку и спалъ съ нею.

11) *Гильфердингъ*, ст. 298.

12) *Этногр. Обозрѣніе*, II, стр. 8.

противорѣчилъ нравственному складу національнаго богатыря. Сказители только не развиваютъ его, не обставляютъ подробностями, а упоминаютъ его вскользь, какъ бы мимоходомъ, хотя имъ же мотивируется нерѣдко враждебность сына къ отцу. Не такъ поступаетъ съ грубыми стародавними чертами поэтъ-художникъ. Мотивъ *насилія* со стороны Техмимэ онъ ретушируетъ настолько, что назойливое желаніе ея имѣть сына отъ Рустема увѣнчивается законнымъ бракомъ, освященнымъ *мобедами*. Въ виду того, что мотивъ насилія со стороны богатыря существуетъ въ кавказскихъ версіяхъ боя отца съ сыномъ [1]), которыя несомнѣнно представляютъ отголоски *Рустеміады*, мы склонны думать, что и въ наши былины онъ проникъ, въ концѣ-концовъ, изъ того же источника, изъ какого-нибудь варіанта, отличнаго отъ версіи Фирдоуси.

Для насъ пока достаточно отмѣтить слѣдующія черты сходства между иранскимъ и русскимъ сказаніями: сынъ Ильи-Рустема прижитъ внѣ родины богатыря, въ иноземномъ царствѣ, отъ случайной связи съ королевной или царевной, причемъ эта связь была мимолетной, а не прочной. Богатырь, исполнивъ свое желаніе (или желаніе женщины), оставляетъ ее и уѣзжаетъ на свою родину.

II. *Рожденіе сына и выѣздъ на поиски отца.*

Покидая Техмимэ, Рустемъ даетъ ей драгоцѣнный камень-ониксъ, который долженъ служить примѣтой будущему сыну или дочери.

Въ полную параллель съ этимъ Илья, разставаясь со Златыгоркой, въ одномъ пересказѣ [2]), даетъ ей перстень съ такими словами:

„Принесешь если ты дочь засѣяну,
Отдай ей *перстень* въ приданое,
А если принесешь удала добра молодца,
Благослови его дорогимъ *перстнемъ*,
Дай ему добра коня, да пошли его во чисто поле,
А пошли его, наказывай:
Если увидитъ онъ въ чистомъ полѣ стараго,
Такъ не дошедши пусть поклонится“.

Богатырскій сынъ развивается въ силахъ чрезвычайно быстро: Сохрабъ въ 10 лѣтъ, по словамъ Фирдоуси, не имѣлъ себѣ соперниковъ при дворѣ матери. Хотя, какъ мы видѣли, Фирдоуси не говоритъ объ опасныхъ шуточкахъ мальчика-богатыря съ окружающими, но въ другихъ иранскихъ пересказахъ, вѣроятно, онѣ упоминались, какъ упоминаются онѣ въ сказкѣ о Еруславѣ Лазаревичѣ и въ нѣкоторыхъ кавказскихъ сказаніяхъ [3]).

Въ былинѣ № VII Ефименко, дѣтство Подсокольника описывается въ слѣдующихъ чертахъ:

Удалъ молодецъ не по годамъ ростетъ, а по часамъ;
Сталъ же добрый молодецъ шести годовъ,

---

[1]) Наприм., въ сказаніи пшавскомъ.
[2]) *Ефименко*, № VII, стр. 30.
[3]) *Наприм., въ пшавскомъ* (*Этногр. Обозр.*, II, стр. 14).

Сталъ онъ на улицу похаживать,
Сталъ съ ребятами поигрывать... [1])

Хотя въ этой былинѣ и не говорится, какого рода были эти игры, но можно догадываться, что онѣ были, вѣроятно, таковы:

Онъ шутку шутитъ не по-ребячью,
А творки творитъ не по маленькимъ:
Котораго возьметъ за руку,
Изъ плеча тому руку выломитъ,
И котораго задѣнетъ за ногу,
То... ногу оторветъ прочь;
И котораго хватитъ поперекъ хребта,
Тотъ кричитъ-реветъ, окорачъ ползетъ,
Безъ головы домой придетъ [2]).

У Фирдоуси 10-ти лѣтній Сохрабъ допытывается у матери о своемъ отцѣ, причемъ прибѣгаетъ къ угрозѣ. Послѣднее обстоятельство кажется страннымъ и ничѣмъ не мотивированнымъ. Техмимэ, законной женѣ Рустема, обвѣнчанной съ нимъ съ согласія отца, повидимому, нѣтъ основанія скрывать имя своего мужа. Но дѣло въ томъ, что законныя формы ея брака были внесены самимъ поэтомъ и не существовали въ менѣе утонченныхъ простонародныхъ пересказахъ, въ которыхъ поэтому и угрозы матери со стороны сына были вполнѣ умѣстны. Въ кавказскихъ сказаніяхъ допрашиваніе матери съ пристрастіемъ встрѣчается нерѣдко: такъ, кабардинскій Ашамазъ, чтобъ заставить мать сказать ему имя убійцы его отца, сжимаетъ ей руки, въ которыхъ она держитъ горячій ячмень [3]), а его двойникъ карачаевскій Ачимезъ обжигаетъ такимъ же способомъ матери руки горячею халвой [4]). Въ нашихъ былинахъ такой допросъ съ пристрастіемъ не встрѣчается, но въ нѣкоторыхъ пересказахъ сынъ является еще болѣе звѣрскимъ, такъ какъ убиваетъ мать [5]).

По разсказу Фирдоуси, Техмимэ, открывъ Сохрабу имя отца, дала ему оставленный имъ драгоцѣнный камень и Сохрабъ съ дружиной отправляется въ Иранъ. По былинѣ Ефименка (№ VII):

Подарила она (мать) ему тогда злаченъ перстень,
А на злачномъ перстнѣ имя, изотчина... [6]).

Далѣе:

Сталъ Подсокольничекъ двѣнадцати лѣтъ,
Не ясенъ соколъ на возлетѣ,
Подсокольничекъ сталъ на возрастѣ,

---

1) Стр. 31.

2) Былина о Саулѣ Леванидовичѣ. *Кир.*, III, стр. 117.

3) *Сбор. свѣд. о кавказ. горцахъ*, V отд., II, стр. 66.

4) *Сбор. мат. для опис. мѣст. и племенъ Кавказа*. Вып. III, отд. II, стр. 141. Срав. также вып. X, отд. III, стр. 17,

5) *Кирѣев.*, I, стр. 55. *Ефименко*, стр. 32.

6) Оставленіе перстня отъѣзжающимъ богатыремъ для будущаго сына встрѣчается и въ былинѣ *Гильфердинга* № 65, гдѣ Добрыня (вмѣсто Ильи) бьется съ сыномъ-богатыремъ Золотой орды. Только мотивъ этотъ попалъ не на надлежащее мѣсто, такъ какъ Добрыня даетъ „колечко подзолоченое“ сыну уже послѣ битвы съ нимъ.

Сталъ Подсокольничекъ мечемъ владѣть,
Сталъ Подсокольничекъ и конемъ владѣть,
Да садился Подсокольничекъ на добра коня,
Поѣзжаетъ Подсокольничекъ во чисто поле.
Говорила тутъ ему матушка родимая:
„Ты поѣдешь да во чисто поле,
Ты увидишь во чистомъ полѣ стараго,
Не дошедши старому кланяйся,
А челомъ бей о сыру землю“ [1]).

Въ другой былинѣ [2]), гдѣ дочь Ильи, вѣроятно, замѣнила сына «въ такую пору эпоса, когда названіе *паленицы* уже не вызывало двойственнаго представленія пола» [3]), говорится, что она была послана *матушкой попровѣдать про батюшку*. Во всѣхъ прочихъ былинахъ, имѣющихъ отношеніе къ бою Ильи съ сыномъ, нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы сынъ искалъ отца или зналъ его имя. Узнаніе уже происходитъ послѣ боя и вызываетъ въ сынѣ чувство ненависти къ отцу за нѣкогда совершенное имъ насиліе надъ его матерью. Этою чертой, объясняющеюся смѣшеніемъ двухъ сходныхъ былинныхъ сюжетовъ, русскіе пересказы боя отца съ сыномъ отличаются отъ иранскаго.

III. *Обстоятельства, предшествующія бою отца съ сыномъ.*

Такъ какъ походъ Сохраба во главѣ войска въ Туранъ и его военные успѣхи представляли спеціально иранскій національный интересъ, то трудно искать отголосковъ этой части похожденій Сохраба внѣ Ирана. Трагическая встрѣча отца съ сыномъ настолько поглощала вниманіе иноземныхъ разсказчиковъ и слушателей, что разсказъ, обыкновенно опуская всѣ событія, случившіяся между рожденіемъ сына и его встрѣчей съ отцемъ, спѣшилъ быстро къ развязкѣ. Однако, въ нѣкоторыхъ кавказскихъ пересказахъ отразилось, хотя въ нѣсколько темной формѣ, одно похожденіе Сохраба до его встрѣчи съ отцомъ, похожденіе настолько интересное, что могло остановить на себѣ вниманіе. Это именно бой Сохраба съ амазонкой Гурдаферидъ [4]).

Быть можетъ, отголосокъ этого боя сохранился кое-гдѣ и въ нашихъ былинахъ, хотя въ формѣ почти неузнаваемой. Такъ, одна былина Кирѣевскаго [5]), представляющая весьма искаженный пересказъ встрѣчи Ильи съ Татарченкомъ, несомнѣнно его сыномъ, хотя въ былинѣ уже этого не говорится, содержитъ слѣдующую странную и неожиданную черту. Илья встрѣчаетъ въ полѣ «разъѣздную походную красну дѣвицу»,— очевидно, паленицу,—и на его вопросъ, кто она и отчего одна въ полѣ казакуетъ, она говоритъ, что бѣжала отъ Олеши Поповича, насмѣшника-пересмѣшника. На это Муромецъ говоритъ:

---

[1]) Стр. 30.
[2]) *Рыбн.*, I, № 12.
[3]) *А. Н. Веселовскій*: „Южно-русск. былины“, III—XI, стр. 321.
[4]) *См. выше*, стр. 121.
[5]) *Кирѣевскій, I, № 3*, стр. 5, 2-е изд.

„Охъ ты гой еси душа ли красна дѣвица!
Охъ ты что мнѣ давно не сказалася?
Я бы съ Олешей перевѣдался,
Я бы снялъ съ Олеши буйну голову“.

Далѣе былина ничего не говоритъ, что сталось съ «походною» красною дѣвицей, а Илья вслѣдъ за тѣмъ держитъ опочивъ въ шатрѣ, гдѣ на него спящаго нападаетъ татарченокъ. По мнѣнію академика А. Н. Веселовскаго, эта походная красна дѣвица, несомнѣнно, отвѣчаетъ Горынинкѣ или Горынчанкѣ другихъ пересказовъ [1]), а имя Алеши подставилось здѣсь по смѣшенію, какъ, наоборотъ, у *Кирњев.*, т. I, № 4, стр. 92, въ былинѣ о встрѣчѣ съ сестрой, вмѣсто Алеши, названъ Илья. Со вторымъ предположеніемъ нельзя не согласиться: Алеша несомнѣнно замѣнилъ здѣсь какое-то другое лицо, и мы полагаемъ, что это лицо то же самое, съ которымъ затѣмъ враждебно встрѣчается Илья. Дѣвица, по ея словамъ, убѣжала отъ преслѣдовавшаго ее Алеши, который слыветъ въ нашемъ эпосѣ волокитой. Но случайно сохранившееся названіе *походная* дѣвица указываетъ на то, что встрѣча ея съ преслѣдовавшимъ ее затѣмъ богатыремъ была боевая и что, побѣжденная въ бою, она ускакала въ чистое поле отъ преслѣдователя, какъ Гурдаферидъ отъ Сохраба. Смутную реминисценцію паленицы можно видѣть и въ вопросѣ Ильи: «что̀ одна въ чистомъ полѣ *казакуешь?*» Очевидно, дѣвица представлялась въ какомъ-нибудь болѣе осмысленномъ пересказѣ *казакомъ* женскаго пола. На вопросъ Ильи объ ея происхожденіи, она говоритъ, что «жила у батюшки дочь гостиная, и бѣжала со новыхъ сѣней». Здѣсь опять какая-то несообразность, объясняющаяся смутною передачей какого-то полузабытаго мотива. Почему, спасаясь отъ Олеши, дочь гостиная, живущая при батюшкѣ, не находитъ другого средства спасенія, какъ ускакать въ степь и тамъ казаковать? Вѣроятно, потому, что она только по недоразумѣнію сказителя сдѣлалась скромною дочерью гостиною, а раньше была удалою паленицей, вступающею въ бой съ богатыремъ. Вспомнимъ, что Гурдаферидъ заступаетъ своего слабаго и стараго отца Геждехема, не способнаго уже воевать, оставляетъ Бѣлый замокъ (новыя сѣни) и вызываетъ на бой Сохраба, затѣмъ, побѣжденная имъ, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ. Нѣчто подобное было, вѣроятно, и въ томъ полузабытомъ пересказѣ, искаженіемъ котораго представляется былина Кирѣевскаго. Если наше предположеніе о родствѣ походной красной дѣвицы съ персидской Гурдаферидъ правдоподобно, то, конечно, первая не можетъ быть замѣной бабы-горынчанки. Къ тому же, и отношенія Ильи къ походной дѣвицѣ мало напоминаютъ его встрѣчу съ Горынчанкой, кончающуюся, какъ извѣстно, боемъ и любовною связью, отъ которой произошелъ Сокольникъ.

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ нашему объясненію «походной красной дѣвицы» можетъ служить судьба, постигнувшая мотивъ встрѣчи Сохраба съ амазонкой Гурдаферидъ въ пшавскомъ сказаніи. Красавица, будущая

[1]) *Южно-русск. былины,* III—XI, стр. 318.

мать Зураба, которою Ростомъ овладѣлъ насильно (Горынчанка, мать Сокольника), слилась въ одно лицо съ красавицей-амазонкой (Гурдаферидъ), съ которой сразился Зурабъ. А именно, чтобы испытать сына, какъ онъ встрѣтитъ врага, мать одѣлась въ мужское платье, вооружилась и въ видѣ всадника подскакала на пути къ Зурабу, требуя, чтобы онъ отдалъ ей оружіе. Зурабъ ударилъ копьемъ въ лошадь всадника, шапка съ него упала, и *разсыпались женскіе волосы*, по которымъ Зурабъ узналъ свою мать, подобно тому, какъ персидскій Сохрабъ по разсыпавшимся волосамъ узналъ въ своемъ противникѣ амазонку Гурдаферидъ [1]). Чрезъ подобное смѣшеніе *двухъ* встрѣчъ съ женщинами, отца и сына, могло произойти то, что «походная» дѣвица, въ разсматриваемой былинѣ, встрѣчаясь съ Ильей, напоминаетъ академ. А. Н. Веселовскому Горынинку, но, съ другой стороны, разсказывая о своемъ бѣгствѣ отъ Олеши (который во второй половинѣ былины сейчасъ же смѣняется татарченкомъ), напоминаетъ Гурдаферидъ, ускакавшую отъ Сохраба.

Къ сожалѣнію, наши догадки о «походной» дѣвицѣ основаны на почвѣ очень зыбкой, на *предполагаемой*, а не на наличной комбинаціи мотивовъ, и потому просимъ смотрѣть на вышеприведенныя соображенія только какъ на попытку осмыслить внезапное появленіе «походной красной дѣвицы» и ея безслѣдное исчезновеніе въ разсмотрѣнной нами былинѣ.

IV. *Бой отца съ сыномъ.*

Извѣстіе о наѣздѣ туранскаго богатыря застаетъ Рустема въ Забулистанѣ, такъ сказать, на границахъ Ирана, на *заставѣ*. Рустема вызываютъ сразиться съ туранскимъ богатыремъ, такъ какъ послѣдній не имѣетъ супротивника среди иранцевъ, и лишь Рустемъ *одинъ* можетъ съ нимъ справиться. Рустемъ ѣдетъ съ посланнымъ Каусомъ Гивомъ къ царю и (послѣ ссоры съ царемъ) соединяется съ царскимъ войскомъ, находящимся подъ начальствомъ богатыря Туса. Сохрабъ вызываетъ съ юношескою кичливостью поединщика. Славный пехлеванъ Тусъ, вступивъ съ нимъ въ бой, обращается въ бѣгство [2]). Рустемъ выступаетъ противъ нахвальщика, который указываетъ ему на его старость. Противники бьются сначала *копьями*, затѣмъ *мечами* и *палицами*. Наконецъ, схватываются бороться. Во второмъ боѣ Сохрабъ подмялъ Рустема. Рустемъ возстановляетъ прежнюю свою силу послѣ молитвы къ Богу и въ новой стычкѣ немедленно опрокидываетъ Сохраба и поретъ ему груди бѣлыя.

Почти всѣмъ перечисленнымъ чертамъ находимъ мы соотвѣтствующія въ нашихъ былинахъ.

Илья стоитъ съ дружиной на заставѣ, какъ Рустемъ. Ему привозятъ извѣстіе о нахвальщикѣ, которому, по одному пересказу, 12 лѣтъ, какъ Сохрабу [3]). Въ другихъ былинахъ [4]) нахвальщикъ подступаетъ къ столь-

---

[1]) *Этнограф. Обозрѣніе*, II, стр. 14.
[2]) О мѣстѣ этого мотива въ пересказѣ Фирдоуси см. выше, стр. 122.
[3]) *Рыбниковъ*, I, № 13.
[4]) *Рыбн.*, *I*, *№ 14*; *Гильферд.*, № 46.

ному городу Кіеву и вызываетъ поединщика (подобно тому, какъ Сохрабъ угрожаетъ Каусу) и извѣстіе объ этомъ приходитъ къ Ильѣ [1]). *Главный* богатырь послѣ Ильи—Добрыня, какъ у Фирдоуси—Тусъ, предводитель царскаго войска, послѣ неудачной схватки съ наѣзжимъ богатыремъ обращается въ бѣгство. Ильѣ некѣмъ замѣниться [2]), какъ Рустему, и онъ вступаетъ въ бой съ нахвальщикомъ, который издѣвается надъ его старостью. Бьются послѣдовательно въ три пріема разнымъ оружіемъ, затѣмъ борются:

Закричалъ Сокольничекъ-охотничекъ:
„— Ахъ ты старый, сѣдатый песъ!
Не за мной бы ты ѣздить по чисту полю,
Пора бы ти въ деревнѣ сидѣть, свиней пасти...“
Разъѣхалися на *копья* востры,
У нихъ копья въ рукахъ погибалися,
На черепья копья разсыпалися;
Разъѣхалися на *палицы* боевыя:
У нихъ палицы въ рукахъ погибалися,
По маковкамъ палицы отломалися;
Разъѣхалися на *сабли* востры:
У нихъ сабли въ рукахъ погибалися,
Повыщербѣли на латы кольчужныя.
Скоро они соходили со добрыхъ коней,
Захватилися они во ухваточку,
Стали они боротися, ломатися [3]).

Бой, по одному пересказу, длится 3 дня, какъ у Фирдоуси [4]). Нахвальщикъ опрокидываетъ Илью, какъ Сохрабъ Рустема, хочетъ его зарѣзать (по одному пересказу), спрашиваетъ объ его имени, какъ Сохрабъ Рустема [5]). Обыкновенно, однако, объ имени побѣжденнаго супротивника спрашиваетъ не нахвальщикъ, а Илья, такъ что приведенная изъ *одной* былины черта, быть можетъ, случайна.

Послѣ молитвы у Ильи, какъ у Рустема, прибываетъ силы, и онъ въ свою очередь опрокидываетъ нахвальщика. Готовясь ему вспороть груди бѣлыя, онъ спрашиваетъ его объ имени, слѣдовательно, съ тѣмъ отличіемъ отъ Рустема, что послѣдній спрашиваетъ Сохраба, уже нанеся ему смертельную рану. Поэтому и узнаніе сына вызываетъ въ Ильѣ радость, а въ Рустемѣ отчаяніе. Наконецъ, оба сказанія, иранское и русское, кончаются трагически [6]), смертью сына, хотя русскія вводятъ еще одинъ мотивъ, предшествующій убіенію отцомъ сына и старающійся оправдать

---

1) *Рыбн.*, I, № 14, стр. 81.

2) Видно, что, кромѣ старика, ѣхать некому. *Кирѣев.*, I, № 2, стр. 52 (2-е изд.).

3) *Рыбн.*, I, № 13, стр. 78; срав. *Кир.*, I, стр. 50, № 1 и 2, стр. 53.

4) *Кирѣев.*, I, № 2, стр. 53.

5) *Гильферд.*, № 77, стр. 463; сравн. *Рыбн.*, I, № 12, гдѣ, впрочемъ, *паленица* принята за женщину.

6) Объ исконности трагическаго исхода въ русскихъ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ см. *О. Миллера*, наз. соч., гл. I.

отца, на сторонѣ котораго во всѣхъ русскихъ пересказахъ лежатъ симпатіи сказителей, мотивъ о коварномъ покушеніи сына на спящаго отца.

Дѣйствительно, былины съ трагическимъ исходомъ разсказываютъ, что пощаженный Ильею сынъ, узнавъ, что онъ прижитъ своею матерью отъ Ильи насиліемъ, возвращается къ отцу и покушается убить его. Отъ удара сына Илью спасаетъ тѣльной крестъ. Проснувшись, Илья казнитъ сына безъ жалости:

И схватилъ-то онъ Сокольника за ноги,
И ударилъ онъ его о сыру землю,
Тутъ-то ему и смерть пришла.
Выходитъ Илья со бѣла шатра
И ступилъ онъ Сокольнику на ногу,
Рукой хватилъ за другую,
И половину кинулъ матери на погребеніе,
А другую собакамъ на съѣденіе [1]).

Иногда отецъ пластаетъ сыну груди бѣлыя, разсѣкаетъ его на мелкія части и раскидываетъ ихъ по чисту полю [2]). Звѣрскій поступокъ Ильи соотвѣтствуетъ коварному покушенію сына на отца. Это покушеніе уничтожаетъ родственную связь, и нашъ народъ вполнѣ симпатизируетъ поступку Ильи: собакѣ собачья смерть! Въ такой развязкѣ сюжета о боѣ отца съ сыномъ нельзя не видѣть передѣлки, происшедшей уже на русской почвѣ и вызванной стремленіемъ оправдать Илью въ его расправѣ съ сыномъ. Чтобы не наложить тѣни на своего идеальнаго богатыря, наши сказители имѣли два исхода: они могли устранить трагическую развязку и окончить бой отца съ сыномъ благополучнымъ примиреніемъ бойцовъ вслѣдствіе взаимнаго узнанія ихъ родственныхъ отношеній; либо, не отступая отъ древней трагической развязки, мотивировать убіеніе сына такъ, чтобы вся вина была снята съ отца. Оба эти исхода мы и находимъ въ нашихъ былинахъ, причемъ первый, болѣе отступающій отъ традиціи, встрѣчается крайне рѣдко, второй же является широко распространеннымъ. Стоя на сторонѣ отца въ его столкновеніи съ сыномъ, нашъ эпосъ долженъ былъ наложить темныя краски на нравственный обликъ этого сына и придать ему черты, значительно отличающія его отъ персидскаго Сохраба. Послѣдній проникнутъ любовью къ отцу, старается его отыскать, чтобы возвести на престолъ Ирана, чувствуетъ инстинктивную симпатію къ Рустему и великодушно щадитъ его послѣ второй схватки. Нашъ Сокольникъ (Соловникъ, Збутъ и проч.) чувствуетъ ненависть къ отцу и покушается убить его изъ-за угла; сверхъ того, въ нѣкоторыхъ пересказахъ, убиваетъ и мать. Понятно, что такой противоестественный злодѣй можетъ быть уничтоженъ Ильей съ такимъ же правомъ, какъ какое - нибудь Идолище поганое или собака Калинъ-царь.

Въ нѣкоторыхъ былинахъ и мать Сокольника питаетъ враждебное чув-

---

[1]) *Рыбн.,* II, № 64.
[2]) *Рыбн., I, № 14.*

ство къ Ильѣ, не простивъ ему нѣкогда совершоннаго имъ надъ ней насилія, такъ что враждебность сына къ отцу является какъ бы наслѣдственной. Быть можетъ, мотивъ враждебности сына къ отцу, совершившему нѣкогда насиліе надъ его матерью, вошелъ въ разсматриваемыя былины чрезъ смѣшеніе съ такими сюжетами, гдѣ сынъ защищаетъ мать отъ насильника-змѣя. Такъ, напримѣръ, въ одномъ пересказѣ былины о Вольгѣ, этотъ богатырь, происшедшій отъ насилія Змѣя Горынича надъ его матерью, едва родившись, говоритъ:

„Ужь ты гой еси матушка родимая!
Не дамъ я тебя змѣю во обиду.
Когда я буду на возрастѣ,
На возрастѣ—пятнадцати лѣтъ,
Ужь ты скуй мнѣ палицу боевую,
Боевую палицу во сто пудъ;
Когда та палица легка покажется,
Ужь скуй матушка въ полтораста пудъ;
Тогда-то я, матушка, буду со змѣемъ воевать;
Я заѣду-то къ нему въ пещерички змѣиныя,
Сниму ему буйную головушку,
Подниму его головушку на острый колъ,
Поднесу его головушку къ твоему дворцу“ [1]).

Подобно этому, Подсокольникъ, по былинѣ Ефименка, уже шести годовъ «зло несетъ на батюшка», а двѣнадцати лѣтъ покусился его убить [2]).

Въ противуположность сыну, Илья въ тѣхъ пересказахъ, гдѣ не введенъ мотивъ о совершонномъ имъ насиліи надъ матерью, питаетъ и къ сыну, и къ матери не меньшую симпатію, чѣмъ Рустемъ къ Сохрабу и Техмимэ. Такъ, въ былинѣ *Кирѣев.* № 6 [3]), заставивъ побѣжденнаго Збута-Бориса королевича сказать свою дѣдину отчину, Илья «заплакалъ, глядючи на свое чадо милое», и сказалъ ему:

„Поѣзжай ты, Збутъ-Борисъ королевичъ младъ,
Поѣзжай ты ко своей сударынѣ матушкѣ“ [4]).

А въ свою очередь матушка, узнавъ о схваткѣ сына съ Ильей, даетъ ему такое наставленіе:

„Гой еси ты Збутъ-Борисъ королевичъ младъ!
Почто ты напущался на стараго?
Не надо бы тебѣ съ нимъ дратися,
Надо бы съѣхаться въ чистомъ полѣ,
И надо бы тебѣ ему поклонитися
О праву руку до сырой земли,
Онъ по роду тебѣ батюшка, старый казакъ,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ“ [5]).

---

[1]) *Рыбн.*, I, стр. 13.
[2]) *Ефименко*, № 7, стр. 30.
[3]) Стр. 13.
[4]) Такое же *любовное* отношеніе Ильи къ сыну см. въ былинѣ *Гильферд.* № 46; сравн. *Рыбн.*, I, № 14.
[5]) Тамъ же, стр. 14.

Такимъ образомъ, здѣсь мать Збута, королева Задонская, еще не смѣшалась съ «лютыми» бабами Латыгорками, Латымирками и пр. и напоминаетъ довольно близко королевну семенганскую Техмимэ.

Отмѣтивъ черты сходства и различія между иранскими и русскими пересказами сюжета о боѣ отца съ сыномъ, разсмотримъ теперь, основываясь на работѣ академика А. Н. Веселовскаго, *наличныя* былинныя редакціи этого популярнѣйшаго эпическаго сюжета.

А. Н. Веселовскій различаетъ *три* группы былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ, каждую съ отличительными признаками.

Въ *первой* группѣ, самой обильной по числу доселѣ извѣстныхъ пересказовъ, разсказъ открывается упоминаніемъ богатырской заставы, на которой стоитъ Илья съ другими (иногда 4-мя) богатырями (Добрыня, Алеша Поповичъ, Колыванъ, Самсонъ, Добрыня, Михайло-Потыкъ, семь братьевъ Грядовичевъ, Ѳома Долгополый, Мужики Залѣшане). Къ заставѣ пріѣзжаетъ добрый молодецъ съ признаками сокольника. За нимъ посылаетъ Илья Добрыню (Дуная), затѣмъ ѣдетъ самъ. Происходитъ извѣстный бой съ обычною развязкой. Мать Сокольника называется баба Латымирка, Владымерка, Латыгорка, Амельфа Тимоѳеевна, Горынчанка.

Во *второй* группѣ вначалѣ упоминается выѣздъ Ильи и Добрыни изъ Кіева на Фаворъ-гору (или Сафатъ-рѣку, или въ чистое поле). Извѣстіе о нахвальщикѣ приноситъ иногда воронъ. Затѣмъ, какъ въ первой группѣ, противъ пріѣзжаго богатыря посылается Добрыня. Бой Ильи. Мать Сокольника называется Сиверьяничной.

Третью группу представляетъ былина *Гильферд.* № 46=*Рыбн.*, I, № 14, въ которой молодой Солдвниковъ-татаринъ подъѣзжаетъ подъ Кіевъ и требуетъ поединщика. Противъ него выѣзжаетъ Илья и происходитъ извѣстный бой.

Изъ этихъ трехъ группъ А. Н. Веселовскій склоненъ считать схему 2-й болѣе первоначальной, такъ какъ находитъ ее въ нѣмецкомъ сказаніи о боѣ Гильдебранда съ Алебрандомъ.

Верхне-нѣмецкій пересказъ открывается тѣмъ, что Гильдебрандъ хочетъ вернуться въ Бернъ, гдѣ оставилъ жену Утэ и гдѣ не бывалъ въ теченіе 30 лѣтъ. Герцогъ Амелунгъ предупреждаетъ его, что въ полѣ на заставѣ онъ встрѣтитъ молодаго Алебранда, который на него нападетъ. Дитрихъ Бернскій совѣтуетъ Гильдебранду не биться съ Алебрандомъ, а подружиться съ нимъ. Далѣе слѣдуетъ на бернской заставѣ встрѣча Гильдебранда съ молодымъ витяземъ, бой, въ которомъ отецъ обезоружилъ сына и изъ разспросовъ узналъ о его родѣ-племени. Пѣсня кончается узнаніемъ и отъѣздомъ отца съ сыномъ въ Бернъ, гдѣ происходитъ радостное свиданіе съ женою и матерью.

Сходныя черты представляетъ и эпизодъ изъ Тидрексаги, основанный, вѣроятно, на нижне-нѣмецкомъ пересказѣ. Гильдебрандъ выѣзжаетъ изъ *Берна вмѣстѣ* съ молодымъ Конрадомъ, который предупреждаетъ его быть *ласковымъ съ Алебрандомъ*, когда онъ встрѣтитъ его, и сказаться его от-

цемъ, иначе ему будетъ худо: такой тотъ сильный богатырь. Затѣмъ Конрадъ описываетъ примѣты Алебранда и покидаетъ Гильдебранда. Слѣдуетъ встрѣча отца съ сыномъ; послѣдній на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ вооруженіи; рядомъ съ нимъ два выжлеца, по лѣвую сторону ястребъ. Увидѣвъ незнакомаго всадника, Алебрандъ крѣпче привязалъ шлемъ, заслонился щитомъ и съ копьемъ въ рукѣ бросился ему на встрѣчу. Въ слѣдующей затѣмъ схваткѣ древки копій разлетаются пополамъ, бойцы спѣшились и бьются мечами. Трижды останавливаются они среди боя, дважды спрашиваетъ Алебрандъ объ имени противника, спрашиваетъ въ послѣдній разъ Гильдебрандъ, но отвѣта нѣтъ и бой возгорается снова. Гильдебрандъ нанесъ сыну глубокую рану въ бедро; тотъ не можетъ сражаться далѣе и передаетъ отцу мечъ. Когда Гильдебрандъ протянулъ за нимъ руку, отстранивъ щитъ, молодой витязь ударилъ въ него измѣннически, намѣреваясь отсѣчь ему руку. Но старикъ успѣлъ заслониться щитомъ и говоритъ: «Этому удару ты научился у бабы, не у отца». И, набросившись на молодца, онъ повергаетъ его на землю, самъ насѣлъ на него и, занеся надъ нимъ мечъ, дважды спрашиваетъ, кто онъ такой: если ты Алебрандъ, то я отецъ твой Гильдебрандъ. Тотъ называетъ себя; совершается обоюдное признаніе, въ которомъ, въ концѣ этого эпизода, принимаетъ участіе еще третье лицо: мать-жена, какъ въ нѣмецкой пѣснѣ [1]).

«Если отвлечь отъ пересказа Тидрексаги,—говоритъ академикъ Веселовскій,—примиряющій исходъ повѣсти о боѣ и взять въ разсчетъ лишь то ея содержаніе, которое мы привели, то получается схема, во всемъ отвѣчающая русскимъ былинамъ, разсмотрѣннымъ нами подъ № II, за исключеніемъ ихъ развязки:

«1. Поѣздка Ильи и Добрыни=Гильдебранда и Конрада.

«2. Илья-Гильдебрандъ встрѣчается съ сыномъ; описывается вооруженіе молодца; съ нимъ выжлецы и соколъ-ястребъ.

«3. Бой идетъ сначала конный, потомъ пѣшій.

«4. Нѣм. сильный ударъ, нанесенный сыномъ, устрашаетъ отца; русс. Илья падаетъ подъ ударомъ сына. Илья-Гильдебрандъ повергаетъ юнаго богатыря на землю и допрашиваетъ его.

«Аттрибуты нашего Сокольничка-охотничка не могутъ быть случайными, и это ведетъ къ дальнѣйшему вопросу. Въ нѣмецкихъ пѣсняхъ о Гильдебрандѣ старый витязь возвращается домой послѣ продолжительной отлучки, сынъ выѣхалъ изъ дома, очевидно, охотиться, иначе непонятны въ пересказѣ сѣверной саги сопровождающія его собаки и ястребъ. Какъ поняты отношенія отца и сына въ русскихъ былинахъ, именно въ группѣ № II? Кто у себя дома: отецъ или сынъ?

«Рѣшающимъ для меня являются соколъ и выжлецъ: они не показываютъ на заѣзжаго богатыря. Пріѣзжалъ, стало быть, Илья Муромецъ? Я не рѣшусь отвѣтить на это положительно.

---

[1]) *А. Н. Веселовскій*: „Южно-русск. былины", III—XI, стр. 329 и слѣд.

«Если Сокольникъ-охотникъ не могъ пріѣзжать издалека, то тѣмъ самымъ схему былинной группы № III, гдѣ Илья является защитникомъ Кіева противъ наѣзжей паленицы, слѣдуетъ признать поздней, навѣянной, быть можетъ, тѣми пѣснями, гдѣ такимъ защитникомъ выступаетъ юный богатырь (Михайло Даниловичъ, Ермакъ, Василій пьяница); въ пашемъ случаѣ были бы только переставлены роли. Что касается до 1-й изъ разобранныхъ нами пѣсенныхъ группъ, то мнѣ представляется здѣсь вѣроятнымъ внѣшнее вліяніе плана былины о гибели богатырей (*Кирѣевскій*, IV, стр. 108—115), она также открывается заставой, на которой, въ числѣ семи богатырей, стоятъ Алеша Поповичъ, Добрыня, Илья: является татаринъ, бусурманченокъ, противъ котораго выѣзжаетъ Добрыня, за нимъ Алеша; уже послѣ того былина выводитъ на сцену Илью, принимающаго участіе въ общей сѣчѣ.

«Группа II-я выдѣляется, такимъ образомъ, для меня, какъ представляющая *древнѣйшій* типъ былины. Если стать па мою точку зрѣнія, то происхожденіе другихъ типовъ (I-го и III-го) объяснить будетъ легко. Во второй группѣ, т.-е. въ ея древнемъ оригиналѣ, кіевское пріуроченіе отсутствовало, бой совершался въ одну изъ поѣздокъ Ильи: онъ наѣзжалъ на «сокольника». Позднѣе, когда Илья присталъ къ Кіеву, явился главнымъ стоятелемъ за него, планъ мотива измѣнился: наѣзжалъ уже сокольникъ и Илья выходилъ къ нему на встрѣчу, чтобы помѣряться съ нимъ. Здѣсь представлялась возможность двоякой дифференціаціи: Илья выѣзжалъ противъ поединщика (группа № III), либо стоялъ съ другими на заставѣ, когда ему пришлось вѣдаться съ пріѣзжимъ богатыремъ (группа № I). Представленіе заставы всего глубже проникло въ былинный сюжетъ: мы встрѣтили его и въ пѣсняхъ, отнесенныхъ нами ко II-й группѣ. Заставой открывалась и другая былина о боѣ: пѣсня о гибели богатырей на Руси; вліяніе ея запѣва на начальную сцену нашей былины представляется мнѣ вѣроятнымъ для нашей первой группы» [1]).

При всемъ остроуміи, построеніе А. Н. Веселовскимъ первоначальнаго или древнѣйшаго типа былины о боѣ Ильи съ сыномъ представляется мнѣ нѣсколько искусственнымъ и едва ли вполнѣ согласнымъ съ наличными, доселѣ извѣстными былинами. На предпочтеніе, оказываемое II-му типу (см. выше), кажется, всего болѣе повліяло сходство, намѣчаемое А. Н. Веселовскимъ между схемой этого типа и схемой эпизода изъ Тидрексаги, и особенно представленіе сына съ признаками соколинаго охотника. Но если мы ближе всмотримся въ тѣ рубрики схемы, которыя сопоставляетъ между собою А. Н. Веселовскій, то сходство между Тидрексагой и II-мъ типомъ былинъ о боѣ отца съ сыномъ представляется не настолько яркимъ, чтобъ могло свидѣтельствовать въ пользу особой древности (и прочности) этого типа.

---

[1]) *Тамъ же, стр. 334, 336 и 337.*

1. *Поѣздка Ильи и Добрыни=Гильдебранда и Конрада.*

Если Илья естественно сопоставляется съ Гильдебрандомъ, то Добрынѣ едва ли соотвѣтствуетъ Конрадъ. Добрыня вмѣстѣ съ Ильей встрѣчаетъ сына Ильи, между тѣмъ какъ Конрадъ только совѣтуетъ Гильдебранду не биться съ Алебрандомъ и покидаетъ стараго рыцаря раньше его встрѣчи съ Алебрандомъ.

Такимъ образомъ, Конрадъ играетъ ту же роль, что герцогъ Амелунгъ въ нѣмецкой пѣснѣ, предупреждающій Гильдебранда о предстоящей ему встрѣчѣ съ Алебрандомъ, или Дитрихъ Бернскій, совѣтующій Гильдебранду повести дружескія рѣчи съ юнымъ богатыремъ.

Выѣздъ Гильдебранда также не вполнѣ соотвѣтствуетъ выѣзду Ильи: Гильдебрандъ возвращается въ Бернъ, гдѣ у него жена, которую онъ не видалъ 30 лѣтъ. Илья выѣзжаетъ въ поле изъ Кіева [1]), повидимому, безъ опредѣленной цѣли и располагается въ шатрѣ на горѣ.

2. *Илья-Гильдебрандъ встрѣчается съ сыномъ; описывается вооруженіе молодца; съ нимъ выжлецы и соколъ-ястребъ.*

Вся эта рубрика принадлежитъ не только этому типу, но и типу № I. Сынъ Ильи и въ былинахъ № 1 называется иногда сокольникомъ [2]) или имѣетъ признаки сокольника [3])—сокола и выжлецовъ. Между тѣмъ, А. Н. Веселовскій, считая аттрибуты Сокольничка въ типѣ № II неслучайными, выводитъ изъ нихъ, что они не показываютъ на заѣзжаго богатыря. Сынъ, по мнѣнію автора, у себя дома и только выѣхалъ на охоту. На нашъ взглядъ, едва ли присутствіе сокола и выжлецовъ можетъ дать основаніе къ такому выводу. *Сынъ* во всѣхъ былинахъ является иноземнымъ наѣздникомъ, одинаково во всѣхъ 3-хъ различаемыхъ акад. Веселовскимъ типахъ. Въ былинахъ II-го типа онъ иногда называетъ своею родиной западную или сѣверную сторону, Золотую орду [4]), землю Задонскую [5]), между тѣмъ какъ отецъ (Илья), стоитъ ли онъ на Фаворъ-горѣ или на Сафатъ-рѣкѣ, все же предполагается не выѣзжающимъ за предѣлы Руси. Слѣдовательно, вопросъ: кто у себя дома—отецъ или сынъ?—рѣшается былинами скорѣе въ пользу отца, не такъ какъ въ Тидрексагѣ, гдѣ отецъ представленъ возвращающимся домой къ женѣ въ Бернъ.

3. *Бой идетъ сначала конный, потомъ пѣшій.*

Эта рубрика схемы № II можетъ быть повторена и въ обѣихъ другихъ былинныхъ группахъ (I и III). Замѣтимъ только, что детали боя русскихъ былинъ, какъ мы видѣли, гораздо болѣе напоминаютъ бой Рустема съ Сохрабомъ, чѣмъ Гильдебранда съ Алебрандомъ, именно тремя видами оружія (палицы, копья, мечи) и борьбой.

---

[1]) Въ былинѣ этой группы *Гильферд.* № 233 даже неизвѣстно откуда.

[2]) Наприм., *Рыбниковъ,* I, № 13.

[3]) Наприм., *Кирѣевскій,* I, № 5 (соколъ); *Кирѣевскій,* IV, № 3 (кречетъ и соколъ); *Кирѣев.*, VII, прилож. № 1 (кречетъ и выжлоки).

[4]) *Гильфердингъ,* №№ 226, 233.

[5]) *Кирѣевскій,* I, № 6.

4. *Нѣмец. сильный ударъ, нанесенный сыномъ, устрашаетъ отца; русс. Илья падаетъ подъ ударами сына. Илья - Гильдебрандъ повергаетъ юнаго богатыря на землю.*

Эта рубрика опять не представляетъ ничего типическаго для схемы № II, такъ какъ относится и къ другимъ былиннымъ группамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, детали нашихъ былинъ снова болѣе напоминаютъ бой Рустема съ Сохрабомъ, чѣмъ бой нѣмецкихъ рыцарей. Сынъ (Сокольникъ-Сохрабъ) сначала повалилъ отца (а не только устрашилъ его ударомъ), слѣдовательно, оказался сильнѣе отца, который, только возстановивъ силы молитвой, могъ затѣмъ одолѣть сына. Наконецъ, въ нѣмецкихъ пересказахъ боя отца съ сыномъ трагическаго исхода фактически нѣтъ, и онъ только *предполагается* для древне-нѣмецкой пѣсни о Гильдебрандѣ и Гадубрантѣ, относимой къ VIII вѣку (?), по дошедшей до насъ безъ окончанія; между тѣмъ какъ въ нашихъ былинахъ трагическій исходъ, какъ въ *Рустеміадѣ*, есть основной. Такимъ образомъ, чрезъ сопоставленіе былинъ II й группы съ Тидрексагой едва ли можно сдѣлать выводъ о большей архаичности этой группы и, ставъ на точку А. Н. Веселовскаго, выводить изъ типа № II типы № I (открывающійся заставой) и № III (появленіемъ наѣздника у Кіева). А. Н. Веселовскій самъ признаетъ, что представленіе *заставы* всего глубже проникло въ былинный сюжетъ, такъ какъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ былинахъ, отнесенныхъ имъ ко II-й группѣ. Проще сказать, *застава* встрѣчается въ огромномъ большинствѣ былинъ разсматриваемаго сюжета (въ 14 изъ 19) и, по всей вѣроятности, была въ наидревнѣйшемъ или основномъ типѣ. *Вторая* группа въ распредѣленіи А. Н. Веселовскаго выводится только изъ трехъ [1]) или (если считать недосказанную былину Кир. № 6) изъ четырехъ былинъ и почти во всемъ, кромѣ *зачала*, совпадаетъ съ первой. *Третья* группа (наѣздъ нахвальщика въ Кіевъ) представлена только *одною* былиной [2]). Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ позволяю себѣ вывести заключеніе, что къ *основной* редакціи принадлежатъ именно былины, открывающіяся богатырскою заставой, мимо которой проѣзжаетъ сокольникъ (etc.), а немногочисленныя остальныя былины не могутъ считаться *двумя* группами, на такихъ же правахъ, какъ былины основной редакціи, такъ какъ, въ сущности, представляютъ уклоненія отъ нихъ только въ зачалѣ.

И такъ, можно думать, что *основная* схема сюжета о боѣ Ильи съ сыномъ открывалась богатырскою заставой, на которой стоялъ Илья съ другими богатырями. Далѣе являлся сокольникъ-юноша; съ нимъ пытался неудачно сразиться Добрыня; затѣмъ вступалъ въ бой Илья и, сначала опрокинутый пріѣзжимъ богатыремъ, потомъ опрокидывалъ его, возстановивъ силы молитвой. На древность *такого* типа, кажется, можно найти указанія въ кавказскихъ пересказахъ разсматриваемаго эпизода изъ *Рустеміады*.

---

1) *Рыбниковъ*, III, № 14; *Гильфердингъ*, № 219; *Гильферд.*, №№ 226 и 233.
2) *Гильферд.*, № 46; *Рыбниковъ*, I, № 14.

Такъ, въ сванетскомъ сказаніи [1]) Ростомъ находится въ Караи (своемъ мѣстопребываніи для охоты) и туда пріѣзжаетъ Зурабъ, изображаемый охотникомъ. Онъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ костей палатку, гдѣ расположился ночевать.

Въ осетинской сказкѣ Ростомъ находится въ Абрасетъ-городѣ и туда пріѣзжаетъ отъ матери Зурапъ-ханъ [2]).

Но еще болѣе яркія указанія на наши былинные аттрибуты пріѣзжаго юноши-сокольника находимъ въ нѣкоторыхъ кабардинскихъ сказаніяхъ, по нѣкоторымъ чертамъ напоминающихъ нашу былину.

Такъ, въ сказаніи о *Пши-Бадиноко*, этотъ богатырь имѣетъ такія примѣты: впереди всадника кругообразная туча, позади птицы летаютъ, на спинѣ же коня онъ раскинулъ шатеръ, *пламя, которое онъ выдыхаетъ, жжетъ все на пути*, а по бокамъ двѣ самырь-собаки рѣзвятся; конь его прыгаетъ и рвется изъ тѣсной дорожной колеи. *Самъ онъ выдыхаетъ пламя клубами* и солнцемъ палитъ отвѣсно, конь же поднимаетъ голову свою подъ облака [3]).

Въ другомъ сказаніи «Насранжаке» выводится напоминающій Сохраба и Сокольника ребенокъ-богатырь Ашамазъ, выѣзжающій чтобы отомстить за смерть отца и допрашивающій предварительно объ убійцѣ отца мать съ *пристрастіемъ* (какъ Сохрабъ разспрашиваетъ Техмимэ объ имени своего отца). Ашамазъ выѣзжаетъ со двора на отцовскомъ конѣ «*съ соколомъ, усѣвшимся на концѣ его плеча, и съ собакой, прыгающею у груди* коня». Съ такими аттрибутами ребенокъ подъѣзжаетъ къ ставкѣ (покойнаго) отца, возлѣ которой стоитъ съ дружиной въ палаткахъ старый *нартъ* (богатырь) Насранжаке «съ бѣлою бородой» (Илья). Замѣтивъ дымокъ отъ костра, разложеннаго Ашамазомъ, предводитель нартовъ посылаетъ узнать, кто тамъ расположился, нарта Сосрыко (Добрыня) съ десяткомъ всадниковъ. Они направляются къ дыму, но, *не рѣшаясь* подъѣхать къ нему, осматриваютъ издали. Возвращаются всадники обратно и говорятъ: «Мы не могли приблизиться къ мѣсту, куда ты насъ послалъ». Насранжаке (Илья), разгнѣвавшись, садится на коня самъ, ѣдетъ вверхъ и къ дыму подъѣзжаетъ. Онъ спрашиваетъ у мальчика-богатыря, какого онъ рода. Тотъ сначала *за-*

---

[1]) См. *Этнограф. Обозрѣніе*, II, стр. 9.

[2]) См. *тамъ же*, стр. 17.

[3]) *Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ*, V, отд. 2, стр. 61. Ср. описанія сына Ильи:

Его храбра поѣздка молодецкая,
Ископыти у коня метано
По цѣлой овчины по барановой;
У коня изо рта пламя пышетъ,
Изъ ушей у коня кудревъ дымъ валитъ,
Исподъ стремени борзой выжлецъ выскакиваетъ,
У молодца съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетываетъ (*Рыбниковъ*, III, стр. 55).

пирается, но потомъ, когда Насранжаке, обидѣвшись, поворачиваетъ назадъ, говоритъ: «Благодатный *старецъ*, какъ же ты нетерпѣливъ! Вернись, я скажу тебѣ, кто я. Мой отецъ—Аша, я же Ашамазъ. Тотчасъ же Насранжаке слѣзаетъ съ коня и, облобызавъ мальчика, сажаетъ на коня и къ войску привозитъ» [1]). Дальнѣйшія похожденія Ашамаза—месть за отца—не представляютъ для насъ интереса, но приведенное начало сказанія, на нашъ взглядъ, живо напоминаетъ основной типъ нашихъ былинъ о встрѣчѣ Ильи съ Сокольникомъ. И въ нашихъ былинахъ о встрѣчѣ отца съ сыномъ, старый богатырь стоитъ на заставѣ съ дружиной, какъ сѣдой Насранжаке съ нартами на берегу Идиля (Волги) [2]). Къ заставѣ подъѣзжаетъ богатырь-мальчикъ, сокольникъ съ соколомъ и собаками. Предводитель богатырей посылаетъ главнаго послѣ себя (Добрыню, Сосрыко) посмотрѣть на пріѣзжаго, и посланный устрашается. За нимъ ѣдетъ старый богатырь и происходитъ *узнаніе*.

Въ дальнѣйшемъ наша *основная* былина расходится съ кабардинской, такъ какъ въ послѣдней другой сюжетъ—месть за убитаго отца, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ напоминающій сюжетъ исканія отца юнымъ богатыремъ-сыномъ. Думаемъ, что на кабардинскую обработку сюжета о мести мальчика-сына за отца повліялъ широко извѣстный сюжетъ о встрѣчѣ отца съ мальчикомъ-сыномъ, повліялъ именно на первую половину, которую мы только одну и сопоставляемъ съ первою половиной нашихъ былинъ о встрѣчѣ Ильи съ сокольникомъ. Если наше сопоставленіе основательно, то оно, съ одной стороны, свидѣтельствовало бы о томъ, что типъ, который намъ представляется основнымъ въ нашихъ былинахъ о встрѣчѣ Ильи съ сыномъ, достаточно древенъ, съ другой—содержало бы, быть можетъ, указаніе на путь (сѣверо-кавказскія степи), которымъ онъ пробрался на Русь [3]).

---

1) *Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ*, V, отд. 2, стр. 67.

2) Въ карачаевскомъ варіантѣ этого сказанія Насыранъ (=Насранжаке) оказывается роднымъ дядей мальчика-богатыря Ачимеза (=Ашамаза) и встрѣча происходитъ на заставѣ у р. Кубани (Сафатъ-рѣка). См. *Сборникъ мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа*, вып. III, отд. 2, стр. 142.

3) Впрочемъ, нужно замѣтить, что ни въ русскихъ, ни въ кавказскихъ сказаніяхъ аттрибуты богатырскаго юноши (соколъ, собаки) не даютъ намъ основанія видѣть въ немъ спеціально соколинаго охотника. Эти аттрибуты довольно распространенная въ сказкахъ черта разныхъ героевъ. Такъ, Иванъ бѣлый въ русской сказкѣ, изданной Н. С. Тихонравовымъ, имѣетъ богатырскаго коня, хорта (собаку) и сокола: „его богатырской конь жаръ ѣстъ, а хортъ зайца, а соколъ утку" (*Лѣтоп. русск. литер.*, кн. V, отд. 3, стр. 13). Въ бурятской сказкѣ о ханѣ-Гужирѣ чудовище Тальянъ-шара-мангатхай „несетъ на плечѣ топоръ, впереди его бѣжитъ его желтая *сабака*, надъ нимъ летаютъ большая *птица* и *коршунъ* (*Бурятскія сказки и повѣрья*, собранныя Хангаловымъ, Затоплявымъ и друг. 1889 г., стр. 66). Въ сказкѣ горскихъ татаръ Пятигорскаго округа такъ изображается юный богатырь Рачикау: „впереди его идетъ облако, въ которомъ летаютъ звѣзды и *вороны*; впереди свѣтитъ солнце, а сзади луна; подъ *лошадью прыгаютъ бѣлые зайцы*" (*Сбор. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа*, вып. *I, отд. 2, стр. 31)*.

Въ приведенномъ кабардинскомъ (и карачаевскомъ) сказаніи встрѣча дяди съ племянникомъ оканчивается *узнаніемъ*, и родственники становятся союзниками въ общемъ дѣлѣ—кровной мести за брата и отца. Но есть кабардинскія сказанія о враждебной встрѣчѣ дяди съ племянникомъ, причемъ племянникъ, напоминающій Сохраба, оказывается сильнѣе дяди, и тотъ убиваетъ его только при помощи хитрости, какъ Рустемъ Сохраба. Такъ, въ сказаніи о Сосрыко [1]), этотъ нартъ видитъ въ полѣ чернизину и наѣзжаетъ на юнаго богатыря. Сосрыко крикнулъ, но крикъ его не былъ услышанъ; погнался за нимъ, но не могъ нагнать. Тогда богатырь, обернувшись, крикнулъ и крикъ его пронзилъ Сосрыко; преслѣдуя потомъ и нагнавъ Сосрыко, онъ вышибъ его изъ сѣдла и хотѣлъ уже снять ему голову (какъ Сохрабъ во 2-мъ боѣ Рустему). Сосрыко прибѣгнулъ къ хитрости и говоритъ, что у нартовъ теперь празднество, что въ такой день ихъ родъ не убиваютъ и что имъ должно назначить другой бой. Юный богатырь Тотырешъ соглашается пощадить Сосрыко, какъ Сохрабъ Рустема. Сосрыко узнаетъ отъ Сатаны, своей названной матери, что Тотырешъ его племянникъ, и посредствомъ хитрости, испугавъ его коня, сбросилъ Тотыреша съ сѣдла. Затѣмъ онъ, наскочивъ, вынулъ мечъ, чтобы снять ему голову. «Стой, я уступилъ тебѣ вчерашній день, — сказалъ Тотырешъ, — сегодняшній ты долженъ уступить мнѣ». — «А пропади ты, глупый юноша! Станутъ ли ждать насъ нарты, пока мы будемъ возиться, назначая другъ другу сроки»,—отвѣтилъ Сосрыко и, снявъ голову Тотырешу, вернулся домой.

Если изъ этого разсказа устранить нѣкоторыя кавказскія детали, то въ основѣ онъ представляется варіантомъ боя Рустема съ Сохрабомъ, и, притомъ, такимъ, въ которомъ *сила* юнаго богатыря изображается значительно превосходящею силу стараго, который поэтому и одолѣваетъ противника только благодаря хитрости.

Вспомнимъ, что и въ нашихъ былинахъ иногда юный богатырь надѣленъ силою непомѣрной, напоминающею почти силу Святогора. Такъ, въ былинѣ, изданной Л. Н. Майковымъ [2]), Илья Муромецъ, настигнувъ нахвальщика, который, какъ впослѣдствіи оказывается, былъ ему *племянникомъ* (какъ Тотырешъ нарту Сосрыко),—

Загаркалъ по звѣриному
И засвисталъ-то ёнъ по соколиному.
Подъ нимъ (нахвальщикомъ) конь не шарашитьсе,
И самъ на конѣ не оглянетьсе [3]).
Оглянулся удалый добрый молодецъ,
Загаркалъ-то ёнъ по звѣриному,
Подъ Ильей Муромцемъ конь на колѣнка палъ [4]).

---

[1]) *Сборн. свѣд. о кавказ. горцахъ*, вып. V, отд. 2, стр. 56 и слѣд.

[2]) *Русск. Филол. Вѣстникъ* 1885 г., № 1, стр. 52 и слѣд.

[3]) Такъ же мало дѣйствуетъ крикъ Сосрыко на Тотыреша и крикъ Ростома на Зурапъ-хана въ осетинскомъ пересказѣ (см. выше).

[4]) Такъ Тотырешъ пронзилъ Сосрыко своимъ крикомъ.

Затѣмъ Илья бьетъ нахвальщика палицей по головѣ, но тотъ не чувствуетъ удара и считаетъ его уколомъ комара. Слѣдуетъ обычный бой, *узнаніе*, причемъ наѣзжій богатырь называетъ себя Кузьмой Семерцяниновымъ, коварная попытка племянника убить Илью, спящаго въ шатрѣ, и убіеніе его дядей [1]).

Мы отмѣтили нѣкоторыя сходства въ деталяхъ между нашими пересказами боя отца съ сыномъ и кавказскими, съ цѣлью намѣтить вѣроятный путь перехода разсматриваемаго сюжета съ Востока въ южно-русскія степи. Кавказскія сказанія въ вопросѣ объ иранскихъ отголоскахъ въ нашемъ эпосѣ представляютъ несомнѣнный интересъ, особенно въ виду того, что въ однихъ пересказахъ сохранились, какъ мы видимъ, за дѣйствующими лицами еще иранскія имена Ростома и Зураба, а въ другихъ, при несомнѣнной принадлежности ихъ тому же иранскому источнику, иранскія имена уже замѣнены кавказскими (Насранжаке - Тотырешъ) и внесены нѣкоторыя черты, свойственныя кавказскому нартскому эпосу.

Такимъ образомъ, пересказы 2-го рода стоятъ на той же ступени, какъ русскіе, воспринявшіе, подобно имъ, черты русскаго богатырскаго эпоса. Наблюдать такую послѣдовательную переработку чужаго въ свое на Кавказѣ особенно удобно, такъ какъ здѣсь встрѣчаются рядомъ оба типа сказанія—иранскія, слегка передѣланныя, но сохранившія еще древнія имена, и иранскія же второй формаціи, введенныя въ нартскій эпосъ и утратившія древнія имена; между тѣмъ какъ на Руси, вслѣдствіе значительнаго временнаго и пространственнаго удаленія, иранскіе сюжеты, проникшіе, притомъ, въ нашъ эпосъ не непосредственно изъ Ирана, а чрезъ инородческую (тюркскую) среду, подверглись болѣе существенной переработкѣ и восприняли такую національную окраску, которая иногда дѣлаетъ почти неузнаваемыми черты иноземнаго оригинала.

Во всемъ вышеизложенномъ мы исходили изъ предположенія, что на личность Ильи Муромца наслоились нѣкоторыя черты Рустема иранскихъ сказаній и въ томъ числѣ мотивъ боя Рустема съ Сохрабомъ. Однако, многими изслѣдователями народныхъ сказаній уже давно указано, что мотивъ боя отца съ сыномъ встрѣчается въ сказаніяхъ многихъ народностей, что это одинъ изъ любимыхъ эпическихъ сюжетовъ. О. Миллеръ всю первую главу своей книги объ Ильѣ Муромцѣ посвятилъ разсмотрѣнію сказанія о боѣ между отцомъ и сыномъ у различныхъ народовъ и, привлекая къ сравненію разсказы греческій, германскіе, кельтскій и иранскій, выставляетъ на видъ характерныя особенности каждаго изъ нихъ и въ томъ числѣ русскаго, высказываясь всюду рѣшительнымъ противникомъ теоріи заимствованія. Точно также А. Н. Веселовскій, сопоставляя въ деталяхъ нѣмецкую пѣснь и эпизодъ изъ Тидрексаги съ нашими пѣснями о боѣ Ильи съ сыномъ, пользуется первыми для выведенія основной или наиболѣе древней

---

[1]) *Удары палицей*, не дѣйствующіе на Сокольника, упоминаются также въ былинахъ *Рыбник.*, *I*, *№ 14—Гильфер.*, № 40.

редакціи нашихъ былинъ и нигдѣ не проскальзываетъ у него мысль о возможности заимствованія сюжета о боѣ отца съ сыномъ ни нами отъ нѣмцевъ, ни ими отъ насъ. Такимъ образомъ, наше предположеніе о наслоеніи иранскихъ чертъ на наши былины о боѣ Ильи съ сыномъ стоитъ въ противорѣчіи съ общепринятымъ мнѣніемъ о принадлежности разсматриваемаго сюжета разнымъ народамъ Европы и Азіи, и, высказывая его, прибѣгая къ опасной теоріи заимствованія, мы вступаемъ на почву очень зыбкую. Сознавая вполнѣ зыбкость этой почвы, мы думаемъ, однако, что дискредитованная В. В. Стасовымъ теорія и со времени *Происхожденія русскихъ былинъ* такъ блестяще прилагаемая акад. Веселовскимъ къ обнаруженію греческихъ былинныхъ сюжетовъ, вошедшихъ въ нашъ эпосъ, имѣетъ всѣ права на вниманіе, но подъ двумя условіями: она приложима, во-первыхъ, въ такихъ случаяхъ, когда сравниваемыя сказанія у разныхъ народностей представляютъ слишкомъ близкое сходство въ деталяхъ, чтобы можно было это сходство объяснять эпическою случайностью, основанною на одинаковости психическихъ свойствъ людей вообще; во-вторыхъ, если заимствованіе однимъ народомъ у другого находится въ связи съ историческими данными и можетъ быть прослѣженъ или, по крайней мѣрѣ, намѣченъ путь, которымъ шло вліяніе одного народа на другой. Думаемъ, что въ нашемъ случаѣ мы имѣемъ оба эти условія.

Дѣйствительно, если мы сравнимъ наши пересказы о боѣ отца съ сыномъ съ западными—германскими, кельтскимъ (что̀ въ достаточной полнотѣ сдѣлано О. Миллеромъ) и затѣмъ съ иранскими (кавказскими), то не можетъ быть сомнѣнія, что наши несравненно ближе къ восточнымъ, чѣмъ къ западнымъ. Въ нашу компетенцію не входитъ вопросъ, представляютъ ли изводы германскіе и кельтскій самостоятельные пересказы «общаго» сюжета, или заимствованіе изъ какихъ-нибудь иноземныхъ источниковъ; но мы можемъ смѣло сказать, что всѣ эти изводы представляютъ гораздо меньше сходства въ деталяхъ съ иранскимъ сказаніемъ, нежели наши, что, впрочемъ, было нѣсколько разъ отмѣчаемо и О. Миллеромъ. О германскомъ пересказѣ уже была рѣчь выше и потому остановимся на кельтскомъ. Извѣстно, что въ гаэльскомъ подлинникѣ, изданномъ Макферсономъ послѣ его англійскаго перевода, пѣсня о Картонѣ, убитомъ своимъ отцомъ Клизаморомъ, оказывается неполною: она обрывается до начала боя отца съ сыномъ; ходъ же боя и его трагическій исходъ мы знаемъ только изъ значительно «подправленнаго» (и заподозриваемаго) англійскаго перевода. Вотъ существенныя черты макферсоновскаго изложенія нашего сюжета.

Клизаморъ былъ прибитъ бурею къ берегамъ рѣки Клейда и гостепріимно встрѣченъ Ревтамиромъ, старѣйшиной ближняго города, обитаемаго бриттами. Въ довершеніе гостепріимства, онъ выдаетъ за пріѣзжаго свою дочь. Между тѣмъ, оказывается, что ее давно уже любилъ одинъ бриттъ. Между нимъ и новымъ ея женихомъ завязывается бой, кончающійся смертью бритта. Въ отмщеніе за убіеніе прежняго претендента бритты нападаютъ на Клизамора, и онъ принужденъ спасаться вплавь. Достигнувъ судовъ,

онъ хотѣлъ было немного спустя вернуться за женой, но постоянно противный вѣтеръ помѣшалъ этому.

Моина, жена Клизамора, родила сына и умерла вслѣдъ за тѣмъ. Дѣдъ назвалъ мальчика Картономъ. Когда ему было три года, Комгалъ, вождь ировъ, въ одинъ изъ походовъ своихъ на бриттовъ сжегъ родной городъ Картона, причемъ былъ убитъ его дѣдъ, самъ же онъ спасенъ своею нянькой. Достигнувъ юношескаго возраста, Картонъ рѣшился отомстить врагамъ, не воображая, что въ рядахъ ихъ, въ числѣ прочихъ сподвижниковъ Фингала, сына Комгалова, ему придется встрѣтиться съ отцомъ своимъ Клизаморомъ. Наканунѣ битвы обнаруживаются зловѣщіе признаки. Пораженный ими Фингалъ отправляетъ къ Картону посла съ предложеніемъ мира; но юный герой отвергаетъ предложеніе, припоминая сожженіе ирами его роднаго города (здѣсь обрывается гаэльскій подлинникъ и остальное мы узнаемъ уже изъ пересказа Макферсона).

Между тѣмъ, у Фингала снова выказывается участіе къ Картону: онъ не хочетъ самъ выступать противъ юноши и вызываетъ желающаго съ нимъ сразиться изъ своей дружины. Противъ Картона выходитъ одинъ изъ богатырей Фингала, потомъ другой, и оба падаютъ подъ его ударами.

Тогда Фингалъ высылаетъ въ бой Клизамора. У юноши является предположеніе, что старый богатырь—его отецъ, и онъ обращается къ нему съ вопросомъ объ его имени. Клизаморъ говоритъ: «Я выросъ посреди браней, но никогда еще не называлъ врагу своего имени». Начинается бой. Копье Картона блуждало въ его рукѣ: все представлялось ему, что его противникъ — мужъ Моины. Но вотъ онъ переламываетъ пополамъ копье Клизамора и вырываетъ у него изъ рукъ мечъ; но когда онъ собирался связать старика, тотъ извлекъ изъ ноженъ кинжалъ и, замѣтивъ открытое мѣсто у своего врага, нанесъ ему рану въ бокъ. На помощь бьющемуся съ Картономъ Клизамору поспѣшилъ Фингалъ, но онъ застаетъ Картона уже умирающимъ. Умирая, юный витязь сожалѣетъ, что ему не пришлось сразиться съ самимъ Фингаломъ и что онъ умретъ въ безвѣстности. «Нѣтъ, этого не будетъ»,—возражаетъ Фингалъ и обѣщаетъ, что пѣвцы Морвена будутъ прославлять въ потомствѣ его юную доблесть. Радость снова засіяла въ лицѣ Картона. Онъ передалъ Фингалу свой мечъ, съ тѣмъ, чтобы, повѣшенный въ его чертогѣ, онъ напоминалъ о безвременной гибели юнаго витязя. Бой вокругъ смолкъ; пѣвецъ пропѣлъ пѣсню мира. Вожди окружили умирающаго Картона и, опершись на мечи, внимали его предсмертнымъ словамъ. «Король Морвена,— сказалъ Картонъ,— я гибну на серединѣ пути. Чужая могила приметъ во цвѣтѣ лѣтъ послѣдняго изъ поколѣнія Ревтамира... Сохрани же ты здѣсь воспоминанія о Картонѣ! Можетъ быть, мужъ Моины и прольетъ когда-нибудь горючія слезы о гибели своего сына Картона». Слова эти прямо проникли Клизамору въ сердце, и онъ въ безмолвіи склонился надъ своимъ сыномъ...

Три дня оплакивали Картона; на четвертый умеръ и его отецъ [1]).

[1]) *См. О. Миллеръ*, *стр.* 7—11.

Изъ этого изложенія содержанія кельтскаго сказанія видно, что оно принадлежитъ только къ одной и той же эпической «формулѣ», какъ иранское, но расходится съ послѣднимъ въ весьма существенныхъ чертахъ. Такъ, мать Картона умираетъ, произведя его на свѣтъ, и потому не можетъ дать ему никакихъ указаній объ его отцѣ. Сынъ не ищетъ отца, а предпринимаетъ походъ, чтобы отомстить за сожженіе родного города. Это сожженіе, совершонное врагами во время малолѣтства Картона, не находитъ никакого соотвѣтствія въ разсказѣ о дѣтствѣ Сохраба и другихъ сыновей, бьющихся съ отцами. Отецъ, убивъ сына, самъ умираетъ съ горя, чего нѣтъ въ другихъ аналогичныхъ сказаніяхъ. Наконецъ, главную роль въ кельтскомъ разсказѣ играетъ не отецъ (Клизаморъ), а предводитель ировъ, знаменитый Фингалъ, съ которымъ юный богатырь стремился сразиться.

Еще меньше сходства въ деталяхъ находимъ мы между германскими и иранскимъ сказаніемъ о боѣ отца съ сыномъ. Алебрандъ—сынъ Гильдебранда отъ законной жены (Уте), которую мужъ не видалъ 30 лѣтъ и къ которой вдругъ вздумалъ возвратиться. О дѣтствѣ сына ничего неизвѣстно. Сынъ не выѣзжаетъ искать отца, но встрѣчается съ нимъ въ то время, какъ послѣдній ѣдетъ къ его матери. Въ противуположность Сохрабу и Сокольнику, Алебрандъ не имѣетъ временнаго перевѣса надъ отцомъ и послѣ удара, ранившаго ему бедро, отдаетъ противнику свой мечъ. Наконецъ, бой не имѣетъ трагической развязки, и послѣднюю только *предполагаютъ* для древне-нѣмецкаго фрагмента пѣсни (VIII в.?) о боѣ Гильдебранда съ Гадубрантомъ.

Послѣ труда О. Миллера стали извѣстны еще два новые варіанта сказанія о боѣ отца съ сыномъ—эстонскій и киргизскій, которые я разсмотрѣлъ въ отдѣльной замѣткѣ [1]). Отсылая за подробностями къ моей статьѣ, коснусь лишь вкратцѣ содержанія новыхъ варіантовъ, чтобы опредѣлить ихъ отношеніе къ иранскому и русскимъ пересказамъ.

Герой эстонскаго носитъ имя Кивви-аль, т.-е. человѣкъ съ силой подъ камнемъ, объясняющееся тѣмъ, что, тяготимый чрезмѣрною силой, онъ сложилъ часть ея подъ камень. Затѣмъ женился, произвелъ сына, но, соскучившись сидѣть дома, покинулъ жену, оставивъ для малютки примѣту (волчій зубъ на цѣпочкѣ), и изъ Эстляндіи перешелъ черезъ море въ Финляндію, гдѣ, совершивъ много подвиговъ, женился на другой женщинѣ и имѣлъ много сыновей и дочерей. Когда возгорѣлась война между финляндцами и покинутою имъ родиной, Кивви-аль былъ на сторонѣ финляндцевъ и сильно тѣснилъ непріятелей. Противъ него выступаетъ прекрасный юноша, побѣждаетъ неузнаннаго отца и щадитъ его жизнь. Раздраженный пораженіемъ отецъ рѣшаетъ вернуть себѣ прежнюю силу и идетъ къ камню, подъ которымъ онъ ее спряталъ. Вся природа предостерегаетъ его, но напрасно. Вернувшись съ прежнею силой, Кивви-аль поборолъ юнаго

---

[1]) *Этнограф. Обозрѣніе. Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ,* кн. V, стр. 116 и слѣд.

богатыря, наступилъ ему колѣномъ на грудь, разорвалъ одежду и хотѣлъ вонзить ему мечъ въ сердце. Тутъ онъ увидѣлъ на юношѣ волчій зубъ на цѣпочкѣ. По этой примѣтѣ онъ узналъ сына, далеко отбросилъ мечъ и воскликнулъ: «Ты мой сынъ, вставай, обними меня!» Но юноша уже не могъ подняться на ноги: отецъ такъ сильно надавилъ ему колѣномъ на грудь, что сломалъ ее. Юноша печально взглянулъ на отца, вздохнулъ и скончался. Кивви-аль въ отчаяніи рвалъ себѣ волосы и громко стоналъ. Потомъ, оплакавъ сына, онъ похоронилъ его и вернулся въ Финляндію. Здѣсь онъ перебилъ всѣхъ дѣтей своихъ отъ финской жены, а самъ бросился внизъ съ высокой скалы и убился до смерти.

Въ своемъ этюдѣ объ этой сказкѣ дерптскій профессоръ Шрёдеръ сравниваетъ ее съ другими однородными сказаніями и приходитъ къ заключенію, что между всѣми европейскими пересказами эстонскій отличается наибольшею близостью къ иранскому.

Спеціальныя сходныя черты обоихъ сказаній слѣдующія: сложеніе отцомъ части силы, слишкомъ для него обременительной (Кивви-аль прячетъ ее подъ камень; Рустемъ передаетъ на сохраненіе *диву*), оставленіе сыну примѣты, отъѣздъ отца въ другую страну, осиленіе сыномъ отца въ первомъ бою, возвращеніе отцомъ прежней силы въ полномъ объемѣ, смерть сына, оплакиваніе и погребеніе его отцомъ. Большинство этихъ подробностей, какъ мы видѣли, встрѣчаются съ нѣкоторыми измѣненіями и въ нашихъ былинахъ о боѣ отца съ сыномъ. Что касается объясненія этихъ детальныхъ совпаденій между эстонскимъ и иранскимъ пересказами одного и того же сюжета, то проф. Шрёдеръ склоненъ объяснить ихъ заимствованіемъ эстами иранскаго сюжета въ средніе вѣка. «Такое заимствованіе,— говоритъ онъ,—такое странствованіе персидскаго разсказа къ эстамъ могло совершиться въ средніе вѣка, когда, по свидѣтельству многочисленныхъ кладовъ арабскихъ монетъ, шелъ торговый путь съ Востока чрезъ нашу страну (Эстляндію)» [1]).

Большій матеріалъ по отношенію къ нашимъ былинамъ представляетъ, на нашъ взглядъ, киргизскій пересказъ того же сюжета, записанный А. А. Ивановскимъ [2]). Киргизская сказка начинается описаніемъ боя между богатыремъ Гали и богатыршей царевной Даригой. Боролись 14 дней и на 15 Гали ослабѣлъ. Борцовъ розняли. Дарига послѣ боя откармливаетъ себя хлѣбомъ и мясомъ, а Гали молитъ въ горахъ Бога, чтобы онъ укрѣпилъ его къ дальнѣйшему бою. Ему является пророкъ Джабріилъ (Гавріилъ) и укрѣпляетъ его въ силѣ. Въ слѣдующей борьбѣ Гали осилилъ дѣвицу, но пощадилъ ее. Побѣжденная выходитъ за него замужъ, но вскорѣ послѣ свадьбы онъ покидаетъ ее, чтобы отправиться въ Медину, и велитъ назвать будущаго сына Сайдильдой. Мальчикъ, родившійся въ отсутствіе отца, уже достигши одного года, былъ такъ силенъ, что убивалъ другихъ

---

[1]) *Этногр. Обозрѣніе*, кн. V, стр. 119.
[2]) *Тамъ же, стр. 120 и слѣд.*

мальчиковъ щелчкомъ въ лобъ. Старуха, у которой онъ убилъ такимъ щелчкомъ сына, совѣтуетъ ему лучше отыскать своего отца, чѣмъ убивать дѣтей. Сайдильда пристаетъ къ матери съ вопросами о мѣстопребываніи отца и на ея отказъ угрожаетъ все равно уйти отъ нея. Отправившись изъ дому и приставши къ каравану, Сайдильда по дорогѣ убиваетъ змѣя. Прибывъ въ Медину, гдѣ въ то время жилъ пророкъ Магометъ, Сайдильда, какъ человѣкъ ученый, былъ избранъ муллой главной мечети. Магометъ призналъ въ немъ сына Гали, но Сайдильда, боясь, что Магометъ удержитъ его у себя, не сознается въ своемъ родствѣ съ Гали и уходитъ въ Мекку, гдѣ въ то время жилъ его отецъ. Здѣсь происходили въ то время игры и борьба. Сайдильда изъявляетъ желаніе бороться, и Магометъ, узнавъ объ этомъ желаніи, посылаетъ изъ Медины въ Мекку посла съ приказомъ, чтобы всѣ боролись съ Сайдильдой.

У Гали отъ первой жены было 9 сыновей. Сайдильда всѣхъ ихъ побарываетъ, а за ними побарываетъ и самого Гали, не зная, что это отецъ его. Гали спрашиваетъ Сайдильду: «Чей ты сынъ?» — «Я одинъ сынъ у матери,— отвѣчаетъ Сайдильда,— мой старшій отецъ—пророкъ Магометъ, а родной отецъ—«хазретъ» (святой) Гали». Обрадованный Гали обнимаетъ его и, цѣлуя, говоритъ: «Любезный мой, ты—мой сынъ». Сайдильда, услыхавъ это и испугавшись, что поборолъ отца, вырывается отъ отца и убѣгаетъ въ горы. Вбѣжавъ на самую высокую верхушку, онъ ударяетъ по ней своею палкой, и на этомъ мѣстѣ образуется бездонная пропасть. Сайдильда говоритъ: «за то, что я поборолъ своего отца и мнѣ теперь такой стыдъ, лучше уйти въ землю», и бросается въ эту пропасть, вмѣсто которой опять образовалась высокая гора.

Отмѣтимъ нѣкоторыя детали киргизской сказки:

1) Богатырша Даригà напоминаетъ богатыршу, мать Сокольника. Въ былинѣ Ефименка (№ VII) Златыгорка называется *сильною, преудалою* паленицею *лютой*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Даригà — царская дочь, и это напоминаетъ тѣ варіанты русскихъ былинъ, гдѣ сынъ Ильи называется Петромъ *царевичемъ* Золотничаниномъ (*Гильф.*, № 226, 233), или Збутомъ—*королевичемъ* Борисомъ (*Кирѣев.*, I, № 6).

2) Побѣжденный въ первомъ бою Даригой, Гали прибавляетъ себѣ силы молитвой Богу и остается побѣдителемъ во второмъ бою. Аналогію этому мотиву представляетъ, въ сказаніи Фирдоуси о боѣ Рустема съ Сохрабомъ, тотъ моментъ, когда, послѣ неудачнаго второго боя съ сыномъ, Рустемъ молится Богу, и тотъ возвращаетъ ему всю его прежнюю силу; въ русскихъ былинахъ — та черта, что у Ильи, лежавшаго подъ Сокольникомъ, по молитвѣ, прибыло силы вдвое. Но въ киргизской сказкѣ этотъ мотивъ *прибыванія силы* перенесенъ въ другое мѣсто—въ разсказъ о борьбѣ Гали (=Рустемъ=Илья) съ будущею матерью богатырскаго сына (Сайдильды=Сохраба=Сокольника).

3) Богатырскій сынъ въ киргизской сказкѣ, какъ и въ другихъ однородныхъ сказаніяхъ, ростетъ не по днямъ, а по часамъ, и уже въ возра-

стѣ *трехъ* лѣтъ ѣдетъ отыскивать отца. О необыкновенной молодости героевъ, тождественныхъ съ Сайдильдой, говорятъ сказанія другихъ народовъ: Сохрабъ отправляется на подвиги 12 лѣтъ, Сокольникъ имѣлъ, по былинѣ Ефименка (№ VII), 12 лѣтъ, когда выѣхалъ изъ дому.

4) Сайдильда подвергается укорамъ за то, что своими богатырскими «шуточками» убиваетъ сверстниковъ, и получаетъ при этомъ совѣтъ ѣхать отыскивать отца. О своемъ отцѣ онъ *подъ угрозой* узнаетъ отъ матери. У Фирдоуси хотя не говорится о богатырскихъ «шуточкахъ» Сохраба, но есть та подробность, что онъ въ возрастѣ 10 лѣтъ допытывается у матери (Техмимэ) о своемъ отцѣ, причемъ также прибѣгаетъ къ угрозѣ. Въ нашихъ былинахъ, какъ мы видѣли, также упоминаются *шуточки* Подсокольничка, за которыя ребята

Называли его (Подсокольничка) безотческимъ,
Называли его сколотнишемъ (незаконнорожденнымъ).

Эти слова молодцу за обиду показались, и онъ выспрашиваетъ, какъ Сайдильда, объ отцѣ у матери.

5) Киргизская сказка получила религіозную, мусульманскую окраску. Гали (=Рустемъ) оставляетъ жену (Даригу-Техмимэ), чтобы отправиться въ Медину молиться Богу. Сайдильда не только богатырь, но и знатокъ корана и избирается въ Мединѣ муллой главной мечети. Въ Мединѣ же живетъ самъ пророкъ Магометъ, котораго Сайдильда называетъ своимъ старшимъ отцомъ. Богатырь Гали также за свои религіозные подвиги оказывается святымъ (хазретъ). Однако, сквозь мусульманскую окраску просвѣчиваютъ нѣкоторыя черты болѣе примитивнаго характера. Такъ, Сайдильда, хотя и знаетъ коранъ лучше всякаго муллы, однако, убиваетъ въ шутку, щелчками по лбу, неповинныхъ мальчиковъ-сверстниковъ. Да и въ Магометѣ чувствуется какое-то другое эпическое лицо. Онъ замѣнилъ собою того эпическаго царя, который, опасаясь обоихъ богатырей—отца и сына, принимаетъ мѣры, чтобы они другъ друга не узнали и вступили бы въ бой. У Фирдоуси такую роль играетъ туранскій царь Афрасіабъ, хотя и иранскій царь Кейкаусъ нерасположенъ къ Рустему. Хотя киргизская сказка и измѣнила мотивы дѣйствій Магомета, но сохранила ту эпическую черту, что онъ содѣйствуетъ столкновенію отца съ сыномъ.

6) Прежде чѣмъ вступить въ борьбу съ Гали (=Рустемъ), Сайдильда (=Сохрабъ) борется съ другими богатырями, которыхъ киргизская сказка называетъ сыновьями Гали. Въ сказаніи Фирдоуси этому соотвѣтствуетъ то, что Сохрабъ, прежде чѣмъ вступить въ бой съ отцомъ, побѣждаетъ другихъ иранскихъ богатырей и обращаетъ въ бѣгство самаго сильнаго между ними Туса, предводителя всего царскаго войска. Въ нашихъ былинахъ Сокольникъ обращаетъ въ бѣгство богатыря Добрыню, и Илья выступаетъ (какъ Рустемъ и киргизскій Гали) противъ сына только тогда, когда уже ему «некѣмъ замѣниться».

7) На описаніи боя отца съ сыномъ, столь подробномъ у Фирдоуси и *въ нашихъ былинахъ*, киргизская сказка (по крайней мѣрѣ, по записи

г. Ивановскаго) не останавливается и только упоминаетъ результатъ боя. Сынъ оказывается сильнѣе отца. Такимъ оказывается въ первыхъ двухъ схваткахъ съ отцомъ и Сохрабъ, да и нашъ Сокольникъ сначала опрокидываетъ Илью. Затѣмъ въ сказкѣ слѣдуетъ «узнаніе», и Гали любовно относится къ побѣдившему его сыну. Казалось бы, что этимъ сказка должна бы кончиться. Но здѣсь-то всего яснѣе и замѣчается передѣлка, которой у киргизовъ подверглось древнее сказаніе, имѣвшее трагическій исходъ. Этотъ исходъ сохраненъ, но обстоятельства, его сопровождающія, измѣнены, и смерть сына получила новую мотивировку.

Въ виду религіозной окраски, Гали, какъ святой (хазретъ), не долженъ былъ совершить сыноубійство; между тѣмъ, главный интересъ древняго сюжета боя отца съ сыномъ заключается именно въ его трагической развязкѣ. Желая сохранить этотъ интересъ, киргизскій разскащикъ нашелъ исходъ въ томъ, что сынъ, поборовшій отца, подъ вліяніемъ утонченнаго чувства стыда, вызваннаго мыслью, что онъ поднялъ руку на отца (хотя и по незнанію), кончаетъ жизнь самоубійствомъ.

Наши былины также въ огромномъ большинствѣ сохранили трагическій исходъ боя отца съ сыномъ, но, чтобы *обѣлить* Илью въ сыноубійствѣ, ввели мотивъ о коварномъ покушеніи сына на спящаго отца. Такимъ образомъ, стремленіе сохранить древнюю трагическую развязку вызвало и въ русскомъ, и въ киргизскомъ пересказахъ переработку окончанія сказанія о боѣ отца съ сыномъ, новую мотивировку смерти сына, причемъ въ томъ и другомъ эпосѣ съ отца снята всякая нравственная отвѣтственность за смерть сына, чего нельзя сказать ни про иранскаго Рустема (у Фирдоуси), ни про кавказскаго Ростома [1]).

Киргизскій пересказъ, представляющій нѣкоторыя черты спеціальной близости къ русскимъ, доказываетъ своимъ началомъ древность того мотива, что отношенія между богатыремъ и женщиной, будущею матерью богатырскаго сына, начинаются боемъ. Хотя этотъ мотивъ отсутствуетъ въ изложеніи Фирдоуси, но онъ могъ существовать въ персидскихъ народныхъ варіантахъ того же сюжета и, во всякомъ случаѣ, быть внесенъ въ другія восточныя передѣлки, какими представляются пересказы киргизскій и кавказскіе. Въ виду общепризнаннаго значительнаго вліянія иранской культуры на туранскія (тюркскія) племена, не трудно допустить, что киргизская сказка представляетъ отголосокъ иранскаго эпическаго сюжета.

Вспомнимъ, что тюркскія племена, проникшія въ Трансоксанію, нашли здѣсь древнюю насиженную иранскую культуру, города, промышленность, торговлю и искусство [2]). Этимъ объясняется присутствіе значительнаго количества иранскихъ культурныхъ словъ въ тюркскихъ языкахъ и нѣкоторыхъ персидскихъ мотивовъ въ ихъ сказаніяхъ [3]). Религія Зороастра,

---

1) См. мою статью: *Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ. Этногр. Обозрѣніе*, кн. II, стр. 9, 14 и 17 и прилож.

2) См., наприм., *Vambery*: „Geschichte Bochara's oder Transoxaniens“ I, стр. 5, 9.

3) См. предисловіе акад. Шифнера къ I и II томамъ Радлова: „Proben der *Volkslitteratur* der türkischen Stämme Süd-sibiriens“.

повидимому, вышла далеко за предѣлы Ирана: извѣстный иранистъ Шпигель указываетъ на существованіе парсійскаго культа огня у кочевыхъ тюрковъ Тяньшана еще въ VII столѣтіи [1]). Акад. Шифнеръ указываетъ на слѣды древне-иранскаго вліянія, сохраняющіеся доселѣ въ пѣсняхъ алтайскихъ тюрковъ (наприм., богъ Курбыстанъ изъ монгольской передѣлки (Хурмусту) иранскаго имени бога Ормазда: Шалъ-Йима, играющій значительную роль въ алтайскихъ сказаніяхъ о сотвореніи міра, есть передѣлка иранскаго миѳическаго прародителя Йимы (Jima), извѣстнаго въ Зендавестѣ [2]), миѳическая рыба *кэръ* въ сказаніяхъ сагайцевъ соотвѣтствуетъ иранской миѳической рыбѣ *кара*, упоминаемой въ парсійскихъ религіозныхъ источникахъ, и т. п. [3]). Въ виду подобныхъ фактовъ перехода иранскихъ эпическихъ именъ и миѳовъ къ кочевымъ тюркскимъ племенамъ, и въ сказкѣ, записанной у киргизовъ г. Ивановскимъ, я позволяю себѣ видѣть отголосокъ *Рустеміады*, конечно, перешедшій чрезъ рядъ передѣлокъ и окрасившійся мусульманскимъ религіознымъ характеромъ. Подтвержденіемъ тому, что богатырь Рустемъ извѣстенъ въ Туркестанѣ, можетъ служить киргизская легенда, недавно изданная въ киргизской газетѣ (прибавленіе къ *Акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ*) [4]) и обязательно указанная мнѣ А. А. Ивановскимъ. Въ ней упоминается близъ Ходжента могила богатыря Рустема, славнаго *бойца Туркестана*.

Такимъ образомъ, какъ и въ нѣкоторыхъ кавказскихъ отрывкахъ *Рустеміады* [5]), Рустемъ изъ пехлевана Ирана сталъ богатыремъ Турана. Такъ свободно и просто народъ усвоиваетъ себѣ чужого, иноземнаго героя и дѣлаетъ его своимъ національнымъ защитникомъ! Что удивительнаго, если такую же роль могъ получить восточный Рустемъ, національзировавшись въ нашемъ эпосѣ?

Резюмируемъ теперь всѣ выше отмѣченныя черты детальнаго сходства между русскими и иранскими сказаніями разсматриваемаго сюжета для того, чтобъ отвѣтить на вопросъ, слѣдуетъ ли такое сходство объяснять эпическою случайностью или нашимъ предположеніемъ объ иранскихъ отголоскахъ въ русскомъ эпосѣ.

1) Какъ въ иранскомъ, такъ и въ русскомъ эпосѣ отецъ, бьющійся съ сыномъ, есть главная, центральная фигура народныхъ сказаній. Ни Гильдебрандъ, ни Клизаморъ не занимаютъ такого мѣста въ германскомъ и кельтскомъ эпосѣ. Перваго затмѣваетъ Дитрихъ Бернскій, втораго—Фингалъ, между тѣмъ какъ нашъ Илья и иранскій Рустемъ—главные среди другихъ эпическихъ богатырей Руси и Ирана.

---

1) См. *Vambery*, наз. соч. I, стр. 15.

2) *Radloff*, наз. соч., I, p. 183 и 175.

3) См. также замѣтку *Кёлера*: „Die Pehlevi-erzählung von Goscht-i-fryano und der kirgisische Büchergesang und die Lerche“, въ *Zeit. d. Deut. Morgenländ. Gesellschaft*, XXIX.

4) „Акджана“, киргизская легенда № 86, 1890 г.

5) См. *Этнографическое Обозрѣніе*, II, стр. 7, 24 и Прилож.

2) Царевнѣ Техмимэ соотвѣтствуетъ *королевна* или *царевна* Задонская.

3) Наставленіе богатыря, покидающаго женщину, на случай рожденія ею сына или дочери и оставленіе въ качествѣ примѣты драгоцѣннаго камня нашли мы равно въ русскомъ и иранскомъ сказаніи.

4) Необыкновенный ростъ ребенка и возрастъ (12 лѣтъ), въ которомъ онъ отправляется на подвиги, покинувъ мать, и наставленіе матери отъѣзжающему сыну,—все это сходно въ обоихъ эпосахъ.

5) Похожденіе Сохраба съ амазонкой Гурдаферидъ, быть можетъ, находитъ себѣ аналогію во встрѣчѣ Ильи съ «походною красною дѣвицей» (?)[1]).

6) Отецъ получаетъ вѣсть объ юномъ богатырѣ на заставѣ (или на окраинѣ государства).

7) Бою отца съ сыномъ предшествуетъ неудачная стычка съ послѣднимъ главнаго богатыря, второго по силѣ послѣ Рустема-Ильи (Добрыня=Тусу).

8) Продолжительность боя, *три* вида оружі́я, борьба и опрокинутіе отца сыномъ совпадаютъ въ русскихъ и иранскихъ сказаніяхъ.

9) Отецъ, возстановивъ силы послѣ молитвы, побѣждаетъ сына. Трагическая развязка.

Эти сходныя черты, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ различно комбинированы въ *Рустеміадѣ* Фирдоуси и нашихъ былинахъ; но уже самое число совпадающихъ деталей дѣлаетъ, для насъ, по крайней мѣрѣ, весьма невѣроятной мысль, что въ нашихъ былинахъ о боѣ Ильи съ сыномъ слѣдуетъ видѣть *только* русскую самостоятельную обработку обще-распространеннаго эпическаго сюжета,—обработку, независимую отъ иноземныхъ образцовъ и лишь случайно совпавшую съ иранскою обработкой того же сюжета въ цѣломъ рядѣ деталей. Такая психологическая случайность для насъ гораздо менѣе вѣроятна, чѣмъ предположеніе, что на русскую обработку разсматриваемаго сюжета повліяли восточные пересказы, сводящіеся, въ концѣ-концовъ, къ иранскимъ. Что же касается пути, по которому эти иранскіе пересказы проникли въ нашъ эпосъ, то онъ не можетъ еще быть намѣченъ съ точностью; но существованіе восточныхъ внѣ-иранскихъ пересказовъ того же сюжета (киргизскаго и кавказскихъ) и значительная близость ихъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ съ нашими не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что тотъ пересказъ, который легъ въ основаніе русскихъ былинныхъ передѣлокъ, проникъ въ нашъ эпосъ съ Востока черезъ южно-русскія степи, пройдя, вѣроятно, чрезъ тюркскую среду.

---

[1]) См. выше стр. 129.

VI.

Сказка о Еруланѣ Лазаревичѣ.

Изслѣдованіе В. В. Стасова о *Происхожденіи русскихъ былинъ* открывается обстоятельнымъ разборомъ этой популярной русской сказки, и, по замѣчанію О. Миллера, «разборъ этотъ составляетъ самую лучшую главу въ его трудѣ» [1]). В. В. Стасовъ посредствомъ сличенія содержанія сказки съ похожденіями Рустема окончательно доказалъ, что въ основѣ ея лежитъ тюркская передѣлка нѣкоторыхъ частей *Рустеміады*. Отецъ Уруслана, Залазарь (по списку Ундольскаго), сохраняетъ безъ измѣненія имя отца Рустемова Заль-Зара, царь Киркоусъ (въ Погодинскомъ спискѣ Картаусъ), соотвѣтствуетъ персидскому Кейкаусу, на царствованіе котораго приходятся главные подвиги Рустема, князь Данила Бѣлый находитъ соотвѣтствіе въ Бѣломъ дивѣ, убитомъ Рустемомъ, конь Уруслана Арашъ есть Рустемовъ Рахшъ [2]) и т. п. Самъ Урусланъ никто другой, какъ Рустемъ, хотя имя персидскаго пехлевана уже въ тюркской средѣ было передѣлано на Арсланъ (левъ), откуда чрезъ дальнѣйшее измѣненіе произошло имя Урусланъ.

По занимающему насъ вопросу о вліяніи иранскихъ эпическихъ сказаній на русскія, сказка о Еруланѣ представляетъ значительный интересъ по тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать изъ сравненія ея состава съ *Рустеміадой* съ одной и съ русскими былинами съ другой стороны. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе.

Изъ обѣихъ редакцій сказки, изданныхъ по рукописямъ XVII в., редакція списка Ундольскаго [3]) представляется болѣе цѣнной: она отличается

---

1) *Илья Муромецъ*, стр. 43.

2) Изъ того же Рахша передѣлано имя коня Марка Кралевича Шараца (замѣчаніе Ровинскаго, IV, стр. 141). Въ иберійскихъ (грузинскихъ, мингрельскихъ, сванетскихъ) сказкахъ, вслѣдствіе популярности *Рустеміады* въ Закавказьѣ, имя Раши (=Рахшъ) стало прозвищемъ всякаго сказочнаго чудеснаго коня. См. *Сборн. матер. для опис. мѣст и племенъ Кавказа*, в. X, стр. 111, 140, 306 и др.

3) *Изд. Н. С. Тихонравовымъ* въ т. II „Лѣтописей русской литературы". Отд. II, *стр. 100—128. М., 1859 г.*

бо́льшею логическою связностью между отдѣльными приключеніями Уруслана, сохранила въ бо́льшей чистотѣ нѣкоторыя имена (Залазарь, вмѣсто Лазарь) и не содержитъ ряда другихъ, повидимому, книжныхъ (но не восточныхъ), которыми изобилуетъ списокъ Погодинскій [1]) (наприм., Кондурія, Прондора, Мендора, Легія, царь Богрій, Понарія, градъ Дербій). Мы будемъ держаться списка Ундольскаго и, чтобъ овладѣть пестрымъ содержаніемъ сказки, разобьемъ его на нѣсколько рубрикъ, которыя должны уяснить ея составъ.

1. О рожденіи Уруслана нѣтъ свѣдѣній. Отецъ его князь Залазарь приходится дядей нѣкоему царю Киркоусу Киркодановичу (Погод. Картаусу Картаусовичу). Мальчикъ 10 лѣтъ шутитъ обычныя богатырскія шуточки на улицѣ (і ково возметъ за руку, и у тово руку вырветъ и т. д.). Князья-бояре приносятъ на него и Залазара жалобу царю. Царь призываетъ дядю и велитъ выгнать племянника изъ царства. Урусланъ, узнавъ объ этомъ отъ отца, тужитъ лишь о томъ, что у него нѣтъ коня, такъ какъ ни одинъ конь не можетъ его поднять. Онъ проситъ отца построить ему палату близъ моря, внѣ предѣловъ царства, и поселяется тамъ одинъ, занимаясь охотой. Его однажды встрѣчаетъ и привѣтствуетъ одинъ старый человѣкъ, назвавшій себя конюхомъ князя Залазара Ивашкой. Ивашка выхваляетъ Уруслану одного чуднаго жеребца, котораго и обѣщаетъ пригнать въ табунѣ: если Урусланъ возможетъ его взять, то получитъ коня, котораго ни у кого доселѣ въ рукахъ не бывало. Урусланъ овладѣваетъ конемъ (Арашемъ), взнуздываетъ его и вынуждаетъ отвѣдать плеча богатырскаго. Въ полѣ онъ встрѣчаетъ рать, предводимую отцомъ, который говоритъ сыну, что идетъ противъ князя Данила Бѣлаго, похваляющагося завоевать царство Киркоусово. Урусланъ отпрашивается воевать съ Даниломъ, беретъ отцовское булатное копье и, получивъ благословеніе отца, напускается на непріятельское войско. Данило обращается въ бѣгство. Урусланъ догналъ его, но пощадилъ подъ условіемъ, что онъ никогда не будетъ злоумышлять противъ царя Киркоуса. Послѣ побѣды надъ Даниломъ Урусланъ ѣдетъ къ царю; тотъ проситъ у него извиненія, что изгналъ его изъ царства, и осыпаетъ дарами. Но Урусланъ, обѣщая помогать Киркоусу въ бѣдѣ, не остается служить при дворѣ и, отвергнувъ дары, уѣзжаетъ въ дальнюю землю.

2. Урусланъ встрѣчаетъ побитое въ полѣ войско и узнаетъ отъ единственнаго живого человѣка, что эту рать—Ѳеодула-змѣя—побилъ *русскій* богатырь князь Иванъ, сватающійся безуспѣшно за дочь Ѳеодулову. Узнавъ дорогу къ Ивану, Урусланъ направляется по ней и пріѣзжаетъ къ шатру, въ которомъ спитъ богатырь. Поставивъ своего коня рядомъ съ конемъ Ивана, Урусланъ вошелъ въ шатеръ и легъ спать. Иванъ, проснувшись, хотѣлъ было убить спящаго Уруслана, затѣмъ, рѣшивши, что

---

[1]) Изд. *Н. И. Костомаровымъ* въ „Памятникахъ стар. русск. литерат.“. Вып. II, 1860 г.

ему не будетъ отъ такого поступка чести, разбудилъ пришельца. Урусланъ требуетъ, чтобы Иванъ принесъ ему воды умыться. Тотъ говоритъ, что ему это не пригоже,—онъ княжой сынъ. Тогда Урусланъ проситъ золотой чары и тотъ ему ее подаетъ. Богатыри садятся на коней и вступаютъ въ бой. Урусланъ ударомъ копья сшибаетъ Ивана съ коня и, обративъ копье острымъ концомъ, спрашиваетъ побѣжденнаго, хочетъ ли онъ жизни или смерти. Иванъ проситъ пощады. Противники братаются и Урусланъ хочетъ помочь Ивану убить змѣя Ѳеодула, выходящаго изъ воды съ войскомъ на зарѣ. Онъ разбиваетъ войско Ѳеодула и преслѣдуетъ его на своемъ конѣ Арашѣ, оказывающемся младшимъ братомъ водянаго коня Ѳеодулова Кутаса. Ѳеодулъ бросается въ озеро и скачетъ по водѣ, но Урусланъ не отстаетъ отъ него и, догнавъ въ воротахъ города, разсѣкаетъ его на полы. Въѣхавъ въ городъ, онъ добываетъ въ палатѣ дочь Ѳеодулову, красную царевну, и привозитъ ее къ Ивану. Изъ подслушаннаго разговора между Иваномъ и его невѣстой Урусланъ узнаетъ о двухъ царевнахъ, болѣе красивыхъ, чѣмъ дочь Ѳеодула, и о сторожѣ индѣйскаго царя Ивашкѣ, болѣе удаломъ, чѣмъ онъ (Урусланъ), и это служитъ завязкой для дальнѣйшихъ похожденій богатыря.

3. Прежде чѣмъ отправиться на поиски царевенъ и Ивашки-сторожа, Урусланъ рѣшаетъ поѣхать провѣдать родителей. Онъ находитъ царство Киркоусово опустошеннымъ и отъ единственнаго живого человѣка узнаетъ, что уже третій годъ, какъ приходилъ съ войскомъ Данило Бѣлый, завоевалъ царство, перебилъ всѣхъ людей, а Киркоуса, Залазара и 12 богатырей отвелъ въ плѣнъ въ свою область. Урусланъ поѣхалъ въ Данилово княжество, узналъ, что Киркоусъ и проч. сидятъ въ темницѣ и, остановивъ коня, пѣшкомъ пробирается къ заключенному царю. Упросивъ сторожей допустить его къ Киркоусу, онъ привѣтствуетъ слѣпого царя, который принимаетъ сначала его привѣтствіе за насмѣшку. Затѣмъ Киркоусъ упрекаетъ Уруслана, что онъ прежде, побѣдивъ Данилу, отпустилъ его на волю, а Залазаръ говоритъ ему, что единственное средство вернуть зрѣніе царю, это—достать печень Зеленаго царя, огненнаго щита, пламеннаго копья. Урусланъ рѣшаетъ отправиться за этою печенью, выходитъ изъ темницы и уѣзжаетъ на поиски.

4. Послѣ долгихъ странствованій Урусланъ наѣзжаетъ на полѣ на великій кряковистый дубъ, къ которому сходится много дорогъ. Остановившись подъ дубомъ, онъ сталъ ждать, не появится ли кто-нибудь. Прилетаетъ стая птицъ-хохотуней, которыя переодѣваются красными дѣвками [1]). Урусланъ спугнулъ ихъ и овладѣлъ одной, не успѣвшей принять птичій

---

[1]) Красныя дѣвицы, перекидывающіяся птицами, довольно обычный сказочный мотивъ. Но, быть можетъ, этотъ мотивъ попалъ въ сказку о Еруcланѣ чрезъ народное осмысленіе иранскихъ *дэвовъ*, которыхъ поняли какъ *дѣвокъ*. Вспомнимъ, что дэвы могутъ, какъ волшебники и волшебницы, принимать разный видъ. Такъ, мазандеранскій царь дэвовъ во время борьбы съ Рустемомъ перекинулся камнемъ (*Mohl*, стр. I, 445). Что *дѣвки* въ русской передѣлкѣ сказки о Еруcланѣ замѣнили какую-то другую личность

видъ. Онъ спрашиваетъ ее, гдѣ царство Зеленаго царя, и подъ угрозой смерти требуетъ, чтобы она его туда перенесла. Очутившись мгновенно въ этомъ царствѣ, онъ *приковываетъ* дѣвицу къ своему коню и идетъ отыскивать Зеленаго царя. По дорогѣ встрѣчаетъ среди побоища исполинскую человѣчью голову, которая обѣщаетъ ему дать лежащій подъ нею мечъ, которымъ однимъ только можно убить Зеленаго царя, но совѣтуетъ ему прибѣгнуть къ хитрости, такъ какъ Зеленый царь сожигаетъ пламенемъ всякаго подъѣзжающаго къ нему. Уруслапъ, по совѣту исполинской головы, поступаетъ на службу къ Зеленому царю и пріобрѣтаетъ его довѣріе. Царь обѣщаетъ выдать за него замужъ дочь, если онъ достанетъ ему мечъ изъ-подъ богатырской головы. Уруслапъ бьетъ ей челомъ, она скатывается съ лежащаго подъ нею меча и даетъ ему наставленіе, подъѣхавъ къ Зеленому царю, ударить его только одинъ разъ мечомъ, иначе, при повтореніи удара, Урусланъ самъ погибнетъ. Убивъ такимъ образомъ Зеленаго царя, Урусланъ бьется съ его богатырями, схвативъ одного изъ нихъ и избивая имъ другихъ [1]). Подданные Зеленаго царя предлагаютъ Уруслану престолъ, но онъ отказывается, вынимаетъ у убитаго печень, возвращается къ своему коню и прикованной къ нему дѣвицѣ и перелетаетъ къ тюрьмѣ Киркоуса. Отпустивъ на свободу дѣвицу, онъ возвращаетъ Киркоусу и своему отцу зрѣніе, помазавъ имъ глаза печенью Зеленаго царя, затѣмъ догоняетъ спасавшагося отъ него бѣгствомъ Данилу Бѣлаго и приводитъ его къ Киркоусу, который ушибаетъ его до смерти, ударяя имъ о землю. Затѣмъ Киркоусъ, посадивъ своихъ людей по городамъ княжества Данилы Бѣлаго и казнивъ много мятежниковъ, возвращается въ свое царство, а Урусланъ пускается въ дальнѣйшія похожденія.

5. Онъ наѣзжаетъ въ полѣ на роскошный шатеръ и отъ стараго сторожа узнаетъ, что въ немъ живутъ двѣ красавицы-царевны, которыхъ онъ разыскиваетъ. Церевны выходятъ къ нему на встрѣчу, приглашаютъ въ шатеръ и угощаютъ. Урусланъ затѣмъ ложится опочивать со старшею царевной и спрашиваетъ ее: «есть ли на свѣтѣ васъ, царевенъ, краше, а меня, Уруслана удалѣе?» Царевна отвѣчаетъ, что краше ихъ дочь индѣйскаго царя, а удалѣе Уруслана—сторожъ того же царя—Ивашка—бѣлая поляница. Разсердившись на это, Урусланъ отрубаетъ царевнѣ голову и беретъ къ себѣ на кровать ея младшую сестру. На тотъ же вопросъ она отвѣчаетъ, что дочь индѣйскаго царя краше ея, но удалѣе его, Уруслана, никого нѣтъ на свѣтѣ. За такой отвѣтъ Урусланъ оставляетъ ее въ живыхъ, садится на коня и ѣдетъ въ индѣйское царство.

6. По дорогѣ онъ на рубежѣ встрѣчаетъ великана, спящаго на конѣ, будитъ его и узнаетъ, что онъ сторожъ Ивашко, не пропускающій никого живымъ въ индѣйское царство. Богатыри вступаютъ въ бой. Урусланъ

мужскаго пола, видно изъ того, что въ *Рустеміадѣ* Фирдоуси Рустемъ держитъ на привязи по пути въ Мазендеранъ богатыря Аулада (какъ Ерусланъ держитъ на привязи дѣвицу) и Ауладъ указываетъ ему дорогу къ Бѣлому дэву (Зеленый царь).

[1]) *Сравн.* такой же боевой пріемъ Рустема и Ильи.

сшибаетъ Ивашку съ коня и убиваетъ его. Затѣмъ ѣдетъ въ индѣйское царство и поступаетъ на службу къ царю. На вопросъ послѣдняго, какою дорогой онъ ѣхалъ и видѣлъ ли его сторожа Ивашку, Урусланъ отвѣчаетъ, что убилъ его. Царь сначала опечалился, но затѣмъ утѣшился и сталъ сильно жаловать Уруслана. Однажды, когда они были около одного озера, царь заплакалъ и сказалъ, что въ этомъ озерѣ живетъ чудо о 3-хъ головахъ, поѣдающее всякій день по человѣку, и что завтра очередь ему отправлять свою дочь на съѣденіе чуду. Урусланъ хочетъ биться съ чудомъ и царь обѣщаетъ ему руку дочери и полцарства, если онъ его избавитъ отъ чудовища. Урусланъ съ царевной ѣдетъ къ озеру, ложится спать и велитъ ей разбудить себя, когда покажется изъ воды чудо. Царевнѣ удалось разбудить Уруслана только тогда, когда уколола его ножомъ въ стегно. Проснувшись, онъ бьется съ чудовищемъ, которое бросается въ воду. Урусланъ бросается за нимъ въ озеро, отрубаетъ ему всѣ три головы и захватываетъ на днѣ озера дивный самоцвѣтный камень. Затѣмъ онъ женится на индѣйской царевнѣ и на обычный вопросъ получаетъ отвѣтъ, что нѣтъ никого на свѣтѣ удалѣе его, но есть красавица, краше индѣйской царевны. Это царевна *подсолнечнаго* города. Проведя только одну ночь съ женою, Урусланъ оставляетъ ей самоцвѣтный камень съ приказаніемъ навязать его на руку сыну, если родится у нея сынъ, или вдѣлать его въ серьги дочери, если родится дочь. Затѣмъ онъ уѣзжаетъ отыскивать царевну *подсолнечнаго* царства. Отыскавъ ее, онъ на обычный вопросъ получаетъ отъ нея отвѣтъ, что нѣтъ никого на свѣтѣ удалѣе его и краше ея. Здѣсь онъ успокаивается и живетъ съ царевной много лѣтъ, позабывъ о женѣ.

7. Между тѣмъ, у его жены родится чудесный сынъ, Урусланъ Уруслановичъ, который ростетъ такъ же быстро, какъ росъ его отецъ, и такъ же богатырски *шутитъ* со сверстниками. Обижаемые имъ мальчики стали издѣваться надъ нимъ, говоря, что неизвѣстно, кто его отецъ. Урусланъ Уруслановичъ допрашиваетъ мать, чей онъ сынъ, и рѣшается ѣхать отыскивать отца. Онъ выбираетъ себѣ коня въ табунахъ дѣда, вооружается и подъѣзжаетъ къ *Солнечному* городу. На его богатырскій свистъ выѣзжаетъ его отецъ, и оба богатыря вступаютъ въ бой. Сынъ ударомъ копья едва не вышибъ отца изъ сѣдла, но тотъ въ свою очередь сшибаетъ сына на землю. Когда сынъ ухватился за древко копья, его рука обнажилась и отецъ увидѣлъ на ней самоцвѣтный камень. Когда произошло узнаніе, сынъ убѣждаетъ отца вернуться къ законной женѣ, что̀ Урусланъ и дѣлаетъ. Индѣйскій царь отдаетъ ему полцарства, и Урусланъ, покоривъ много земель, проводитъ жизнь въ полномъ счастіи, а сынъ его уѣзжаетъ искать богатырскихъ приключеній.

Просматривая въ приведенномъ порядкѣ части этой сложной сказки, мы убѣждаемся, что главную основу ея составляютъ два эпизода *Рустеміады*: *походъ Рустема* въ Мазендеранъ для освобожденія царя Кейкауса и бой *Рустема съ сыномъ*. Мы называемъ эти части сказки основными, такъ какъ

всѣ прочія похожденія Уруслана помѣщены въ срединѣ между ними и почерпнуты изъ разныхъ другихъ сказокъ. Первый главный сюжетъ, какъ мы видѣли, обнимаетъ: дѣтство Уруслана, изгнаніе его Киркоусомъ, выборъ коня, первый бой съ Данилой Бѣлымъ (=мазандеранскій царь), уводъ Киркоуса въ плѣнъ Данилой, поѣздку Уруслана на освобожденіе Киркоуса, добываніе печени Зеленаго царя (=Бѣлый дэвъ), освобожденіе Киркоуса изъ тюрьмы и убіеніе Данилы Бѣлаго. Этотъ основный разсказъ, большею частью почерпнутый изъ иранскихъ сказаній о молодости Рустема и походѣ въ Мазандеранъ, распространенъ эпизодами, вставленными изъ другихъ сказокъ, причемъ мотивы, которыми руководился составитель сказки, иногда довольно прозрачны. Личность *иранскаго* Кейкауса, этого державнаго самодура, попадающаго въ плѣнъ изъ самомнѣнія, значительно видоизмѣнилась при переходѣ иранскаго сказанія въ тюркскую среду. Изъ царя, предпринимающаго безумныя наступательныя дѣйствія (походъ въ Мазендеранъ, страну дэвовъ), онъ обратился въ царя мирнаго, лишь отражающаго нападенія безпокойнаго сосѣдняго врага (Данилы Бѣлаго). Недружелюбное отношеніе иранскаго Кейкауса къ Рустему также значительно сглажено въ тюркской обработкѣ. Хотя Киркоусъ изгоняетъ Уруслана изъ царства, но это дѣлается вслѣдствіе слишкомъ богатырскихъ шуточекъ Уруслана, на которыя жалуются князья и бояре, и, притомъ, Урусланъ не заслуженный герой, а пока только мальчикъ, «подающій большія надежды». Но когда Урусланъ заявилъ о своей силѣ, побѣдивъ Данилу Бѣлаго, Киркоусъ проситъ у юноши прощенія и осыпаетъ его дарами. И такъ, по тюркской версіи, не Киркоусъ нападаетъ на Данилу Бѣлаго, а наоборотъ— Данила опустошаетъ Киркоусово царство. Такое опустошеніе и уводъ Киркоуса съ Залазаромъ въ плѣнъ при жизни такого богатыря, какъ Урусланъ, *должны* быть мотивированы и разскащикъ мотивируетъ эти событія тѣмъ, что Урусланъ въ то время не былъ въ царствѣ Киркоуса, не могъ его защитить. И вотъ оказалась необходимость въ первой вставкѣ, въ похожденіи Уруслана съ Иваномъ русскимъ богатыремъ. Эта вставка представляетъ эпизодъ, встрѣчающійся въ другихъ восточныхъ сказкахъ, изъ которыхъ мы отмѣтимъ только одну кавказскую, также поглотившую нѣкоторыя черты *Рустеміады*. Это осетинская сказка о Каурбекѣ, сынѣ борца Аслана [1]), не менѣе сложная, чѣмъ наша сказка объ Урусланѣ. Одно изъ похожденій героя содержитъ почти всѣ черты Уруслановой встрѣчи съ Иваномъ русскимъ богатыремъ. Прежде чѣмъ отправиться на подвиги, Каурбекъ ищетъ коня и долго не можетъ найти, такъ какъ всѣ кони падаютъ, *когда онъ кладетъ имъ руку на спину*. Наконецъ, онъ добываетъ чуднаго коня отцовскаго изъ подземелья [2]). Вооружившись отцовскимъ оружіемъ, Каурбекъ выѣзжаетъ на подвиги и находитъ на полѣ шатеръ и привязан-

---

[1]) Издано въ *Сбор. св. о кавказскихъ горцахъ*. Вып. IX, отд. II, стр. 35—64. Названіе отца героя Асланъ (изъ Арсланъ) тождественно съ Урусланомъ.

[2]) О распространенности этого мотива см. у А. Н. Веселовскаго: *Ю. Русск. былины*, III–XI, стр. 15—26.

наго коня. Въ шатрѣ спитъ богатырь. Каурбекъ, поставивъ своего коня у шатра, ложится спать около богатыря. Проснувшись, хозяинъ шатра хочетъ убить пришельца, но рѣшаетъ, что постыдно убить спящаго, и будитъ его. Каурбекъ *проситъ сначала угостить его*, затѣмъ богатыри бьются, и Каурбекъ уже заноситъ мечъ надъ головой опрокинутаго противника, когда тотъ, на его вопросъ объ его имени, называетъ себя Исламомъ. Оказывается, что побѣжденный—родной дядя Каурбека. Послѣ «узнанія» Исламъ разсказываетъ племяннику, что онъ долго и безуспѣшно *ищетъ руки дочери морскаго божества Дон-беттыра*. Племянникъ спускается въ море, бьется съ Дон-беттыромъ и добываетъ для дяди его дочь [1]). Очевидно, что приведенная осетинская сказка представляетъ почти всѣ черты эпизода объ Иванѣ русскомъ богатырѣ и Ѳеодулѣ-змѣѣ, вставленнаго въ разсказъ объ Урусланѣ.

За этимъ эпизодомъ слѣдуетъ продолженіе *иранскаго* сказанія, именно плѣненіе Киркоуса Данилой Бѣлымъ и походъ Уруслана въ княжество Данилы (=походу Рустема въ Мазендеранъ). Одинъ второстепенный мотивъ иранскаго сказанія, именно тотъ, что для возвращенія зрѣнія Кейкаусу нужна печень Бѣлаго дива, получилъ въ сказкѣ объ Урусланѣ значительное развитіе. Иранскій разсказъ о борьбѣ Рустема съ Бѣлымъ дивомъ былъ замѣненъ другою, гораздо болѣе интересною сказкой, гдѣ фигурируютъ исполинская голова богатыря и мечъ-кладенецъ. Сказка съ этими мотивами довольно распространена [2]), но, кажется, ближе всего къ нашей версіи подходитъ кавказская, которую мы находимъ, какъ дальнѣйшее похожденіе того же богатыря Каурбека. Приводимъ вкратцѣ ея содержаніе.

Исламъ говоритъ Каурбеку, что на краю свѣта живетъ одинъ могу-

---

[1]) Стр. 38—47.

[2]) Въ монгольской (бурятской) сказкѣ о Ханѣ-Гужирѣ (записанной г. Хангаловымъ у бурятъ Балаганскаго вѣдомства (См. *Бурятскія сказки и повѣрья въ Зап. Вост. Сибир. Отд. И. Р. Г. О-ва*, т. I, вып. I. Иркутскъ, 1889 г., стр. 61—78), напоминающей нѣкоторыми эпизодами сказку объ Урусланѣ, находимъ слѣдующій разсказъ, относящійся къ помянутому мѣсту: Ханъ-Гули (=Киркоусъ, Кейкаусъ) посылаетъ героя сказки Хана-Гужира достать для своего излѣченія желтое масло изъ печени царя Наранъ-Гэрэла (=Бѣлый дивъ=Зеленый царь). На пути Ханъ-Гужиръ встрѣчаетъ лежащаго на землѣ человѣка, у котораго верхняя часть тѣла цѣлая, съ мясомъ, а нижняя безъ мяса, совершенно голыя кости (=Росланей). На вопросъ, кто онъ, человѣкъ называетъ себя Хоходой-Моргономъ и говоритъ, что безуспѣшно воевалъ съ царемъ Наранъ-Гэрэломъ. Ханъ-Гужиръ ѣдетъ далѣе, пріѣзжаетъ къ царю Наранъ-Гэрэлу и поступаетъ къ нему на службу (какъ Урусланъ на службу Зеленаго царя). Наранъ-Гэрэлъ поручаетъ Ханъ-Гужиру достать волшебный ножъ, лежащій подъ Хоходой-Моргономъ (=мечъ-кладенецъ подъ Росланеемъ). Послѣдній самъ охотно отдаетъ Ханъ-Гужиру этотъ ножъ, съ условіемъ, чтобъ онъ имъ убилъ его врага царя Наранъ-Гэрэла. Ханъ-Гужиръ такъ и дѣлаетъ. Какъ только Наранъ-Гэрэлъ протянулъ руку за ножомъ, онъ ударилъ его имъ и разсѣкъ отъ головы до ногъ. Затѣмъ онъ *изъ его печени* добылъ желтое масло для излѣченія Хана-Гули (стр. 72—74). Замѣтимъ, что, по предположенію Г. Н. Потанина (стр. 150), названіе лежащаго полусгнившаго богатыря *Хоходой*, помогающаго Ханъ-Гужиру убить Наранъ-Гэрэла, быть можетъ, сохранилось въ странномъ *названіи птицы-дѣвицы Хохотуньи* русской редакціи сказки объ Урусланѣ.

щественный ханъ, котораго царство погружено во мракъ. У него ежедневно происходятъ богатырскія состязанія. Каурбекъ ѣдетъ въ царство хана, отказывается бороться съ его богатырями, считая это для себя слишкомъ ничтожнымъ, но отправляется вмѣстѣ съ ними къ пещерѣ, гдѣ лежитъ исполинскій остовъ Хасана, отца Аслана, т.-е. дѣда Каурбека, съ мечомъ, всаженнымъ нѣкогда ханомъ въ черепъ. Ханскіе богатыри ежедневно пытаются вытащить мечъ, но безуспѣшно. Ханъ предлагаетъ Каурбеку испытать на этомъ свою силу. Тотъ, попросивъ богатырей удалиться, подходитъ къ исполинской головѣ и, по его просьбѣ, мечъ извлеченъ имъ безъ труда, причемъ голова дѣда поручаетъ Каурбеку отомстить хану и наставляетъ его, чтобы онъ только одинъ разъ ударилъ хана по головѣ и не повторялъ удара, иначе онъ самъ погибнетъ. Каурбекъ слѣдуетъ наставленію дѣда, наноситъ хану ударъ и когда тотъ закричалъ: «Повтори еще разъ!» Каурбекъ отвѣчаетъ: «Нѣтъ, и отецъ мой обыкновенно поражалъ на смерть однимъ ударомъ». Тогда ханъ испустилъ духъ и его подданные признали Каурбека своимъ царемъ [1]).

Въ кавказской редакціи любопытна та черта, что исполинскій богатырь, владѣтель меча-кладенца, оказывается дѣдомъ героя, и послѣдній, убивая убійцу исполина, исполняетъ кровную месть: этимъ и мотивируется та подробность, что исполинская голова охотно отдаетъ мечъ-кладенецъ юному богатырю, какъ своему потомку. Быть можетъ, такая мотивировка есть древняя, основная. Какъ бы то ни было, кавказская сказка обнаруживаетъ намъ тѣ нитки, которыми была сшита сказка объ Урусланѣ. Въ осетинской версіи мы не видимъ, чтобы смерть хана (=Зеленаго царя=Бѣлаго дэва) была нужна для исцѣленія какого-нибудь другого лица отъ слѣпоты: убіеніе его богатыремъ является актомъ родовой мести. Можно думать, что добыванія *печени* съ лѣкарственными цѣлями не было и въ изводѣ, которымъ пользовался *составитель* сказки объ Урусланѣ, и эта иранская деталь была имъ сохранена изъ *Рустеміады*, чтобъ послужить спайкой при включеніи облюбованной имъ восточной сказки въ похожденія Уруслана въ видѣ эпизода. Этотъ эпизодъ сливается съ основнымъ (иранскимъ) разсказомъ такимъ образомъ, что, по убіеніи Зеленаго царя (=Бѣлаго дэва), Урусланъ мажетъ его печенью глаза Киркоуса и своего отца, а затѣмъ овладѣваетъ Данилой Бѣлымъ (=Мазендеранскимъ царемъ).

Здѣсь кончается первая половина сказки объ Урусланѣ, которая, какъ мы видѣли, основана, главнымъ образомъ, на иранскомъ сказаніи о под-

---

[1]) *Сбор. свѣд. о кавк. горц.*, IX, отд. II, стр. 48 и слѣд. Точно также въ курдской сказкѣ о богатырѣ Хасанекѣ этотъ богатырь поражаетъ *дива* ударомъ его же меча, и когда дивъ закричалъ: „Ударь еще разъ“, Хасанекъ отвѣчалъ: „Герои говорятъ однажды“. См. *Лерха*: „Изслѣдованія объ иранскихъ курдахъ“, кн. II, стр. 95. Срав. *Сбор. свѣд. о кавк. горц.*, IX, отд. II, стр. 12 и 14: Сайнагъ-Эльдаръ можетъ быть убитъ только своимъ же мечомъ и, притомъ, только однимъ ударомъ. *Сбор. свѣд. о кавк. горц.*, VII, отд. II, стр. 3. Великанъ Муккара былъ убитъ нартомъ Созрико своимъ же кинжаломъ.

нигахъ Рустема въ Мазендеранѣ, распространенномъ двумя посторонними восточными сказками.

Двѣ слѣдующія части разсматриваемой сказки (5 и 6) не представляютъ яркаго сходства съ какими-нибудь похожденіями Рустема, по крайней мѣрѣ, въ редакціи Фирдоуси, хотя, быть можетъ, нѣкоторые отголоски *Рустеміады* въ нихъ и окажутся,—это похожденіе Уруслана съ прекрасными царевнами и поѣздка на службу къ индѣйскому царю съ попутнымъ убіеніемъ его сторожа Ивашки. Первое изъ этихъ похожденій представляетъ нѣкоторыя странныя и дикія черты, совершенно противорѣчащія основному нравственному облику героя. Урусланъ, этотъ идеальный богатырь, почтительный сынъ, защитникъ царя, благородный и великодушный въ борьбѣ съ другими богатырями, постоянно передъ битвой обращающійся съ молитвой къ Богу, звѣрскимъ образомъ отрубаетъ голову ни въ чемъ неповинной красавицѣ-царевнѣ, предварительно насладившись съ ней любовью; затѣмъ при трупѣ убитой беретъ на постель ея сестру... Это ужасное звѣрство мотивируется только тѣмъ, что первая царевна высказала свое предположеніе, что сторожъ Ивашка-поляница удалѣе Уруслана.

На нашъ взглядъ, это немотивированное убіеніе встрѣченной въ полѣ красавицы должно объясняться искаженіемъ или неудачною передѣлкой какого-то другого сюжета, представлявшаго нѣкоторыя другія сходныя черты. Мы склонны сопоставить этотъ эпизодъ сказки объ Урусланѣ, съ одной стороны, съ похожденіемъ Рустема съ колдуньей, принявшей видъ красавицы, съ другой — съ похожденіемъ Ильи Муромца съ коварною королевичной. Общими чертами всѣхъ этихъ столкновеній героя съ женщиной являются слѣдующія:

1. Встрѣча богатыря съ красавицей происходитъ въ полѣ: богатырь наѣзжаетъ либо на палаты среди поля, либо на шатеръ, либо (Рустемъ) просто располагается въ мѣстности, гдѣ приготовлено угощеніе.

2. Красавица ласково принимаетъ богатыря, угощаетъ его ѣдой и питьемъ (а также ложемъ).

2. Герой убиваетъ красавицу: Рустемъ и Илья — за коварство, Урусланъ—*зря*.

Мотивы убійства красавицы и нѣкоторыя подробности настолько расходятся, что мы, конечно, не дѣлаемъ попытки свести всѣ три разсказа къ одному основному. Мы представляемъ себѣ дѣло такъ, что какой-то разсказъ, входившій какъ эпизодъ въ похожденія богатыря (Рустема) и содержавшій три перечисленныя черты, былъ *замѣщенъ* и въ русской былинѣ, и въ сказкѣ объ Урусланѣ другимъ однороднымъ разсказомъ, причемъ это замѣщеніе, вызванное вліяніемъ другихъ сходныхъ сказочныхъ сюжетовъ, было въ одномъ случаѣ удачно и хорошо согласовано съ основнымъ характеромъ богатыря, въ другомъ—неудачно, такъ что оказалось въ противорѣчіи съ нравственнымъ обликомъ богатыря. Такъ, убіеніе королевичны Ильей нисколько не противорѣчитъ его обычному образу дѣйствія: онъ *убиваетъ* ее въ наказаніе за ея попытку погубить его самого и выпуска-

етъ множество богатырей, прельщенныхъ ею и засаженныхъ въ подземелье. Уруслань же, убивая царевну, совершаетъ актъ насилія, неблагородства и неблагодарности и, притомъ, безъ всякой пользы для себя и для другихъ [1]).

Быть можетъ, наше объясненіе этого эпизода похожденій Уруслана и не вполнѣ убѣдительно, но, во всякомъ случаѣ, отношенія этого богатыря къ царевнамъ-красавицамъ настолько нелѣпы (даже для сказки), что должны быть искаженіемъ чего-то болѣе разумнаго и болѣе согласнаго съ его характеромъ. Впрочемъ, наше предположеніе какого-то соотношенія между разсмотрѣннымъ эпизодомъ и похожденіемъ Ильи съ королевичной и Рустема съ мазандеранскою волшебницей подтверждается слѣдующею частью сказки объ Урусланѣ (часть 6).

Вслѣдъ за убіеніемъ царевны Еруслань, по дорогѣ въ Индѣйское царство (или по Погодинскому списку—къ царю Далмату), наѣзжаетъ на богатыря Ивашку, который *стережетъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство мимо его никаковъ богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала* [2]). Этотъ сторожъ спитъ стоя (или сидя на конѣ) въ то время, какъ подъѣзжаетъ къ нему Еруслань, и послѣдній будитъ его. Пробудившись, Ивашка спрашиваетъ Еруслана, кто онъ, и объявляетъ, что не отпуститъ его живымъ. Богатыри бьются, Еруслань сшибаетъ Ивашку съ коня и убиваетъ, говоря: «За то тебя убью, что тобой дѣвки хвалятся». Затѣмъ онъ ѣдетъ въ Индѣйское царство «поклониться царю Далмату» [3]). Приводимъ подробности пріѣзда Ерусланова по Погодинской рукописи:

«И Еруслань Лазаревичъ, какъ пріѣхалъ ко царству и въѣхалъ на царевъ дворъ, и слѣзъ со своего добраго коня, а самъ пошелъ ко царю въ палату: образу Божію молится, царю Далмату поклоняется: «Многолѣтное здравіе царю Далмату со своими 12 богатырями! А меня, государь, холопа своего пріими въ службу». Слѣдуютъ обычные вопросы со стороны Далмата: кто онъ, откуда пришелъ, какимъ путемъ ѣхалъ. Узнавъ, что Еруслань проѣхалъ сухимъ путемъ, Далматъ спрашиваетъ, какъ онъ могъ проѣхать мимо сторожа Ивашки? Еруслань отвѣчаетъ: «Язъ, государь, не вѣдалъ, что твой человѣкъ, и я его убилъ». И тутъ царь Далматъ убоялся: «когда де онъ такого богатыря убилъ, и онъ де царствомъ моимъ завладѣетъ». И сталъ царь Далматъ кручиноватъ; «а не на то де онъ пріѣхалъ ко мнѣ во царство, что ему служить; но на то онъ пріѣхалъ, что ему царствомъ завладѣть моимъ». И велѣлъ Еруслана чтити честію великою и кормить, и поить своимъ царскимъ питіемъ довольно. И узналъ

---

[1]) Очень вѣроятно, что русскій редакторъ сказки уже нашелъ этотъ эпизодъ со всѣми его некрасивыми подробностями въ *татарской* сказкѣ и оставилъ его безъ измѣненія, такъ что звѣрство Уруслана въ отношеніяхъ къ женщинѣ мы склонны относить на счетъ тюркской (татарской) среды, чрезъ которую несомнѣнно прошла сказка.

[2]) Редакція Погодинская—*Памятн. стар. русск. литер.*, II, стр. 329.

[3]) *Памятн. стар. русск. литер.*, II, стр. 332.

Еруслань Лазаревичъ, что его царь убоялся, и осѣдла копя своего, и вшедъ въ каменную палату, образу Божію молится и съ царемъ Далматомъ прощается, и поѣхалъ Еруслапъ изъ града вопъ; и царь возрадовался радостью великою, что Богъ избавилъ Еруслана, и повелѣ градпыя ворота затворити и утвердити, чтобы Еруслапъ назадъ не воротился и царства бы нашего не поплѣнилъ» [1]).

Намъ кажется, что встрѣча Еруслапа съ богатыремъ Ивашкой и пріѣздъ его ко двору царя Далмата до нѣкоторой степени напоминаютъ встрѣчу Ильи Муромца съ Соловьемъ и пріѣздъ его къ князю Владиміру. Отмѣтимъ нѣкоторыя сходныя черты:

1. Какъ Соловей-разбойникъ залегаетъ дорогу 30 лѣтъ и не пропускаетъ къ Кіеву ни коннаго, ни пѣшаго, ни звѣря, ни птицы, такъ и сторожъ Ивашко 33 года не пропускаетъ никого въ Индѣйское царство.

2. Какъ Илья Муромецъ ѣдетъ, по нѣкоторымъ былинамъ, на службу ко Владиміру, такъ Еруслапъ па службу къ царю Далмату.

3. Какъ Илью Муромца по пріѣздѣ въ Кіевъ Владиміръ спрашиваетъ объ имени и дорогѣ, по которой онъ ѣхалъ, такъ Далматъ—Еруслана.

4. Какъ Илья Муромецъ, по нѣкоторымъ былинамъ, встрѣчаетъ при дворѣ Владиміра недружелюбный пріемъ и, устрашивъ Владиміра и его богатырей (свистомъ Соловья), уѣзжаетъ изъ Кіева, такъ и Еруслапъ, устрашивъ индѣйскаго царя, покидаетъ его царство.

5. Какъ Илья Муромецъ убиваетъ Соловья-разбойника, такъ и Еруслапъ убиваетъ Ивашку.

Конечно, былины о похожденіи Ильи съ Соловьемъ представляютъ другія своеобразныя черты, но все же перечисленныя выше сходства производятъ на насъ, по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе, какъ будто похожденія Еруслана съ Ивашкой и Ильи съ Соловьемъ представляютъ двѣ различныя переработки какого-то одного сюжета. Выше (въ экскурсѣ IV) при разборѣ этого приключенія Ильи мы пытались разъяснить личность Соловья, указывали на ея мозаичность, искали въ иранскихъ сказаніяхъ отдѣльныя части этой мозаики, но во всѣхъ нашихъ сопоставленіяхъ оставались пробѣлы: для объясненія нѣкоторыхъ сторонъ этого типа не могли послужить ни Симургъ, ни мазандеранскіе *дивы* [2]), ни русскіе разбойники.

---

[1]) Тамъ же, стр. 332. Въ изложеніи отношеній Еруслапа къ царю Далмату индѣйскому редакція Погодинская представляетъ болѣе архаическія черты, чѣмъ Ундольскаго. Въ послѣдней Уруслань *остается* на службѣ индѣйскаго царя, спасаетъ его дочь отъ змія и женится на ней. По Погодинской же — спасеніе царской дочери отнесено не къ индѣйскому царю, а къ Вароломѣю, царю города Дербія, въ царство котораго Еруслапъ ѣдетъ, покинувъ устрашившагося его царя Далмата.

[2]) Кстати отмѣтимъ здѣсь еще одну черту: въ *Рустеміадѣ* Фирдоуси Рустемъ въ Мазандеранѣ застаетъ страшнаго Бѣлаго дива *спящимъ* и будитъ его, чтобы сразиться съ нимъ (*Mohl.*, I, 426). Соловей-разбойникъ, въ одной былинѣ, въ объясненіе причины, почему онъ достался во власть Ильи, объясняетъ, что онъ въ *тѣ поры былъ сильно пьянъ* (т.-е. спалъ?). Уруслань застаетъ Ивашку-сторожа *спящимъ* и будитъ его, *послѣ чего слѣдуетъ бой* его съ нимъ.

Быть можетъ, сказка о Ерусланѣ пригодится для уясненія, по крайней мѣрѣ, роли Соловья, какъ сторожа, залегающаго дорогу къ князю Владиміру. Намъ думается, что сказка о Ерусланѣ сохранила въ большей чистотѣ тотъ древній восточный сюжетъ, который въ былинѣ подвергся передѣлкѣ ради согласованія его съ основными чертами нашего эпоса. Въ древнемъ восточномъ оригиналѣ (какого бы онъ ни былъ происхожденія) богатырь, залегавшій путь къ царю, былъ *его* сторожемъ, не допускавшимъ никого въ его царство. Богатырь же, убившій этого сторожа и пріѣзжавшій къ царю, устрашалъ царя и его богатырей именно этимъ своимъ подвигомъ. Затѣмъ, когда восточный царь слился съ личностью Владиміра, то, естественно, Илья, пріѣзжавшій къ его двору и *очищавшій* дорогу прямопутную въ Кіевъ, долженъ былъ придти во враждебное столкновеніе *не* со сторожемъ, поставленнымъ Владиміромъ, а съ его врагомъ, залегавшимъ къ нему путь. Однако, такая передѣлка личности «залегателя пути» не могла вполнѣ затушевать всѣ черты древняго оригинала. Въ обращеніи Владиміра съ пріѣзжимъ Ильей еще сквозятъ черты какого-нибудь царя Кейкауса или Далмата и, вмѣсто радостнаго восторга, съ какимъ царь, освобожденный отъ страшнаго «залегателя пути» (Соловья-разбойника), долженъ былъ бы встрѣтить своего освободителя, Владиміръ въ большинствѣ былинъ встрѣчаетъ Илью недружелюбно, и Илья отплачиваетъ ему тою же монетой, не оставаясь у него служить, какъ не остался Еруслапъ у Далмата [1]). Какъ Далматъ радъ-радёхонекъ, что страшный для него Еруслапъ уѣхалъ изъ его царства, такъ, по глухой чертѣ, встрѣчающейся въ былинахъ, Ильѣ было отказано, конечно, Владиміромъ отъ Кіева, и онъ не бывалъ тамъ 12 лѣтъ. Если мы теперь припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ былинахъ встрѣча Ильи съ Соловьемъ слѣдуетъ *непосредственно* за встрѣчей его съ прекрасною королевичной, точно такъ же какъ встрѣчѣ Еруслана съ Ивашкой въ сказкѣ предшествуетъ встрѣча его съ прекрасными царевнами, то соотношеніе между этими былинными и сказочными эпизодами представляется еще болѣе вѣроятнымъ, и сказка о Ерусланѣ получаетъ значеніе для уясненія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ чертъ той (тюркской) передѣлки сказанія (вѣроятно, отголоска *Рустеміады*), которая послужила *до нѣкоторой степени* прототипомъ и рус-

[1]) Такое же сочетаніе, именно что Соловей былъ сторожемъ царя (а не его врагомъ), находимъ въ любопытной бѣлорусской сказкѣ объ Ильюшкѣ (*Романовъ*: „Бѣлор. сборн.“, т. I. вып. 3, № 44). Здѣсь Илья выѣзжаетъ „бѣлый свѣтъ очищать, негоднаго Сокола (=Соловья) побивать“. Пріѣхалъ въ царство царя Прожора (=Идолище), „Енъ по дзесяць чаловѣкъ ѣвъ на дзень, а нягидный Соколъ яму доставлялъ ѣсь. Енъ. нягидный Соколъ, якъ свисьни, дакъ на дванапцать верстъ дальній чаловѣкъ упадая — крэпко силянъ бывъ. И сядзѣвъ тэй нягидный Соколъ на дванацати дубахъ одзинъ, и у яго дванапцать роговъ“. Илья отрубилъ ему голову и везетъ съ собою къ царю Прожору. Тотъ услыхалъ, что кто-то ѣдетъ. Кого это мой Соколъ допустилъ? Илья показываетъ ему голову Сокола и на пиру ударилъ Прожора двѣнадцати-пудовою шапкой, такъ что тотъ вылетѣлъ скрозь стѣну (ср. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1890 г., май, ст. акад. А. Н. Веселовскаго, стр. 66).

ской былинѣ, и, въ болѣе позднѣе время, русской народной сказкѣ. Въ редакціи *Рустеміады*, обработанной Фирдоуси, мы не нашли опредѣленнаго прототипа для Соловья-разбойника, какъ «залегателя пути», хотя Бѣлый дивъ, какъ и другіе мазандеранскіе дивы, встрѣчаясь Рустему на пути во время его предпріятія — очищенія Мазандерана отъ дивовъ и освобожденія Кейкауса — могутъ быть подведены подъ разрядъ «залегателей» пути; но это не доказываетъ, чтобы въ тюркской передѣлкѣ нѣкоторыхъ сюжетовъ *Рустеміады* не могло быть такой личности. Если мы припомнимъ, какія своеобразныя черты вошли, наприм., въ кавказскія народныя версіи *Рустеміады* (напримѣръ, замѣщеніе Ирана Тураномъ), то должны допустить, что, вѣроятно, не меньшей передѣлкѣ подвергались сюжеты *Рустеміады* въ тюркской средѣ, и сказка о Еруcланѣ служитъ въ этомъ случаѣ весьма яркою иллюстраціей. Едва ли ошибемся, если предположимъ, что иранскіе отголоски, зашедшіе въ русскія былины, могли, пройдя чрезъ тюркскую среду, дойти до нашихъ сказителей *приблизительно* въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ ихъ въ сказкѣ о Еруcланѣ Залазаровичѣ, основанной несомнѣнно въ *главномъ* своемъ содержаніи на передѣлкѣ мотивовъ *Рустеміады*. Однако, если бы въ этой сказкѣ не сохранилось нѣсколькихъ иранскихъ именъ (Киркоусъ, Залазаръ, Арашъ) и нѣкоторыхъ типическихъ деталей (вродѣ исцѣленія Киркоуса отъ слѣпоты печенью Зеленаго царя=Бѣлаго дива), то иранскій источникъ ея было бы такъ же трудно доказать, какъ для похожденій Ильи Муромца. Вѣдь, даже имя Ирана нигдѣ не встрѣчается въ сказкѣ, Картаусъ нигдѣ не называется персидскимъ царемъ, а Еруcланъ носитъ всѣ признаки *православнаго русскаго* богатыря...

Продолжая разборъ дальнѣйшихъ похожденій Еруслана, мы замѣчаемъ, что въ редакціи Ундольскаго только что разсмотрѣнный нами эпизодъ (убіеніе Ерусланомъ сторожа Ивашки) связанъ съ другимъ — освобожденіемъ царевны отъ змія, между тѣмъ какъ въ редакціи Погодинской второе похожденіе ничѣмъ не связано съ первымъ. Еруcланъ, оставивъ индѣйскаго царя, ѣдетъ въ царство царя Варѳоломея, въ градъ Дербію, но по дорогѣ вспоминаетъ о родителяхъ и Картаусовомъ царствѣ и ѣдетъ ихъ провѣдать. Слѣдуютъ разсмотрѣнныя выше похожденія: избавленіе Картауса изъ плѣна, исцѣленіе его печенью Огненнаго щита (=Зеленаго змія). Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ Еруcланъ уже исполняетъ свое намѣреніе поѣхать въ городъ Дербію, чтобы видѣть прекрасную дочь царя Варѳоломея Настасью. Пріѣхавъ туда, онъ остановился у одной вдовы, узналъ о водяномъ *чудѣ*, поѣдающемъ людей, вступилъ съ нимъ въ бой, отсѣкъ ему двѣ головы и спустился, сидя на его спинѣ, на дно озера. Чудо достаетъ ему самоцвѣтный камень подъ условіемъ, что онъ не срубитъ ему третью голову, но Еруcланъ, вынесенный имъ на берегъ, не исполнилъ обѣщанія и срубилъ ему третью голову. Затѣмъ Еруслана торжественно встрѣчаетъ царь Варѳоломей и отдаетъ за него свою дочь Настасью.

Намъ кажется, что редакція Погодинская, вообще уступающая редакціи

Ундольскаго въ связности и полнотѣ, въ данномъ случаѣ сохранила *этотъ* эпизодъ сказки въ болѣе архаичномъ видѣ, различая двѣ личности, слитыя въ одну въ редакціи Ундольскаго, именно царя индѣйскаго (Далмата), котораго Еруслань *устрашилъ*, убивъ его сторожа, и царя Варѳоломея, на дочери котораго Еруслань женился, избавивъ его царство отъ водянаго чуда.

Что касается происхожденія послѣдняго мотива, то онъ до такой степени популяренъ, что большинство сказочныхъ героевъ безъ него не обходятся. Поэтому сводить этотъ эпизодъ (змѣеборство) къ иранскому источнику нѣтъ достаточныхъ основаній, хотя драконовъ убиваютъ и Рустемъ, и Исфендіаръ. Нашъ Илья Муромецъ *въ сказкахъ* [1]) также бьется со змѣемъ, хотя *въ былинахъ* роль змѣеборца, какъ извѣстно, придана другимъ богатырямъ—Добрынѣ, Алешѣ.

Введя въ похожденія Еруслана обычный сказочный мотивъ женитьбы богатыря на освобожденной имъ отъ змія царевнѣ, редакція сказки связываетъ эту женитьбу съ иранскимъ сказаніемъ о Техмимэ и ея богатырскомъ сынѣ Сохрабѣ. Такимъ образомъ, послѣдняя часть сказки снова возвращается къ сказанію о Рустемѣ и черпаетъ изъ него наиболѣе популярный сюжетъ—бой отца съ сыномъ, причемъ, однако, какъ и слѣдуетъ въ сказкѣ, замѣняетъ трагическую развязку боя счастливою. Въ противуположность *древнему* изводу, сынъ оказывается слабѣе отца, который сшибаетъ его съ коня и едва не убиваетъ, но вò-время узнаетъ его по примѣтамъ (драгоцѣнному камню на рукѣ). Узнанный сынъ оказываетъ далѣе

---

[1]) Такъ, въ одной сказкѣ, записанной въ деревнѣ Богодарѣ, Александровск. уѣзда, Екатеринославской губерніи, разсказывается сначала объ исцѣленіи Ильи Муромца двумя стариками, затѣмъ о его выѣздѣ изъ родительскаго дома: „Приходитъ Илья въ чужую слободу, а тамъ вся вода „запрещена“: сидитъ змѣй и не позволяетъ брать изъ рѣки воды; какъ приведутъ ему утромъ и вечеромъ одну душу на „прожереніе“, то наберутъ воды, а какъ не приведутъ души, то и не наберутъ воды. Пришелъ Илья въ слободу, упросился къ одной старухѣ въ хату спать и заснулъ. И захотѣлось ему пить; онъ и сталъ просить у старухи воды. „А вотъ сегодня будутъ вести царевну „на прожереніе“ съ хоругвями, съ крестами, послѣ того только и можно будетъ набрать воды“.—„Этого я знать не хочу, иди ты, старуха, къ змѣю, да скажи ему, пусть непремѣнно дастъ мнѣ воды“. Старуха взяла *кухлыкъ* и пошла. „Подорожній человѣкъ проситъ у тебя воды“. — „Кто же смѣетъ просить у меня воды? Есть на бѣломъ свѣтѣ Илья Муромецъ, такъ его сюда и воронъ костей не занесетъ; такъ развѣ онъ? Ну, забери кухлыкъ воды и понеси“. Коли вотъ ведутъ царевну на „прожереніе“ змѣю; привели, стали служить службу. Въ это время Илья обошелъ незамѣтно сзади, да лѣвою рукой чрекъ царевну, а правою хвать голову змію, — такъ и снесъ по самыя плечи. Послѣ этого посадили ихъ въ карету и везутъ къ царю“ (см. *Елисаветградск. Вѣстникъ* 1889 г., № 92). Въ сказкѣ Аѳанасьева (III, № 11) Илья избавляетъ отъ 12-ти главаго змѣя дочь одного короля и, отказавшись служить у него, уѣзжаетъ обратно къ своему царю, на дочери котораго женится. Отмѣтимъ, что обычный сюжетъ освобожденія царевны отъ змія или чудовища перенесенъ и на Рустема въ удинской сказкѣ (*Сборн. матер.* etc., VI прил., стр. 24), содержащей, кромѣ имени героя, еще коекакіе отголоски *Рустеміады* (Бѣлый дивъ) и по началу (опасныя шуточки Рустема и непріязненное отношеніе къ нему царя) напоминающей начало сказки о Еруслань.

нравственное вліяніе на отца, убѣдивъ его вернуться къ своей покинутой матери. Во всемъ этомъ нѣтъ сходства между *сказкой* и изводомъ о боѣ отца съ сыномъ, обработанномъ Фирдоуси. Но все же не можетъ быть сомнѣнія, что и эта часть сказки о Ерусланѣ, въ концѣ-концовъ, восходитъ именно къ иранскому сюжету, хотя значительно переработанному въ деталяхъ. Вопросъ лишь въ томъ, представляетъ ли сказка только передачу еще *иранскаго* варіанта сказанія со счастливымъ исходомъ боя, вродѣ Джехангиръ-намэ [1]), или счастливый исходъ внесенъ уже въ тюркской средѣ, чрезъ которую перешла сказка на Русь. Но для рѣшенія этого вопроса у насъ нѣтъ достаточно данныхъ.

Къ какимъ же выводамъ приводитъ нашъ разборъ сказки о Ерусланѣ и какой интересъ представляетъ она для занимающаго насъ вопроса объ иранскихъ отголоскахъ въ русскомъ эпосѣ?

Эта сказка, несомнѣнно, въ главномъ своемъ содержаніи основанная на *Рустеміадѣ*, даетъ намъ понятіе о томъ, въ какомъ переработанномъ въ промежуточной средѣ видѣ *могли* доходить и въ болѣе древнее время на Русь отдѣльные сюжеты изъ обширнаго цикла иранскихъ сказаній. Далѣе она показываетъ, также какъ и кавказскія народныя сказанія изъ цикла о Рустемѣ, какія именно похожденія иранскаго богатыря пользовались наибольшею популярностью и широко распространялись за предѣлами Ирана. Изъ многочисленныхъ подвиговъ Рустема, пріуроченныхъ въ «книгѣ царей» къ нѣсколькимъ царствованіямъ, въ народной памяти осѣли преимущественно *два* сюжета *Рустеміады*: мазандеранскій походъ Рустема для освобожденія царя Кейкауса и встрѣченныя богатыремъ здѣсь «заставы» и бой Рустема съ сыномъ. Изъ царей иранскихъ, современниковъ Рустема, въ народной памяти сохранился лишь Кейкаусъ, котораго герой избавляетъ отъ плѣна, хотя царь относится къ нему недружелюбно. Такимъ образомъ, въ народныхъ сказаніяхъ за предѣлами Ирана личность Рустема тѣснѣйшимъ образомъ связана съ личностью Кейкауса, отношенія богатыря къ царю стали, такъ сказать, *типичны* и могли въ дальнѣйшемъ развитіи эпоса перерабатываться, осложняться въ томъ же духѣ, т.-е. въ различныхъ передѣлкахъ того же иранскаго сюжета всегда богатырь оказывалъ благодѣянія царю, но не пользовался за это его расположеніемъ. Такой характеръ получили иранскіе отголоски и въ сказкѣ о Еруслапѣ, и въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ. Несомнѣнно, нельзя назвать случайнымъ, что и въ сказкѣ, и въ былинахъ мы находимъ переработку *двухъ* вышеуказанныхъ сюжетовъ *Рустеміады*: мазандеранскаго похода (соотвѣтствующаго поѣздкамъ и заставамъ Ильи Муромца) и боя отца съ сыномъ. Такое совпаденіе доказываетъ весьма убѣдительно, что тотъ эпическій матеріалъ, изъ котораго сложились разсмотрѣнныя нами похожденія Ильи Муромца, пришелъ въ древнее время на Русь *приблизительно* въ томъ видѣ, въ томъ сочетаніи, въ какомъ мы его находимъ въ тюркской сказкѣ о Еруслапѣ. Въ

---

[1]) *См. Mohl.*, I Preface, p. LXXII.

этомъ иранскомъ матеріалѣ царь, для котораго богатырь совершалъ подвиги, носилъ типъ именно Кейкауса, такъ какъ другихъ царей иранскихъ, современниковъ Рустема, царей высшаго качества, не знали внѣиранскія передѣлки *Рустеміады*, и отсюда становится понятнымъ, что, при сліяніи Рустема съ Ильей и Кейкауса съ Владиміромъ, кіевскій князь остался не въ авантажѣ, пріобрѣтя весьма несимпатичныя свойства своего иранскаго прототипа.

Однако, указывая на соотношеніе между Еруслановъ и Ильей, нельзя не отмѣтить и значительныхъ различій въ разновременной обработкѣ одного и того же иранскаго сюжета въ былинахъ и сказкѣ. Несмотря на то, что сказка сохранила даже нѣсколько иранскихъ именъ, неизвѣстныхъ былинамъ, существенныя иранскія черты сохранились въ былинахъ въ большей чистотѣ, чѣмъ въ сказкѣ. Да оно и понятно, если вспомнимъ, что иранскій эпическій матеріалъ, отложившійся въ былинахъ, былъ значительно древнѣе того же матеріала, легшаго въ основу сказки. Нравственный обликъ иранскаго Рустема, этого *стараго*, увѣреннаго въ своей силѣ богатыря, съ горделивымъ пренебреженіемъ относящагося къ безумному царю, но ради Ирана выручающаго его изъ «бѣды неминучей», несравненно ярче и чище отразился въ *старомъ* казакѣ Ильѣ Муромцѣ, чѣмъ въ юношѣ Еруслапѣ, который только продѣлываетъ нѣкоторыя похожденія Рустема, но пріобрѣлъ въ типѣ общеизвѣстныя черты сказочныхъ молодыхъ героевъ, вродѣ Ивана царевича. Въ одномъ только, *повидимому*, Ерусланъ стоитъ къ Рустему ближе, чѣмъ Илья: Ерусланъ, какъ и Рустемъ, происхожденія княжескаго и приходится даже двоюроднымъ братомъ царю, между тѣмъ какъ Илья—крестьянскій сынъ. Но такое видимое несоотвѣтствіе потомковъ одного и того же иранскаго богатыря въ «званіи» объясняется демократизаціей нашего эпоса. Илья не всегда былъ крестьянскимъ сыномъ и мы укажемъ далѣе слѣды того, что онъ былъ развѣнчанъ народными сказителями-крестьянами изъ личности гораздо болѣе близкой къ князю по происхожденію.

Давая намъ возможность до нѣкоторой степени возстановить тотъ матеріалъ *Рустеміады*, который вошелъ въ нѣкоторыя былины объ Ильѣ, разсматриваемая сказка о Ерусланѣ представляетъ еще другой интересъ по отношенію къ дальнѣйшей судьбѣ той же богатырской личности въ народныхъ сказкахъ.

Вслѣдствіе популярности и широкой распространенности сказки между нѣкоторыми ея эпизодами и разсказами объ Ильѣ, кое-гдѣ происходило взаимодѣйствіе, отразившееся довольно ярко, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ сказкахъ объ Ильѣ, перешедшихъ къ финнамъ. Съ тремя такими сказками недавно познакомилъ насъ акад. А. Н. Веселовскій въ своихъ *Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ* [1]).

Отсылая читателей къ этимъ замѣткамъ, мы приведемъ изъ упомяну-

[1]) *Ж. Мин. Нар. Просв.* 1890 г., мартъ, стр. 6 и слѣд.

тыхъ сказокъ только тѣ черты, которыя объясняются смѣшеніемъ личности Ильи и Урусланa.

Такъ, въ *первой* сказкѣ, Илья послѣ исцѣленія, добывъ себѣ коня, ѣдетъ искать сильныхъ людей. «Онъ ѣдетъ къ *русскому* богатырю (ruscoi pohatteri), который однимъ свистомъ убивалъ людей и животныхъ на тридцать верстъ кругомъ. При первомъ его свистѣ, не доѣзжая тридцати верстъ, конь Ильи палъ на колѣни. Тѣмъ не менѣе, Illa Muurovitsa ѣдетъ, чтобы попытать свои силы, до двери, слѣзъ съ коня, котораго поставилъ къ коню *русскаго богатыря* со словами: «Если ты устоишь противъ этого коня, и я устою противъ его хозяина». Конь Ильи побѣждаетъ богатырскаго. Illa Muurovitsa нашелъ русскаго богатыря спящимъ и вынулъ было мечъ, чтобъ убить его, но чтобъ добыть бо̀льшей славы, рѣшился обождать, пока тотъ проснется, и самъ ложится спать въ рукавъ его кафтана. *Русскій* богатырь пробудился, видитъ чужую лошадь, хочетъ надѣть кафтанъ, но не можетъ, потянулъ еще разъ и разорвалъ рукавъ. Тутъ онъ замѣтилъ спящаго, взялся за мечъ, чтобъ убить его, но раздумался, что вѣдь и тотъ былъ въ состояніи учинить ему то же; потому онъ ждетъ, пока Illa Muurovitsa проснется, и кричитъ: «Ты кто? Давай биться!» Илья говоритъ: «Только бабы бьются въ горницѣ; *дай мнѣ поѣсть и попить*, да и поѣдемъ на ровный лугъ, въ чистое поле». Тотъ соглашается и предлагаетъ жить вмѣстѣ: побѣдитель будетъ старшимъ братомъ. Они наскочили другъ на друга, богатырь ударилъ Илью, но ничего ему не сдѣлалъ, а Illa Muurovitsa по второму удару сбилъ его съ коня и приставилъ саблю къ груди. Тотъ проситъ пощады и клянется до смерти служить ему, какъ меньшій братъ *).

Вмѣстѣ ѣдутъ въ деревню, гдѣ всѣ передъ ними падаютъ на колѣни. «Мы, вѣдь, не боги», говоритъ Illa Muurovitsa, а они отвѣчаютъ: «Когда прежде русскій богатырь гулялъ, весь народъ валился отъ его свисту». Русскій богатырь (ruscoi pohatteri) проситъ Илью дозволить ему посвистать въ половину, четверть, восьмую долю рта; Илья дозволяетъ послѣднее, но всѣ присутствовавшіе померли, кромѣ Ильи, который ударомъ сабли сноситъ голову *русскому* богатырю.

Свистъ русскаго богатыря, дѣйствіе его на коня Ильи и на народъ, а также убіеніе богатыря Ильей послѣ свиста не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что на этомъ эпизодѣ финской сказки отразилось былинное похожденіе Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ. Но этотъ сюжетъ спутался съ другимъ, именно съ извѣстнымъ эпизодомъ сказки объ Урусланѣ, содержащимъ встрѣчу Уруслана съ *русскимъ* богатыремъ Иваномъ. Припомнимъ, что какъ въ финской сказкѣ Илья, такъ Урусланъ подъѣзжаетъ къ шатру, въ которомъ спитъ *русскій* богатырь. Урусланъ, какъ Illa, ставитъ своего коня къ коню *русскаго* богатыря и самъ ложится спать. Такъ же какъ въ финской сказкѣ, *русскій* богатырь, въ сказкѣ объ Урусланѣ, просыпается,

---

[1]) *Наз. соч., стр. 8 и 9.*

хочетъ убить Уруслана, раздумываетъ, будитъ его и спрашиваетъ объ имени. Далѣе слѣдуетъ угощеніе Уруслана *русскимъ* богатыремъ Иваномъ, бой обоихъ богатырей и «братанье», совершенно какъ въ финской сказкѣ объ Ильѣ [1]).

Другая финская сказка объ Ильѣ, приводимая А. Н. Веселовскимъ, сохранила даже одно имя, извѣстное изъ сказки объ Урусланѣ. Послѣдовательность ея такая: а) дѣтство Ильи, б) Идолище, в) Соловей (Sviska), изображенный птицей, и г) Святогоръ; но личность, отвѣчающая былинному Святогору, названа Расланъ. Илья, ища сильныхъ людей, слышитъ, что на горѣ живетъ Расланъ (Raslana). Добравшись къ нему съ трудомъ, находитъ его спящимъ и ударяетъ по уху тридцати-пудовою желѣзною палицей. Росланъ не двинулся. По второму удару онъ открылъ глаза. «Видно, комаръ меня укусилъ» [2]). Тутъ онъ призналъ Илью: «Не ищи сильныхъ людей, — говоритъ онъ, — есть такіе на землѣ; я ихъ не ищу; хотя могу снести эту гору, а земля меня не держитъ» [3]).

Очевидно, что личность неподвижнаго Святогора спуталась въ представленіи разсказчика съ исполиномъ Росланеемъ (Прохоровичемъ), котораго гигантскую голову встрѣчаетъ на полѣ Еруcланъ [4]). Росланей разсказываетъ, что онъ при самомъ рожденіи уже былъ полторы сажени ростомъ, а толщиной въ объемъ человѣку, и что ни одинъ богатырь не могъ съ нимъ сладить. За помощь, оказанную Росланеемъ, Еруcланъ исцѣлилъ его и оба богатыря, побратавшись, разстались дружелюбно, какъ въ финской сказкѣ Илья съ Расланомъ.

Здѣсь кстати упомянуть предположеніе О. Миллера, что на одинъ изъ варіантовъ разсказа о выборѣ Ильей коня, именно тотъ, въ которомъ богатырь испытываетъ коня посредствомъ наложенія руки, повліялъ тождественный мотивъ изъ сказки объ Уруслапѣ [5]). Быть можетъ, и въ сказкахъ о змѣеборствѣ Ильи, приведенныхъ нами выше, отразился такой же эпизодъ изъ похожденій Еруслана, хотя, въ виду распространенности по-

---

[1]) Отмѣченныя выше черты встрѣчаются и въ одной былинѣ *Гильфердинга* (№ 49), гдѣ описывается встрѣча Добрыни съ Алешей. Добрыня наѣзжаетъ въ полѣ на пустой шатеръ съ приготовленными яствами, отвѣдываетъ ихъ и ложится спать. Хозяинъ шатра Алеша хочетъ пронзить спящаго Добрыню копьемъ, но раздумываетъ („Не честь-то мнѣ хвала да молодецкая, а бить-то мнѣ-ка сонпаго что мертваго") и будитъ богатыря. Слѣдуетъ бой богатырей, продолжающійся три дня. Шумъ боя доходитъ до Ильи Муромца, который пріѣзжаетъ и миритъ богатырей, причемъ они братаются и Алеша назвался младшимъ братомъ Добрыни (столб. 243—246).

[2]) Ср. Слова Святогора:

„Я думалъ, кусáютъ русскіе комарики,
Ажно славный богатырь Илья Муромецъ" (*Гильфердингъ*, столб. 1201).

[3]) Наз. соч., стр. 17.

[4]) См. Погодин. списокъ сказки, стр. 333, и *Ровинскій*, т. IV стр. 137.

[5]) См. *Илья Муромецъ*, стр. 183. Впрочемъ, такое испытаніе коня встрѣчается нерѣдко въ тюркскихъ сказаніяхъ. См., наприм., *Титова*: „Богатырскія поэмы минусинскихъ татаръ", отд. оттискъ, стр. 9.

добнаго сюжета, это предположеніе едва ли можетъ быть доказано. Но уже выше приведенныхъ финскихъ сказокъ объ Ильѣ достаточно для подтвержденія смѣшенія Ильи съ Еруслановъ, котораго здѣсь мы коснулись только мимоходомъ, безъ намѣренія исчерпать этотъ вопросъ [1].

Въ заключеніе нѣсколько словъ въ доказательство тюркскаго (татарскаго) происхожденія сказки о Еруслапѣ.

Уже В. В. Стасовъ замѣтилъ, что въ ней особенно много монгольскихъ и тюркскихъ названій одежды и вооруженія: *тебеньки*, *кутасъ*, *саадакъ*, *тегиляй* и друг. [2]), которыя русскій книжникъ не счелъ нужнымъ замѣнить русскими названіями или вовсе выкинуть. Но любопытно, что форма имени царя Картаусъ (изъ Кейкаусъ) почти совпадаетъ съ именемъ Картусъ, такимъ же искаженіемъ иранскаго имени въ одномъ позднемъ компилятивномъ турецкомъ романѣ, подражаніи Шахъ-намэ, сохранившемся въ одной турецкой рукописи, принадлежащей библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ объ этомъ романѣ проф. В. Д. Смирновымъ академику А. Н. Веселовскому, видно, что имена дѣйствующихъ лицъ (Самъ, Заль, Рустемъ, Афрасіабъ и друг.), миѳологическихъ существъ (Симургъ, Аждагакъ и друг.) и мѣстностей (Туранъ, Иранъ, Кафъ-Кавказъ) относятъ насъ къ Шахъ-намэ; другія подробности (имена Адама, Соломона, Идриса, Хызра и т. п.; упоминаніе Торы и Псалтыри) принадлежатъ мусульманину» [3]). Встрѣчается въ романѣ и какой-то властитель Илья-шахъ, въ которомъ, впрочемъ, только одно имя напоминаетъ нашего Илью.

Не представляя интереса по отношенію къ личности Ильи, турецкій героическій романъ любопытенъ, какъ образчикъ пріемовъ, которые употреблялись турецкими компиляторами при переработкѣ иранскаго эпическаго матеріала, и до нѣкоторой степени представляетъ pendant къ разсмотрѣнной нами сказкѣ о тюрко-иранскомъ Еруслапѣ. Впрочемъ, примѣровъ переработки персидскихъ эпическихъ сюжетовъ или подражанія имъ турецкая литература представляетъ не малое количество. «Персидская поэзія есть солнце, къ которому обращался постоянно подсолнечникъ турецкаго стихотворства», говоритъ, нѣсколько въ восточномъ вкусѣ, такой авторитетъ, какъ Гаммеръ Пургсталь [4]).

Турецкое стихотворство уже въ XIII—XIV вѣкахъ испытывало свои

---

[1]) Вѣроятно, изъ сказки о Еруслапѣ зашло въ былины имя царя Вахрамѣя (см. *Гильфердинъ*, столб. 260), отца Марьи —лебеди бѣлой. Д. Ровинскій, указавъ на сходство нѣкоторыхъ деталей *лицевой* сказки о Еруслапѣ съ нѣкоторыми деталями былинъ объ Ильѣ, замѣчаетъ: „такимъ образомъ, составитель лицевой сказки заимствовалъ для нея подробности изъ былинъ сказителей; а, можетъ быть, и сказители дѣлали *заимствованія* изъ готовой, напечатанной сказки, которую случалось мнѣ видѣть въ ихъ рукахъ въ немаломъ числѣ экземпляровъ“ (*Русск. народныя картинки*, т. IV, стр. 56. *Примѣчаніе*).

[2]) *Вѣстникъ Европы* 1868 г., т. VII, стр. 293.

[3]) См. *Жур. Мин. Народ. Просв.* 1890 г., май, ст. *А. Н. Веселовскаго*: „Мелкія замѣтки къ былинамъ“, т. XVI, стр. 57.

[4]) *Hammer Purgstall*: „Geschichte der Osmanischen Dichtkunst“. I Band, p. 51.

силы во всѣхъ видахъ персидской поэзіи: мистической (Ашикъ-паша), героической (Ахмеди), романтической (Шейхи), панегирической (Сулейманъ-Челеби), эпической (Язиджи-оглы) и всего болѣе въ лирической (Ахмедъ-Даи, Несими) [1].

Эпическія преданія Ирана были извѣстны всякому образованному турецкому книжнику. Подражаніе Шахъ-намэ вызвало у турокъ появленіе царскихъ пѣвцовъ, слагателей поэтической лѣтописи, называемыхъ *Шахнамеджи*, которые существовали въ періодъ высшаго политическаго процвѣтанія османскаго государства [2]). Шахъ-намэ Фирдоуси была переведена на турецкій языкъ поэтомъ Фикри; любовная исторія красавицы Ширины, жены царя Хосрова Парвиза, извлеченная изъ *Пятерицы* персидскаго поэта Низами, была обработана по-турецки поэтомъ Шейхи; поэтъ Ламіи воспроизвелъ извѣстную персидскую романтическую поэму *Вамикъ и Азра*. *Исторія Іосифа и Зулейки*, обработанная сначала Фирдоуси, а за нимъ полдюжиной персидскихъ поэтовъ, также популярна въ турецкой литературѣ и давала матеріалъ многимъ поэтамъ. Классическія поэмы персидскихъ поэтовъ Низами, Джами, Ансари были усвоены турецкой литературѣ переводами преимущественно поэта Ламіи [3]). Словомъ, нельзя не признать, что солнце персидской поэзіи разливало свои лучи широко и далеко за предѣлами Ирана и что нѣкоторые герои и сюжеты иранскаго эпоса были также популярны среди османовъ [4]), какъ среди тюрковъ-кочевниковъ на сѣверѣ отъ Ирана и какъ среди христіанскаго населенія Закавказья. Что же мѣшаетъ намъ допустить, что чрезъ тюркскую и кавказскую среду эти иранскіе эпическіе типы и сюжеты переходили еще выше на сѣверѣ и въ своихъ крайнихъ отголоскахъ достигали южно-русскихъ степей?

---

[1]) Ibid., p. 52.

[2]) Ibid., p. 22.

[3]) Тамъ же, стр. 30 и 33. Знатокъ турецкой литературы, проф. В. Д. Смирновъ, говоритъ въ томъ же духѣ о вліяніи персидской литературы на турецкую: „Слѣдуя отзыву турецкихъ критиковъ, мы должны, прежде всего, констатировать тотъ фактъ, что турецкая поэзія возникла подъ вліяніемъ персидской. Скажемъ даже больше: первоначальная турецкая письменность вообще носитъ слѣды сильнаго вліянія персидской: языкъ сохранившихся въ сборникѣ Феридунъ-бея грамотъ временъ первыхъ оттоманскихъ правителей представляетъ странную смѣсь персидской рѣчи съ турецкою. Многіе турецкіе писатели вышли изъ Персіи. Литературная эмиграція особенно усилилась съ нашествіемъ Тимура, который любилъ бесѣдовать въ часы досуга съ учеными и слушать остроумную болтовню поэтовъ. Персидская мода въ литературѣ одно время такъ была всемогуща, что турецкіе ученые и литераторы отправлялись въ Персію довершать свое образованіе и усовершенствоваться въ стилѣ, а потомъ, по возвращеніи на родину, не иначе допускались въ *хальветы*—„увеселительныя уединенія“ тогдашнихъ меценатовъ,—какъ имѣя въ рукахъ рекомендательныя письма отъ литературныхъ знаменитостей Персіи. См. *Очеркъ исторіи турецкой литературы* въ XXV выпускѣ *Всеобщей исторіи литературы* Корша-Кирпичникова, 1891 г., стр. 458.

[4]) Такъ, въ народной турецкой эпопеѣ *Сарэти-Сейидъ-Батталь*, содержаніе коей отчасти изложено проф. Смирновымъ въ названномъ трудѣ (стр. 449—452), герой Батталь сравнивается съ Рустемомъ, значительную роль играютъ дивы и вообще, по мнѣнію проф. Смирнова, „миѳическій элементъ навѣянъ персидскими сказаніями“ (стр. 451).

VII.

Къ исторіи типа Ильи Муромца.

Частныя, детальныя изслѣдованія, предпринятыя нами по поводу нѣкоторыхъ личностей и сюжетовъ русскихъ былинъ, поднимаютъ нѣкоторые общіе вопросы о нашемъ народномъ эпосѣ, на которые мы постараемся дать посильный отвѣтъ въ этомъ и слѣдующемъ экскурсѣ. Но, прежде чѣмъ перейти къ этимъ вопросамъ, припомнимъ вкратцѣ содержаніе предъидущихъ экскурсовъ.

Чтобы объяснить себѣ противорѣчіе, которое чувствуется между историческою и эпическою личностью кн. Владиміра, мы выставили гипотезу, что на личность эпическаго Владиміра оказалъ вліяніе обычный типъ сказочнаго царя-деспота и самодура. Послѣдній типъ, съ чертами наибольшаго сходства съ эпическимъ Владиміромъ, мы нашли въ иранскомъ царѣ Кейкаусѣ, при которомъ и ради котораго Рустемъ совершалъ свои главные подвиги. Отношенія Кейкауса къ главному богатырю Ирана Рустему живо напоминаютъ отношенія кн. Владиміра къ Ильѣ. Кейкаусъ не любитъ Рустема, угрожаетъ ему казнью, но при наступленіи «бѣды неминучей» проситъ у него прощенія и ищетъ у него защиты. Кейкаусъ отличается такою же слабостью къ невѣрной женѣ Судабэ, какъ Владиміръ къ Апраксіи. Какъ Кейкаусъ отправляетъ за невѣстой посольство, такъ въ нашихъ былинахъ богатыри въ посольствѣ добываютъ жену для Владиміра. По характеру персидская царица (Судабэ) и русская княгиня (Апраксія) также оказываются весьма сходными. Эти аналогіи дали намъ возможность выставить предположеніе, что на личности Владиміра и Апраксіи повліяли типы Кейкауса и Судабэ, проникнувшіе въ нашъ эпосъ въ связи съ главнымъ иранскимъ пехлеваномъ Рустемомъ, и дальнѣйшій вопросъ, рѣшеніе котораго должно было подтвердить это предположеніе, состоялъ въ томъ, можно ли въ типахъ Рустема и Ильи найти такія аналогіи, которыя должны быть объясняемы не случайнымъ «эпическимъ» сходствомъ, а вліяніемъ одной личности на другую, Рустема на Илью? Поэтому въ *Экскурсѣ* III мы старались сначала уяснить сходство въ основномъ типѣ иранскаго и русскаго богатыря и нашли его *въ значительномъ числѣ* физическихъ и нравственныхъ признаковъ. Такъ,

у обоихъ сила божественнаго происхожденія, у обоихъ она была уменьшена не безъ вмѣшательства божества и при случаѣ, по ихъ молитвѣ, была возстановлена, оба прибѣгаютъ къ одинаковымъ пріемамъ въ борьбѣ съ врагами (вырываніе деревьевъ, маханіе врагомъ, нападеніе на середку непріятельскаго войска), оба любятъ бражничать, оба отличаются между другими богатырями старшинствомъ въ возрастѣ. Въ нравственныхъ свойствахъ замѣчается между Рустемомъ и Ильей не меньшее сходство. Оба отличаются спокойнымъ мужествомъ, увѣренностью въ своей силѣ и своей миссіи. Оба нестяжательны, благочестивы, великодушны, руководятъ младшими богатырями, относясь къ нимъ любовно и добродушно, оба держатъ себя самостоятельно и гордо предъ властителями, откровенно высказываютъ имъ правду, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на ихъ неблагодарность, являются по ихъ призыву на защиту родной страны. Оба въ теченіе всей жизни ведутъ борьбу съ національнымъ врагомъ (тюрками, татарами), охраняя границу государства (Сейестанъ, богатырская застава) и безъ дѣла не сидятъ при царскомъ (княжескомъ) дворѣ, удаляясь отъ царя (князя) на нѣсколько лѣтъ, иногда вслѣдствіе разлада съ властителемъ.

Установивъ такое сходство въ типѣ двухъ *главныхъ* національныхъ богатырей обоихъ эпосовъ, иранскаго и русскаго, мы поставили дальнѣйшій вопросъ, не найдется ли сходства и въ нѣкоторыхъ похожденіяхъ и подвигахъ того и другаго?

Сдѣлавъ нѣсколько методологическихъ замѣчаній о пользованіи отдѣльными деталями, встрѣчающимися въ былинахъ, мы старались относительно иранскаго эпоса доказать, что на ряду съ похожденіями Рустема мы можемъ пользоваться и похожденіями Исфендіара (этого alter ego Рустема), какъ матеріаломъ для сопоставленія съ похожденіями Ильи. Приступая далѣе (въ *Экскурсѣ* IV) къ сравненію сюжетовъ, прикрѣпленныхъ къ именамъ Рустема и Ильи, мы сопоставили по содержанію первую поѣздку Ильи Муромца въ Кіевъ съ мазандеранскимъ походомъ Рустема и походомъ Исфендіара на «Мѣдный» замокъ. Сходство обнаружилось, прежде всего, въ основномъ планѣ тѣхъ и другихъ сказаній. Какъ Рустемъ, отпущенный отцомъ Залемъ на службу царя Кейкауса, отправляется его искать въ Мазандеранъ и избираетъ изъ двухъ дорогъ — дальней и близкой, вторую, на которой встрѣчаетъ нѣсколько препятствій (заставъ), такъ Илья, отпущенный отцомъ къ князю Владиміру, отправляется въ Кіевъ, избравъ кратчайшую, но опаснѣйшую дорогу, на которой встрѣчаетъ три заставы. И въ русскомъ, и въ иранскихъ разсказахъ (о Рустемѣ и Исфендіарѣ) препятствія, встрѣчаемыя богатырями, *двухъ* родовъ—физическія (горы, водяныя пространства) и встрѣчи съ непріятелемъ въ видѣ чудовищъ и богатырей. Отыскивая въ иранскихъ сказаніяхъ личность, соотвѣтствующую Соловью-разбойнику, мы старались объяснить странность этого существа — не то птицы, не то богатыря и чародѣя—тѣмъ, что въ похожденіи Ильи съ Соловьемъ скомканы черты разныхъ похожденій Рустема (Исфендіара). Какъ птица, Соловей напоминаетъ персидскаго Симурга, какъ богатырь, поло-

гающій, по нѣкоторымъ былинамъ, Ильѣ въ избавленіи города Крякова, персидскихъ плѣнныхъ проводниковъ Рустема и Исфендіара (Аулада и Керг-сара), какъ чудовище, опрокидывающее свистомъ и рявканьемъ людей и коней, персидскихъ дивовъ (вродѣ «бѣлаго» дива или властителя дивовъ мазандеранскаго царя). Если при этихъ сопоставленіяхъ личность Соловья еще осталась не вполнѣ разъясненной, то все же нашъ разборъ дозволилъ намъ вывести хоть то заключеніе, что, въ виду соотвѣтствія въ основномъ планѣ русскаго и иранскаго сказанія, похожденію Ильи съ Соловьемъ *должно* было соотвѣтствовать въ иранскомъ сказаніи нѣчто такое, что, подвергнутое переработкѣ и искаженію, а также позднѣйшему народному бытовому осмысленію (въ связи съ разбойничествомъ), дало, въ концѣ-концовъ, эту странную мозаическую фигуру. Передѣлка, исказившая до неузнаваемости первоначальный типъ, объясняется такъ же, какъ мы предположили далѣе, въ экскурсѣ объ Урусланѣ, перенесеніемъ личности восточнаго сказочнаго царя на Владиміра и локализаціей цѣли поѣздки богатыря (въ городъ Кіевъ). Отыскивая дальнѣйшія черты сходства между похожденіями Ильи и Рустема (Исфендіара), мы старались указать возможную связь между встрѣчей Ильи съ колдуньей-королевичной и встрѣчей Рустема (Исфендіара) съ колдуньей, хотя это сопоставленіе и не представляется намъ вполнѣ убѣдительнымъ. Нѣкоторыя иранскія параллели были нами отмѣчены далѣе въ нѣкоторыхъ деталяхъ былинъ о нашествіи Калина-царя. Таковы: имя Калинъ, сопоставленное нами съ именемъ тюркскаго предводителя Калуна, заключеніе Ильи въ погребъ, находящее параллель въ заключеніи Исфендіара въ крѣпость, яма съ рогатинами, въ которую попадаютъ и Рустемъ, и Илья.

Въ дальнѣйшемъ *Экскурсѣ* (V) мы сравнили детально разсказъ нашихъ былинъ о боѣ Ильи съ сыномъ съ однороднымъ иранскимъ разсказомъ о боѣ Рустема съ Сохрабомъ и старались доказать, что на Руси сохранилось очень много такихъ деталей этого сюжета, которые неизвѣстны однороднымъ западнымъ разсказамъ (германскимъ и кельтскому), и сближаютъ русскія версіи съ иранской и другими восточными. Такъ, наприм., отецъ, бьющійся съ сыномъ, есть главная центральная фигура равно въ русскомъ и иранскомъ эпосѣ. Обоимъ эпосамъ извѣстно царское (королевское) происхожденіе женщины, съ которою богатырь вступаетъ въ мимолетную связь; въ обоихъ отъѣзжающій богатырь даетъ женѣ наставленіе на случай рожденія сына или дочери и оставляетъ *примѣту*. Далѣе необыкновенно быстрое развитіе сына, рожденнаго въ отсутствіе отца, 12-ти лѣтній возрастъ при отъѣздѣ его на поиски отца; похожденіе сына съ амазонкой (?); полученіе отцомъ вѣсти о наѣздѣ богатыря (сына) въ то время, когда отецъ стоитъ на заставѣ (или на границѣ государства); неудачная стычка съ пріѣзжимъ богатыремъ (сыномъ) перваго по силѣ богатыря послѣ Рустема (Ильи); продолжительность боя отца съ сыномъ, *три* вида оружія и борьба, опрокинутіе отца сыномъ, возс [illegible] ы отца по молитвѣ, *трагическая развязка боя*,—все это [illegible] скимъ и иран-

скимъ разсказамъ. Такія детальныя совпаденія не могутъ, на нашъ взглядъ, объясняться случайностью, но свидѣтельствуютъ о вліяніи иранскаго сюжета на русскій, прошедшемъ чрезъ какую-то инородческую среду.

Дальнѣйшій *Экскурсъ* (VI), въ которомъ мы разсмотрѣли составъ тюркской перешедшей на Русь сказки объ Уруланѣ, несомнѣнно въ главномъ своемъ содержаніи основанной на мотивахъ *Рустеміады*, подтвердилъ выводъ предшествующихъ *Экскурсовъ*. Мы видѣли, что сказка состоитъ изъ двухъ сюжетовъ, соотвѣтствующихъ: *первый*—мазандеранскому походу Рустема, *второй* — бою Рустема съ Сохрабомъ. Между этими сюжетами, составляющими начало и конецъ сказки, вставленъ рядъ другихъ, весьма хорошо извѣстныхъ изъ другихъ восточныхъ сказокъ, но не представляющихъ явныхъ отголосковъ *Рустеміады*.

При разборѣ сказки, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказалось, что эпизодъ встрѣчи Уруслана въ полѣ съ прекрасными царевнами соотвѣтствуетъ встрѣчѣ Ильи съ колдуньей - королевичной, а эпизодъ встрѣчи Уруслана со сторожемъ царя Далмата, богатыремъ Ивашкой, стерегущимъ путь къ царю 33 года, напоминаетъ встрѣчу Ильи съ Соловьемъ-разбойникомъ, залегавшимъ 30 лѣтъ путь къ князю Владиміру.

Такого рода соотвѣтствія между сказкой объ Уруланѣ и былинами объ Ильѣ даютъ основаніе установить между ними тѣснѣйшую связь, объясняющуюся, по нашей гипотезѣ, тѣмъ, что приблизительно одинъ и тотъ же эпическій восточный матеріалъ легъ въ разное время въ основу нѣкоторыхъ сказаній объ Ильѣ и въ основу сказки. Но въ виду гораздо болѣе близкаго соотвѣтствія въ типѣ между Ильей и Рустемомъ, чѣмъ между послѣднимъ и Урусланомъ, слѣдуетъ заключить, что перечисленные выше мотивы *Рустеміады* подверглись въ сказкѣ бо̀льшей переработкѣ, чѣмъ въ былинахъ, хотя сказка сохранила нѣсколько иранскихъ именъ (Залазаръ, Картаусъ, Арашъ), которыя народнымъ былевымъ эпосомъ не были, вѣроятно, унаслѣдованы уже изъ тюркской (предполагаемой) среды, служившей посредницей между иранскими сюжетами и русскими былинами.

Этими выводами, собственно, исчерпывается наша задача—отмѣтить иранскіе отголоски въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наша гипотеза поднимаетъ нѣкоторые вопросы, которые мы считаемъ необходимымъ поставить, хотя едва ли намъ самимъ удастся дать на нихъ удовлетворительный отвѣтъ.

Первый вопросъ—объ историческомъ генезисѣ типа Ильи Муромца,—вопросъ, который содержитъ въ себѣ рядъ другихъ. Каковъ былъ основной первичный типъ Ильи Муромца? Былъ ли этотъ типъ только русскою перелицевкой иноземнаго типа Рустема, или онъ существовалъ раньше, чѣмъ на него наслоились черты иноземнаго національнаго богатыря? Имѣлъ ли этотъ типъ какую-нибудь историческую подкладку, или онъ вполнѣ идеальный? Въ какомъ отношеніи находится типъ народнаго богатыря къ библейскому имени, которое онъ носитъ?

Какъ примирить крестьянское происхожденіе Ильи съ тѣмъ, что иногда

въ былинахъ онъ не является крестьяниномъ, а исключительно казакомъ, и, притомъ, старымъ?

Мы увѣрены, что остроумію академика А. Н. Веселовскаго удастся впослѣдствіи разъяснить эти вопросы, на которые были уже даваемы разные, но далеко не удовлетворительные отвѣты. И если съ своей стороны мы касаемся слегка этихъ темныхъ вопросовъ, то лишь въ надеждѣ, что наши недоумѣнія и гаданія могутъ навести другихъ на болѣе удовлетворительныя соображенія.

Что касается хронологическаго развитія типа Ильи Муромца, то личное наше убѣжденіе, находящееся въ связи и съ нашею гипотезой о вліяніи личности Рустема на Илью, и съ нашимъ взглядомъ на первоначальную общественную среду, въ которой возникъ нашъ богатырскій эпосъ, таково, что Илья не могъ быть искони крестьянскимъ сыномъ изъ села Карачарова, а былъ личностью гораздо болѣе значительною по своему общественному положенію. Можно сколько угодно любоваться исключительно принадлежащимъ русскому эпосу типомъ богатыря-крестьянина, стоятеля за интересы народа, нерѣдко въ оппозиціи съ княжескою властью, но трудно доказать, что Илья съ самаго начала былъ идеальнымъ представителемъ крестьянства.

По мнѣнію покойнаго О. Миллера, *первоначальныя* пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ должны были сложиться въ суздальской Руси, куда, вмѣстѣ съ средоточіемъ исторической жизни, могъ перейти и первоначальный кіевскій (Владиміровъ) эпосъ (полож. 16). Въ этихъ пѣсняхъ Илья представлялся уже крестьянскимъ сыномъ изъ Мурома и въ Суздальской области получилъ этотъ типъ свое дальнѣйшее историческое развитіе [1].

Мы не знаемъ, однако, какъ съ этимъ сравнительно позднимъ возникновеніемъ типа Ильи въ Суздальщинѣ покойный изслѣдователь примирялъ свидѣтельства западныхъ памятниковъ о существованіи богатыря Ильи въ кіевскомъ періодѣ нашего эпоса.

Таковы свидѣтельства германской поэмы Ортнитъ, относящейся къ началу XIII в., и норвежской Тидрекъ-саги (половины XIII в.). Въ первой поэмѣ, какъ извѣстно, однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является Ilias von Riuzen (Илья изъ Руси), и нѣмецкій ученый Мюлленгофъ, а за нимъ академикъ Ягичъ [2]) и академикъ Веселовскій не сомнѣваются, что въ этомъ Ильѣ изъ Руси сохранился на нѣмецкой почвѣ отголосокъ русскихъ сказаній объ Ильѣ Муромцѣ. Ilias von Riuzen въ поэмѣ представленъ дядей короля Ортнита и его вѣрнѣйшимъ помощникомъ. Онъ указываетъ племяннику на достойную его супругу—дочь властителя въ Судерсѣ Махореля—и обѣщаетъ ему помощь. Илья проситъ только отложить походъ за невѣстой до весны: *ему надо съѣздить на Русь*, гдѣ онъ не былъ около

---

[1]) *Илья Муромецъ*, стр. 810.

[2]) См. назв. соч., стр. 219 и слѣд., гдѣ Ягичъ подвергаетъ критикѣ мнѣніе проф. Кирпичникова, что Ilias af Greca и Ilias von Riuzen не одно и то же лицо и что *обѣ они не имѣютъ ничего общаго* съ нашимъ эпическимъ Ильей.

года, поглядѣть на жену, дѣтей и на дружину. Въ условленное время всѣ отправляются въ походъ, который кончается счастливо, благодаря помощи духа, карлика Альбериха (оказывающагося отцомъ Ортнита), и храбрости и силѣ Иліаса. Иліасъ даже такъ расходился въ битвѣ, что Альберихъ уговариваетъ его не свирѣпствовать безъ нужды, и когда Иліасъ не унимается, требуетъ, чтобы Ортнитъ удержалъ своего дядю. Племянникъ изъ-за этого чуть даже не поссорился съ Иліасомъ [1]). Когда же затѣмъ Ортнитъ, утомленный битвой, подвергается крайней опасности, то Иліасъ, призванный Альберихомъ, спѣшитъ къ нему на выручку, беретъ у него его мечъ и выдерживаетъ натискъ враговъ, до тѣхъ поръ, пока отдохнувшій Ортнитъ не присоединяется къ нему, и они вмѣстѣ обращаютъ непріятеля въ бѣгство [2]).

Въ Тидрекъ-сагѣ, относимой Рассманомъ и Унгеромъ къ серединѣ XIII в., представляется какая то странная генеалогія русскихъ властителей. Въ Россіи (Ruzciland) царствуетъ король Гертнидъ (нѣм. Ортнитъ), которому подчинена сверхъ того и большая часть Греціи. Главный городъ Руси Holmgard (Новгородъ). У Гертнида было два сына отъ королевы: Озангтриксъ и Владиміръ и 3-й сынъ отъ наложницы—Иліасъ. Отецъ посадилъ (передъ смертью) Озангтрикса надъ Villcinaland (страной лютичей—велетабовъ, по Мюлленгофу), Иліасу далъ ярлство въ Греціи, а сыну своему Владиміру титулъ короля надъ всей Ruczilaud (Русью) и Pulinaland (область полянъ). Далѣе мы узнаемъ, что у Иліаса, ярла Греціи, были два сына—Гертнитъ и Гирдиръ, изъ которыхъ Гертнитъ получилъ отъ Озангтрикса (дяди) впослѣдствіи титулъ ярла, имѣніе въ Вильцваландѣ, и былъ отправляемъ дядей въ посольство за невѣстой къ королю гунновъ Миліусу. Не касаясь разсказовъ саги, не имѣющихъ никакого отношенія къ Руси, отмѣтимъ еще, что король Гуналанда Аттила воевалъ съ Владиміромъ и отнялъ у него городъ Palteskia (Полтьскъ—Полоцкъ). Въ войнѣ съ Аттилой помогалъ Владиміру ярлъ Греціи. Этотъ ярлъ Греціи Иліасъ отождествляется, по смыслу саги, съ ярломъ Ирономъ, такъ какъ въ другомъ мѣстѣ Иронъ является также братомъ Владиміра, и ему послѣ паденія Владиміра Аттила передаетъ власть надъ Русью [3]).

Мы не беремъ на себя попытки привести въ связь эти данныя нѣмецкой поэмы и саги съ русскими историческими или эпическими фактами, но не сомнѣваемся, что Ilias von Riuczen, Ilias Jarl af Greka и Jarl Iron af Greca—одно и то же лицо, представляющее въ нѣмецкомъ эпосѣ отголосокъ русскаго эпическаго Ильи, раньше чѣмъ онъ сталъ Муромцемъ, крестьянскимъ сыномъ изъ села Карачарова.

Мы видимъ, что въ Тидрекъ-сагѣ ярлъ Иліасъ является братомъ короля Владиміра, и, вмѣстѣ съ академикомъ А. Н. Веселовскимъ, не счи-

---

[1]) См. изложеніе содержанія Ортнита у А. И. Кирпичникова. Поэмы Ломбардскаго цикла, стр. 21—24.

[2]) Ibid., стр. 27.

[3]) *Кирпичниковъ*, стр. 108.

таемъ себя вправѣ «заподозрѣвать сагу въ ошибкѣ и извращеніи другихъ, болѣе древнихъ отношеній» [1]). Конечно, Илья не равноправенъ королю Владиміру, такъ какъ рожденъ отцемъ отъ наложницы, но онъ получаетъ власть надъ окраинною частью Русскаго государства (Греціей), какъ Рустемъ надъ областью Сейестаномъ. Быть можетъ, въ происхожденіи ярла Ilias'а отъ наложницы слѣдуетъ видѣть на нѣмецкой почвѣ искаженный отголосокъ происхожденія Владиміра отъ наложницы (Малуши); но, во всякомъ случаѣ, для насъ важно то, что до нѣмецкихъ «сказителей» доходили смутные слухи о національномъ русскомъ богатырѣ, какъ о личности близкой къ Владиміру *по происхожденію*, хотя и уступавшей ему по роду матери. И этотъ русскій богатырь-дружинникъ (ярлъ) уже былъ такъ громко извѣстенъ въ русскихъ сказаніяхъ XIII вѣка, что имя его проникло изъ Руси далеко на западъ и сѣверъ. Трудно предположить, что въ этихъ сказаніяхъ Илья уже былъ крестьянскимъ сыномъ, котораго прославляла въ своихъ пѣсняхъ дружинная среда, окружавшая князей. Мы вполнѣ согласны съ академикомъ Веселовскимъ, что «представленіе Ильи крестьяниномъ принадлежитъ сѣверно-русской порѣ эпоса: въ старыхъ пѣсняхъ о немъ открылись сѣвернымъ сказителямъ черты, которыя были *такъ* поняты или *такъ* истолкованы: въ богатырѣ, подвиги котораго были имъ особенно симпатичны, они увидѣли своего героя, крестьянина-богатыря. Въ XIII вѣкѣ его знали еще ярломъ-дружинникомъ» [2]).

Чтобы уяснить себѣ, какія черты *древняго* Ильи могли послужить къ низведенію его въ эпосѣ въ крестьянское сословіе, можно сдѣлать нѣсколько предположеній, напримѣръ: Илья, хотя и дружинникъ князя, могъ въ сказаніяхъ относиться къ нему самостоятельнѣе, чѣмъ другіе богатыри-дружинники, могъ сталкиваться съ княземъ и въ этихъ столкновеніяхъ поддерживать интересы всей земли противъ княжескихъ,—словомъ, могъ такъ же относиться къ князю, какъ полунезависимый сейестанскій властитель Рустемъ къ царю Кейкаусу. При переходѣ эпическаго запаса былинъ изъ создавшей ихъ дружинной и придворной среды въ простонародье, къ крестьянамъ-пахарямъ, этотъ *независимый* дружинникъ могъ быть осмысленъ, какъ стоятель за интересы простонародья противъ княжеской власти, и самъ получить крестьянское происхожденіе.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что ярлъ Илья, какъ сынъ отъ наложницы (по свидѣтельству Тидрекъ-саги), все же былъ родомъ ниже Владиміра, и это бастардное происхожденіе могло въ какихъ-нибудь сказаніяхъ о столкновеніяхъ Владиміра съ Ильей быть поставляемо послѣднему на видъ разгнѣваннымъ княземъ. Вѣдь, глумится же въ былинахъ князь Владиміръ дѣйствительно надъ Ильей—«сельщиной-деревенщиной», не зоветъ его на пиръ, не сажаетъ на почетное мѣсто и т. д. [3]). Такого рода хула

---

[1]) *Южно-русскія былины*, I, 38.

[2]) *Южно-русскія былины*, стр. 39.

[3]) Такъ, въ иранскомъ эпосѣ Исфендіаръ, дѣйствующій по порученію царя Гуштаспа, *хулитъ происхожденіе* Рустема. *Mohl*, т. IV, стр. 493.

происхожденія Ильи въ устахъ Владиміра могла также повліять на демократизацію національнаго богатыря, на низведеніе его изъ родственниковъ князя въ крестьянство. Но такія и подобныя имъ предположенія могутъ разсчитывать только на нѣкоторую степень вѣроятности. Достовѣрнымъ же остается фактъ, какъ бы мы его ни объясняли, что древній Илья былъ по своему общественному положенію ближе къ иранскому Рустему, чѣмъ къ муромскому крестьянину. Да оно и понятно, если, какъ мы предполагаемъ, Рустемъ отчасти отлился на почвѣ Руси въ образѣ Ильи. Съ нѣкоторымъ рискомъ можно выставить далѣе гипотезу, не объясняется ли изъ Ирана загадочный дублетъ ярла Ильи—ярлъ Иронъ. Появленіе этого страннаго имени въ Тидрекъ-сагѣ въ связи съ именемъ ярла Ильи, быть можетъ, случайно сохранившійся отголосокъ иранскаго прототипа Ильи, Рустема, знаменитаго пехлевана Ирана въ борьбѣ съ Тураномъ.

Въ промежуточной (тюркской) средѣ, чрезъ которую нѣкоторые эпизоды *Рустеміады* прошли на Русь, быть можетъ, къ имени героя пристало прозвище по его національности (Ирани значитъ иранецъ по-персидски) или послѣднимъ было даже замѣнено имя Рустемъ, и это прозвище, смѣненное на Руси именемъ Ильи, кое-гдѣ еще повторялось безсознательно на ряду съ христіанскимъ именемъ. Такимъ образомъ, и до составителя Тидрекъ-саги донеслись два имени русскаго богатыря—ярлъ Илья и ярлъ Иронъ [1]).

Помимо западныхъ (нѣмецкихъ) свидѣтельствъ, кажется, можемъ и въ современныхъ былинахъ найти указанія на то, что Илья только впослѣдствіи омужичился, когда нашъ эпосъ перешелъ въ крестьянскую среду.

Придавъ ему крестьянское происхожденіе, сѣверно-русскіе сказители (въ данномъ случаѣ исказители) не создали ни одной былины, гдѣ бы Илья являлся настоящимъ крестьяниномъ съ сохой, какъ другой «представитель» крестьянства—Микула Селяниновичъ. Крестьянскою работой онъ занимается только одинъ разъ въ жизни: корчуетъ пни подъ пашню послѣ своего исцѣленія каликами, а затѣмъ покидаетъ крестьянскую среду навсегда и до самой старости ни разу не возвращается въ нее. Всѣ свои подвиги онъ совершаетъ какъ богатырь-дружинникъ на службѣ Владиміра, либо какъ вольный старый казакъ (въ былинахъ безъ отношенія къ кіевскому князю). Насколько механически крестьянство приклеено къ старому казаку, видно, напримѣръ, изъ такихъ былинъ, гдѣ Илья уже сейчасъ по исцѣленіи и выѣздѣ изъ родительскаго дома успѣваетъ преобразиться въ стараго казака, или изъ такихъ, гдѣ онъ прямо называется «старымъ казакомъ города Мурома, села Карачаева» [2]), какъ будто существовали какіе-то муромскіе казаки.

Далѣе, мы видимъ, что хотя Илья вообще отличается нестяжатель-

---

[1]) Переходъ долгаго *а* въ *о* — обычное явленіе въ нѣкоторыхъ иранскихъ діалектахъ. Срав. осет. *иронъ*, мазандер. iron etc.

[2]) *Рыбниковъ*, т. II, стр. 2.

ностью, былины о его встрѣчѣ съ разбойниками любятъ описывать его богатство и роскошь вооруженія [1]).

Слѣды позднѣйшаго искаженія въ простонародномъ духѣ можно видѣть и въ ссорахъ Ильи съ княземъ Владиміромъ. Въ этихъ ссорахъ, по справедливому замѣчанію Д. Ровинскаго, «чувствуется, прежде всего, протестъ простаго народа противъ правительственныхъ притѣсненій, противъ увеличенія сборовъ съ *царскихъ кабаковъ*, вздорожанія вина и непомѣрныхъ поборовъ съ простонародной голи. *Самыя причины ссоры очень неясны*; впрочемъ, былинщику нуженъ былъ какой-нибудь, хотя бы и пустой, поводъ, только бы привести дѣло къ ссорѣ и заставить Илью заступиться за бѣднаго человѣка, за голь, и вотъ начинаетъ у него Муромецъ уничтожать все казенное: хлещетъ, колотитъ княжескихъ богатырей, застольщиковъ и самого князя, обламываетъ съ дворца золотыя маковки, разбиваетъ царскіе кабаки, тутъ же стаскиваетъ и кресты съ церквей, — хотя церкви и Божіи, но кресты на нихъ поставлены не *по-писаному*, а никоновскіе крыжи, и потому не за грѣхъ такіе крыжи Ильѣ Муромцу съ голями и на вино пропить. Это тотъ же самый протестъ, который, въ болѣе беззубой формѣ, перешелъ въ позднѣйшія народныя картинки: *Мыши кота погребаютъ*, *Котъ казанскій* и т. п.».

Дѣйствительно, грубыя выходки Ильи, придающія ему интересъ въ простонародной средѣ (особенно средѣ голей кабацкихъ), несомнѣнно искажаютъ высоконравственный обликъ, просвѣчивающій въ большинствѣ подвиговъ Ильи, и должны быть объясняемы, какъ позднѣйшее простонародное наслоеніе. Но наслоеніе могло лечь только на нѣчто древнее, грубая подмалевка на прежній рисунокъ, болѣе соотвѣтствовавшій типу Ильи. Не трудно предположить, что въ *древнихъ*, впослѣдствіи безобразно размалеванныхъ, отношеніяхъ Ильи къ князю Владиміру правда и справедливость были всегда на сторонѣ Ильи и что столкновенія его съ княземъ были достаточно мотивированы, между тѣмъ какъ теперь Илья въ своихъ дикихъ, мало мотивированныхъ выходкахъ переступаетъ всѣ мѣры и не знаетъ удержу, какъ пьяная толпа при каждомъ бунтѣ обязательно разбивающая кабаки.

Естественными, такъ сказать, законными мотивами ссоры *древняго* Ильи съ княземъ могли быть: неблагодарность, выказываемая княземъ народному богатырю, изъ чувства зависти къ его подвигамъ (таково чувство Кейкауса къ Рустему), или довѣрчивость князя къ клеветникамъ, наговаривавшимъ ему на богатыря. При этихъ мотивахъ ссоры, князь могъ подвергать въ своемъ несправедливомъ гнѣвѣ народнаго богатыря заключенію

---

[1]) Изъ былинъ *Рыбникова*, т. III, № 7, стр. 28 (*Кирѣев.*, т. I, стр. 57), мы видимъ, что Ильѣ было не чуждо и *дворянское* благородное занятіе охотою и что у него было свое подворье богатырское (стр. 29). По мнѣнію Д. Ровинскаго, „родовитость Ильи подтверждается извѣстіемъ Лассоты о томъ, что гробница его показывалась рядомъ съ гробницей другаго богатыря, причемъ обѣ гробницы были поставлены каждая въ особомъ придѣлѣ при соборной церкви въ Кіевѣ“ (т. IV, стр. 133).

(какъ Владиміръ засадилъ, по наговору своихъ бояръ, Илью въ погребъ, или какъ Гуштаспъ, по наговору, заточилъ въ крѣпость на цѣпь своего сына Исфендіара), но затѣмъ, при наступленіи бѣды неминучей, властитель раскаивался въ своемъ безразсудствѣ, освобождалъ богатыря, а тотъ, великодушно простивъ обиды, спасалъ отечество и властителя отъ враговъ. Словомъ, намъ представляется, что въ *древнѣйшихъ* столкновеніяхъ Ильи съ княземъ, давшихъ основу къ дальнѣйшей вульгарной размалевкѣ, Илья (или его предокъ) долженъ былъ быть, по самому смыслу мотивовъ столкновеній, богатыремъ, весьма близкимъ къ князю, жившимъ при его дворѣ, настолько авторитетнымъ по происхожденію и заслугамъ, что могъ вызвать въ князѣ зависть къ своему вліянію и славѣ, — лицомъ вродѣ князя Рустема или царевича Исфендіара, а не пріѣхавшимъ изъ деревни мужикомъ-богатыремъ, который начинаетъ спьяна буянить лишь потому, что сразу не повѣрили его побѣдѣ надъ Соловьемъ, или который остается недоволенъ княжимъ подаркомъ (черта, совершенно несогласимая съ безкорыстіемъ Ильи).

Наконецъ, быть можетъ, слѣды *древняго*, не простонароднаго происхожденія Ильи сохранились въ извѣстныхъ трехъ былинахъ Ефименко (№№ I, IV, V), которыя постоянно сопровождаютъ имя Ильи титуломъ «осударь нашъ» [1]) и въ одной былинѣ Рыбникова [2]), гдѣ Илья не называется крестьянскимъ сыномъ, хотя и живетъ въ Муромѣ, и, собираясь ѣхать въ Кіевъ-градъ,

„Приходилъ на свой широкій дворъ,
Говорилъ-то *своимъ слугамъ вѣрнымъ*,
Сѣдлайте-ко, уздайте добра коня“ и проч.

Отмѣтимъ также, что въ рукописномъ сказаніи объ Ильѣ Муромцѣ (рукопись № 222, XVIII в., изъ собранія Н. С. Тихонравова) Илья называется богатыремъ изъ славнаго города Мурома, а не крестьянскимъ сыномъ, и избавленный имъ Сибеской (т.-е. сибежскій) царь, обращаясь къ нему, называетъ его «свѣтъ государь Илья Муромецъ» [3]).

Въ связи съ южно-русскимъ происхожденіемъ древняго Ильи находится и вопросъ о его прозвищѣ.

Въ настоящее время, кажется, уже большинство изслѣдователей эпоса пришло къ убѣжденію, что прозваніе «Муромецъ» и сѣверно-русское мѣстное прикрѣпленіе Ильи—факты его позднѣйшей эпической исторіи. Названіе Муромецъ ничто иное, какъ позднее осмысленіе ничего не говорящей сѣверной Руси старой формы прозвища Ильи, которая дошла до насъ въ нѣсколькихъ варіантахъ, какъ южно-русскихъ, такъ и сѣверно-русскихъ: Моровлинъ (Ляссота), Муравленинъ (Кмита чернобыльскій), Муровицъ (финск. Muurovitsa), Муровецъ (въ запискахъ Панкѣева и въ одной

---

[1]) Также *государемъ* называется Илья въ былинахъ *Гильфердинга*, №№ 219, 232 и 305.

[2]) *Рыбн.*, IV, стр. 8.

[3]) См. *Этногр. Обозрѣніе*, кн. VIII, стр. 302, въ статьѣ Н. С. Тихонравова *Пять былинъ по рукописямъ XVIII в.*

рукописной побывальщинѣ XVIII в. у Л. Н. Майкова, въ которой и городъ, откуда Илья родомъ, названъ Моровъ), Ilia Muurovits (у Луиса де-Кастильо) [1]). Для объясненія происхожденія прозвища Муровецъ и друг. было указано немало топографическихъ названій, относящихся къ южной Руси. Таковы, напримѣръ: село *Моровскъ* (Черниг. губ., Остер. уѣзда), соотвѣтствующее древнему г. Моровійску или Моровіеску, существовавшему раньше XII в., такъ какъ первое упоминаніе о немъ въ лѣтописяхъ относится къ 1139 г., *Муравскій шляхъ* по водораздѣлу Днѣпра и Дона, рѣка *Муравецъ*, воспѣваемая въ одной волынской пѣснѣ, островъ *Моровинъ*, мѣстность *Муравица*, *Муравскій* островъ па Днѣпрѣ и др. [2]).

Далѣе мы предложимъ нашу догадку относительно мѣстности, къ которой былъ прикрѣпленъ *древнѣйшій* южно-русскій Илья раньше, чѣмъ онъ сталъ Муромцемъ. Но для мотивировки нашего предположенія необходимо сначала остановиться на первомъ подвигѣ Ильи—на освобожденіи имъ Чернигова отъ обложившей его рати.

Извѣстно, что, отправляясь изъ родительскаго дома, изъ Мурома, въ городъ Кіевъ къ князю Владиміру, Илья дѣлаетъ значительный крюкъ, освобождая по пути городъ Черниговъ. Намъ кажется, что упоминаніемъ Чернигова въ значительномъ числѣ былинъ о первой поѣздкѣ Ильи въ Кіевъ можно *до нѣкоторой степени* воспользоваться, какъ датой для прикрѣпленія Ильи къ сѣверской (черниговской) Руси и къ дотатарскому періоду.

Вообще для хронологіи нашего эпоса (конечно, относительной) имѣетъ значеніе тотъ фактъ, что въ числѣ городовъ, упоминаемыхъ былинами (Кіевъ, Смоленскъ, Ростовъ, Муромъ, Рязань, Владиміръ, Туровъ (?), Угличъ, Суздаль, Галичъ Волынскій), Черниговъ встрѣчается гораздо чаще другихъ, называясь нерѣдко *славнымъ* [3]), *стольнымъ* [4]) и обыкновенно въ тѣсной связи съ Кіевомъ [5]). Такъ, по нѣкоторымъ былинамъ, заставы, встрѣченныя Ильей, были имъ встрѣчены на пути изъ Чернигова въ Кіевъ, или застава богатырская, на которой стоитъ самъ Илья, находится между Кіевомъ и Черниговомъ [6]). Прогнавъ изъ-подъ Чернигова басурманскую рать, Илья получаетъ приглашеніе оставаться въ немъ княземъ, царемъ или воеводою [7]). Былины упоминаютъ владыку черниговскаго, который

[1]) См. *А. Н. Веселовскаго*: „Юж. русск. былины“, вып. I; его же *Ж. М. Н. Пр.* 1883, апрѣль, № 220; тамъ же, 1890 г., мартъ, стр. 9—10 и 22. *В. Каллашъ*—мелкія этнолог. замѣтки въ *Этнограф. Обозрѣніи*, 1889 г., кн. III, стр. 204—5, и кн. V, стр. 251, и его же pro domo sua—тамъ же, стр. 248, гдѣ сдѣланъ экскурсъ въ исторію разработки вопроса о прозвищѣ Ильи.

[2]) См. замѣтки В. В. Каллаша въ *Этнограф. Обозрѣніи*, кн. III, стр. 204, и V, стр. 251.

[3]) *Кирѣев.*, I, стр. 36; III, 20.

[4]) Наприм., въ рукоп. былинѣ XVIII в. изъ собранія Ѳ. И. Буслаева, см. *Этногр. Обозрѣніе*, VIII, стр. 25.

[5]) Наприм. *Гильферд.*, № 152 (ст. 784), тамъ же, столб. 90, 779, 1234, 376.

[6]) *Кирѣев.*, I, стр. 52; *Гильферд.*, № 3.

[7]) *Наприм.*, *Кирѣев.*, I, 26, 85, 88; *Гильферд.*, 17, 440, 1000. *Князь* черниговскій *упоминается у Гильферд.*, стол

держитъ закладъ за Алешу Поповича противъ Тугарина [1]), за Ивана Госу тинаго противъ князя Владиміра [2]) и за Дюка Степановича противъ Чурилы [3]), причемъ мѣсто для скачки въ послѣдней былинѣ опредѣляется разстояніемъ отъ Кіева до Чернигова [4]). Въ Черниговѣ сидитъ какой-то воевода [5]) или король [6]), отецъ Авдотьи Лебеди-Бѣлой, или Димитрій гость богатый—отецъ Настасьи Димитріевны [7]). Упоминается какая-то рѣка Черниговская въ обычной роли рѣки Смородины, возлѣ которой стоялъ дубъ съ гнѣздомъ Соловья-разбойника [8]) и гора черниговская [9]). Въ Черниговѣ проживаютъ, по указанію нѣкоторыхъ былинъ, бояринъ Ставръ Годиновичъ [10]) и Данило Ловчанинъ [11]). Черниговъ славится золотою казной [12]), заморскими винами, калашницами и дѣвушками [13]).

Эти сравнительно частыя упоминанія Чернигова въ былинахъ, и, притомъ, въ связи съ Кіевомъ, должны, повидимому, указывать на тотъ періодъ южно-русской исторіи (XI, XII вв.), когда Черниговъ считался первымъ городомъ послѣ стольнаго Кіева, когда столъ черниговскій только кіевскому уступалъ въ значеніи и потому нерѣдко стоялъ съ нимъ въ антагонизмѣ [14]). Упорно держащійся въ былинахъ мотивъ, что богатырь прогоняетъ отъ осажденнаго Чернигова непріятельскую рать, въ связи съ поѣздкой того же богатыря въ Кіевъ, долженъ указывать на тотъ періодъ, когда эти оба города были въ тѣснѣйшей связи, и это низводитъ насъ къ XI, XII или началу XIII столѣтій. Въ XI и XII вв. Черниговъ неоднократно подвергался осадѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе княжескихъ междоусобій, причемъ князья сами приводили половцевъ къ его стѣнамъ. Такъ, въ 1094 году Олегъ Святославичъ изъ Тмутаракани съ половцами подступилъ къ Чернигову, опустошилъ его окрестности, пожегъ монастыри, и Мономахъ, сначала затворившійся въ городѣ, ушелъ изъ него въ Переяславль, уступивъ черниговскій столъ Олегу [15]).

Не мало терпѣла Черниговская земля отъ княжихъ усобицъ при черниговскихъ князьяхъ Всеволодѣ Ольговичѣ (1128—1140) и Владимірѣ Да-

---

1) *Кирѣев.*, II, 77.
2) Тамъ же, III, 5.
3) *Гильферд.*, столб. 779 и 81.
4) Ср. *Рыбник.*, III, № 34.
5) *Кирѣев.*, I, 36.
6) Тамъ же, III, 111.
7) *Рыбник.*, II, № 13.
8) *Гильферд.*, 302.
9) *Ефименко*, стр. 26 и 27.
10) *Рыбн.*, II, № 19; *Гильферд.*, №№ 21 и 140; *Этногр. Обозрѣніе*, VIII, стр. 25.
11) *Кирѣев.*, III, 36.
12) *Гильферд.*, 361.
13) *Ефименко*, стр. 26.
14) Вспомнимъ, какъ владыка черниговскій, держащій закладъ противъ кн. Владиміра, завладѣваетъ его тремя кораблями на Днѣпрѣ. *Кирѣев.*, III, 8.
15) Лѣтоп. подъ 1094 г. См. *Багалѣя*: „Исторія сѣверской земли до половины XIV в.". 1882 г., стр. 171.

видовичѣ (1140—1151), вслѣдствіе притязаній Ольговичей на кіевскій столъ. «Все княженіе Владиміра Давидовича въ Черниговѣ,—говоритъ г. Багалѣй,— наполнено было войнами; Черниговское княжество въ это время нѣсколько разъ было опустошаемо, но не половцами, а русскими войсками Изяслава» [1]). Въ 1152 г., во время похода Юрія Суздальскаго со многими русскими князьями и половцами на южную Русь, половцы, по его приказу, повоевали многія мѣста около Чернигова; 12 дней половцы стояли подъ городомъ, пока не пришла къ нему на помощь кіевская рать (Изяслава и Вячеслава), что побудило половцевъ оставить отрядъ Юрія [2]). «Разореніе Черниговской области,—говоритъ Голубовскій [3]),—было не меньше, чѣмъ другихъ княжествъ въ удѣльный періодъ, но, главнымъ образомъ, здѣсь причиной были княжескія междуусобія. Кочевники-половцы весьма часто были приглашаемы то тѣмъ, то другимъ княземъ Чернигова, и Святославичи довели свою область до самаго обезлюдѣнія. Уже въ 1159 г. Святославъ Ольговичъ жалуется на запустѣніе (черниговскихъ) городовъ: Любеча, Моровска, Оргоща и Всеволожа». Наконецъ, разгромъ Черниговскаго княжества завершается въ 1239 году взятіемъ Чернигова татарами, сожженіемъ его и опустошеніемъ всей области [4]). Память объ этомъ событіи должна была въ народѣ тѣсно связаться съ памятью о мученической кончинѣ въ ордѣ черниговскаго кн. Михаила и его боярина Ѳеодора. Внукъ Михаила, Борисъ Васильевичъ, сопровождавшій дѣда въ орду, получилъ позволеніе возвратиться въ свой удѣлъ. «Съ этого времени,—говоритъ, г. Багалѣй,— о князьяхъ черниговскихъ почти вовсе не упоминается въ лѣтописяхъ» [5]).

Такимъ образомъ, въ былинномъ мотивѣ обложенія Чернигова непріятельскою ратью можно видѣть отголосокъ тѣхъ военныхъ дѣйствій, которыя совершались подъ стѣнами Чернигова въ періодъ времени отъ половины XI до половины XIII вѣка: половецкихъ погромовъ, самостоятельныхъ (наприм., въ 1068 и 1187 гг.) или чаще въ союзѣ съ русскими войсками, и, наконецъ, татарскаго погрома 1239 года. Нельзя ли сдѣлать отсюда какія-нибудь заключенія о богатырѣ, котораго народное сказаніе приводитъ въ тѣсную связь съ городомъ Черниговомъ? Кажется, можно. Еслибъ мы предположили, что Илья Муромецъ былъ *искони* прикрѣпленъ происхожденіемъ къ Муромской области и затѣмъ введенъ въ кругъ кіевскихъ богатырей, то его поѣздка въ Кіевъ, въ этотъ эпическій центръ

---

[1]) Тамъ же, 214.

[2]) Лѣтоп. подъ 1152 г. и Багалѣй, 215.

[3]) *Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ*, стр. 86.

[4]) Память о разореніи Чернигова татарами сохранилась въ одной пѣснѣ, записанной въ Симб. губ. *Кирѣев.*, вып. VII, стр. 54:

„Было во городѣ во Черниговѣ—
Воевали, бузовали три татарченка,
Они били, разбивали нашъ Черниговъ-градъ.
Намного они брали золотой казны,
А еще того побольше чечью жемчуга“ и т. д.

[5]) Назв. соч., стр. 268.

богатырскій, конечно, объясняется весьма естественно, такъ же, какъ, напримѣръ, поѣздка ростовскаго Александра Поповича въ Кіевъ. Но уже не такъ легко объяснить, почему понадобилось муромскому богатырю по дорогѣ въ Кіевъ (sic) пріѣхать къ Чернигову и совершить около него свой *первый* богатырскій подвигъ по выѣздѣ изъ дому. Будь это еще какое-нибудь чудесное приключеніе, вродѣ борьбы съ змѣемъ, мы могли бы предположить, что въ похожденія богатыря былъ въ данномъ случаѣ вплетенъ фантастическій сказочный мотивъ, но дѣло Ильи подъ Черниговомъ не носитъ какого-нибудь любопытнаго сказочнаго характера, а скорѣе напоминаетъ какъ будто историческую черту. Хотя во многихъ былинахъ мы находимъ этотъ подвигъ Ильи, но разсказывается онъ обыкновенно кратко, не картинно, въ нѣсколькихъ стихахъ, и весь интересъ разсказа сосредоточивается, главнымъ образомъ, на той чертѣ, что черниговцы приглашаютъ Илью, какъ освободителя, остаться у нихъ въ князьяхъ или въ воеводахъ, на что онъ отвѣчаетъ отказомъ.

Появленіе Чернигова въ былинахъ о муромскомъ богатырѣ еще было бы умѣстно, если бы дѣйствительно Черниговъ лежалъ на пути изъ роднаго села Ильи въ Кіевъ. Но этого нѣтъ. Илья дѣлаетъ *значительный* крюкъ, чтобы по пути въ Кіевъ освободить Черниговъ. Конечно, можно предположить, что для муромскихъ сказителей этотъ крюкъ и не представлялся крюкомъ, по ихъ незнанію географіи. Но и это предположеніе мало вѣроятно: направленіе къ матери городовъ русскихъ, къ кіевскимъ святынямъ, столь много посѣщаемымъ населеніемъ всѣхъ концовъ Руси, должно было быть такъ же хорошо извѣстно всюду на Руси въ средніе вѣка, какъ и въ наше время. Въ виду всего этого, намъ кажется возможнымъ прибѣгнуть къ слѣдующей гипотезѣ, которая должна объяснить вышеприведенные факты, именно, что

1) Илья дѣлаетъ значительный крюкъ, чтобы освободить Черниговъ.

2) Освобожденіе Чернигова—первый подвигъ Ильи по выѣздѣ изъ дому.

3) Населеніе Чернигова проситъ Илью остаться у нихъ княземъ или воеводой, т.-е. относится къ Ильѣ лучше, чѣмъ Владиміръ кіевскій.

4) *Заставы*, осиленныя Ильей, лежатъ именно на пути изъ Чернигова въ Кіевъ.

Кажется, можно предположить, что *древнѣйшій* Илья, раньше своего прикрѣпленія къ Мурому, былъ прикрѣпленъ къ другой мѣстности и именно въ Черниговщинѣ. Онъ могъ быть связанъ съ городомъ Черниговомъ и потому совершаетъ для его освобожденія свой первый подвигъ, какъ богатырь Черниговщины. Этимъ объясняется и ласковое отношеніе къ нему черниговцевъ, и то обстоятельство, что во многихъ былинахъ заставы помѣщены именно на пути изъ Чернигова въ Кіевъ, а не изъ Мурома въ Кіевъ.

Совершая *первый* подвигъ по выѣздѣ изъ дому у Чернигова, *древній* Илья, вѣроятно, выѣзжалъ не изъ такого отдаленнаго родного мѣста, каковъ Муромъ, а откуда-нибудь поближе къ Чернигову. Продолжая гадать,

откуда могъ выѣхать *древній* Илья, мы натыкаемся на городъ Моровскъ (Моровійскъ), принадлежавшій къ городамъ Черниговскаго княжества въ XII, XIII в. и нерѣдко упоминаемый въ лѣтописи въ описаніи событій, разыгрывавшихся подъ Черниговомъ или въ Черниговской области [1]. Конечно, точное мѣстоположеніе этого города неизвѣстно, но весьма вѣроятно, что онъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго села Моровска (въ Остерск. уѣздѣ, Черниговской губ., на правомъ берегу Десны), по дорогѣ изъ Чернигова въ Кіевъ [2], и поэтому, если бы дѣйствительно древній Илья былъ прежде прикрѣпленъ къ Моровску, былъ Ильею моровскимъ, ему естественно было бы ѣхать чрезъ Черниговъ въ Кіевъ и освобождать отъ враговъ (иногда татаръ) главный городъ родной области. Конечно, отстаивать послѣднюю черту нашей гипотезы, именно древнѣйшее прикрѣпленіе Ильи къ Моровску (Моровійску), мы не станемъ [3], но принадлежность древняго Ильи Черниговщинѣ (предшествующее его прикрѣпленію къ Суздальщинѣ), кажется намъ весьма вѣроятнымъ и по нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ, которыя выскажемъ ниже [4].

Дальнѣйшее прикрѣпленіе южно-русскаго (сѣверянскаго) богатыря къ Мурому, какъ извѣстно, находится въ связи съ колонизаціоннымъ движеніемъ сѣверянскаго населенія на сѣверо-востокъ и переходомъ исторической сцены въ Суздальщину и затѣмъ въ Московщину. Уже при Мстиславѣ, братѣ Ярослава, въ понятіе Сѣверской земли входитъ, кромѣ главнаго ядра—области сѣверянъ—область радимичей и вятичей съ Муромо-Рязанскою землей [5]. Колонизація послѣдней земли, нѣкогда сплошь населенной финскимъ элементомъ, въ силу географическихъ условій мѣстности, двигалась очень медленно и финскій элементъ лишь туго проникался славянскимъ. «Главными дѣятелями въ этой мирной колонизаціи были, конечно, вятичи; этимъ только и можно,—говоритъ проф. Багалѣй,—объ-

---

1) Такъ, въ 1139 г. въ черниговскомъ городѣ Моровійскѣ Ярополкъ кіевскій заключаетъ миръ съ Ольговичемъ Всеволодомъ; въ 1152 г. Изяславъ, *по дорогѣ въ Черниговъ*, осажденный Юріемъ суздальскимъ съ половцами, останавливаются у *Моровійска*; въ 1154 г. у того же города останавливается Юрій суздальскій *въ походѣ на Черниговъ*; въ 1159 г. Святославъ черниговскій упоминаетъ Моровійскъ въ числѣ своихъ городовъ: „Господи,—говоритъ онъ,—ты видишь мое смиреніе; не желая проливать христіанской крови, я взялъ (отъ брата) Черниговъ съ 7 пустыми городами, въ которыхъ сидятъ псари да половцы: Моровійскомъ, Любескомъ, Оргощемъ, Всеволожемъ"; въ 1160 году въ этомъ городѣ съѣхались Святославъ Ольговичъ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ, чтобы заключить союзъ; въ 1175 г. Олегъ Святославичъ новгородъ-сѣверскій въ усобицѣ съ черниговскимъ Святославомъ Всеволодовичемъ сжигаетъ его города—Лутаву и Моровіескъ.

2) См. *Багалѣй*, стр. 145.

3) Хотя для подкрѣпленія ея можно сослаться на принадлежащую Л. Н. Майкову былину, гдѣ роднымъ городомъ Ильи названъ Моровъ.

4) Отмѣтимъ, что въ былинѣ Калинина (*Гильф.*, № 3) Илья проситъ у отца благословеніе ѣхать въ городъ Черниговъ, а затѣмъ уже изъ Чернигова въ Кіевъ, къ ласковому князю Владиміру.

5) *Багалѣй, стр. 49.*

яснить тѣсную связь Муромо-Рязанской земли съ Сѣверской» [1]. Городъ Муромъ уже существовалъ въ концѣ XI в. и лежалъ на самомъ порубежьи Русской земли съ землями камскихъ болгаръ, которыми былъ временно взятъ въ 1088 г. [2]; основаніе Рязани относитъ Д. И. Иловайскій [3]) къ шестидесятымъ годамъ того же столѣтія, къ княженію Святослава Ярославича. Обрусеніе этихъ земель и распространеніе въ нихъ христіанства дѣлаетъ сильные успѣхи лишь съ половины XII в., когда утвердилось оно у вятичей. Ярославъ Святославичъ, получивъ въ удѣлъ муромо-рязанскія земли, особенно энергично ведетъ борьбу со всѣми элементами, враждебными христіанству. Послѣ него, при его сыновьяхъ, Муромо-Рязанская земля обособляется отъ Сѣверской. Между тѣмъ какъ самъ Ярославъ еще употреблялъ усилія, чтобы утвердиться въ Приднѣпровьи, сыновья его не возобновляютъ притязаній на старшинство въ родѣ Святославичей и не думаютъ покидать своихъ сѣверо-восточныхъ волостей для того, чтобъ отыскивать невѣрныя земли на югѣ [4]. Съ этого времени среднее теченіе Оки все болѣе и болѣе выдѣляется изъ общей системы удѣловъ и начинаетъ жить собственною жизнью. Въ концѣ XII в. (въ 1198 г.) произошло нарушеніе прежней религіозной зависимости Муромо-Рязанской земли отъ Чернигова, когда Рязань получаетъ особаго епископа. Въ силу смѣшаннаго этнографическаго элемента, вошедшаго въ составъ этой земли, а также въ силу ея сосѣдства съ землею Ростово-Суздальской, она забываетъ впослѣдствіи свою связь съ Сѣверскою землей и входитъ въ болѣе тѣсную связь съ Русью сѣверо-восточной [5]. Но она когда-то получила изъ южной Руси, именно изъ Черниговскаго княжества, и христіанство, и часть своего славянскаго населенія, которое переходило сюда вслѣдствіе татарскаго погрома, опустошившаго южныя части Черниговской области. Вообще къ концу XIII в. прилегающія непосредственно къ степямъ южно-русскія окраины запустѣли и нѣтъ признака славяно-русскаго населенія въ малорусскихъ частяхъ Курской губерніи, въ степномъ районѣ Черниговской и Полтавской по Сулѣ, Сейму и Нижней Деснѣ [6]. Естественно, что вмѣстѣ съ населеніемъ переходили на сѣверо-востокъ и южныя историческія пѣсни съ ихъ богатырями кіевскими, черниговскими, переяславскими и друг. Къ этому періоду должно относиться и прикрѣпленіе муровскаго богатыря къ новымъ мѣстамъ, которое мы видимъ въ нашемъ эпосѣ. Вслѣдствіе полнаго забвенія черниговскаго города Моровска и близкаго звуковаго сход-

---

[1]) Наз. соч., стр. 31.

[2]) Что Муромъ принадлежалъ Сѣверской землѣ, видно изъ словъ, сказанныхъ Олегомъ Святославичемъ Изяславу Владиміровичу, сыну Мономаха: „Иди у волость отца своего Ростову, а то (Муромъ) есть волость отца моего“. *Багалѣй*, стр. 162, со ссылкой на *Ип. лѣтопись*, стр. 165.

[3]) *Исторія Рязанскаго княжества*, стр. 24.

[4]) *Багалѣй*, стр. 136.

[5]) Ibid., стр. 177.

[6]) *Житецкій. Кіевская Старина* 1884 г., августъ, стр. 57.

ства его имени съ Муромомъ, не трудно себѣ представить, какъ древній Муровецъ, или Моровецъ перешелъ въ Муромца, а разъ этотъ эпитетъ утвердился за нимъ, народная фантазія стала искать и родины его въ какой-нибудь мѣстности Муромской области. Вѣроятно, въ разныхъ областяхъ, гдѣ были извѣстны пѣсни объ Ильѣ, бывали попытки и къ прикрѣпленію его къ той или другой мѣстности [1]). Но, въ силу неизвѣстной для насъ причины, въ современныхъ былинахъ рѣшительно утвердилось, какъ его мѣсторожденіе, село Карачарово или Карачаево (Владимірской губ.). Можетъ быть, и здѣсь, какъ въ замѣщеніи Морова Муромомъ, повліяло какое-нибудь звуковое сходство, созвучіе названія села Карачарова съ какою-нибудь *сѣверскою* мѣстностью, упоминавшеюся въ похожденіяхъ Ильи. Во всякомъ случаѣ, рѣшить этотъ вопросъ мы едва ли когда-нибудь будемъ въ состояніи, но, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, можно, пожалуй, рискнуть слѣдующею догадкой, основывающеюся, впрочемъ, на очень зыбкой почвѣ—на *перевираніи* мѣстныхъ названій, для котораго можно найти не мало данныхъ въ нашемъ эпосѣ. Нельзя ли предположить, что село Карачарово (Карачаево) явилось какъ замѣна болѣе южнаго города Карачева, древняго города черниговскихъ князей, лежавшаго приблизительно на границѣ княжества Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго и упоминаемаго лѣтописью въ изложеніи политическихъ событій, начиная съ половины XII в. [2]). Быть можетъ, этотъ городъ былъ связанъ въ древнихъ сказаніяхъ съ похожденіями Ильи. Подтвердить это предположеніе можно мѣстнымъ преданіемъ, доселѣ прикрѣпленнымъ къ г. Карачеву или, точнѣе, къ его области. Къ окрестностямъ города пріурочивается мѣстопребываніе былиннаго Соловья-разбойника. Въ 25 верстахъ отъ Карачева протекаетъ рѣка *Смородинная* и на берегу ея находится древнее село «Девятидубье». Мѣстные старожилы указываютъ то мѣсто, гдѣ было расположено гнѣздо Соловья разбойника. И теперь на берегу Смородинной находится огромныхъ размѣровъ пень, который, по преданію, сохранился отъ девяти дубовъ [3]). Въ современныхъ былинахъ Илья ничѣмъ не связанъ съ Карачевымъ, и

---

[1]) Наприм., въ былинѣ *Рыбн.* (т. III, № 4) Илья называется родомъ изъ Крякова села Березина.

[2]) Имя города Карачева въ лѣтописяхъ встрѣчается съ 1146 года, когда, во время усобицы между кн. Святославомъ новгородъ-сѣверскимъ и князьями черниговскими, Святославъ, не надѣясь удержаться въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, пошелъ къ Карачеву, разорилъ его и потомъ бѣжалъ къ вятичамъ. По заключеніи мира, около 1155 г., Святославъ Ольговичъ вымѣнялъ себѣ Карачевъ. Затѣмъ Карачевъ принадлежалъ Святославу Всеволодовичу кн. кіевскому или зависѣлъ отъ него и служилъ опорнымъ пунктомъ кіевскимъ князьямъ въ войнахъ ихъ съ половцами и Рязанью. Съ 1246 г., послѣ нашествія татаръ, Карачевъ сдѣлался главнымъ городомъ особаго удѣла, основаннаго Мстиславомъ, сыномъ кн. Михаила черниговскаго.

[3]) См. *Московскія Вѣдомости* 1890 г., № 101, корреспонденція изъ Карачева, Орловской губерніи. См. также *Этногр. Обозрѣніе*, кн. III, стр. 206. По сообщенію С. Н. Маслова, въ Орловской губ., Карачевскаго уѣзда, есть село „Девять Дубовъ“ и *„Соловьевъ перевозъ“*.

этотъ городъ вовсе не упоминается. Но въ полукнижной повѣсти о 7 богатыряхъ, изданной по рукописи XVII в. Н. И. Костомаровымъ [1]), Илья во главѣ шести богатырей по дорогѣ въ Царьградъ встрѣчаетъ двѣнадцать каликъ перехожихъ: «А у каликъ атаманъ, и зовутъ его Никитою, а родомъ Карачевецъ» (т.-е. изъ города Карачева). Этотъ Карачевецъ не захотѣлъ уступить своего платья Алешѣ, но уступаетъ его съ готовностью Ильѣ. Названіе Никиты по городу, откуда онъ родомъ, вѣроятно, послѣдній отголосокъ памяти о городѣ Карачевѣ, сохранившійся въ былинной записи XVII в. [2]).

Воспоминаніе о немъ, подтверждаемое мѣстными карачевскими преданіями о Соловьѣ и р. Смородинной, должно было такъ же исчезнуть изъ эпоса, какъ память о южномъ городѣ Моровскѣ. Но, быть можетъ, созвучіе Карачева съ Карачаевымъ повело къ прикрѣпленію къ этому селу рожденія и первыхъ опытовъ силы Ильи. Какъ мѣстное преданіе карачевское связываетъ имя Ильи съ рѣкой (Смородинной) и разбойникомъ (Соловьемъ), такъ мѣстное карачаровское преданіе, доставленное О. Миллеру г. Экземплярскимъ, связываетъ также своего богатыря съ рѣкой (Окою) и разбойниками. По берегамъ Оки, поросшимъ густымъ дубовымъ лѣсомъ, безстрашно бродили въ древнее время шайки разбойниковъ, отъ которыхъ много страдали жители окрестныхъ селеній. Чтобы избавиться отъ этихъ разбойниковъ, жители Карачарова задумали приблизить русло Оки къ своему селу: въ такомъ случаѣ, полагали они, шайки разбойниковъ не осмѣлятся бродить по берегамъ рѣки, и вотъ они порѣшили очистить берега Оки отъ дубняка, а самый дубнякъ побросать въ рѣку и тѣмъ измѣнить ея теченіе по направленію къ селу. Каждый житель долженъ былъ очищать отъ дубняка свой пай по рѣкѣ и закидывать этимъ дубнякомъ ея русло. Здѣсь, за этою работой, Илья Муромецъ, только что исцѣленный странниками, засталъ своихъ родителей, которые трудились почти безплодно. Появленіе его удивило всѣхъ. Еще болѣе удивилъ всѣхъ Илья своею необыкновенною силой: онъ безъ затрудненія и въ короткое время очистилъ доставшійся на долю его родителей пай, *съ корнемъ вырывая изъ земли дубы* [3]).

Аналогія между *карачаровскимъ* и *карачевскимъ* преданіемъ представится еще ярче, если мы припомнимъ слѣдующія совпаденія: какъ въ карачаровскомъ Илья вырываетъ руками дубы, чтобы завалить рѣку Оку, такъ въ былинахъ онъ же, вырывая съ корнями дубы, моститъ мосты, чтобы перейти черезъ рѣку Смородинку, текущую въ области Карачева,

---

[1]) *Памятники старинной русской литературы*, вып. 2, и *Богатырское слово*, изданное Е. В. Барсовымъ, гдѣ калика говоритъ о себѣ (стр. 15): „Зовутъ меня по имени Никита Ивановичъ, родомъ есми Карачевецъ“.

[2]) Нельзя при этомъ не вспомнить, что Илья также иногда переодѣвается каликою (*Кирѣев.*, т. IV, стр. 41) и назвался въ одной былинѣ Никитой Заолѣшаниномъ (*Кир.*, т. IV, стр. 47). Въ *Богатырскомъ словѣ*, изданномъ Е. В. Барсовымъ, Никита Карачевецъ имѣетъ и одно съ Ильей отчество—„Ивановичъ“ (стр. 15).

[3]) *О. Миллеръ*, стр. 286.

какъ Ока въ области Карачарова, и какъ въ карачаровскомъ преданіи этотъ подвигъ Ильи связанъ съ преданіемъ о разбойникахъ, жившихъ на берегу Оки, такъ въ карачевскомъ, какъ и въ былинахъ, на берегу Смородинной живетъ разбойникъ Соловей. Нельзя ли поэтому видѣть въ карачаровскомъ преданіи позднѣйшее прикрѣпленіе Ильи, вызванное созвучіемъ обоихъ мѣстныхъ названій—Карачева и Карачарова?

Впрочемъ, еслибъ эта догадка и оказалась несостоятельною, еслибъ не сходство названій было поводомъ къ прикрѣпленію Ильи къ селу Карачарову, а что - нибудь другое, это вопросъ не важный. Важно то, что вся былинная исторія Муромца доказываетъ, что Илья сталъ Муромцемъ сравнительно поздно, уже въ татарскій періодъ, когда въ эпосѣ стали значительно глохнуть воспоминанія о мѣстностяхъ южной Руси, когда она становится для сказителей «страной незнаемой». Еслибъ Илья дѣйствительно съ самаго начала былъ связанъ съ Муромскою областью, эпосъ донесъ бы до насъ сказанія о какихъ-нибудь подвигахъ его, совершонныхъ имъ въ родной области и для нея. Но ничего подобнаго не знаютъ былины. Илья немедленно по исцѣленіи ѣдетъ въ Кіевъ, совершаетъ свой первый подвигъ для освобожденія Чернигова и всю свою долгую «трехсотлѣтнюю» жизнь проводитъ въ степи, на заставѣ между Кіевомъ и Черниговомъ, въ поляхъ цицарскіихъ, не возвращаясь никогда въ родное село Карачарово. Словомъ, «старому» Ильѣ нечего дѣлать съ мужиками - пахарями, онъ не дорожитъ своею «отчиной» и всѣмъ складомъ своей эпической жизни доказываетъ свое южное, сѣверянское, происхожденіе, яркіе слѣды котораго не могли затушевать ни Суздальщина, ни Московщина.

Коснемся теперь другаго вопроса, также представляемаго именемъ нашего народнаго богатыря: въ какомъ отношеніи къ нему находится его библейское имя? Обычное объясненіе, что *народный* богатырь получилъ имя одного изъ самыхъ *народныхъ* (хотя и ветхозавѣтныхъ) святыхъ подъ вліяніемъ агіографіи, едва ли можетъ насъ вполнѣ удовлетворить. Конечно, можно сослаться на то, что другой «крестьянскій» богатырь, Микула Селяниновичъ, носитъ имя другого не менѣе популярнаго святого, что въ народныхъ сказкахъ объ Ильѣ Муромцѣ Илья дѣйствительно смѣшивается съ Ильей Пророкомъ [1]), что въ исцѣленіи Ильи странниками замѣтно вліяніе агіологическихъ мотивовъ [2]). Все это такъ, но казалось бы, что еслибъ на народнаго богатыря было перенесено имя народнаго святого, то, вмѣстѣ съ именемъ, должна была бы быть прихвачена хотя какая-нибудь черта изъ агіологическаго типа Ильи Пророка. Между тѣмъ, ни одной такой черты

---

[1]) См. сказку объ Ильѣ пророкѣ, зап. Манжурой въ с. Алексѣевкѣ, Алекс. у., Екатериносл. губ., въ ст. Н. Сумцова. *Кіевск. Старина* 1887 г., ноябрь, стр. 419; ср. *Худяковъ:* „Матеріалы для изученія народн. словесности“, стр. 5 („громъ происходитъ отъ того, что Илья Муромецъ на шести жеребцахъ ѣздитъ“); *Романовъ*: „Бѣлорусск. сборн.“, вып. IV, стр. 17, № 11; *Иваницкій* въ „Сборникѣ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи“, вып. II, стр. 168 и слѣд.

[2]) См. *Халанскій*, назв. соч., стр. 94 и слѣд.

нельзя указать въ типѣ Ильи богатыря [1]). Но, оставляя въ сторонѣ неизвѣстный намъ мотивъ прикрѣпленія агіологическаго имени къ народному богатырю и констатируя только самый фактъ этого прикрѣпленія, все-таки, можно поставить вопросъ: было ли въ данномъ случаѣ прикрѣплено имя библейскаго пророка, пришедшее на Русь изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ, или имя Ильи, *вмѣстѣ съ типомъ богатыря*, зашло на Русь съ Востока?

Этотъ вопросъ не покажется страненъ, если мы припомнимъ, что пророкъ Илья такъ же популяренъ на мусульманскомъ Востокѣ, какъ былъ въ Византіи или на Руси, и что его имя могло и на Востокѣ быть прикрѣплено къ богатырскимъ личностямъ [2]). Такъ, извѣстный богатырь Гесеръ-ханъ является, по словамъ г. Потанина, у киргизовъ подъ именемъ Кадыра, который сливается съ мусульманскимъ Хизръ Ильясомъ. У киргизовъ Баянъ-аульскаго округа г. Потанинъ записалъ слѣдующее преданіе: «Ильясъ и Казыръ были двоюродными братьями (киргизы неправильно произносятъ Кадыръ). Ильясъ помогаетъ страждущимъ отъ крушенія на водѣ; гдѣ онъ проходитъ, тамъ трава зеленѣетъ. Казыръ и Ильясъ выпили животворной воды, потому и не умираютъ [3]). Сказаніе о томъ, что Илья вмѣстѣ съ Хизромъ пьютъ изъ источника жизни, было занесено въ письменность уже персидскимъ поэтомъ Низами [4]). Вспомнимъ далѣе чуднаго всадника Хазретъ - Ильяса, помогающаго, въ сказкѣ, записанной Лермонтовымъ, Ашикъ - Керибу (=Добрынѣ) прискакать домой. Вспомнимъ также хазарскаго богатыря Иліаса, сына Михраса, упоминаемаго предшественникомъ Фирдоуси, поэтомъ Дакики. Въ отрывкѣ изъ творенія послѣдняго поэта, включенномъ Фирдоуси въ его Шахъ - намэ, разсказывается, какъ во время войны Рума (Византійской имперіи) съ хазарами гостившій у византійскаго царя иранскій царевичъ Гуштаспъ убилъ въ единоборствѣ страшнаго предводителя хазаровъ Иліаса, сына Михрасова [5]). Намъ, конечно, никогда не будетъ извѣстно, откуда персидскій поэтъ X в. (Дакики) взялъ сообщаемую имъ легенду о хазарскомъ богатырѣ Ильѣ, но въ занесеніи этого хазарскаго Ильи въ эпическія сказанія Ирана, повидимому, слѣдуетъ видѣть такой же отголосокъ чужеземнаго эпоса, какой мы видимъ въ Ильясѣ русскомъ, занесенномъ въ Тидрекъ-сагу и въ поэму Ортнитъ. Что имя Ильи возможно въ хазарскомъ эпосѣ (если таковой существовалъ), въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія

---

[1]) Едва ли можно считать такою чертой муромское преданіе о конѣ Ильи, выбивающемъ копытомъ источники воды.

[2]) У Эседа, сына Самана, родоначальника династіи Саманидовъ (IX в.) были сыновья: Нухъ, Ахмедъ, Яхья и *Иліасъ*; см. *Vambery*: „Geschichte von Bokhara“, I, p. 60.

[3]) *Очерки сѣверо-западной Монголіи*. Вып. IV, стр. 819. Срав. Илью Муромца, пьющаго цѣлительную воду по приказу божественныхъ странниковъ.

[4]) См. *Spiegel*: „Eranische Alterthumskunde“, II, 614.

[5]) См. *Mohl.*, т. IV, стр. 269 и 270.

въ виду распространенія іудаизма въ высшемъ классѣ хазаръ и мусульманства въ народѣ.

Слѣдуетъ думать, что это имя дѣйствительно было прикрѣплено у хазаръ къ какому-нибудь крупному лицу и пользовалось широкою извѣстностью, если оно вошло въ эпосъ сосѣдней страны, какъ имя предводителя и представителя всего хазарскаго народа. Продолжая гадать, можно было бы допустить такое предположеніе относительно прикрѣпленія имени Ильи къ главному богатырю русскаго эпоса: къ хазарамъ, находившимся подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Ирана, могли донестись отголоски *Рустеміады* и личность богатыря Рустема получить другое имя—имя ветхозавѣтнаго Ильи. Снабженный этимъ именемъ, типъ Рустема могъ стать извѣстенъ тѣмъ русскимъ племенамъ, которыя нѣсколько вѣковъ были подъ хазарскимъ владычествомъ. Такимъ образомъ, имя Ильи могло быть извѣстно и даже популярно у русскихъ славянъ раньше внесенія къ нимъ христіанства съ византійскою агіологіей [1]). Конечно, всѣмъ этимъ гаданіямъ, быть можетъ, навсегда суждено остаться гаданіями; но мы сочли возможнымъ не умолчать даже и подобныхъ предположеній, чтобы показать, что и вопросъ объ имени Ильи Муромца далеко не такъ простъ, какъ кажется, и что до сихъ поръ о немъ можно сказать лишь одно: non liquet.

Переходя къ вопросу: былъ ли Илья Муромецъ лицомъ историческимъ, мы находимъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ почти полное единодушіе у изслѣдователей нашего эпоса. «Всего страннѣе,—говоритъ акад. Ягичъ,— во всякомъ случаѣ, то, что значительнѣйшая личность нынѣшней великорусской эпики, средоточіе цѣлаго круга былинъ, Илья Муромецъ не нашелъ мѣста въ русскихъ лѣтописяхъ. Русскія лѣтописи ничего не говорятъ намъ объ Ильѣ Муромцѣ. По лѣтописямъ Ильи Муромца нѣтъ. Мы стоимъ здѣсь предъ загадкой, которую едва ли удастся когда-нибудь изслѣдователю рѣшить. Мало или ничего намъ не поможетъ то, что онъ представитель грома или молніи, или силы русскаго народа и т. д. Ибо, скажемъ, пусть и такъ; но, вѣдь, мы хотѣли бы узнать, когда и почему народная эпика это олицетвореніе свое привязываетъ къ столь конкретно-обрисованной личности, къ человѣку по имени Илья, родомъ изъ села Карачарова, близъ города Мурома и т. д. Весь этотъ конкретный, точно опредѣленный образъ не можетъ быть простою случайностью; онъ имѣетъ какой-нибудь особый поводъ, котораго только мы не можемъ открыть» [2]).

«Если г. Квашнинъ-Самаринъ,—говоритъ покойный О. Миллеръ,— полагаетъ, что Илья, сохранившійся въ народномъ эпосѣ подъ своимъ крестнымъ именемъ, сохранился въ Никоновской лѣтописи подъ старорусскимъ дохристіанскимъ именемъ *Рогдая*, о которомъ тутъ говорится, что онъ одинъ наѣзжалъ на триста человѣкъ, то, вѣдь, это предположеніе, не болѣе. Илья, по всей вѣроятности, не изъ тѣхъ героевъ, которые когда-

---

[1]) Не потому ли *первая* церковь въ Кіевѣ, раньше оффиціальнаго введенія христіанства, была построена именно въ честь Ильи Пророка?

[2]) *Ягичъ*: „О славян. народ. поэзіи". *Слав. Ежегодникъ* 1878 г., стр. 205 и слѣд.

то дѣйствительно жили, и потомъ превращены были народнымъ воображеніемъ въ богатырей; онъ герой вполнѣ *идеальный*, но это не мѣшаетъ ему быть лицомъ несравненно болѣе историческимъ, чѣмъ цѣлое множество лицъ въ самомъ дѣлѣ существовавшихъ и даже оставившихъ нѣкорый слѣдъ въ исторіи. Дѣло въ томъ, что въ идеальной личности Ильи Муромца вполнѣ высказался *историческій характеръ русскаго народа*» [1]. Съ своей стороны мы вполнѣ присоединяемся ко взгляду, высказанному покойнымъ изслѣдователемъ. Любимый народный богатырь, сказанія о которомъ въ теченіе ряда вѣковъ жили въ устахъ народа, долженъ былъ воспринять нѣсколько послѣдовательныхъ историческихъ наслоеній и въ этомъ смыслѣ стать выразителемъ историческаго характера русскаго народа, но онъ сталъ именно народнымъ идеаломъ вслѣдствіе того, что никогда не былъ историческимъ лицомъ и пикогда не носилъ историческаго имени. Мы не знаемъ, при томъ состояніи, въ которомъ дошелъ до насъ богатырскій эпосъ, много ли въ былинахъ скрывается воспоминаній о дѣйствительно историческихъ лицахъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ сохранилъ намъ не мало *именъ историческихъ* (какъ, напримѣръ, Владиміръ, Запава *Путятична*, Хотенъ *Блудовичъ*, Мишатко *Путятичъ* (см. соображенія Ягича въ *Слав. Ежегод.* 1878 г., стр. 211—212, *Галаховъ*, стр. 83), Добрыня, Алеша (Александръ) Поповичъ, Иванъ Даниловичъ (см. *Халанскій*, стр. 45), Ставръ, Садко, Дунай [2]), Василій Буслаевъ [3]), Вольга Святославичъ (Олегъ?), которыя носятъ эпическія личности. Главный же богатырь русскаго эпоса носитъ такое же неисторическое имя, какъ лишь немногіе другіе: Святогоръ и Микула *Селяниновичъ* [4]). Какое же заключеніе можно отсюда сдѣлать? Повидимому, то, что Илья искони былъ чистымъ продуктомъ народной фантазіи (въ противуположность большинству другихъ богатырей), безразлично, создала ли его народная фантазія sponte sua, или лишь обработала по-своему продуктъ чужой, инородческой фантазіи.

Что ничего историческаго искони не было въ Ильѣ, что все историческое было имъ пріобрѣтено лишь впослѣдствіи, какъ позднѣйшая окраска, видно изъ того, что и его эпическій предшественникъ, также какъ и онъ, вышелъ изъ области фантазіи, но не успѣлъ прикрѣпиться къ кіевскому циклу, такъ какъ погибъ отъ избытка силъ. Мы говоримъ о Святогорѣ. И былины, и изслѣдователи ихъ указываютъ на то, что Илья является наслѣдникомъ этого великана. Онъ присутствуетъ при его смерти, учится у него богатырскимъ пріемамъ, наслѣдуетъ его мечъ-кладенецъ и часть силы. Какъ эпическій *отецъ* Ильи, Святогоръ гораздо древнѣе, чѣмъ данный ему въ отцы на-прокатъ карачаровскій крестьянинъ Иванъ Тимоѳеевичъ. И этотъ предшественникъ Ильи,—на что слѣдуетъ обратить внима-

[1]) *Исторія русской слов.* Галахова, т. I, стр. 101.

[2]) Въ Ипатіевской лѣтописи подъ 1281 г. въ числѣ воеводъ князя Владиміра Васильковича оказывается Дунай. См. *О. Миллера*—у Галахова, стр. 59.

[3]) *Безсоновъ*—у Кирѣевскаго, т. V, стр. LXV и слѣд.

[4]) На искусственность послѣдняго отчества мы уже указывали какъ-то ра[illegible]

ніе, — принадлежитъ наравнѣ съ кавказскими великанами вполнѣ сказочному міру. И что же? Изъ всѣхъ богатырей нашего эпоса только одинъ Илья вступаетъ съ нимъ въ сношенія, является его «младшимъ братомъ» и преемникомъ. Ни одинъ же изъ богатырей, носящихъ *историческое* имя, никогда не встрѣчается (въ былинахъ) со Святогоромъ. Не указываетъ ли это опять-таки на то, что и преемникъ Святогора такое же неисторическое лицо, какъ самъ Святогоръ? Но пойдемъ далѣе. О происхожденіи богатырской силы Ильи мы имѣемъ два сказанія: одно муромское (полученіе силы чрезъ каликъ), другое—не прикрѣпленное ни къ какому мѣсту Руси (полученіе силы отъ дуновенія Святогора), какъ не былъ прикрѣпленъ къ Руси, даже не ѣздилъ на Русь, самый податель силы. Это не два варіанта одного сказанія, но два совершенно разныя, независимыя другъ отъ друга сказанія. Спрашивается, которое изъ нихъ древнѣе? Многіе признаки говорятъ за то, что муромское сказаніе, проникнутое агіологическими чертами, есть болѣе позднее. Хотя оба сказанія равно извѣстны современнымъ олонецкимъ сказителямъ, но они не дѣлаютъ попытки согласовать ихъ,—попытки тѣмъ болѣе безплодной, что согласованіе невозможно: одно сказаніе логически исключаетъ другое, такъ какъ оба не могутъ хронологически умѣститься въ біографіи Ильи, такъ же, какъ не можетъ человѣкъ дважды родиться. Если, такимъ образомъ, Илья, уже по происхожденію своей силы отъ великана, искони не имѣлъ никакого отношенія къ русской исторіи и даже русской почвѣ [1]), то, во-первыхъ, становится возможнымъ предположеніе, что его первоначальный типъ не былъ самостоятельнымъ продуктомъ русскаго народнаго творчества, а лишь впослѣдствіи обнародился; во-вторыхъ, что этотъ богатырскій типъ вошелъ *позже* нѣкоторыхъ другихъ богатырей въ эпическій южно-русскій циклъ, напримѣръ, позже Добрыни Никитича, племянника Владиміра.

Вообще въ исторіи нашихъ былинъ, какъ и въ исторіи другихъ устныхъ эпосовъ, замѣчаются два параллельные процесса, которые могутъ быть названы процессомъ *историзаціи* и (sit venia verbi) *поэтизаціи*. Процессъ *историзаціи* состоитъ въ томъ, что чисто-сказочные сюжеты, событія, нѣкогда происходившія за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ, прикрѣпляются къ историческимъ именамъ и историческимъ временамъ. Такъ, какая-нибудь восточная сказка съ сюжетомъ о выходѣ замужъ жены въ отсутствіе мужа, вслѣдствіе козней его соперника, прикрѣпляется къ историческому имени Добрыни, сказочный сюжетъ о музыкантѣ, покровительствуемомъ морскимъ царемъ (быть можетъ, похожденіе финскаго Вейнемейнена) прикрѣпился къ имени новгородскаго купца Садка и т. п. Противуположный процессъ *поэтизаціи* состоитъ въ томъ, что историческая пѣсня, имѣвшая сюжетомъ реальное событіе, теряетъ подъ вліяніемъ поэтическаго

[1]) По былинѣ *Гильф.* № 1, Илья поѣхалъ искать Святогора *на Святыя горы* (слѣд., не на Руси), а его отца на какую-то гору Палавонскую. Въ № 273 встрѣча Ильи съ Святогоромъ на Святыхъ горахъ, Святогоръ живетъ въ щельяхъ (т.-е. въ пещерахъ), *какъ, напримѣръ, кавказскіе великаны.*

вымысла свой историческій характеръ, смѣшиваясь съ чисто-сказочными сюжетами, и въ теченіе времени переходитъ въ сказку, пріобрѣтаетъ чудесный элементъ, иногда сохраняетъ лишь историческія имена. Такъ, въ извѣстной *исторической* пѣснѣ о Гришкѣ Отрепьевѣ его жена Марина безбожница обернулась сорокою и изъ палатъ вылетѣла; такъ, слухи въ народѣ объ убіеніи Иваномъ Грознымъ сына дали поводъ къ извѣстной пѣснѣ, въ которой, вмѣсто убіенія, дѣло кончается спасеніемъ царевича Никитой Романычемъ и радостью царя; такъ, въ пѣснѣ, сложившейся по поводу осады Пскова Баторіемъ, находимъ совпаденіе съ пѣснью объ осадѣ Волока Ламскаго Сигизмундомъ. Имени Баторія вовсе нѣтъ. Защитникъ Пскова Иванъ Петровичъ Шуйскій замѣненъ воеводой Карамышевымъ; король, разбитый имъ, убѣгаетъ и заклинается подобно Калину, Батыгѣ и пр.

„Не дай, Боже, мнѣ въ Руси бывать,
Ни дѣтямъ моимъ, ни внучатамъ,
Ни внучатамъ, и ни правнукамъ" [1]).

Имя князя Романа, который, по извѣстной пѣснѣ Кирши Данилова, «жену терялъ», смѣняется послѣдовательно именемъ князя Демьяна [2]), донскаго козака [3]), добраго молодца [4]), молодаго маіора [5]) и т. д., и т. д.

Мы заговорили объ этихъ двухъ процессахъ, присутствіе которыхъ въ нашемъ эпосѣ могло бы быть подтверждено множествомъ примѣровъ, потому, что одинъ изъ нихъ—историзація—игралъ значительную роль въ эволюціи сказаній объ Ильѣ Муромцѣ, другой—поэтизація—въ исторіи многихъ другихъ богатырскихъ типовъ. Чтобы развить эту мысль, намъ слѣдуетъ затронуть основной вопросъ о зарожденіи нашего богатырскаго эпоса и о его дальнѣйшемъ развитіи. Всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса завело бы насъ слишкомъ въ сторону, но, оставляя для дальнѣйшаго экскурса вопросы о *времени* и *мѣстѣ* зарожденія южно-русскаго эпическаго цикла, спросимъ себя только о томъ, что̀ было началомъ нынѣшнихъ «старинъ» о богатыряхъ, которымъ дано въ литературѣ названіе богатырскихъ былинъ?

Если научная разработка памятниковъ эпическаго народнаго творчества различаетъ въ нихъ двѣ рубрики: былины и пѣсни историческія, то это дѣленіе, несомнѣнно, имѣетъ извѣстное научное значеніе, но только не для народныхъ сказителей. Для послѣднихъ Илья Муромецъ и прочіе богатыри Владимірова цикла такія же вполнѣ историческія лица, какъ Иванъ Грозный, Гришка Отрепьевъ, Петръ Великій и проч. Въ пѣсенномъ репертуарѣ однихъ и тѣхъ же олонецкихъ «сказителей» бытуютъ, наравнѣ съ былинами въ нашемъ смыслѣ, пѣсни историческія (Гришка Отрепьевъ, Алексѣй Михайловичъ, Иванъ Грозный, Петръ, Шведская война, Петербург-

---

1) *Кирѣев.*, т. VI, стр. 187—190.
2) Ibid., т. VI, стр. 111.
3) Ibid., 113, 114, 117, 119.
4) Ibid., 123, 124, 125.
5) Ibid., 126, 127.

ская старина и проч.), также какъ пѣсни о *Большомъ быкѣ*, *Птицахъ*, *Пѣтухѣ и Лисицѣ*, *Двухъ любовникахъ* и т. п. [1]). Личности изъ пѣсенъ, которыя мы вносимъ въ рубрику историческихъ, свободно, пренебрегая пространствомъ и временемъ, въ устахъ пѣвца переходятъ въ рубрику былинъ.

Такъ, Марина перешла въ пѣсни о Добрынѣ, Ермакъ въ пѣсни объ Ильѣ, хотя онъ же фигурируетъ въ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ, донскіе козаки заѣхали во времена Владиміра и т. п. Это побуждаетъ насъ поставить вопросъ, существовало ли вообще основное различіе между былинами и историческими пѣснями? Думаемъ, что нѣтъ. То, что въ настоящее время стало былиною (въ нашемъ смыслѣ этого слова), было когда-нибудь пѣснью историческою. Мы не утверждаемъ этого, конечно, о всѣхъ нынѣшнихъ былинахъ вообще, но допускаемъ такой переходъ исторической пѣсни въ былину въ теоріи. Дѣйствительно, если, съ одной стороны, мы встрѣчаемъ въ нашихъ былинахъ рядъ древне-русскихъ историческихъ именъ, а съ другой—находимъ, что лицамъ, носящимъ эти имена, приписываются дѣянія не историческія, а фантастическія, то, повидимому, слѣдуетъ думать, что съ теченіемъ столѣтій историческое содержаніе, подъ вліяніемъ процесса поэтизаціи, было мало-по-малу замѣнено фантастическимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что когда-то существовали въ народѣ дѣйствительно *историческія* воспоминанія, напримѣръ, о Владимірѣ, Добрынѣ, быть можетъ, уже въ видѣ пѣсенъ,—нельзя думать, что въ кіевскій періодъ нашего эпоса народъ зналъ о Добрынѣ, какъ историческомъ лицѣ, только то, что разсказываютъ о немъ современные олонецкіе сказители. Конечно, о немъ знали (напримѣръ, въ XII в.) такіе факты, которые могли быть положены въ основу исторической пѣсни, и процессъ историзаціи (напримѣръ, перенесеніе на имя Добрыни вышепомянутой восточной сказки) могъ произойти лишь гораздо позже, когда отъ историческаго Добрыни помнилось только имя и весьма смутно родство его съ кн. Владиміромъ. Смотря съ этой точки зрѣнія на былину и историческую пѣсню, мы можемъ сказать, что различіе между ними не заключается въ отношеніи пѣвца къ содержанію (для него то и другое—историческій фактъ), а лишь во времени, т.-е. историческая пѣснь можетъ въ теченіе столѣтій подъ вліяніемъ процесса поэтизаціи перейти въ былину. Предположимъ, что въ Олонецкой губерніи сохранились бы еще въ XX или XXI столѣтіи тѣ условія, благодаря которымъ изслѣдователи могли найти въ ней въ XIX в. въ устахъ народа былины Владимірова цикла. Очень возможно, что будущій изслѣдователь нашелъ бы тамъ историческую пѣснь объ Иванѣ Грозномъ въ такомъ видѣ, что въ ней, кромѣ имени царя, не было бы уже ни одной исторической черты, да можетъ быть не было бы и самаго имени Грознаго. Но быть можетъ также, что въ кругѣ владиміровыхъ богатырей оказался бы генералъ Скобелевъ, подобно тому, какъ у «сказителей» нашего

---

[1]) *См. Списокъ былинъ по содержанію* въ сборн. Гильфердинга.

времени Ермакъ перешелъ въ ряды кіевскихъ богатырей. Быть можетъ, наконецъ, что и пресловутая «старина» о Іовѣ и Марѣ, спѣтая Гильфердингу Матреной Меньшиковой, къ тому времени утратила бы всѣ свои сербизмы (тамбура, горная вила, родимая майка), получила бы вмѣсто Іова и Мары историческія имена (въ силу процесса историзаціи), и будущій изслѣдователь уже не открылъ бы такъ легко, какъ Гильфердингъ, ея непосредственный источникъ (стихотворенія Щербины). Повторяемъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что мы отнюдь не возводимъ всѣхъ былинъ съ историческими именами къ историческимъ пѣснямъ (историческія имена могли входить въ чисто-фантастическіе сюжеты), но полагаемъ, что о такихъ историческихъ лицахъ, какъ Добрыня, Александръ Поповичъ, Ставръ и нѣкоторые друг., нѣкогда ходили пѣсни, съ теченіемъ вѣковъ утратившія историческія черты до неузнаваемости и перешедшія на ступень былинъ. Напротивъ, типъ Ильи Муромца и *основныя* сказанія о немъ искони не имѣли ничего историческаго и пріобрѣли историческую окраску въ теченіе времени. Это основное отличіе типа Ильи отъ нѣкоторыхъ другихъ эпическихъ лицъ, на нашъ взглядъ, имѣло существенное значеніе въ эволюціи нашего эпоса, оказало сильное вліяніе на его циклизацію. Рядомъ съ чисто-внѣшнею связью богатырскихъ сказаній, съ княземъ Владиміромъ, появилась въ личности Ильи внутренняя связь, появился духовный центръ, народный идеалъ, по отношенію къ которому опредѣлилось значеніе другихъ эпическихъ личностей, народная ихъ оцѣнка. Вслѣдствіе проникновенія вмѣстѣ съ Ильею (отголоскомъ Рустема) личности восточнаго царя деспота и самодура (Кейкауса), а, можетъ быть, и связанной съ нимъ личности его развратной жены-царицы, и вслѣдствіе прикрѣпленія Ильи ко временамъ Владиміра, личность этого эпическаго князя должна была сильно омрачиться въ своемъ нравственномъ обликѣ. То же можно предположить о личности жены Владиміра. Затѣмъ, нѣкоторые богатыри, раньше Ильи занимавшіе болѣе видное мѣсто (напримѣръ, Добрыня), должны были также уступить въ значеніи новому свѣтилу [1]. Но самый главный процессъ, проявившійся въ эпическомъ циклѣ, былъ тотъ, что народная фантазія старалась опредѣлить отношенія Ильи ко *всѣмъ* богатырямъ и почти осуществила это стремленіе. Илья въ современномъ состояніи нашего эпоса является во множествѣ былинъ о другихъ богатыряхъ: его имя, вѣское слово или какой-нибудь поступокъ проходятъ красною нитью въ былинахъ о такихъ богатыряхъ, какъ Добрыня, Алеша, Потыкъ, Дюкъ, Чурила, Данила Ловчанинъ, Сухманъ, Ермакъ. Онъ названый старшій братъ Добрыни и Алеши, помогаетъ имъ дѣломъ, совѣтомъ и участіемъ; онъ даетъ Потыку знать объ измѣнѣ его жены и затѣмъ, когда Потыкъ сидѣлъ въ погребѣ, первый признаетъ звуки, раздающіеся изъ-подъ земли, и спѣшитъ выпустить его на Божій свѣтъ; онъ встрѣчаетъ дружелюбно Дюка

---

[1]) Вспомнимъ, какъ негостепріимно относятся къ пріѣзжему Ильѣ кіевскіе богатыри, особенно Алеша, даже бросающій въ него ножомъ.

Степановича, учитъ его ухваткамъ богатырскимъ, принимаетъ въ немъ участіе во время его состязанія съ Чурилой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и не даетъ ему убить Чурилу, проигравшаго закладъ; онъ осуждаетъ Владиміра за попытку овладѣть женою Данилы Ловчанина и сидитъ за это въ погребѣ; онъ вызывается обслѣдовать похвальбу Сухмана, засаженнаго Владиміромъ въ погребъ, и свидѣтельствуетъ о правдивости его словъ; онъ выручаетъ Ермака въ битвѣ; онъ хоронитъ богатыря Святогора; наконецъ, онъ, какъ предводитель дружины, собираетъ вокругъ себя на заставѣ всѣхъ русскихъ богатырей и во главѣ ихъ же погибаетъ въ битвѣ съ силою «нездѣшней». Такимъ образомъ, *неисторическая* личность стала духовнымъ центромъ всего южно-русскаго богатырскаго эпоса, тѣмъ ядромъ, котораго ему недоставало, тѣмъ цементомъ, который скрѣплялъ отдѣльныя былины плотнѣе, чѣмъ прежняя чисто-внѣшняя ихъ связь—имя Владиміра стольно-кіевскаго. Дальнѣйшая исторія нашего эпоса вплоть до нашихъ временъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія типа народнаго богатыря.

VIII.

Степные мотивы въ русскомъ эпосѣ.

Едва разсѣвается густой туманъ, покрывавшій славянское населеніе Россіи въ началѣ среднихъ вѣковъ, какъ мы наблюдаемъ уже столкновеніе восточныхъ и южныхъ русскихъ племенъ съ тюркскими кочевниками. Не восходя къ гуннскому погрому, захватившему въ своемъ движеніи нѣкоторыя славянскія племена, и къ обрамъ (аварамъ), глухое воспоминаніе о которыхъ дошло въ видѣ народнаго преданія до нашего лѣтописца, мы вступаемъ на болѣе твердую историческую почву въ тотъ періодъ (VIII, IX вв.), когда южно-русскія степи не только по временамъ служатъ дорогой тюркскимъ кочевникамъ, стремящимся далѣе на Западъ, но становятся постоянною ареной ихъ кочевокъ. Угры были послѣднимъ азіатскимъ народомъ, который въ своемъ движеніи на западъ еще нашелъ возможность тамъ прочно водвориться. «Слѣдующіе потоки кочеваго населенія,— говорить г. Житецкій [1], — разбившись о западныя преграды, залили собою южную Русь, которая съ этого времени одна, безъ раздѣла со своими западными сосѣдями, выноситъ на себѣ всѣ послѣдствія отъ сожительства съ кочевниками. Эпоха съ IX по XIII в. можетъ быть отнесена къ періоду самаго экстенсивнаго вліянія народовъ урало-алтайской группы на южное славяно-русское населеніе. Въ указанный промежутокъ по южной границѣ земель Галицко-Волынской, а потомъ Кіевской и Переяславской и на востокъ отъ послѣдней, по всему юго-востоку земли Чернигово-Сѣверской, широко раскинулись кочевья азіатскихъ ордъ, обнимавшихъ всю степную полосу отъ Днѣстра до Яика. Здѣсь проживали послѣдовательно одни за другими: хазары, печенѣги, половцы и, наконецъ, монголы».

Чтобъ уяснить себѣ, въ какія отношенія стали русскія племена къ этимъ азіатскимъ кочевникамъ, и, прежде всего, къ хазарамъ, припомнимъ нѣкоторые историческіе факты.

Съ конца VII столѣтія хазары распространяютъ свою власть на всемъ пространствѣ отъ Волги до Днѣпра. Славянское населеніе подчиняется имъ

---

[1]) *Кіевская Старина*, іюль 1883 г., стр. 437, въ статьѣ: *Смѣна народностей въ Южной Руси.*

и находить подъ ихъ властью безопасность [1]), въ виду извѣстной религіозной и національной терпимости, отличавшей Хазарское царство. Въ IX в. мы видимъ въ подчиненіи у хазаръ русскія племена сѣверянъ и полянъ, радимичей, вятичей, платившія имъ дань. Но, повидимому, это чисто-внѣшнее подчиненіе, не оказывавшее вліянія на внутренній строй жизни славянъ, доставляло имъ относительную безопасность и широкую возможность мирныхъ, культурныхъ сношеній съ Востокомъ. Во время могущества своего хазары умѣли сдерживать подвластныя имъ племена отъ враждебныхъ столкновеній [2]). Враждебное движеніе въ степяхъ начинается только въ то время, когда Хазарія ослабѣла въ борьбѣ съ арабами, когда вслѣдствіе этого ей пришлось взяться за ту же политику, какой пользовалась въ своемъ безсиліи Византія,—ссорить сосѣдей, чтобы удержаться самой. Начало этому далъ союзъ хазаръ съ узами для обузданія печенѣговъ въ IX в. Хазарія не имѣла далѣе силъ справиться съ самими узами, тѣснимыми половцами. Походы русскихъ X в. подорвали ея могущество окончательно и уничтожили, по выраженію г. Голубовскаго, *этотъ оплотъ славянства на Востокѣ*. Но въ болѣе ранній періодъ сила хазаръ была еще крѣпка, и славяне подъ ея охраной сохранили занятыя ими мѣста далеко на востокъ по сѣверному Донцу и Дону. Въ этомъ періодѣ велись бойкія торговыя сношенія славянскихъ племенъ съ Востокомъ. Въ хазарскихъ городахъ, ведшихъ обширную торговлю съ Европой и Азіей, русскіе купцы могли сталкиваться съ разными восточными народностями: евреями, арабами, персами и проч. и привозить на Русь азіатскіе товары, произведенія азіатской промышленности и искусства. О торговлѣ русскихъ купцовъ на Востокѣ имѣется рядъ извѣстій арабскихъ. Припомнимъ хоть свидѣтельство Ибнъ-Хордадбе (въ 60—70-хъ годахъ X в.): «Что же касается купцовъ русскихъ,—они же суть племя изъ славянъ,—то они вывозятъ мѣха выдры, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому (Черному) морю, и царь Рума беретъ съ нихъ десятину. А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи (Волгѣ), проходятъ по заливу хазарской столицы, гдѣ владѣтель ея беретъ съ нихъ десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (Каспійскому) и выходятъ на любой берегъ... Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ [3]).

Если эти свѣдѣнія относятся къ X в., когда русскія племена уже сплотились въ государственный организмъ и не подчинялись хазарамъ, то есть полное основаніе думать, что въ предшествующіе вѣка торговля ихъ съ Востокомъ, чрезъ область хазаръ, была не менѣе оживленна. Объ этомъ свидѣтельствуетъ громадное количество мусульманскихъ монетъ отъ VII—XI в., находимыхъ въ кладахъ на русской территоріи. «Хазарія,—говоритъ проф. Багалѣй, — была какъ бы сборнымъ пунктомъ купцовъ россійской

[1]) *Голубовскій*: „Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ“, стр. 19.

[2]) Тамъ же.

[3]) *Гаркави*: „Сказ. мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссихъ“, стр. 49.

равнины и Востока. Купцы изъ Бухары и соседнихъ странъ, равно какъ и южнаго прибрежья Каспійскаго моря приходятъ въ приволжскія страны, объѣзжаютъ Черное и Азовское моря, проникаютъ даже до средняго теченія Днѣпра, продавая вездѣ произведенія своей родины и собирая произведенія посѣщаемыхъ ими странъ, чтобы перевезти ихъ въ отдаленнѣйшія страны міра. Русскіе славяне (поляне, сѣверяне, кривичи и т. д.) были не послѣдними дѣятелями на этомъ международномъ рынкѣ. Но не послѣднюю роль въ этомъ случаѣ, въ числѣ другихъ русско-славянскихъ племенъ, играли и сѣверяне. Ближе всѣхъ они находились къ хазарамъ; а вятичи, входившіе въ составъ Сѣверской земли, были ближайшими сосѣдями камскихъ болгаръ; притомъ, черезъ ихъ землю шелъ торговый путь изъ Кіева въ Болгарію. На торговую предпріимчивость сѣверянъ указываетъ, между прочимъ, существованіе у нихъ колоніи Тмутаракани на Тамани, гдѣ они оказались какъ бы преемниками предпріимчивыхъ торговыхъ грековъ» [1]. Однако, вліяніе хазаръ, несомнѣнно, должно было чувствоваться гораздо ярче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хазары жили вблизи отъ русскихъ поселеній; здѣсь сожительство съ урало-алтайцами должно было оставить слѣды въ самомъ типѣ и характерѣ славянскаго населенія. По такъ называемымъ хазарскимъ городищамъ изслѣдователи отмѣчаютъ древнія поселенія хазаръ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ нынѣшнихъ губерній: Харьковской, Черниговской и Полтавской [2]). Затѣмъ въ тѣснѣйшія отношенія вступали съ хазарами русскіе, когда, послѣ ослабленія этой державы, сами пользовались хазарами, какъ наемными союзниками, какъ, напримѣръ, Мстиславъ Тмутараканскій въ борьбѣ съ Ярославомъ.

Если о культурномъ вліяніи хазаръ на русскія племена можно только догадываться по скуднымъ историческимъ извѣстіямъ, то для опредѣленія отношеній Руси къ дальнѣйшимъ тюркскимъ кочевникамъ: печенѣгамъ, торкамъ, половцамъ, наши лѣтописи даютъ уже весьма обильный матеріалъ.

Печенѣги въ началѣ X в. распространились въ степяхъ на огромномъ пространствѣ отъ Дона до Дуная, но первоначально расположились по сторонамъ нижняго теченія Днѣпра, близъ пороговъ. Общій ходъ ихъ отношеній къ Руси, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, состоитъ въ томъ, что сначала они вступаютъ въ борьбу съ южно-русскими князьями, угрожаютъ русскимъ городамъ—Кіеву, Бѣлгороду, Переяславлю и др., но затѣмъ сила ихъ слабѣетъ, они перестаютъ уже быть страшными для Руси врагами, подпадаютъ сами вліянію осѣдлаго населенія и начинаютъ сами постепенно осѣдать. Подъ напоромъ новыхъ, болѣе сильныхъ ордъ половецкихъ, печенѣги тѣсно примыкаютъ къ предѣламъ славянскихъ поселеній, и различные ихъ роды осѣдаютъ на русской почвѣ подъ защитой городовъ. Русскіе князья въ большомъ количествѣ принимаютъ ихъ въ свои дружины и се-

---

[1]) *Исторія Сѣверск. земли*, стр. 110.

[2]) См. *Житецкій*, стр. 438. *Голубовскій*, стр. 41—42. Наприм., *Каганово* городище, *Кагановъ* перевозъ, *Хазарское* городище и друг.

лятъ на окраинахъ, въ мѣстахъ, угрожаемыхъ набѣгами половецкими. Въ лѣтописяхъ XI — XII в. появляется множество названій для разныхъ отдѣловъ печенѣжскаго населенія, жившаго въ предѣлахъ русскихъ и подчинявшагося русскому вліянію: таковы торки, берендѣи, турпѣи, коуи, каспичи, бастѣева чадь и, повидимому, собирательное названіе «черные клобуки»[1]. Поселенія «черныхъ клобуковъ» шли по правой сторонѣ Днѣпра, по р. Роси (г. Торческъ), а по лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Украйнѣ переяславской, вѣроятно, по обоимъ берегамъ р. Сулы (на «Посульѣ») и преимущественно въ углу между Днѣпромъ и Сулою, затѣмъ въ Черниговско-Сѣверскомъ княжествѣ, вѣроятно, въ полосѣ, заключающейся между Семью и Остромъ. Ведя полуосѣдлую, полукочевую жизнь, эти тюркскія племена представляли на окраинахъ южной Руси подвижное войско для князей, которое, съ одной стороны, отражало набѣги кочевниковъ, а съ другой— участвовало и въ другихъ (напримѣръ, междоусобныхъ) войнахъ князей. Наравнѣ со славяно-русскимъ населеніемъ печенѣги были въ подчиненіи тѣхъ князей, во владѣніяхъ которыхъ они обитали[2]: такъ, были «коуи черниговскіе», «торки переяславскіе», «печенѣги каневскіе», «порсяне» (населеніе Поросья, въ которомъ въ XI в. князья стали селить тюркскихъ кочевниковъ, спасавшихся отъ половцевъ). Пребываніе черныхъ клобуковъ по городамъ,—говоритъ г. Голубовскій,—въ большемъ или меньшемъ количествѣ несомнѣнно. Ихъ князьямъ давались въ управленіе города, вѣроятно, такіе, гдѣ преобладалъ въ населеніи черноклобуцкій элементъ. Въ концѣ XII в. мы знаемъ трехъ черноклобуцкихъ князей, владѣвшихъ городами въ Поросьи. Хотя не въ такомъ количествѣ, какъ въ Поросьи и въ Переяславской области, поселенія тюрковъ были и въ другихъ областяхъ, напримѣръ, въ Черниговскомъ княжествѣ (коуи) и на Бѣло-озерѣ (берендѣи)[3].

Эти тюркскія поселенія съ конца XI в. начали входить въ жизнь южно-русскаго племени, ассимилируясь съ нимъ и внося въ него свои нравственныя черты и бытовыя особенности. Особенное значеніе для Руси получаютъ они какъ естественные союзники ея въ борьбѣ съ половцами. Какъ степная конница, эти тюрки были незамѣнимы въ дѣйствіяхъ противъ такихъ же степныхъ кочевниковъ. При быстротѣ и неожиданности половецкихъ набѣговъ, не было никакой возможности ихъ предупредить. Оставалось только преслѣдовать ихъ въ степяхъ, стараться догнать ихъ и лишить полону. «Была у русскихъ и конница, — говоритъ г. Голубовскій,— но ей невозможно было соперничать со степными наѣздниками въ быстротѣ, ловкости и умѣньи владѣть лукомъ и стрѣлами. Надо было выставить силу, равную по качеству, и такая сила сама явилась служить Руси, не зная, куда спасаться отъ своихъ сильныхъ враговъ—половцевъ. Русь пріобрѣла въ черныхъ клобукахъ легкое подвижное войско. Они были

[1]) Это названіе обнимаетъ торковъ, берендѣевъ, печенѣговъ, коуевъ.

[2]) *Житецкій*, стр. 440.

[3]) *Назв. соч.*, *стр. 151.*

незамѣнимы, когда нужно было преслѣдовать врага, уходившаго съ награбленною добычей» [1]). Эти военныя качества тюрковъ, какъ конницы, высоко цѣнили русскіе князья уже въ отдаленныя времена. Уже въ войскѣ Игоря, когда онъ въ 944 г. собирается на Византію, мы находимъ печенѣговъ. Святославъ въ своихъ походахъ на Византію также водилъ ихъ съ собой, да и самъ съ своими воинами велъ жизнь немногимъ отличную отъ жизни степняка-кочевника. Владиміръ Святой ходилъ на болгаръ въ лодьяхъ, «а торкы берегомъ приведе на конехъ» [2]) и т. п. Но гораздо чаще, чѣмъ во внѣшнихъ войнахъ Руси, принимало участіе «черно-клобуцкое» населеніе въ войнахъ внутреннихъ, въ междоусобіяхъ князей. Дорожа ими, какъ союзниками, всегда готовыми въ походъ, князья стараются ихъ расположить къ себѣ, льстятъ имъ, заискиваютъ передъ ними [3]), сближаются съ отдѣльными ихъ князьками, вводятъ ихъ въ свои родовые счеты. Такой же характеръ отношеній русскихъ князей къ степнякамъ можно наблюдать въ тотъ періодъ, когда нахлынувшія въ степи орды половецкія вытѣснили оттуда печенѣговъ и стали въ нихъ единственными хозяевами, причиняя своими набѣгами неисчислимыя бѣдствія сосѣднимъ русскимъ областямъ, особенно землямъ Черниговской, Переяславской и Кіевской. Съ одной стороны, князья предпринимаютъ походы въ степь, съ другой, и гораздо чаще, сами приглашаютъ половцевъ къ себѣ въ междоусобныхъ войнахъ изъ-за родовыхъ счетовъ. Такихъ приглашеній г. Голубовскій насчитываетъ,— конечно, болѣе крупныхъ,—до 34, причемъ, кромѣ подарковъ, извѣстной платы за труды, союзники обогащались большою добычей, безнаказанно грабя мирныхъ жителей [4]).

Насколько близки были отношенія русскихъ князей къ половцамъ, можно судить по упоминаемымъ лѣтописью бракамъ между княжескими фамиліями русскими и половецкими. Вначалѣ, повидимому, такими браками предполагалось хоть нѣсколько обезопасить Русь отъ половецкихъ набѣговъ. Но затѣмъ родственные союзы заключаются уже съ цѣлью имѣть союзниковъ въ странѣ Половецкой на случай междоусобной войны.

Нерѣдко князья, терпя пораженія въ междоусобныхъ войнахъ, уходятъ въ степь къ своимъ родственникамъ и добываютъ у нихъ поддержку [5]).

---

1) Назв. соч., стр. 152.

2) Ипат. лѣт., стр. 56.

3) См. примѣры у *Голубовскаго*, стр. 171.

4) Назв. соч., стр. 169.

5) Первый примѣръ брачнаго союза между русскими князьями и половецкими ханами мы видимъ въ 1094 г. Тогда Святополкъ Изяславичъ кіевскій женился на дочери Тугоркана. Затѣмъ съ половцами породнились Владиміръ Мономахъ и Олегъ Святославичъ: Юрій Владиміровичъ женился на дочери хана Аепы, а Святославъ Ольговичъ на дочери другого Аепы. Въ 1117 г. Мономахъ женилъ другого сына Андрея на дочери Туркъ-хана. Рюрикъ Ростиславичъ женился на дочери хана Беглюка. Въ 1205 г. Всеволодъ суздальскій сосваталъ для своего сына Ярослава дочь хана Юрія Кончаковича. Въ 1187 г. Владиміръ Игоревичъ возвратился изъ половецкаго плѣна съ женой, дочерью Кончака, и т. д. См. *Голубовскій*, стр. 172 и слѣд.

Конечно, родственные князья пользовались въ половецкихъ юртахъ широкимъ гостепріимствомъ. Были князья, которые всю свою жизнь провели въ степяхъ, кочуя съ своими половецкими родственниками и кунаками. Таковъ, напримѣръ, Изяславъ Владиміровичъ, внукъ Кончака по матери, племянникъ Юрія Кончаковича [1]). Вслѣдствіе многочисленныхъ браковъ, половцы были въ родственныхъ связяхъ почти со всѣми княжескими родами Руси. Другіе князья жили въ степи у половцевъ по долгу въ плѣну или въ качествѣ заложниковъ, конечно, выучиваясь половецкому языку и пріобрѣтая степныя привычки [2]). Несомнѣнно, примѣръ князей находилъ себѣ подражаніе въ ихъ дружинахъ и вообще въ русскомъ народѣ. Браки на половецкихъ женщинахъ, приводимыхъ нерѣдко русскими дружинами изъ степей въ числѣ полона, должны были быть явленіемъ заурядныхъ [3]). Такое тѣсное сближеніе южно-русскаго населенія съ половцами чрезъ совмѣстные походы и браки вело къ взаимному вліянію: половцы принимали нерѣдко христіанство [4]), поддавались русскому вліянію, русскіе усвоивали тюркскія черты въ типѣ, тюркскіе пріемы въ военныхъ дѣйствіяхъ, восточное оружіе и многія другія бытовыя особенности [5]).

Послѣ этихъ историческихъ справокъ сдѣлаемъ другія, именно—о томъ русскомъ населеніи, которому, по географическому положенію, всего больше приходилось отстаивать себя отъ тюркскихъ кочевниковъ.

Несомнѣнно, первые удары кочевниковъ выдерживало осѣдлое русское населеніе, всего болѣе выдвинувшееся на востокъ къ степи, сѣверянское населеніе лѣваго берега Днѣпра, въ его среднемъ теченіи, и бассейновъ Псла, Сулы, Семи (Сейма), Десны. Это та обширная территорія (соотвѣтствовавшая частямъ нынѣшнихъ губерній Черниговской, Курской и Полтавской) [6]), которая по раздѣлу русскихъ земель между сыновьями Ярослава образовала два княжества — Черниговское и Переяславское. Исторія русскаго населенія этихъ обоихъ княжествъ, особенно второго, представляетъ

---

1) *Голубовскій*, стр. 174.

2) Такъ, подъ 1095 г. говорится, что Владиміръ Мономахъ „вда Китанови сына своего Святослава въ тали (заложники)“.

3) Вспомнимъ „красныхъ дѣвокъ половецкихъ“, которыми ополонилась дружина Игорева въ *Словѣ о полку Игоревѣ*.

4) „Судя по именамъ нѣкоторыхъ половецкихъ хановъ,— говоритъ Д. И. Иловайскій,—можно допустить, что они также были крещены и получили имена отъ своихъ русскихъ воспріемниковъ, напримѣръ: Глѣбъ Тиріевичъ, Юрій Кончаковичъ, Романъ Кзичъ, Даниіо Кобяковичъ“. *Исторія Россіи*, ч. II, стр. 78.

5) См. *Житецкій*, стр. 445.

6) Проф. Багалѣй (назв. соч , стр. 15) такъ опредѣляетъ область сѣверянъ: если землю сѣверянъ наложить на современную карту, то она займетъ части губерній: Черниговской, Курской и Полтавской; бассейнъ Десны въ *Черниговской* губ. занимаетъ уѣзды: Остерскій, Черниговскій, Сосницкій, Кролевецкій, Новгородъ - Сѣверскій; бассейнъ Сейма въ *Курской* губ.— Путивльскій, Рыльскій, Льговскій, Курскій и въ *Черниговской* губ.—Конотопскій; бассейнъ Сулы въ *Полтавской* губ.—Кременчугскій, Хорольскій, Лубенскій, Лохвицкій и Роменскій; наконецъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра между *Десною и Сулою уѣзды* Переяславскій и Золотоношскій.

печальную эпопею непрерывной борьбы съ кочевниками, завершившейся татарскимъ разгромомъ и значительно обезлюдившей эти мѣста, вслѣдствіе бѣгства населенія на западъ — въ области Галицко-Волынскія и далѣе за Карпаты, на сѣверъ—въ Полѣсье и Литву, а на сѣверо-востокъ—въ предѣлы зарождавшейся Московской Руси. Особенно много страдало отъ кочевниковъ переяславское населеніе: уже во времена Владиміра Святаго оно терпѣло отъ печенѣговъ, и князь для защиты отъ нихъ строилъ рядъ городовъ по р. Сулѣ, выводя въ нихъ «лучшихъ» мужей изъ славянъ, кривичей, чуди и вятичей. Народное позднѣйшее преданіе даже основаніе города Переяславля ошибочно пріурочивало къ борьбѣ русскаго богатыря съ печенѣжскимъ великаномъ при кн. Владимірѣ.

До конца XI вѣка мѣстомъ борьбы русскихъ князей съ печенѣгами служили окрестности Переяславля, и рубежъ съ печенѣгами на югѣ шелъ не далеко отъ этого города [1]). Въ тѣхъ же мѣстахъ былъ впослѣдствіи первоначальный рубежъ съ половцами, который князья старались укрѣпить, поселяя въ своихъ предѣлахъ торковъ. Таковы поселенія переяславскихъ торковъ и турпѣевъ [2]). Изъ всѣхъ княжескихъ «столовъ» самымъ безпокойнымъ былъ столъ Переяславскій, особенно въ концѣ XI и первой половинѣ XII вѣка. «И сѣдѣхъ,—говоритъ Влад. Мономахъ,—въ Переяславли 3 лѣта и 3 зимы и с дружиною своею, и многи бѣды пріяхомъ отъ рати и отъ голода».

Одна страница духовной этого князя, въ которой разсказывается о дѣятельности его въ Переяславлѣ, живо рисуетъ намъ положеніе князей этой области, полное безпокойствъ, тревогъ и неустанной дѣятельности. Нужно было постоянно опасаться нападанія, не зная даже, откуда оно придетъ, встрѣтить враговъ тамъ, гдѣ ихъ нельзя было ожидать [3]).

Постоянныя опасности, ожиданіе набѣговъ, преслѣдованіе хищниковъ должны были выработать въ переяславскомъ населеніи черты воинственныя, мужество, находчивость, сообразительность, сблизить его съ осѣдлыми тюрками (торками, турпѣями), вмѣстѣ съ которыми приходилось выступать противъ половцевъ, и вообще побудить его хорошо изучить бытъ, привычки, военные пріемы непріятеля [4]). Изъ перипетій постоянной борьбы съ половцами отмѣтимъ лишь нѣкоторые факты: такъ, бóльшее количество половецкихъ набѣговъ на Переяславскую область приходится на время княженія тамъ энергичнаго Владиміра Мономаха (походы 1092, 1096, 1110 гг.). Далѣе въ періодъ отъ 1126 до 1167 г. крупные набѣги, по-

---

1) *Багалѣй*, стр. 125.

2) *Багалѣй*, стр. 126.

3) *Голубовскій*, стр. 122.

4) „Постоянная борьба со степью,—говоритъ Д. И. Иловайскій,—не мало поддерживала отвагу и предпріимчивость русскихъ князей и ихъ дружины. Особенно налагала она суровый, воинственный отпечатокъ на жителей южныхъ и юго-восточныхъ украйнъ, гдѣ близкое сосѣдство съ варварами вносило немало грубости въ русскіе нравы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивало русскую удаль и молодечество“. *Исторія Россіи*, ч. II, стр. 79.

вторявшіеся чуть не каждый годъ, имѣли связь съ тою упорною борьбой, которая происходила между князьями кіевскимъ, черниговскимъ и суздальскимъ. Въ концѣ XII в., въ великое княженіе Святослава Всеволодовича, наступаетъ сравнительное затишье, хотя нарушаемое время отъ времени набѣгами (въ годахъ 1174, 1179, 1183, 1185). Наконецъ, послѣднее нападеніе, упоминаемое лѣтописью, произошло въ 1210 г., слѣдовательно, не задолго до появленія татаръ [1]).

Эта упорная борьба окраинной Руси со степью, съ разными героическими эпизодами, должна была сильно дѣйствовать на народное воображеніе, и если только сѣверянское населеніе было способно къ эпическому творчеству (а въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія), сказанія о богатырскихъ подвигахъ русскихъ и половецкихъ должны были выливаться въ форму пѣсенъ. Дѣйствительно, существованіе такихъ пѣсенъ, такихъ отрывковъ переяславскаго эпоса, можетъ быть почти доказано. Вспомнимъ народное преданіе о борьбѣ русскаго юноши съ печенѣжскимъ богатыремъ, занесенное въ лѣтопись и пріуроченное къ войнѣ Владиміра съ печенѣгами (993 г.). Со стороны печенѣговъ выступаетъ богатырь «превеликъ зѣло и страшенъ»; печенѣжскій князь вызываетъ ему супротивника, и Владиміръ, какъ часто бываетъ въ былинахъ, поставленъ въ затрудненіе, такъ какъ въ его дружинѣ богатырей не случилось. Онъ вызываетъ охотниковъ чрезъ биричей, но и такихъ не оказалось.

Только утромъ является мблодецъ, котораго отецъ посылаетъ биться съ великаномъ, подобно тому, какъ отецъ отпускаетъ Илью Муромца на службу къ Владиміру. Молодецъ самъ какъ бы не знаетъ своей силы и предлагаетъ испытать ее,—опять эпическая черта. Такія же эпическія черты—издѣвательство печенѣжина надъ мблодцемъ и схватка, въ которой мблодецъ *ударяетъ* врагомъ о землю. Сказаніе завершалось наградой князя (Владиміръ же великимъ мужемъ створи того и отца его) и въ самомъ исходѣ указывало на то, что было прикрѣплено къ Переяславлю [2]).

Какъ ранняя борьба переяславцевъ съ печенѣгами отразилась въ этомъ сказаніи, занесенномъ въ лѣтопись въ XII вѣкѣ, такъ изъ періода борьбы ихъ съ половцами до насъ дошло сказаніе о переяславскомъ богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ.

Въ Никоновскій сводъ записаны два подвига этого богатыря: одинъ—совершонный имъ во время нападенія Глѣба Юрьевича на Переяславль, другой—при нападеніи половцевъ. Напомнимъ главныя черты обоихъ сказаній: когда Глѣбъ подошелъ ночью къ Переяславлю, у князя Мстислава Изяславича «дружины не случилось». Онъ обращается къ своему богатырю Демьяну Куденевичу, возлагая на него всю свою надежду. Богатырь немедленно садится на коня со своимъ слугою Тарасомъ (вспомнимъ былиннаго слугу Торопа) и съ 5-ю отроками встрѣчаетъ князя Глѣба на полѣ, нападаетъ

[1]) *Голубовскій*, стр. 129 и 130.

[2]) Володимеръ же, радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и Переяславль, *зане перея славу отрокъ-отъ*.

на него и убиваетъ множество воиновъ. Князь Глѣбъ ужаснулся, побѣжалъ и послалъ сказать Демьяну Куденевичу, что онъ пріѣхалъ не на рать, а на миръ. Другое сказаніе сообщаетъ, что когда къ Переяславлю ночью подступили половцы съ Давидовичами и зажгли посадъ, въ городѣ начался плачъ. Демьянъ же Куденевичъ выѣхалъ противъ враговъ одинъ, безъ всякаго «одѣянія доспѣшнаго», избилъ множество ихъ и прогналъ. Но въ битвѣ онъ былъ прострѣленъ и вернулся въ городъ, чтобъ умереть. Когда онъ умеръ, «бысть по немъ отъ всѣхъ велій плачъ во градѣ». Въ виду того, что г. Халанскій разбору этихъ лѣтописныхъ извѣстій и сопоставленію ихъ съ былинными мотивами посвятилъ главу (5-ю) въ своемъ изслѣдованіи [1]), мы ограничимся лишь заявленіемъ, что *нѣкоторыя* изъ его сопоставленій и намъ кажутся вѣроятны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ г. Багалѣя на значеніе этихъ лѣтописныхъ сказаній: «Очевидно, въ этомъ лѣтописномъ извѣстіи мы имѣемъ *отрывокъ народнаго эпоса*, но не кіевскаго, а переяславскаго; происхожденіе его намъ станетъ понятно, если мы вспомнимъ, что для него была благодарная почва: борьба съ кочевниками» [2]).

Отъ бѣглаго обзора судебъ *Переяславскаго* княжества и ихъ отраженій въ эпосѣ перейдемъ къ судьбамъ населенія *Черниговскаго* княжества. Мы уже видѣли, что Черниговская область была также не разъ опустошаема половцами, но чаще всего причиной опустошеній были княжескія усобицы, наводившія ихъ на землю Русскую. «Оба княжества по своему географическому положенію должны были служить оплотомъ Руси съ юго-востока противъ степняковъ. Но между ними была та разница, что Переяславскому княжеству было труднѣе выполнить свою задачу, потому что оно было какъ бы передовымъ бойцомъ въ этой борьбѣ, защищая собою южныя границы Черниговскаго княжества. Главнымъ образомъ, вслѣдствіе этого, Переяславль не могъ добиться полнѣйшей независимости и игралъ гораздо менѣе значительную роль, чѣмъ Черниговъ» [3]).

Дѣйствительно, богатый, торговый городъ Черниговъ въ періодъ отъ IX—XIII в. всегда занималъ второе мѣсто послѣ Кіева, его князья соперничали съ кіевскими, изъявляли притязанія на великокняжескій столъ, и такое выдающееся положеніе главнаго города Сѣверянской земли нашло себѣ, какъ мы видѣли, отраженіе въ нашемъ эпосѣ. Въ то время, когда многострадальный Переяславль послѣ погрома татарскаго совсѣмъ сходитъ съ исторической сцены и исчезаетъ изъ народной памяти, воспоминанія о богатомъ Черниговѣ, столь же прочно, какъ память о Кіевѣ, держится въ народѣ и дошло до насъ въ «старинахъ» олонецкихъ сказителей.

Изъ отношеній Черниговскаго княжества къ тюркскимъ кочевникамъ отмѣтимъ лишь нѣкоторые факты. Подобно тому, какъ населеніе Переяславскаго княжества въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей территоріи непосредственно

---

[1]) *Великорусскія былины кіевскаго цикла*, стр. 50—57.

[2]) Назв. соч., стр. 209.

[3]) *Багалѣй*, стр. 161.

сталкивалось съ тюркскими поселеніями—торковъ, турпѣевъ, такъ въ Черниговскомъ княжествѣ были свои «поганые», такъ называемые черниговскіе коуи, полукочевой народъ, поселенный на южныхъ предѣлахъ Черниговскаго княжества и служившій какъ бы оплотомъ противъ «дикихъ» половцевъ [1]. Съ другой стороны, политика нѣкоторыхъ черниговскихъ князей противъ половцевъ была такова, что возмущала другихъ современныхъ князей. Въ то время, когда Сѣверская земля борется за равноправность своей княжеской семьи съ Мономаховой, и область Святославичей ослабла въ этой безплодной борьбѣ за Кіевъ, среди Святославичей,—говоритъ г. Голубовскій, — являются князья, которые указываютъ на безполезность этой борьбы, на необходимость усиленія своей области внутреннимъ спокойствіемъ, въ то время, какъ другая половина ихъ продолжаетъ эту борьбу и оканчиваетъ исчезновеніемъ семейства Давидовичей. Первымъ усвоившимъ такой взглядъ на внѣшнюю политику своей области былъ Святославъ Ольговичъ. Но дѣйствительнымъ основателемъ политики сѣверскихъ князей въ отношеніи половцевъ должно считать Олега *Гориславича*. Никто изъ современныхъ князей не могъ знать лучше его характеръ половцевъ, ихъ нравовъ и обычаевъ, ихъ боевой тактики, ибо никто изъ нихъ не жилъ такъ долго среди кочевниковъ, опираясь на нихъ, какъ на единственную силу противъ своихъ враговъ» [2]. Видя безполезность походовъ въ глубь степей, Олегъ Святославичъ отказывается принимать въ нихъ участіе съ другими князьями, ведетъ съ половцами только оборонительную войну, но, главнымъ образомъ, старается вступать съ ними въ договоры и въ родство. Онъ женитъ сына своего Святослава на дочери половецкаго ханы Аепы, беретъ къ себѣ на воспитаніе сына хана Итларя, часто принимаетъ половцевъ къ себѣ на службу и этимъ вызываетъ негодованіе въ другихъ князьяхъ, особенно въ Мономахѣ [3]) и всѣхъ сочувствовавшихъ ему. Но помимо политическихъ соображеній, и личныя отношенія Олега къ другимъ князьямъ побуждали его опираться на половцевъ и довѣрять имъ болѣе, чѣмъ родственникамъ, которые (главнымъ образомъ, Всеволодъ съ Мономахомъ) лишили его удѣла. Политики Олега Святославича держались сѣверскіе князья и въ послѣдующее время. До 80 годовъ XII вѣка лѣтопись не знаетъ *ихъ* походовъ въ дальнія степи; все ограничивается только мелкими стычками. Они не принимаютъ участія и въ походахъ 1184 и 1185 годовъ, и, только благодаря удали новгородъ-сѣверскихъ князей, предпринимается знаменитый, хотя неудачный, походъ Игоря Святославича, слѣдствіемъ котораго было опустошеніе Сѣверской области. Только въ 1191 г. сѣверскіе князья собрались съ силами и предприняли новый по-

1) *Багалѣй*, стр. 239. Такъ, Ярославъ Всеволодовичъ Черниговскій прислалъ Игорю, торою *Слова о П. И.*, на помощь боярина своего Ольстина Олексича съ отрядомъ черниговскихъ коуевъ.

2) Назв. соч., стр. 110.

3) *Который и самъ, впрочемъ, имѣетъ половцевъ у себя на службѣ и состоитъ въ родствѣ съ ихъ князьями.*

ходъ. Но тутъ Ольговичи поступили очень осторожно: дошли до Оскола и когда узнали, что половцы ожидаютъ ихъ съ превосходными силами, ночью отступили. Вообще эти походы предпринимались только въ періодъ послѣднихъ 15 лѣтъ XII столѣтія, а до тѣхъ поръ князья держались, главнымъ образомъ, оборонительной системы [1]. Благодаря родственнымъ связямъ, половцы стояли къ Ольговичамъ ближе, чѣмъ къ другимъ русскимъ князьямъ, всегда готовы были оказать имъ помощь и, дѣйствительно, въ княжихъ междоусобіяхъ половцы большею частью были на сторонѣ *Ольговичей* [2].

Вышеприведенныя историческія справки объ отношеніяхъ Сѣверской Руси къ тюркскимъ кочевникамъ были сдѣланы нами съ цѣлью уяснить историческую подкладку, которая могла лежать въ основѣ эпическихъ сказаній русскаго населенія этихъ областей Россіи. Упорная, продолжительная борьба съ половцами, точно также какъ близкое знакомство со степными кочевниками должны были отложиться въ народныхъ сказаніяхъ, и если въ настоящее время о половцахъ уже (почти) не помнятъ наши былины [3], то это объясняется лишь тѣмъ, что эти нѣкогда страшные враги Руси были смѣнены другими, болѣе страшными и могущественными. Грозное татарское нашествіе, безслѣдно вытѣснившее половцевъ изъ степей, налегло такимъ тяжкимъ бременемъ на народную фантазію, что старыя преданія о половцахъ перепѣвались скоро на новый ладъ и «собака поганый татаринъ» также вытѣснилъ половчанина изъ народной поэзіи, какъ изъ степей [4].

Мы уже видѣли, что въ сохранившемся въ Никоновскомъ сводѣ отрывкѣ изъ народнаго эпоса переяславскій богатырь Демьянъ Куденевичъ бьется съ половцами. Быть можетъ, и въ Тугаринѣ Зміевичѣ, какъ предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, сохранился въ фантастической окраскѣ отголосокъ историческаго половецкаго хана Тугоркана [5]. Быть можетъ, южно-русское преданіе о *Шолудивомъ Бонякѣ* донесло до насъ память о половецкомъ Бонякѣ, также называемомъ «шелудивымъ» лѣто-

---

1) *Голубовскій*, стр. 111—112.

2) Назв. соч., стр. 173.

3) У Кирши Данилова въ *Пѣснѣ о Скопинѣ* упоминается половецкая орда, но уже смѣшивается со Швеціею (!):

„Какъ и будетъ почтарь въ Половецкой ордѣ
У честна короля, честнаго Карлуса,
Онъ въѣзжаетъ прямо на королевскій дворъ,
А ко Свицкому королю Карлусу...“ (*Кирѣевск.*, вып. VII, стр. 13).

Въ былинахъ о Саулѣ Леванидовичѣ этотъ богатырь ѣдетъ, по одному варіанту, въ „дальну орду, въ Половецку землю“, гдѣ бьется съ татарами (*Кирѣевскій*, III, стр. 116 = Кирша Даниловъ).

4) См. соображенія *А. Н. Веселовскаго*: „Южно-русск. был.“, III—IX, стр. 372—373.

5) *А. Н. Веселовскій*: „Южно-русск. был.“, III—XI, стр. 370. *Дашкевичъ*. „Былины объ Алешѣ Поповичѣ“, стр. 22.

писью [1]). Но гораздо доказательнѣе въ вопросѣ о присутствіи «половецкихъ» мотивовъ въ дотатарскихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ русскаго населенія представляется отрывокъ половецкихъ пѣсенъ, по удачному выраженію А. Н. Веселовскаго, «еще отзывающихся ароматомъ степи» [2]), сохранившійся въ Волынской лѣтописи подъ 1201 годомъ. Этотъ замѣчательный отрывокъ содержитъ какъ будто фразы и образы, выхваченные изъ народныхъ пѣсенъ, о томъ, какъ Владиміръ (Мономахъ) загналъ половецкаго хана Отрока за желѣзныя врата, какъ по смерти Мономаха братъ Отрока, Сырчанъ, послалъ «во Обезы» своего гудца Оря сказать ему о смерти Владиміра, призвать его на Русь и пѣть ему пѣсни половецкія. Если же это не подѣйствуетъ, то дать ему понюхать зелья *евшана* (вѣроятно, травы родныхъ степей). Понюхавъ этого зелья, Отрокъ заплакалъ и сказалъ: лучше на своей землѣ лечь костьми, чѣмъ въ чужой быть славну,— и вернулся въ степь.

Отъ Отрока пѣснь производила хана Кончака, который рисуется тутъ же въ какихъ-то гиперболическихъ чертахъ, напоминающихъ стиль народныхъ пѣсенъ и автора *Слова о полку Игоревѣ*. Какъ пѣкій великанъ, вродѣ Идолища поганаго, онъ снесъ Сулу (вычерпалъ?), нося котелъ на плечахъ [3]).

Отголосокъ такихъ же половецкихъ пѣсенъ, несомнѣнно хорошо знакомыхъ сѣверскому населенію, нужно видѣть въ выраженіи автора *Слова о полку Игоревѣ* о готскихъ дѣвахъ, поющихъ на берегу синяго моря про время Бусово и месть Шароканю [4]).

Подобные отрывки принадлежатъ, такъ сказать, международной поэзіи, которая возможна лишь при близкомъ, тѣсномъ и продолжительномъ общеніи народовъ, облегчаемомъ взаимнымъ пониманіемъ языка.

Дѣйствительно, знаніе тюркскихъ языковъ должно было быть искони широко распространено въ юго-восточныхъ частяхъ русской территоріи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сосѣдившей съ тюрками—хазарами, печенѣгами, половцами.

Вспомнимъ преданіе о княжескомъ отрокѣ, спасшемъ Кіевъ (въ 968 г.), благодаря знанію печенѣжскаго языка, преданіе о разговорѣ воеводы Пре-

1) См. *Драгомановъ*: „Малорусск. народ. пред. и разсказы“, стр. 224 и 225. *Голубовскій*: назв. соч., стр. 238 и слѣд.

2) Назв. соч., стр. 372.

3) Вспомнимъ головы великановъ „съ пивной котелъ“ въ нашихъ былинахъ.

4) Что въ народныхъ „старинахъ“ дотатарскаго времени половцы были пріурочиваемы ко времени кн. Владиміра, какъ впослѣдствіи татары, видно изъ любопытнаго извѣстія, сохранившагося въ рукописной повѣсти XVI вѣка: *О начальствѣ рускыа земля*, въ *Румянцов. Сборникѣ*, № 358. Здѣсь (на листѣ 175) читаемъ: „И быша у князя Владимера храбріи вои мнози въ градѣ Кievѣ и начаша избивати силы великиа *половецкіа* подъ городомъ подъ Кіевомъ... У князя Володимера было храбрыхъ богатыровъ много; и начатъ ихъ посылати по всѣмъ градомъ и странамъ“. См. статью проф. *А. И. Соболевскаго*: „Къ исторіи русскихъ былинъ“ въ *Журналѣ Минист. Народ. Просв. 1889 г., іюль*, стр. 17.

тича съ печенѣжскимъ княземъ, о полиглоттѣ князѣ Всеволодѣ, о поселеніяхъ тюркскихъ на русской почвѣ, о распространенности смѣшанныхъ браковъ, о проживаніи плѣнныхъ русскихъ въ степяхъ и плѣнныхъ половцевъ на Руси, о постоянныхъ торговыхъ дѣлахъ съ половцами, не прекращавшихся вслѣдствіе враждебныхъ столкновеній [1]), и т. п. Лучшимъ свидѣтельствомъ взаимнаго вліянія обѣихъ народностей служитъ значительное количество половецкихъ словъ, вошедшихъ въ древне-русскій языкъ, и нѣкоторыя русскія слова, заимствованныя половцами. Было бы интересно въ культурно-историческомъ и лингвистическомъ отношеніи собрать и анализировать тѣ тюркскія слова, которыя вошли въ русскій языкъ *раньше* татарскаго нашествія. Но такая историко-лингвистическая работа еще не сдѣлана, и потому позволяемъ себѣ тутъ же предпринять небольшой экскурсъ въ эту область, съ цѣлью лингвистическимъ фактомъ еще болѣе подкрѣпить мысль о тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи русскихъ и половцевъ, имѣющую, какъ увидимъ ниже, значеніе для нашей гипотезы, о проникновеніи нѣкоторыхъ иранскихъ мотивовъ въ нашъ эпосъ чрезъ тюркскую, именно половецкую среду. Кстати разсмотримъ лингвистическія данныя о культурѣ половецкой вообще.

Благодаря изданію такъ называемаго *Codex Comanicus* графомъ Кууномъ въ 1880 г. и выборкѣ и разбору тюркскаго матеріала, сдѣланнымъ академикомъ Радловымъ (въ 1887 г.) [2]), мы имѣемъ весьма значительный словарный матеріалъ для изученія половецкаго языка. Всѣхъ словъ въ *Codex'ѣ* болѣе 3,000 и многія изъ нихъ даютъ поводъ для историко-культурныхъ заключеній. Просматривая внимательно этотъ матеріалъ, мы видимъ, что въ немъ отражается, съ одной стороны, вліяніе культурныхъ сношеній половцевъ съ Русью, съ другой — такихъ же сношеній съ мусульманскимъ Востокомъ, находившимся подъ сильнымъ вліяніемъ персидской культуры. Кочевники, жившіе въ кибиткахъ въ безлѣсной степи, должны были заимствовать русскія названія для такихъ предметовъ, которыхъ не было въ ихъ быту. Такъ, они взяли русское названіе для деревянной постройки — *избу* (въ формѣ ызба), слова *печь* (пэц), *бревно* (бюрэн), *смола* (самала), *церковь* (ціркэу) и нѣкоторыя другія. Но несравненно болѣе вошло иностранныхъ *восточныхъ* словъ въ половецкій языкъ. По нашему счету, въ словарѣ акад. Радлова ихъ оказывается болѣе 150, именно *персидско-арабскихъ*. Мы раздѣлимъ ихъ на нѣсколько рубрикъ, чтобы легче было обозрѣть, въ какихъ сторонахъ быта выражается культурное вліяніе Ирана. Въ первую категорію можно отнести слова, свидѣтельствующія о торговыхъ сношеніяхъ половцевъ съ Востокомъ, о знакомствѣ ихъ съ произведеніями персидской промышленности, съ восточными товарами, плодами, овощами, животными, драгоцѣнными камнями и т. п.

---

[1]) *Голубовскій*, стр. 222.

[2]) *Das Türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus* въ *Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences de St. Pétersb.* VII Série. Tome XXXV, № 6.

Таковы названія для торга (базар), цѣны (бага), денегъ (накт), мѣнялы (сараф), процентовъ (рэбэ); для восточныхъ плодовъ и растеній: лимонъ (лімон), винная ягода (інджір), огурецъ (кыяр), бобы (ноғут), ревень (ра уанд), сахаръ (шэкэр), шафранъ (зафран), персикъ (шафталы), рисъ (бірінц), индиго (ніл), миндаль (бадам) и друг.; для драгоцѣнныхъ камней: изумрудъ (усмурут), яхонтъ (якут), лалъ (лал), бирюза (пэрюзэ), жемчугъ (інцю) и друг.; для животныхъ: попугай (тоту), обезьяна (маймун), леопардъ (паланг) и друг.; для разныхъ издѣлій изъ кожи, матерій, металла: сафьянъ (сактыян), поясъ (камар), бархатъ (катыфа), шелковая ткань (насыц), картина (сурат, накш), зурна (суруна), цѣпь (зінцір), стекляная фляга (шішэ), корона (тац) и друг.; для построекъ и принадлежностей осѣдлаго быта: городъ (шэр), дворецъ (сарай), крѣпость (кала), стѣна (ділар), столъ (суфра), садъ (бэг) и друг.

Если эти слова свидѣтельствуютъ о внѣшнемъ знакомствѣ половцевъ съ культурой Востока, находившагося вообще подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ Ирана, то рядъ другихъ словъ указываетъ на то, что вліяніе мусульманской цивилизаціи отражалось и на духовной сторонѣ жизни этихъ степняковъ. Такъ, они внесли въ свой обиходъ не мало словъ, выражающихъ понятія отвлеченныя, напримѣръ, религіозныя, нравственныя и т. под. Сюда относятся: счастье (дэулэт), благодарность (шюкур), помощь (мэдэт), надежда (öмют), мудрость (уш), милостыня (садаға), привѣтствіе (салам), терпѣніе (сабыр), благословеніе (бэрэкэт), вѣроученіе (ыкрар), постъ (оруц), грѣхъ (тоба), осужденіе (цурум), законъ (шэріэт) и друг.; понятія времени и его дѣленія: время (уакт, замана), недѣля (хэфтэ), персидскіе дни недѣли: напр. тушэмбі—понедѣльникъ, сэшэмбі — вторникъ и проч., часъ (сагат); слова относящіяся къ письменности: бумага (kағат), книга (тэфтэр), чернильница (дуат), печать (мöгэр); имена прилагательныя: согласный (кабыл), молчаливый (камуш), нѣжный (нэзік), напрасный (райған), правый (дюрюст), глупый (сады), лѣнивый (суст), печальный (пэшмэн), несчастный (бадбакт), жалкій (міскін) и т. под.

Перечисленныя заимствованныя слова, число которыхъ можно было бы значительно умножить, свидѣтельствуютъ о томъ, на какія стороны половецкаго быта оказывала вліяніе персидско-арабская мусульманская культура. Слѣдуетъ думать, что половцы были далеко не дикарями, а, напротивъ, весьма способны къ усвоенію нѣкоторыхъ сторонъ быта и нѣкоторыхъ понятій болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. Сравнительная высота половецкой культурности вполнѣ подтверждается и многими другими данными. Они могли себѣ усвоить нѣкоторыя черты иранской культуры еще въ Азіи, въ степяхъ Турана, которыя примыкаютъ къ культурному Ирану. Затѣмъ, въ періодъ своего наибольшаго могущества половцы владѣли культурными мѣстами—Тмутораканью, Судакомъ, который, по словамъ Ибнъ-эль-Атира, былъ обильнымъ источникомъ ихъ богатства [1]). Къ нимъ проникала про-

---

[1]) *Голубовскій, стр.* 219.

повѣдь мусульманства отъ болгаръ, христіанства изъ Руси и Западной Европы [1]), быть можетъ, іудаизма отъ остатковъ хазаръ [2]). Половецкія колѣна поступаютъ на службу къ грузинскимъ царямъ и къ султанамъ Хорезма (Хивы) [3]). Впослѣдствіи, послѣ татарскаго погрома, половцы являются въ Египетъ и пріобрѣтаютъ тамъ большое значеніе, благодаря своимъ воинскимъ и дипломатическимъ способностямъ, даже даютъ свою династію египетскому престолу въ XIV в. О способностяхъ половцевъ говоритъ слѣдующее свидѣтельство арабскаго писателя XIV в. Ибнъ Яхіи: «Тюрки Кипчака (половцы) отличаются отъ другихъ тюрковъ своею религіозностью, храбростью, быстротой движеній, *красотой фигуры, правильностью чертъ и благородствомъ*. Они дали султановъ и эмировъ Египту и составляютъ самую большую часть арміи этой имперіи... Поставленные во главѣ арміи, облеченные первыми должностями, они показали себя ревностными защитниками ислама» [4]).

Всѣ эти данныя о культурныхъ способностяхъ половецкаго народа, въ связи съ фактомъ тѣсныхъ и продолжительныхъ военныхъ и мирныхъ сношеній половцевъ съ Русью, даютъ намъ основаніе къ предположенію, что въ дотатарскій періодъ преимущественно *эти* тюрки должны были оказать вліяніе и на русскую эпическую поэзію, какъ ихъ вліяніе мы находимъ въ политической и въ бытовой исторіи Руси. Вліяніе половцевъ было тѣмъ болѣе интенсивно, что было лишь продолженіемъ вліяній на русскихъ славянъ другихъ тюрковъ—печенѣговъ и хазаръ. Въ сущности, половцы и печенѣги ничто иное, какъ разныя колѣна одного и того же племени. Прежде чѣмъ явиться въ Европу, наши печенѣги, торки, половцы кочевали въ среднеазіатскихъ степяхъ и составляли одно цѣлое. Родство ихъ между собою было извѣстно на Руси и отразилось въ ихъ генеалогіи, приводимой нашею лѣтописью. Изъ разсказа Анны Комненъ видно, что дѣйствительно печенѣги свободно объяснялись съ половцами [5]), а венгерскіе лѣтописцы вполнѣ отождествляютъ этническія имена: kún (кумане), palócz (половцы) и besenyő (печенѣги) [6]).

О продолжительныхъ, многовѣковыхъ сношеніяхъ русскихъ славянъ съ тюрками свидѣтельствуетъ значительное количество тюркскихъ словъ, которыя существовали въ русскомъ языкѣ въ домонгольскомъ періодѣ. Такъ, напримѣръ, въ такомъ сравнительно небольшомъ памятникѣ, какъ *Слово о полку Игоревѣ*, мы находимъ тюркскія сло-

---

[1]) *Голубовскій*, стр. 62; *Иловайскій*: „Исторія Россіи", II, стр. 78.

[2]) Плано-Карпини въ числѣ подданныхъ татаръ указываетъ Кумановъ-Брутаховъ, исповѣдующихъ іудейскую вѣру. *Голубов.*, стр. 227.

[3]) *Голубов.*, стр. 229 и 230. „Въ одеждѣ и обычаяхъ,—говоритъ Д. И. Иловайскій,—главное вліяніе имѣла на половцевъ... преимущественно гражданственность персидско-мусульманская, при посредствѣ Хорезма". *Исторія Россіи*, ч. II, стр. 78.

[4]) *Голубовскій*, стр. 236.

[5]) *Голубовскій*, стр. 58—59.

[6]) *Vambéry*: „Der Ursprung der Magyaren", стр. 99.

ва: яруга (јырык) [1]—хоругвь [2], япончица (јапунджа) [3], женчугъ [4], бусъ [5], ортьма [6], харалужный [7]. Тутъ же названіе черниговскіе *были* находитъ себѣ объясненіе въ тюрк. bojlu (бойлю)—*высокій* [8]. Къ древнимъ, встрѣчающимся въ лѣтописяхъ раньше татарскаго періода тюркскимъ словамъ можно отнести: *клобукъ* [9], можетъ быть, *ватага* [10], *дивъ* (въ *Сл. о п. Иг.*), сравн. персид. слово div, dev, перешедшее чрезъ тюркскую среду; *салтанъ* (въ *Сл. о п. Иг.*)—слово арабское, усвоенное персами и тюрками (ср. солтан въ половецкомъ словарѣ). Быть можетъ, и многія слова, которыя считаются *татарскими*, еще раньше татаръ проникли въ русскій языкъ, ибо если слово въ письменныхъ памятникахъ появляется въ XIV, XV вв., то это еще не значитъ, чтобъ оно не существовало раньше. Оно просто случайно могло не быть употреблено въ дошедшихъ до насъ памятникахъ письменности. Такое сомнѣніе можетъ быть высказано относительно очень многихъ русскихъ словъ тюркскаго происхожденія, которыхъ хронологія для насъ не ясна. Можно, напримѣръ, указать рядъ русскихъ словъ, которыхъ *оригиналъ* находится въ половецкомъ словарѣ, но нельзя при этомъ утверждать, что эти слова взяты нами у половцевъ, а не у татаръ, таковы: алтынъ (алтын), алмазъ (алмас), арканъ (öркäн), казна (казна), казначей (казначи), камышъ (камыш), вьюкъ (юкк), торба (торба, тобра), толмачъ (тылмац), шатеръ (цатыр), чепракъ (цпрак), сундукъ (сындык), сычугъ (сюцюк), изъянъ, базаръ, башмакъ, буравъ, булатъ и друг.

Послѣ этихъ экскурсовъ въ область древне-русской исторіи мы можемъ уже съ большимъ запасомъ фактическихъ данныхъ вернуться къ нѣкоторымъ вопросамъ, связаннымъ съ южно-русскимъ эпосомъ и съ русскимъ національнымъ богатыремъ. Мы имѣемъ въ виду вопросы о *мѣстѣ* и *времени* возникновенія южно-русскаго эпическаго цикла.

Дошедшіе до насъ былинные сюжеты, какъ извѣстно, довольно разнообразны, и личности, играющія въ нихъ роль, довольно разнохарактерны. Олонецкіе сказители поютъ намъ о борьбѣ богатыря со змѣемъ (Добрыня, Алеша), разбойниками, чудовищемъ, о состязаніи богатырей въ щегольствѣ

---

1) *Archiv f. slav. Philologie*, ст. проф. Ѳ. Корша. IX, 506.

2) Ibid., 513.

3) Ibid., 506.

4) Ibid., 504.

5) Ibid., 492.

6) Въ команск. словарѣ артмак—по Радлову—Packsäcke, т.-е. переметная сума. Наз. соч., стр. 4.

7) Ср. половец. каралык—чернь. Харалужный значитъ вороненый. См. *Аристовъ*: „Промышленность древней Руси“, стр. 114, примѣч. 355.

8) См. *Arch. f. sl. Ph.* IX, стр. 491.

9) Ibid., 508.

10) Если оправдается остроумная поправка Ѳ. Е. Корша въ Ипат. лѣт. подъ 1184. *Кончакъ... иные же ватагы* (въ текстѣ вагаты). См. *Arch.* IX, р. 659.

(Чурила и Дюкъ), о превращеніяхъ богатыря въ тура, объ освобожденіи богатыря, засаженнаго въ погребъ, хитростью-мудростью его жены (Ставръ), о богатомъ богатырѣ, пріѣзжающемъ свататься въ Кіевъ за княжескую дочь (Соловей Будиміровичъ), о другомъ богачѣ бояринѣ, поразившемъ Кіевъ своимъ богатствомъ (Дюкъ), о любовныхъ шашняхъ Апраксіи съ Касьяномъ, предводителемъ каликъ, или съ Тугариномъ, о коварномъ поступкѣ Алеши съ Добрыней, о любовныхъ исторіяхъ Чурилы, о сватовствѣ кн. Владиміра и т. п. Но если мы спросимъ себя, что есть самое главное и основное въ нашемъ эпосѣ даже въ настоящее время, то отвѣтъ можетъ быть одинъ: борьба русскихъ богатырей съ разными врагами Русской земли и преимущественно съ татарами, заслонившими въ эпосѣ другихъ болѣе раннихъ историческихъ враговъ Россіи. Нашъ эпосъ въ основѣ своей былъ искони историческимъ, какъ эпосъ иранскій или греческій, и никакія позднѣйшія внесенія въ него сюжетовъ фантастическихъ и романическихъ не могутъ затушевать его главный фонъ.

Въ дѣйствіяхъ главныхъ богатырей его отразилась, хотя часто въ фантастическихъ чертахъ, реальная многовѣковая борьба Руси съ внѣшними врагами, главнымъ образомъ, со степью. Въ этомъ согласны между собою наши изслѣдователи эпоса: Аксаковъ, Буслаевъ, Майковъ, О. Миллеръ, Веселовскій, Ждановъ, Дашкевичъ, Халанскій, Квашнинъ-Самаринъ, Е. Барсовъ и историки: Погодинъ, Костомаровъ, Голубовскій [1]) и друг. Если это такъ, то самыя раннія историческія пѣсни о борьбѣ русскихъ богатырей съ разными восточными насильниками и нахвальщиками должны были слагаться не среди всѣхъ русскихъ племенъ, а среди того населенія, которое, выдвинувшись дальше другихъ на востокъ и югъ къ степи, выдерживало на себѣ въ домонгольскій періодъ главный натискъ азіатскихъ кочевниковъ. Райономъ сложенія историческихъ пѣсенъ, легшихъ въ основу эпическаго цикла, должна была быть обширная область полянъ и сѣверянъ—бассейнъ средняго Днѣпра и его восточныхъ притоковъ.

Какія бы измѣненія ни пережилъ народный эпосъ въ дальнѣйшее время, какія бы наслоенія ни отложила на немъ Русь Суздальская и Московская, все же мы считаемъ не подлежащимъ сомнѣнію (вмѣстѣ съ проф. Ждановымъ), что «корни нашихъ былинъ тянутся въ ту именно эпоху кіевской Руси, которая указывается господствующимъ въ былинахъ подборомъ именъ и географическихъ названій» [2]). Мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ, не считаемъ доказаннымъ, чтобы въ эпосѣ сохранились отголоски времени до Владиміра, напримѣръ, воспоминаніе о походѣ Олега на Византію, которое нѣкоторые излѣдователи открываютъ въ былинѣ о Вольгѣ. Но полагаемъ, что въ *нѣкоторыхъ* чертахъ эпическаго Владиміра все же можно различить черты историческаго и что въ былинахъ присутствуютъ отголоски нѣкоторыхъ историческихъ событій XI и XII вѣковъ, періода,

---

[1]) Наз. соч., стр. 240. См. также: *Галаховъ* (*О. Миллеръ*), I, стр. 70; *Е. Барсовъ*: *Вѣст. Европы* 1878 г., кн. XI, стр. 365.

[2]) Пѣсни о кн. Романѣ. *Ж. М. Н.* Пр. 1890 г., апрѣль, стр. 271.

главнымъ образомъ, наполненнаго борьбой Руси съ половцами. Намъ представляется далѣе вѣроятнымъ, что образованіе эпическаго цикла съ центральною фигурой кн. Владиміра могло начаться уже въ XII и началѣ XIII в. Довольно было пройти столѣтію или $1^1/_2$ столѣтію со смерти Владиміра, чтобы въ народной памяти его личность стала пріобрѣтать эпическія черты, событія его времени окрашиваться поэтическимъ вымысломъ и сказанія о мѣстныхъ «храбрахъ» (переяславскихъ, черниговскихъ) пріурочиваться къ Кіеву и его князю. Къ воспоминаніямъ о періодѣ XI и XII вв. должна относиться значительная роль города Чернигова въ нашемъ эпосѣ, такъ какъ послѣ татарскаго разгрома и оскудѣнія населенія въ Черниговскомъ княжествѣ этотъ городъ уже утрачиваетъ прежнее значеніе въ исторіи [1]) и въ народной памяти, какъ политическій центръ Сѣверской земли.

Къ этому періоду относятся вообще слѣды переяславскаго эпоса, сохранившіеся въ лѣтописи, и, быть можетъ, отголоски черниговскаго, повидимому, дошедшіе до насъ еще въ современныхъ былинахъ [2]). Въ видѣ предположенія выставили мы выше, что и главный богатырь нашего эпоса, очищающій путь отъ Чернигова до Кіева (по нѣкоторымъ былинамъ, отъ Кіева до Чернигова) [3]), былъ нѣкогда произведеніемъ черниговосѣверскихъ эпическихъ сказаній и прикрѣпленъ къ городу Моровску и Чернигову. Наконецъ, къ тому же періоду должны относиться послѣдніе исказившіеся до неузнаваемости слѣды борьбы Руси съ половцами въ нашемъ эпосѣ, указанные нами выше.

Хотя такимъ образомъ отъ дотатарскаго періода нашего эпоса дошли до насъ, какъ и слѣдовало ожидать, только скудные остатки, но все же мы можемъ уяснить себѣ приблизительно его главныя и самыя крупныя черты, которыя представляются намъ въ такомъ видѣ.

Основною чертой въ характеристику этого періода входитъ то, что эпическія сказанія находились въ близкомъ отношеніи къ недавнему историческому прошлому и къ настоящему. Въ нихъ, вѣроятно, преобладалъ надо всѣмъ элементъ героическій, подвиги русскихъ «храбровъ» въ борьбѣ съ восточными врагами, среди которыхъ главную роль играли половцы, смѣнившіе и затмившіе прежнихъ восточныхъ насильниковъ, какъ впослѣдствіи сами были смѣнены татарами. На ряду съ историческими пѣснями

---

[1]) Скоро послѣ татарскаго погрома Черниговско-Сѣверская земля утратила политическую самостоятельность. Прежніе центры: Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ лишаются значенія. Центръ исторической жизни Сѣверской земли переходитъ на сѣверо-востокъ, гдѣ Брянскъ приходитъ на смѣну Чернигову и Новгородъ-Сѣверску, такъ какъ образованію прочнаго государственнаго организма на югѣ препятствовала близость кочевыхъ ордъ татарскихъ и отсутствіе естественныхъ средствъ защиты. *Багалѣй*, стр. 308.

[2]) См. выше, а также *О. Миллера*—у Галахова, стр. 42—44.

[3]) См. ст. *Н. П*: „Слѣды сѣверно-русскаго былеваго эпоса въ южно-русской народной литературѣ“ въ *Трудахъ Кіев. Дух. Акад.* 1878 г., май, стр. 375.

о событіяхъ XII вѣка жили пѣсни о прежнихъ временахъ, отражавшія событія времени Владиміра, и этотъ князь являлся центромъ всѣхъ подобныхъ пѣсенъ, причемъ къ нему же, вслѣдствіе обычнаго въ народѣ смѣшенія исторической хронологіи, относились и событія болѣе поздняго времени [1]). Правильная историческая перспектива нарушалась, какъ и въ дальнѣйшей эволюціи эпоса, тѣмъ, что, съ одной стороны, сказанія о мѣстныхъ «храбрахъ»—черниговскихъ, переяславскихъ—тянули къ кіевскому эпосу, съ другой—тѣмъ, что на эпическія имена болѣе древняго періода наслоялись сюжеты фантастическіе, сказочные, какъ создавшіеся на русской почвѣ и отражавшіе въ себѣ прежнія языческія вѣрованія, такъ и чужеземные, восточные, обрусѣвшіе въ русской средѣ. Этому послѣднему элементу мы придаемъ въ развитіи нашего эпоса особенное значеніе, по историческимъ соображеніямъ, приведеннымъ выше. Тѣснѣйшая связь восточнорусскаго населенія съ кочевниками имѣла такія громадныя историческія послѣдствія, такъ глубоко отразилась на матеріальной сторонѣ русскаго быта, что было бы абсурдомъ не признавать такого же отраженія ея на духовной сторонѣ русскаго быта и, прежде всего, на памятникахъ народнаго творчества. Не заходя такъ далеко, какъ зашелъ В. В. Стасовъ въ своей теоріи о вліяніи *Востока* на русскій эпосъ, все же нужно отдать справедливость этому даровитому изслѣдователю въ томъ, что онъ въ нѣкоторыхъ чертахъ нашего эпоса значительно уяснилъ это тюркское вліяніе. Недостатокъ методологическихъ пріемовъ, крайнее увлеченіе идеей доказать во что бы то ни стало, что наши былины представляютъ лишь искалѣченные остовы чужихъ сказаній, что въ нихъ нѣтъ ничего русскаго, кромѣ нѣсколькихъ историческихъ и географическихъ именъ,—словомъ, по справедливому выраженію покойнаго О. Миллера, «угловатая» постановка вопроса о заимствованіяхъ въ нашемъ народномъ эпосѣ, все это вызвало въ свое время цѣлую бурю противъ теоріи г. Стасова и дискредитировало въ глазахъ изслѣдователей и тѣ прочныя пріобрѣтенія, которыми наука ему обязана. Но въ настоящее время, по прошествіи болѣе двухъ десятилѣтій со времени появленія *Происхожденія русскихъ былинъ*, мы можемъ уже sine ira et studio перечитать трудъ г. Стасова и съ несомнѣнною пользой. Мы, конечно, не согласимся съ нимъ, что всѣ наши былины плохо скроены по иноземнымъ образцамъ, не будемъ искать этихъ оригиналовъ *исключительно* на Востокѣ, не будемъ искусственно отрывать нашъ эпосъ отъ русской исторіи, но, именно въ силу ея указаній, признаемъ, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, что эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ *должны были* оказать вліяніе на русскій эпосъ.

Спрашивается, въ чемъ слѣдуетъ видѣть вліяніе восточное, точнѣе—тюркское, въ нашемъ эпосѣ? Апріорный отвѣтъ, который можетъ быть данъ на этотъ вопросъ, таковъ: въ томъ же, въ чемъ отразилось это вліяніе на средѣ,

---

[1]) См. интересныя соображенія проф. *И. Жданова* въ его статьѣ: „Русская поэзія въ домонгольскую эпоху“ (*Кіевск. Университ.* Извѣстія 1879 г.).

создававшей историческія пѣсни, перешедшія затѣмъ въ былины, т.-е. на населеніи тѣхъ полосъ Россіи, которыя соприкасались со степью и кочевниками. Ведя постоянно войну съ тюркскими наѣздниками, осѣдлое земледѣльческое населеніе, для достиженія успѣха въ этой борьбѣ, должно было выработать въ самомъ себѣ тѣ свойства, которыя давали преимущества кочевымъ наѣздникамъ, составляли всю ихъ силу,—другими словами, пѣшее, не привыкшее къ коню населеніе должно было научиться владѣть конемъ, сжиться съ нимъ, какъ степнякъ-наѣздникъ, и усвоить вообще тѣ военныя качества, которыя были необходимы для успѣшной защиты родной земли отъ непріятельскихъ набѣговъ. Мы знаемъ изъ исторіи, что славяне вообще были хорошіе воины, какъ пѣхотинцы и отчасти какъ моряки, но какъ наѣздники, конечно, уступали прирожденнымъ наѣздникамъ-степнякамъ [1]). Наши князья поэтому въ своихъ ополченіяхъ имѣли конницу изъ степныхъ народовъ, сознавая ихъ преимущество, какъ кавалеристовъ. Отсюда понятно, что отличныя кавалерійскія качества какихъ-нибудь печенѣговъ или половцевъ были идеаломъ, котораго стремились достигнуть русскіе наѣздники и что умѣнье въ совершенствѣ владѣть конемъ, какъ орудіемъ на войнѣ, высоко цѣнилось и князьями, и всѣмъ населеніемъ, которому приходилось отражать половецкіе набѣги и преслѣдовать хищниковъ въ степи. Дѣйствительно, исторія показала, что только тогда удалось Россіи окончательно подчинить себѣ степныхъ наѣздниковъ, когда въ русскомъ населеніи выработался типъ казака, такого же лихого наѣздника, какъ тѣ степные наѣздники, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Если, такимъ образомъ, «степняки» были нашими учителями въ кавалерійскомъ дѣлѣ, то естественно, что въ памятникахъ той поры, когда производилось это ученье, въ народной поэзіи XII — XIII вѣковъ, мы должны встрѣтить его слѣды, какъ отраженіе самой жизни. Дѣйствительно, въ нашемъ эпосѣ мы находимъ тѣ же черты, что въ эпическихъ пѣсняхъ тюркскихъ степняковъ: наши богатыри почти живутъ въ степи, въ чистомъ полѣ, спятъ въ шатрахъ, не разстаются съ конемъ, употребляютъ въ обращеніи съ нимъ тѣ же пріемы, какъ степняки, почти копируя ихъ, какъ показалъ это В. В. Стасовъ, вооружены восточнымъ оружіемъ, вносятъ восточныя черты въ расправу съ врагами (взрѣзываніе груди и выниманіе сердца съ печенью) [2]) и т. п. Словомъ, при изученіи эпическихъ произведеній степныхъ кочевниковъ, напримѣръ, тюркскихъ сказаній обширнаго сборника

[1]) См. *Аристова:* „Промышленность древней Руси“, стр. 42. Замѣтимъ, что въ былинахъ еще сохранились слѣды того, что нѣкогда на Руси высоко цѣнились татарскіе степные кони. Такъ, Михайло Казарянинъ приводитъ князю Владиміру въ подарокъ „добрыхъ“ коней татарскихъ. *Кирѣев.*, IV, 98, 99. Нерѣдко князь посылаетъ богатырей закупать коней и сѣдла, наприм., *Кирѣев.*, II, стр. 93.

[2]) Такъ, богатыри алтайцевъ *вырываютъ* обыкновенно сердце у убитыхъ враговъ. См. *В. Вербицкій*: „Сказка у алтайск. инородцевъ“ въ *Томск. Губерн. Вѣдом.* 1883 г. № 14, стр. 288. Богатырь Алактай, встрѣтившись съ Ельбегенемъ и сразивъ его, наступаетъ на него и вырываетъ изъ груди сердце. Тамъ же, № 15, стр. 316. Взрѣзываніе груди въ персидскомъ эпосѣ см. въ *Шахнамэ*. Mohl. I, стр. 372 и 42.

Радлова, изслѣдователь найдетъ цѣлый рядъ бросающихся въ глаза аналогій между ними и нашимъ эпосомъ во всѣхъ тѣхъ чертахъ, которыя относятся къ коню и всему связанному съ нимъ. Эти аналогіи, не оставляющія никакого сомнѣнія въ томъ, гдѣ источникъ, оригиналъ, а гдѣ заимствованіе, подражаніе, были въ достаточномъ количествѣ приведены В. В. Стасовымъ и намъ остается лишь ихъ напомнить. «Все, касающееся коня,—говоритъ этотъ изслѣдователь,—играетъ (въ нашемъ эпосѣ) точь-въ-точь такую же важную, первенствующую роль, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монголовъ, калмыковъ и разныхъ сибирско-тюркскихъ народовъ. Нигдѣ мы не найдемъ, наприм., такихъ частыхъ и многочисленныхъ подробностей о сѣдланіи, разсѣдланіи, кормленіи коня, уходѣ за нимъ, какъ въ пѣсняхъ и поэмахъ кочевыхъ народовъ, и эти самыя подробности перешли къ намъ, уцѣлѣли, можно сказать, съ буквальною точностью. Нашихъ богатырскихъ коней, чтобъ они стали дѣйствительно богатырскими, кормятъ пшеномъ бѣлояровымъ, поятъ сытою медвяной или студеною водой и выкатываютъ въ три ночи (зари) въ трехъ росахъ. Это самое мы находимъ ежеминутно въ разсказахъ тюркскихъ и вообще номадныхъ племенъ, и особенно часто, наприм., въ поэмахъ и пѣсняхъ киргизскихъ; тутъ разсказывается, какъ коня кормятъ пшеницей, поятъ студеною водой, а передъ каждымъ какимъ - нибудь особеннымъ подвигомъ конь проситъ своего господина снять съ него сѣдло, чепракъ и узду, и дать ему выкататься въ травѣ, и отъ этого онъ становится свѣжъ и могучъ, забываетъ всю усталость и понесенные труды, иногда раны... Про сѣдланіе коня наши былины всегда тщательно разсказываютъ, что богатырь беретъ узду тесмянную, подъ сѣделышко черкасское полагаетъ потничекъ шелковенькій, потнички на потнички, сверху войлочекъ, а сѣделышко кованное, обсажено камешкомъ самоцвѣтнымъ, обзолоченнымъ, потомъ подтягиваетъ 12 тугихъ подпругъ, а 13-ю кладетъ для крѣпости; подпруги были шелковыя, пряжки у сѣдла красна золота, шпеньки у подпругъ все булатные, стремена желѣза булатнаго же, «шелкъ не рвется, булатъ не трется, красно золото не ржавѣетъ». За конемъ своимъ наши богатыри, хозяева ихъ, *сами* ходятъ, *сами* кормятъ его и поятъ, *сами* осѣдлываютъ и взнуздываютъ, *сами* разсѣдлываютъ и разнуздываютъ, вообще *сами* постоянно о нёмъ заботятся. Точно такія же описанія находимъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ, калмыцкихъ, тюркско - сибирскихъ и киргизскихъ» (слѣдуютъ примѣры, изъ которыхъ отмѣтимъ, что у восточныхъ степняковъ черты этого культа коня еще рельефнѣе, подробности многочисленнѣе и богаче) [1]). Наприм., въ *Джангаріадѣ* богатырь князь Хонгоръ слѣдующимъ образомъ *самъ* сѣдлаетъ своего сѣраго коня: «На спину ему онъ положилъ золотую полсть, а на нее сѣдло, украшенное

1) Огромное значеніе коня выражается въ сказаніяхъ минусинскихъ татаръ, напримѣръ, въ томъ, что богатырь нерѣдко получаетъ имя въ связи съ именемъ коня: „чубарый богатырь на чубаромъ конѣ“ и т. п. См. *Титова:* „Богатырскія поэмы минусин. татаръ“. 1856 г., стр. 5.

серебромъ. Сѣдло онъ подтянулъ 12-ю бѣлыми ремнями, а каждый ремень застегнулъ 20-ю мѣдными пряжками; 33 ремня съ золочеными бляхами окружали грудь коня, 66—его хвостъ, стремена были бѣлой мѣди». Одинъ богатырь кызыльцевъ, сѣдлавъ своего коня, «положилъ нахвостникъ, снизу крѣпко подтянулъ 9 подпругъ и въ 12-ти мѣстахъ закрѣпилъ ихъ пряжками». Подобныхъ же примѣровъ изъ пѣсенъ сибирско-тюркскихъ народовъ можно было бы привести множество [1].

Другая особенность, сюда же относящаяся, это—заботливость богатыря о конѣ, оставляемомъ на дворѣ, пока самъ богатырь входитъ въ жилище, свое или чужое. Русскіе богатыри, пріѣзжая куда-нибудь, сходятъ съ коня и обыкновенно тотчасъ же привязываютъ его къ золотому или серебряному кольцу особаго столба, для того назначеннаго. Это самое мы находимъ въ пѣсняхъ и поэмахъ монгольскихъ, калмыцкихъ, киргизскихъ и сибирско-татарскихъ... Здѣсь уже не то, что *иногда*, какъ въ русскихъ былинахъ, а непремѣнно *всегда* въ разсказѣ о пріѣздѣ богатыря тщательно упомянуто, что богатырь слѣзъ съ коня и привязалъ его къ золотому или серебряному столбу. Такой подробности, столь важной для кочевыхъ народовъ, любящихъ коня едва ли не столько, сколько свое семейство, ихъ разсказы и пѣсни никогда уже не пропустятъ.

Въ нашихъ былинахъ богатырь бранитъ обыкновенно своего коня въ такихъ выраженіяхъ: «А ты, волчья сыть, трабяной мѣшокъ!» Въ поэмахъ сибирско-тюркскихъ народовъ богатырь обыкновенно бранитъ своего коня такъ: «Ахъ ты, снаружи кожа, внутри навозъ!» Кромѣ нашихъ былинъ и поэмъ и пѣсенъ номадныхъ народовъ, кажется, наврядъ ли у кого еще встрѣчаются подобныя бранныя слова богатыря къ его коню [2]. Затѣмъ В. В. Стасовъ указываетъ на сходство тюркскихъ пѣсенъ съ былинами въ подробностяхъ о *плети*, о частомъ ея упоминаніи, пріемахъ ея употребленія и т. п. «Нигдѣ нѣтъ такого, можно сказать, ежеминутнаго расхода на плети, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ монгольскихъ, калмыцкихъ, киргизскихъ, алтайскихъ и другихъ сибирско-тюркскихъ: здѣсь плеть упоминается едва ли не на каждой страницѣ разнообразнѣйшихъ разсказовъ. Ни разу не позабыто сказать, какъ богатырь ударилъ коня «по крутымъ бедрамъ», чтобъ заставить его ѣхать или скакать куда тотъ не хочетъ, а иногда даже и отговариваетъ».

Приведя изъ восточныхъ пѣсенъ примѣры того, какъ кони сами совѣ-

---

1) Отмѣтимъ кстати слѣдующее сходство въ описаніи скачки коня въ нашихъ былинахъ и въ тюркскихъ сказаніяхъ. Наши кони скачутъ „выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго", а въ алтайскихъ сказкахъ говорится, что богатырскій конь несется „ниже облака бѣлаго, выше облака синяго". См. статью *В. Вербицкаго*: „Сказка у алтайскихъ инородцевъ" въ *Томск. Губерн. Вѣдом.* 1882 г., № 45, стр. 903. Въ сказаніяхъ минусинскихъ татаръ такъ описывается бѣгъ коня: „конь скакалъ—земля тряслась, море колыхалось, большія горы перескакивалъ, а малыя хвостомъ застилалъ". *См. Титовъ*: „Богатырскія поэмы минусинскихъ татаръ". 1856 г., стр. 54.

2) *Вѣстникъ Европы* 1868 г., іюнь, стр. 657—659.

туютъ богатырю такъ или иначе ударить ихъ для ѣзды или скачка, какъ богатыри бьютъ ихъ «промежду ушей», какъ плетью наносятъ удары врагу и т. п., авторъ продолжаетъ: «у насъ эти мелкія и частыя подробности о плети столько же разнообразны и столь же тщательно упоминаются, какъ въ поэмахъ и пѣсняхъ номадныхъ народовъ. Тамъ плети въ 8 и 9 хвостовъ, у насъ *троссучныя* и въ 7 хвостовъ, и точно такъ же, какъ тамъ, ни одинъ ударъ плети не скрытъ отъ насъ: каждый разсказанъ, каждый сосчитанъ. Для былины удары плети богатыремъ «по крутымъ бедрамъ» его коня (это слово въ слово выраженіе монгольскихъ и тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ) столько же, повидимому, интересны, сколько удары его копья или меча по шлемамъ и кольчугамъ враговъ, и они такъ часто поминаются, что приводить примѣры изъ былинъ рѣшительно трудно. Добрынина мать, отпуская сына на подвиги, даетъ ему при прощаніи плеть и учитъ: «бей бурка промежу уши [1]), и бей по промежу ноги, и станетъ онъ поскакивать» и т. д. Но, кромѣ коня, плеть служитъ богатырю русскихъ былинъ точь-въ-точь на то же самое, на что богатырямъ монгольскихъ, калмыцкихъ, киргизскихъ и другихъ сибирско-тюркскихъ поэмъ и пѣсенъ: плетью бьютъ и враговъ своихъ, богатырей и богатыршъ, и князя Владиміра, и его гостей, и женщинъ, и существъ сверхъестественныхъ, чудовищъ [2]). Очень примѣчательно при этомъ, что у насъ даже уцѣлѣли цифры тюркскихъ народовъ, и ихъ плети изъ 90 шкуръ превратились у насъ въ шалыги и шелепуги (плети) въ 90 пудъ» [3]).

Въ программу нашего изслѣдованія не входитъ измѣреніе и оцѣнка всего объема тюркскаго вліянія, отразившагося на нашемъ эпосѣ. Поэтому мы не будемъ останавливаться на другихъ чертахъ восточной эпики, указываемыхъ въ немъ В. В. Стасовымъ [4]), и ограничимся лишь приведенными выше соотношеніями между былинами и тюркскими пѣснями въ «культѣ» копя. Понятно, что, перенявъ у степняковъ умѣнье владѣть конемъ и стараясь достигнуть наѣздническихъ качествъ своихъ учителей, русскіе усвоили себѣ и отношенія степняка къ коню и внесли въ свою поэзію степные мотивы, связанные съ нимъ. Такое вліяніе степныхъ эпи-

---

[1]) Ср. также *Гильферд.*, столб. 34.

[2]) Примѣры употребленія плети, какъ оружія, алтайскими богатырями см. въ статьѣ *В. Вербицкаго*: „Сказка у алтайскихъ инородцевъ". *Томскія Губер. Вѣдом.* 1883 г., № 14, стр. 289.

[3]) Тамъ же, стр. 660—662.

[4]) Таковы, наприм., *тавлеи*, соотвѣтствующія восточной игрѣ *нарды*, камни самоцвѣтные, бурзы-мурзы, куяки, отсутствіе щитовъ и др. См. *Вѣстникъ Европы* 1868 г., т. VI, стр. 663; т. VII, стр. 303, 306, 308 и др. Эти параллели можно еще восполнить слѣдующими: какъ въ нашихъ былинахъ нерѣдко вороны приносятъ богатырю вѣсти въ полѣ, такъ и въ сказаніяхъ минусинскихъ татаръ (см. *Титова* назв. сочин., стр. 43); какъ въ нашихъ былинахъ извѣстія посылаются записками со стрѣлами, такъ въ сказкахъ алтайскихъ богатыри обыкновенно даютъ о себѣ извѣстіе стрѣлами съ письмами (см. *В. Вербицкій*: „Сказка у алтайскихъ инородцевъ" въ Томск. Губерн. *Вѣдом.* 1882 г., № 44, стр. 878; 1883 г., № 15, стр. 318.

ческихъ мотивовъ, которое можно вполнѣ констатировать, кажется намъ болѣе важнымъ, чѣмъ внесеніе въ нашъ эпосъ того или другого сказочнаго восточнаго сюжета. Оно придаетъ нашему эпосу *до нѣкоторой степени* тотъ же «степной» характеръ, тотъ же «ароматъ степи», которымъ проникнутъ сѣверо-кавказскій *нартскій* эпосъ и эпическія пѣсни азіатскихъ кочевниковъ, и отличаетъ *до нѣкоторой степени* наши былины отъ рыцарскаго эпоса Западной Европы.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ степи донеслось до русскаго населенія и то названіе, подъ которымъ до сихъ поръ извѣстны въ былинахъ русскіе и басурманскіе силачи и храбрецы,—названіе «богатырь». Восточное, монгольско-тюркское происхожденіе этого имени вполнѣ доказано, такъ что останавливаться долѣе на этомъ вопросѣ нѣтъ надобности [1]. Интереснѣе вопросъ объ употребленіи этого имени въ нашихъ былинахъ, такъ какъ оно не вполнѣ согласуется съ нашею привычкой называть богатырями вообще дѣйствующія въ былинахъ лица и говорить не только о кіевскихъ, но и о *новгородскихъ* богатыряхъ, которыхъ, въ сущности, нѣтъ. Восточное слово нѣкогда выражало и сложившееся на востокѣ, въ степи, представленіе: оно обозначало степнаго удальца, непремѣнно наѣздника на лихомъ конѣ, проѣзжающаго огромныя степныя пространства, человѣка, сроднившагося съ конемъ и всѣми условіями степной жизни. Между такими наѣздниками этимъ почетнымъ титуломъ пользовались тѣ, которые отличались неутомимостью, выносливостью, силой и храбростью, составляли гордость дружины какого-нибудь хана и посылались имъ на самыя трудныя и смѣлыя предпріятія. Съ этими признаками понятіе о богатырѣ вмѣстѣ со словомъ перешло и къ тому русскому населенію, которое ближе знало степь и тюркскихъ богатырей. Можно думать, что съ тѣми же признаками слово богатырь вошло и въ русскіе народные разсказы о подвигахъ русскихъ удальцовъ или «храбровъ». Дѣйствительно, оно прилагается къ такимъ личностямъ нашего эпоса, которыя напоминаютъ тюркскихъ багатуровъ и проводятъ, подобно имъ, жизнь либо въ чистомъ полѣ, совершая подвиги и живя въ шатрахъ, либо временно при княжескомъ дворѣ, составляя лучшее украшеніе его дружины. Если мы просмотримъ въ были-

---

1) По мнѣнію оріенталистовъ, монгольское слово багатур, означающее *храбреца*, *молодца*, перешло въ тюркс. джагатайск. багадур и далеко распространилось на западъ среди русскаго и инородческаго населенія; срав. наше богатырь, польск. bohater, венгерск.—баатур, чувашск.—паттыр, падерь, черемисск.—патыр, паттыр, вотяцк.—бадыр, литовск. (съ русск.)—bagotirus (богачъ), осетин.—баqатар и (съ перестановкой) qабатар, алтайск.—паатыр, маатыр, киргиз.—батыр и друг. Первое лѣтописное упоминаніе *татарскихъ* богатырей находимъ подъ 1240 годомъ въ описаніи нашествія Батыя на Кіевъ (Бѣдяй богатуръ и Бурундай багатырь—Ипат., стр. 522). Названіе это является почетнымъ прозвищемъ и титуломъ у монголовъ и тюрковъ (*Quatremère-Hist. des Mong*, I, 308). Титулъ „богатыря“ упоминается подъ 1240 г., какъ нѣчто извѣстное, такъ что, вѣроятно, былъ знакомъ русскому населенію, чрезъ половцевъ, раньше *перваго* появленія татаръ. См. *Дашкевича*: „Былины объ Алешѣ Поповичѣ“, стр. 14 (*со ссылкой на Куманскій* словарь, въ которомъ bahatur значитъ *potens*).

нахъ рядъ тѣхъ лицъ, которыхъ чаще всего называютъ богатырями, то увидимъ, что всѣмъ имъ приписываются либо похожденія въ чистомъ полѣ, либо служба князю Владиміру—исполненіе его порученій, либо и то, и другое вмѣстѣ. Такъ, богатырями называются, кромѣ Ильи Муромца, Добрыня, Алеша, Потокъ Михайловичъ, Дунай Ивановичъ, Данило Игнатьевичъ, Иванъ Годиновичъ, Сухмантій Одихмантьевичъ, Екимъ Ивановичъ, Ермакъ, Михайло Казарянинъ, Василій Казиміровичъ, Никита Залѣшанинъ,—и всѣ они подходятъ либо по подвигамъ въ чистомъ полѣ, либо по службѣ князю Владиміру подъ выше перечисленные признаки. Богатырями далѣе называются: Святогоръ-Самсонъ, также ѣздящій въ полѣ чистомъ, Вольга, предпринимающій походъ противъ Турецъ-Сантала, и нѣкоторые представители басурманской силы: Тугаринъ [1]), Идолище [2]), Жидовинъ. Но, очевидно, подъ категорію богатырей не подводятся сказителями былинъ такія личности, которыя не совершаютъ подвиговъ въ борьбѣ съ басурманами и разными чудищами и не состоятъ на службѣ у князя; таковы: пріѣзжій женихъ Соловей Будиміровичъ, пріѣзжій богачъ-бояринъ Дюкъ Степановичъ, пріѣзжій франтъ и ловеласъ Чурило Пленковичъ, черниговскій глупый бояринъ,—мужъ умной жены,—Ставръ Годиновичъ, городской кіевскій удалецъ Хотенъ Блудовичъ и т. п. Отъ нихъ отдаетъ городскою жизнью, какъ отъ *богатырей*—чистомъ полемъ и шатрами бѣлополотняными. Понятно, что типъ богатыря могъ сложиться въ эпосѣ русскаго населенія, близкаго къ степямъ и выработавшаго и въ своей средѣ типъ, сходный съ тюркскимъ лихимъ наѣздникомъ. Но онъ не могъ развиться въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ не было для него подходящихъ условій, напримѣръ, въ Новгородѣ. Дѣйствительно, новгородскій эпосъ не зналъ богатырей и даже это имя не встрѣчалось въ новгородскихъ старинахъ. Казалось бы, что новгородскій герой Василій Буслаевъ, силачъ и буянъ, предпринимающій на конѣ поѣздку въ Іерусалимъ, могъ бы быть названъ богатыремъ, тѣмъ болѣе, что такое обобщеніе названія весьма возможно въ устахъ сказителей, которые равно поютъ и кіевскія, и новгородскія старины и нерѣдко переносятъ детали изъ одного цикла въ другой. Однако, мы просмотрѣли *всѣ* былины о Василіи Буслаевѣ (до 20) въ нашихъ сборникахъ и только въ одной онъ по *обмолвкѣ* названъ богатыремъ. Обмолвка совершенно ясна: былина эта была записана отъ крестьянина Никифора Прохорова (Пудожскаго уѣзда, Купецкой волости) два раза, Рыбниковымъ и Гильфердингомъ. Первому Прохоровъ сказалъ стихъ такъ:

„Ото сну Василій пробуждается,
Да на улицу какъ самъ онъ пометается...“ [3]).

Сказывая тѣ же стихи Гильфердингу, Прохоровъ некстати замѣнилъ имя Василія словомъ *богатырь*:

---

[1]) *Кирѣев.*, т. IV, стр. 34.
[2]) См. *Барсовъ*: „Богатырское слово“, стр. 18.
[3]) *Рыбн.*, т. I, стр. 355.

„Какъ тутъ ото сну богатырь пробуждается,
На улицу самъ онъ пометается“ [1]).

И такъ, фактически въ новгородскомъ эпосѣ богатырей нѣтъ, такъ какъ этотъ типъ степнаго наѣздника былъ незнакомъ новгородскимъ купцамъ и повольникамъ. Олонецкіе сказители внесли въ новгородскія былины изъ «богатырскаго» эпоса эпитетъ «богатырскій» [2]) (сердце, сила, плеча), вставили обычный въ кіевскихъ былинахъ стихъ про пиръ у князя (въ данномъ случаѣ новгородскаго) «на многихъ князей, бояръ, могучихъ богатырей» [3]), но не перенесли на представителя новгородской вольницы Ваську Буслаева южно-русскаго эпитета «богатырь», хотя этотъ удалецъ имѣетъ дружину «хоробрую», какъ Вольга, и расправляется осью желѣзной съ новгородскими мужиками не хуже, чѣмъ Илья Муромецъ съ татарами [4]).

Такимъ образомъ, богатырскій эпосъ въ *собственномъ* смыслѣ, т.-е. такой, въ которомъ дѣйствующія лица назывались богатырями и напоминали образомъ жизни тюркскихъ *багатуровъ*, долженъ былъ сложиться на окраинахъ, у населенія, въ теченіе многихъ вѣковъ бившагося на форпостахъ Руси со степняками. Здѣсь сама жизнь вырабатывала въ русскомъ населеніи такіе типы, къ которымъ подходило тюркское названіе богатырей; здѣсь ограждалась Русь заставами «богатырскими» отъ набѣговъ, здѣсь должны были русскіе «храбры» «поляковать» въ чистомъ полѣ, преслѣдуя тюркскихъ наѣздниковъ. И отсюда имя *богатыря* распространилось вмѣстѣ съ пѣснями повсюду на Руси и смѣнило въ пѣсняхъ болѣе ранняго періода древнее славянское названіе *храбра* и норманское *витязя*, такъ что *богатыремъ* сталъ зваться и Добрыня Никитичъ, наслѣдованный эпосомъ еще отъ временъ Владиміра Святаго, и вообще всѣ личности, которымъ приписывались подвиги силы и храбрости. Съ теченіемъ вѣковъ тюркское слово богатырь обрусѣло окончательно, такъ же, какъ, напримѣръ, германское слово *князь*, и проникло всюду, гдѣ слышалась русская рѣчь. Оно равно прилагалось и къ героямъ историческихъ пѣсенъ, и къ идеальнымъ эпическимъ личностямъ, воспринявшимъ историческую окраску (вродѣ Ильи Муромца), и къ героямъ фантастическихъ сказокъ. Но остатки новгородскаго эпоса показываютъ, что въ «старинахъ» русскаго населенія, удаленнаго отъ степи, дѣйствующія лица не назывались богатырями и не соотвѣтствовали своими признаками этому типу, сложившемуся исторически, какъ результатъ многовѣковаго сосѣдства и борьбы осѣдлаго населенія съ кочевниками.

Такимъ образомъ, въ нашемъ эпосѣ чувствуется соприкосновеніе эпики

---

[1]) *Гильферд.*, столб. 292.

[2]) Наприм., сердце богатырское. *Гильферд.*, №№ 30, 54, 286, сила богатырская, № 284, плеча богатырскія, № 103.

[3]) Наприм., *Рыбн.* I, стр. 338, или III, стр. 235, гдѣ у *мужиковъ* новгородскихъ идетъ пиръ на многихъ князей, бояръ, русскихъ могучихъ богатырей.

[4]) *Наприм.*, *Рыбн.* I, стр. 355: „Какъ началъ (Василій) мужиковъ охаживать: куда *махнетъ, туда улица, перемахнетъ*—переулочекъ“.

осѣдлаго населенія съ эпикой кочевниковъ,—соприкосновеніе, вполнѣ соотвѣтствующее географическимъ и историческимъ условіямъ, среди которыхъ онъ развивался.

Если роль тюркскихъ кочевниковъ, особенно половцевъ, а затѣмъ татаръ, во внесеніи въ нашъ эпосъ восточныхъ сказочныхъ сюжетовъ, своихъ или чужихъ, и не можетъ быть констатирована такъ же наглядно и осязательно, какъ ихъ вліяніе на нѣкоторые эпическіе пріемы и loci communes, то все же есть достаточное основаніе предполагать, что чрезъ тюркскую среду могли заходить въ нашъ эпосъ наиболѣе популярные восточные сюжеты, напримѣръ, эпизоды изъ *Рустеміады*. Мы знаемъ, что половецкій языкъ и половецкія пѣсни были въ ходу на Руси въ XII—XIII в. Что же мудренаго, если половцы, проникнутые, судя по даннымъ языка, вліяніемъ персидской культуры, заимствовали нѣкоторые сюжеты изъ популярнѣйшаго на всемъ Востокѣ иранскаго эпоса, придали имъ свою, степную окраску и затѣмъ передали ихъ далѣе на сѣверъ и западъ своимъ русскимъ сосѣдямъ? Такую передачу мы предположили въ нѣкоторыхъ сюжетахъ, связанныхъ у насъ съ именемъ Ильи, напримѣръ, сюжеты о боѣ отца съ сыномъ, о первой поѣздкѣ Ильи къ князю Владиміру и нѣкоторые другіе, и даже, хотя съ большимъ рискомъ, выдвинули гипотезу, не вошла ли и сама идеальная личность «стараго казака» въ нашъ эпосъ съ Востока, чрезъ тюркскую среду, какъ перелицовка иранскаго Рустема? Вспомнимъ всѣ приведенныя выше многочисленныя аналогіи въ обоихъ типахъ, *неисторическое* происхожденіе Ильи, ставящее его особнякомъ отъ многихъ другихъ богатырей, носящихъ историческія имена, ближайшее отношеніе Ильи къ степи и къ борьбѣ съ восточными насильниками, неуживчивость его съ древнею центральною фигурой эпоса, съ княземъ Владиміромъ, вспомнимъ далѣе перенесеніе несимпатическихъ свойствъ восточнаго сказочнаго царя или хана на кіевскаго князя, и, быть можетъ, эта гипотеза не покажется слишкомъ произвольна. Конечно, возраженіемъ противъ нея не можетъ быть выставлено то, что Илья Муромецъ есть вполнѣ національный богатырь, историческій идеалъ русскаго народа. Всякій, кто нѣсколько знакомъ съ исторіей культуры, хорошо знаетъ, что многое, признаваемое *національнымъ*, вовсе не предполагаетъ туземности своего происхожденія или изобрѣтенія, что народъ, подобно древне-русскимъ князьямъ, говоритъ: «се мое и се мое же», если *чужое* стало для него роднымъ, и что, по справедливому замѣчанію акад. Веселовскаго, «*народный* эпосъ всякаго *историческаго* народа по необходимости *международный*» [1]).

Однако же, стоять за эту гипотезу мы не станемъ, не отдавая ей преимущества передъ другой, что на русскаго туземнаго богатыря лишь налегли нѣкоторыя, указанныя выше, черты иранскаго Рустема, и предоставляя дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ рѣшить, которая изъ обѣихъ гипотезъ удовлетворительнѣе. Теперь же снова возвращаемся къ Ильѣ и остановимся на его весьма частомъ названіи «стараго казака».

---

[1]) *Южно-русскія былины*, XI, стр. 401.

Чтобы дать себѣ отчетъ, насколько распространено въ былинахъ это названіе сравнительно съ другими (богатырь, удалой добрый молодецъ, государь нашъ батюшка, сынъ Ивановичъ), мы сосчитали всѣ упоминанія Ильи во всѣхъ сборникахъ и получили слѣдующія цифры: изъ 201 былины Илья называется *казакомъ* въ 132 и другими эпитетами въ 69, т.-е. Илья почти *вдвое* чаще называется казакомъ, чѣмъ иначе. Эпитетъ *казака* сопровождаетъ его имя въ огромномъ большинствѣ былинъ сѣверныхъ—олонецкихъ, архангельскихъ (въ 113 изъ 132), слѣдовательно, въ былинахъ такихъ мѣстностей Россіи, которыя не знали никогда казачества. Изъ 14 былинъ симбирскихъ и саратовскихъ лишь въ половинѣ (7) Илья называется казакомъ, въ другой же половинѣ носитъ другіе эпитеты. Спрашивается теперь, когда, въ какой періодъ нашего эпоса прикрѣпился къ Ильѣ эпитетъ стараго казака?

По представленію покойнаго О. Миллера, нужно думать, что сначала Илья былъ муромскимъ крестьяниномъ, а затѣмъ сталъ казакомъ. «Когда съ теченіемъ времени,—говоритъ онъ,—подъ вліяніемъ казацкой *великорусской* среды, въ завѣдываніе которой поступилъ нашъ эпосъ, муромскій богатырь получилъ прозваніе «стараго казака», то, при безсословности этой среды, ничто не помѣшало ему сохранить и тутъ свое значеніе главы богатырской дружины, т.-е., по казацкой терминологіи, ея атамана» [1]). Упомянувъ о наслоеніяхъ, отложившихся въ нашемъ эпосѣ, тотъ же изслѣдователь говоритъ: «Но всѣ эти наслоенія налегли, такъ сказать, не густо, а если отпечатокъ поры по-татарской и сказался со значительною силой, то развѣ въ томъ, что̀ налегло на основное ядро былеваго эпоса со времени перехода его, такъ сказать, къ гулящей, стремившейся на окраины части населенія Московской Руси, той части, которая на оффиціальномъ ея языкѣ называлась даже *воровскою*. Недаромъ первенствующій богатырь величается *старымъ казакомъ*, а какъ глава богатырской дружины—*атаманомъ*. По всей вѣроятности, занимающія довольно видное мѣсто въ былинахъ *голи кабацкія*, защитникомъ которыхъ выступаетъ любимый богатырь народный, прямо выражаютъ собою *голытьбу-вольницу*, постоянно отливавшую отъ Московщины на Волгу, на Донъ, на Уралъ и, наконецъ, махнувшую въ Сибирь, съ Ермакомъ, который не даромъ же замѣшался въ богатырскій эпосъ, сдѣлавшись въ немъ изъ младшаго (со времени своего поступленія въ его герои) молоденькимъ богатыремъ (двѣнадцатилѣткомъ), а при этомъ и племянникомъ все того же безсмѣннаго Владиміра стольно-кіевскаго. Отпечатокъ казацкой великорусской вольницы такъ очевиденъ въ былинахъ, что нѣкоторые имъ и объясняютъ тотъ независимый духъ былеваго нашего эпоса, который у другихъ объясняется, главнымъ образомъ, первоначальною принадлежностью его Руси Кіевской съ ея, такъ ярко отразившеюся и въ лѣтописи, вѣчевою жизнью» [2]).

---

[1]) *Галаховъ*, I, стр. 72.
[2]) *Галаховъ, стр. 23.*

Дѣйствительно, можно вполнѣ согласиться съ покойнымъ изслѣдователемъ въ томъ, что отпечатокъ великорусской вольницы и казатчины по-татарскаго періода очевиденъ въ нашемъ эпосѣ. Но вопросъ можетъ быть относительно хронологіи типа стараго казака Ильи Муромца. Сложилось ли представленіе о немъ, какъ о казакѣ, и получилъ онъ имя казака только уже въ московскомъ періодѣ, какъ наслоеніе XV, XVI вѣковъ, или и типъ, и имя восходятъ въ болѣе древній періодъ? Другими словами, былъ ли крестьянскій сынъ изъ Муромской области лишь впослѣдствіи возведенъ въ казаки, когда нашъ эпосъ, по выраженію О. Миллера, поступилъ въ завѣдываніе великорусской казацкой среды? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, не лишне навести нѣкоторыя историческія справки о происхожденіи того класса русскаго населенія, который усвоилъ себѣ восточное названіе *казаковъ*.

Казаки являются, несомнѣнно, продуктомъ многовѣковаго столкновенія осѣдлаго русскаго населенія со степными кочевниками на окраинахъ Руси. Казаки — это земледѣльцы-воины, которые, находясь въ постоянномъ сосѣдствѣ съ кочевниками, должны были соединять, въ силу историческихъ обстоятельствъ, свои мирныя занятія земледѣліемъ съ военнымъ дѣломъ, организовать свою жизнь такъ, чтобы всегда быть готовыми смѣнить соху на оружіе и на конѣ отражать нападенія степняковъ и преслѣдовать ихъ въ степи.

Вся исторія нашихъ окраинныхъ областей уже съ древнѣйшихъ временъ вела къ тому, чтобы типъ казака выработался весьма рано. Если наши лѣтописи, вообще мало знающія о судьбахъ восточнаго окраиннаго населенія Руси, не уловили послѣдовательнаго вѣкового образованія этого типа, если извѣстія о казакахъ всплываютъ въ нихъ весьма поздно—въ концѣ XV и началѣ XVI в. [1]), то, конечно, нельзя допустить, что казачество сложилось только къ этому времени. И дѣйствительно, наши историки склонны возводить генезисъ позднѣйшихъ казаковъ еще къ дотатарскому періоду. Они представляютъ его себѣ какъ слѣдствіе того историческаго явленія, что русское (сѣверянское) населеніе, еще въ хазарскій періодъ колонизировавшее Донъ, Донецъ и отчасти побережье Азовскаго моря, должно было при наводненіи степи половцами постепенно отступать въ болѣе безопасныя мѣста. «Оно сохранялось (впослѣдствіи) въ отдѣльныхъ укрѣпленныхъ поселеніяхъ въ области между рр. Ворсклой и Сулой; затѣмъ, вытѣсняемое все далѣе и далѣе, оно уже въ XI в. задерживалось лишь по городкамъ у низовьевъ Супоя, Сулы, а въ концѣ XII в. ту же участь испытало и населеніе Посулья, сохранившись въ разбросанныхъ укрѣпленныхъ пунктахъ. Эти оазисы славянскаго населенія въ степяхъ не уничтожились и во время нашествія татаръ, что доказывается сохраненіемъ тѣхъ же названій для поселеній и въ эпоху составленія книги Большаго чертежа. Они дожили до новаго заселенія степей и послужили опло-

[1]) См. *Голубовскій*, стр. 209.

томъ новыхъ переселенцевъ. Предоставленные самимъ себѣ, они были въ постоянной борьбѣ съ половцами, затѣмъ съ татарами. Здѣсь эти жители еще древняго періода, испытывавшіе постоянныя нападенія половцевъ, остались среди степей уже опытными воинами, а въ борьбѣ съ татарами развили еще болѣе свои боевыя способности. Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не покидали занятій своихъ отцовъ и оставались, попрежнему, какъ и въ періодъ дотатарскій, земледѣльцами... *Они составили ядро того, что потомъ явилось въ видѣ казачества* [1]).

Нѣкоторыя историческія свидѣтельства указываютъ на то, что изъ остатковъ славянскаго населенія Подонья, окруженнаго половцами и смѣшавшагося съ ними, выработался этническій типъ будущаго казачества. Татары застали это населеніе въ степяхъ и присоединили его къ своимъ силамъ, повидимому, дорожа услугами людей, хорошо знакомыхъ со степью и бывшихъ въ постоянной борьбѣ съ половцами. Дѣйствительно, въ походахъ татаръ участвовали, по свидѣтельству венгерскихъ миссіонеровъ, въ 1241 г. и какіе-то христіане [2]), что совпадаетъ съ извѣстіями нашей лѣтописи о бродникахъ, принимавшихъ участіе въ Калкской битвѣ на сторонѣ татаръ, со своимъ предводителемъ Плоскыней. Какъ здѣсь православные бродники являются въ союзѣ съ татарами, такъ, по другому, болѣе раннему извѣстію лѣтописи, они, *вмѣстѣ съ половцами*, пришли на помощь въ 1147 г. въ область вятичей къ Святославу Ольговичу, воевавшему съ черниговскими Давидовичами и Изяславомъ кіевскимъ. Въ этихъ русскихъ православныхъ бродникахъ, жившихъ въ значительномъ количествѣ въ восточной части степи, на Подоньи и по берегамъ Азовскаго моря, а также въ лѣтописныхъ берладникахъ, гг. Срезневскій, Голубовскій, Багалѣй, Житецкій видятъ прототипъ вольныхъ общинъ казацкихъ, возводя, такимъ образомъ, начало казачества еще къ дотатарскому періоду [3]). «Послѣднее извѣстіе,—говоритъ г. Голубовскій,—о бродникахъ относится къ 1254 г. Но община, получившая такую извѣстность, какъ бродники, предпринимавшая экскурсіи и въ Венгрію, и въ Византію, сумѣвшая сохраниться до самаго нашествія татаръ, не могла исчезнуть неожиданно... Если мы не знаемъ ничего далѣе о бродникахъ и берладникахъ, то причиной этому хаосъ, поднявшійся на югѣ съ нашествіемъ татаръ, въ силу чего южно-русскія степи сдѣлались надолго terra incognita, «земля незнаема»...

Когда татарское нашествіе смело половцевъ, когда татары заняли южно-русскія степи, тогда эти славянскія общины должны были открыть съ ними борьбу, какъ прежде онѣ вели ее съ половцами. Занявъ малоприступныя мѣста въ устьяхъ Дуная (берладники), Днѣпра, въ бассейнѣ Дона,

---

[1]) *Голубовскій*, стр. 136.

[2]) *Голубовскій*, стр. 195.

[3]) См. *Голубовскій*, стр. 195—211; *Житецкій*, стр. 412, 413, 434; *Багалѣй*, стр. 20; *Срезневскій*: „Русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI — XIV вв.“ въ *Извѣст. Имп. ак. наукъ* по отд. русск. яз. и слов., т. VIII, стр. 319.

они стали защитниками Русской земли. Уже многія черты ихъ быта и нравовъ были оригинальны въ силу тюркской примѣси; теперь продолженіе борьбы должно было продолжать и эту выработку... Они должны были усвоить много тюркскихъ техническихъ названій. Таково слово «казакъ». Не зачѣмъ его искать въ татарскомъ языкѣ, когда это слово чисто-половецкое, когда изъ среды русскихъ были еще въ XI в. люди, постоянно жившіе среди тюрковъ. Это слово значитъ *стражъ*, передовой, ночной и дневной. Такъ могли назваться люди, стоявшіе постоянно на-готовѣ, бывшіе передовыми бойцами [1]).

Прилагая эти соображенія историковъ къ объясненію *типа* и *эпитета* Ильи, мы съ значительною долей вѣроятности можемъ предположить, что типъ національнаго богатыря, какъ оберегателя, стража Русской земли, стоятеля на заставѣ, т.-е. въ сторожевомъ полку, относится уже къ отдаленному времени, во всякомъ случаѣ, къ дотатарскому періоду. Выставленіе заставъ и служба на нихъ при постоянныхъ нападеніяхъ половцевъ, а раньше нихъ печенѣговъ—на поселенія русскія, примыкавшія къ степи, было несомнѣнно явленіемъ дотатарскимъ. По сагѣ объ Олафѣ Тригвасонѣ мы видимъ, что этотъ норманнъ служилъ у Владиміра начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ [2]). И въ *Повѣсти временныхъ лѣтъ* не разъ упоминаются *сторожа* въ томъ же смыслѣ [3]).

Такимъ же оберегателемъ границы государства, какъ мы видѣли, былъ иранскій Рустемъ, предполагаемый прототипъ Ильи. Илья былъ, въ сущности, «казакомъ» въ то время, когда былъ прикрѣпленъ къ Черниговской области и выѣзжалъ еще изъ Морова (Моровска) въ Кіевъ. Другой вопросъ, въ какое время былъ прикрѣпленъ къ этому «казацкому» типу эпитетъ *казака*, въ южно-русскій ли періодъ, или гораздо позже, въ періодъ московскій, когда казачество выступаетъ въ своихъ яркихъ чертахъ и играетъ важную роль въ послѣдовательномъ завоеваніи Россіей востока. Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не въ состояніи дать, но склоняемся болѣе къ предположенію, что *типъ* Ильи не слишкомъ долго оставался безъ соотвѣтствующей клички, и что его эпитетъ «старый казакъ», извѣстный на Руси всюду, гдѣ были записаны былины о немъ, эпитетъ, вышедшій такъ далеко за предѣлы областей, гдѣ развилось казачество, восходитъ къ болѣе отдаленному времени, чѣмъ прикрѣпленіе Ильи къ Мурому и низведеніе его въ крестьянскаго сына изъ села Кара-

---

[1]) *Голубовскій*, стр. 211. Г. Голубовскій указываетъ существованіе въ половецкомъ языкѣ слова *казак* ссылкой на *Codex Comanicus*, p. 118, котораго мы не имѣемъ. Въ словарѣ Радлова (*Das türkische Sprachmaterial des Codex comanicus*), однако, слова *козакъ* съ такимъ значеніемъ нѣтъ. Онъ транскрибируетъ рукописное *cosac* чрезъ кошак и выставляетъ для этого слова значеніе *„тѣніе“*. См. о словѣ *казакъ* *Arch. f. slav. Philologie*, IX, p. 511.

[2]) См. *Майкова*: „О былинахъ Владимірова цикла“, стр. 79, со ссылкой на *Antiquités russes*, т. I, стр. 278.

[3]) *Майковъ*, тамъ же.

чаева. Быть можетъ, нѣкоторымъ косвеннымъ подтвержденіемъ этому предположенію можетъ служить то, что Илья, какъ «старый казакъ», не прикрѣпленъ къ какимъ-нибудь историческимъ казацкимъ общинамъ. Изъ 132 былинъ, въ которыхъ онъ называется «старымъ казакомъ», только въ 7 онъ случайно названъ *донскимъ* казакомъ, хотя приключенія его ничѣмъ не прикрѣплены къ Дону [1]). Отсюда представляется, какъ будто эпитетъ *казака* въ былинахъ носитъ болѣе общій характеръ и не вызываетъ въ народномъ представленіи тѣхъ специфическихъ чертъ, которыми отличаются земледѣльческія историческія казацкія общины. Несмотря на приданное ему крестьянское происхожденіе, Илья не сталъ земледѣльцемъ-воиномъ, каковы наши казаки, но является въ былинахъ въ полномъ смыслѣ «вольнымъ» казакомъ, не прикрѣпленнымъ къ какой-нибудь осѣдлости, а либо полякующимъ въ чистомъ полѣ (степи), либо стоящимъ на заставѣ, либо по временамъ наѣзжающимъ въ Кіевъ. Этимъ складомъ жизни онъ скорѣе напоминаетъ казака въ восточномъ смыслѣ (какъ, наприм., кочевые киргизы сами называютъ себя казаками), чѣмъ русскихъ казаковъ XVI столѣтія. Если пѣсни о немъ попали въ казацкую среду и восприняли нѣкоторыя, впрочемъ, весьма поверхностныя, черты казацкаго войсковаго склада (наприм., самъ Илья сталъ атаманомъ, Добрыня—подъатаманьемъ, Алеша—есауломъ), то это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что личность Ильи особенно полюбилась казакамъ, какъ идеалъ воина-наѣздника, полякующаго на просторѣ степей и вѣчно воюющаго съ басурманами за вѣру христіанскую и православный народъ. Но эти черты Ильи, столь соотвѣтствующія казацкому идеалу, сложились въ немъ раньше, чѣмъ «старины» о немъ проникли въ казацкую среду. Впрочемъ, еслибъ, дѣйствительно, названіе Ильи «старымъ казакомъ» восходило не раньше, какъ къ XV—XVI вв., оно, во всякомъ случаѣ, было «кличкой по шерсти», такъ какъ типъ Ильи еще въ дотатарскій періодъ сложился съ такими чертами, которыя вполнѣ подходили подъ понятіе «казака» и давали ему право получить это прозвище. //

Въ заключеніе этого экскурса считаю не лишнимъ еще разъ повторить, что я не имѣлъ въ виду подробно и детально разсмотрѣть вопросъ о вліяніи тюркскихъ мотивовъ на русскій богатырскій эпосъ. Я затронулъ его лишь съ цѣлью показать, что онъ нуждается въ обстоятельномъ изслѣдованіи, между тѣмъ какъ со времени появленія работы В. В. Стасова, въ теченіе слишкомъ двадцатилѣтія, эта сторона научной разработки нашего эпоса *почти* не была затрогиваема нашими изслѣдователями. Лингвисты указываютъ на множество тюркскихъ (татарскихъ) словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, историки искусства на вліяніе Востока въ русскомъ народномъ орнаментѣ; историки музыки ведутъ изъ Азіи нѣкоторые русскіе музыкальные инструменты; антропологи указываютъ примѣсь тюркской крови

---

[1]) *Рыбник.,* II, № 28, III, № 30; *Кирѣевск.*, I, отд. II, №№ 4, 5; отд. VII, № 1; *Гильфердингъ*, №№ *239* и *240*.

въ типѣ населенія нѣкоторыхъ полосъ Россіи; историки литературы давно отмѣтили множество восточныхъ, странствующихъ сюжетовъ въ нашихъ народныхъ сказкахъ; но почему-то до сихъ поръ возможность восточнаго вліянія на нашъ былевой эпосъ считается сомнительной и въ *Исторіяхъ русской литературы* обходится молчаніемъ. Односторонніе защитники русской самобытности еще уступаютъ историкамъ литературы *сказки* и мирятся съ восточнымъ происхожденіемъ многихъ сказочныхъ сюжетовъ: вѣдь, «*сказка*—складка». Но «*пѣсня*—быль», возражаютъ они, а былое *свое* у каждаго народа. Однако, нельзя забывать, что это «былое» прожилъ русскій народъ въ теченіе многихъ вѣковъ бокъ-о-бокъ съ тюркскими племенами, въ тѣснѣйшихъ сношеніяхъ, военныхъ и мирныхъ, что цѣлыя страницы нашихъ лѣтописей наполнены извѣстіями о восточныхъ кочевникахъ и множество былинъ разсказываютъ о борьбѣ съ татарами, что богатырскій эпосъ возникъ и развился именно въ томъ населеніи Россіи, которое много вѣковъ отстаивало себя отъ набѣговъ кочевниковъ, и что, поэтому, изслѣдователь, ищущій отраженія исторіи въ нашемъ былевомъ творчествѣ, именно въ силу ея указаній долженъ искать въ немъ и слѣдовъ тѣсной связи Руси съ Востокомъ и ознакомиться съ характеромъ и содержаніемъ эпическихъ сказаній нашихъ азіатскихъ сосѣдей.

Впрочемъ, въ послѣднее время стали появляться статьи нашего извѣстнаго путешественника и изслѣдователя Азіи Г. Н. Потанина, посвященныя именно интересующему насъ вопросу объ отношеніи нашихъ былинныхъ сюжетовъ къ восточнымъ народнымъ сказаніямъ. Уважаемый авторъ, отличный знатокъ монгольскихъ и тюркскихъ сказаній, въ одной статьѣ проводитъ параллель между нѣкоторыми русскими былинами (преимущественно о Добрынѣ Никитичѣ) и монгольскимъ сказаніямъ о Гесэръ-Ханѣ, доказывая его происхожденіе изъ тюркской среды [1]), въ другой—разсматриваетъ личность Пилигримища въ былинахъ и сказкахъ въ связи съ однородными восточными мотивами [2]), въ третьей—указываетъ точки соприкосновенія между былиннымъ Ставромъ Годиновичемъ и Гэсэромъ [3]). Въ виду того, что серія статей Г. Н. Потанина, повидимому, далеко не закончена, я до ея завершенія не рѣшусь сказать, насколько убѣдительны и доказательны отдѣльныя сравненія и сопоставленія. Одно для меня несомнѣнно, что работы въ этомъ направленіи должны значительно подвинуть впередъ вопросъ о происхожденіи нѣкоторыхъ былинныхъ сюжетовъ и содѣйствовать установленію болѣе правильнаго взгляда на процессъ нашего былеваго творчества. Особенно важно то, что въ кругъ наблюденій изслѣдователей эпоса вводится масса новаго матеріала, который долженъ расширить ихъ кругозоръ и удержать ихъ отъ *одностороннихъ* соображе-

1) См. *Вѣстникъ Европы* 1890 г. сентябрь. Монгольское сказаніе о Гэсэръ-Ханѣ (къ вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ).

2) *Этнографическое Обозрѣніе*, кн. IX, стр. 74—109.

3) Тамъ же, кн. X, стр. 40—49. Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ.

ній объ оригинальности и самобытности русскаго эпическаго творчества. Конечно, истинная самобытность нашего эпоса не потерпитъ ни малѣйшаго ущерба, сколько бы заимствованныхъ сюжетовъ въ немъ ни указали изслѣдователи. Нужно помнить, что усвоеніе чужого матеріала для народа возможно только подъ условіемъ радикальной его переработки на свой ладъ. Нашъ же народъ имѣлъ уже весьма рано настолько богатый былевой эпосъ, настолько твердые, традиціонные пріемы эпическаго склада, что все чужое, что къ нему проникало, переливалось уже въ готовыя формы народнаго склада, пріобрѣтало печать народности и быстро становилось роднымъ достояніемъ. Эта сила народности настолько ярка въ каждомъ былинномъ стихѣ, настолько сквозитъ въ каждомъ выраженіи, настолько охватываетъ каждаго слушателя и читателя нашихъ былинъ, что не нуждается ни въ многословныхъ разъясненіяхъ тѣхъ лицъ, которыя берутъ себѣ привилегію на какое-то исключительное пониманіе народнаго духа, ни въ защитѣ противъ покушеній тѣхъ изслѣдователей, которые, разсматривая нашъ былевой матеріалъ съ сравнительно-исторической точки зрѣнія и обнаруживая въ немъ нѣкоторыя заимствованія съ востока, юга, запада, яко-бы этимъ умаляютъ значеніе нашего народнаго творчества.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Кавказско-русскія параллели.

Уже не разъ въ литературѣ нашего эпоса были указываемы параллели между нѣкоторыми типами и сюжетами кавказскихъ нартскихъ сказаній и нашихъ былинъ. Авторъ одного изъ послѣднихъ по времени изслѣдованій по русскому эпосу, г. Халанскій, отмѣчая нѣкоторыя подобныя параллели, пытается даже обосновать нѣкоторыми историческими соображеніями спеціальныя черты родства кавказско-русскихъ эпическихъ мотивовъ. „Связи Руси съ Кавказомъ, говоритъ г. Халанскій [1]), во всѣ періоды нашей исторіи были такъ живы и постоянны, что a priori можно было ожидать встрѣчи съ вопросомъ объ отношеніяхъ кавказскихъ народныхъ сказаній къ русскому народному творчеству. Народы, осѣвшіе на этомъ этнографическомъ днѣ великой Европейской равнины, находились въ частомъ и долгомъ общеніи съ югомъ и востокомъ Руси. Непремѣнно должны были отразиться въ народномъ творчествѣ слѣды ихъ вліянія, какъ отразились они въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности. Позднѣе казачество Запорожское и Донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь. Loci communes русскихъ былинъ—шелки *шемаханскіе*, сѣдла *черкасскія*, черкесы *пятигорскіе*, объясняются именно живыми сношеніями съ Кавказомъ".

Оставляя для дальнѣйшаго вопросъ объ историческихъ отношеніяхъ Руси къ Кавказу, затронутый г. Халанскимъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о сѣверо-кавказскихъ эпическихъ сказаніяхъ вообще, и укажемъ, въ какихъ спеціальныхъ мотивахъ они роднятся съ нашимъ эпосомъ. Матеріалы, до сихъ поръ изданные по эпическимъ кавказскимъ сказа-

[1]) Великорусскія былины Кіевскаго цикла, стр. 33.

ніямъ—кабардинскимъ, балкарскимъ, осетинскимъ, чеченскимъ, позволяютъ установить фактъ, что богатырскія сказанія названныхъ сѣверо-кавказскихъ народностей представляютъ собою одинъ эпическій циклъ, который можно назвать сѣверо-кавказскимъ и который нѣкогда сложился въ степяхъ сѣверо-западнаго Кавказа, а впослѣдствіи зашелъ въ горы, гдѣ главнымъ образомъ и сохранился. На плоскостное происхожденіе указываютъ весьма ясно кабардинскія и осетинскія нартскія сказанія. Въ первыхъ нарты совершаютъ набѣги къ рѣкамъ Тану (Дону) и Идылю (Волгѣ) и встрѣчается упоминаніе горы Бештау. Такъ, нартъ Сосруко говоритъ про свои года: „Когда Бештау былъ не больше кочки и чрезъ Идыль шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ [1]". Въ осетинскихъ сказаніяхъ похожденія нартовъ совершаются внѣ предѣловъ нынѣшней Осетіи, въ Касажской (т. е. Черкесской) равнинѣ (Кэсэджи быдыръ), гдѣ нѣкогда жили предки Осетинъ.

Наибольшее число нартскихъ сказаній сохранилось у Кабардинцевъ и Осетинъ. Горскіе Татары, живущіе въ горной, южной Кабардѣ (Урусбіевцы, Чегемцы, Хуламцы, Бизенгійцы и Балкарцы), какъ позднѣйшіе пришельцы, повидимому, заимствовали нѣкоторые типы нартовъ у Кабардинцевъ или нашли ихъ на новой родинѣ, раньше ихъ населенной Осетинами. Что касается Чеченцевъ, то ихъ нартскія сказанія находятся подъ вліяніемъ осетинскихъ, на что можно найти указанія у собирателя ихъ чеченца Чаха Ахріева. Постоянное жительство чеченскихъ *нартовъ*, по его словамъ, есть сосѣдняя съ Чечней Осетія, именно Санибя [2]). Конечно, не смотря на плоскостное происхожденіе сѣверо-кавказскаго эпоса, въ народностяхъ, разсказывающихъ преданія о нартахъ, встрѣчается стремленіе прикрѣпить своихъ героевъ къ родной мѣстности. Такъ, при первомъ знакомствѣ съ осетинскими сказаніями кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетіи: напримѣръ, по дорогѣ изъ восточной Осетіи въ Дигорію, при поворотѣ въ долину Уруха, внизу подъ ауломъ Наръ, мнѣ показывали усыпальницу нарта Сослана, недалеко оттуда-же овальную площадку, обложенную камнями и называемую *нарты ныхас*—нартское сборище. Въ аулѣ Стуръ-Дигорѣ живетъ родъ Хамицайта, производящій себя отъ нарта Хамица; осетинскія святилища—Рекомъ, Мыкалы габыртэ, по сказаніямъ, явились изъ слезъ, пролитыхъ

---

[1]) См. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горцахъ. Вып. V, отд. II, стр. 50. „Изъ кабардинскихъ сказаній".

[2]) *Сб. Св. о К. Горц.* IV, отд. II, стр. 2.

Богомъ надъ трупомъ нарта Батраза; въ нѣкоторыхъ древнихъ кладбищахъ, напримѣръ, близъ аула Дзивгиса въ Куртатинскомъ ущельи, указываютъ могилы нартовъ. Но подобныя, поздніе пріуроченія встрѣчаются у Осетинъ на тѣхъ-же правахъ, какъ у Кабардинцевъ, Чеченцевъ или какъ у нашихъ онежскихъ сказителей. Такъ, въ Кубанской области нѣкоторыя урочища связаны съ именами кабардинскихъ нартовъ. „Мнѣ разсказывали очевидцы,—говоритъ г. Урусбіевъ, [1]) что при впаденіи рѣки Тиберды въ Кубань, близъ Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій названіе „Чуана“. По преданіямъ въ немъ нѣкогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный. Близъ Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко въѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила на камнѣ слѣды своихъ копытъ. Тамъ-же виднѣются слѣды собаки, которая тоже взошла на камень“. По словамъ Чаха Ахріева, мѣстомъ дѣйствія чеченскихъ нартовъ служитъ западная часть территоріи, населенной Чеченцами (ингушами), именно Галгаевское ущелье, по которому протекаетъ рѣка Асса [2]). Это ущелье, посѣщенное мною въ 1886 г., изобилуетъ всякими памятниками старины, развалинами церквей, замковъ, кладбищами и т. п., чѣмъ, конечно, въ связи съ близостью къ Осетіи, объясняется прикрѣпленіе къ нему подвиговъ нартовъ.

Въ настоящее время сѣверо-кавказскія нартскія сказанія уже переживаютъ періодъ вымиранія. У Осетинъ ихъ знаютъ теперь только нѣкоторые старики; молодое-же поколѣніе имѣетъ о нартахъ такое-же смутное понятіе, какъ, напримѣръ, олонецкая крестьянская молодежь о былинныхъ богатыряхъ.

Въ Кабардѣ нартскія сказанія пѣлись въ прежнее время бродячими пѣвцами-поэтами, называвшимися гегуако, которые разъѣзжали по всей Кабардѣ исключительно съ цѣлью присутствовать на народныхъ собраніяхъ, увеселеніяхъ, погребальныхъ и иныхъ процессіяхъ, гдѣ и пѣли свои пѣсни о минувшихъ временахъ. Но съ распространеніемъ магометанской религіи гегуако впадаютъ въ немилость у муллъ, какъ ихъ соперники по вліянію на народъ, и съ теченіемъ времени исчезаютъ. Есть поэтому полное основаніе думать, что извѣстныя намъ кабардинскія горско-татарскія, осетинскія и чеченскія сказанія представляютъ лишь скудный остатокъ болѣе полнаго и богатаго цикла.

---

[1]) См. Сбор. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 1. Отд. II, стр. III.

[2]) Сб. Св. о К. Горц. IV. Отд. II, стр. 2.

Въ настоящее время циклъ нартскихъ сказаній далеко не богатъ содержаніемъ. Главные мотивы, варьирующіеся въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ, слѣдующіе:

1. Враждебныя встрѣчи богатырей съ великанами (кабард. эмегенами, осет. ойгутами, чечен. орхустойцами). Въ сказаніяхъ проходитъ та мысль, что раньше поколѣнія *нартовъ* на землѣ жили великаны, отличавшіеся непомѣрной силой, но вмѣстѣ и глупостью. Между нартами и великанами велась постоянная борьба, въ которой, благодаря своему умственному превосходству, нарты всегда оставались побѣдителями [1].

2. Поѣздки съ цѣлью набѣговъ для угона скота, причемъ нарты возвращались съ богатой добычей, обыкновенно благодаря одиночному подвигу одного изъ нихъ, самаго молодого. Такія поѣздки до послѣдняго времени, какъ извѣстно, составляли бытовую черту сѣверо-кавказскихъ племенъ.

3. Пиры въ свободное отъ набѣговъ время, у кабардинцевъ въ домѣ Алиговыхъ, у осетинъ въ домѣ Бораевыхъ, Алагаевыхъ, причемъ на пиру нарты хвастаются своими подвигами, состязаются въ пляскѣ и играхъ. Нерѣдко игры кончаются ссорой и борьбой, что также представляетъ бытовую черту.

4. Кровная месть обыкновенно за убитаго отца. Сильнѣйшій изъ нартовъ (Батразъ) жестоко мститъ убійцѣ и всѣмъ его одноаульцамъ, причемъ месть за отца переходитъ въ борьбу одного противъ всѣхъ.

5. Чудесное рожденіе нѣкоторыхъ нартовъ, напримѣръ Батраза изъ нароста, образовавшагося на спинѣ его отца отъ плевка уходящей отъ мужа жены; Сосруко — изъ камня, богатырской жены Сатàны отъ мертвой матери.

Въ соотвѣтствіи съ политическими обстоятельствами, не выработавшими среди сѣверо-кавказскихъ народностей центральной государственной власти, и эпосъ не имѣетъ такого центра, хотя въ немъ и проявляются попытки сводить нартовъ на пиру въ наиболѣе выдающихся семьяхъ. Въ одномъ кабардинскомъ сказаніи (о Иши Бадиноко) упоминается какой то князь-дѣдушка или господинъ дѣдушка во главѣ нартовъ, которые пируютъ, имѣя его во главѣ, и Сосрыко на посылкахъ. Издатель этого сказанія предполагаетъ, что князь-дѣдушка вѣроятно старѣйшій нартъ, проживавшій въ томъ

[1]) См. Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, I. Отд. II, стр. 11. *Сбор. свѣд. о Кавк.* Горцахъ. V. Отд. II, стр. 48.

аулѣ [1]). Но никакихъ другихъ указаній на эту личность въ кабардинскомъ эпосѣ не встрѣчается.

Какъ въ нашъ эпосъ богатырскій были вовлечены съ теченіемъ времени отдѣльные сказочные сюжеты и прикрѣплены къ похожденіямъ того или другого богатыря, такъ было и въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ. Особенно сильное вліяніе оказали на осетинскій эпосъ нѣкоторые иранскіе сюжеты (Рустемъ, Бежанъ) и грузинскія сказанія о Дареджановыхъ, вѣроятно, также иранскаго происхожденія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ мотивовъ кавказскихъ эпическихъ сказаній, представляющихъ параллели или аналогіи нашимъ былиннымъ.

I.

Въ нашемъ эпосѣ личность Святогора, иногда смѣшивающаяся съ Самсономъ, представляетъ unicum. Какъ извѣстно, покойный К. Аксаковъ въ этомъ вымирающемъ старшемъ богатырѣ видѣлъ послѣдняго представителя поколѣнія титановъ русской миѳологіи. Однако дальнѣйшія изслѣдованія, главнымъ образомъ акад. А. Н. Веселовскаго [2]), указали въ сказаніяхъ о немъ такъ много элементовъ книжныхъ и сказочныхъ, что въ настоящее время уже едва ли кто нибудь рѣшится отыскивать въ Святогорѣ какіе нибудь миѳологическіе элементы. Слагается даже убѣжденіе, что типъ этого богатыря возникъ не на русской почвѣ, а попалъ на нее изъ другихъ мѣстъ и только отчасти вошелъ въ кругъ русскихъ богатырей, хотя все же стоитъ къ нимъ нѣсколько особнякомъ:

„Не ѣзжалъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля“ [3]).

Уже г. Халанскій указалъ на то, что „для сравненія съ русскими сказаніями о Святогорѣ... представляютъ интересъ кавказскія сказанія о столкновеніяхъ нартовъ съ великанами [4]), и отмѣтилъ нѣкоторыя черты сходства между осетинскимъ Муккарой и Святогоромъ. Муккара напоминаетъ послѣдняго своей величиной, силой и неуязвимостью. Какъ Святогоръ находится въ связи съ *горами*, такъ Муккара называется *кня-*

---

1) Сб. св. о Кав. Горц. V. Отд. II, стр. 63.

2) Журн. М. Н. Пр. 1884. Іюнь.—Зап. И. Акад. наукъ, т. 34, кн. I прилож. 1879.

3) Гильфердингъ, № I, стр. 7.

4) Великор. былины Кіевск. цикла, стр. 184.

земв скалв. Въ одномъ сказаніи осетинскомъ [1]) о Сосрыко когда этотъ нартъ бросился съ мечемъ на замороженнаго въ морѣ великана, послѣдній, дунувъ, отбросилъ его на полдневный путь назадъ. Какъ на крыльяхъ прилетѣлъ вновь Сосрыко, и когда, вынувъ мечъ, онъ подъѣхалъ снимать голову великану, тотъ сказалъ: „еслибы я не былъ глупый великанъ, какъ было мнѣ не догадаться по двумъ твоимъ колѣнямъ, что ты Сосрыко". Приведя этотъ эпизодъ, г. Халанскій припоминаетъ, что и Святогоръ хотѣлъ дохнуть мертвымъ духомъ на братца названнаго (Илью), и послѣднему достался мечъ-кладенецъ Святогора, какъ нарту Сосрыко чудный кинжалъ Муккары [2])". Съ своей стороны замѣтимъ, что „богатырское дуновеніе" вродѣ „мертваго духа" Святогора встрѣчается и въ другихъ кавказскихъ сказаніяхъ. Такъ въ осетинскомъ сказаніи о Батразѣ разсказывается, что когда этотъ насильникъ былъ сраженъ *бдсаговымв* колосомъ, по повелѣнію Бога, за то, что онъ бился противъ небесныхъ духовъ (уастырджіевъ и уацилловъ), то ангелы снесли его тѣло въ софійскій склепъ. Когда его положили туда, онъ пустилъ на ангеловъ свой духъ и шестьдесятъ изъ нихъ пали [3]). Здѣсь мы находимъ черту, извѣстную изъ нашихъ былинъ— наказаніе божеское богатырей за борьбу съ силой нездѣшней, а насильникъ Батразъ, испускающій изъ гроба мертвый духъ, спеціально напоминаетъ Святогора. Другая черта Святогора— погрязаніе въ землѣ за похвалу перевернуть всю землю, находитъ себѣ аналогію въ грузинскомъ сказаніи объ Амиранѣ, который за свои насилія и гордость по волѣ Божьей также погрязаетъ въ землю [4]).

Въ нашихъ былинахъ мы не находимъ мотива о настоящемъ боѣ между представителемъ младшихъ богатырей и великаномъ Святогоромъ. При несоразмѣрности ихъ силъ удары Ильи кажутся Святогору уколами комара и кончаются тѣмъ, что великанъ засаживаетъ Илью въ глубокъ карманъ [5]). Напротивъ, есть намеки на дружелюбныя ихъ отношенія. Святогоръ назвалъ Илью меньшимъ братомъ и выучилъ его „всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ" [6]). Но все же встрѣча Ильи со Святогоромъ не проходитъ для послѣдняго благополучно: въ одной былинѣ разсказывается о связи

---

1) Сбор. Св. о К. Г. У. Отд. II, стр. 53—56.
2) Назв. соч., стр. 186.
3) Осет. Этюды. I, стр. 25.
4) Груз. газета «Иверія», 1887, № 145.
5) Гильферд. №№ 265, 270, 273.
6) *Рыбн.* I, стр. 40.

Ильи съ женой Святогора, въ другой—о смерти его въ присутствіи Ильи (эпизодъ съ гробомъ). Въ кавказскихъ сказаніяхъ встрѣчи нартовъ съ великанами обыкновенно враждебны и кончаются смертью послѣднихъ, причемъ встрѣчается и мотивъ овладѣнія богатыремъ женою великана. Г. Халанскій отмѣтилъ его въ осетинскомъ сказаніи о состязаніи нарта Сосрыко съ великаномъ Муккарой, кончающемся тѣмъ, что Сосрыко обманнымъ образомъ убиваетъ Муккару и беретъ за себя его красавицу жену [1]). Весьма близкую параллель этому мотиву, а также связи Ильи со Святогоровой женой, представляетъ пшавское сказаніе о Ростомѣ, сообщенное въ газетѣ „Иверія" (1889, № 82). Ростомъ присутствуетъ при боѣ чернаго гиганта съ краснымъ изъ-за красавицы и остается у побѣдителя — чернаго—въ качествѣ слуги (=Святогоръ и меньшій братъ Илья). Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкравшись къ нему во время сна [2]), онъ пытался отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не могъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ *своимъ* кинжаломъ отрубилъ обѣ ноги великана, затѣмъ убилъ его и взялъ себѣ его красавицу, отъ которой и родился у него сынъ Зорабъ [3]). Въ имеретинскомъ варіантѣ того же сюжета, Ростомела помогаетъ девятиголовому деви отнять жену, похищенную у него 12 тиголовымъ деви. „Ростомела, какъ вихрь, понесся къ послѣднему, бросилъ въ него копьемъ, и деви упалъ на землю мертвымъ; моментально онъ подскочилъ къ нему, отрѣзалъ ему головы, а жену повелъ къ мужу. Но она оказалась такою красавицей, что Ростомела убилъ и девятиголоваго деви, а самъ сдѣлалъ ее своей женою". (Отъ нея у него родился сынъ Абрамела—Зорабъ [4]).

Такимъ образомъ, восточный сказочный мотивъ, наслоившійся на Святогора и Илью въ эпизодѣ о связи Ильи съ его женою [5]), наслоился и на предполагаемый нами прототипъ

---

1) Назв. соч., стр. 185.

2) Этногр. Обозрѣніе. Кн. II, стр. 13. «Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ».

3) Вспомнимъ, что Илья во время сна Святогора дѣлаетъ дѣло повелѣнное его женой,—а также ту черту, что Илья, намѣреваясь по просьбѣ Святогора ударить Святогоровымъ мечемъ по крышкѣ его гроба, не былъ *въ состояніи* его даже поднять, пока Святогоръ не вдохнулъ въ него часть своей силы (Рыбн. I. стр. 42).

4) Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. IX, Отд. II, стр. 168.

5) См. ст. *А. Н. Весселовскаго.* Филологич. Записки, 1876 г. Вып. VI, стр. 1—12.

Ильи, на кавказскаго Ростома, хотя въ иранскомъ эпосѣ мы не знаемъ *такого* похожденія Рустема. Едва ли такое совпаденіе игра случая.

Такой же восточный сказочный сюжетъ находимъ въ *побывальщинѣ* о женитьбѣ Святогора, и снова на Кавказѣ въ татарской сказкѣ «Отъ судьбы не уйдешь» [1]), открывается самый близкій по деталямъ къ нашему изводъ этого сказанія. Въ виду того, что я посвятилъ этой параллели отдѣльную замѣтку [2]), я напомню здѣсь только въ краткихъ чертахъ содержаніе кавказской сказки и отмѣчу детали, совпадающія въ ней съ русской побывальщиной.

Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу, и что то по временамъ записывавшаго тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненіе его занятія. Тотъ долго отказывался и наконецъ сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбы каждаго человѣка. На вопросъ царевича о предстоящей ему судьбѣ, старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что царевичу суждено жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ къ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя ночевать. „Если не побрезгуетъ твоя милость“,—сказалъ онъ,—«то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спитъ только моя больная дочь».—«Больная дочь?» спросилъ царевичъ,—«а кто же ты самъ?»—«Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ, мой милостивый ага». Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка — предназначенная ему невѣста, и рѣшился ее погубить. Онъ легъ ночевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женой спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись, что хозяева спятъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кинжаломъ въ животъ. Она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здоровой. Оказалось, что ударъ кинжаломъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ

---

1) Сб. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. VI. отд. II. Сказки закавказ. Татаръ, № 2.

2) См. Ж. М. Н. Пр. 1889, часть CCLIX, отд. 2, стр. 337—341.

купили себѣ домъ на деньги, оставленныя царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательною красавицей. Однажды царевичъ увидалъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего дозволить на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошла въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокій шрамъ и сказали царевичу. Онъ разспросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить. [1]

Приведенная сказка какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ деталяхъ, близко напоминаетъ побывальщину о женитьбѣ богатыря Святогора, записанную Рыбниковымъ (I, стр. 40—41). Желая узнать свою судьбу, Святогоръ, по совѣту Микулы, ѣдетъ къ «Сиверныимъ» горамъ и пріѣзжаетъ къ кузницѣ, гдѣ кузнецъ куетъ два тонкихъ волоса. „Говоритъ богатырь таковы слова: А что ты куешь, кузнецъ? Отвѣчаетъ кузнецъ: я кую судьбину, кому на комъ жениться.—А мнѣ на комъ жениться?—Твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. Стоитъ богатырь, пораздумался: дай-ка я пойду въ тое царство Поморское и убью тую невѣсту. Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней—точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ-богатырь пятьсотъ рублей и положилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечъ и билъ ее мечомъ по бѣлой груди, а затѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги начала она торговать и нажила безсчетну золоту казну, строила кораблики червленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну, по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про ея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ-богатырь посмотрѣть на красавицу; полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней богатырь, увидѣлъ онъ рубчикъ на ея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди? Отвѣчала ему жена: въ наше царство Поморское пріѣзжалъ невѣмъ человѣкъ, оставилъ

---

[1]) Срв. легенду терск. казак. въ «Эти. Об.», кн. VIII, стр. 135—136 и 280.

въ нашей избѣ денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась, у меня рубецъ на бѣлой груди и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. Тутъ Святогоръ богатырь дознаљ, что отъ судьбины своей никуда не уѣдешь". Въ виду смѣшенія въ нашихъ былинахъ личностей Святогора и Самсона, и послѣднему богатырю приписываетъ одна побывальщина женитьбу въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки Калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ. [1])

Разсматривая записанную Рыбниковымъ побывальщину, мы замѣчаемъ, что она сохраняетъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ еще яркіе слѣды своего предшествующаго состоянія, то-есть былины. Таковы: Сиверныя горы, Святыя горы, Поморское царство и друг. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуется, что эта былина еще раньше, прежде чѣмъ сложилась въ былинный размѣръ, была сказкой, только случайно прикрѣпившеюся къ личности Святогора или Самсона. Притомъ нельзя не замѣтить, что эта сказка, перейдя въ былину, утратила значительную долю логичности и осмысленности въ деталяхъ, именно вслѣдствіе того, что въ нее вторгнулись некстати реминисценціи изъ другихъ былинъ, связанныхъ съ именемъ Святогора и Самсона. Къ такимъ былиннымъ отголоскамъ, внесшимъ въ сказку запутанность и неосмысленность, нужно отнести, напримѣръ, кузнеца, кующаго два тонкіе волоса, о которыхъ далѣе въ побывальщинѣ нѣтъ никакого упоминанія [2]), и Святыя горы, находящіяся съ связи съ именемъ богатыря Святогора. Страннымъ и не мотивированнымъ представляется также оставленіе Святогоромъ 500 рублей у дѣвушки, которую онъ убиваетъ, между тѣмъ какъ тотъ же мотивъ является вполнѣ умѣстнымъ въ татарской сказкѣ, такъ какъ мѣшокъ съ деньгами, оставленный царевичемъ, долженъ служить вознагражденіемъ родителямъ дѣвушки, оказавшимъ царевичу гостепріимство, за которое онъ отплатилъ имъ убійствомъ ихъ больной дочери. Вѣроятно, въ какомъ-нибудь другомъ изводѣ русской побывальщины была подробность, болѣе близкая къ татарской сказкѣ, то-есть упоминались родители Святогоровой суженой; по крайней мѣрѣ въ побывальщинѣ о женитьбѣ Самсона упоминается отецъ больной дѣвушки, какой-то Лука Калѣка, который, вѣроятно, по логикѣ сказки (въ какомъ-нибудь изводѣ) получалъ деньги,

---

[1]) Рыбниковъ, III, 3.

[2]) Эти два волоса, вѣроятно, реминисценція тѣхъ золотыхъ волосъ, отъ *которыхъ зависѣла сила* Самсона.

оставленныя богатыремъ и послужившія затѣмъ къ обогащенію исцѣленной дочери.

Наши изслѣдователи былинъ указали въ нѣкоторыхъ сказкахъ мотивы и отдѣльныя черты, напоминающія побывальщину о женитьбѣ Святогора [1]). Изъ указанныхъ ими сказокъ только одна дѣйствительно напоминаетъ побывальщину. Это пермская сказка о невѣстѣ-горбуньѣ, напечатанная въ Пермскомъ Сборникѣ [2]). Но эта сказка значительно подновлена въ подробностяхъ и, какъ уже сказалъ г. Ждановъ, въ ней умалчивается о многомъ такомъ, о чемъ разсказываетъ побывальщина: поѣздка куда-то далеко, сонъ суженой, деньги, оставляемыя богатыремъ [3]). Притомъ, вмѣсто одной встрѣчи, въ сказкѣ упоминаются двѣ встрѣчи юноши съ суженой: въ церкви и въ богадѣльнѣ. Такимъ образомъ пермскую сказку нельзя и сравнивать съ кавказскою по отношенію близости той и другой къ побывальщинѣ о женитьбѣ Святогора-Самсона. Кавказская сказка содержитъ всѣ главныя и существенныя черты побывальщины и притомъ съ болѣе осмысленною мотивировкой.

Къ какому-же заключенію можно прійти, сравнивая нашу побывальщину съ кавказскою сказкой? Мы склонны думать, что та и другая восходятъ къ одному оригиналу, который возникъ, во всякомъ случаѣ, не въ Россіи, а зашелъ въ нее съ востока, вѣроятно, путемъ сѣвернаго Кавказа. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такой-же примѣръ вторженія восточной сказки въ русскую былину и пріуроченія сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря, какой уже давно ука-

---

1) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, 239, примѣч. 146. *И. Ждановъ*. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 140 и слѣд. *А. Н. Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII, вып. V, стр. 203 и слѣд.

2) Искалъ одинъ человѣкъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: чего ты ищешь? — Невѣсту. Взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и указалъ на горбатую нищую: «вотъ твоя, говоритъ, судьба: не обойдешь, не объѣдешь»... Постой же, думаетъ мужикъ, я засѣку нищую. Нищта эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ, онъ ночью пріѣхалъ туда, выкликалъ горбунью, хватилъ ее тесакомъ и самъ ушелъ скоро. Думатъ дорогой: засѣкъ теперь нищую, вотъ и судьба моя!» Однако, горбунья отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному офицеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли къ баню, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, разспросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить. См. Пермскій Сборникъ, кн. II, отд. 2, стр. 166.

3) Ждановъ, назв. соч., 143.

занъ въ другомъ разсказѣ о томъ-же Святогорѣ и его невѣрной женѣ, которую онъ носитъ въ хрустальномъ ларцѣ [1]).

Въ заключеніе, чтобъ не возвращаться къ Святогору, напомню, что хотя изслѣдованія А. Н. Веселовскаго указали на книжность мотива о „тягѣ“ земной, которую, по невѣдѣнію, старается приподнять Святогоръ, но тотъ-же изслѣдователь отмѣтилъ также кавказскія параллели нашей сумочки переметной въ сумочкѣ, встрѣченной на дорогѣ нартомъ Сосланомъ, [2]) и мѣшкѣ съ тяжестью всей земли, который пытался поднять осетинскій насильникъ Батразъ [3]).

Замѣтимъ также, что кавказскіе великаны засаживаютъ, подобно нашему Святогору, людей въ карманъ, въ сумку, даже въ дупло зуба. Такъ, чеченскій богатырь Говда, убѣгая отъ людоѣдовъ, встрѣчаетъ слѣпого великана и проситъ у него защиты. Тотъ сжалился надъ нимъ и сунулъ его себѣ въ карманъ съ конемъ и оружіемъ [4]). Мингрельскій великанъ Кажи, посадившій двухъ другихъ великановъ въ карманъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ болѣе сильнаго *лѣсного* великана (Ндіи) и на дорогѣ увидѣлъ великана-пахаря, который, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ буйволовъ, пахалъ землю. Кажи попросилъ его спасти отъ Ндіи. Тогда земледѣлецъ, напоминающій нашего Микулу-Селяниновича, положилъ его въ сумку, изъ которой доставалъ сѣмя [5]). Кавказскіе великаны нерѣдко представляются *слѣпыми*, что напоминаетъ *темнаго* (т. е. слѣпаго) отца Святогора [6]).

Въ Далевскихъ отмѣткахъ изъ народныхъ преданій объ Ильѣ Муромцѣ мы находимъ глухое указаніе на какую-то встрѣчу Ильи съ богатырскимъ костякомъ. „Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что разщепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенки ножевые, Илья наѣхалъ на остовъ, костякъ богатырской, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который гдѣ-то и теперь стоитъ“ [7]). Неизвѣстно, была-ли эта встрѣча Ильи обработана въ какой-нибудь недошедшей до насъ былинѣ, неизвѣстно, почему Илья счелъ долгомъ

---

1) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, стр. 166, примѣч. 5. *Вс. Миллеръ*. Отчетъ Московскаго университета за 1875 г. *А. Н. Веселовскій*. Филологич. Записки 1876 г., вып. 6. *Rambaud*. La Russie épique, pp. 49—50.

2) Слово о двѣнадцати снахъ Шахаиши, стр. 42.

3) См. Сбор. свѣд. о Кавказѣ. I, стр. 169, ст. Пфафа. Ср. также *Жданова* Къ литерат. исторіи, стр. 97, 98 и 129.

4) *Н. Семеновъ*. Сказки и легенды Чеченцевъ, стр. 4.

5) Сбор. Матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. Вып. X, отд. III, стр. 34 «Мингрельскія сказки».

6) *Рыбниковъ*, III, 6.

7) *Кирѣевск., I. прилож.*, стр. XXXIII.

предать честному погребенію исполинскій остовъ (хотя слѣдуетъ думать, что не безъ основанія), но во всякомъ случаѣ указанный мотивъ весьма древенъ и едва-ли случайно прикрѣпленъ къ Ильѣ. Вспомнимъ, что тотъ-же Илья, по былинамъ, участвуетъ въ смерти великана Святогора и, такъ сказать, укладываетъ его въ гробъ. Съ другой стороны древность мотива подтверждается тѣмъ, что въ сказкѣ о Еруланѣ Лазаревичѣ, имѣющей несомнѣнное отношеніе къ былинной исторіи Ильи, этому мотиву соотвѣтствуетъ встрѣча Еруслана съ исполинской головой, которая оказываетъ ему содѣйствіе въ его дальнѣйшихъ подвигахъ [1]. Мотивъ встрѣчи богатырей съ исполинскимъ костякомъ очень распространенъ въ кавказскихъ сказаніяхъ. Осетинскіе богатыри (Дарезаны) случайно ночью проѣзжаютъ чрезъ отверстіе крестцовой кости исполина [2], или ночуютъ въ его черепѣ, принявъ его за пещеру [3]. Обыкновенно, по молитвѣ богатырей, Богъ воскрешаетъ великана и онъ разспрашиваетъ нартовъ о современномъ житьѣ-бытьѣ, послѣ чего, недовольный новыми порядками, снова обращается въ костякъ.

Къ категоріи великановъ принадлежитъ и Идолище (Одолище), котораго убиваетъ Илья. Типическая черта былинъ объ этомъ подвигѣ Ильи та, что Идолище не узнаетъ Ильи и разспрашиваетъ его про него-же самого. Подобная черта распространена въ кавказскихъ сказаніяхъ о встрѣчѣ нарта (Сосрыко) съ великаномъ. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи великанъ Елтаганъ разспрашиваетъ нарта Созрыко, не узнавъ его, какъ силенъ нартъ Созрыко, и оказывается, что Елтаганъ гораздо крѣпче его. Однако, не смотря на это, Созрыко убиваетъ Елтагана, какъ Илья Идолище, такъ какъ оказывается хитрѣе глупаго великана [4].

Кромѣ великановъ, встрѣчающихся съ богатырями, въ нашемъ эпосѣ мелькаетъ изрѣдка типъ великанши—бабы Горынинки, Златогорки, Латыгорки и др., которыя совершенно противоположны мужественнымъ женамъ нашего эпоса,

---

[1]) Ср. также дагестанскую сказку объ *Арслань*-ханѣ, который встрѣчаетъ человѣческій черепъ, дающій ему совѣтъ, какъ избавиться отъ *чернаго дэва* (Сборн. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа II, отд. II, стр. 122) и русс. сказку у *Аванасьева* (VIII, стр. 53 и 54), гдѣ царевичъ хоронитъ великана, за что получаетъ его коня богатырскаго.

[2]) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа VIII, отд. II, стр. 16. (Великанъ и Даредзаны).

[3]) Осет. Этюды I, стр. 137 и 61.

[4]) Осет. Этюды. I, стр. 31—33. Срав. Кабард. сказаніе о Сосрыко въ Сбор. Св. о Кав. Горцахъ. V. отд. II, стр. 54 слѣд.

въ родѣ женъ Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина. „Великанши-поленицы, — говоритъ г. Халанскій, — слабо связаны съ народнымъ эпосомъ и исторіей, сказанія о нихъ являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣмъ къ другому, не русскому порядку отношеній“, въ виду чего изслѣдователь склоненъ думать, что „образъ женщины-великанши русскихъ былинъ могъ быть заимствованъ изъ кавказскихъ сказаній“ [1]). Не рѣшаясь пока высказаться рѣшительно за этотъ взглядъ г. Халанскаго, я только отмѣчу вслѣдъ за нимъ нѣкоторыя черты, которыми кавказскія страшныя великанши (эмегены, карты) напоминаютъ нашу бабу Горынинку.

Кавказскія великанши-эмегены отличаются безобразіемъ, силой и жестокостью и постоянно враждебны нартамъ: встрѣчи нашихъ великаншъ-поленицъ съ богатырями также враждебны; какъ эмегены, онѣ жестоки и кровожадны:

Если богатырь не прилюбится,
На долонь кладу, другой прижму
И въ овсяный блинъ его да сдѣлаю.

Какъ кавказскія эмегены отличаются не меньшей глупостью, чѣмъ великаны, такъ и наши великанши. Какъ эмегены отличаются безобразіемъ, такъ и наши великанши. Напр., про бабищу Мамаишну говорится, что „головище у ней съ доцанище, глазища съ пивные корцы. (*Кир.* I, 66). Какъ эмегены связаны съ горами, живя въ пещерахъ, такъ наши великанши носятъ названія, связанныя съ горами: Горынинка, Златы-горка [2]). Но, кромѣ этого сходства въ типѣ, можно найти и сходство въ положеніяхъ. Такъ, одинъ нартъ, Алауганъ, женится на великаншѣ-эмегенѣ и везетъ ее на своей лошади домой, причемъ отъ двойной тяжести спина лошади согнулась [3]). Это нѣсколько напоминаетъ, какъ указалъ уже г. Халанскій [4]), встрѣчу Добрыни съ поляницей, засадившей богатыря себѣ въ карманъ, и отказъ ея коня везти двухъ богатырей, встрѣчу, кончающуюся бракомъ [5]).

Съ своей стороны можемъ привести кавказскую параллель той бабѣ Горынинкѣ, отъ которой у Ильи родился сынъ. Любопытно, что на Кавказѣ типъ матери Зораба двоится, какъ въ нашемъ эпосѣ типъ матери Сокольника-Сбута. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ она, подобно персидской Техминэ,

---

[1]) Назв. соч., стр. 33.
[2]) Халанскій, стр. 83.
[3]) Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа. I, отд. II, стр. 10.
[4]) Назв. соч., стр. 32 и 26.
[5]) *Гильферд.*, *37—39*. *Кир.* II, 29.

ненаглядная красавица [1]), какъ, вѣроятно мать Сбута—королевна Задонская, Политовская и пр.; въ другихъ она напоминаетъ по типу эмегеновъ и нашу Горынинку. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи Ростомъ находитъ въ *горной* пещерѣ клыкастую женщину, отъ связи съ которой у него родился сынъ Амиранъ (Зорабъ) [2]). Эта черта, сближающая Илью съ Ростомомъ, опять таки едва ли случайна.

Если всѣ вышеприведенныя параллели еще недостаточны для утвержденія, что кавказскія сказанія о великанахъ, составляющія весьма обильный отдѣлъ кавказскихъ народныхъ сказаній вообще, непосредственно повліяли на нашихъ былинныхъ великановъ и великанишъ, то для насъ достаточно пока и того вывода, что между кавказскими и русскими сказаніями можетъ быть намѣчено спеціальное родство, какъ бы оно ни объяснялось, и что послѣднее отчасти намѣчаетъ путь распространенія на Руси нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ.

II.

Въ предыдущемъ по поводу Святогора и бабы Горынинки намъ пришлось указать и на нѣкоторые мотивы, связанные съ Ильей и находящіе себѣ параллели на Кавказѣ. Поищемъ теперь другихъ подобныхъ мотивовъ въ нартскихъ сказаніяхъ, и спросимъ себя, нѣтъ ли среди нартовъ какого-нибудь типа, напоминающаго Илью, или въ ихъ похожденіяхъ чего-нибудь похожаго на похожденія Муромца.

Между нартами всего болѣе напоминаетъ Илью Урызмагъ, конечно, не всѣмъ своимъ типомъ и не всѣми подвигами, а только нѣкоторыми чертами, такъ какъ Урызмагъ носитъ такой же спеціально-кавказскій характеръ, какъ Илья народный русскій. Чѣмъ можетъ быть объяснено это отношеніе Урызмага къ Ильѣ—увидимъ ниже. Урызмагъ (или Урызмекъ) хорошо извѣстенъ горско-татарскимъ и осетинскимъ сказаніямъ.

Какъ Илья, онъ принадлежалъ (по одному горско-татарскому сказанію) къ *простому* сословію [3]), что однако не мѣшаетъ ему быть главою нартовъ, ихъ постояннымъ предводителемъ въ разныхъ предпріятіяхъ.

Подобно Ильѣ, онъ и по возрасту старшій между нартами:

---

[1]) Напр., Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. II, Отд. II, стр 158; IX, отд. II, стр. 168.

[2]) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. VII. Отд. II, стр. 20.

[3]) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 1.

сказанія нерѣдко упоминаютъ его *снѣжную* или сѣдую бороду и говорятъ о его старости [1]).

Подобно Ильѣ, онъ отличается спокойной самоувѣренностью, благодушіемъ къ молодымъ нартамъ и заботливостью о нартахъ вообще. Такъ, когда оборванный молодой Шауай, ссылаясь на бѣдность матери, проситъ его принять въ число дружины, отправляющейся на добычу, Урызмекъ жалостливо говоритъ ему: „Ахъ, бѣдный юноша! Тебѣ трудно будетъ съ нартами: самъ ты еще очень молодъ и не имѣешь лошади, кромѣ этой клячи“. Затѣмъ онъ отсовѣтываетъ ему ѣхать въ походъ, но потомъ по добротѣ соглашается и дорогой добродушно поощряетъ юношу. Такъ же благосклонно относится Илья къ юнымъ богатырямъ: Ермаку, Дюку Степановичу, Алешѣ Поповичу и другимъ.

Еще когда Урызмекъ былъ очень молодъ, онъ выступаетъ уже защитникомъ, охранителемъ всего народа, къ которому всегда относился сострадательно. Его возмущаетъ, что нарты платятъ дань князю Пуку, но въ особенности его поражало, говоритъ преданіе, „когда одна бѣдная женщина несла въ чашкѣ что-то съѣстное, и за нею бѣжали оборванныя, голодныя малютки, ея дѣти, съ плачемъ крича: „мама, мы голодны, дай немного!“ Это такъ подѣйствовало на Урызмека, что онъ рѣшается возстать противъ Пука и затѣмъ убиваетъ его [2]). Когда нарты терпятъ голодъ, Урызмэгъ выручаетъ ихъ, питая ихъ у себя на дому [3]). Не напоминаетъ ли это нашего Илью, стоятеля за народъ и защитника вдовъ и сиротъ?

Кромѣ общаго сходства въ типѣ, нѣкоторыя черты первыхъ похожденій Урызмага (кабардинскаго) напоминаютъ выѣздъ Ильи изъ родительскаго дома. Рѣшивъ ѣхать къ князю Пуку, которому платили дань нарты, Урызмагъ сообщаетъ объ этомъ своему отцу: „Отецъ!—говоритъ онъ, — я твердо рѣшился исполнить свои намѣренія относительно Пука, и не думай уговаривать меня, а лучше подай совѣтъ, какъ мнѣ совершить все мною задуманное: нѣтъ у меня ни лошади, ни во-

---

1) Сбор. св. о К. Горц. V. Отд. II, стр. 15. Урызмагъ *снѣжно-бородый* былъ славный мужъ: между тѣми, которыхъ Богъ сотворилъ подъ собою, не было такого мужа. Ср. Сборн. мат. для оп. мѣст. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 38: въ это время Урызмекъ, *глава* нартовъ, находился на старости лѣтъ, и они начали высказывать недовольство, что во главѣ ихъ находится старикъ“; также Сбор. св. о Кав. Горцахъ. IX. Отд II, стр. 22 (сѣдобородый Урызмагъ). Старикомъ называется Урызмэгъ и въ осетинскихъ текстахъ Шифнера, стр. 72. Хвалебная пѣснь въ честь нарта Урызмага).

2) Сбор. матер. etc. I. Отд. II, стр. 1.

3) *Сбор. св.* о К. Г., V, Отд. II, стр. 21, и тексты Шифнера, стр. 72.

оруженія“ [1]). Это напоминаетъ нѣсколько нашего Илью, отпрашивающагося у отца, чтобъ ѣхать къ князю Владиміру. Затѣмъ, какъ Илья, по одному варіанту, достаетъ коня въ подземельѣ, такъ, съ согласія отца, Урызмекъ беретъ его коня, скрытаго въ подземельѣ. Какъ Илья, сѣвъ на коня, дѣлаетъ *три* скока богатырскихъ, такъ пѣгій конь Урызмага „при первомъ ударѣ плетью три раза поднялся съ нимъ на небо и опустился на землю [2]).

Конечно, такія детали, какъ отцовскій конь, добываемый изъ подземелья, или 3 скока, встрѣчаются и въ другихъ сказкахъ [3]), но любопытно, что онѣ наслоились въ данномъ случаѣ равно на Илью и Урызмага, напоминающихъ другъ друга и нѣкоторыми другими чертами.

Какъ у Ильи, у Урызмага былъ сынъ, о существованіи котораго онъ не зналъ и котораго убилъ нечаянно. Впрочемъ, сама фабула убіенія Урызмагомъ сына не имѣетъ ничего общаго съ формулой Рустема и Зораба. Жена Урызмага отдала безъ вѣдома его своего сына на воспитаніе водянымъ—Донбеттырамъ, и, находясь у нихъ въ гостяхъ, Урызмагъ случайно уронилъ кинжалъ и убилъ прислуживавшаго ему мальчика, который и былъ его безыменнымъ сыномъ. Впослѣдствіи этотъ мальчикъ, отпросившись у Барастыра изъ царства мертвыхъ въ побывку на землю, оказалъ отцу нѣсколько услугъ [4]). Если такимъ образомъ мотивъ *борьбы* отца съ сыномъ, столь популярный въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ, не пріуроченъ къ Урызмагу, то *подобный* мотивъ прикрѣпленъ къ другимъ нартамъ: кабардинскому Пасранжаке, горско-татарскому Насырану, *сѣдобородымъ* предводителямъ нартовъ, весьма похожимъ на Урызмага. Встрѣча ихъ съ юнымъ богатыремъ-племянникомъ кончается узнаніемъ. Но трагическую развязку мы отмѣтили въ Экскур-

[1]) Сб. матер. I. Отд. II, стр. 3.

[2]) Тамъ же.

[3]) Отмѣтимъ, что мотивъ выбиванія источниковъ конемъ богатыря, приписываемый народными преданіями коню Ильи Муромца (*Рыбн.* IV, 24), встрѣчается въ чеченскихъ преданіяхъ о нартѣ Соскѣ-Солсѣ. Между жителями Галгаевскаго общества существуетъ повѣрье, „что когда однажды Солса проѣзжалъ мимо аула Накиста и попросилъ у жителей напиться воды, то получилъ отказъ. Тогда конь его, какъ бы по приказанію своего хозяина, ударилъ копытомъ въ землю, и изъ подъ него хлынула вода и образовался колодезь, который до сихъ поръ носитъ названіе Солса“ (Сбор. св. о Кав. Горцахъ, IV, отд. II, стр. 2).

Ильѣ, пробующему свою силу, полученную отъ каликъ, на чисткѣ займища (Гильфердингъ, 648), соотвѣтствуетъ юный богатырь Асаго, который, по приказанію своего воспитателя великана, ночью очистилъ отъ деревьевъ въ семь разъ большее пространство, чѣмъ сколько нужно было для тока. Сборн. Даш. Этн. Муз. В. I. Осет. сказки, № IV: Асаго.

2

сѣ V въ столкновеніи кабардинскаго нарта Сосрыко съ юнымъ Тотырешемъ [1]) и осетинскаго Созрыко съ Тотрадзомъ [2]), столкновеніи враждебномъ, кончающемся коварнымъ убіеніемъ дядей юнаго племянника. Тамъ же были отмѣчены нами въ юномъ богатырѣ (Тотрадзѣ, Тотырешѣ) обычныя черты богатырскаго сына (Зораба). Вообще, слѣдуетъ думать, что иранскій популярный мотивъ боя отца съ сыномъ, столь обильно представленный на Кавказѣ завѣдомо заносными сказаніями о Ростомѣ и Зорабѣ, отразился и на нѣкоторыхъ другихъ личностяхъ сѣверокавказскаго эпоса, подвергшись при этомъ значительной переработкѣ. Примѣромъ такого перенесенія одного эпизода „Рустеміады" на личность Урызмэга можетъ служить одно похожденіе этого нарта, живо напоминающее таковое же иранскаго Рустема. Фирдоуси разсказываетъ, что однажды Рустемъ врасплохъ былъ схваченъ дивомъ Акваномъ, вознесенъ на небо и сброшенъ въ море, откуда затѣмъ пехлеванъ вышелъ невредимымъ [3]). По одному осетинскому сказанію, Урызмэгъ былъ врасплохъ унесенъ орломъ и сброшенъ на черный камень среди Чернаго моря, гдѣ нартъ посѣщаетъ Донбеттыровъ (водяныхъ) [4]). Кстати можно замѣтить, что и Ильѣ угрожала на морѣ какая-то чудовищная птица Сизый-орелъ. Къ сожалѣнію „Отмѣтки" Даля сохранили только глухой намекъ на это похожденіе [5]).

При томъ смѣшеніи именъ нартовъ и ихъ подвиговъ, которое такъ же замѣтно въ кавказскихъ сказаніяхъ [6]), какъ и въ нашихъ былинахъ, не мудрено найти нѣкоторые эпическіе мотивы, прикрѣпленные къ Ильѣ, въ сказаніяхъ о Батразѣ, хотя какъ насильникъ, какъ нартъ, бьющійся со всѣмъ нартскимъ родомъ, онъ скорѣе напоминаетъ по типу Василія Буслаева. Мы имѣемъ въ виду преданіе о смерти Батраза. Гордый своей несокрушимой силой Батразъ, не найдя соперниковъ на землѣ, начинаетъ сокрушать силу „нездѣшнюю", духовъ уацилловъ (св. Илій) и уастырджіевъ (св. Георгіевъ). Онъ убиваетъ множество этихъ духовъ; другіе же идутъ жаловать-

---

1) Тексты Шифнера, стр. 75. Сбор. св. о К. Горц. V. Отд. II, стр. 23 и сл.

2) Сбор. св. о Кав. Горц. V. Отд. II. стр. 56—59. Сходство этого сюжета съ былиной о боѣ Ильи съ Жидовиномъ было уже указано г. Халанскимъ (наз. соч., стр. 118).

3) Тамъ же, стр. 13.

4) *Mohl*, Livre des Rois. III, стр. 221—223.

5) Осет. тексты Шифнера, стр. 73.

6) См. Кирѣев. I. Приложеніе, стр. XXXIV, 1-е изд.

7) Напр., смѣшеніе Батраза съ Созрыко и Сосланомъ, Амирана съ Батразомъ и Зорабомъ.

ся на него Богу, который посылаетъ противъ него какое-то чудное Балсагово колесо; замѣтивъ колесо, Батразъ сказалъ: „вѣрно, Богу нужно меня убить, иначе къ чему онъ послалъ за мной Балсагово колесо!“ И дѣйствительно, оно догнало его и убило [1]. Но богъ, убившій Батраза, все же любилъ его и называлъ своимъ сыномъ. Поэтому, онъ сказалъ ангеламъ: „хотя вы на него и жаловались, но ступайте теперь отнесите его въ Софійскій склепъ“. Когда ангелы отнесли его туда, но онъ не поддавался, то самъ богъ явился къ склепу и сказалъ: „Мой названный сынъ, чего ты не слушаешься? – Потому что тебя я не видѣлъ! — Тогда богъ три слезы на него выронилъ, и изъ нихъ одна была (святыня) Таранджелосъ, другая Мыкалыгабыртэ, третья Рекомъ. Такъ положили Батраза въ склепъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Въ приведенномъ осетинскомъ сказаніи находимъ *два* мотива, извѣстные русскому эпосу. Первый—гибель Ильи и другихъ богатырей за похвальбу справиться съ силой небесной, и неудачный бой съ нею. Второй—мотивъ перенесенія Ильи въ пещеры кіевскія. Какъ, въ осетинскомъ сказаніи, ангелы переносятъ Батраза, *нерожденнаго* сына бога, по его повелѣнію, въ какой то Софійскій склепъ, такъ, по словамъ одной былины,

„Прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то его (Илью) да со добра коня
И заносили въ пещеры-ты во кіевскія,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ“ [2].

Конечно, въ послѣднемъ мотивѣ можно видѣть черту агіологическую, одну изъ такихъ, которыя наслоились и на исцѣленіе Ильи каликами; конечно, перенесеніе тѣла Ильи въ пещеры кіевскія ангелами напоминаетъ чудесное воздушное путешествіе мощей Св. Николая Чудотворца и находится въ связи съ мощами Св. Ильи въ Кіевѣ, но подобныя же черты можно указать и въ осетинскомъ сказаніи [3]. Во всякомъ случаѣ остается тотъ фактъ, что тѣло самаго сильнаго изъ богатырей (и нартовъ) было погребено, по повелѣнію Бога,

---

[1] Осет. Этюды. I, стр. 25—27. (Смерть чрезъ Балсагово колесо приписывается въ другихъ сказаніяхъ нарту Сосрыко (Сб. св. о К. Горц. V, Отд. II, стр. 10—12) и Сослану.

[2] Гильфердингъ, стр. 313.

[3] Напр. *Софійскій* склепъ, слезы, изъ которыхъ происходятъ святыни; ср. происхожденіе архангеловъ Михаила и Гавріила изъ слезъ Господа въ сванетской легендѣ (Сбор. мат. для описанія мѣст. и племенъ Кавказа. В. X, Отд. II, стр. 247, и Этногр. Обозрѣніе. V, стр. 40).

ангелами, — черта, раздѣляемая русскимъ эпосомъ съ кавказскимъ, какъ бы она ни была объясняема [1]).

III.

Переходя къ другой личности нашего эпоса—къ Добрынѣ, мы снова находимъ на Кавказѣ нѣкоторые мотивы, параллельные тѣмъ, которые прикрѣпились къ этому историческому имени въ нашихъ былинахъ. Оставляя въ сторонѣ мотивъ *змѣеборства*, какъ самый избитый и вездѣсущій, остановимся на двухъ другихъ сюжетахъ: превращеніи Добрыни въ тура чародѣйкой Мариной и несостоявшемся бракѣ Алеши Поповича на Добрыниной женѣ.

Изъ многочисленныхъ варіантовъ перваго сюжета (изложенныхъ Ровинскимъ [2]), отмѣтимъ слѣдующую схему.

Добрыня оскорбляетъ Марину, находившуюся въ связи со Змѣемъ Горыничемъ (Притугальникомъ, Иваномъ Царевичемъ, Туга Змѣевичемъ и пр.), Марина заговоромъ обертываетъ Добрыню туромъ, причемъ въ одной былинѣ Гильфердинга перечисляется еще рядъ предшествующихъ обращеній:

Она стала-то Добрынюшку обвертывать,
Обвернула-то Добрыню да сорокою,
Обвернула-то Добрыню да вороною,
Обвернула-то Добрынюшку да свиньею,
Обвернула-то Добрынюшку гнѣдымъ туромъ [3]).

А въ другой того же сборника—упоминается обращеніе въ горностая и сокола [4]).

Сестра или тетка Добрыни заставляютъ угрозами Марину вернуть Добрынѣ прежній видъ, послѣ чего Марина подвергается наказанію (казни).

Нѣкоторыя черты этой схемы находимъ въ кавказскихъ сказаніяхъ. Такъ Нартъ Урызмэгъ пріѣзжаетъ къ любовницѣ Уастырджи и предлагаетъ ей любовь, подобно тому, какъ привороженный Маринкой Добрыня пріѣзжаетъ съ этой же

---

[1]) Кстати, замѣтимъ, что въ слышанномъ г. Безсоновымъ разсказѣ о смерти Ильи, который, какъ полагалъ О. Миллеръ, здѣсь смѣшанъ со Святогоромъ (назв. соч., стр. 247), Илья наѣхалъ на *диво невеличко*, поборолся съ нимъ и тотъ началъ ему бока. Нѣтъ ли какого отношенія между этимъ загадочнымъ *дивомъ* и не менѣе загадочнымъ Балсаговымъ колесомъ, которое представляется живымъ существомъ одареннымъ словомъ (Сб. св. о К. Г. V, Отд. II, стр. 10).

[2]) Русс. народ. карт. IV, стр. 79—85.

[3]) Гильф., стр. 833.

[4]) *Тамъ же, стр. 29* (Калинина).

цѣлью къ ней. Любовница Уастырджи, раздосадованная, ударомъ войлочной плети обращаетъ Урызмэга въ собаку [1]). Послѣ нѣсколькихъ похожденій въ псиномъ образѣ Урызмэгъ при содѣйствіи своего хозяина получаетъ свой прежній видъ, подвергнувшись вторичному удару той же плетки отъ любовницы Уастырджи. Послѣдняя проситъ у него прощенья, какъ Маринка у Добрыни, и Урызмэгъ, простивъ ее, достигаетъ своей цѣли, т.-е. спитъ съ ней [2]).

Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ наказанія чародѣйкѣ, но въ чеченскомъ разсказѣ подобнаго сюжета [3]) чародѣйка и ея любовникъ сами подвергаются обращенію въ ослицу и осла. Здѣсь разсказывается, что Султанъ, ухаживавшій 8 лѣтъ за одной дѣвицей, наконецъ женился на ней. Но когда молодые легли спать, явился прежній любовникъ дѣвушки (Змѣй Горыничъ) и ударомъ плети обратилъ Султана въ чернаго пса. Послѣ разныхъ похожденій Султанъ при помощи одной колдуньи (сестры или тетки Добрыни) выкралъ плеть, ударомъ которой былъ обернутъ, и получивъ отъ удара помогавшей ему колдуньи свой прежній образъ, обратилъ въ свою очередь невѣрную жену и ея любовника въословъ.

Конечно, особенной близости между русской былиной и приведенными кавказскими сказками нѣтъ: въ литературѣ этого сюжета могутъ быть указаны версіи болѣе близкія къ русской, чѣмъ кавказскія. Но любопытно, что эта весьма распространенная сказка [4]) была и у насъ и на Кавказѣ вовле-

[1]) Впрочемъ, и Добрыня по одной былинѣ Гильфердинга (1327), прежде чѣмъ получить видъ тура, „ходилъ кобелемъ ровно суточки“.

[2]) Осет. Этюды I, 57—59.

[3]) Сказка о Султанѣ. Сборн. св. о Кавк. Горц. IV. Отд. II, стр. 21—26. Срав. также осетинскую (дигорскую) сказку о Цопанѣ, обращенномъ женою въ утку и собаку. Сбор. матер. по этнограф. изд. при Дашков. Этногр. Музеѣ. Вып. I. Осетинскія сказки, № II и татарскую и Сб. мат. для опис. мѣст. и плем. Кавк. IX. Отд. II, стр. 101.

[4]) См. Ровинскій. IV, стр. 81. Volner, стр. 59. Для пополненія варіантовъ сюжета отмѣтимъ еще: Migne,—Apocryph. I, 993, гдѣ разсказывается апокрифъ о молодомъ человѣкѣ, обращенномъ колдуньей въ мула. *Сестра* оплакиваетъ его и по ея молитвѣ Богородица возвращаетъ ему прежній видъ; тамъ же ссылка на Bodin'а Démonomanie, t. II, c. 6, гдѣ находится разсказъ о томъ, какъ во время крестовыхъ походовъ кипрская колдунья обратила въ осла одного молодого англійскаго воина, какъ онъ работалъ на нее до тѣхъ поръ, пока не палъ на колѣна передъ церковью и народъ не вынудилъ колдунью возвратить ему прежній видъ. Тотъ же сюжетъ находимъ въ монгольскомъ эпосѣ о Гессеръ-ханѣ. Жена его (Рогмогоа), съ помощью гостя *мангуса*, обращаетъ его въ осла. Другая его жена (Абсумергенъ) уничтожаетъ ея чары и возвращаетъ Гессеру прежній видъ. Мать Гессера умираетъ отъ печали, но сынъ освобождаетъ ее изъ ада. Потанинъ. IV, стр. 818.

чена въ кругъ богатырскихъ сказаній и прикрѣплена къ именамъ выдающихся богатырей—къ Добрынѣ и Урузмэгу.

Другой сюжетъ былинъ о Добрынѣ—Добрыня въ отъѣздѣ и выходъ его жены замужъ за Алешу Поповича—находитъ себѣ весьма близкую параллель въ турецкой сказкѣ объ Ашикъ-Керибѣ «пѣвцѣ страникѣ», слышанной Лермонтовымъ на Кавказѣ. Въ виду того, что этой сказкѣ я посвятилъ отдѣльную замѣтку въ Этногр. Обозрѣніи [1], я въ самыхъ краткихъ чертахъ передамъ содержаніе сказки и подчеркну детали, совпадающія съ нашими былинными.

Юноша пѣвецъ-музыкантъ, полюбивъ въ Тифлисѣ красавицу Магуль-Мегерри, дочь богатаго купца, и сговорившись съ нею, оставляетъ ее на 7 лѣтъ, чтобъ на чужбинѣ добыть денегъ. Соперникъ юноши Куршудъ-бекъ, укравъ его одежду при переправѣ черезъ рѣку вплавь, увѣряетъ его невѣсту, что онъ потонулъ. Невѣста не вѣритъ и продолжаетъ ждать условленнаго срока. На чужбинѣ Ашикъ-Керибъ имѣлъ успѣхъ, нажилъ деньги игрою и позабылъ было о срокѣ. Но невѣста напомнила ему о немъ гонцомъ. До срока остается лишь три дня, а юноша далеко отъ Тифлиса. Онъ хочетъ лишить себя жизни, но встрѣчаетъ чуднаго всадника Св. Георгія [2], который въ нѣсколько часовъ на своемъ чудесномъ конѣ доставляетъ его на родину. Ашикъ идетъ въ домъ матери, которая ослѣпла отъ слезъ и не узнаетъ его; онъ беретъ со стѣны свой саазъ (балалайку), играетъ на немъ и съ нимъ идетъ въ домъ, гдѣ справляется свадьба его невѣсты съ Куршудъ-бекомъ. Приглашенный, какъ музыкантъ-пѣвецъ, и ни кѣмъ не узнанный, Ашикъ-Керибъ въ своей пѣснѣ открываетъ испытанное имъ чудо. Слѣдуетъ узнаніе со стороны Магуль-Мегерри и свадьба. Ашикъ мирится съ Куршудъ-бекомъ и отдаетъ ему въ жены свою сестру.

Отмѣчу лишь спеціально сходныя черты этой сказки съ былиннымъ разсказомъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ:

1) Уѣзжая въ дальнюю сторону, Добрыня ставитъ женѣ своей опредѣленный срокъ (3 года, 6 лѣтъ, 9 лѣтъ), послѣ котораго она можетъ выйти замужъ. Также поступаетъ Ашикъ-Керибъ относительно своей невѣсты. Передъ отъѣздомъ оба берутъ благословенье у матери.

---

1) Кн. V, стр. 110—115.

2) Въ сказкѣ онъ названъ Хадеръ-Ильязъ. На мусульманскомъ востокѣ Хидръ-Эліасъ, „зеленый Илья" смѣшивается съ Ильей Пророкомъ и съ Георгіемъ. См. Кирпичникова: Св. Георгій и Егорій храбрый, стр 94, 98 (примѣч.), 100 (примѣч.), 101; также Herbelot, Bibliot. Orient. s. vv. Kheder и Ilia.

2) Алеша Поповичъ привозитъ женѣ Добрыни «вѣсточку нерадостную», что нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича. Такую же вѣсть о гибели Ашикъ-Кериба привозитъ его невѣстѣ Куршудъ-бекъ.

3) „Желешенько плакала матушка Добрыни, *слезила* она очи ясныя по своемъ родномъ дитяткѣ“ (Кир. II, 33). Мать Ашикъ-Кериба выплакала себѣ глаза о сынѣ такъ, что даже ослѣпла.

4) Жена Добрыни, не повѣрила разсказу Алеши, потому что ждала мужа сверхъ условленныхъ шести лѣтъ еще столько же. Магуль-Мегерри также не повѣрила разсказу Куршудъ-бека.

5) Получивъ вѣсть о предстоящей свадьбѣ своей жены съ Алешей, Добрыня необыкновенно быстро является въ Кіевъ: его бурушко „на гору поскакиваетъ, рѣки-озера порескакиваетъ, мимо башни черезъ стѣну городовую перемахнулъ“ (Кир. II 34). Ашикъ-Керибъ скачетъ па чудесномъ конѣ Георгія и въ 2 дня проѣзжаетъ двухмѣсячный путь.

6) По пріѣздѣ Добрыня прежде всего идетъ къ матери, которая сначала не признаетъ его, а затѣмъ объявляетъ, что Настасья выходитъ за мужъ за Алешу Поповича. Ашикъ-Керибъ также по возвращеніи сначала идетъ къ матери, которая не признала сына, пока не прозрѣла.

7) Добрыня, переодѣвшись скоморохомъ, беретъ гусли, идетъ на свадебный пиръ ко Владиміру, получаетъ доступъ какъ скоморохъ и поетъ пѣсню съ намекомъ на себя и жену („гдѣ это видано да слыхано, отъ жива мужа замужъ итти“, Кир. II 7). Ашикъ-Керибъ въ видѣ пѣсенника съ саазомъ идетъ въ домъ, гдѣ происходитъ свадьба, получаетъ приглашеніе пѣть и поетъ пѣсню съ разсказомъ о своемъ чудесномъ возращеніи.

8) Жена Добрыни, признавъ его, забывая скромность, хочетъ перескочить къ нему черезъ столъ (Кир. II, 14: „прямо скочу, обезчещу столы“). Такое же нарушеніе скромности дозволяетъ себѣ Магуль-Мегерри, выскочивъ изъ-за полога къ мущинамъ и бросившись въ объятія Ашикъ-Кериба.

9) Ссора Добрыни съ Алешей кончается легкой потасовкой и примиреніемъ. Такъ-же мирится съ Куршудъ-бекомъ Ашикъ-Керибъ.

10) Роль примирителя играетъ на пиру Илья Муромецъ, быть можетъ не случайно, если вспомнимъ о Хадеръ-Иліасѣ, доставившемъ Ашикъ-Кериба домой [1].

---

[1]) Что Лермонтовская сказка объ Ашикъ-Керибѣ дѣйствительно народная (а не сочиненная поэтомъ), подтверждается тѣмъ, что въ турецкимъ народномъ

При совпаденіи этихъ деталей нельзя однако не отмѣтить, что въ турецкой (кавказской) сказкѣ мы находимъ рядъ другихъ, неизвѣстныхъ нашимъ былинамъ. Добрыня лишь случайно играетъ роль гусляра, между тѣмъ какъ Ашикъ-Керибъ—пѣвецъ и музыкантъ по профессіи. Отъѣздъ Добрыни недостаточно мотивированъ и неизвѣстно, что онъ дѣлалъ на чужбинѣ нѣсколько лѣтъ. Отъѣздъ Ашикъ-Кериба мотивированъ желаніемъ добыть денегъ для женитьбы. Жена Добрыни ничего не дѣлаетъ, чтобы разыскать мужа, — МагульМегери поручаетъ владѣльцу каравана разыскать жениха и напомнить ему о близости срока. Добрынѣ помогаетъ быстро вернуться его *бурушко*, Ашикъ-Керибу—Хадеръ-Иліасъ. Ашикъ-Керибъ возвращаетъ матери зрѣніе, чего нѣтъ въ нашихъ былинахъ о Добрынѣ. Наконецъ у Ашика есть сестра, которая затѣмъ выходитъ замужъ за Куршудъ-бека. Впрочемъ, хотя въ былинахъ объ отъѣздѣ Добрыни не упоминается его сестра, но она играетъ роль въ былинахъ о Добрынѣ и Маринѣ, слѣдовательно также по отношенію къ женщинѣ близкой къ брату.

Въ общемъ отношеніе между разсмотрѣнной кавказской сказкой и былиной таково, какъ между оригиналомъ и копіей. Мы не можемъ, конечно, утверждать, что въ основѣ былины лежитъ именно та редакція сказки, которую пересказалъ (быть можетъ нѣсколько пріукрасивъ) Лермонтовъ,— ибо въ такомъ случаѣ былинный разсказъ представится уже слишкомъ скомканнымъ и урѣзаннымъ. Но все же непосредственный оригиналъ былины *весьма* близокъ къ приведенной сказкѣ и, конечно, проникъ въ нашъ эпосъ не съ запада, а съ востока. По крайней мѣрѣ, всѣ до сихъ поръ приведенныя изслѣдователями западныя параллели разсмотрѣннаго сюжета представляютъ несравненно меньшее сходство въ деталяхъ съ былиной, чѣмъ Лермонтовская сказка. Отсылая за провѣркой этого мнѣнія къ изслѣдованіямъ О. Миллера, Кир-

эпосѣ о Сироти-Сеидъ-Батталѣ этотъ герой въ городѣ Лаодикіи пропѣлъ по гречески пѣсню въ честь шествовавшихъ по улицѣ новобрачныхъ, изъ коихъ невѣстою была его собственная жена, полоненная въ отсутствіе Баттала греческимъ императоромъ и выдаваемая теперь замужъ за сына визиря его Бэгмэна. Жена узнаетъ его по голосу. Батталь рѣжетъ голову пьяному молодому и съ женою бѣжитъ во свояси. См. Смирнова—Очеркъ исторіи турецкой литературы во „Всеобщей исторіи литературы" В. Корша, вып. XXV, стр. 45. По словамъ извѣстнаго знатока тюркскихъ нарѣчій Вамбери, сказка объ Ашикъ-Гарибѣ весьма популярна у турокъ и распѣвается пѣвцами (ашиками) въ кофейняхъ Румеліи и Анатоліи. См. Ćagataische Sprachstudien von Hermann Vambéry *(1867). стр. 35.*

пичникова, Дашкевича, Шифнера, Халанскаго [1]), ограничиваемся предположеніемъ, что восточный сказочный сюжетъ, пріурочившійся, но невполнѣ яснымъ для насъ мотивамъ, къ Добрынѣ и Алешѣ, проникъ въ нашъ эпосъ вѣроятно со стороны Кавказа [2]).

Приведемъ еще двѣ-три кавказскія параллели сказочнымъ сюжетамъ, проникшимъ въ нашъ эпосъ, не потому, чтобы эти параллели были особенно ярки, а потому, что онѣ еще не были отмѣчены нашими изслѣдователями эпоса.

Въ XI главѣ „Южнорусскихъ былинъ", озаглавленной „Алеша «бабій пересмѣшникъ» и сюжетъ Цимбелина", акад. А. Н. Веселовскій разсмотрѣлъ подробно сюжетъ побывальщины о дворянинѣ безсчастномъ молодцѣ (Рыбн. II № 51, стр. 267—276) въ связи съ нѣсколькими русскими сказками (Аѳанасьевъ № 178, 179, Садовниковъ—Сказки и преданія Самарскаго края № 18) и нѣсколькими иностранными пѣснями и сказаніями. Отсылая интересующихся подробностями къ этому изслѣдованію, отмѣтимъ только, что во второй половинѣ побывальщины, записанной Рыбниковымъ, мы имѣемъ весьма распространенный на востокѣ и западѣ бродячій мотивъ о вѣрной женѣ, оклеветанной передъ мужемъ, покидаемой имъ, странствующей, становящейся царемъ въ другомъ государствѣ и въ концѣ концовъ обнаруживающей клевету и возвращающей себѣ мужа. Такъ, въ побывальщинѣ разсказывается, что дворянинъ безсчастный повѣрилъ доказательствамъ невѣрности своей отсутствующей жены, представленнымъ Ѳедькой (alias Алешей Поповичемъ), заманилъ ее на корабль, продалъ заморскому гостю, а самъ остался въ Кіевѣ. Жена, отличающаяся и силой, и умомъ, сбрасываетъ въ море позарившагося на нее корабельщика, ѣдетъ на кораблѣ въ другое королевство (Португальское), одѣвается въ

---

[1]) Илья Муромецъ, стр. 523 и слѣд.; Поэмы Ломбард. цикла, стр. 13, 59, 179, 182; Алеша Поповичъ, стр. 49; Bullet. de l'Acad. Imp. des Sc. de S.-Pétersb. IV, 279; Великорусскія былины Кіевск. цикла, гл. III, стр. 38—40.

[2]) Тотъ же сюжетъ находимъ въ болгарской пѣснѣ „Войникъ Стоянъ и Кралица", напечатанной въ недавно появившемся „Сборникѣ за народни умотворенія, наука и книжнина". Кн. I 1889. Стоянъ на другой день свадьбы вызванъ Кралицей на войну; при отъѣздѣ получаетъ отъ жены букетъ цвѣтовъ: пока не повянутъ цвѣты, если ихъ на ночь ставить въ воду, до тѣхъ поръ она будетъ ждать мужа; черезъ 9 лѣтъ Стоянъ задаетъ войску загадку насчетъ оставленной дома жены; разгадываетъ Кралица и отпускаетъ Стояна домой, объявляя, что жена его собирается выходить за другого въ этотъ самый день. Стоянъ поспѣваетъ во время, и свадьба разстраивается. См. Этн. Обозр., кн. V, стр. 190.

мужское платье и по смерти мѣстнаго короля занимаетъ его престолъ, будучи отмѣчена жребіемъ (у ней сама собою зажглась свѣча въ царскихъ вратахъ [1]). Затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, она ѣдетъ въ Кіевъ, гдѣ находитъ свою старуху-мать, открываетъ себя мужу и обнаруживаетъ ложный навѣтъ Ѳедьки, котораго за это предаютъ казни.

Въ виду распространенности этого мотива на востокѣ [2]) можно предположить, что онъ именно оттуда зашелъ на Русь и былъ введенъ въ эпическій южнорусскій циклъ. Хотя до насъ не дошло *былины* о дворянинѣ безсчастномъ (или Даниле), но за побывальщиной и сказками Аѳанасьева (№№ 178, 179), по справедливому замѣчанію акад. Веселовскаго, еще „чувствуется древняя былина Владимірова цикла, осложненная посторонними пѣсенными и повѣствовательными мотивами“ [3]).

На Кавказѣ намъ извѣстны двѣ сказки, развивающія тотъ же сюжетъ — татарская и армянская.—обѣ записанныя въ Бакинской губерніи. Первая не сохранила мотива оклеветанія жены передъ мужемъ. Напротивъ, женихъ (Асланъ) увозитъ свою невѣсту (Джейрану) отъ похитившаго ее царевича и бѣжитъ съ нею на корабль. Когда они были уже на кораблѣ, Асланъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ ихъ вещей остались на берегу, и, спрыгнувъ съ корабля, побѣжалъ за ними. Но хозяинъ корабля, замѣтивъ удивительную красоту молодой дѣвушки, рѣшилъ воспользоваться уходомъ Аслана: онъ приказалъ матросамъ отплыть, и Асланъ остался на берегу. Долго плылъ корабль по морю; наконецъ, онъ присталъ къ одному берегу, гдѣ лежалъ какой-то городъ. Хозяинъ хотѣлъ сойти вмѣстѣ съ дѣвушкой, но она, подъ предлогомъ стыдливости, просила, чтобъ онъ прислалъ за ней изъ города женщину, и когда онъ ушелъ, она, подговоривъ матросовъ, отплыла отъ берега. Затѣмъ слѣдуетъ приключеніе Джейраны съ разбойниками, отъ которыхъ она также отдѣлалась хитростью. Далѣе въ мужскомъ платьѣ она долго плыла въ лодкѣ по морю и, наконецъ, буря выбросила ея лодку на берегъ одного государства. Джейрана отправилась въ городъ, гдѣ увидѣла толпу народа; оказалось, что царь этого города умеръ, и народъ

---

1) Ср. груз. сказку о Петрѣ Великомъ. Сбор. матер. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. X, отд. III, стр. 46 и слѣд.

2) Ср. напр. тюркскую сказку „Женщина-князь“ въ Сборникѣ Радлова (Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, t. IV. pp. 141 -- 145), сказку въ Тути-Намэ; ср. Rambaud, La Russie épique, p. 125.

3) Назв. соч. стр. 388.

избираетъ себѣ другого царя, причемъ предоставляетъ выборъ птицѣ Девлетъ-гуши, которая опускается на голову человѣка достойнѣйшаго царскаго вѣнца. Вдругъ вѣщая птица опустилась на голову Джейраны, и когда граждане, недовольные тѣмъ, что въ цари выбранъ иноземецъ, заключили Джейрану въ темницу, птица вторично опустилась на крышу ея комнаты; когда же Джейрану выгнали за городъ, то въ третій разъ — на ея голову. Тогда народъ, не желая измѣнять стараго обычая, возвелъ Джейрану на престолъ, и она мудро управляла царствомъ. Однако она не забыла своего жениха и старалась его разыскать. Для этой цѣли она велѣла прибить къ городской стѣнѣ свой портретъ и задерживать всѣхъ, кто имъ сильно заинтересуется. Такимъ способомъ были къ ней приведены: царевичъ, похитившій ее у жениха, хозяинъ корабля, атаманъ разбойниковъ и, наконецъ, ея женихъ Асланъ. Дѣло кончается свадьбою, и Асланъ раздѣляетъ съ женою правленіе государствомъ [1]).

Варіантъ армянскій той же сказки, болѣе сложный, содержитъ тотъ мотивъ, что невѣста—царевна Салтаната,—похищенная женихомъ Юсуфомъ, но живущая отдѣльно отъ него при его матери, была оклеветана нѣкимъ Гаджи-Мамедомъ, желавшимъ ею овладѣть. Юсуфъ, возвратившись къ невѣстѣ, выбрасываетъ ее на улицу. Затѣмъ слѣдуетъ рядъ похожденій Салтанаты (лодочникъ, разбойники, выборъ въ цари птицей Девлетъ-гуши), послѣ которыхъ она, сдѣлавшись царемъ, наказываетъ виновныхъ и убѣждаетъ свой народъ взять въ цари ея мужа [2]).

Отмѣтимъ нѣкоторыя спеціально сходныя черты кавказскихъ и русскихъ сказокъ.

1. Дворянинъ безсчастный служилъ при князѣ Владимірѣ, но былъ въ загонѣ—„не выслужилъ ни слова гладкаго ни перины мягкой". Юсуфъ (въ армянской сказкѣ) былъ слугою у богатаго купца, за тѣмъ былъ водоносомъ, черпавшимъ воду изъ ханскаго родника, гдѣ онъ и встрѣтился съ ханской дочерью.

2. Дворянину безчастному жениться на красавицѣ помогаетъ какая то старуха (престарѣлая женщина), оказавшаяся впослѣдствіи ея матерью и женою португальскаго короля. Не-

---

[1]) Сборн. матер. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. IX. 1890 г. Отд. II, татарскія сказки, записанныя въ Геокчайскомъ у. Бакинской губерніи, № 4, Джейрана, стр. 91—94.

[2]) Сборн. матер. и проч. Вып. VII. Отд. II. Армянскія сказки, записанныя въ Шемахинскомъ у. Бакинск. губ., № 7. Сахка-Юсуфъ, стр. 196—206.

вѣста Юсуфа, тоже похищенная имъ *ханская* дочь, живетъ при его матери въ его отсутствіе въ построенномъ ею великолѣпномъ дворцѣ.

3. Гаджи Мамеду, оклеветавшему Салтанату, соотвѣтствуетъ Ѳедька или Алеша Поповичъ.

4. Жена Данилы безсчастнаго, проданная имъ, уѣзжаетъ на караблѣ, отдѣлывается отъ хозяина, подговоривъ карабельщиковъ, и долго странствуетъ по морю. Джейрана уѣзжаетъ также на караблѣ, хотя и не проданная женихомъ, также отдѣлывается благополучно отъ хозяина, преслѣдовавшаго ее своей любовью, и затѣмъ долго блуждаетъ по морю.

5. Жена Дворянина безсчастнаго, выдавая себѣ за мужчину, становится королемъ, вслѣдствіе счастливаго жребія и все же остается вѣрна мужу. Салтаната и Джейрана также становятся царями при подобныхъ же условіяхъ.

6. Дворянинъ безсчастный становится королемъ чрезъ свою жену, а клеветникъ (Ѳедька) подвергается наказанію. Царями же, чрезъ женъ, дѣлаются въ кавказскихъ сказкахъ Юсуфъ и Асланъ, а клеветникъ (Гаджи Мамедъ) былъ наказанъ.

Другой примѣръ прикрѣпленія одного и того же сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря и кавказскаго нарта находимъ въ былинахъ о Михаилѣ-Потыкѣ. Однимъ изъ эпизодовъ этихъ пространныхъ и сводныхъ былинъ является тотъ, что Потыкъ заключаетъ съ своей женой Авдотьей Лиховидьевной или Марьей Лебедью—Бѣлой договоръ такого рода:

. . . . „кто перво умретъ,
Второму за нимъ живому въ гробъ идти“ [1]).

Во время отсутствія Потыка его жена умираетъ, и онъ, въ исполненіе условія, опускается въ ея могилу, гдѣ и живетъ нѣсколько дней. Сюда приползаетъ змѣя; Потыкъ сѣчетъ ее прутьями желѣзными до тѣхъ поръ, пока она взмолилась о пощадѣ и обѣщала принести ему живой воды. Въ залогъ Потыкъ оставляетъ змѣеныша, котораго разрубаетъ на мелкія части. Когда змѣя воротилась съ живой водой, Потыкъ сначала оживляетъ ею змѣеныша, а затѣмъ жену [2]).

Нѣчто весьма сходное извѣстно кабардинцамъ о ихъ нартѣ Сосруко. „Сосруко былъ влюбленъ въ одну дѣвушку, по имени Нартъ-Жанъ. Однажды, Сосруко передъ отъѣздомъ на

---

1) Былина Кирши Данилова перепечатана въ сборн. Кирѣевскаго Вып. IV стр. 56.

2) *Гильфердингъ*, № 6, столб. 57, и № 40, столб. 195.

нартовскія игры заѣхалъ проститься къ ней. Они дали другъ другу клятву, что одинъ по смерти другого жить не будетъ. Сосруко уѣхалъ. Когда же онъ, спустя три дня, воротился, то узналъ, что его постигло страшное горе: безцѣнная его Жанъ умерла и уже похоронена. Онъ отправился на ея могилу и сталъ вынимать изъ глубокой ямы камни, которые складывали цѣлый день нарты. Когда онъ достигъ дна могилы и, вскрывъ гробъ, увидѣлъ бездыханное тѣло дорогой Жанъ, то бросился на грудь къ ней и сталъ рыдать безутѣшно. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, изъ норы на днѣ могилы выползли двѣ змѣи, которыя начали другъ съ другомъ бороться; наконецъ одна убила другую. Оставшаяся въ живыхъ куда-то исчезла, а затѣмъ вернулась съ зеленымъ листомъ, которымъ потерла мертвую змѣю. Она ожила, послѣ чего обѣ змѣи скрылись. Тогда Сосруко взялъ листъ и сталъ имъ тереть мертвую Жанъ. Едва онъ успѣлъ вытереть ея тѣло, какъ она воскресла. Впослѣдствіи Сосруко женился на этой дѣвушкѣ [1].

У ингушей, заимствовавшихъ, повидимому, сказанія о нартахъ у своихъ ближайшихъ сосѣдей осетинъ, такое же приключеніе въ могилѣ приписывается орхустойцу (богатырю) Орзми (осет. Урызмэгъ). Вотъ что онъ разсказываетъ про самого себя: „Былъ я разъ влюбленъ въ женщину. и она тоже любила меня. *Мы поклялись не разставаться никогда.* Она умерла отъ болѣзни; я ужасно былъ пораженъ горемъ. Только одинъ стыдъ—умереть изъ-за смерти любовницы— удерживалъ меня отъ самоубійства. Всѣ родственники и знакомые собрались ее хоронить. Я попросилъ у одной вдовы одежду и, одѣвшись въ женское платье, отправился вмѣстѣ съ женщинами на похороны. Трупъ ея лежалъ посреди двора. Всѣхъ женщинъ пригласили войти въ саклю. но меня — нѣтъ. Я остался на дворѣ. Увидѣвши трупъ своей любовницы, я рѣшился исполнить клятву—не разставаться другъ съ другомъ: я легъ съ нею и укрылся ея похороннымъ саваномъ. Вышедшимъ на дворъ хозяевамъ показалось, что трупъ ея распухъ, и они рѣшились скорѣй похоронить ее. Лежа въ могилѣ, я былъ доволенъ, что исполнилъ свою клятву. Вдругъ приползла въ могилу змѣя; я сталъ бить ее кулакомъ и убилъ; чрезъ нѣсколько времени приползла другая змѣя. Увидѣвши, что первая лежитъ, она поползла обратно; но, спустя немного,

[1]) Сборн. матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. Отд. I, стр. 143 „Эпизодъ изъ сказаній о Сосруко". Осетинскій сильно искаженный варіантъ того же сюжета см. въ моихъ Осетин. Этюдахъ I, ст. 55.

возвратилась въ могилу съ травой и провела ею по тѣлу убитой мною змѣи; змѣя оживилась. Тогда я опять сталъ бить ихъ, и онѣ выползли изъ могилы. Думаю: если эта трава оживила змѣю, то отчего ей не подѣйствовать на мою возлюбленную? Я провелъ травой по трупу — и возлюбленная ожила и сказала: „у меня бокъ болитъ, должно быть, я долго спала“. [1])

Сказка о мужѣ, похороненномъ живымъ съ женою и воскрешающемъ ее при помощи змѣи, извѣстна многимъ народамъ [2]), но для насъ интересно то, что на Кавказѣ и у насъ она вошла въ циклъ богатырскихъ сказаній.

Въ этюдѣ «Былины объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и старофранцузскій романъ объ Ираклiи» [3]) акад. Веселовскій весьма остроумно связываетъ между собой отдѣльныя черты, встрѣчающіяся въ былинахъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ (Кир. III №№ 1, 2 и 3. Рыбн. IV № 13. Гильферд. №№ 133, 135 и 172) или Иванѣ Годиновичѣ (Гильф. № 307, Рыбн. III № 34) или Иванѣ Удовкинѣ сынѣ и составляетъ схему, весьма напоминающую старо-французскую поэму объ Ираклiи, основанную на византiйскомъ сказанiи (вѣроятно восточнаго происхожденія [4]).

Главныя черты схемы таковы: 1. Иванъ (Гостиный сынъ) родится отъ старыхъ, дотолѣ бездѣтныхъ родителей, вслѣдствіе ихъ молитвы и обѣта. По совѣту какого-то старика онъ достаетъ чудная жеребенка. 2. По смерти отца мать продаетъ сына на чужбину. 3. Иванъ является при дворѣ какого-то царя; онъ обладаетъ вѣщими знаніями, испытываетъ въ запуски съ царскими конями быстроту своего жеребенка и выигрываетъ. Во французской поэмѣ объ Ираклiи этотъ герой, чудесно рожденный, получаетъ отъ Господа три дара: распознавать женщинъ, достоинство лошадей и камней. По смерти отца обѣднѣвшая мать продаетъ сына на чужбину (какъ мать продаетъ Ивана Гостинаго сына). Ираклій, купленный сенешалемъ, попадаетъ ко двору императора и доказываетъ, что обладаетъ тремя чудесными свойствами, между прочимъ купленный имъ косматый жеребенокъ оказывается быстрѣе всѣхъ

---

[1]) Сборн. свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ. Вып. VIII. Отд. I стр.34 „Ингуши,“ статья Чаха Ахріева.

[2]) См. Liebrecht—Zur Volkskunde, стр. 380. Grimm, Kinder—und Haus—Märchen № 16, Тысяча и одна ночь, 4 путешествіе Синдбада. Грузинск. басни и сказки Саввы Сулхана Орбеліани, пер. Цагарели № 111.

[3]) Южно-русск. былины. IV.

[4]) *Назв. соч. 56.*

коней императора (какъ конь Ивана Гостинаго сына превзошелъ всѣхъ коней кн. Владиміра).

На Кавказѣ намъ неизвѣстно сказаніе, отвѣчающее всѣмъ частямъ выставленной А. Н. Веселовскимъ схемы или старофранцузской поэмѣ объ Ираклія. Но нѣкоторыя черты сюжета о мальчикѣ, имѣющемъ чудесный даръ узнавать дивныхъ коней, находимъ въ Осетинской сказкѣ объ Алыппѣ [1].

Въ одномъ аулѣ похитили мальчика и продали какому-то богатому алдару (старшинѣ). Тотъ сдѣлалъ его пастухомъ и послалъ пасти барановъ. Однажды мальчикъ, идя за стадомъ, нашелъ конскій черепъ и сталъ его разсматривать; затѣмъ онъ заплакалъ. Какой-то прохожій замѣтилъ это и сталъ его спрашивать о причинѣ слезъ. Мальчикъ отвѣчаетъ, что сожалѣетъ умершаго коня, потому что онъ былъ *алыппъ*—чудный конь. Прохожій разсказалъ объ этомъ алдару и тотъ, узнавъ отъ мальчика, что онъ умѣетъ различать *алыппов*ъ, сталъ держать его въ почетѣ, надѣясь, что онъ добудетъ ему чудеснаго коня. Дѣйствительно, по указанію мальчика, алдаръ купилъ двухъ коней—жеребца совсѣмъ черного и кобылу такую же, но съ маленькимъ бѣлымъ пятномъ на лбу и на ногѣ. Пользуясь неосторожнымъ словомъ алдара, мальчикъ, ѣхавшій на жеребцѣ, ускакалъ отъ него далеко, и алдаръ, на своей кобылѣ, не могъ его догнать.

Отдѣльныя черты этой сказки, напоминающія схему А. Н. Веселовскаго и наши былины, таковы.

1. Какъ Иванъ Гостинный сынъ былъ проданъ на сторону и затѣмъ очутился при князѣ Владимірѣ, такъ осетин. мальчикъ былъ проданъ на сторону и попалъ къ какому-то старшинѣ (алдару).

2. Какъ Иванъ Гостиный сынъ является знатокомъ въ коняхъ и его бурушка оказывается лучше коней Владиміра, такъ осетинскій мальчикъ умѣетъ распознавать *алыппов*ъ, и выбранный имъ жеребецъ оказывается лучше коня алдара.

3. Какъ Иванъ Гостиный сынъ, по одной былинѣ (Рыбн. III № 34), выигравъ закладъ, даритъ своего коня Владиміру, но тотъ возвращаетъ его ему обратно („мнѣ не надобенъ твой добрый конь, поѣзжай домой") и Иванъ уѣзжаетъ домой; такъ алдаръ, хотя и противъ желанія, лишается купленнаго для него мальчикомъ алыппа, и мальчикъ уѣзжаетъ домой.

---

[1]) Осет. Этюды. I, стр. 154 и слѣд. Алыппъ—конь, обладающій чудесными свойствами.

При большемъ знакомствѣ съ кавказскими народными сказаніями, вѣроятно найдется не мало такихъ сюжетовъ, которые извѣстны и на Руси и проникли въ нашъ эпосъ, но уже приведенныя нами кавказско-русскія параллели въ достаточной степени опредѣляютъ интересъ, представляемый изученіемъ кавказскихъ сказаній для русскаго эпоса. Это изученіе впослѣдствіи, можно надѣяться, уяснитъ многое, что теперь представляется еще темнымъ, но и въ настоящее время уже можно сдѣлать попытку къ рѣшенію вопроса, какой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ кавказско-русскихъ сказочныхъ параллелей. Находя одни и тѣ же сюжеты на Кавказѣ и на Руси должны ли мы считать Кавказъ ихъ родиной, изъ которой вслѣдствіе давнихъ сношеній прикавказскихъ народностей съ Русью эти сюжеты проникли на сѣверъ и западъ, или же болѣе вѣроятно, что одни и тѣ же сюжеты могли быть въ извѣстный періодъ заносимы и въ Кавказскія горы и въ южнорусскія степи. Послѣднее по нѣкоторымъ географическимъ и историческимъ соображеніямъ намъ представляется болѣе вѣроятнымъ. Припомнимъ, что кавказская этнографія вполнѣ уяснила фактъ, что гигантскій горный хребетъ, представляющій широкую, труднопроходимую стѣну между двумя морями, служилъ искони убѣжищемъ для множества народовъ, которые двигались съ востока на западъ по обѣ его стороны, по сѣвернымъ степямъ и южнымъ плоскогоріямъ Малой Азіи. И съ сѣвера, и съ юга отбившіяся отъ торнаго пути племена загонялись другими, болѣе сильными, въ горныя ущелья и проживали въ нихъ вѣками, дѣлая изъ кавказскаго перешейка какой-то природный этнографическій музей. Этотъ музей, сохраняя до нашего времени множество племенъ съ ихъ разнообразными антропологическими признаками и бытовыми особенностями, сохранилъ также массу разнообразныхъ произведеній духовнаго творчества, попадавшихъ въ это захолустье въ разное время и съ разныхъ сторонъ. Съ юга чрезъ Арменію, Грузію, Албанію могли заходить сюда, какъ мы видѣли, сюжеты и типы изъ иранскаго эпоса и переходить по ту сторону хребта на сѣверную плоскость; съ сѣвера заходили въ горы сказанія степныхъ кочевниковъ (тюрковъ), занимавшихъ сѣверо-кавказскія равнины въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ подъ различными названіями — Гунновъ, Болгаръ, Хазаръ, Кипчаковъ (Половцевъ), Ногайцевъ, Татаръ. Подтвержденіе существованію этихъ двухъ главныхъ теченій мы находимъ, съ одной стороны, въ томъ, что еще до нашихъ дней нѣкоторыя сказанія о Рустемѣ популярны на Кавказѣ, съ *другой—въ томъ*, что, какъ мы видѣли, нартскій эпосъ (ка-

бардинцевъ, горскихъ татаръ, осетинъ, чеченцевъ) самъ указываетъ на свое сѣверное *степное* происхожденіе. Отсюда представляется вѣроятнымъ предположеніе, что именно степныя кочевыя тюркскія народности играли значительную роль при распространеніи однихъ и тѣхъ же сказочныхъ сюжетовъ на Кавказѣ и въ юго-восточной Руси, были посредниками между русскими славянами и сѣверокавказскими народностями. Мы видѣли, что г. Халанскій, упоминая вскользь о существованіи связи Руси съ Кавказомъ во всѣ періоды нашей исторіи, выдвигаетъ тотъ фактъ, что „впослѣдствіи казачество Запорожское и Донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Руси“ [1]).

Но едва ли общіе кавказско-русскіе мотивы относятся къ столь позднему періоду и едва ли казачество служило важнымъ посредствующимъ звеномъ между Русью и Кавказомъ въ области произведеній народнаго творчества. Гораздо большее значеніе имѣли, вѣроятно, болѣе раннія отношенія русскихъ славянъ къ сѣверокавказскимъ народностямъ и особенно къ тюркскимъ кочевникамъ, занимавшимъ сѣверокавказскія степи и вмѣстѣ съ тѣмъ юго-восточные предѣлы Руси. Припомнимъ нѣкоторые историческіе факты, которые могутъ имѣть значеніе для историко-литературнаго вопроса объ отношеніяхъ кавказскихъ эпическихъ мотивовъ къ русскимъ.

Не восходя въ слишкомъ глубокую древность, напр. въ эпоху гуннскаго погрома, пронесшагося и надъ сѣвернымъ Кавказомъ и надъ южно-русскими степями, припомнимъ, что въ періодъ процвѣтанія могущественной Хазарской державы въ ея составъ равно входили и сѣверо-кавказскія народности и нѣкоторыя славяно-русскія племена. Въ концѣ VI-го столѣтія кавказскіе Аланы, предки нынѣшнихъ Осетинъ, самая многочисленная и сильная народность сѣвернаго Кавказа, должны были подчиниться Хазарамъ, такъ же, какъ ихъ ближайшіе тюркскіе сосѣди Утургуры, потомки великой гуннской орды [2]), жившіе за Дономъ между Чернымъ и Азовскимъ моремъ. Въ концѣ VII столѣтія Хазары распространяютъ свою власть на всемъ пространствѣ отъ Волги до Днѣпра, и славянскія племена въ этихъ обширныхъ предѣлахъ платятъ имъ дань. Когда постоянная война Хазаръ съ Арабами изъ за обладанія восточнымъ побережьемъ Кавказа (Дагестаномъ) ослабила могущество Хазаръ, когда имъ угрожаютъ набѣги Печенѣговъ, и сложившееся русское государство лишаетъ ихъ дани славянскихъ племенъ, тогда—въ первой половинѣ X вѣ-

[1]) Великорусс. былины, стр. 34.
[2]) Осет. Этюды. III, стр. 61.

ка—и сѣверокавказскія народности. Аланы и Черные Болгаре (между Дономъ и Кубанью), вновь пріобрѣтаютъ себѣ независимость, и на судьбу ихъ начинаетъ вліять новый могущественный народъ на сѣверо-западѣ—Русь, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ утвердилъ свое владычество на Таманскомъ полуостровѣ. Исторія утвержденія Руси въ Тмутороканѣ (въ X в.) до сихъ поръ покрыта мракомъ, но то немногое, что намъ извѣстно объ этомъ княжествѣ, позволяетъ видѣть въ Тмутороканѣ центръ, въ которомъ завязывались самыя живыя и бойкія сношенія Руси съ сосѣдними тюркскими и кавказскими народностями (Касогами-Черкесами и Ясами-Осетинами). Благодаря своему приморскому положенію и торговому значенію, этотъ городъ и его окрестности отличался самымъ пестрымъ этнографическимъ составомъ населенія: здѣсь проживали и греки, составлявшіе главнымъ образомъ торговую часть населенія, и готы тетракситы, и представители разныхъ тюркскихъ племенъ—Болгаръ, Хазаръ, прежнихъ властителей этихъ мѣстъ, и представители воинственныхъ кавказцевъ-Касоговъ и Ясовъ, которые вмѣстѣ съ тюрками всегда давали обильный контингентъ въ дружины, набираемыя въ Тмутороканѣ русскими князьями для походовъ на Русь въ борьбѣ изъ-за удѣловъ. Къ сожалѣнію, наша Кіевская лѣтопись мало интересуется этимъ захолустнымъ княжествомъ: она упоминаетъ о немъ лишь случайно, когда тотъ или иной князь появляется оттуда на арену борьбы изъ-за удѣловъ съ наемными войсками. Только Мстиславъ, братъ Ярослава, воевавшій съ Касогами, повидимому занималъ болѣе продолжительное время столъ Тмутороканскій и такимъ образомъ поддерживалъ славянскій элементъ населенія Подонья. „Но и онъ, и послѣдующіе князья, говоритъ г. Голубовскій, [1]) появлявшіеся въ Тмутороканѣ, интересовались болѣе дѣлами на Руси: ихъ тянуло къ Днѣпру. Послѣ 1024 г. до 1054 въ продолженіе тридцати лѣтъ тамъ князя не было. Мы не знаемъ даже, былъ ли тамъ посадникъ. Затѣмъ начинается быстрая смѣна князей, которые являлись туда на время, для своихъ личныхъ цѣлей, чтобы запастись средствами для борьбы со своими противниками на Руси... Въ послѣдній разъ Тмуторокань упоминается въ русской лѣтописи подъ 1094 годомъ. Въ этомъ году Олегъ Святославичъ покинулъ ее, чтобъ сѣсть въ Черниговѣ. Но этотъ славный торговый городъ продолжалъ существовать и быть центромъ торговаго движенія на юго-востокѣ".

Хотя въ послѣдующіе вѣка могущественная половецкая

[1]) *Печенѣги, Торки* и Половцы до нашествія Татаръ. Кіевъ. 1884, стр. 183.

орда отрѣзала русскія поселенія Подонья и Тмуторокань отъ сѣверской Руси, хотя лѣтопись умалчиваетъ о судьбѣ бывшаго тмутороканскаго княжества въ XII вѣкѣ, въ періодъ самой упорной борьбы Руси съ Половцами, однако нельзя думать, что русскій элементъ въ населеніи этой окраины, наводненной тюркскими кочевниками, исчезъ уже въ это время: онъ не забылъ еще своихъ связей съ сѣверской Русью, и сѣверскіе князья еще не забыли о немъ. Еще въ 1185 г. Игорь, герой Слова о П. И., направляясь съ сѣверскими дружинами противъ Половцевъ, хочетъ поискати града Тмутороканя. Здѣсь, въ этой древней области съ насиженной культурой, мы, какъ и въ прежнее время, должны предположить въ XII в. тотъ же пестрый этнографическій составъ, то же постоянное и живое взаимодѣйствіе разныхъ національныхъ элементовъ, содѣйствовавшее и взаимному обмѣну произведеній народнаго творчества. Рядомъ съ болѣе древними кавказскими племенами (Касоговъ, Ясовъ) и остатками раннихъ пришельцевъ, осѣдлыхъ готовъ, здѣсь еще держалось осѣдлое славянское населеніе, а какъ верхній господствующій слой, надъ всѣми этими разноязычными элементами, лежала многочисленная половецкая орда, хозяйничавшая въ то время на всемъ сѣверномъ Кавказѣ, какъ нѣкогда Хазары, и объединявшая всѣ подчиненныя ей слабыя народности. Дѣйствительно, любопытное свидѣтельство венгерскаго монаха, посѣтившаго Приазовье въ 1237 г., представляетъ въ Тмуторокани оригинальную смѣсь элементовъ христіанско-культурныхъ и восточныхъ „Ея (Тмуторокани) владѣтель (dux) и населеніе называютъ себя христіанами, имѣя книги и священниковъ греческіе. Говорятъ, что князь имѣетъ сто женъ; всѣ мужчины брѣютъ головы, а бороды ростятъ умѣренно, за исключеніемъ благородныхъ, которые въ знакъ благородства надъ лѣвымъ ухомъ оставляютъ немного волосъ, причемъ вся остальная голова обрита“ [1]). Какъ видно, здѣсь преобладаютъ во внѣшнемъ бытѣ черты тюркскія, объясняющіяся господствомъ Половцевъ, хотя духовная сила прежняго культурнаго элемента населенія— христіанство—еще держится прочно, какъ оно продержалось на сѣверѣ Кавказа, хотя въ крайне захудаломъ видѣ, чуть ли не до XVIII столѣтія. Какое этнографическое вліяніе имѣли тюркскіе кочевники и особенно Половцы на юговосточное славянское населеніе, разсматриваемъ мы въ VII экскурсѣ. Здѣсь же отмѣтимъ, что не меньшее (если не большее) вліяніе оказывалъ тюркскій элементъ на Кавказѣ. Древнія чер-

[1]) Голубовскій, стр. 187 со ссылкой на Fejer.—Codex diplomaticus Hungariae ecclesiasticae et civilis, v. IV, ps. II, p. 51—52.

кесскія (касожскія) и ясскія племена должны были, подъ напоромъ тюрковъ, оттѣсниться на западъ, ближе къ горамъ, а во многихъ мѣстахъ тюрки вытѣснили туземцевъ даже изъ горныхъ ущелій. Таково тюркское населеніе въ Карачаѣ— на верхней Кубани и по рѣкамъ Баксану, Чегемму, Череку, смѣнившее въ этихъ мѣстахъ древнее осетинское населеніе. Полные хозяева на сѣверѣ Кавказа Половцы въ качествѣ наемныхъ дружинъ нерѣдко появлялись и въ Закавказьѣ, камъ союзники Грузинъ въ борьбѣ съ мусульманами. Грузинскій царь Давидъ, по свидѣтельству грузинской хроники, имѣлъ на жалованьи сорокъ тысячъ Кипчаковъ (Половцевъ), служившихъ ему въ его многочисленныхъ войнахъ [1]) Еще сильнѣе становится наплывъ тюркскаго элемента на сѣверный Кавказъ послѣ татарскаго разгрома. Въ 1223 г., по свидѣтельству Ибнъ-эль-Атира, масса Половцевъ переселилась на Кавказъ, такъ что въ многочисленномъ тюркскомъ населеніи сѣвернаго Кавказа (кумыкахъ) естественно видѣть потомковъ нѣкогда могущественной половецкой орды.

Припоминая этнографическое вліяніе тюрковъ на сѣверное кавказское населеніе, мы находимъ объясненіе тому факту, что на сѣверѣ Кавказа, въ степяхъ, нѣкогда занимаемыхъ касогами и Ясами, а за ними Тюрками, сложился богатырскій (нартскій) эпосъ, котораго герои равно извѣстны и Кабардинцамъ, потомкамъ Касоговъ, и Карачаевцамъ, потомкамъ пришлыхъ тюрковъ, смѣшавшихся съ туземнымъ осетинскимъ населеніемъ, и горнымъ Осетинамъ, потомкамъ Ясовъ, загнанныхъ въ горы съ сѣверной равнины. Какъ на этой равнинѣ, постоянной аренѣ борьбы азіатскихъ насельниковъ, все вновь прибывавшихъ съ востока, съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями, должны были вырабатываться типы богатырей и сказанія о нихъ получать обильную пищу, такъ, при подобныхъ же условіяхъ, являлись богатырскіе типы и складывались сказанія далѣе на сѣверо-западѣ въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ (Кіевской, Черниговской, Переяславской, Сѣверской), которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдлой Руси съ такими же азіатскими кочевниками. И эти кочевники, приносившіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторыя изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ и мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляются намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса: южный—кавказскій и сѣверный—русскій.

---

[1]) *Голубовскій*, стр. 190, со ссылкой на Defrémery, pp. 26—27, note 3.

Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ [1]).

Самое раннее указаніе на распространеніе иранскихъ эпическихъ сказаній въ Закавказьѣ, именно въ Арменіи, находимъ мы у армянскаго историка Моисея Хоренскаго (половина V в. по Р. Х.). Предлагая по просьбѣ своего патрона, правителя Арменіи Саака Багратуни, объясненіе парсійскимъ легендамъ о Бюраспѣ Аждахакѣ (парсійскомъ Azhidahaka baevaraspa), армянскій историкъ, какъ благочестивый монахъ, предпосылаетъ своему объясненію слѣдующія характерныя слова: „Ненавистные для меня разсказы и дѣйствія, *молва о которыхъ оскорбляла мой слухъ* (слѣдовательно эти разсказы были распространены среди армянъ), теперь собственной рукой начертываю, придаю смыслъ ихъ безсмысленности, излагая здѣсь событія древнѣйшія, недоступныя даже для самихъ парсовъ, только чтобы сдѣлать тебѣ угодное и, если можно, полезное“ [2]).

Давая затѣмъ эвгемеристическое толкованіе, согласно вкусамъ своего времени, парсійскому миѳу объ Аждахакѣ, Хоренскій въ другомъ мѣстѣ своей исторіи (I, гл. VIII), говоря о великанѣ Торк'ѣ, назначенномъ царемъ Вахаршакомъ правителемъ запада, представляетъ другое любопытное свидѣтельство о томъ, что главная личность персидскаго эпоса—Рустемъ—былъ извѣстенъ армянамъ: „Если желаешь,—говоритъ онъ обращаясь къ Сааку,—я разскажу тебѣ о немъ (т. е. Торк'ѣ) невѣроятныя и нелѣпыя сказки, какія Парсы разсказываютъ о Ростомѣ Сагчикѣ, имѣвшемъ силу ста двадцати слоновъ“... [3])

---

1) Перепечано съ дополненіями изъ Этнографическаго Обозрѣнія, Кн. II, стр. 1—36.

2) Исторія Арменіи—пер. Н. О. Эмина. М. 1885, стр. 73.

3) Тамъ же, стр. 84 По поводу этого мѣста ученый переводчикъ Хоренскаго Н. О. Эминъ замѣчаетъ вполнѣ справедливо: „Вѣроятно, въ V в. парсійскіе рапсоды воспѣвали такіе подвиги Рустема, которые въ XI в., во время Фирдоуси, были уже забыты: ибо нашъ авторъ увѣряетъ, что парсійскому герою приписывали силу ста двадцати слоновъ (стр. 286).

Имѣя въ виду въ настоящей статьѣ прослѣдить въ кавказскихъ народныхъ сказаніяхъ отголоски иранскаго эпоса, считаемъ необходимымъ припомнить сначала нѣкоторые историческіе факты.

Достаточно бросить бѣглый взглядъ на отношенія закавказскихъ народностей въ древніе и средніе вѣка къ ихъ персидскимъ сосѣдямъ, чтобъ составить себѣ понятіе о томъ, какъ широко и глубоко должно было проникать въ Закавказье вліяніе иранской культуры. Еще въ періодѣ Ахеменидовъ нѣкоторыя народности Закавказья входили въ составъ обширной Персидской монархіи. Изъ списка податей, приводимаго Геродотомъ и основаннаго на оффиціальныхъ документахъ, мы узнаемъ, что при Артаксерксѣ I цѣлый рядъ закавказскихъ племенъ вносили дань въ богатую казну Ахеменидовъ. Таковы каспіи, давшіе свое имя Каспійскому морю, и павсики, пантиматы и дарейты, составлявшіе 11-ю область персидскаго государства, армяне, входившіе съ сосѣдними съ ними племенами (до Чернаго моря) въ составъ 13-й области, матіены, саспейры, алародіи (18-я область), мосхи, тибарены, макроны, моссинойки и мары (19-я область [1]). По словамъ того же историка, „жители Колхиды и ихъ сосѣди до Кавказскаго хребта согласились (sic) подносить подарокъ персидскому царю (владѣнія персовъ простираются только до этихъ поръ, вся же сѣверная часть Кавказа находится внѣ ихъ власти)". [2]) По приказу персидскаго монарха, закавказскія племена выставляли отряды въ персидское войско и принимали участіе въ отдѣльныхъ походахъ, сохраняя каждое свое національное вооруженье, но подчиняясь командѣ персидскихъ военачальниковъ [3]) Конечно, нельзя думать, чтобъ соприкосновеніе закавказцевъ съ персами во время походовъ могло глубоко распространять иранскую культуру въ горахъ Закавказья. Но несомнѣнно, *нѣкоторыя* черты этой культуры какъ въ области матеріальнаго такъ и въ области духовнаго быта, могли уже въ эти отдаленныя времена проникнуть на Кавказъ и сохраниться тамъ тѣмъ прочнѣе, что съ паденіемъ древняго персидскаго царства вліяніе Ирана на нѣкоторыя области Закавказья не прекращается, но продолжается при владычествѣ парѳянъ и особенно усиливается въ періодъ средневѣковой персидской монархіи Сасанидовъ (отъ 226 до

---

1) Herodot. III. 92—94.

2) Ibid. III. 97.

3) См. описаніе вооруженія закавказскихъ отрядовъ въ арміи Ксеркса у Геродота VII. 67, 78.

651 г. по Р. Х.). Исторія Арменіи и Грузіи представляетъ длинный рядъ фактовъ, указывающихъ на политическое вліяніе иранцевъ на эти области. Уже во II в. до Р. Х. парѳянскіе Аршакиды склонны смотрѣть на Арменію, какъ на вассальную страну, и Митридатъ I (6-й аршакидъ) возводитъ на ея престолъ своего брата Вах'аршака. Вся исторія этой несчастной страны сводится въ періодѣ парѳянскаго царства (отъ 250 г. до Р. Х. -226 по Р. Х.) къ происходившей въ ней ожесточенной борьбѣ между парѳянами и римлянами, причемъ въ различныхъ перипетіяхъ этой продолжительной войны на престолъ Арменіи восходили то парѳянскіе, то римскіе ставленники. Вмѣшиваясь свободно во внутреннія дѣла Арменіи, какъ ближайшей и сосѣдней страны, парѳянскіе цари простираютъ свое вліяніе и на болѣе отдаленныя области—Иберію, Албанію и привлекаютъ ихъ къ участію въ своихъ войнахъ съ римлянами и къ усиленію своего вліянія на Арменію. Еще рѣшительнѣе и свободнѣе распоряжаются въ Закавказьѣ могущественные цари династіи Сасанидовъ. Уже первый сасанидъ Ардеширъ I (226—240) подчинилъ себѣ Арменію, изгнавъ изъ нея слабые римскіе отряды, и съ тѣхъ поръ армянскіе цари только время отъ времени выходятъ изъ подъ вліянія Сасанидовъ, если послѣднимъ измѣняетъ счастіе въ войнѣ съ Римомъ и затѣмъ Византіей. Наконецъ въ V-мъ вѣкѣ (428 г.) Арменія утрачиваетъ и свою національную царскую династію и, какъ прочія области персидской монархіи, управляется персидскими *марзбанами*. Въ той части ея (Персарменіи), которая была во власти персовъ [1]) Сасаниды, эти ревностные пропагандисты національной религіи парсовъ—ученія Заратуштры, стараются силой оружія и интригами распространить государственную религію и вытѣснить христіанство. Особенно упорнымъ пропагандистомъ магизма является Іездегердъ II (438—457), котораго царствованіе можетъ быть названо послѣднимъ кровавымъ періодомъ борьбы ученія Заратуштры съ ученіемъ Христа въ Закавказьи (Арменіи, Иберіи, Албаніи). На успѣшность своей попытки Іездегердъ могъ разсчитывать (хотя послѣдствія показали, что онъ заблуждался), особенно въ виду того, что задолго до христіанства среди народностей Закавказья былъ распространенъ культъ иранскихъ божествъ. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о дохристіанской религіи Арменіи и Грузіи, представляютъ намъ въ пантеонѣ этихъ

[1]) Другая половина Арменіи была подъ властію Византіи.

странъ на ряду съ національными богами боговъ древне-иранскихъ.

Такъ, дохристіанскимъ армянамъ были извѣстны иранскія божества: Арамаздъ (въ Авестѣ Ahura Mazdâ[0]), богиня Анахита, Михръ (авест. Mithra) и друг. [1]), имѣвшія много храмовъ въ предѣлахъ Арменіи. Въ Грузіи процвѣталъ въ Мцхетѣ культъ Армаза, въ святилищѣ сооруженномъ по преданію основателемъ первой грузинской династіи Фарнавазомъ (носящимъ кстати вполнѣ иранское имя) [2]). Этотъ иранскій культъ, смѣшавшійся въ Грузіи съ мѣстнымъ идолослуженіемъ, былъ особенно поддерживаемъ правительствомъ съ тѣхъ поръ, какъ по прекращеніи (со смертью царя Асфагура въ 265 г. по Р. Х.) династіи Аршакидовъ въ мужской линіи, наслѣдницей престола осталась единственная дочь этого царя и высшее сословіе страны обратилось къ Шапору, персидскому царю, съ просьбой возвесть на престолъ Грузіи его сына, Миріана, женивъ его на дочери Асфагура. Эта религіозная и династическая связь Грузіи съ Персіей продолжалась до эпохи водворенія въ Грузіи христіанства (въ 1-й четверти IV в.); но и послѣ религіознаго разрыва Сасаниды, пользуясь слабостью этого государства, не оставляютъ надежды искоренить новую религію, и послѣдней нерѣдко угрожала серіозная опасность, особенно въ царствованіе фанатика Іездегерда II, когда подъ вліяніемъ религіозныхъ преслѣдованій и пропаганды маговъ низшія сословія грузинскаго народа стали сильно уклоняться отъ христіанства [3]) При сасанидѣ Кобадѣ (490 - 531) персы свободно хозяйничаютъ въ Грузіи и занимаютъ своими гарнизонами даже крѣпость въ Даріальскомъ ущельѣ, отрѣзая такимъ образомъ эту страну отъ сѣверо-кавказскихъ народовъ, которые нерѣдко являлись вспомогательными отрядами въ грузинскихъ и византійскихъ войскахъ. Преемникъ Кобада Хосровъ Аноширванъ (631—578) обращаетъ еще большее вниманіе на Закавказье—Албанію, Иберію—и на горные проходы. Онъ возстановляетъ крѣпость Дербендъ и учреждаетъ въ разныхъ областяхъ, прилегающихъ къ этому важному военому пункту, персидскія

[1]) См. Н. Эмина—Очеркъ религіи языческихъ Армянъ. М. 1864.

[2]) Вахуштъ сообщаетъ, что статуя Армаза была громаднаго размѣра облаченная въ золото; глаза идола были сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ камней и блестящая корона изъ такихъ же камней украшала его голову. У подножія статуи совершалось религіозное празднество сопровождавшееся обильными жертвоприношеніями—быковъ, барановъ, козъ и даже дѣтей и завершавшееся пиромъ. См. Баратовъ—Исторія Грузіи I, стр. 38, 45.

[3]) Баратовъ—Исторія Грузіи II, стр. 27.

вассальства подъ управленіемъ наслѣдственныхъ шаховъ, которые для собственныхъ интересовъ должны были зорко охранять съ этой стороны персидскую границу. Опасность, угрожавшая христіанству въ Закавказьѣ, устранилась лишь чрезъ пятидесятилѣтіе по смерти Кобада, когда послѣ ряда пораженій, нанесенныхъ императоромъ Иракліемъ персидскому царю Хосровъ Парвезу, Персія лишается своего политическаго вліянія на Кавказѣ. Императоръ разрушаетъ храмы поклоненія огню въ Ганзакѣ и другихъ мѣстахъ Закавказья, изгоняетъ изъ Грузіи въ 629 г. всѣхъ огнепоклонниковъ, отказавшихся принять христіанскую вѣру, и съ этого времени вѣковая борьба магизма съ христіанствомъ можетъ считаться оконченной, а черезъ нѣсколько лѣтъ, съ покореніемъ Персіи арабами (въ 642 г.), огнепоклонство лишается уже всякой внѣшней поддержки и падаетъ окончательно.

Однако вѣковое религіозное вліяніе Персія на Кавказъ не могло не оставить даже послѣ своего прекращенія слѣдовъ въ народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ. Такіе слѣды особенно въ восточной части Закавказья, подвергшейся при Аноширванѣ персидской колонизаціи, дѣйствительно были указываемы въ свидѣтельствахъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ писателей и въ нѣкоторыхъ народныхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, сохранившихся до нашихъ дней. Но оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, нуждающійся въ спеціальной разработкѣ, отмѣтимъ, что не менѣе сильно, чѣмъ въ вѣрованіяхъ, отразилось персидское вліяніе на южнокавказскихъ языкахъ. Множество персидскихъ словъ проникло въ грузинскій языкъ, а армянскій словарь преисполненъ ими до такой степени, что даже нѣкоторые лингвисты, принимающіе въ разсчетъ лексическую сторону языка болѣе, чѣмъ фонетическую и морфологическую, склонны видѣть въ армянскомъ языкѣ языкъ иранской группы.

Переходя послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній къ вопросу о вліяніи Персія на Закавказье въ области произведеній словесности, мы вступаемъ на почву еще совсѣмъ не разработанную и которую мы сами, конечно, не имѣемъ притязанія разработать. Мы желаемъ только указать на интересъ, который должны представить въ будущемъ систематическія изслѣдованія, предпринятыя въ этой области спеціалистами арменистами и иберистами для исторіи литературныхъ вліяній, подтвердить эту мысль нѣкоторыми примѣрами распространенія завѣдомо иранскихъ (персидскихъ) сказаній на почвѣ Кавказа и приблизительно опредѣлить періодъ времени, въ теченіе котораго могло происходить это вліяніе Ирана на Закавказье.

Изъ иранскихъ эпическихъ героевъ, усвоенныхъ сказаніями кавказскихъ народностей, мы избираемъ двухъ наиболѣе популярныхъ, Рустема и Бежана. Имя перваго богатыря до сихъ поръ одно изъ употребительныхъ на Кавказѣ личныхъ именъ, а древній сказочный носитель его является общеизвѣстнымъ идеаломъ храбрости и силы. Такъ, при изображеніи совершенствъ какого нибудь сказочнаго царевича, разсказчикъ говоритъ, что онъ былъ прекрасенъ какъ Искандеръ Зюлькарнейнъ (Александръ Македонскій въ восточныхъ версіяхъ Александріи), уменъ, какъ Логманъ (извѣстный индійскій мудрецъ), *храбръ, какъ Рустеми Залъ* [1]. Между похожденіями Рустема наибольшимъ распространеніемъ въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ пользуется его встрѣча и битва съ роднымъ сыномъ, плѣнявшая народную фантазію своей глубоко трагической развязкой.

Разсмотримъ 4 версіи этого сказанія: *сванетскую*, *пшавскую*, *имеретинскую* и *осетинскую*.

По *сванетской* версіи, сообщенной въ газ. Иверія (1887 № 214) [2], Ростомъ былъ туранецъ (sic), жилъ въ царствѣ Кекевоза (перс. Кейкаусъ) въ „Караи“ (?) и проводилъ жизнь въ борьбѣ съ *дэвами* и кабанами. Онъ имѣлъ двухъ братьевъ— Гиви и Гургена и одного племянника Бежана, сына Гиви. Кекевозъ дорожилъ Ростомомъ, такъ какъ безъ него *дэви* погубили бы его царство. Когда дэви наводняли царство и похищали у жителей даже дѣтей изъ колыбели, тогда Ростомъ, по просьбѣ Кекевоза, истреблялъ ихъ и очищалъ царство. Когда Ростомъ состарился, Кекевозъ собралъ народъ и предложилъ позаботиться о томъ, чтобы Ростомъ оставилъ послѣ себя сыновей, которые продолжали бы дѣло отца и спасали отечество отъ дэвовъ. Ростомъ, какъ герой, не хотѣлъ имѣть связи съ женщиной. На собраніи была одна женщина, которая вызвалась завлечь богатыря. Царь обѣщалъ ей большую награду, если она исполнитъ свое слово. Женщина пригласила Ростома на ужинъ, а послѣ ужина уговариваетъ его остаться у нея ночевать. Долго отказывался Ростомъ, но наконецъ согласился. Хозяйка приготовила три постели и на одну изъ нихъ указала Ростому. Когда богатырь заснулъ, она прилегла къ нему. Проснувшись, Ростомъ сильно разсердился на то, какъ осмѣлилась женщина лечь рядомъ съ богатыремъ,

---

1) См. народн. сказки закавказскихъ Татаръ—Захарова въ Сборн. Мат. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VI, Отд. II, стр. 124.

2) Русскій переводъ сванетской и пшавской сказки о Ростомѣ былъ обязательно сдѣланъ для нас[illegible] Хахановымъ.

которому повелѣно отъ Бога не знать женщинъ, такъ какъ онъ посвятилъ себя исключительно геройскимъ подвигамъ, и перешелъ на другую постель. Но женщина и тутъ не оставила его въ покоѣ; она перешла къ нему, и когда онъ перешелъ на третью постель, снова послѣдовала за нимъ [1]) Когда наконецъ она высказала подозрѣніе, что онъ лишенъ мужской силы, Ростомъ, устыдившись, долженъ былъ исполнить ея желаніе. На другой день, покидая ее, онъ объявилъ, что, въ случаѣ рожденія сына, она должна назвать его Зурабомъ. Когда мальчикъ подростетъ и захочетъ пуститься на геройскіе подвиги, пусть она надѣнетъ ему на шею *шарни* (гривну) и привяжетъ ого шлемъ къ сѣдлу: по этой примѣтѣ Ростомъ узнаетъ сына, если ему придется съ нимъ встрѣтиться. Дѣйствительно, у женщины родился сынъ, прекрасный, какъ звѣзда. Ночью онъ росъ на $^1/_4$ аршина, днемъ на 4 пальца. Когда онъ подросъ и выходилъ въ поле, то билъ всѣхъ сверстниковъ, не щадя и сыновей Кекевоза. Царевичи однажды попрекнули его тѣмъ, что отецъ его пропалъ безъ вѣсти. Тогда Зурабъ отправился отыскивать отца, и мать передъ его отъѣздомъ надѣла на него *шарни*. На дорогѣ въ Караю Зурабъ встрѣтился съ діаволомъ, принявшимъ видъ женщины. Эта женщина стала издѣваться надъ юношей, смѣясь надъ его женскимъ украшеніемъ и шлемомъ, привязаннымъ къ сѣдлу. Зурабъ, не обративъ на это вниманія, ѣдетъ дальше. Діаволъ въ другомъ видѣ снова встрѣчается ему и повторяетъ свои насмѣшки. Наконецъ послѣ 3-й встрѣчи съ діаволомъ, богатырь, выйдя изъ себя, прячетъ шарни въ карманъ и шлемъ подъ сѣдло. Прибывъ въ Караю, гдѣ охотился Ростомъ, Зурабъ до вечера убилъ столько звѣрей, что сдѣлалъ себѣ изъ ихъ костей палатку, гдѣ и расположился на ночлегъ. Замѣтивъ въ полѣ палатку, Ростомъ подъѣхалъ къ ней и, не видя на пріѣзжемъ богатырѣ своихъ примѣтъ, вызываетъ его на поединокъ. Въ первой схваткѣ Ростомъ всадилъ Зураба въ землю до колѣнъ, а Зурабъ Ростома до спины. По обычаю богатырей поединокъ долженъ былъ возобновиться на второй и на третій день. Оставшись побѣжденнымъ вторично, Ростомъ замыслилъ хитростью убить пріѣзжаго богатыря. Онъ заказалъ кузнецу два копья и спряталъ ихъ въ своихъ ногавицахъ. Когда въ третьей схваткѣ Зурабъ повалилъ его, Ростомъ, лежа на землѣ, всадилъ оба копья ему въ животъ. Умпрая Зурабъ проклинаетъ своего убійцу и грозитъ ему

[1]) Ср. тотъ же мотивъ въ чеченскомъ сказаніи о Колой-кантѣ; Сбор. Свѣдѣній о Кавказск. Горцахъ IV отд. II, стр. 5 и 6.

мщеніемъ Ростома, своего славнаго отца: „взойдешь ли ты, говоритъ онъ, на скалу, Ростомъ обратится туромъ и догонитъ тебя; пустишься ли ты въ море, онъ поплыветъ за тобою форелью; войдешь ли въ землю, онъ обратится въ крысу и не оставитъ мою смерть безъ отмщенія“. Пораженный горемъ, Ростомъ распрашиваетъ сына, и тотъ объясняетъ, почему онъ скрылъ свои примѣты. Ростомъ старается исцѣлить раны сына, но напрасно: Зурабъ уже похолодѣлъ. Тогда въ отчаяніи отецъ обращается съ молитвой къ Властителю міра и даетъ обѣтъ 12 лѣтъ просидѣть въ ямѣ, не видя солнца, если воскреснетъ Зурабъ. Выкопавъ затѣмъ яму въ 12 саженъ глубины, онъ сходитъ въ нее съ трупомъ сына и сидитъ въ ней безъ пищи и питья. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подзываетъ къ ямѣ дьякона царя Кекевоза и посылаетъ его просить у царя для Зураба воды, воскрешающей мертвыхъ. Коварный царь даетъ дьякону чашу воды, но приказываетъ ему, подходя съ нею къ Ростому, нарочно оступиться и пролить воду; иначе, говоритъ онъ, „Ростомъ съ такимъ сыномъ-богатыремъ отниметъ у насъ царство“. Дьяконъ исполнилъ приказаніе царя, но Ростомъ, разгадавъ ихъ хитрость, посылаетъ изъ ямы угрозы дьякону и царю.

Десять лѣтъ уже сидитъ Ростомъ въ ямѣ. Борода у него отросла до ногъ. Онъ продѣлъ волосы бороды между пальцами Зураба, сдѣлалъ такимъ образомъ „чіанури“ (скрипку) и наигрываетъ на ней печальные мотивы, воспѣвая несчастное убійство сына. Между тѣмъ дэви и кабаны наводнили царство Кекевоза. Братья Ростома—Гиви и Гургенъ—не способны были защитить страну; племянникъ, Бежанъ, былъ совсѣмъ молодъ. Кекевозъ проситъ Гиви послать сына его Бежана противъ враговъ. Гиви исполняетъ просьбу царя и посылаетъ Бежана, давъ ему въ руководители его дядю Гургена... (Далѣе въ сванетскомъ сказаніи слѣдуетъ описаніе похожденій Бежана, которыя мы разсмотримъ позже). Послѣ того, какъ Бежанъ былъ заключенъ царемъ Афросуапомъ въ яму, Кекевозъ возлагаетъ всю надежду на одного Ростома и посылаетъ къ нему дьякона съ мольбой о помощи. Дьяконъ, наступивъ на камень, закрывавшій яму Ростома, кричитъ ему грознымъ голосомъ: „встань, старикашка, безъ тебя дэви и кабаны разорили насъ!“. Ростомъ, выведенный изъ себя этой дерзостью, бросаетъ трупъ Зураба, въ которомъ уже начинали показываться признаки жизни, выходитъ изъ ямы и приказываетъ дьякому достать бритву и осла навьюченнаго пулями. Дьяконъ исполняетъ приказаніе. Тогда Ростомъ сбрилъ ему бороду и положилъ его подъ осла и сказалъ:

„если несправедливо поступилъ со мною дьяконъ, то я разсѣку однимъ ударомъ осла, навьюченнаго пулями, и дьякона, чрезъ котораго я второй разъ убилъ сына". Дѣйствительно, однимъ ударомъ онъ разсѣкъ осла и дьякона и всадилъ мечъ въ землю на 12 саженъ. Затѣмъ онъ идетъ къ царю. Кекевозъ съ двумя сыновьями выходитъ ему на встрѣчу, но Ростомъ, помня его коварство, раздавилъ царевичамъ головы, чтобы и Кекевозъ почувствовалъ, какъ тяжело потерять сына.

Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній по поводу приведеннаго сванетскаго сказанія.

Сравнивая его съ извѣстнымъ эпизодомъ о Рустемѣ и Сохрабѣ, поэтически обработаннымъ поэтомъ Фирдоуси, мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ какъ бы остовъ этого иранскаго преданія, но остовъ не той редакціи, которую находимъ у тусскаго поэта, а какой-то, повидимому, болѣе простой и вѣроятно болѣе ранней. Впрочемъ, слѣды болѣе грубыхъ изводовъ проглядываютъ и у Фирдоуси, который, какъ поэтъ и эстетикъ, старался внести въ свой пересказъ болѣе изящества и благородства.

Сванетская женщина, грубо преслѣдующая Ростома, польстившись на царскую награду, такъ же мало напоминаетъ изящную Техмимэ Фирдоуси, какъ наша баба Горынична въ ея связи съ Ильей Муромцемъ. Однако Фирдоуси не настолько уклонился отъ древняго преданія, чтобъ совсѣмъ затушевать ту черту, что инниціатива той любовной связи, отъ которой произошелъ Сохрабъ, принадлежала не Рустему, а Техмимэ. Послѣдняя ночью проникаетъ въ спальню Рустема, признается ему въ страстной любви и желаніи имѣть отъ него сына. Не трудно видѣть, какія были ближашія послѣдствія этого ночного визита. Но Фирдоуси, желая соблюсти законныя формы, говоритъ, что Рустемъ, выслушавъ любовное признанье, согласился стать мужемъ царевны, послалъ *мобеда* (жреца) испросить согласіе ея отца на бракъ, и царь, обрадованный этимъ, устраиваетъ свадьбу, согласо съ обычаями страны [1])

Далѣе въ сванетской версіи отсутствуетъ цѣлый рядъ деталей, извѣстныхъ изъ Фирдоуси. Она ничего не знаетъ о выборѣ Сохрабомъ коня предъ отправленіемъ въ Иранъ, о присылкѣ властителемъ Турана Афрасіабомъ войска Сохрабу и обоихъ полководцевъ Бармана и Гумана, которымъ поручено всячески препятствовать Сохрабу узнать своего отца Рустема, о взятіи Сохрабомъ *Бѣлаго* замка, о его битвѣ съ

---

[1]) Mohl—Le livre des Rois, t. II, p. 62.

амазонкой Гурдаферидой, о вызовѣ царемъ Кейкаусомъ Рустема при извѣстіи о побѣдахъ Сохраба надъ иранцами и о похожденіяхъ Рустема, предшествующихъ его встрѣчѣ съ сыномъ [1]). Послѣ втораго неудачнаго для него боя, Рустемъ у Фирдоуси не прибѣгаетъ къ такому коварству, какъ сванетскій Ростомъ. Онъ только проситъ божество возвратить ему въ полномъ объемѣ его прежнюю силу, отъ части которой онъ нѣкогда самъ отказался, такъ какъ погрязалъ отъ тяжести въ землю. Получивъ свою силу обратно, Рустемъ повалилъ Сохраба и распоролъ ему „груди бѣлыя". Въ окончаніи разсказы персидскій и сванетскій также значительно расходятся. Оба сохранили ту подробность, что Рустемъ обращается къ царю Кейкаусу за „живой" водой; но, по версіи Фирдоуси, царь просто отказываетъ посланному Рустемомъ Гудерзу въ воскрешающемъ средствѣ; сванетская же версія вводитъ какого то коварнаго *дьякона*, проливающаго „живую" воду по приказу Кекевоза. Далѣе Фирдоуси описываетъ подробно обрядъ оплакиванья Рустемомъ убитаго сына, прекращеніе войны съ Тураномъ, путешествіе Рустема съ войскомъ, сопровождавшимъ похоронныя носилки, въ Забулистанъ, плачъ старика Заля надъ трупомъ внука, построеніе Рустемомъ склепа, но ничего не говоритъ о долголѣтнемъ пребываніи въ немъ Рустема и объ убіеніи послѣднимъ двухъ сыновей Кейкауса. Всѣ эти черты несходства между разсмотрѣнными версіями древне-иранскаго сказанія указываютъ на то, что въ основѣ сванетскаго пересказа долженъ лежать не тотъ изводъ, который поэтически обработалъ Фирдоуси.

Переходимъ къ *пшавскому* сказанію о Ростомѣ, сообщенному въ газ „Иверія" (1889 № 82).

Однажды богатырь Ростомъ увидѣлъ высокую скалу, съ вершины которой капала кровь. Онъ приставилъ къ скалѣ чинаръ, взобрался на вершину и нашелъ тамъ исполинскаго чернаго араба. Великанъ сидѣлъ, всадивъ въ землю между колѣнами кинжалъ, и когда начиналъ дремать, ударялся лбомъ объ остріе кинжала и тотчасъ просыпался. Ростомъ спросилъ его: „братецъ, зачѣмъ ты такъ дѣлаешь?" Арабъ открылъ глаза и говоритъ: „счастье твое, что ты назвалъ меня братомъ, а то ты пострадалъ бы". Затѣмъ онъ объяснилъ Ростому, что онъ подстерегаетъ краснаго араба, который поднимется съ чудной красавицей съ востока изъ Краснаго моря и пройдетъ мимо скалы. Черный арабъ будетъ

[1]) Ibid. стр. 66—117.

биться съ краснымъ изъ-за красавицы и потому подстерегаетъ его, боясь заснуть. Ростомъ предложилъ черному арабу уснуть, обѣщаясь караулить и во-время разбудить его. „Ты меня не разбудишь,—сказалъ ему черный арабъ, — если не ударишь меня кинжаломъ въ босую ногу." Такъ и сдѣлалъ Ростомъ, когда вскорѣ затѣмъ красный арабъ разлилъ свѣтъ на востокѣ. Ростомъ пожелалъ помочь черному арабу въ борьбѣ съ краснымъ. Черный приказалъ ему вырыть яму и сидѣть въ ней во время борьбы, укрывшись такимъ образомъ отъ ужаснаго вѣтра, который поднимется отъ ногъ борцевъ. Если красный арабъ начнетъ осиливать, пусть Ростомъ выйдетъ изъ ямы и крикнетъ; тогда красный потеряетъ бодрость. Ростомъ исполнилъ все это, и черный арабъ отбилъ у краснаго красавицу, а Ростомъ оставался у побѣдителя въ качествѣ слуги. Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкравшись къ нему во время сна, онъ пытается отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не можетъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ своимъ кинжаломъ отрубилъ арабу обѣ ноги. Великанъ приподнялся и бросилъ свои отрубленныя ноги такъ сильно, что деревья съ корнями взлетѣли вверхъ. Затѣмъ Ростомъ напалъ на искалѣченнаго араба, убилъ его и хотѣлъ взять съ собою красавицу. Но она убѣжала отъ него и крикнула: „не можетъ быть моимъ мужемъ тотъ, кто измѣной и коварствомъ убилъ араба, а не лицемъ къ лицу, какъ подобаетъ герою". Ростомъ не могъ пустить стрѣлу въ убѣгающую красавицу, такъ какъ герой не можетъ поднять руку на женщину; но онъ взобрался на гору, крикнулъ такимъ громкимъ голосомъ, что красавица упала, и онъ овладѣлъ ею. Покидая красавицу, Ростомъ даетъ ей особый знакъ и велитъ ей пришить его къ одеждѣ будущаго сына, когда онъ выростетъ и задумаетъ искать отца. Самъ Ростомъ возненавидѣлъ всѣхъ женщинъ и черный цвѣтъ.

Зурабъ—такъ назвала красавица сына—былъ такъ силенъ, что еще 6-ти мѣсяцевъ отъ роду, сжимая альчики въ рукѣ, обращалъ ихъ въ порошокъ. Однажды одинъ обиженный имъ мальчикъ сказалъ ему: „если ты ужъ такъ силенъ, то отыщи своего пропавшаго отца". По настоянію Зураба, мать разсказала ему объ отцѣ, и онъ отправился его разыскивать. Чтобъ испытать сына, какъ онъ встрѣтитъ врага, мать одѣлась въ мужское платье, вооружилась и въ видѣ всадника подскакала на пути къ Зурабу, требуя, чтобъ онъ отдалъ ей оружіе. Зурабъ ударилъ копьемъ въ лошадь всадника, шапка съ него упала, и разсыпались женскіе волосы, по которымъ

Зурабъ узналъ свою мать. Послѣдняя, довольная мужествомъ сына, благословила его въ дальнѣйшій путь и вернулась домой.

Зурабъ прибылъ въ какой-то городъ. Здѣсь одинъ старикъ по „знаку" призналъ въ немъ сына Ростома и, опасаясь, что отецъ съ сыномъ будутъ причинять городу еще больше несчастій, сталъ издѣваться надъ *знакомъ* Зураба, говоря, что съ нимъ онъ похожъ на женщину. Зурабъ спряталъ знакъ за пазуху. Старикъ разсказалъ въ городѣ о пріѣздѣ Зураба, и, по его совѣту, горожане отправляются просить Ростома сразиться съ пріѣзжимъ богатыремъ. Ростомъ идетъ къ дому, гдѣ остановился Зурабъ, и смотритъ на богатыря чрезъ окно въ крышѣ. Зурабъ подзываетъ его къ двери, но Ростомъ не входитъ и отвѣчаетъ, что завтра они будутъ биться. Въ первой схваткѣ осилилъ Зурабъ. Ростомъ прекратилъ бой. Ночью онъ отточилъ ножъ и утромъ вызвалъ Зураба на вторичный поединокъ. Но Зурабъ снова повалилъ стараго богатыря. Тогда, лежа на землѣ, Ростомъ вонзаетъ неожиданно ножъ въ Зураба. Юноша, смертельно раненый, угрожаетъ противнику местью своего отца. Пораженный его словами, Ростомъ требуетъ „знака" и Зурабъ, умирая, указываетъ себѣ за пазуху. Въ надеждѣ воскресить сына, Ростомъ посылаетъ къ кузнецу Кевзу Маканадзе за „живой" водой. Маканадзе былъ врагъ Ростома и не желалъ воскрешенія его сына, но все-же послалъ воды съ дьякономъ, которому велѣлъ, приблизившись къ Ростому, споткнуться и пролить воду. Въ отомщеніе за это, Ростомъ прибѣжалъ къ Кевзу Маканадзе и убилъ двухъ его сыновей, а самъ бросился въ море, но не могъ утонуть и все плавалъ на поверхности. Городъ обѣщалъ крупную награду тому, кто выманитъ Ростома на берегъ. Одинъ старикъ берется за это предпріятіе съ условіемъ, чтобъ его кормили на общественный счетъ, пока онъ живъ, и похоронили, когда умретъ. Онъ идетъ на море и начинаетъ полоскать въ водѣ черную шерсть. Ростомъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ старику: „безумецъ, развѣ можетъ воронъ побѣлѣть, хоть бы безъ конца мыть его пескомъ!" Старикъ отвѣтилъ: „а кто когда-либо воскресилъ слезами умершаго?" Ростомъ вышелъ на берегъ и остался на землѣ, проклиная свою несчастную судьбу.

Все начало приведенной сказки едва ли принадлежитъ къ иранскимъ сказаніямъ о Рустемѣ и противорѣчитъ характеру героя. Лицо, служащее у чернаго араба, затѣмъ убивающее его коварнымъ образомъ и отвергаемое красавицей, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ эпическимъ Ростомомъ. Въ пшавскомъ сказаніи скомкано и спутано содержа-

нія двухъ разныхъ сказокъ, и потому первая часть, до рожденія Зураба, можетъ быть нами оставлена въ сторонѣ. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя черты — черный богатырь (арабъ), красный богатырь и красавица морскаго происхожденія — встрѣчаются въ грузинскомъ разсказѣ о похожденіяхъ героя Бадри Ямანисдзе, входящемъ какъ эпизодъ (porte 2-me) въ составъ романа о похожденіяхъ богатырей Дареджановъ (Daredjaniani), во главѣ которыхъ стоитъ популярный въ грузинскихъ сказаніяхъ герой Амиранъ [1].

Остальная часть пшавскаго сказанія довольно близка къ сванетскому. Отмѣтимъ только черты несходныя. Такъ въ пшавскомъ, встрѣчѣ Зураба съ Рустемомъ предшествуетъ нападеніе на Зураба переодѣтой въ мужскую одежду женщины. Сказаніе видитъ въ ней мать Зураба, желавшую испытать его мужество. Но, очевидно, этотъ мотивъ представляетъ отголосокъ поединка иранскаго Сохраба съ амазонкой Гурдаферидъ, о полѣ которой онъ узнаетъ, также какъ въ пшавской сказкѣ, по волосамъ, разсыпавшимся изъ-подъ сорваннаго съ нея шлема [2].

Въ другой подробности — въ высматриваніи Рустемомъ пріѣзжаго богатыря чрезъ отверстіе въ крышѣ — можно видѣть отголосокъ ночного тайнаго посѣщенія иранскимъ Рустемомъ замка, въ которомъ жилъ Сохрабъ, причемъ Рустемъ убиваетъ ударомъ кулака Жендэ Резма, замѣтившаго его случайно [3].

Яма, въ которой, по сванетской версіи, нѣсколько лѣтъ сидитъ Ростомъ у трупа сына, замѣнена въ *пшавской* моремъ, попавшимъ сюда изъ другого сказанія [4], повидимому, принадлежавшаго къ циклу похожденій Дареджановъ, отдѣльныя черты которыхъ и въ другихъ кавказскихъ сказкахъ переплетаются съ похожденіями Ростома. Такъ, въ осетинскихъ сказкахъ, какъ мы увидимъ далѣе, Ростомъ принадлежитъ, какъ и Беза (Бежанъ), къ богатырскому роду Даредзановъ, а въ

1) У автора «Барсовой Шкуры» Шота Руставели читается четырехстишіе (№ 1637 по изд. 1841 г), гдѣ говорится, что «Моисей Хонскій въ Имеретіи прославилъ Амирана Дареджанисдзе. См. Brosset — Melanges Asiatiques t. VIII pp. 423 и 428. Содержаніе рукописнаго романа Daredjaniani см. въ Bulletin Scientifique de l' Acad. Impér. t. III, 1838, стр. 7 и слѣд.

2) Mohl — II, p. 75.

3) Mohl — II. 101.

4) Такъ въ осетинской сказкѣ о Дарезанахъ Амиранъ, сынъ Ростома, живетъ сначала въ морѣ и затѣмъ посредствомъ хитрости, къ которой прибѣгаютъ его братья Бадри и Руси, выходитъ на берегъ. См. Осет. Этюды I, стр. 145; ср. также I, стр. 17.

имеретинской сынъ Ростома даже получилъ имя главнаго богатыря фамиліи Дареджановъ.

Эта имеретинская сказка о Ростомелѣ [1]) по началу довольно близка къ пшавской. Ростомела, бродя по лѣсу, видитъ однажды цѣлый ручей крови и идетъ по тому направленію, откуда она течетъ. Чрезъ нѣсколько времени онъ увидѣлъ на полянѣ девятиголоваго *дэви*, который, опираясь подбородкомъ на острую пику, стоитъ и смотритъ въ одну сторону. Когда же его одолѣваетъ дремота, онъ натыкается на остріе пики и сейчасъ же просыпается, а изъ подбородка ручьемъ течетъ кровь. На вопросъ Ростомелы, что онъ дѣлаетъ, дэви отвѣчаетъ: „была у меня единственная жена, и ту отнялъ двѣнадцатиголовый дэви; вотъ я теперь стою и поджидаю его. Онъ непремѣнно пройдетъ здѣсь съ моею женой, и я рѣшился или отнять жену, или пожертвовать собой".—„Когда такъ, говоритъ Ростомела,—и я подожду,—за успѣхъ ручаюсь". Спустя нѣсколько времени, показался двѣнадцатиголовый дэви съ женщиною. Ростомела, какъ вихрь, понесся къ нему, бросилъ въ него копьемъ, и дэви упалъ на землю мертвымъ; моментально онъ подскочилъ къ нему, отрѣзалъ ему головы, а жену повелъ къ мужу. Но она оказалась такою красавицей, что Ростомела, не долго думая, убилъ и девятиголоваго дэви, а самъ сдѣлался ея мужемъ. Однако онъ проводитъ съ нею только одну ночь.—„У тебя,—говоритъ Ростомела женѣ,—родится сынъ; ты его назови Абрамомъ [2]); когда же онъ выростетъ и начнетъ ходить, нашей ты ему на плечи двѣ красныя ленточки, чтобъ я могъ его узнать, если въ случаѣ встрѣчусь съ нимъ гдѣ нибудь. Съ этими словами Ростомела ушелъ.

Чрезъ 9 мѣсяцевъ у женщины родился сынъ, котораго она и назвала Абрамомъ. Ребенокъ росъ не по днямъ, а по часамъ: въ три года онъ уже былъ полнымъ мущиною, богатырскаго сложенія и непомѣрной силы. Мать нашила ему на плечи красныя ленточки, а онъ пошелъ бродить по лѣсу, подобно отцу. Звѣри страшились его, и деревья съ корнемъ валились на землю при одномъ прикосновеніи его.

Однажды, бродя по лѣсу, Абрамела видитъ предъ собою женщину съ веретеномъ въ рукѣ, на которомъ вмѣсто „квиристави" (пряслицы) надѣтъ былъ камень громадныхъ размѣровъ. Она пряла нитки. Абрамела и спрашиваетъ женщину:

---

[1]) Напечатана въ Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. IX Отд. II стр. 167 и слѣд. Ростомела уменьшительное и ласкательное имя отъ Ростомъ.

[2]) Абрамъ, очевидно, искажено изъ *Амиранъ*.

„что за необходимость употреблять такой громадный квиристави?“ А она въ отвѣтъ: „Такой квиристави такъ же мало необходимъ мнѣ, какъ тебѣ твои ленточки на плечахъ“. Абрамела тутъ же срываетъ съ своихъ плечъ ленточки, бросаетъ ихъ на землю и идетъ дальше. Немного спустя съ нимъ встрѣтился Ростомела и крикнулъ ему громовымъ голосомъ: „Эй!“ А Абрамела отвѣтилъ ему еще болѣе громкимъ: „Эй“. Тутъ схватились оба богатыря и началась жестокая борьба. Ростомела взялъ Абрамелу да и всадилъ его въ землю по колѣни. Въ свою очередь Абрамела, схвативъ Ростомелу, съ такою силою ударилъ о землю, что тотъ очутился въ землѣ по поясъ. Но Ростомела скоро оправляется, схватываетъ Абрамелу, да и всаживаетъ его въ землю по самую шею. Такъ Абрамела обезсиленъ: руки его не дѣйствуютъ, такъ какъ онъ весь почти въ землѣ. Ростомела выхватываетъ шашку, и голова Абрамелы отлетѣла прочь. Но Ростомела хочетъ узнать, кого онъ убилъ, и кто это герой, который осмѣлился сразиться съ нимъ. Разсматривая убитаго, онъ вдругъ замѣчаетъ на его плечахъ остатки отъ красныхъ ленточекъ: сразу же догадался онъ, что убилъ собственнаго сына, и немедленно послалъ за „живой“ водой, чтобъ оживить его. Но прежде, чѣмъ принесли живую воду, предъ Ростомелою является какая то женщина и начинаетъ мыть черную шерсть. Ростомела замѣчаетъ ей: „Что это ты черную шерсть моешь? Развѣ она побѣлѣетъ?“ „Она такъ-же не побѣлѣетъ“, говоритъ странная женщина,—какъ не оживетъ и твой сынъ!“ Услыша эти слова, Ростомела начинаетъ плакать и рыдать по убитомъ сынѣ; а чтобъ наказать себя за совершонное зло, онъ переломилъ себѣ ту руку, которою онъ отрѣзалъ голову своему сыну, а свое горе выразилъ въ стихахъ: „Ростомъ герой, Ростомъ дэви! Ростомъ страшно ошибся: сына онъ собственнаго убилъ и зато руку себѣ изуродовалъ“.— Въ это время подходитъ къ Ростому та самая женщина, что мыла предъ нимъ черную шерсть и говоритъ ему: „Это я погубила и твоего сына, и тебя, потому что ты и одинъ ужъ много бѣдъ натворилъ на свѣтѣ; а тутъ еще на подмогу явился твой сынъ! Вѣдь ему еще и трехъ лѣтъ не было, а что онъ творилъ! Что еслибъ онъ подросъ! Вѣдь онъ разрушилъ бы и небо, и землю!.. Такъ вотъ я и предпочла вашу смерть разрушенію міра!“ Но это была не женщина, а дьяволъ...

Въ этой имеретинской версіи, вообще довольно близкой къ пшавской, любопытно отмѣтить, что иранскій царь Кейкаусъ, еще сохранившій въ сванетской сказкѣ свое имя (Кекевозъ)

и замѣненный въ пшавской какимъ-то кузнецомъ Кевзомъ Маканадзе, здѣсь перешелъ уже въ діавола, принимающаго видъ женщины. Притомъ діаволъ, совершенно несогласно съ своей ролью, заботится о томъ, чтобъ предотвратить разрушеніе неба и земли! Какъ сванетская и пшавская сказки, такъ и имеретинская еще знаютъ кое что о женѣ Ростома, матери богатырскаго сына, но осетинская сказка, записанная г. Кайтмазовымъ [1], уже не сохранила свѣдѣній объ этой личности.

Уѣзжая изъ дому, Ростомъ оставилъ жену свою беременною и велѣлъ ей прислать къ нему сына, какъ только тотъ выростетъ. Такъ какъ Зурапъ-ханъ, какъ вообще всѣ Дaредзаны, выросъ быстро, то мать захотѣла испытать его, какъ наказывалъ ей мужъ. Зурапъ-ханъ, схвативъ буйвола за заднія ноги, перебросилъ его черезъ семь этажей. Тогда мать снарядила его въ путь; между прочимъ, она велѣла ему привязать за сѣдломъ пукъ прутиковъ и не отвязывать ихъ ни въ какомъ случаѣ, хотя черти всячески будутъ нарочно надъ нимъ смѣяться. Зурапъ-ханъ отправился въ путь. На дорогѣ встрѣчаются ему нѣсколько человѣкъ, которые стали расхваливать его, говоря, что никогда еще не было въ ихъ сторонѣ такого ѣздока, только его безобразитъ этотъ пукъ, привязанный за сѣдломъ; они совѣтовали ему отвязать и бросить его. Зурапъ-ханъ не послушался. Забѣжавъ впередъ, черти опять ему встрѣтились и повторили то-же самое. И на этотъ разъ Зурапъ-ханъ былъ благоразуменъ; но когда это повторилось въ третій разъ, Зурапъ-ханъ, не подозрѣвая обмана, не выдержалъ—бросилъ пукъ и поѣхалъ дальше. Онъ подъѣзжалъ уже къ городу Абрасетъ, когда завидѣлъ его Ростомъ, который, смотря на него, не мало удивлялся: „всадникъ будто изъ Дaредзанъ, а за сѣдломъ его нѣтъ отличительныхъ прутьевъ.“ Онъ крикнулъ на него. Зурапъ-ханъ будто и не слыхалъ. Ростомъ крикнулъ во второй разъ,—то-же самое, въ третій разъ—все одно: Зурапъ-ханъ даже вниманія не хочетъ обратить на него; такъ-же спокойно слѣзъ онъ съ лошади и пустилъ ее въ садъ. Ростомъ, не встрѣчавшій еще такого пренебреженія къ себѣ, бросился на незнакомца, и они стали бороться. Въ то время, какъ Зурапъ-ханъ повалилъ Ростома, послѣдній вынулъ изъ-за ногавицы ножъ и всадилъ его Зурапъ-хану въ животъ.—„Горе твоему очагу“,—сказалъ Зурапъ-ханъ, умирая: „у меня есть отецъ, Ростомъ, который поймаетъ тебя за ногу, если ты вздумаешь отъ него

[1] См. Сборн. Матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII, 1889. Отд. II — 18.

спасаться на небо, и за чубъ,—если въ землю: нигдѣ тебѣ отъ него не укрыться!"

Ростомъ, узнавъ сына, сталъ рыдать и рвать на себѣ волосы. Но ничего нельзя было уже сдѣлать. Тогда онъ вошелъ съ трупомъ сына въ подземелье (бынелетъ) и тамъ круглый годъ пробылъ съ нимъ, отростивъ до колѣнъ бороду. Ни на минуту не выпускалъ онъ его изъ объятій, обливая его горькими слезами. Наконецъ, боги сжалились надъ нимъ: въ день, когда настала годовщина несчастнаго событія, Зурапъ-ханъ сталъ шевелиться...

Далѣе, какъ и въ сванетской сказкѣ о Ростомѣ, разсказывается похожденіе Безана, которое мы разсмотримъ ниже.

Осетинская сказка ближе къ сванетской, чѣмъ къ пшавской. Такъ же, какъ въ первой, насмѣшки чертей, принявшихъ человѣческій видъ и три раза встрѣчавшихся Зурабу на пути, заставляютъ сына спрятать знаки, по которымъ его могъ бы узнать отецъ. И такъ же, какъ въ сванетской сказкѣ, въ осетинской Ростомъ съ трупомъ Зураба спускается въ яму. Послѣдняя черта, не извѣстная изъ сказанія о Рустемѣ у Фирдоуси, представляетъ, по видимому, подробность, вошедшую въ иранское сказаніе уже на Кавказѣ, хотя мы и не можемъ уяснить ея источника. Основная мысль въ ней та, что по прошествіи извѣстнаго времени мертвецъ могъ бы быть воскрешенъ: онъ начинаетъ уже проявлять признаки жизни, но внезапный перерывъ сидѣнія около оживлявшагося трупа, снова приводитъ его въ прежнее состояніе.

Нѣсколько сходный мотивъ встрѣчается въ осетинскомъ сказаніи о нартѣ Урызмагѣ. Чудесный мальчикъ-богатырь сопровождаетъ этого богатыря на войну и помогаетъ ему въ осадѣ замка Чилахсартонова. Чилахсартонъ ранитъ мальчика стрѣлою. „Въ то время,—продолжаетъ сказка,—было такъ: если кого перенесутъ за три долины, то уже тому смерти не было. Урызмагъ положилъ мальчика на спину и перенесъ его за двѣ долины. Сырдонъ былъ злодѣемъ для нартовъ. Онъ сказалъ Урызмагу: „Ага, Урызмагъ! твою дружину разбили, а ты колдуньина сына на спину положилъ и несешь". Урызмагъ бросилъ мальчика, когда услыхалъ эти рѣчи. Поэтому мальчикъ умеръ" [1]). Если мы замѣтимъ, что въ другихъ осетинскихъ сказаніяхъ чудесный мальчикъ богатырь—оказывается безыменнымъ сыномъ Урызмага [2]), помогающимъ отцу въ

---

1) См. Осет. Этюды I, стр. 45.

2) См. Осет. Тексты Шифнера, стр. 71—86 и Сборн. свѣд. о Кавказскихъ Горцахъ, Вып. V, отд. II.

его подвигахъ и, по одному сказанію, нечаяно убитымъ своимъ же отцомъ [1]), то сходство вышеприведеннаго мотива съ сидѣніемъ Ростома въ ямѣ и прерваннымъ воскрешеніемъ Зураба станетъ еще ярче.//

Переходя къ разсмотрѣнію сказаній о Бежанѣ, которыя на Кавказѣ тѣсно переплелись съ сказаніями о боѣ Рустема съ сыномъ, считаемъ не лишнимъ напомнить въ главныхъ чертахъ ту персидскую редакцію, которую поэтически обработалъ Фирдоуси.

Разсказъ о похожденіяхъ Бижена открываетъ тусскій поэтъ описаніемъ роскошнаго пира царя Кей-Хосрова съ его богатырями (пехлеванами), среди которыхъ засѣдаютъ Гивъ, Гургинъ и Биженъ, сынъ Гива. Въ залу пиршества вводятъ посольство отъ Ирманцевъ, живущихъ на границѣ между Ираномъ и Тураномъ. Посланники просятъ защитить ихъ область отъ исполинскихъ кабановъ, которые ее опустошаютъ. Царь, обѣщая богатую награду, вызываетъ охотниковъ изъ среды своихъ пехлевановъ. Всѣ молчатъ, и только Биженъ выражаетъ готовность ѣхать биться съ кабанами. Въ спутники и совѣтники слишкомъ юному богатырю даетъ царь Гургина. Запасшись для охоты гепардами и соколами, оба отправляются въ путь и достигаютъ лѣса, въ которомъ бродятъ страшные кабаны. Биженъ разсчитываетъ, что и Гургинъ приметъ участіе въ бою, но тотъ благоразумно уклоняется. Биженъ бьется одинъ, убиваетъ множество кабановъ и привозитъ ихъ головы къ окраинѣ лѣса, гдѣ его ждалъ Гургинъ. Тотъ поздравляетъ его, но въ душѣ завидуетъ и задумываетъ его погубить. Онъ разсказываетъ ему, что недалеко отъ нихъ, на границѣ Турана, есть прелестная поляна, гдѣ веселится съ своимъ штатомъ дивная какъ пери дочь туранскаго царя Афрасіаба Менижэ. Биженъ хочетъ полюбоваться на красавицъ, ѣдетъ къ указанному мѣсту и, скрытый за кипарисомъ, любуется играми тюркскихъ женщинъ. Менижэ замѣтила пехлевана, плѣнилась имъ и послала къ нему свою кормилицу узнать, кто онъ. Онъ называетъ свое имя и тайно приходитъ въ шатеръ Менижэ, которая бросается ему на шею. Угостивъ его обильнымъ ужиномъ и напоивъ его, царевна увозитъ его спящаго въ свой дворецъ, и проснувшись Биженъ очутился ея любовникомъ. Нѣкоторое время царевнѣ удается скрыть его присутствіе, но наконецъ все было донесено Афрасіабу, который приходитъ въ ярость отъ такого оскорбленія. Послан-

---

[1]) Осст. Тексты Шифнера, стр. 72.

ный схватить Бижена Герсивезъ, обѣщавъ ему сохраненіе жизни, выманиваетъ у него оружіе. Бижена связываютъ и приводятъ къ Афрасіабу. Тотъ велитъ его повѣсить, но, склонившись на убѣжденіе Пирана, рѣшаетъ посадить его, скованнаго по рукамъ и ногамъ въ глубокую яму на пожизненное заключеніе. Свою дочь онъ прогоняетъ и она должна жить около ямы, гдѣ сидитъ ея любовникъ, и питаться подаяніемъ. Менижэ ежедневно собираетъ милостыню и кормитъ Бижена, бросая ему хлѣбъ въ яму. Между тѣмъ коварный Гургинъ возвращается въ Иранъ и говоритъ, что Биженъ погнался за онагромъ съ арканомъ, исчезъ и не возвратился. Отецъ Бижена Гивъ, подозрѣвая со стороны Гургина коварство, жалуется царю. Тотъ велитъ наложить на Гургина оковы и обѣщается узнать о мѣстопребываніи Бижена, посмотрѣвъ въ чудесную чашу семи *кешверовъ* (частей земли). Дѣйствительно, чаша открываетъ ему, что Биженъ сидитъ въ ямѣ у царя Афрасіаба и что царская дочь его кормитъ. Затѣмъ царь посылаетъ Гива за Рустемомъ, который одинъ въ состояніи освободить Бижена, *своего внука* [1]. Рустемъ, по обыкновенію, не торопится: нѣсколько дней пируетъ съ гостемъ и затѣмъ отправляется ко двору. Здѣсь онъ прежде всего испрашиваетъ у царя пощады Гургину, затѣмъ снаряжаетъ свою экспедицію. Онъ велитъ навьючить всякими драгоцѣнными товарами сотни верблюдовъ и съ огромной свитой, подъ видомъ купца, отправляется въ Туранъ. Въ городѣ Афрасіаба онъ нанимаетъ домъ и начинаетъ торговать. Менижэ, узнавъ о прибытіи купцовъ изъ Ирана, отправляется къ Рустему, разсказываетъ ему объ участи Бижена и проситъ помощи. Рустемъ, чтобы не выдать себя, говоритъ, что не знаетъ Бижена, но даетъ ей изъ состраданія къ узнику дичь, въ которую вкладываетъ свой перстень. По этому перстню Биженъ узнаетъ о прибытіи Рустема и посылаетъ къ нему Менижэ. Тогда Рустемъ открываетъ цѣль своего пріѣзда и велитъ Менижэ ночью зажечь костеръ передъ входомъ въ яму Бижена, обѣщаясь прійти его выручить. Менижэ исполняетъ приказаніе. Ночью Рустемъ съ своей дружиной подходитъ къ ямѣ, отваливаетъ покрывавшій ее камень, который всѣ его спутники напрасно усиливались отвалить, и прежде чѣмъ вытащить Бижена, беретъ съ него клятву, что онъ не будетъ мстить Гургину. Получивъ отъ Бижена обѣщаніе, Рустемъ бросаетъ ему арканъ и вытаскиваетъ его наружу. Затѣмъ

[1] Гивъ былъ женатъ на дочери Рустема и отъ нея имѣлъ сына Бижена.

освобожденный вмѣстѣ съ Менижэ скачетъ въ Иранъ, а Рустемъ совершаетъ еще ночное нападеніе на дворецъ Афрасіаба и, разбивъ его дружину, преслѣдуетъ ее на разстояніи нѣсколькихъ фарсанговъ. Наконецъ всѣ благополучно возвращаются въ Иранъ [1]).

Вотъ краткое содержаніе романа Бижена и Менижэ, изложеннаго Фирдоуси въ пространной поэмѣ, обильно украшенной цвѣтами восточнаго краснорѣчія. Въ нѣкоторыхъ кавказскихъ народныхъ версіяхъ это романическое иранское преданіе сохранило почти только остовъ, а личность Менижэ, этой любящей женщины, прокармливающей милостыней своего возлюбленнаго, сохранилась даже не во всѣхъ пересказахъ.

Похожденіе Бежана, какъ мы сказали, приводится въ тѣсную связь съ окончаніемъ сказанія объ убіеніи Ростомомъ его сына. Въ то время, когда Ростомъ сидитъ въ ямѣ, говорится въ *сванетскомъ* разсказѣ, царь Кекевозъ (а не Кей-Хосровъ, какъ у Фирдоуси) посылаетъ Бежана вмѣстѣ съ Гургеномъ прогнать кабановъ, опустошавшихъ его царство. Бежанъ убилъ столько кабановъ, что ихъ клыками наполнилъ 100 аробъ; Гургенъ же, испугавшись, влѣзъ на дерево и оттуда смотрѣлъ на побоище, по окончаніи котораго помогъ Бежану выдергивать клыки. Затѣмъ онъ предлагаетъ Бежану идти къ иранскому (sic) царю Афросуапу и просить у него дочь красавицу Маруджаву. Онъ дѣлаетъ это изъ хитрости: туранцы и иранцы—кровные враги; Бежана убьютъ иранцы, а Гургенъ присвоитъ себѣ убитыхъ кабановъ. Когда Бежанъ отправился овладѣть красавицей, Гургенъ привезъ клыки къ царю Кекевозу и разсказалъ, что самъ перебилъ кабановъ, а Бежанъ, испугавшись ихъ, обратился въ бѣгство, но былъ настигнутъ кабаномъ и убитъ. За такой подвигъ Гургенъ получилъ почетное званіе у царя. Между тѣмъ Бежанъ прибылъ къ башнѣ, въ которой Афросуапъ держитъ свою дочь. Послѣдняя увидѣла Бежана, влюбилась въ него и поручила своей служанкѣ ввести его тайкомъ въ башню. гдѣ онъ и остается при ней нѣкоторое время. Узнавъ объ этомъ, Афросуапъ окружаетъ башню войскомъ. Бежанъ перебилъ половину его, а другую обратилъ въ бѣгство. Визири совѣтуютъ царю прекратить осаду, позволить Бежану жениться на Маруджавѣ, а затѣмъ овладѣть имъ хитростію. Царь послушался совѣтниковъ. Сыграли свадьбу. Когда Бежанъ спалъ ночью, на него наложили оковы, но онъ разор-

1) *См. Mohl—o. c. III*, стр. 231—327.

валъ ихъ, какъ нитку. Удивились царь и визири и рѣшили отъ него же самого узнать, чѣмъ его можно связать. Уговорили служанку вывѣдать объ этомъ у Бежана, и послѣдвій проговорился, что его можно связать только тетивою его собственнаго лука. Такъ ночью и связали его. Царь радуется и глумится надъ Бежаномъ. Бежанъ говоритъ, что еслибъ ему дали *лахти* (булава изъ металла), онъ перебилъ бы всѣхъ иранцевъ. Афросуапъ хочетъ его убить, но его визирь Шевлохъ, туранецъ по происхожденію, знавшій Ростома, отговариваетъ царя и совѣтуетъ ему бросить Бежана въ яму и чтобы Маруджана сама доставляла ему пищу, добывая ее какъ знаетъ. Афросуапъ велѣлъ вырыть въ городѣ своемъ *Нарти* (который будто бы существуетъ и донынѣ) яму. Туда посадили Бежана, закрывъ яму громаднымъ камнемъ. Родъ Ростома имѣлъ „минутные часы" (sic), посмотрѣвъ на которые, можно было видѣть весь міръ. По выходѣ изъ ямы, въ которой онъ оплакивалъ Зураба, Ростомъ, взглянувъ на часы, увидѣлъ Бежана въ ямѣ. Тогда онъ взялъ съ собою 12 молодыхъ богатырей, посадилъ ихъ въ мѣшки, которыми нагрузилъ ословъ, и съ такимъ караваномъ отправился въ городъ Афросуапа. Жена Бежана узнаетъ о его прибытіи и сообщаетъ мужу, что пріѣхалъ человѣкъ очень похожій лицомъ на него. Бежанъ посылаетъ ее къ пріѣзжему съ разспросами. Ростомъ въ свою очередь посылаетъ узнику кольцо съ мизинца, письмо и курицу. Изъ письма Бежанъ узнаетъ, что дядя Ростомъ придетъ ночью освободить его съ 12 богатырями. Маруджана разводитъ огонь около ямы. Никто изъ товарищей Ростома не можетъ отвалить камня, но онъ бросаетъ его такъ сильно въ башню, что ея вершина обрушивается, а камень летитъ дальше, ударяется о скалу и затѣмъ падаетъ въ средину города Нарти, разрушивъ его до основанія. Освобожденный Бежанъ и 12 богатырей ѣдутъ домой. Афросуапъ съ войскомъ догоняетъ ихъ, но Ростомъ, отправивъ впередъ Бежана съ дружиной, одинъ остается, чтобы встрѣтить непріятеля. Вырвавъ съ корнемъ громадный кедръ и очистивъ его отъ вѣтвей, Ростомъ бросилъ имъ въ Афросуапа и пригвоздилъ его съ конемъ къ землѣ. Затѣмъ онъ догоняетъ товарищей. Бежанъ хотѣлъ убить Гургена, но Ростомъ исходатайствовалъ у племянника прощеніе дядѣ [1]).

---

[1]) См. Иверія, 1887, № 214. Легенда „Ростомъ-герой". Совершенно искаженный сванетскій варіантъ похожденія Бежана съ кабанами, см. въ сванетскихъ текстахъ изданныхъ г. Греномъ въ Сборн. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Вып. X, отд. II, стр. 76 и слѣд.

При всей близости сванетскаго разсказа къ персидскому у Фирдоуси, цѣлый рядъ деталей указываетъ на то, что въ основѣ сванетскаго лежитъ не тотъ изводъ, который былъ обработанъ персидскимъ поэтомъ. Прежде всего мы отмѣчаемъ странное явленіе, что Иранъ и Туранъ помѣнялись ролями. Ростомъ, этотъ главный пехлеванъ Ирана, въ кавказскихъ разсказахъ сталъ туранцемъ, а жесточайшій врагъ Ирана Афрасіабъ сталъ царемъ Ирана. Такая перестановка объясняется, конечно, историческими отношеніями Закавказья къ Ирану т. е. Персіи. Персіяне, эти враги христіанства, нерѣдко опустошавшіе Закавказье своими походами, были настолько ненавистны грузинамъ, что даже заимствуя національныя сказанія о борьбѣ Ирана съ Тураномъ, закавказскія племена не могли допустить, чтобъ герои Ростомъ, Бежанъ и другіе были иранцами, и, не измѣняя содержанія иранскихъ сказаній, чисто внѣшнимъ образомъ переименовали иранцевъ въ туранцевъ. Любопытный примѣръ тому, какъ легко и просто и съ какими поверхностными измѣненіями усвоиваются національныя сказанія одного племени другимъ!

Далѣе, связавъ между собою хронологически два сказанія — бой Рустема съ сыномъ и освобожденіе Бежана изъ плѣна — сванетская сказка называетъ царемъ Турана (sic), пославшимъ Бежана биться съ кабанами, того же Кекевоза, хотя по персидскимъ преданіямъ похожденія Бижена пріурочиваются къ царствованію Кей-Хосру.

Отмѣтимъ далѣе такія детали сванетскаго разсказа, которыхъ не находимъ у Фирдоуси. Дочь Афросуапа Маруджана, соотвѣтствующая персидской Менижэ, живетъ въ башнѣ и туда призываетъ Бежана. Въ персидскомъ разсказѣ первое свиданіе Менижэ съ Биженомъ происходитъ въ палаткѣ на полянѣ, и затѣмъ охмелѣвшаго Бижена переносятъ въ замокъ царевны. Сванетскій Бежанъ одинъ прогоняетъ цѣлое войско, осаждавшее замокъ, разрываетъ желѣзныя оковы, какъ нитку, и попадаетъ подъ власть Афросуапа только тогда, когда проговорился, что можетъ быть связанъ тетивою собственнаго лука. Чудесный кубокъ семи кешверовъ, въ который смотритъ царь Кей-Хосровъ у Фирдоуси, замѣненъ какими-то „минутными часами", на которые смотритъ самъ Ростомъ. Караванъ съ драгоцѣнными товарами, сопровождающій персидскаго Рустема въ его экспедиціи въ Туранъ, замѣненъ двѣнадцатью богатырями, сидящими въ мѣшкахъ, навьюченныхъ наословъ; сванетскій Ростомъ пріѣзжаетъ въ *иранскій* городъ Нарти, слѣдъ котораго яко-бы существуетъ

и доселѣ. Узнику Бежану онъ сообщаетъ о цѣли своего пріѣзда не только перстнемъ, но сверхъ того (въ силу эпической амплификаціи) *курицей* и *письмомъ*. Громадный камень, покрывавшій яму Бежана и брошенный вверхъ Ростомомъ, уничтожаетъ въ своемъ паденіи весь городъ Нарти, а брошенный тѣмъ же богатыремъ въ Афросуапа кедръ пригвоздилъ „иранскаго" царя вмѣстѣ съ конемъ къ землѣ. Ничего подобнаго нѣтъ въ персидской редакціи, по которой Афрасіабъ, хотя и разбитый, спасся бѣгствомъ и еще много зла впослѣдствіи причинялъ Ирану. Всѣ эти различія въ подробностяхъ показываютъ, что въ иранское сказаніе на почвѣ Кавказа проникли отдѣльныя черты изъ другихъ сказокъ.

Осетинская передача сказанія о Безанѣ отличается крайней бѣдностью деталей.

„Въ то время, какъ Ростомъ находился въ *Абрасетъ-городѣ* (въ ямѣ съ трупомъ сына), *братъ* его Беза охранялъ отъ враговъ какой-то другой народъ. Онъ завелъ тамъ любовницу, и жители за это вознамѣрились извести его какимъ нибудь путемъ, но средство нужно было найти повѣрнѣе; это средство указалъ имъ Гурдженъ, холопъ Беза. Онъ научилъ враговъ Беза связать послѣдняго во время сна тетивой его собственнаго лука. Этой тетивы онъ не разорветъ и его легко будетъ убить. Шесть человѣкъ взялись за одинъ конецъ, шесть за другой и стали пилить тетиву. Когда она была перепилена, лукъ выпрямился и ударилъ державшихъ его съ такою силой, что трехъ убилъ съ одной стороны, трехъ съ другой. Теперь враги ожидали только дня, когда Беза заснетъ. А *Дарѳдзаны*, заснувъ, спали безъ просыпу цѣлую недѣлю. Беза заснулъ. Враги вырыли большую яму, связали его тетивой лука и вкатили въ эту яму, наваливъ на него громадный камень. Жена Ростома, посмотрѣвъ въ это время въ зеркало, имѣвшее силу отражать все, по желанію смотрѣвшаго въ него, узнала объ этомъ и послала сказать мужу, находившемуся въ подземельѣ, чтобы онъ поторопился, оставивъ сына, такъ какъ сынъ у нихъ еще можетъ родиться, а брата не дастъ ему уже никто. Ростомъ, услыхавъ такую вѣсть, бросилъ сына, начинавшаго уже шевелиться, и поспѣшилъ на помощь къ брату. Онъ отвалилъ камень и развязалъ Беза. Когда обнаружилось, что предателемъ его былъ холопъ Гурдженъ, Беза хотѣлъ его задушить, но Ростомъ не позволилъ ему пачкаться собачьей кровью. Тогда братъ просилъ только позволить ему бросить въ Гурджена за наказаніе яблокомъ. Ростомъ позволилъ ему это. Беза, вырѣзавъ яблоко въ серединѣ, налилъ его свинцомъ и ударилъ имъ

Гурджена въ грудь. Яблоко-свинецъ пролетѣло насквозь, и Гурдженъ упалъ мертвый“ [1]).

Вотъ въ какомъ жалкомъ видѣ сохранилось древнее иранское сказаніе у осетинъ, переваливъ за кавказскій хребетъ! Отъ всего поэтическаго эпизода о любви Менижэ къ Бижену, донесся лишь глухой отголосокъ въ томъ, что Безанъ гдѣ-то, у какого-то народа завелъ любовницу и жители, неизвѣстно почему, за это вознамѣрились его извести. Позабыто имя „любовницы“, ея отца Афрасіаба, и родственныя отношенія между Рустемомъ, Биженомъ и Гурджиномъ перепутаны. Изъ внука Беза (Биженъ) перечисленъ въ младшаго брата Ростома, а Гурдженъ сталъ холопомъ Беза. Незначительная деталь, которую мы находимъ въ сванетскомъ пересказѣ и которая отсутствуетъ въ персидскомъ, именно связываніе героя тетивой его собственнаго лука,—почему-то пришлась по вкусу осетинамъ и получила даже хотя не совсѣмъ осмысленное, пополненіе. Перепиленная тетива, прежде чѣмъ ею былъ связанъ Беза, убила 6 человѣкъ, хотя необъяснено, какъ не замѣтилъ Беза въ теченіе нѣкотораго времени отсутствія тетивы на своемъ лукѣ. Чудесный кубокъ Кей-Хосрова и „минутные часы“ Ростома замѣнены чудеснымъ зеркаломъ, въ которомъ видитъ Безана жена Ростома, мать Зурабъ-хана. При этомъ осетинскій разсказчикъ вводитъ ту черту (извѣстную изъ другихъ народныхъ сказаній), что *братъ* стоитъ выше *сына*, и заставляетъ Ростома покинуть уже воскресшаго Зурабъ-хана, чтобы поспѣшить на помощь брату. Тотъ же разсказчикъ не могъ помириться съ безнаказанностью Гурджена, и послѣдній долженъ быть убитъ за свое коварство.

Въ приведенномъ осетинскомъ разсказѣ экспедиція Безана съ Гурдженомъ противъ кабановъ оставила только самый глухой слѣдъ. Разсказчикъ только упоминаетъ, что Беза охранялъ отъ враговъ какой-то народъ. Но болѣе яркій отголосокъ, доказывающій, что эта деталь еще не совсѣмъ исчезла на почвѣ Осетіи, находимъ въ другомъ осетинскомъ разсказѣ, записанномъ мною въ Алагирѣ и скомкавшемъ весьма страннымъ образомъ оба разсматриваемыя нами иранскія сказанья: объ убіеніи Ростомомъ сына и о похожденіи Безана.

Приводимъ этотъ разсказъ, какъ любопытный образчикъ контаминаціи въ народныхъ сказаніяхъ.

---

[1]) См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. VII, 1889 г. Отд. II, стр. 19 и слѣд.

„Ростомъ и Безанъ были изъ рода Сануасовыхъ. Безанъ былъ младшимъ. Однажды имъ послали сказать изъ сада: „Ростомъ! Ангетовскія желѣзно-рылыя свиньи вашъ виноградникъ съѣли". Безанъ туда отправился. Жена его была беременна и сказала: „Ты идешь, а мнѣ что дѣлать? Какъ ты узнаешь, мальчикъ-ли будетъ у меня или дѣвочка?" Онъ сказалъ: „Если будетъ мальчикъ, то по какимъ мѣстамъ пойду, тамъ пойдетъ побѣгъ *стрѣловаго дерева*; это будетъ знакомъ моего пути". Онъ пошелъ и сторожилъ садъ. Затѣмъ у него родился мальчикъ. Ночью онъ на ладонь росъ, днемъ на локоть и скоро сталъ играть стрѣлой.

Однажды дочь колдуньи шла по воду, и мальчикъ стрѣлою пробилъ ей ведро. Дѣвушка ему сказала: „если уже ты такой хорошій мальчикъ, зачѣмъ же твоего отца вошь съѣла?" [1]) Мальчикъ съ плачемъ вошелъ въ свой домъ. Мать сказала ему: „что съ тобою? что плачешь?"—„Отъ кого я родился, сказалъ онъ, былъ у меня отецъ?"—„Былъ", сказала она. —Такъ гдѣ же онъ? Мать сказала: „Теперь ты малъ, туда не пойдешь!"—Отчего не пойду? Покажи мнѣ дорогу къ моему отцу. Мать пошла и направила его по отцовской дорогѣ, по побѣгу стрѣловаго дерева. Мальчикъ ушелъ и шелъ впередъ. Безана въ шатрѣ не было, мальчикъ тамъ сѣлъ; Безанъ ушелъ за добычею. Вазвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ мальчика издали, началъ къ нему подкрадываться, подкрался къ нему, выстрѣлилъ въ него и убилъ. Мальчикъ сказалъ ему (умирая): „Хорошаго мужа сына ты убилъ!"—„Какого рода, племени этотъ мужъ?"—спросилъ его Безанъ. „Я Безановъ сынъ",—сказалъ мальчикъ.—Безанъ себя ружьемъ по головѣ колотилъ; потомъ пошелъ, сдѣлалъ себѣ жилье подъ землею, сталъ тамъ сидѣть и просидѣлъ годъ. Еще три дня оставалось до года, когда ему такъ крикнулъ Сырдонъ: „У! у! ради одного ребенка чего ты подъ землею сидишь?" Если бы еще эти три дня прошли, то мальчикъ былъ бы воскрешенъ,—поясняетъ сказка. Этого болѣе не выдержалъ Безанъ и оттуда вылѣзъ. Не догнавъ Сырдона, онъ вынулъ свой кинжалъ, вонзилъ себѣ въ грудь и умеръ [2]).

Приведенная сказка можетъ служить примѣромъ того крайняго искаженія, которому иногда подвергаются эпическія сказанія, занесенныя далеко отъ первоначальной своей родины. Всякіе слѣды иноземнаго происхожденія Ростома и Безана стерты. Они являются уже осетинами изъ какого-то

---

[1]) Т. е. твой отецъ бездомный нищій.

[2]) Осетинскіе Этюды. Ч. I стр. 79, № XV. Ростомъ и Безанъ.

рода Сануасовыхъ (Сануастӓ) и разсказанное событіе произошло уже не въ глубокой древности, такъ какъ Безанъ застрѣлилъ сына изъ *ружья*, хотя глухо упоминается о какомъ-то стрѣловомъ деревѣ (фатqӓд.). Начало сказки заимствовано изъ сказанія о Безанѣ, такъ какъ *ашеттовскія* желѣзнорылыя свиньи соотвѣтствуютъ гиганскимъ ираманскимъ кабабанамъ (Фирдоуси), но въ дальнѣйшемъ разсказчикъ совсѣмъ позабылъ о Ростомѣ, и его роль сыноубійцы переходитъ къ Безану. Настоящаго единоборства отца съ сыномъ уже нѣтъ. Отецъ, безъ всякой мотивировки, подкрадывается къ малолѣтнему сыну и убиваетъ его. Зато сохраненъ мотивъ оплакиванья отцемъ сына въ ямѣ, мотивъ, какъ мы видѣли, неизвѣстный въ редакціи Фирдоуси, но встрѣчающійся въ другихъ кавказскихъ пересказахъ поединка отца съ сыномъ. Это *сидѣніе* отца съ трупомъ сына въ ямѣ нашло себѣ въ разсматриваемомъ разсказѣ приличную мотивировку: мальчикъ могъ бы быть воскрешенъ, еслибъ сидѣніе не было внезапно прервано (срав. пересказы сванетскій и пшавскій). Нарушителемъ сидѣнья удачно введенъ Сырдонъ, который всегда дѣлаетъ все на зло нартамъ въ осетинскихъ сказаніяхъ. Онъ пристыжаетъ отца его любовью къ сыну и, по осетинскимъ понятіямъ о приличіи, слова Сырдона дѣйствительно оскорбительны, потому что постороннему говорить отцу о его женѣ или дѣтяхъ, а тѣмъ болѣе о его любви къ нимъ, считается, по осетинскимъ понятіямъ, неприличнымъ и оскорбительнымъ. Понятно, что Безанъ „не выдержалъ“ и вылѣзъ изъ ямы. Наконецъ сказка кончается смертію отца (Безана-Ростома), чего нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ кавказскихъ пересказовъ и чего не было въ „иранскомъ“ основномъ преданіи.

Мы видѣли, что по сю сторону кавказкаго хребта, въ обоихъ осетинскихъ сказаніяхъ, уже стерты слѣды персидской національности героевъ. Ростомъ и Безанъ принадлежатъ либо къ роду Даредзановыхъ, либо Сануасовыхъ и уже не являются представителями Ирана въ борбѣ съ Тураномъ (или наоборотъ, какъ въ закавказскихъ сказаніяхъ). Но нѣкоторые слѣды Турана, быть можетъ, еще укрываются гдѣ нибудь въ Осетіи. По крайней мѣрѣ, по словамъ г. Кокіева, ему случилось въ Басланѣ слышать разсказъ, въ которомъ, между прочимъ, упоминалось, что Ростомъ убилъ властителя Туранцевъ (ӓмардта Турантv ӓлдарv [1]). Съ своей стороны высказываемъ догадку, что въ названіи

[1]) См. Осет. Этюды I. Введеніе, стр. 12.

города *Абрасетъ*, быть можетъ, мы имѣемъ послѣднее искаженіе имени Афрасіабъ, сванет. Афросуапъ.//

Разсмотрѣнные нами кавказскіе пересказы *двухъ* эпизодовъ изъ похожденій Рустема въ достаточной степени показываютъ, насколько сохраняются еще доселѣ иранскія эпическія сказанія на почвѣ Кавказа. Не смотря на рядъ искаженій и смѣшеній, даже въ жалкой осетинской сказкѣ о Ростомѣ и Безанѣ еще сквозитъ иранскій прототипъ. Мы прослѣдили на Кавказѣ измѣненія двухъ цѣльныхъ эпизодовъ изъ персидскаго эпоса, но *отдѣльныя* черты, занесенныя въ кавказскія сказки разныхъ народностей изъ того же источника, встрѣчаются весьма часто. Однако такіе отдѣльные сходные съ персидскими мотивы въ сказкахъ представляютъ уже второстепенный интересъ, въ виду того, что, при существованіи сходныхъ мотивовъ въ сказкахъ самыхъ различныхъ народностей, мы не всегда можемъ быть увѣрены, что та или другая черта заимствована именно изъ персидскихъ сказаній. Мы ограничимся поэтому лишь нѣсколькими примѣрами такихъ сказочныхъ мотивовъ, которые *могутъ* быть сведены къ персидскому эпосу.

Не меньшей популярностью, чѣмъ сюжетъ о борьбѣ Рустема съ сыномъ, пользуется въ Иранѣ и за его предѣлами разсказъ о борьбѣ Рустема съ *дивами*, особенно съ *Бѣлымъ* дивомъ, выдержанной имъ въ Мазендеранѣ. Отголоски нѣкоторыхъ эпизодовъ мазандеранскихъ похожденій Рустема сохранились въ одной обширной курдской сказкѣ, напечатанной въ курманджійскомъ текстѣ съ русскимъ переводомъ г. Егіазаровымъ [1]). Сказка, озаглавленная „Махмудъ-охотникъ, Озманъ-богатырь и Асадъ-воитель“, содержитъ среди обычныхъ сказочныхъ похожденій трехъ братьевъ (напр., борьба съ разными *дивами* съ цѣлью освобожденія похищенныхъ ими красавицъ) одинъ эпизодъ, живо напоминающій похожденіе Рустема съ Ауладомъ [2]).

Озманъ-богатырь во время своихъ странствованій доѣхалъ до одного луга и слѣзъ съ коня. Когда онъ сталъ его привязывать, то замѣтилъ группу всадниковъ. Послѣдніе, подъѣхавъ къ нему, сказали: „О безумный всадникъ! развѣ ты не слыхалъ, что даже птицы не пролетаютъ отъ страха надъ этимъ лугомъ, который принадлежитъ Зоръ-Асланъ-беку“. Озманъ просилъ ихъ оставить его въ покоѣ, но они потребовали, чтобы онъ явился къ ихъ властителю, и хотѣли его

---

[1]) См. Записки Кавказск. Отд. И. Р. Геогр. О-ва, кн. XIII, вып. 2-ой.

[2]) См. Экскурсъ III, стр 80 и слѣд.

схватить. Тогда богатырь, обнаживъ мечъ, однихъ ранилъ, другихъ убилъ, а остальные бѣжали и разсказали Зоръ-Аслану о случившемся. Разгнѣванный властитель пріѣхалъ на лугъ, разразился угрозами противъ Озмана и потребовалъ, чтобы онъ поцѣловалъ его стремя и сталъ его слугой. Озманъ отвѣчаетъ ему угрозами, и оба богатыря вступаютъ въ бой. Зоръ-Асланъ уже хотѣлъ было нанести Озману ударъ мечомъ, но тотъ схватилъ его за руку, вырвалъ у него мечъ, поднялъ его съ сѣдла, бросилъ на землю и *связалъ* ему руки и ноги. Зоръ-Асланъ молитъ о пощадѣ и обѣщаетъ съ своими слугами служить Озману. Дѣйствительно, онъ сообщаетъ ему о *Красномъ дивѣ*, похитившемъ дочь у Китайскаго царя Шаха Исмаила, и *показываетъ* къ нему дорогу. Озманъ побѣдилъ дива, отрубилъ ему голову, освободилъ царевну и привезъ ее въ городъ къ ея отцу. Царь выдалъ дочь за Озмана, а Зоръ-Аслана назначилъ *намѣстникомъ одной провинціи* (стр. 91—97 Отд. оттиска).

Сравнимъ съ приведеннымъ эпизодомъ то, что разсказываетъ Фирдоуси о Рустемѣ и Ауладѣ.

Отправившись въ Мазендеранъ, страну дивовъ, съ цѣлью освобожденія Кейкауса, Рустемъ достигаетъ красивой мѣстности, гдѣ рѣшается отдохнуть. Разнуздавъ коня, онъ приготовилъ себѣ на землѣ ложе изъ травы. Въ это время сторожъ поляны прибѣгаетъ съ крикомъ, ударяетъ Рустема палкой по ногамъ и ругаетъ его. Рустемъ вскочилъ и оборвалъ сторожу уши. Тотъ побѣжалъ къ властителю этой области, богатырю Ауладу, который въ то время охотился въ лѣсу съ своей дружиной, и сообщилъ ему о поступкѣ чужестранца. Разгнѣванный Ауладъ поскакалъ къ Рустему за объясненіемъ и съ угрозами спрашиваетъ его имя. Рустемъ отвѣчаетъ такими же угрозами и вступаетъ въ бой со всей дружиной Аулада. Онъ многихъ убилъ, многихъ ранилъ и обратилъ въ бѣгство всю дружину, настигъ Аулада и, *набросивъ на него арканъ*, стащилъ его съ коня на землю; затѣмъ онъ *связалъ* ему руки, объявилъ его своимъ плѣнникомъ, впрочемъ, обѣщалъ ему не только пощаду, но и вѣнецъ Мазендерана, если онъ будетъ служить ему вѣрнымъ проводникомъ въ странѣ дивовъ. Дѣйствительно, Ауладъ оказался вѣрнымъ проводникомъ: онъ сопровождалъ Рустема во время его битвъ съ дивомъ Арзенгомъ, съ *Бѣлымъ* дивомъ, съ царемъ мазендеранскимъ, предупреждая его о предстоящихъ встрѣчахъ, и за это былъ Рустемомъ награжденъ по заслугамъ. Когда по-послѣдній, окончивъ свои подвиги, освободилъ царя Кейка-

уса, то просилъ его, чтобъ онъ *назначилъ* Аулада царемъ Мазендерана. Кейкаусъ исполнилъ желаніе Рустема [1]).

Сходство разсмотрѣннаго эпизода курдской сказки съ эпизодомъ Рустеміады настолько близко въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ, что въ заимствованіи курдами этого сюжета у персовъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Замѣчу также, что въ той же курдской сказкѣ встрѣчается птица Рокъ, соотвѣтствующая персидскому Симургу, покровителю Рустема, и *Бѣлый* дивъ (Deve Spi—перс. Deve sefîd), самый страшный противникъ персидскаго Рустема.

Въ кавказскихъ сказаніяхъ нерѣдко богатырь-сынъ, не знающій своего отца, допытывается о немъ у матери подъ угрозой ее убить. Такъ осетинскій Батразъ (Батырадзъ) идетъ къ матери и угрожаетъ выжечь ея грудь раскаленнымъ желѣзомъ, если она не скажетъ ему правды объ отцѣ [2]). Съ угрозой же обращается къ матери Сохрабъ, чтобъ узнать, кто былъ его отецъ и гдѣ онъ находится [3]), и Дарабъ въ сказаніяхъ объ Александрѣ (Искандеръ-Намэ) [4]). Нѣкоторыя черты изъ иранскихъ сказаній о Ростомѣ, напримѣръ, сраженіе его съ *Бѣлымъ дивомъ*, сохранились въ удинской сказкѣ о Рустамѣ, [5]) но главное ея содержаніе не имѣетъ ничего общаго съ похожденіями иранскаго богатыря. Считая подобныя отдѣльныя аналогіи весьма мало доказательными, мы въ заключеніе коснемся другого вопроса: въ какое время могли быть занесены на Кавказъ отголоски эпическихъ сказаній Ирана и откуда можно ждать разъясненія тѣхъ послѣдовательныхъ измѣненій, которымъ они подверглись на почвѣ Кавказа?

Выше мы привели важное свидѣтельство Моисея Хоренскаго о томъ, что въ его время (V в.), когда Закавказье находилось подъ могущественнымъ вліяніемъ Сасанидовъ, эпическія сказанія Ирана и въ томъ числѣ „Рустеміада“ были извѣстны туземному населенію. Завоеваніе персами Дербенда въ VI в., занятіе горныхъ проходовъ и иранская колонизація восточной части Кавказа должны были еще болѣе содѣйствовать распространенію иранскихъ вѣрованій, миѳовъ, обычаевъ и эпическихъ сказаній. Въ областяхъ Закавказья, подчиненныхъ вліянію персовъ, героическія сказанія Ирана находятъ

---

[1]) Mohl—Livre des rois I 415—418, 448.
[2]) Сборн. св. о кавк. горцахъ, вып. V.
[3]) Mohl—o c. II 64.
[4]) См. Spiegel—Eranische Alterthumskunde, II p. 584.
[5]) См. Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказ. Вып. VI, 1888. Приложеніе, ст. 20—28.

для себя не менѣе благодарную почву, чѣмъ въ другихъ областяхъ обширной персидской монархіи, въ которой въ VI вѣкѣ являются первыя попытки къ собиранію историческихъ преданій, къ составленію такъ называемой „Книги царей". По извѣстному свидѣтельству Фирдоуси, царь Хесровъ Аноширванъ (531—578) отдалъ приказаніе собирать во всѣхъ областяхъ государства народныя преданія о древнихъ царяхъ и герояхъ и всѣ эти записи хранить въ дворцовой библіотекѣ. Эта работа была снова предпринята при послѣднемъ сасанидѣ Іездегердѣ III (632—651), приказавшемъ *дигкану* [1]) Данишверу, одному изъ наиболѣе родовитыхъ и свѣдущихъ людей при дворѣ въ Мадаинѣ, привести въ порядокъ записи, собранныя Аноширваномъ, и пополнить съ помощью *мобедовъ* (духовныхъ) встрѣчающіеся въ нихъ пробѣлы [2]). Сводъ, составленный Данишверомъ, былъ въ VIII в. уже переведенъ на арабскій языкъ гебромъ Рузбэ, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Абдалла Ибнъ-аль-Мокаффа, и этотъ переводъ (не дошедшій до насъ) носилъ названіе „Исторіи царей". Арабское завоеваніе Персіи не только не подавило, но, напротивъ, послужило къ возрожденію національнаго эпоса. Едва халифатъ начинаетъ обнаруживать признаки слабости, какъ въ Иранѣ поднимается сначала глухая, затѣмъ открытая реакція въ національномъ духѣ. Національные правители отдѣльныхъ областей Персіи стараются освободиться отъ политическаго вліянія Багдада: при ихъ дворахъ господствуетъ персидскій языкъ и оказывается покровительство національной литературѣ и преданіямъ старины съ политическою цѣлью—поднятія народнаго духа для борьбы съ халифатомъ. Уже основатель первой національной династіи (софаридовъ) на престолѣ Персіи Якубъ, сынъ Леиса, заботится о переводѣ съ пеглевійскаго на современный ему персидскій языкъ историческаго свода Данишвера и о пополненіи собранныхъ послѣднимъ матеріаловъ. Этотъ историческій трудъ, оконченный въ концѣ IX столѣтія и носившій обычное названіе „Книги царей", распространился въ многочисленныхъ спискахъ въ Хорасанѣ и Иракѣ. Не меньшимъ рвеніемъ къ собиранію матеріаловъ по исторіи и народному эпосу отличались дальнѣйшія персидскія династіи—Саманидовъ и Газневидовъ, а вѣкъ Махмуда (997—1030), 2-го царя династіи Газневидовъ, можетъ считаться золотымъ вѣ-

---

[1]) Подъ дигканами (dihkan) разумѣются члены высшаго земельнаго дворянства, производившіе себя отъ древнихъ національныхъ родовъ и дорожившіе поэтому народными преданіями.

[2]) См. Mohl—I. Предисловіе стр. V.

комъ эпической поэзіи Ирана. При его дворѣ собирается цѣлая плеяда даровитыхъ поэтовъ, и царь, страстный любитель національной литературы, поручаетъ тусскому пѣвцу, знаменитому Абулькасиму Мансуру, съ прозвищемъ *Фирдоуси*, великое дѣло созданія народной исторической поэмы, въ которой были бы поэтически обработаны преданія старины, начиная отъ древнѣйшихъ временъ.

Знаменитый поэтъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ отнесся къ своей работѣ. Онъ долго изучалъ все, что по части собиранія народныхъ историческихъ преданій было сдѣлано его предшественниками, самъ продолжалъ разыскивать родовыя преданія среди представителей древнихъ фамилій, и въ своемъ твореніи указываетъ для отдѣльныхъ сказаній, вошедшихъ въ его обработку „Шахъ-намэ", ихъ непосредственный источникъ, т. е. лица, отъ которыхъ онъ ихъ слышалъ. Извѣстно, что великая историческая поэма Фирдоуси получила для всего Ирана громадное значеніе: она до сихъ поръ въ глазахъ персіянъ является и неоспоримымъ историческимъ источникомъ, и высокимъ образцомъ эпической поэзіи. Художественная обработка массы мѣстныхъ родовыхъ преданій, высокій патріотизмъ автора, благоговѣніе предъ доблестью древнихъ героевъ—все это содѣйствовало подъятію національнаго самосознанія и съ новою силою пробудило въ персидскомъ обществѣ любовь къ народнымъ сказаніямъ. Успѣхъ Фирдоуси вызвалъ въ теченіе XI и части XII в. появленіе цѣлаго ряда подобныхъ же историко-эпическихъ поэмъ, которыя, на основаніи народныхъ преданій, поэтически разрабатывали біографіи отдѣльныхъ богатырей древности, иногда упоминаемыхъ „Книгой царей", иногда не захваченныхъ ею. Изслѣдователи персидской литературы упоминаютъ много такихъ рукописныхъ весьма обширныхъ поэмъ, сохраняющихся въ европейскихъ и восточныхъ библіотекахъ, напримѣръ: Гершаспъ-намэ (книга о богатырѣ Гершаспѣ), Самъ-намэ (о богатырѣ Самѣ, внукѣ Гершаспа), Джихангиръ-намэ (о Джихангирѣ, сынѣ Рустема), Фарамурзъ-намэ (о богатырѣ Фарамурзѣ), Бану-Гушаспъ-намэ (о дочери Рустема Бану-Гушаспѣ), Барзу-намэ (о Барзу, сынѣ Зораба), Бахманъ-намэ (Бахманъ—сынъ Исфендіара) и друг. [1]). Авторы большинства подобныхъ иногда весьма обширныхъ поэмъ пользуются народными историко-эпическими сказаніями, вплетая въ нихъ мотивы изъ фантастическихъ сказокъ, столь любимыхъ на востокѣ.

---

1) См. Mohl—I. Preface стр. LXII—LXXXI.

Это подавляющее богатство и разнообразіе эпическихъ сказаній Ирана дѣлаетъ понятнымъ то явленіе, что отголоски иранскаго эпоса звучатъ еще доселѣ далеко за предѣлами Персіи. Подвиги главныхъ иранскихъ богатырей уже рано становятся достояніемъ народныхъ сказаній въ Закавказьѣ, и персидскій эпосъ на ряду съ другими сторонами персидской культуры оказываетъ значительное вліяніе на разцвѣтающую при Багратидахъ грузинскую литературу. Такъ національный поэтъ Грузіи Шота Руставели заявляетъ, что онъ взялъ сюжетъ для своей поэмы (Барсова шкура) изъ персидскаго (см. строфа 16) и переложилъ его въ грузинскіе стихи „не сокращая и не умаляя рѣчи" (стр. 21). И хотя до сихъ поръ знатоки персидской литературы не нашли прототипа знаменитой грузинской поэмы, но вліяніе персидской поэзіи на Руставели представляется несомнѣннымъ. Хотя въ „Барсовой шкурѣ" въ женскихъ личностяхъ (Тинатинѣ, Нестанъ-Дареджанѣ) находятъ идеализированныя черты Тамары, къ которой, по преданію, Руставели пылалъ глубокою страстью, хотя въ этой поэмѣ природа, люди, обычаи—чисто грузинскіе, но главное содержаніе ея - любовныя похожденія героевъ, романическія приключенія, битвы, скитанія по разнымъ странамъ—Аравіи, Индіи, царству Морей, землѣ Каджовъ, письма съ назидательными размышленіями въ стилѣ Фирдоуси, которыя пишутъ другъ другу дѣйствующія лица, сравненія и эпитеты въ персидскомъ духѣ, упоминанія *дивовъ*, воззванія героя Автандила къ планетамъ (Сатурну, Юпитеру, Марсу, Венерѣ, Меркурію), сравненіе героевъ съ Рустемомъ и т. п.—все это ярко свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ былъ хорошо знакомъ съ произведеніями персидской поэзіи. Изъ того, что *до сихъ поръ* не найденъ персидскій прототипъ любовнаго сюжета „Барсовой шкуры", еще нельзя заключать, что такого прототипа не было, и убѣжденіе г. Чубинова (выраженное имъ въ предисловіи къ его изданію), что Руставели *не* заимствовалъ сюжета у восточныхъ писателей, кажется намъ преждевременнымъ [1]). Вообще историко-сравнительный методъ до сихъ поръ не былъ прилагаемъ къ произведеніямъ грузинской поэзіи, и это составляетъ для исторіи перехода восточныхъ

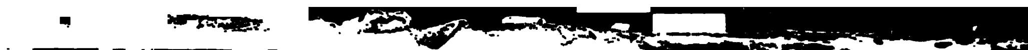
[1]) Руставели самъ говоритъ въ строфахъ 15 и 16: „Я, Руставели, своимъ искусствомъ созидаю это твореніе. Вотъ я хочу перевести по-грузински разсказъ *персидскій*, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки. Я ее нашелъ и переложилъ стихами, совершилъ дѣло достохвальное. Пусть дѣло рукъ моихъ смягчитъ горделивыхъ красавицъ". См. статьи г. Гулака—о „Барсовой кожѣ" Руставели—въ Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа IV стр. 129—187.

сказаній на Кавказъ существенный пробѣлъ, восполнить который должны изслѣдователи грузинской литературы. Они оказали бы немалую услугу для исторія литературнаго общенія востока съ западомъ, познакомивъ насъ подробно съ содержаніемъ тѣхъ многочисленныхъ рукописныхъ „исторій“ и „поэмъ“, которыхъ списки появлялись время отъ времени въ статьяхъ покойнаго академика Броссэ.

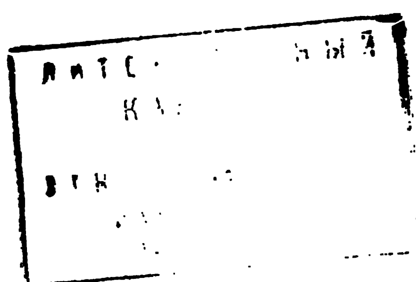
Отъ *иберистовъ* должно ожидать обстоятельнаго изслѣдованія и того вопроса, который мы могли только затронуть въ нашей статьѣ,—вопроса о переходѣ иранскихъ эпическихъ сказаній на Кавказъ. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ указаній Броссэ, что въ грузинской литературѣ существуютъ обработки „Рустеміады“ и эпизода о любви Бежана къ Мениже; [1]) и для насъ весьма важно было бы знать, въ какомъ отношеніи эти обработки находятся къ изложенію этихъ сюжетовъ у Фирдоуси и насколько грузинскія версіи иранскихъ сказаній были популярны въ обществѣ. Только послѣ такихъ предварительныхъ разысканій можно будетъ отвѣтить на другіе вопросы для рѣшенія которыхъ у насъ въ настоящее время нѣтъ матеріаловъ, именно: отражаются ли въ народныхъ кавказскихъ сказаніяхъ объ иранскихъ богатыряхъ грузинскія *литературныя* обработки или отголоски *устныхъ*, занесенныхъ на Кавказъ иранскихъ сказаній или, наконецъ, то и другое соединенно?

[1]) Такъ акад. Броссэ (Melanges Asiat. VIII p. 438) упоминаетъ исторію Ростома (Rostomiani), обработанную Хосро Турманидзе. См. о ней Compte rendu de l'Acad. pour 1837 p. 98, и исторію Бежана и Маниджаны (Bejaniani), напечат. въ Тифлисѣ въ 1875 г.

Stanford University Libraries
3 6105 009 170 411

M-6